

Н. А. Казакова

Русско-

ливонские

и русско-

ганзейские

отношения

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

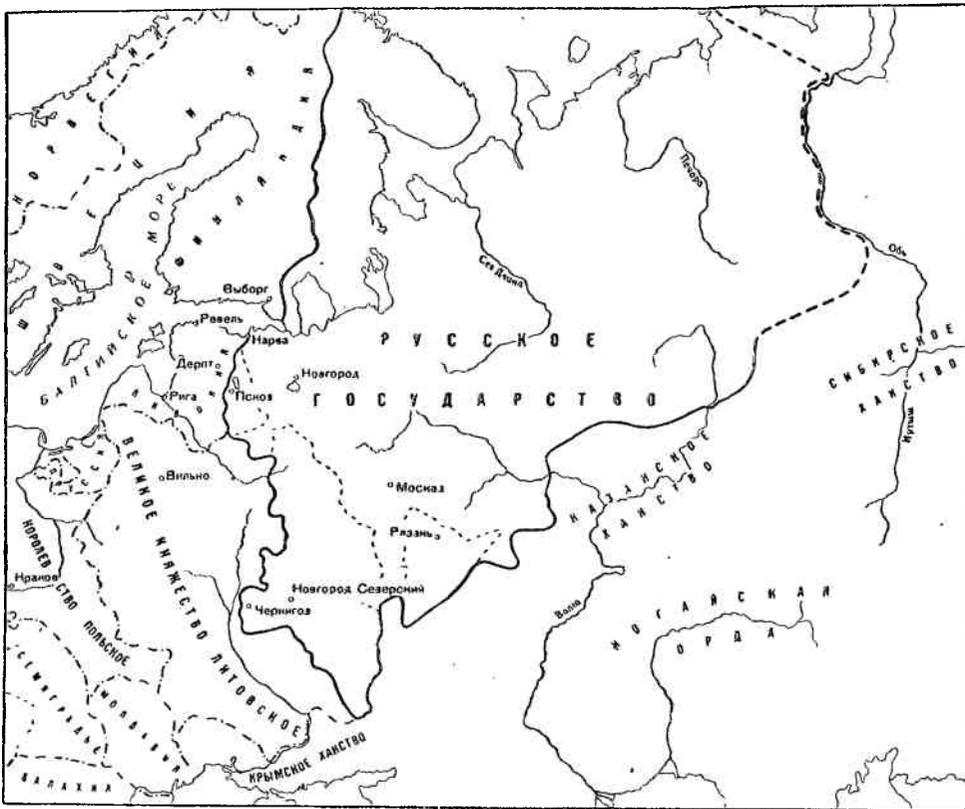
Н. А. Казакова

РУССКО-
ЛИВОНСКИЕ
И РУССКО-
ГАНЗЕЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

Конец XIV—начало XVI в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1975

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ЕГО СОСЕДИ
в конце XV — начале XVI в.

В монографии на основе совокупности русских и иностранных источников исследуется одно из основных направлений внешней политики России в период, когда происходило объединение русских земель и было создано единое Русское государство, — прибалтийская политика России. Показаны борьба русского народа с экспансией Ливонского ордена, сношения Новгорода, Пскова, а затем Русского государства с их основным торговым контрагентом на Западе — Ганзейским союзом, усиление международных позиций России в результате создания единого государства. Прибалтийская политика России рассматривается на фоне и в обусловленности международными отношениями в Восточной Европе и на Балтике.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс объединения русских земель и создания единого Русского государства протекал в трудных международных условиях: над Русью тяготело татарское иго, Великое княжество Литовское стремилось к расширению своей территории за счет русских земель, постоянным очагом военных конфликтов был Ливонский орден. Сложное положение существовало и в сфере внешних экономических связей. Ослабление Руси в результате татарского завоевания, с одной стороны, и господство Ганзы в торговле на Балтийском море — с другой, привели к тому, что внешняя торговля русских земель с Западом оказалась в руках Ганзейского союза. Достигнуть политической и экономической независимости русский народ мог только в напряженной военной и дипломатической борьбе.

Между тем внешняя политика России в этот ответственный период ее истории изучена еще недостаточно. Обобщающие труды, основанные на совокупности русских и иностранных источников, отсутствуют не только по истории внешней политики России XIV—начала XVI в. в целом, но и по истории отдельных ее направлений. Актуальность создания таких трудов очевидна.

Настоящая работа посвящена изучению одного из основных направлений внешней политики России конца XIV—начала XVI в. — прибалтийской политике. Борьба с экспансией Ливонского ордена и вопросы торговых сношений с ливонскими городами занимали важное место во внешней политике Новгорода и Пскова, а со второй половины XV в. — Русского государства. Но сношения русских земель с Ливонией тесно переплелись со сношениями их с Ганзейским союзом, ибо через территорию Ливонии проходили пути русско-ганзейской торговли, а ливонские города являлись членами Ганзы. Поэтому в работе наряду с ливонской политикой Новгорода и Пскова, а затем Русского государства исследуется их ганзейская политика (торговая политика в отношении Ганзы¹), причем последняя рассматривается как составная часть внешней политики России.

Хронологические рамки работы определяются рубежами в развитии русско-ливонских и русско-ганзейских отношений. На грани

¹ Другие аспекты русско-ганзейских отношений не рассматриваются.

XIV—XV вв. происходит активизация торговой политики Новгорода и Пскова, имевшая целью содействие местному купечеству, в конце XIV в. начинается подготовка к новому наступлению Ливонского ордена на русские земли; отмеченные явления обусловили выбор конца XIV в. в качестве начального этапа исследования. Его конечный рубеж составляют русско-ливонский договор 1509 г. и русско-ганзейский договор 1514 г., так как эти договоры, подводя итог многовековому развитию русско-ливонских и русско-ганзейских отношений, определили их статус на всю первую половину XVI в., вплоть до 50-х годов, когда правительство Ивана IV поставило вопрос о получении для России выхода к Балтийскому морю путем овладения ливонскими портами.²

Изысканиями в области русско-ливонских и русско-ганзейских отношений автор начала заниматься еще в аспирантские годы, когда ею под руководством проф. Сигизмунда Натановича Валка была написана кандидатская диссертация «Сношения Новгорода с Ливонией и Ганзой в конце XIV и в первой половине XV в.» (1946 г.). В последующие годы, переключившись на другие области исторического исследования, автор время от времени возвращалась к своей первоначальной теме и разрабатывала ее отдельные сюжеты.

Продолжить и завершить многолетние разыскания в области русско-ливонских и русско-ганзейских отношений в период, на который приходится значительный этап объединения русских земель и создание единого Русского государства, автор сумела лишь в стенах Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

Автор сердечно благодарит сотрудников группы истории СССР периода феодализма и группы всеобщей истории Ленинградского отделения Института истории СССР за товарищескую критику и помощь во время работы над темой. Особенно глубокую признательность автор приносит Игорю Эриховичу Клейнбергу, к советам которого она прибегала при интерпретации ливонских и ганзейских источников.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Первые специальные работы по вопросам русско-ганзейских отношений, работы М. Славянского, И. Андреевского, Н. Г. Ризенкампа, появившиеся в середине XIX в., в настоящее время имеют лишь историографический интерес. Авторы этих трудов, основывавшиеся на ограниченном круге опубликованных источников, давали самый общий и краткий очерк истории немецкого двора в Новгороде, торговли русских

² В предлагаемой работе употребляются географические названия, читающиеся в источниках исследуемой темы.

с ганзейцами и положения иноземных купцов на Руси.¹ Вышедший в 1862 г. труд Э. Боннеля, посвященный русско-ливонским отношениям, не был исследованием в точном смысле слова: он представлял собой расположенную в хронологическом порядке сводку известий из русских и ливонских источников, снабженную комментариями. К тому же интересующего нас времени — конец XIV—начало XVI в. — Э. Боннель почти не затрагивал, так как заканчивал свою работу 1410 годом.²

Необходимой предпосылкой углубленного исследования истории русско-ливонских и русско-ганзейских отношений явилась публикация исторических источников в XIX—начале XX в. В первой половине XIX в. были изданы важнейшие нарративные источники, касающиеся интересующей нас темы: это прежде всего новгородские и псковские летописи, вышедшие в составе первых томов «Полного собрания русских летописей»,³ а также ливонские хроники, опубликованные в двух сериях: «*Monumenta Livoniae Antiquae*» (t. I—V, 1835—1847) и «*Scriptores rerum Livonicarum*» (t. I, 1853; t. II, 1848). Первая публикация наряду с хрониками содержала и документы. Из документальных изданий отметим «Акты, относящиеся к истории Западной России», первый том которых (СПб., 1848) включает тексты отдельных русско-ливонских договоров XV в.

С середины XIX в. начинается интенсивное издание документальных источников, хранящихся в прибалтийских архивах. Для предварительного ознакомления с ними большое значение имел составленный К. Напьерским «*Index corporis historici-diplomatici Livoniae, Estoniae et Curoniae*» (т. I—II, 1833—1835), включающий регесты документов Кенигсбергского архива. В 1868 г. по-смертно был издан подготовленный К. Напьерским сборник грамот по истории русско-ливонских отношений — «Русско-ливонские

¹ Славянский М. Историческое обозрение торговых отношений Новгорода с Готландом и Любеком. СПб., 1847; Riesenka mpf N. G. Der Deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiljewitsch III. im Jahre 1494. Dorpat, 1854; Андреевский И. Е. О правах иностранцев в России до вступления Ивана III Васильевича на престол Великого княжества Московского. СПб., 1854. — Для своего времени имел значение раздел книги Г. Ф. Сарториуса, содержащий очерк устройства пемецкого двора в Новгороде и торговли новгородцев с ганзейцами, поскольку это исследование истории Ганзы было основано в значительной степени на впервые опубликованных автором источниках (Sartorius G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse. Hrsg. von S. M. Lappenberg. Bd. I—II. Hamburg, 1830). В дальнейшем освещения вопросов истории русско-ливонских и русско-ганзейских отношений в общих трудах по истории Ганзы, Прибалтики, России, Новгорода и Пскова мы касаться не будем, ограничиваясь только рассмотрением специальной литературы. Поскольку в русско-ганзейских отношениях нас интересуют в первую очередь вопросы торговой политики, постольку ряд работ, трактующих чисто экономические вопросы, мы затрагивать не будем.

² Bonnel E. Russisch-livländische Chronographie von der Mitte des IX. Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862.

³ ПСРЛ, т. III, СПб., 1841; т. IV, СПб., 1848; т. V, СПб., 1851.

акты». Дополнением к сборнику являются «Отчеты о разысканиях в Рижском и Ревельском архивах по части русской истории Г. Гильдебранда»,⁴ в которые автор включил опись 100 документов из Рижского архива и 662 документов из Ревельского архива. В 1894 г. под редакцией А. Барсукова были изданы русские акты Ревельского городского архива XV—XVII вв. (РИБ, т. XV. СПб., 1894); издание насчитывает 137 актов. Дополняет издание А. Барсукова публикация А. Чумикова «Неизданные русские акты XV—XVI вв. Ревельского городского архива» (ЧОИДР, 1897, кн. 2). Особенно важно было как для изучения истории Ливонии в целом, так и русско-ливонских и русско-ганзейских отношений начатое Ф. Бунте в 1853 г. печатание ливонских актов — «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch»; 15 томов этого издания, прерванного первой мировой войной, включают документальные источники с конца XII в. по 1510 г.⁵ Известия по истории русско-ливонских и русско-ганзейских отношений содержат также изданные в 1907—1938 гг. протоколы и акты ливонских сословных собраний.⁶ Отдельные источники, важные для интересующей нас темы, печатались в сборниках «Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands» (Bd. I—VII, 1842—1861).⁷

В 70-х годах в Германии сначала Историческая комиссия при Мюнхенской академии наук, затем созданное в 1870 г. Ганзейское историческое общество начали издавать ганзейские документы. Были предприняты две монументальные многотомные публикации, содержащие рецессы (резюме происходивших обсуждений и принятых постановлений) ганзейских съездов, а также различные документы и грамоты ганзейских городов — «Hanserecesse» и «Hansisches Urkundenbuch». В 1911 г. В. Шлютер осуществил критическое издание скры — устава немецкого двора в Новгороде, включающее все редакции.⁸

⁴ Приложение к XXIX тому «Записок Академии наук», № 3. СПб., 1877.

⁵ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, Bd. I—XII, 1853—1910; 2-te Abt. Bd. I—III, 1900—1914.

⁶ Akten und Recesse der livländischen Ständetage, Bd. I, Lief. 1, 1907; Lief. 2—7, 1923—1933; Bd. II, Lief. 1—2, 1934—1938; Bd. III, Lief. 1—6, 1908—1910.

⁷ Более полный обзор изданий источников по истории Прибалтики см.: Зейд Т. Я. Характеристика изданий письменных источников по истории феодализма в Латвии. — В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970, с. 345—362.

⁸ Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256—1430, Bd. I—VIII, 1870—1897; Zweite Abteilung — von 1431—1476, Bd. I—VII, 1876—1892; Dritte Abteilung — von 1477—1530, Bd. I—IX, 1881—1913; Hansisches Urkundenbuch, Bd. I—XI, 1876—1916; Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen von XIII. bis XVII. Jahrhundert... Hrsg. von W. Schlüter. Dorpat, 1911. — Публикации делопроизводственных материалов (книги таможенные, торговые и т. д.) мы не называем, так как для избранного нами аспекта исследований русско-ганзейских отношений (торговая политика) они интереса не представляют.

Из русских изданий второй половины XIX—начала XX в. для нашей темы представляют интерес тома «Полного собрания русских летописей», содержащие московские летописные своды,⁹ и пятый том «Собрания государственных грамот и договоров» (СПб., 1894), где были изданы тексты русско-ливонских и русско-ганзейских договоров XVI в.

Благодаря указанным публикациям в научный оборот был введен огромный фонд источников по истории русско-ливонских и русско-ганзейских отношений, на основе которого во второй половине XIX в. началось углубленное исследование русско-ганзейских отношений и в начале XX в. — русско-ливонских отношений интересующего нас периода.

Во второй половине XIX в. ведущая роль в исследовании русско-ганзейских отношений принадлежала русским ученым. В 1879 г. вышла книга М. Н. Бережкова «О торговле Руси с Ганзой до конца XV в.». Автор дает обзор торговли в широких масштабах: он рассматривает торговые сношения с Ганзой и Новгородом, и Полоцка, истории ганзейско-русской торговли предпосылает очерк торговли Руси в доганзейскую эпоху. Как заметил А. И. Никитский,¹⁰ такая широкая постановка темы имеет то положительное значение, что дает возможность обозреть целое, но в то же время она препятствует разработке отдельных вопросов, в частности о характере торговли, о степени активности русских купцов. Вследствие недостаточной разработки этих тем в книге М. Н. Бережкова сохранилось высказанное еще первыми историками Ганзейского союза мнение об отсутствии ограничений деятельности ганзейских купцов в Новгороде.¹¹ Недостатком работы М. Н. Бережкова является и то, что конкретную историю новгородско-ганзейских отношений он дает без показа той определенной политики, которая скрывалась за внешне случайным сцеплением событий, и эта история превращается у него в бесцельные чередования враждебных столкновений, ссор, примирений.

Определенные цели М. Н. Бережков усматривает лишь в действиях Ивана III. По мнению Бережкова, Иван III «хотел снискаться с этой Европой без тех препятствий, какие представлялись со стороны Ганзы и ливонских городов; он хотел отучить Ганзу вмешиваться на будущее время в политику и принимать сторону его врагов Швеции и Ордена; его намерением отнюдь не было прекращение торговли немцев в Новгороде: он предлагал только

⁹ ПСРЛ, т. VI—XIII, 1853—1906; т. XVIII, 1913; т. XX, 1910—1914.

¹⁰ [Рец. на кн.:] Никитский А. И. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. Сочинение М. Бережкова. СПб., 1879. — Отчет о 22-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1880 (Приложение к 37-му тому «Записок Академии наук», с. 2—7).

¹¹ Там же, с. 7—8; см. также: Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века, с. 10; Sartorius G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse, Bd. I, S. 108—157.

торговать там на его княжеской воле и, конечно, не мог не обращать внимания на такие отживавшие права немцев, как право беспошлинной торговли». ¹² К сожалению, эта во многом правильная (как мы постараемся показать далее) мысль М. Н. Березкова не подкреплена в книге детальным анализом русско-ганзейских отношений времени Ивана III. Для историка, не занимавшегося специально в архивах ганзейских городов, такой анализ в то время был невозможен, так как многие ганзейские документы, относящиеся к концу XV в., еще не были опубликованы. Следует отметить, что ценность работы М. Н. Березкова снижается из-за ее описательного характера.

В ином плане, нежели книга М. Н. Березкова, построен очерк торговли Новгорода с Западом в «Истории экономического быта Великого Новгорода» А. И. Никитского, вышедший уже после смерти автора в 1893 г. А. И. Никитский рассматривает новгородско-немецкую торговлю как бы в статическом разрезе: он дает характеристику торговых отношений, истории их у него нет. Большой заслугой А. И. Никитского является то, что он первый обратил внимание на меры, к которым прибегали новгородцы для ограничения деятельности ганзейцев в своих владениях: закрепление за своими подданными права на перевозку ганзейских товаров, артельный характер деятельности лиц, занимающихся этой перевозкой, запрещение торговли ганзейцев с гостями и т. д. А. И. Никитский подчеркнул также торговую активность новгородцев, отметил развитие их торговли в Ливонии, Финляндии, Швеции. Минусом работы А. И. Никитского, как заметил еще А. С. Лаппо-Данилевский, является выпадение вопросов экономической политики, а также отсутствие указаний на связь между экономическим строем Новгорода и его политикой. ¹³

Рассмотрению политики Ивана III по отношению к Ганзе А. И. Никитский уделяет мало места. В отличие от М. Н. Березкова он считает, что с водворением в Новгороде московских порядков в сферу русско-ганзейской торговли было внесено «весьма немного» нового; с его точки зрения, мероприятия московского времени в этой области «клопились не более как к улучшению старины». Что касается закрытия немецкого двора в 1494 г., то оно, по мнению А. И. Никитского, не было обусловлено политикой Ивана III, а представляло собой один из обычных в истории русско-ганзейских сношений конфликтов, когда ганзейские купцы в Новгороде арестовывались в ответ на насилия, чиненные русским купцам на чужбине. А. И. Никитский утверждает, что ганзейская торговля в Новгороде прекратилась по причинам совершенно иного порядка: 1) соперничество городов внутри Ганзей-

¹² Березков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века, с. 264.

¹³ Лаппо-Данилевский А. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI—XV вв. СПб., 1895, с. 8—9.

ского союза, приведшее к отстранению от торговли с Русью различных групп городов; 2) развитие торговой деятельности самих новгородцев за границей, прежде всего в Ливонии; 3) перемещение торговых путей из Балтийского моря в Атлантический океан; 4) соперничество Нидерландов и Англии, открывших себе доступ к Северному морю.¹⁴

Общий труд по истории русско-ганзейских отношений появился во второй половине XIX в. и на немецком языке. Мы имеем в виду книгу А. Винклера «Немецкая Ганза в России».¹⁵ Ввиду небольшого объема книги и ее чрезвычайно широких хронологических рамок (от XII в. до Петра I) автор сумел дать лишь самый общий очерк истории русско-ганзейских отношений. С точки зрения введения в научный оборот новых материалов представляет интерес появившаяся в 1871 г. статья Г. Гильдебранда о ганзейском посольстве в Новгород 1494 г., во время которого произошло закрытие немецкого двора.¹⁶ Статья написана на основе тогда еще не опубликованных отчетов дерптского и ревелского послов, хранившихся в архиве Ревеля.

В первые десятилетия XX в. ведущая роль в разработке вопросов русско-ганзейских отношений переходит к немецким и прибалтийско-немецким историкам. Р. Гаусман и П. Остен-Сакен в своих работах проследили возрастание влияния ливонских городов на жизнь новгородской ганзейской конторы, следствием чего явился переход руководства конторы в руки ливонских городов.¹⁷ П. Остен-Сакен во второй работе дал очерк торговли Ганзы с Псковом до середины XV в. В. Шлютер, осуществивший критическое издание скры, опубликовал также ее источниковедческое исследование.¹⁸

Очерк русско-ганзейских торговых сношений имеется и в двухтомной работе Э. Денеля о Ганзе эпохи ее расцвета, написанной для конкурса на лучшую работу по истории Ганзы этого периода (1370—1474). В очерке история новгородско-ганзейской торговли дается на широком фоне политических и экономических связей Ганзы. И это его достоинство. Оно является и недостатком, ибо исключает возможность глубокого изучения отдельных вопросов

¹⁴ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 283—284, 288—293.

¹⁵ Winckler A. Die deutsche Hansa in Russland. Berlin, 1886.

¹⁶ Hildebrand H. Die hansisch-livländische Gesandtschaft des Jahres 1494 nach Moskau und die Schliessung des deutschen Hofes zu Nowgorod. — Baltische Monatsschrift, Bd. 20, N. F., Bd. 2. Riga, 1871, S. 115—136.

¹⁷ Hausmann R. Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod. — Baltische Monatsschrift, Bd. 46, H. 10—11, Riga, 1904; Osten-Sacken P. Der Kampf der livländischen Städte um die Vorherrschaft im Hansekontor zu Nowgorod bis 1442. — Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands, Bd. 7, H. 3—4, 1912.

¹⁸ Osten-Sacken P. Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des XV. Jahrhunderts. — Beiträge zur russischen Geschichte. Berlin, 1907; Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in ihrer geschichtlichen Entwicklung vom 13. bis zum 17. Jh. Dorpat, 1911.

новгородско-ганзейской торговли. Э. Денель останавливается на характере взаимоотношений между ганзейцами и новгородцами и здесь допускает тенденциозное утверждение, что одной из причин неустойчивости отношений между Новгородом и ганзейским купечеством являлись «перазвитое чувство права и низкая моральная дисциплина русских». Что касается закрытия ганзейского двора в Новгороде Иваном III, то оно, по мнению автора, было обусловлено тем, что Русское государство «хотело уничтожить все, что могло иметь значение для вновь подчиненного города», и с этой целью «раздавило сначала русское, а потом немецкое купечество в Новгороде».¹⁹

Названные исследования прибалтийско-немецких и немецких историков в области новгородско-ганзейской торговли или близко связанных с нею вопросов как бы завершаются двумя капитальными трудами Л. Гетца — «Немецко-русские торговые договоры средневековья» и «История немецко-русской торговли в средние века». В известном смысле работы Л. Гетца подвели итог изучению в конце XIX—начале XX в. истории немецко-русской торговли вообще, ибо автор опирался не только на немецкую, но и на русскую литературу вопроса, в частности на работы М. Н. Березкова и А. И. Никитского.

Первый труд Л. Гетца, содержащий подробный анализ немецко-русских торговых договоров, не является только источниковедческим. Благодаря обширному комментарию, включающему известия из различных источников и вводящему договоры в общую цепь торговых отношений, содержание работы гораздо шире ее названия. По словам автора, «комментарии к договорам являются частью самой истории торговли».²⁰

Во второй работе Л. Гетц рассматривает историю немецко-русской торговли во всех ее аспектах. Это исследование Л. Гетца, как и предыдущее, делится на два отдела: один посвящен новгородской торговле, другой — двинской. Каждый из отделов в свою очередь распадается на две части: хронологическую и систематическую. В хронологической части первого отдела Л. Гетц излагает историю новгородско-ганзейских торговых отношений с момента их зарождения и до закрытия немецкого двора Иваном III. Главным вопросом этой части является вопрос о последовательной смене в руководстве новгородской торговлей трех сил — Висби, Любека, ливонских городов. В систематической части автор подробно исследует вопрос о поездках купцов, о предметах торговли, способах ее и т. д.

Вероятно, под влиянием знакомства с «Историей экономического быта Великого Новгорода» А. И. Никитского Л. Гетц отходит от присущего немецким историкам взгляда на роль Нов-

¹⁹ Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse, Bd. I. Berlin, 1905, S. 104—105; Bd. II. Berlin, 1906, S. 267—268.

²⁰ Goetz L. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916, S. 8.

города в ганзейско-русской торговле как на роль чисто пассивную. Он указывает на средства, которыми новгородцы пользовались для ограничения деятельности ганзейцев в пределах своей земли, в частности на монополию при перевозке ганзейских товаров. Л. Гетц отмечает далее усиливающуюся в начале XV в. активность торгового мореплавания новгородцев.²¹ Однако, отмечая проявление активности новгородцев, Л. К. Гетц проблемы торговой политики Новгорода не ставит и, следовательно, не дает ее исследования. Закрытие немецкого двора в Новгороде Л. К. Гетц рассматривает как следствие уничтожения Иваном III торговли новгородского купечества и стремления великого князя сосредоточить торговлю с Западом в руках Москвы.²²

Из зарубежных работ последних десятилетий истории русско-ганзейских отношений посвящены статьи П. Йоханзена «Новгород и Ганза» и «Ганзейская торговля с Россией, особенно с Новгородом, в критическом рассмотрении». Первая статья П. Йоханзена носит очерковый характер. В ней дается общий обзор истории Новгорода, организации ганзейской общины в Новгороде, немецко-русских культурных связей XV в., и в заключении автор останавливается на периоде упадка ганзейской торговли в Новгороде (конец XV—начало XVII в.).²³ Как отмечалось в советской литературе, историческим взглядам П. Йоханзена свойственно присущее ряду немецких историков преувеличение роли Ганзы в истории как Прибалтики, так и севера Европы в целом.²⁴ Эта черта концепции П. Йоханзена проявляется и в рассматриваемой работе: автор ставит акцент на культуртрегерскую роль Ганзы, на культурное влияние Запада, проводником которого в Новгороде было, по мысли автора, ганзейское купечество. В следующей статье П. Йоханзен анализирует два вопроса: об относительном значении восточно-западной торговли для Ганзы и России и о балансе и характере ганзейской торговли с русским востоком. Он считает, что товарообмен между Западом и Востоком в раннее средневековье не был вызван необходимостью, так как обменивались лишь предметы роскоши (меха, воск для свечей — с русской стороны, сукна, ценные изделия — с ганзейской),²⁵ и

²¹ Goetz L. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 243—244, 221—222.

²² Там же, с. 186—187.

²³ Johansen P. Nowgorod und die Hanse. — In: Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Gedächtnisschrift für Fritz Rösig. Lübeck, 1953, S. 121—142.

²⁴ [Рец. на кн.:] Хорошкевич А. Л. Fr. Benninghoven. Rigas Entstehung und die frühansische Kaufmann. Hamburg, 1961. — История СССР, 1962, № 6, с. 194; см. также: Johansen P. Die Bedeutung der Hanse für Livland. — HGBI, Jg. 65/66, 1941, S. 1—55.

²⁵ П. Йоханзен забывает при этом, что поставщиками продуктов для внешней торговли в России являлись крестьяне, на Западе — ремесленники и что таким образом русско-ганзейская торговля затрагивала не только высшие классы. Связь западной торговли Новгорода с его общим эконо-

что удельный вес массовых товаров начинает возрастать в русско-ганзейской торговле лишь с конца XIV в. Рассматривая второй сюжет, П. Йохансен отмечает, что вопрос о торговом балансе русской и ганзейской сторон для XII—XV вв. решить нельзя из-за отсутствия источников; при этом автор подчеркивает, что активная заморская торговля новгородцев с конца XIII в. почти прекратилась (попытки восстановления ее на Балтийском море были неудачны), и в силу того, что немцы доставляли новгородцам товары, торговля новгородцев стала пассивной, в то время как торговля ганзейцев сохраняла активный характер.²⁶

Разработка вопросов истории русско-ливонских отношений конца XIV—начала XVI в. была связана в первые десятилетия XX в. также с именами прибалтийско-немецких и немецких историков.

П. Остен-Сакен, две работы которого о русско-ганзейских отношениях XIV—XV вв. мы уже назвали, написал обстоятельное, подчас скрупулезное исследование о русско-ливонских отношениях в период правления великого князя Литовского Витовта.²⁷ С. Фегезак изучил историю посольств ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга в Новгород и к Ивану III, имевших целью урегулирование русско-ганзейского конфликта и открытие немецкого двора.²⁸ Работы К. Штерна посвящены изучению русско-ливонской границы и изменений, которым она подвергалась в XV в., а также исследованию псковско-дерптских отношений XV—начала XVI в.²⁹ Г. Козак написал серию статей, в которых рассмотрел русско-ливонские отношения 70-х—начала 90-х годов XV в.³⁰

мическим развитием убедительно показана А. Л. Хорошкевич (Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963).

²⁶ Johansen P. Der hansische Russlandhandel insbesondere nach Nowgorod, in kritischen Betrachtung. — In: Die deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West. Köln, 1963.

²⁷ Osten-Sacken P. Livländisch-russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen (1392—1430). Riga, 1908.

²⁸ Fegesack S. Die Gesandtschaften W. von Plettenbergs an den Grossfürsten von Moskau in den J. 1494—1497. — Baltische Monatsschrift, Bd. 75, H. 5, 1913.

²⁹ Stern C. 1) Livlands Ostgrenze im Mittelalter von Peipus bis zur Düna. — Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Bd. 23, Riga, 1924—1926; 2) Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert. — Baltische Monatsschrift, Jg. 1937, H. 2; 3) Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 5 Jg., H. 3/4, Breslau, 1940; 4) Der Separatvertrag zwischen Pleskau und dem Stift Dorpats vom 25. März 1509. — Mitteilungen aus der Baltischen Geschichte, 1, 3. Riga, 1939.

³⁰ Cosack H. 1) Zur Geschichte der auswärtigen Verwicklungen des Ordens in Livland 1478—1483. — Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte, Berlin, 1914; 2) Zur auswärtigen Politik des Ordensmeisters Wolthus von Herse. — HGBI, Jg. 42, 1915; 3) Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag. — HGBI, 48. Jg., Bd. XXVIII, 1923; 51. Jg., Bd. XXXI, 1927; 52. Jg., Bd. XXXII, 1928.

Р. Кентманн посвятила свою монографию русско-ливонским отношениям конца XV—начала XVI в.³¹

В последние десятилетия к изучению русско-прибалтийских отношений обратилась скандинавская и американская историография. В работах шведских историков А. Атмана и С. Свенсона о русско-балтийских отношениях XVI в. имеются экскурсы в область русско-ганзейских и русско-ливонских отношений конца XV—начала XVI в. Их касаются и американские исследователи: В. Кирхнер в обобщающем труде о торговых сношениях России с Западной Европой в XV—XVIII вв. и Т. Эспер в статье «Россия и Балтика 1494—1558».³² И шведские, и американские ученые отмечают стремление России на рубеже XV—XVI вв. к развитию торговли русского купечества на Балтике и особенно в Ливонии. Однако в силу поставленных авторами широких задач формулировка этого тезиса не сопровождается развернутым исследованием, основанным на всей совокупности источников.

Дворянско-буржуазной историографии первой половины XIX в. и особенно буржуазной историографии второй половины XIX и XX в. принадлежит большая заслуга в деле разыскания, публикации и введения в научный оборот огромного фонда источников по истории русско-ливонских и русско-ганзейских отношений. Представители буржуазной историографии создали, как уже отмечалось, обобщающие труды о русско-ганзейской торговле и ряд специальных исследований по отдельным вопросам русско-ливонских и русско-ганзейских отношений конца XIV—начала XVI в.

Однако в силу того, что изучение русско-ливонских и русско-ганзейских отношений находилось преимущественно в руках немецких и прибалтийско-немецких историков, в центре внимания буржуазной историографии стояли в первую очередь Ганза и Ливония, их политика, отношение к русской торговле различных групп городов Ганзейского союза, деятельность магистров Ливонского ордена. Политика России (Новгорода, Пскова, а затем Русского государства) либо совсем не освещалась, либо освещалась в меньшей степени. Характерной чертой построений буржуазной историографии является также представление о пассивной роли Новгорода и Пскова в русско-ганзейских торговых отношениях; благодаря этому взаимоотношения русских земель с Ганзой выпадали из той общен исторической закономерности, которая была установлена буржуазной историографией для развития взаимоотношений Ганзы с другими европейскими странами: на определенном этапе

³¹ K e n t m a n n R. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik. 1494—1514. Reval [s. a.].

³² Attman A. Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik 1558—1595. Lund, 1944; Svensson S. Den merkantila bakgrunden till Rysslands anfall på den livländska Ordensstaten 1558. Lund, 1951; Esper Th. Russia and the Baltic 1494—1558. — Slavic Review, v. XXV, № 3, 1966; Kirchner W. Commercial relations between Russia and Europe 1400 to 1800. — Russian and East European series, v. 33. Bloomington, 1966.

в европейских государствах, контрагентах Ганзы (Дании, Англии, Нидерландах), началась борьба против преобладания ганзейцев в области внешней торговли. Для русских же земель подобный процесс не констатировался.

Широко распространен в буржуазной историографии, особенно в прибалтийско-немецкой, тезис о «русской угрозе», нависшей над Ливонией с конца XV в. Предельно яркое выражение этот тезис получил в работе Р. Кентманн, согласно концепции которой ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг начал в 1501 г. войну с Россией для того, чтобы предотвратить нападение последней на Ливонию. Некоторые авторы тезис о «русской угрозе» склонны распространять и на более раннее время; так, К. Штерн считает возможным в работе, посвященной псковско-дерптским отношениям середины XV в., писать об агрессивности псковичей, об их аннексионистских устремлениях в отношении земель Дерптского епископства.³³

Работам представителей буржуазной историографии о русско-ливонских и русско-ганзейских отношениях тоже свойственна присущая буржуазной историографии в целом тенденция игнорировать взаимосвязь между внешней политикой и внутренним состоянием изучаемых стран, поэтому внешняя политика России, Ливонии и Ганзы конца XIV—начала XVI в. рассматривалась без связи или без достаточной связи с их внутренним положением и уровнем социально-политического развития.

Значительный вклад в изучение русско-ливонских и русско-ганзейских отношений внесен советской историографией. В советское время продолжалась публикация источников, содержащих известия о русско-ливонских и русско-ганзейских отношениях конца XIV—начала XVI в.: вышли очередные тома «Полного собрания русских летописей», включающие ранее не издававшиеся московские летописные своды,³⁴ новое издание Новгородской четвертой летописи,³⁵ а также подготовленные А. Насоновым на основе изучения всей рукописной традиции новые издания псковских летописей и Новгородской первой летописи.³⁶ Под редакцией С. Н. Валка была осуществлена публикация новгородских и псковских грамот, в состав которой входят и договоры с Ганзой и Ливонией, а также грамоты Новгорода и Пскова ганзейским и ливонским городам.³⁷

Советская историография при анализе внешней политики государства исходит из марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, в частности из положения

³³ Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt, S. 73; Stern C. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463, S. 373—374.

³⁴ ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949; т. XXVII, М.—Л., 1962; т. XXVIII, М.—Л., 1963.

³⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, Пгр., 1915; вып. 2, Л., 1925; вып. 3, Л., 1929.

³⁶ Псковские летописи, вып. I, М.—Л., 1941; вып. II, М., 1955; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

³⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.

о зависимости внешней политики от уровня социально-экономического развития изучаемых стран. Большое значение для исследования истории русско-прибалтийских отношений имеют принятые в советской исторической науке положения 1) о Новгороде и Пскове как о боярских республиках, о централизованном государстве как об определенном этапе в развитии феодальной России; 2) о Ливонии как о феодально-колониальном государстве, руководящая роль в котором принадлежала Ордену — духовно-рыцарской организации, созданной для завоевания и насильственного распространения католицизма; 3) о Ганзе как о типично средневековом союзе городов, против торговой монополии которого на Балтике была неизбежной борьба национальных купечеств и правительств формирующихся централизованных монархий. Эти положения позволяют глубже заглянуть во взаимоотношения главных действующих сил — России, Ливонии и Ганзы — и лучше понять характер их политики, ее основные направления и движущие мотивы.

Специальная разработка истории русско-прибалтийских отношений интересующего нас периода — конца XIV — начала XVI в. — началась в советской историографии после Великой Отечественной войны.

М. П. Лесников в своих работах изучил вопросы об уровне цен, характере торговой деятельности ливонского купечества и Тевтонского ордена, особенностях балтийско-нидерландской торговли и т. д. Представляет интерес, хотя и является спорным, выдвинутый М. П. Лесниковым тезис о незначительности прибылей ганзейцев от торговли с русскими землями вследствие ничтожно малой разницы цен на товары в Новгороде и в Западной Европе.³⁸

Автор настоящего исследования попыталась выяснить направление торговой политики Новгорода в первой половине XV в. — стремление к установлению равных с ганзейцами условий торговли и предоставлению новгородским купцам свободного проезда по морю на Запад.³⁹

Известная книга К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века» представляет большой интерес как попытка синтеза внешней политики Русского государства, рассматриваемой в связи с его внутренним развитием. Касаясь вопросов русско-прибалтийских отношений, автор противопоставляет политике Новгорода, как

³⁸ Лесников М. П. 1) Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. — Уч. зап. Моск. гор. под. ин-та им. В. П. Потемкина, т. VIII, Каф. истории средних веков, вып. I, М., 1948, с. 61—94; 2) Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV века. — ИЗ, т. 39, 1952, с. 259—278; 3) Нидерланды и Восточная Балтика в начале XV века. Из истории торговых сношений. — Изв. АН СССР, сер. ист. и фил., № 5, 1951, с. 451—459.

³⁹ Казакова Н. А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в. — ИЗ, т. 28, 1949, с. 111—131.

компромиссной в отношении Ганзы и Ливонского ордена (в силу заинтересованности новгородского купечества и материально связанной с ним боярской знати в торговле с немцами), политику Ивана III, при котором впервые «серьезно и практически» был поставлен вопрос «о самостоятельных русских интересах в Прибалтике, несовместимых с враждебной политикой Ливонского ордена, Ганзы и Швеции, стремившихся преградить России выход к Балтийскому морю».⁴⁰ К сожалению, выводы К. В. Базилевича не всегда достаточно обоснованы, ибо при анализе русско-прибалтийских отношений он использует лишь русские летописи и ливонскую хронику Руссова, оставляя основную массу источников (ливонские и ганзейские документальные источники) за пределами своего исследования.

В 50—60-х годах появился ряд новых статей М. П. Лесникова преимущественно о прибалтийско-нидерландской торговле, в которых рассматривались и вопросы русско-ганзейской торговли.⁴¹ Автор настоящего исследования продолжила изучение торговой политики Новгорода, а затем отдельных этапов и эпизодов торговой политики Русского государства.⁴²

В работах И. Э. Клейнберга изучаются различные вопросы русско-ганзейских торговых отношений.⁴³ В статье «Цена, вес и

⁴⁰ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, с. 376—377, 338—339.

⁴¹ Лесников М. П. 1) Некоторые вопросы балтийско-нидерландской торговли хлебом в конце XIV—начале XV века. — Средние века, вып. VII, 1955, с. 112—134; 2) Beiträge zur baltisch-niederländischen Handelsgeschichte am Ausgang des 14. und Beginn des 15. Jahrhunderts. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx-Universität Leipzig, gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 7. Jg., 1957/58, H. 5, S. 613—636; 3) Die livländische Kaufmannschaft und ihre Handelsbeziehungen zu Flandern am Anfang des XV. Jahrhunderts. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Berlin), 1958, H. 2, S. 285—303; 4) Lübeck als Handelsplatz für Osteuropäische Ware im XV. Jahrhundert. — HGBI, Jg. 78, 1960, S. 67—86; 5) Lübeck als Handelsplatz für Osteuropawaren im 14. Jahrhundert. — Hansische Studien, Heinrich Sproemberg zum 70. Geburtstag. Berlin, 1961, S. 273—292.

⁴² Казакова Н. А. 1) Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. — ИЗ, т. 47, 1954, с. 259—290; 2) Русско-ганзейский договор 1487 г. — Новгородский исторический сборник, № 10. Новгород, 1962, с. 217—226; 3) Ганзейская политика русского правительства в последние годы XV в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 150—158; 4) Русско-ганзейский договор 1514 г. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. М.—Л., 1963, с. 557—586.

⁴³ Клейнберг И. Э. 1) Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 352—365; 2) Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI веках. — Изв. АН Эстонской ССР, серия обществ. наук, 1962, № 3, с. 241—257; 3) Унификация воцанного веса в новгородско-ливонской торговле XV в. (Из истории внешнеэкономической политики Ипатьевского ста). — Археограф. ежегодник за 1965 г., М., 1966, с. 82—93; 4) Новгородский воцанной берковец XV в. — Сов. археология, 1968, № 4, с. 110—125 и др.

прибыль в посреднической торговле товарами экспорта в XIV—начале XVI в.»⁴⁴ И. Э. Клейнберг высказывает мысль, что прибыль ганзейских купцов складывалась главным образом за счет имевшего место в русско-ганзейской торговле уменьшения реального содержания едениц веса от начала пути, проходимого товаром (в месте его покупки), к концу этого пути (в месте продажи товара); уменьшение реального содержания едениц веса приносило ганзейцам (покупавшим и перепродававшим товары) прибыль в виде остававшейся в их руках части товара, и эта прибыль была высокой.

А. Л. Хорошкевич исследует преимущественно различные сюжеты избранной ею очень важной темы — состав ганзейского импорта в русские земли и экспорта из них. Итогом ее исследований является монография «Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв.», в которой ввоз и вывоз товаров рассматриваются в неразрывной связи с экономикой Новгородской земли.⁴⁵ В этом глубоко принципиальное отличие труда А. Л. Хорошкевич от работ ее предшественников, представителей буржуазной историографии.

В меньшей степени, чем история русско-ганзейских отношений конца XV—начала XVI в., получила отражение в специальных работах советских авторов история русско-ливонских отношений рассматриваемого периода. И. Э. Клейнберг изучил отдельные эпизоды из истории русско-ливонских отношений XV в. — военно-морские действия новгородцев в битве в устье Наровы летом 1447 г., мероприятия Русского государства по укреплению наровской границы в конце XV в. и др.⁴⁶ Автор предлагаемого труда дала в двух статьях обобщенный и весьма сжатый очерк русско-ливонских отношений первой половины и 60—90-х годов XV в.,

⁴⁴ См.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с. 32—46.

⁴⁵ Хорошкевич А. Л. 1) Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV—XV вв. — Изв., т. 63, 1958, с. 206—263; 2) Из истории ганзейской торговли. (Ввоз в Новгород благородных металлов в XIV—XV вв.). — Средние века, вып. 20, 1959, с. 98—110; 3) Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV—XV вв. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 278—305; 4) Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв.; 5) Повые новгородские грамоты XIV—XV вв. — Археограф. ежегодник за 1963 г., 1964, с. 264—276; 6) Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV—начале XVI в. — В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с. 13—31; и др. — В статье «Россия и мировые торговые пути конца XV в.» А. Л. Хорошкевич рассматривает главным образом вопрос о торговой политике русского правительства по отношению к Великому князю Литовскому (см.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 32—40).

⁴⁶ Клейнберг И. Э. 1) Военно-морские действия новгородцев при отражении орденовой агрессии 1443—1448 гг. — История СССР, 1958, № 4, с. 114—123; 2) Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV в. — Научные доклады высшей школы, истор. науки, 1960, № 2, с. 140—151; 3) Мероприятия Русского государства по укреплению наровской границы в конце XV века. — Военно-истор. журнал, 1960, № 6, с. 125—127.

а в специальной статье — анализ русско-ливонских договоров 1509 г.⁴⁷

Однако работы советских авторов посвящены лишь отдельным вопросам интересующей нас темы. Обобщающее исследование по истории русско-прибалтийских отношений конца XIV—начала XVI в., когда происходило объединение русских земель и было создано единое Русское государство, в советской историографии до сих пор отсутствует.

* * *

Из нарративных источников сведения по истории русско-ливонских и русско-ганзейских отношений конца XIV—начала XVI в. содержат русские летописи и ливонские хроники.

Известия о русско-ганзейских отношениях в летописях крайне немногочисленны. Их всего четыре: о заключении в 1392 г. новгородско-ганзейского договора (так называемого Нибурова мира), о заключении в 1417 г. мира с немцами (имеется в виду договор с Ганзой), о закрытии в 1494 г. немецкого двора в Новгороде и последующей судьбе арестованных немецких купцов, о съезде с ганзейскими представителями в Нарве в 1498 г. Такая скудость известий о русско-ганзейских отношениях объясняется интересом летописцев прежде всего к событиям политической истории и сравнительно малым вниманием, уделяемым ими сюжетам экономическим.

В силу указанной особенности русских летописей история русско-ливонских отношений получила в них большее отражение; при этом следует отметить, что внимание летописцев привлекали главным образом войны и последующие заключения мирных договоров. Сношения с Ливонией в периоды между войнами на страницах летописей, как правило, не фиксировались.

Наиболее подробно история русско-ливонских отношений освещается в псковских летописях. В XIV—XV вв. Псков являлся главным объектом агрессии ливонских рыцарей, и естественно, что оборона родного края, заключение мирных договоров с Ливонией были сюжетами, волновавшими прежде всего псковских летописцев. В псковских летописях борьба с ливонскими рыцарями получила отражение на протяжении всего интересующего нас периода — от походов рыцарей в Псковскую землю в начале XV в. до русско-ливонской войны 1501—1503 гг. А. Насонов на основе изучения рукописной традиции разделил псковские летописи на три летописи: Псковскую первую летопись, представляющую собой свод, составленный в 1469 г.; Псковскую вторую

⁴⁷ Казакова Н. А. 1) Борьба Руси с агрессией Ливонского ордена в первой половине XV века. — Уч. зап. ЛГУ, № 270, серия истор. наук, вып. 32, 1959, с. 3—33; 2) Русь и Ливония 60-х—начала 90-х годов XV века. — В кн.: Международные отношения России до XVII в. М., 1961, с. 306—338; 3) Русско-ливонские договоры 1509 г. — В кн.: Вспомогат. истор. дисциплины, IV, Л., 1972, с. 193—242.

летопись, составленную в 80-х годах XV в.; и Псковскую третью летопись — свод игумена Псковско-Печерского монастыря Корнилия, составленный в 1567 г.⁴⁸ Для изучения событий до конца 60-х годов XV в. наибольшую ценность имеет Псковская первая летопись, самая ранняя и в то же время самая полная по количеству сведений о русско-ливонских отношениях. События конца XV—начала XVI в. освещены в Продолжении Псковской первой летописи и в Псковской третьей летописи.

В новгородских летописях история русско-ливонских отношений интересующего нас периода нашла гораздо меньшее отражение. Это объясняется тем, что в XV—начале XVI в. Новгород, как правило, находился в стороне от борьбы, которую вели с Орденом Псков, а затем Русское государство. Новгородские летописцы обстоятельно излагают лишь события войны между Орденом и Новгородом в 40-х годах XV в.; наибольшую ценность для ее изучения имеет Новгородская первая летопись младшего извода, как самая близкая к описываемым событиям (она составлена в 1447 г.). Интересные сведения о войне Новгорода с Орденом 40-х годов XV в. есть также в летописи Авраамки, представляющей собой свод, составленный в 1495 г. в Смоленске, в частности, на основе новгородских летописей.⁴⁹

Внимание московских летописцев русско-ливонские отношения стали привлекать главным образом с того времени, когда началось активное вмешательство в них великокняжеской власти, т. е. со второй половины XV в. Московских летописцев особенно интересовали события войн 1480—1481 и 1501—1503 гг., которые являлись уже не столько войнами Пскова, сколько войнами Русского государства с Орденом. Рассказы об этих войнах читаются в Софийской первой летописи по списку Царского (свод 1508 г.), в Софийской второй и Львовской летописях (свод 1518 г.), Уваровской (свод 1518 г.), Иоасафовской (начало 20-х годов XVI в.), Воскресенской (составлена в 40-х годах XVI в.) и Никоновской (середина XVI в.) летописях.⁵⁰ Кроме того, известия о войне 1480—1481 гг. имеются в Московском своде конца XV в., Симеоновской летописи, сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг. и в своде 1497 г.⁵¹

Московские летописи по сравнению с псковскими при освещении русско-ливонских событий более тенденциозны. Им свойственно стремление замалчивать или преуменьшать неудачи русских войск и соответственно успехи ливонских, когда они имели место. Показательно в этом отношении описание битвы при р. Серице в Псковской земле, происшедшей 27 августа 1501 г. Сражение закончилось поражением русских войск (псковских и москов-

⁴⁸ Псковские летописи, вып. II, Предисловие, с. 6.

⁴⁹ Лихачев Д. С. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 465—467.

⁵⁰ ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853; т. XX, ч. 1. СПб., 1910; т. XXVIII; Иоасафовская летопись. М., 1957; т. VIII, СПб., 1859; т. XII, СПб., 1901.

⁵¹ ПСРЛ, т. XXV, XVIII, XXVI, XXVIII.

ских). Псковский летописец, продолжатель Псковской первой летописи, объясняет поражение русских превосходством орденской артиллерии и указывает, что в результате ее огня обратились в бегство сначала псковские, а затем московские полки.⁵² Рассказ Псковской летописи следует признать достоверным, так как он подтверждается данными ливонских хроник. В московских летописях — Софийской первой, Софийской второй, Львовской, Уваровской, Воскресенской, основном списке Никоновской — о сражении на р. Серице вообще ничего не говорится, лишь в общей форме сообщается о том, что во время похода в Псковскую землю в 1501 г. ливонские немцы «повоевали» псковские волости.⁵³ В одном из списков Никоновской летописи есть рассказ о битве на р. Серице; поражение русских объясняется здесь тем, что «нѣмцы многие люди» встретились русским войскам «безвѣстно», т. е. неожиданно, и воеводы великого князя не успели «вѣоружитися».⁵⁴ Таким образом, в московских летописных сводах в одном случае имеет место замалчивание битвы на Серице, в другом — не затрагивавшее самолюбия русских объяснение поражения их случайностью, неожиданной встречей с вражескими войсками. И в первом, и во втором случае налицо отмеченная нами выше тенденция. Подобные примеры можно умножить.

Из ливонских нарративных источников, освещающих интересующий нас период, наиболее ранним является небольшая книга под названием «*Eyne Schonne hysthorie*»,⁵⁵ составленная в 1508 г. По своему жанру «*Eyne Schonne hysthorie*» относится к разряду летучих листов. Ее повествование охватывает период с 1491 по 1508 г. Вероятным автором книги является Христиан Бомговер, секретарь ливонского магистра, а затем папский комиссар.⁵⁶ Написанная современником и участником излагаемых событий, «*Eyne Schonne hysthorie*» освещает очень важный, насыщенный драматическими эпизодами период в истории русско-ливонских отношений. Но она чрезвычайно тенденциозна: героем книги является ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг, а задачей ее — изображение Ливонии как форпоста, защищающего западнохристианский мир от угрозы со стороны русских. «*Eyne Schonne hysthorie*» — это ярко выраженный антирусский памфлет. Данные «*Eyne Schonne hysthorie*» были использованы

⁵² ПИД, с. 85—86.

⁵³ ПСРЛ, т. VI, с. 46, 243; т. XX, ч. 1, с. 372; т. XXVIII, с. 334; т. VIII, с. 240; т. XII, с. 253.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XII, с. 254.

⁵⁵ *Eyne Schonne hysthorie van vunderlyken gescheffthen der heren tho lyfflanth myth den Russen unde tartaren*. Herausgegeben und erläutert von C. Schirren. — In: *Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands*, Bd. VIII. Reval, 1861, S. 111—265.

⁵⁶ Там же, с. 193—215; *Benninghoven F. Russland im Spiegel der livländischen Schonnen Hysthorie von 1508 J.* — *Zeitschrift für Ostforschung*, 1962, H. 4, S. 603—604.

позднейшими ливонскими хронистами, в частности автором «Ливонской хроники» Б. Руссовым.

«Хроника» Б. Руссова охватывает время от появления в XII в. в Ливонии немцев до (в третьем издании) 1583 г.⁵⁷ В первых частях (до ливонской войны, современником которой был Руссов) «Хроника» является компилятивным произведением, кратко излагающим историю Ливонии. О русско-ливонских отношениях с конца XIV и до конца XV в. в ней имеются лишь три известия: о походе магистра Конрада фон Фитингофа в Псковскую землю во время войны Ордена с Псковом 1406—1409 гг., о походах магистра Гейденрейха Финке фон Оверберга против русских во время войны Ордена с Новгородом в 40-х годах XV в. и о походе магистра Бернда фон дер Борха в Псковскую землю в 1480—1481 гг. Известия эти носят характер простой констатации фактов. Более подробно Руссов рассказывает о русско-ливонских отношениях конца XV—начала XVI в. Рассказ его в этой части базируется в значительной мере на данных «Eune Schonne hysthorie». Хроника Руссова в некоторых отношениях представляет собой примечательное явление в средневековой ливонской историографии: автор ее, ревностный лютеранин и идеолог ревельского бюргерства, с осуждением пишет о привилегиях немецкого дворянства и угнетении им местных крестьян. Но в своем отношении к России он остается верным тенденциям ливонских хронистов, выдвигая тезис о «русской угрозе».⁵⁸

Основную массу источников по истории русско-прибалтийских отношений конца XIV—начала XVI в. составляют документы, немецкие по своему происхождению. На русском языке сохранились лишь некоторые договоры с Ливонией и Ганзой и сравнительно немногочисленные грамоты Новгорода и великих князей московских Ордену и ганзейским городам. Количество же различных документов на немецком языке исчисляется многими сотнями: это русско-ливонские и русско-ганзейские договоры, рецессы ганзейских съездов, рецессы ливонских ландтагов, рецессы съездов ливонских городов, отчеты ганзейских и ливонских послов о переговорах с русскими и, наконец, обширная переписка орденских чинов, ганзейских городов, властей немецкого двора в Новгороде.

Важнейшими из документальных источников по истории русско-прибалтийских отношений являются русско-ливонские и русско-ганзейские договоры. От конца XIV и до начала XVI в. сохранилось 13 русско-ливонских договорных грамот (включая проекты договоров): 1) о мире между Псковом и Ливонским орденом 1417 г. (проект договора); 2) о мире Новгорода с Ливонским ор-

⁵⁷ *Scriptores rerum Livonicarum*, t. II, 1848 (русский перевод: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II. Рига, 1879).

⁵⁸ Зутис Я. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Рига, 1949, с. 29—32. — Более поздние ливонские хроники мы не привлекаем.

деном и Дерптским епископством 1420 г. (проект договора); 3) о мире между Новгородом и Ливонским орденом 1421 г.; 4) о пятилетнем перемирии между Новгородом и Ливонским орденом 1448 г.; 5) о мире Новгорода и Пскова с Ливонией 1448 г.; 6) о мире Новгорода и Пскова с Дерптским епископством 1474 г.; 7) о мире Новгорода с Ливонией 1481 г.; 8) о мире Новгорода с Ливонией 1493 г.; 9) о шестилетнем перемирии между Новгородом и Ливонским орденом 1503 г.; 10) о шестилетнем перемирии между Псковом и Ливонским орденом 1503 г.; 11) о мире между Новгородом и Ливонией 1509 г.; 12) о мире между Псковом и Ливонией 1509 г.; 13) о мире между Псковом и Дерптским епископством 1509 г. Из русско-ганзейских договоров конца XIV—начала XVI в. дошло 10 договоров (включая проекты): 1392, 1409, 1423, 1434, 1436, 1450, 1466, 1487, 1510 (проект договора), 1514 гг.⁵⁹

Русско-ливонские договоры регулировали межгосударственные отношения русских земель и Ливонии: они определяли сроки мира, фиксировали границу, устанавливали порядок разрешения пограничных конфликтов, условия проезда послов и т. д. Так как ливонские города вели оживленную торговлю с Русью, то большое место в русско-ливонских договорах отводится вопросам торговли. В русско-ганзейских договорах тоже отражены различные стороны торговли: условия проезда и торговли купцов, правовое положение их на чужбине, юрисдикция каждой из сторон по отношению к купцам другой национальности, положение купцов в случае возникновения военных конфликтов и т. д. Наблюдения за изменением содержания и формул русско-ливонских и русско-ганзейских договоров позволяют проследить изменения в соотношении сил договаривающихся сторон, а также в сочетании с другими источниками — цели их политики.

В рецессах ганзейских съездов зафиксированы обсуждение вопросов русско-немецкой торговли и сношений ганзейских городов с русскими землями, а также постановления съездов по этим вопросам.⁶⁰ Аналогичного характера известия применительно к торговле и сношениям ливонских городов с Россией содержат рецессы съездов ливонских городов. Рецессы ганзейских съездов и съездов ливонских городов являются важнейшим источником для изучения политики в отношении России Ганзы и ливонских городов (последние, хотя и входили в Ганзу, но преследовали свою свои интересы).

Рецессы ливонских ландтагов (сословных собраний) включают обсуждение различных вопросов, касавшихся сношений

⁵⁹ Издания перечисленных договоров и других называемых в данном разделе документов указываются при использовании этих документов.

⁶⁰ Мы отмечаем лишь наличие в рецессах известий по интересующим нас вопросам, не давая полной характеристики содержания этого ценного исторического источника.

Ливонии с Россией (военных мероприятий, дипломатических и торговых сношений и т. д.), и постановления по этим вопросам. Они важны для изучения политики Ливонии в отношении России. Рецессы ландтагов рисуют также внутреннее положение Ливонии и отношение различных входивших в ее состав политических сил к русским делам.

Если рецессы ливонских ландтагов, ганзейских съездов, съездов ливонских городов освещают политику немецкой стороны, то источником, проливающим свет на политику русской стороны, ее цели и намерения, являются отчеты ливонских и ганзейских послов о переговорах с русскими. Сохранилось 4 отчета ганзейских послов — о переговорах 1436, 1487, 1498 и 1510 гг., и один отчет ливонских послов о переговорах 1503 г. В свои отчеты ганзейские и ливонские послы заносили все подробности происходивших переговоров: они описывали аудиенции, которые им давали русские власти, подарки, записывали свои речи и, что особенно важно, речи русских представителей; именно последние содержат материал, характеризующий направление политики Новгорода, а затем Русского государства в отношении Ливонии и Ганзы.

Переписка орденских чинов, включающая письма великих магистров Тевтонского ордена и ливонских магистров, письма и допесения орденских комтуров и фогтов, отражает военные столкновения и мирные сношения Ливонии с русскими землями. В ней залечатлепа подготовка к войнам, ход военных действий, предписания для мирных переговоров и т. д.; встречаются известия и о военных планах русской стороны, составе и численности ее войск.

Многочисленные письма ганзейских городов и властей немецкого двора в Новгороде освещают повседневное течение русско-ганзейской торговли; в них описываются конфликты, вспыхивавшие между сторонами, их причины и условия урегулирования, мирные периоды торговли и т. д. Пожалуй, самый интересный и живой материал дают письма властей немецкого двора, в которых сообщается о состоянии торговли, о пожарах двора, о возмущении новгородцев недоброкачеством немецких товаров, о бурных собраниях веча, где обсуждались вопросы торговли и т. д. Порою в бесхитростный рассказ письма влетают бытовые сценки, изображенные так ярко, что теперь, через пять столетий, видишь, как живых, людей и события того времени. Написанные простыми, но практичными и трезвыми людьми, проникнутые местами народным юмором, эти письма сохранили подлинное дыхание эпохи.

Важным источником для изучения русско-ганзейских отношений является скра — устав немецкого двора в Новгороде. Возникнув в XIII в., она претерпевала в течение длительного времени существования немецкого двора изменения, которые обусловили появление новых ее редакций. Всего для XIII—XVII вв. из-

вестно семь редакций скры.⁶¹ Скря детально регулировала внутреннюю жизнь пемецкого двора, а также условия торговли и взаимоотношений немецких купцов с русскими.

Сведения о русско-ливонских и русско-ганзейских отношениях встречаются и в грамотах государей соседних с Россией и Ливонией государств, в первую очередь в грамотах великих князей литовских и скандинавских королей. Эти грамоты рисуют сложную и напряженную дипломатическую жизнь, кипевшую в Прибалтике на протяжении интересующего нас периода; освещают политические комбинации, складывавшиеся вокруг русских земель, показывают, в частности, дипломатическую подготовку Ордена к войнам и т. д.

Отдельные сведения о составе русских вооруженных сил, участвовавших в военных действиях против Ливонии, содержит Разрядная книга.

Заканчивая краткий обзор источников темы, мы считаем нужным подчеркнуть, что исследователю русско-ливонских и русско-ганзейских отношений приходится опираться, за небольшими исключениями, на немецкие (ливонские и ганзейские) источники. Из них он должен черпать данные не только для изучения действий, планов и намерений немецкой стороны, но и русской (Новгорода и Пскова, а затем Русского государства). Естественно, что данные о политике и дипломатии России, извлеченные из иностранных, часто враждебных русским, источников не могли быть всегда объективными. И это требует от исследователя, работающего с ними, критического отношения.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И НА БАЛТИКЕ В КОНЦЕ XIV В. И РУССКО-ГАНЗЕЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ

В XIV в. на Руси происходил процесс объединения русских земель вокруг Москвы. К концу века он достиг значительных успехов. Большое значение для усиления власти великих князей московских имела победа над татарами на Куликовом поле, во время которой московский князь выступил в роли национального вождя. Однако до завершения объединения было еще далеко, и Русь находилась в состоянии феодальной раздробленности. Москве противостояли великие княжества Тверское и Рязанское, к сохранению своей независимости стремился Великий Новгород, самостоятельной республикой являлся его «младший брат» Псков. Процессу объединения препятствовала и внешнеполитическая обстановка: над Русью продолжало тяготеть та-

⁶¹ О датировке различных редакций скры и их взаимоотношении см.: Schlüter W. Die Nowgoroder Schra. . .

тарское иго, Великое княжество Литовское проводило политику экспансии против русских земель, в частности против самого Великого княжества Московского. В этих условиях великие князья московские не имели возможности активно вмешиваться во взаимоотношения Новгорода и Пскова с их соседями — Литвой, Ливонией, Швецией, а также с их основным торговым контрагентом — Ганзейским союзом. Новгород и Псков должны были самостоятельно решать стоявшие перед ними внешнеполитические задачи.

Новгород в конце XIV в. являлся крупной политической и экономической силой. Ему принадлежали огромные колонии, продукция которых — меха, воск (как и аналогичные продукты крестьянских промыслов) — составляла основу новгородского экспорта на Запад. Сам Великий Новгород был одним из наиболее цветущих городов Руси. Новгородское ремесло, не пострадавшее от татарского разорения, достигло в XIV в. высокого развития. Благодаря выгодному положению Новгорода на пересечении важнейших торговых путей большой размах приобрела повгородская торговля. Новгородское купечество вело оживленную торговлю как с русскими землями, так и с Западом. Однако подлинными хозяевами Новгородской земли являлись крупные землевладельцы — бояре: из их рядов избирались высшие должностные лица — посадники и тысяцкие, в их руках находился совет господ (включавший архиепископа, степенных посадника и тысяцкого, старых посадников и тысяцких), который предварительно рассматривал все важнейшие дела и направлял деятельность веча.

С конца XIII в. Новгород входил в политическую систему Великого княжества Владимирского, и великие князья владимирские, а затем московские были и князьями Новгорода. Взаимоотношения Новгорода с князьями строились на договорной основе, и реальное значение княжеской власти в Новгороде было невелико. Однако начиная с Ивана Калиты великие князья московские стремились расширить свои права в Новгороде и предъявляли к нему финансовые, а затем территориальные требования. Новгородское правительство противовес Москве искало в Литве, и Новгород не раз приглашал из Литвы служебных князей. Правящие боярские круги Новгорода в политике лавирования между Москвой и Литвой усматривали средство сохранения независимости Новгорода, а с нею — своих прав и привилегий.⁶²

Псков, первоначально новгородский пригород, получивший в 1348 г. самостоятельность, также являлся вечевой республикой. Политические порядки в Пскове были близки к новгородским (за исключением того, что вместо посадника и тысяцкого в Пскове

⁶² Еще в 1333 г. новгородцы приняли к себе литовского князя Наримонта Гедиминовича и дали ему в кормление Ладогу, Орешек, Карельский Городок и половину Копорья. В 1389 г. они пригласили князя Симеона Лугвenea Ольгердовича и дали ему те же самые пригороды.

было два посадника). Псков обладал неизмеримо меньшей территорией, чем Новгород, и меньшими людскими и материальными ресурсами, поэтому ему было труднее, чем Новгороду, проводить самостоятельную политику.

В конце XIV в. в истории Восточной Европы произошло событие, оказавшее большое влияние на международные отношения: в 1385 г. между Литвой и Польшей была заключена уния, согласно которой великий князь Литовский Ягайло должен был жениться на польской королеве Ядвиге и стать таким образом и польским королем; в 1386 г. уния была скреплена браком Ягайла и Ядвиги. Унию, в основе которой лежала необходимость объединения сил двух народов в борьбе против Тевтонского ордена, польские феодалы стремились использовать для подчинения Литвы Польше. Это вызвало в Литве широкую оппозицию, которую возглавил двоюродный брат Ягайлы Витовт. Опираясь на поддержку не только литовских феодалов, но и широких народных масс, он начал борьбу против Польши с целью сохранения государственной самостоятельности Литвы.⁶³ В 1392 г. между Витовтом и Ягайлом было заключено соглашение, по которому Витовт стал пожизненным правителем Великого княжества Литовского. Вскоре он присвоил себе титул великого князя Литовского. В качестве такового Витовт повел широкую внешнюю политику. Главной его целью являлось полное восстановление независимости Литвы от Польши, а также превращение Великого княжества Литовского в сильнейшее государство Восточной Европы. Для достижения последней задачи Витовт проводил политику экспансии против русских земель, поддерживаемую литовскими феодалами. По отношению к Ордену линия поведения Витовта была непоследовательной: то он возглавлял борьбу против Ордена, то вступал в соглашения с Орденем, пытаясь найти в нем противовес Польше.

Ливония в XIV в. представляла собой феодально-колониальное государство, где господствующим классом являлись немецкие феодалы. Латыши и эстонцы составляли бесправную массу феодально-зависимого крестьянства и низшие слои городского населения.

Наиболее крупной политической силой Ливонии был Орден, владевший более чем половиной всех земель страны. Ливонский орден являлся ветвью Тевтонского ордена,⁶⁴ и ливонские магистры находились в зависимости от великих магистров Тевтонского ордена. Но уже с начала XV в. эта зависимость принимает номинальный характер. Помимо Ордена, в состав Ливонии входили Риж-

⁶³ Дундулис Б. И. Борьба Литвы за государственную самостоятельность в XV в. Автореф. дисс. на соиск. ученой степени докт. истор. наук. Вильнюс, 1967, с. 12.

⁶⁴ В источниках Ливонский орден называется «Тевтонский орден в Ливонии». Мы пользуемся названием «Ливонский орден», поскольку оно принято в историографии.

ское архиепископство и Дерптское, Эзельское, Курляндское епископства. Ливонский магистр, рижский архиепископ, дерптский, эзельский, курляндский епископы являлись государями в своих владениях (в источниках они называются ландесгеррами). Между ландесгеррами происходили частые распри. Особенно упорный характер носили вспышки борьбы между Орденом и рижским архиепископом за главенство в Ливонии. Крупные города Ливонии имели самоуправление. Органами его являлись раты — городские советы, возглавляемые бургомистрами. С конца XIII в. наиболее крупный из городов Ливонии — Рига — вел борьбу за освобождение от власти своего феодального сеньора, рижского архиепископа, и Ордена, также претендовавшего на господство над Ригой. Борьба эта, носившая исторически прогрессивный характер (так как содержание ее составляла борьба бюргерства против феодалов), усиливала тем не менее внутренние смуты в стране, в частности потому, что она в ряде случаев переплеталась с борьбой Ордена и архиепископа между собой.

Забегая вперед, отметим, что в первой четверти XV в. в Ливонии возник (точнее, стал регулярно действующим) сословный орган власти, общий для всей страны, — ландтаги, и Ливония превратилась в конфедерацию. Ландтаги, заседавшие под председательством рижского архиепископа, состояли из четырех курий: Ордена, высшего духовенства, вассалов (дворянства) и городов. Ландтаги рассматривали важнейшие вопросы внешней и внутренней политики и принимали по ним решения. Реальное значение ландтагов было невелико, и их создание не привело к ликвидации политической раздробленности страны.

Верховная власть над Ливонией принадлежала германскому императору (рижские архиепископы являлись князьями «Священной римской империи германской нации») и римскому папе (ему в силу церковной юрисдикции подчинялись магистр Ордена, рижский архиепископ и епископы). Однако вследствие слабости Германской империи (в силу ее феодальной раздробленности) власть императора над Ливонией была номинальной. Большим влиянием в ливонских делах пользовалась римская курия.

Внешняя политика Ливонии носила агрессивный характер, что было обусловлено, в частности, главенством (фактическим) в ней Ордена, духовно-рыцарской организации, предназначенной для завоевания и насильственного распространения католицизма. Объектом экспансии Ливонского ордена в XIV—XV вв. являлись русские земли. Русско-ливонская граница тянулась более чем на 500 км. С русской стороны она распадалась на два отрезка: новгородский протяженностью 20 км — от впадения р. Наровы в Финский залив вверх по ее течению до впадения в Нарову р. Плюсы; псковский протяженностью 480 км — от устья р. Плюсы вверх по Нарове, Чудскому и Теплому озерам и далее, перейдя на западный берег Псковского озера, к югу вплоть до литовской границы. С ливонской стороны граница состояла из трех отрезков:

орденского, Дерптского епископства и Рижского архиепископства, причем орденский распался в свою очередь на три части. По Нарове и северной части Чудского озера проходила граница орденских владений; по Чудскому и Теплому озерам и по суше к юго-западу от Псковского озера тянулась граница Дерптского епископства; к югу от него вдоль русской границы были расположены последовательно орденская область (комтурство) Мариенбург, архиепископская область Пурнау (Purnowe) и снова орденская область (адвокатура) Розиттен.⁶⁵ Поскольку на долю Пскова приходилась почти вся русско-ливонская граница (480 км из 500) и поскольку экономические и людские резервы Пскова были меньше, чем у Новгорода, постольку именно против Псковской земли были направлены основные удары ливонских феодалов в XIV—XV вв.

Крупнейшие города Ливонии — Рига, Дерпт, Ревель, — а также некоторые более мелкие являлись членами Ганзейского союза. Ганзейский союз, объединивший севернонемецкие города, представлял собой типично средневековый союз городов. Общеганзейским органом власти являлись ганзейские съезды, рассматривавшие вопросы торговли и взаимоотношений с иностранными государствами.⁶⁶ В промежутках между съездами текущими делами ганзейского купечества руководил рат Любека. В организационном отношении Ганзейский союз делился на несколько групп городов (города вендские, прусские, ливонские и др.). Города каждой группы собирались для обсуждения касавшихся их дел на свои съезды.

Сила и богатство Ганзейского союза зиждились на посреднической торговле между Восточной и Западной Европой, которая находилась в руках ганзейского купечества. В ряде европейских стран Ганзейский союз имел свои фактории, из которых важнейшими были фактории в Брюгге, Лондоне, Бергене и Новгороде. В странах, где существовали фактории ганзейцев, а также в некоторых других, например в Дании, ганзейцы, пользуясь слабостью национальных купечеств, сумели приобрести в XIII—XIV вв. большие привилегии. В условиях средневековья Ганзейский союз играл прогрессивную роль в экономической истории Европы, ибо способствовал развитию экономических связей и товарообмена между различными частями Европы. Но по мере развития экономики европейских стран стремление Ганзы к сохранению монополии на торговлю между Западом и Востоком Европы приходит в противоречие со стремлением национальных купе-

⁶⁵ Stern C. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert, S. 69—70.

⁶⁶ Решения ганзейских съездов были обязательны для городов (членов Ганзы) лишь в том случае, если они принимали участие в съездах и ратифицировали их решения (Brandt A. Die Hanse als mittelalterliche Wirtschaftsorganisation. — In: Die deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West. Köln, 1963, S. 27—28).

честв занять первенствующее положение во внешней торговле своих стран. Правительства складывающихся централизованных монархий начинают наступление на привилегии ганзейцев.

С середины XIV в. борьбу с Ганзой с целью сокрушения ее господства на Балтийском море повела Дания, в которой происходил процесс усиления королевской власти. Датский король Вальдемар IV Аттердаг в 1361 г. взял и разграбил Висби, центр немецкого купечества на Балтийском море. Действия Вальдемара IV послужили толчком к окончательной консолидации Ганзейского союза. В 1367 г. немецкие города в Кельне заключили союз для ведения войны против Дании. После блестящей победы Ганзейского союза в Штральзунде в 1370 г. был подписан позорный для Дании мир: подтверждались все привилегии ганзейских городов в Дании, Ганза получала крепости на южном берегу Скандинавского полуострова и право голоса при замещении датского престола. Штральзундский мир был вершиной могущества и блеска Ганзейского союза, но спокойно наслаждаться плодами своей победы Ганзе долго не пришлось.

Продолжательницей политики Вальдемара IV, политики усиления Дании, явилась его дочь Маргарита. Ей удалось добиться объединения трех скандинавских государств. В 1397 г. в Кальмаре была провозглашена уния Дании, Норвегии и Швеции: впредь три государства должны были иметь одного короля. Маргарита, действовавшая осторожно, в открытые столкновения с ганзейцами не вступала. Но начиная с ее преемника Эрика XIII (самостоятельное правление с 1412 г.) борьба с Ганзой стала политической программой улиатских королей.

В период до создания единого Русского государства ведущая роль в отношениях русских земель с Ганзейским союзом принадлежала Новгороду. Самые ранние зафиксированные в источниках известия о торговле Новгорода с севернонемецкими городами относятся к XII в., ко времени, когда руководство немецкой торговли на Балтийском море находилось в руках общины немецких купцов в городе Висби на Готланде; позже, с созданием Ганзейского союза, оно перешло в руки вендских городов, составивших первоначальное ядро Ганзы.

Торговля с Ганзой имела существенное значение для экономики Новгородской земли. Основными статьями новгородского экспорта являлись главным образом продукты крестьянских промыслов: пушнина и воск, импорта — продукция западноевропейских сукноделия и горнодобывающей промышленности: различные сорта сукоп, серебро, цветные металлы. Наряду с ними ганзейцы поставляли в Новгородскую землю такой продукт широкого потребления, как соль, а также пищевые продукты: сельдь, мед, вина. Ганзейский спрос на продукты новгородских промыслов способствовал подъему последних. Торговля с Ганзой стимулировала также развитие некоторых отраслей новгородского ремесла — ювелирного, металлообрабатывающего, поскольку ганзейцы поста-

вляли необходимое для них сырье в виде металлов. Вместе с тем привоз ганзейцами сукоп, соли сковывал в какой-то степени развитие местного ткацкого ремесла и соледобычи.⁶⁷

Отношения между Новгородом и ганзейским купечеством регулировались договорами. Самый ранний из договоров датируется концом XII в., наиболее подробными были договоры Новгорода с Готландом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг. и проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г.⁶⁸ Нормы этих договоров легли в основу новгородско-ганзейских торговых отношений.

Основополагающими являлись статьи договоров, содержащие для купцов каждой стороны гарантию безопасного проезда и свободы торговли во владениях другой стороны. Эти статьи носили двусторонний характер: новгородцам гарантировался безопасный проезд и свобода торговли в «Немецкой земле» и на Готланде, немцам — в Новгороде. Большая группа статей регулировала условия проезда и пребывания купцов на чужбине: определялись маршрут купцов, вознаграждение местным лоцманам и возчикам, размеры пошлин, устанавливались наказания за вред, причиненный купцам. Статьи этой группы (за исключением устанавливающих наказания за вред, причиненный купцам) носили односторонний характер: они были рассчитаны на пребывание ганзейских купцов в Новгородской земле.⁶⁹ Такой характер рассматриваемых статей объясняется, с нашей точки зрения, тем, что хотя новгородцы в XII—XIII вв. ездили на Готланд и в Любек,⁷⁰ по эти поездки были сравнительно редкими, и торговлю с ганзейскими купцами новгородцы вели главным образом у себя на родине, в Новгороде.

Ганзейские купцы имели в Новгороде свое подворье — двор св. Петра, или немецкий двор. С 1402 г. в их руки перешел на правах аренды и готский двор, принадлежавший ранее купечеству Готланда. Ганзейское подворье в Новгороде пользовалось полной автономией. Ганзейские купцы управлялись своими выборными должностными лицами — ольдерманами, позже — приказчиками (*hovesknechte*) на основе правил скры. Компетенции новгородских властей ганзейцы подлежали лишь в одном случае — при возникновении тяжб с новгородцами. Тогда пристав тысяцкого вызывал немецких купцов на суд тысяцкого, который рассматривал все тяжбы по торговым делам.

⁶⁷ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв., с. 337—341.

⁶⁸ ГВНЦ, № 28, 29, 31.

⁶⁹ См., например, проект договорной грамоты Новгорода с Любеком 1269 г.: ГВНЦ, № 31.

⁷⁰ Привилегия Фридриха I 1188 г. освобождает от пошлин при торговле в Любеке наряду с представителями прочих народов и русских (HUB, Bd. I, Halle, 1876, № 33). О поездках новгородцев на Готланд в XII—XIII вв. свидетельствуют известия новгородской летописи, а также немецко-русские торговые договоры (НЦ, с. 22; ГВНЦ, № 28, 29, 31, 34).

Ганзейские купцы в Новгороде были освобождены от уплаты почти всех пошлин, как проезжих, так и торговых. Они уплачивали лишь одну проезжую пошлину — на пути в Новгород, в Готтинополье, размер которой определялся «старинной».⁷¹ Из торговых пошлин они должны были платить только весчье, пошлину за взвешивание товаров; величина ее была определена договором 1262—1263 гг.: от кани, а также от каждого положенного на скалвы товара взимались 2 куны.⁷² Кроме этих пошлин, существовал, по-видимому в более раннее время, в период большего значения княжеской власти в Новгороде, сбор с ганзейского купечества в пользу князя. Однако с течением времени этот сбор потерял реальное значение и был заменен обязанностью ганзейских купцов участвовать в приеме великого князя, когда он приезжал в Новгород (дарить ему сукна, вина).

Еще в XIX в. в исторической науке было высказано мнение, что почти полное освобождение ганзейских купцов от пошлин в Новгороде являлось основной причиной больших доходов, извлекаемых ими из торговли с новгородцами.⁷³ Это мнение нуждается в коррективах. Хотя несомненно, что почти полная свобода от пошлин в Новгородской земле была чрезвычайно выгодна ганзейцам, но большие доходы приносила им также прибыль от торговых операций.

И. Э. Клейнбергер, возражая М. П. Леспикову, выдвинувшему тезис о незначительности прибылей, получаемых ганзейцами от торговли с Русью, вследствие небольшой разницы цен на товары на новгородском и западноевропейском рынках,⁷⁴ считает, как мы уже отмечали, что основную прибыль ганзейцы получали натурой в виде части товара, остававшегося в их руках благодаря разнице реального содержания единиц веса на месте покупки товара и на месте его продажи. Это положение И. Э. Клейнбергер иллюстрирует, в частности, следующими примерами. В Таллине ласт соли содержал 15 мешков, но, привезя соль в Новгород, ганзейцы продавали за ласт только 12 мешков, 3 мешка соли оставалось в руках ганзейского купца, что давало 20% прибыли натурой. Такую же прибыль за счет уменьшения реального содержания единиц веса ганзейцы получали при торговле воском: на рубеже XIV—XV вв. шиффунт воска в Новгороде равнялся 480 фунтам (фунт в Новгороде — около 400 г), в Любеке шиффунт воска содержал только 320 фунтов (фунт в Любеке — 477 г); таким образом, в руках ганзейского купца, купившего в Новгороде как шиффунт 192 кг

⁷¹ Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 г.: ГВНЦ, № 34, с. 59.

⁷² Договорная грамота Новгорода с Готландом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг.: ГВНЦ, № 29, с. 57.

⁷³ Sartorius G. F. *Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse*, Bd. I, S. 153.

⁷⁴ Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом..., с. 276—277.

воска и продавшего в Любеке за шиффунт только 152.62 кг, оставалось 40 кг воска, что составляло 20% прибыли натурой.⁷⁵

Мы считаем, что важным источником прибыли натурой (в виде части товара) для ганзейцев являлись существовавшие в Новгороде при заключении торговых сделок между новгородцами и ганзейцами правила покупки и продажи товаров.

Главными предметами экспорта из Новгорода были, как мы уже указывали, мех и воск. При покупке мехов немцы имели право осматривать их и требовать к ним наддачи (urgift) дополнительного количества, которое не засчитывалось в счет купленного меха. При покупке воска ганзейцы могли его «колунать» (bekluppen), т. е. откалывать куски воска для проверки его качества, причем отколотые куски в счет веса купленного воска не входили. Наддача к мехам и отколотые в результате колунания куски воска рассматривались как компенсация за возможную недоброкачественность купленных у новгородцев товаров. Размер наддачи к мехам, а также величина кусков воска, которые разрешалось колунать, не были установлены юридическим путем, а определялись лишь «старинной». Пользуясь этим, ганзейцы отколупывали большие куски воска, а к мехам требовали чрезмерных наддач. Благодаря системе наддач и колунания в руки ганзейцев попадала неоплаченная ими часть товара, которая образовывала натуральную прибыль.⁷⁶

Новгородцы же при покупке ганзейских товаров — сукон, соли, сельди, меда, вина — не имели права проверять их качество, а также взвешивать их или измерять. Сукна ганзейцы продавали кишками (stucke) и полукипами (terlinge), которые заключали в себе иногда до 17 поставов (laken) сукна.⁷⁷ Лакен сукна должен был содержать 44 локтя, но новгородец мог проверить его длину только дома, ибо при покупке разворачивать лакен и измерять его длину не разрешалось. Соль ганзейцы продавали мешками, сельдь, мед, вино — бочками. Нормальный вес заполненного мешка или бочки должен был составлять 20 лисфунтов (т. е. 10 пудов),⁷⁸ но при покупке взвешиванию они не подлежали. Легко представить себе, какие возможности наживы предоставляла ганзейцам подобная система и как от нее страдали новгородцы.⁷⁹

⁷⁵ Клейпенберг И. Э. Цена, вес и прибыль в посреднической торговле товарами экспорта в XIV—начале XVI в., с. 39, 42—43.

⁷⁶ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода, с. 267—269; Казакова Н. А. 1) Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в., с. 115; 2) Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в., с. 263.

⁷⁷ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода, с. 170.

⁷⁸ Там же, с. 271.

⁷⁹ Казакова Н. А. 1) Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в., с. 115; 2) Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в., с. 263—264.

Итак, действовавшие в Новгороде при заключении торговых сделок между новгородцами и ганзейцами правила покупки и продажи товаров, которые не были оформлены в виде юридических норм, но, освященные «стариной», имели их силу и значение, ставили ганзейцев и новгородцев в неравное положение: первым они обеспечивали прибыль от торговых операций, вторым приносили ущерб.

Причины возникновения такого неравенства следует искать, на наш взгляд, в исторической обстановке, существовавшей в период оформления немецко-русских торговых отношений. В XII—XIII вв. экономические связи Новгорода с Западом были мало развиты, поездки новгородцев на зарубежные рынки случались редко, и экономика Новгорода в целом не достигла еще такого развития, как в последующие столетия новгородской самостоятельности. В это раннее время новгородской истории торговые сношения Новгорода с Западом осуществлялись через посредство ганзейского купечества, которое, используя свое положение единственного посредника, сумело установить на новгородском рынке выгодные для себя условия.

Ганзейское купечество прекрасно понимало, что для сохранения этих условий оно прежде всего должно было удержать монополию на торговлю с Новгородом. Именно поэтому Ганза всеми мерами стремилась не допустить установления непосредственных связей Новгорода с Западом, препятствуя как развитию активной торговли самих новгородцев, так и появлению в Новгороде иностранных купцов — неганзейцев. Уже во второй редакции скры, составленной в конце XIII в.,⁸⁰ ганзейским купцам запрещается вступать в компании с русскими и принимать их товары для перевозки и продажи на комиссионных началах; это запрещение распространялось и на компании с европейскими купцами, в первую очередь с предприимчивыми фламандцами и англичанами.⁸¹ Во второй половине XIV в. в четвертой редакции скры указанное постановление было дополнено запрещением привозить на немецкий двор купцов-неганзейцев. § 72 четвертой редакции скры гласит: «Далее, никто, кто хочет пользоваться правами св. Петра, не должен привозить в страну (Новгород, — *Н. К.*) чужих гостей, будь то ломбардцы или фламандцы или какие иные люди; также не должен он их товар в страну привозить под угрозой штрафа в 50 марок и потери прав двора».⁸² Приведенное правило повторялось во всех последующих редакциях скры.

Удержанию монополии на новгородскую торговлю в ганзейских руках, сохранению существующих порядков должна была способствовать и та строжайшая регламентация торговой деятельности, которую проводила Ганза. Регламентация распростра-

⁸⁰ В. Шлотер относит ее составление к 1295 г. (Nowgoroder Schra, S. 18).

⁸¹ Там же, с. 68.

⁸² Там же, с. 145.

нялась на все стороны торгового обращения: пути сообщения, предметы торговли, способы совершения торговых сделок. Поездки в Новгород разрешались только по определенным путям: согласно постановлению ганзейского съезда 1346 г., все товары, предназначавшиеся для Новгорода, должны были провозиться через порты Ливонии — Ригу, Ревель, Пернау.⁸³ На немецкий двор для продажи русским можно было привозить только определенные сорта товаров (это правило особенно касалось сукоп). Вести торговые сделки с русскими разрешалось лишь наличным товаром — «наличное за наличное» (*rede umme rede*); торговля в кредит строжайшим образом запрещалась. Каждому немецкому купцу разрешалось привозить в Новгород товаров на сумму не более 1000 марок,⁸⁴ так как слишком большой привоз товаров мог вызвать упадок цен на них и дать возможность отдельным купцам совершать большие обороты в ущерб другим. Все эти постановления, регламентирующие торговлю ганзейских купцов в Новгороде, препятствовали развитию частной инициативы, появлению новых форм торговли. Консерватизм, свойственный средневековым корпорациям, пронизывал все стороны жизни двора св. Петра и являлся средством сохранения сложившейся системы новгородско-ганзейской торговли.

Однако, несмотря на явные выгоды этой системы для ганзейцев, неправильно было бы думать, что даже в первый период новгородско-ганзейской торговли Новгород был пассивным объектом деятельности ганзейских купцов и не предпринимал никаких мер для ее ограничения. Одним из таких наиболее ранних мероприятий, существование которого зафиксировано источниками XIII в., являлось обязательство ганзейских купцов при проезде через новгородские владения пользоваться услугами новгородских лодочников, возчиков и носильщиков.⁸⁵ Это правило, чрезвычайно стеснявшее ганзейцев, доставляло неплохой заработок определенной части новгородцев, занимавшейся извозом. Лоцманы, лодочники и носильщики, используя корпоративный характер своих объединений, принуждали ганзейских купцов хорошо оплачивать их труд.

По-видимому, в XIV в. Новгород ограничил деятельность ганзейского купечества пределами самого города. В более раннее время ганзейцы имели право торговать не только в Новгороде, но и в других пунктах Новгородской земли: факты, свидетельствующие о существовании этой торговли, отмечены в источниках.⁸⁶ Для XIV—XV вв. никаких сведений о торговле между нов-

⁸³ HUB, Bd. III, Halle, 1882, № 69.

⁸⁴ LUB, Bd. VI, Riga, 1873, № 2821, § 27.

⁸⁵ ГВНП, № 31.

⁸⁶ Договор Новгорода с немецкими городами 1262—1263 гг. и проект договора 1269 г. свидетельствуют о торговле немцев в Карелии (ГВНП, № 29, 31).

городцами и ганзейцами в каких-либо пунктах Новгородской земли, помимо самого Новгорода, источники не дают.⁸⁷

В самом Новгороде ганзейские купцы также не располагали полной свободой торговли: им была запрещена торговля с купцами из других русских и нерусских земель; они могли заключать сделки с гостями только при посредстве новгородских купцов. Прямое указание на это мы находим в договоре Полоцка с ливонским магистром и Ригю 1405 г.: «А с повьгородци немецькому купцю торговати, а промежи има ходити нашему полочанину; за неже нас новьгородци не пустят у немецкий двор торговати без своего новьгородца».⁸⁸

Если для XII—XIV вв. вопрос о том, пользовались ли ганзейцы в Новгороде правом розничной торговли или нет, является спорным, то отсутствие у них этого права в XV в. не вызывает сомнений: в ганзейских документах XV в. встречаются жалобы на то, что в Новгороде ганзейским купцам запрещено вести розничную торговлю.⁸⁹

Таким образом, к концу XIV в. новгородцы провели ряд мероприятий, целью которых являлись ограничение деятельности ганзейских купцов и защита интересов новгородского купечества. Мы не знаем обстоятельств, при которых в Новгороде были введены эти меры. Источники не дают никаких материалов для суждения о том, вызвало ли введение их энергичное противодействие ганзейцев или же они сравнительно легко с ними примирились. Скорее можно предположить последнее, ибо, несмотря на все неудобства введенных для ганзейцев ограничений, они не затрагивали тех основ торговых отношений, которые позволяли ганзейскому купечеству извлекать значительные прибыли из торговли с Новгородом: важнейшие привилегии ганзейцев и монополия их на посредническую торговлю между Новгородом и Западной Европой оставались неприкосновенными.

⁸⁷ Исключение составляла торговля между новгородцами и ганзейцами на Неве. Но это была торговля полуполюгальная, ибо обычно она велась в периоды запретов торговли и нарушения нормальных торговых отношений.

⁸⁸ LUB, Bd. VI, № 2963.

⁸⁹ LUB, Bd. IV, Reval, 1859; № 1929; Bd. IX, Riga, Moskau, 1889, № 80, § 4.

РУССКО-ЛИВОНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XIV—
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.САЛИНСКИЙ ДОГОВОР И ВОЙНА
ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА С ПСКОВОМ
1406—1409 ГГ.

В конце XIV в. на Руси сложилась напряженная внутриполитическая и внешнеполитическая обстановка. 1392 г. был ознаменован большим успехом в деле объединения русских земель: под власть великого князя Московского Василия Дмитриевича (1389—1425) перешло Нижегородское княжество. Но в попытке присоединить к своим владениям богатейшую колонию Новгорода Двинскую землю Василий Дмитриевич потерпел неудачу: в результате войны между Москвой и Новгородом 1397—1398 г. Двинская земля осталась за Новгородом. В 90-х годах над Русью вновь нависла угроза опустошительного вторжения с востока: в 1395 г. войска среднеазиатского деспота Тимура вступили в русские пределы, и от страшной опасности Русь была спасена лишь благодаря тому, что Тимур по каким-то причинам повернул от Ельца обратно.

В это тревожное время, когда на Руси происходила внутренняя борьба и когда у ее восточных границ появились грозные завоеватели, на западе началась подготовка совместного наступления Ордена и литовских феодалов. Как мы уже отмечали, Витовт, стремившийся к созданию сильного и независимого литовского государства, собирался осуществить свои планы, в частности путем территориальной экспансии против русских земель. Союзника в этом вопросе он нашел в лице Ордена.

Сближение Витовта с Орденом имело место в последние годы XIV в. Уже в 1397 г. между Витовтом и великим магистром Тевтонского ордена Конрадом фон Юнгингеном велись переговоры о заключении союза. Предполагалось совместное выступление против русских земель с целью их аннексии, причем к Литве должен был отойти Новгород, к Ордену — Псков.

Однако в процессе переговоров выяснилось, что Орден не склонен довольствоваться присоединением Пскова. Появление такого сильного союзника, как Витовт, пробудило у руководителей Ордена в Ливонии заглушенные мечты о подчинении Ордену хотя бы

части Новгородской земли. 8 августа 1397 г. великий магистр Конрад фон Юнгинген дает инструкцию своему послу передать королю Венгрии, что задержка в переговорах с Витовтом произошла из-за сообщения Ливонского ордена о том, что находящаяся между Великим Новгородом и Ливонией земля, называемая Вотской, принадлежит Ордену; во время переговоров с Витовтом вопрос о Вотской земле не ставился, а теперь великий магистр хочет его поставить.¹

Присоединение Вотской земли было чрезвычайно заманчиво для Ордена не только потому, что таким образом раздвигались пределы орденского государства, но и по более конкретным причинам: 1) Орден, получив выход к берегам Невы, мог контролировать новгородскую торговлю; 2) граница между Новгородом и Орденем, проходившая по Нарове, отодвигалась на восток в область, не имевшую естественных рубежей. Оба эти обстоятельства позволяли Ордену держать Новгород под постоянной угрозой и усиливали позиции Ордена.

Однако такая перспектива для Витовта, в будущем князя Новгородского, согласно условиям проектируемого соглашения, была малопривлекательной, поэтому обсуждение вопроса о Вотской земле затянулось. Но великий магистр не снимал его с повестки дня. В апреле 1398 г. он писал ливонскому магистру, что надеется, после того как будут улажены главные вопросы, найти средство для разрешения вопроса о Вотской земле.² Надежды великого магистра оказались тщетными. Ни в прелиминарных условиях договора между Тевтонским орденом и великим князем Литовским от 23 апреля 1398 г., ни в самом договоре, заключенном на о. Салин (на нижнем Немане) 12 октября 1398 г., никаких статей о Вотской земле нет.³

Салинский договор устанавливал вечный мир между Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом. Витовт уступал Ордену Жмудь и обещал оказывать Ордену некоторое содействие в утверждении своей власти над нею. Витовт отказывался также от всяких притязаний на Псков и в случае подчинения Пскова Ордену признавал навечно переход его под власть Ордена.⁴ Орден в свою очередь отказывался от каких бы то ни было притязаний на Новгородскую землю (очевидно, и на входящую в ее состав Вотскую землю) и признавал в случае подчинения Новгорода Литве переход его навечно под власть последней. «Далее мы не должны иметь никаких притязаний на землю Великого Новгорода, — писал великий магистр в своей договорной грамоте, — и если она каким-либо образом будет подчинена нами, нашим Орденем или без нас, должна она принадлежать вышеназванному

¹ Инструкция великого магистра послу к королю Венгрии: LUB, Bd. IV, № 1462.

² Письмо великого магистра: LUB, Bd. IV, № 1469.

³ Договорные грамоты: LUB, Bd. IV, № 1470, 1478, 1479.

⁴ LUB, Bd. IV, № 1479.

господину Александру (Витовту, — *Н. К.*), его христианским наследникам и приемникам вечно, и в этом мы вышепозванному господину и его преемникам не должны никаким способом препятствовать с доброй верностью». ⁵

Салинский договор означал серьезную угрозу для Руси. Заключение его знаменовало оформление военного союза орденских рыцарей и литовских феодалов и ставило Новгород и Псков перед возможностью объединенного наступления Ордена и Литвы. Но прошло несколько лет, прежде чем участниками Салинского договора была предпринята попытка его осуществления. Причины этого промедления были сложными.

Начало XV в. было ознаменовано героической борьбой жмуди за свою независимость (вооруженное восстание против Тевтонского ордена 1401 г.), которая отвлекала силы рыцарей и препятствовала таким образом организации наступления против русских земель. В то же время у Ливонского ордена существовало двойственное отношение к договору. С одной стороны, руководители Ордена рады были использовать представившийся случай и с помощью Литвы подчинить давний объект своих вожделений — Псков и даже, как вначале они надеялись, Вотскую землю. С другой стороны, они могли опасаться, что выполнение принятых на Салинском острове обязательств поведет к усилению Литвы за счет Ордена. В самом деле, если бы Салинский договор был осуществлен и Витовт стал новгородским князем, то Псковская земля почти со всех сторон оказалась бы окруженной литовскими владениями. Как правильно заметил П. Остен-Сакен, сохранение Пскова за Орденом в такой ситуации было бы маловероятным. ⁶ Естественно поэтому, что Орден занимал осторожную позицию, не начиная враждебных действий против Новгорода и Пскова и ожидая дальнейших шагов Витовта.

Между тем в 1399 г. Витовт предпринял меры, которые знаменовали, казалось, его решимость приступить к незамедлительному выполнению условий Салинского договора. Весною 1399 г. из Пскова выехал литовский наместник князь Иван Андреевич, внук Ольгерда, «крестное целование сложив». ⁷ Очевидно, литовский наместник покинул Псков по велению Витовта, который тем самым засвидетельствовал готовность выполнить обязательство перед Орденом, касавшееся Пскова. В том же 1399 г. Витовт прислал Новгороду грамоту с объявлением войны. По словам Новгородской летописи, объявление войны Витовтом было вызвано отказом новгородцев признать его великим князем. «Обе-

⁵ LUB, Bd. IV, № 1478.

⁶ Ючас М. А. Литовское великое княжество во второй половине XIV—начале XV в. и борьба литовского народа за независимость. Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. истор. наук. М., 1956, с. 3, 15. Osten-Sacken P. Livländisch-russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen, S. 29—31.

⁷ ПЛ, с. 26; ПЛ, с. 30; ПЛ, с. 109.

ществовалъ мя есте, — приказал Витовт передать новгородцам, — что было вам за мене няться, а мнѣ было вам княземъ великимъ быти, а вас мнѣ было боронити; а вы за мене [не] нялѣся».⁸ Однако за всеми этими крайними дипломатическими акциями, предварявшими обычно начало войны, военные действия не последовали: внимание Витовта было поглощено подготовкой к выполнению другого грандиозного плана, по отношению к которому условия Салинского договора играли лишь подсобную роль.

Витовт заключил союз с бывшим золотоордынским ханом Тохтамышем, разбитым Тимуром. Витовт обещал Тохтамышу помощь в возвращении золотоордынского престола, Тохтамыш Витовту — титул великого князя Московского.⁹ В качестве такового Витовт становился и князем Новгорода, и Пскова. Именно это намерение приписывает ему составитель Новгородской летописи: «Хотѣл пленити Рускую землю и Новѣград и Псковъ».¹⁰ Но намерениям Витовта не суждено было сбыться: в августе 1399 г. на берегах Ворсклы войска Тимура нанесли литовцам страшное поражение,¹¹ которое положило конец планам Витовта завладеть московским престолом и подчинить себе всю Русь.

Вскоре ухудшились и отношения Витовта с Орденом: с 1401 до 1404 г. они носили враждебный характер.¹² Само собой разумеется, что в этих условиях Салинский договор потерял свою силу. Правда, Орден вступил в союз с противником Витовта Свидригайло, стремившимся к овладению литовским престолом. В 1402 г. великий магистр Конрад фон Юнгинген и Свидригайло подтвердили Салинский договор. В отношении Пскова Свидригайло дал отдельную грамоту, подтверждавшую права Ордена на Псков.¹³ Однако коалиция Свидригайла и Ордена для Новгорода и Пскова реальной опасности не представляла, ибо Свидригайло не имел за собой достаточных сил.

Все отмеченные изменения в политической и дипломатической ситуации в Восточной Европе и Прибалтике и обусловили длительное промедление с реализацией Салинского договора. Хотя ни Орден, ни Литва не приступали к осуществлению Салинского договора, обстановка для Новгорода и Пскова продолжала оставаться тревожной: над ними висела угроза возможного наступления Ордена и литовских феодалов. Создавшиеся условия побуждают Новгород и Псков принять меры к упрочению своего положения.

⁸ НИЛ, с. 393.

⁹ НИВЛ2, с. 384—385; ПСРЛ, т. XXV, с. 229.

¹⁰ НИЛ, с. 395; ср. НИВЛ2, с. 384—385.

¹¹ НИЛ, с. 394—395; НИВЛ2, с. 385—386; ПСРЛ, т. XXV, с. 229.

¹² Барбашев А. И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. СПб., 1885, с. 119—122.

¹³ Договорная грамота Свидригайлы о союзе с Орденом от 2 марта 1402 г.: LUB, Vd. IV, № 1603; грамота Свидригайлы о Пскове от 2 марта 1402 г.: LUB, Vd. IV, № 1604.

Новгород, верный политике лавирования между враждебными сторонами, предпринимает шаги для урегулирования отношений как с Москвою, так и с Литвою. Осенью 1398 г. после удачной для Новгорода войны с Василием Дмитриевичем из-за Двинской земли «ѣздиши послы из Новагорода» в Москву и «възяша миръ с великымъ княземъ по старине». Новгород поддерживал хорошие отношения с Москвою и в последующее время: Андрея Дмитриевича, брата великого князя, приезжавшего в 1399 г. в Новгород, новгородцы приняли с большой честью.¹⁴ В то же время новгородцы хлопотали о нормализации отношений с Литвой: в 1400 г. новгородское посольство ездило в Литву и заключило с Витовтом мир «по старине».¹⁵

Если Новгород стремился упрочить свое положение путем лавирования и избегать таким образом войны, то Псков взял твердый курс на сближение с Москвою и на усиление своей обороноспособности в предвидении близкой войны. После отъезда из Пскова литовского князя Ивана Андреевича в 1399 г. псковичи посылали посольство к великому князю Московскому Василию Дмитриевичу и «испросиша себе» князя Ивана Всеволодовича, внука Александра Тверского. В 1401 г. в Псков приехал князь Даниил Александрович, как сообщает псковский летописец, «от великаго князя Василия Дмитриевича намѣстником».¹⁶ В условиях возросшей опасности с запада Псков тяготеет к Москве, как носительнице национальных интересов русского народа.

С возможностью наступления литовских феодалов и орденских рыцарей были связаны, очевидно, и работы по укреплению Пскова, которые проводились в рассматриваемое время. В 1399 г. псковичи «оучиниша новую стѣпу къ старой стѣнѣ на приступѣ, от Великой рѣки и до Пскова, и поставиша три костры: первый на Незнановѣ горке, а другии в Лужках воротъ, а третии оу Куминых воротъ». В 1400 г. был поставлен костер «над Псковою на Крему», а «другии костерь в куть Крема на стрелицы». Под 1401—1402 гг. в Псковской летописи вновь читаются сообщения о строительстве укреплений возле Великой реки: под 1401 г. — «того же лета псковичи причиниша стѣну к старой стѣнѣ возле Великую реку», под 1402 г. — «того же лѣта здѣлаша стѣну псковичи возле Великую рѣку и покрыша». Строительные работы велись и в 1404 г.: «Того же лѣта псковичи съдѣлаша стѣну возле Пскову месяца июня въ 28 день..., а до осени и покрыша».¹⁷

В 1404 г. между Витовтом и Орденом вновь происходит сближение. 22 мая 1404 г. в Рацянже был возобновлен союз Витовта с Орденом и подтвержден Салинский договор.¹⁸ Но с реализацией

¹⁴ НПЛ, с. 393—394; НВЛ2, с. 383.

¹⁵ НПЛ, с. 396.

¹⁶ ППЛ, с. 26; ср. ППЛ, с. 30—31; ППЛ, с. 109.

¹⁷ ППЛ, с. 26—27; ср. ППЛ, с. 30—31; ППЛ, с. 108—111.

¹⁸ Договорная грамота Витовта: LUB, Bd. IV, № 1642.

его опять имело место некоторое промедление, обусловленное, в частности, борьбой Витовта за Смоленск, который он подчинил в 1405 г.

К осуществлению Салинского договора его участники приступили в 1406 г., избрав объектом для нанесения первого удара Псков. Военные действия начал Витовт. В феврале 1406 г. он «повоевал» Псковскую землю и взял город Коложу «на миру и на крестномъ целовании, а миру не отказавъ, ни крестнова целования не отславъ, ни мирных грамот». Псковичи совершили ответный поход на Ржев и Великие Луки и одновременно просили Новгород о помощи. Новгородским воеводам, подошедшим в это время к Пскову, они били челом, прося их пойти с ними на Литву «мстите крови христианския». Но воеводы отказались, мотивируя свой отказ тем, что воевать против Литвы владыка не благословил, а Новгород не указал; вместо похода против Литвы новгородские воеводы предложили идти на Ливонию. Поход псковичей против Литвы возглавил князь Даниил Александрович, которого псковичи получили из рук великого князя Московского в 1401 г. Под руководством Даниила Александровича псковичи 30 июня 1406 г. подошли к Полоцку и в течение трех дней осаждали его, затем ушли обратно.¹⁹

В августе 1406 г. в войну вступил Ливонский орден. 22 августа крупные военные силы из Ливонии под руководством магистра вторглись в пределы Псковской земли. Летописец сообщает, что «прииде местерь рижький со всею силою своею и съ юриевцы и с курцы к городу Изборску, и ходиша по волости двѣ недѣли, и под Островомъ и под Котелномъ были, а под Псковомъ не быша».²⁰ Из сообщения Псковской первой летописи следует, что в войне против Пскова участвовал не только Орден, но и Дерптское и Курляндское епископства.

¹⁹ ПЛ, с. 28—29; ср. ПЛ, с. 31—32; ППЛ, с. 111—112. — В основу изложения событий войны 1406—1409 гг. между Литвой и Орденом, с одной стороны, и Псковом — с другой, мы кладем рассказ Псковской первой летописи, как наиболее близкий по месту и времени возникновения описываемым событиям и как наиболее подробный. Мы даем также ссылки на соответствующие места Псковской второй и третьей летописей, рассказ которых имеет некоторые отличия (непринципиального характера). Известия новгородских летописей о борьбе Пскова с Литвой и Орденом в 1406—1409 гг. очень лаконичны (ПЛ, с. 398—401; ППЛ, с. 398—399, 404—405), что, возможно, было связано с позицией правящих кругов Новгорода, пожелавших оказать помощи Пскову. Известия московских летописей подробнее новгородских, но по сравнению с псковскими они не дают ничего нового (ПСРЛ, т. XXV, с. 233—234, 236, 239; т. XVIII, с. 151, 154; т. VI, с. 132—135; т. XX, ч. 1, с. 222—223; т. XXVIII, с. 90—92, 255—256, 258; т. VIII, с. 78, 80—81, 85; т. XI, с. 193, 197—198, 201—203, 205, 215). В силу отмеченных особенностей известий новгородских и московских летописей ссылок на них по ходу изложения событий войны 1406—1409 гг. мы не даем, за исключением одного случая, когда в них сообщаются новые факты (см. прим. 24).

²⁰ ПЛ, с. 29; ср. ПЛ, с. 32; ППЛ, с. 112—113.

Ответный поход псковичей имел место лишь осенью. Вероятно, причиною такого промедления послужил мор, свирепствовавший осенью 1406 г. в Псковской земле. Возможно также, что псковским властям нужно было время для организации похода, который был предпринят крупными силами. По словам псковского летописца, князь Даниил Александрович и посадник Юрий Филиппович и все мужи псковичи, «подъемиша всю свою область, идоша на Немецкую землю месяца октябрия в 7 день». Сражение произошло недалеко от Кирьемпе, где псковичей ожидали ливонские рати. Псковичи ударили по ним, и те, не выдержав удара, бежали; псковичи били врагов на протяжении 15 верст до Кирьемпе — «и оубиша Нѣмецъ 300 и 15 мужь, а пскович оубиша 34». Псковское войско возвратилось «со многим добытком».²¹ Поход был, таким образом, успешным для псковичей.

Несмотря на успех, псковские власти отдавали себе отчет в том, что вести одновременную борьбу с Ливонией и Литвою Пскову будет трудно, поэтому «псковичи много челом биша новгородцемъ, дабы им помогли; они же не помогоша псковичем ни мало».²² Новгород отказался помочь Пскову, хотя весной, когда Псков просил о помощи против Литвы, новгородские воеводы сами предлагали идти на Ливонию: очевидно, в устах новгородских воевод это была лишь уловка для оправдания отказа. На самом деле новгородское правительство не желало помогать Пскову ни против Литвы, ни против Ливонии, в происходящей войне оно стремилось сохранить нейтралитет.

Тогда псковичи обращаются к великому князю Московскому. Его ответ был совершенно иным: «Князь великий Василии разверже миръ со княземъ литовьскимъ Витовтомъ, с тестемъ своимъ, пѣсковьския ради обиды, зане же неверникъ онъ отступникъ правыя вѣры христовы повоева Пѣсковскую область, и град Коложо взя на крестномъ целования». Вслед за этим псковичи испросили себе в князя брата великого князя, Константина, который прибыл в Псков в марте 1407 г. Под руководством князя Константина Дмитриевича псковичи в июне 1407 г. совершили удачный поход в Ливонию за Нарву, к городу Порху, куда они не ходили со времен князей Довмонта и Давида.²³ По сообщению новгородских и некоторых московских летописей, псковичи во время похода взяли город Порх.²⁴

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ ПЛЛ, с. 29—30; ср. ППЛ, с. 32—33; ППЛ, с. 113—114.

²⁴ ПЛЛ, с. 400; НГҮЛ2, с. 405; ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 223. — В других московских летописях город, взятый псковичами, называется Язвип, или Явзина (ПСРЛ, т. XXV, с. 236; т. XVIII, с. 154; т. XXVIII, с. 91, 256; т. VIII, с. 81; т. XI, с. 201). В Софийской второй летописи есть известия о двух походах псковичей под руководством Константина Дмитриевича в Ливонию: во время одного (в 6914 г.) был взят город Порх, во время другого (в 6915 г.) — город Язвип (ПСРЛ, т. VI, с. 134—135). Очевидно, составитель Софийской второй летописи механически переписал известия

Между тем, когда Москва помогала Пскову, Новгород не только не думал предпринять какие-либо шаги в деле оказания помощи, но пошел даже на сближение с врагами Пскова. Новгородцы приняли к себе из рук Витовта в качестве служебного князя литовского князя Лугвеня. «А все то псковичемъ на перечину, — с негодованием пишет псковский летописец, — и вложи имъ дьяволь злыя мысли въ сердца их, держаху бо любовь с Литвою и с Нѣмцы, а псковичемъ не помагаше ни словомъ ни дѣломъ». Охарактеризовав позицию Новгорода, летописец добавляет: «И псковичи положиша оупование на бога, на святую троицу и на князя великаго Василия Димитреевича».²⁵ В этих словах ярко выразилось осознание роли Москвы, как той политической силы, которая явилась покровительницей национальных интересов русского народа и которая готова была оборонять от внешних врагов все русские земли, в том числе и еще не находившиеся под ее властью.

В июне 1407 г. князь Константин Дмитриевич уехал из Пскова по причинам, о которых летописец умалчивает. В августе 1407 г., возможно в связи с отъездом брата великого князя, имел место новый большой поход ливонских сил на Псковскую землю. На этот раз Орден целью своего удара избрал Псков. Наступил самый критический момент войны, ибо судьба Пскова решала в известной мере судьбу всей Псковской земли, которая, согласно Салипскому договору, должна была стать достоянием Ордена. Подойдя к Пскову, враги расположились станом в его предместье Туховитичах. Сюда же подошли псковичи. В течение четырех дней, как рассказывает летописец, шла борьба за броды через реку Великую в Туховитичах. Ливонские рати не сумели овладеть переправой и отошли «прочь, не оучинивше ничто же».

Псковичи двинулись вслед уходящему противнику. Битва произошла 21 августа «за Камном на Лозговичьскомъ поли», расположенном на пути к Изборску. По-видимому, здесь руководство ливонских войск решило дать сражение псковичам, так как, судя по словам летописца, вражеские рати стояли в боевой готовности: «А они погани бяхуть опольчилися». Псковичи ударили по противнику, но сражение для них оказалось неудачным («показаша псковичи плещи своя и побегоша»); псковичи потеряли трех посадников, многих бояр и сельских людей, всего около 700 человек. С ливонской стороны также были большие потери: «А немецких князей и боярь избыща много, не толко колко псковичъ пало, но и боле». Об ожесточенности битвы дают представление слова летописца: «Сие бысть побоище силно, яко же бысть Ледовое побоище, оу Раковора».

о походе Константина Дмитриевича из разных летописей, в которых город, взятый псковичами, называется по-разному. В результате этого один поход псковичей под руководством Константина Дмитриевича превратился в Софийской второй летописи в два похода.

²⁵ ПЛ, с. 30; ср. ПЛ, с. 33; ПЛ, с. 115.

Очевидно, поход Ордена в Псковскую землю в августе 1407 г. имел в виду Руссов, когда писал: ливонский магистр Конрад фон Фитингоф «вел ожесточенную войну против русских и предпринял поход в Псковскую область, где имел сражение с русскими при водах Модды (р. Великая, — *Н. К.*), убил из пих 7000 человек и отбросил множество их в воду, так что они должны были потонуть. После такой победы магистр хотел далее преследовать своих врагов, но должен был воротиться ради пруссаков, на которых сильно нападали Ягелло, король польский, и Витольд, великий князь литовский, чтобы подать помощь и освобождение пруссакам».²⁶ Руссов, верный своей тенденции, преувеличивает потери русских. Думается, что он дает и неверное объяснение причин ухода ливонского войска из Псковской земли в 1407 г.: военные действия между Тевтонским орденом и Польшей—Литвой начались из-за Жмуди позже. Причиной возвращения Конрада фон Фитингофа в Ливонию после одержанной им победы были, вероятно, потери, понесенные немцами в сражении на Лозговичском поле: победа далась им дорогой ценой.

В то время, когда псковичи вели тяжелые сражения с рыцарями на территории Псковской земли, другая псковская рать совершила поход за Нарову. Этот поход для псковичей также оказался неудачным: встретив, по-видимому, превосходящие силы противника, псковичи, «видяще безсилie свое», покинули ушкуи и возвратились пешком.

В следующем, 1408 г. псковичам пришлось отражать новые вражеские вторжения. На этот раз враги действовали согласованно. Литовские и ливонские рати осадили город Велье, намереваясь взять его. Из критического положения вельян выручили жители другого псковского пригорода — Воронача, которые, ударив против литовцев, убили 100 человек. В то же время орденские отряды опустошали другие псковские волости: «А мeстеръ в то время ходилъ по Демяничи и по Залесию, и много пакости оучи-ниша». Разоряя Псковскую землю, ливонские отряды зашли и в пределы Новгородской земли и там «много повоеваша», «и до Кошькина городка гонячися, изсѣкопа мужей и женъ много, а инѣх во свою землю поведоша». Война, участия в которой Новгород так старательно избегал, вторглась теперь в пределы Новгородской земли, но позиция Новгорода оставалась неизменной. «А новгородцы о всемъ том нерадиша», — пишет псковский летописец.²⁷

Вскоре после этих событий из Пскова выехал княживший там князь Константин Белозерский, очевидно, потому, что псковичи

²⁶ ПЛ, с. 30—31; ср. ПЛ, с. 33—34; ППЛ, с. 115—116; Руссов, с. 262.

²⁷ ПЛ, с. 31—32; ср. ПЛ, с. 34; ППЛ, с. 116. — Новгородские летописи ничего не сообщают о вторжении ливонского войска на новгородскую территорию, но что таковое действительно имело место, видно из предъявленного Новгородом Ордену в 1416 г. требования о компенсации за убытки, причиненные Новгородской земле во время войны (см. с. 48).

сочли его неспособным организовать отпор врагу; летописец замечает, что он выехал из Пскова, «не оучинив помощи никакого же». Псковичи вновь приняли к себе князя Даниила Александровича, которого в свое время прислал великий князь. В мае небольшие ливонские отряды опять совершили набег на Велье, отбитый и на этот раз с помощью ворончан.²⁸

Военные действия, продолжавшиеся более двух лет, не принесли Ордену желаемых результатов — нанести сокрушительный удар по Пскову Ордену не удалось. Вероятно, это обстоятельство, а также необходимость привести в порядок военные силы побудили Орден заключить перемирие осенью 1408 г. до сретения (до февраля 1409 г.). По истечении перемирия магистр с крупными силами — «со всею силою немецкою и с Литвою» — снова вторгся в Псковскую землю. Однако и теперь рыцарям, несмотря на совместный с Литвою поход, не удалось добиться сколько-нибудь эффективных результатов. Пограбив и опустошив псковские волости, зайдя при этом и в новгородские волости, орденские рати удалились.²⁹

Война продолжалась три года. В ходе ее руководство Ордена имело все основания убедиться в нереальности поставленной цели — подчинения Пскова своей власти. Несмотря на отдельные поражения, псковичи стойко защищали собственные рубежи, и Ордену не удалось захватить ни пяди Псковской земли. А между тем затянувшиеся военные действия истощали силы Ордена. Изменилась также политическая ситуация в Восточной Европе и Прибалтике. В 1409 г. на р. Угре был заключен мир между Витовтом и великим князем Московским Василием Дмитриевичем;³⁰ заключение мира делало проблематичным дальнейшее участие Литвы в войне против Пскова. В то же время обострились отношения между Орденom и Литвой: назревало столкновение из-за Жмуди. Все эти обстоятельства побуждали Орден искать мира с Псковом.

Мир был заключен летом 1409 г. на съезде в Кирьемпе между Псковом, с одной стороны, и магистром, дерптским епископом и «всею землею немецкою» — с другой. Новгород к участию в мире привлечен не был, очевидно, из-за той позиции, которую он занимал во время войны. Грамота о мире, заключенном в Кирьемпе, не сохранилась. Летописец также не излагает условий мира, ограничиваясь замечанием, что псковичи взяли мир «по своей воле».³¹ Но частично условия мира нам известны: в проекте договора Пскова с Орденom 1417 г. при перечислении некоторых статей имеется указание — «как докончали мир при Кирьенне». Статьи эти гарантировали послам, гостям и купцам «чистый путь»,

²⁸ ПЛ, с. 32; ср. ПЛ, с. 34—35; ПЛ, с. 116—117.

²⁹ ПЛ, с. 32; ср. ПЛ, с. 35; ПЛ, с. 117.

³⁰ Там же.

³¹ ПЛ, с. 33; ср. ПЛ, с. 35; ПЛ, с. 118.

а гостям и купцам, кроме того, свободу торговли во владениях каждой из договаривающихся сторон (подробнее см. с. 51—52). Очевидно, эти статьи имелись и в тексте договора, заключенного при Кирьемпе. Надо думать, что в его состав входили также статьи, гарантирующие соблюдение мира и неприкосновенность пограничных рубежей.

В 1410 г., по сообщению составителя Псковской второй летописи, псковичи заключили мир и с Витовтом «опроче Новгорода».³²

Война 1406—1409 гг. закончилась крушением экспансионистских планов орденских рыцарей и литовских феодалов. Ход военных действий показал, что у Ордена, несмотря на деятельную помощь Литвы, нет реальных возможностей для завоевания русских земель. В то же время эта война еще раз доказала, что существование Ордена в Восточной Прибалтике таит в себе опасность для соседних государств. А между тем, хотя псковичи героически защищали свой родной край, нанести мощный контрудар по Ордену они были не в состоянии. Что касается Новгорода, то он предпочитал уклоняться от участия в борьбе против Ордена, так как в политике нейтралитета и лавирования усматривал средство сохранения своей самостоятельности. Москва, охотно откликавшаяся на просьбы Пскова и помогавшая ему дипломатическим путем и присылкой князей, оказать помощь крупными военными силами не могла, потому что процесс объединения Руси под властью великих князей московских еще не был завершен.

СТАБИЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ НОВГОРОДА И ПСКОВА С ЛИВОНИЕЙ ПОСЛЕ ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ

В 1410 г. между Литвой и Польшей, с одной стороны, и Тевтонским орденом — с другой, началась война из-за Жмуди, переросшая в решительное столкновение славянского мира с силами Тевтонского ордена. Оно произошло в июле 1410 г. в битве у Грюнвальда. Здесь соединенные силы Польши и Литвы при участии русских смоленских полков нанесли Тевтонскому ордену такой удар, после которого он уже никогда не смог оправиться. Хотя Ливонский орден в войне с Польшей и Литвой 1410—1411 гг. активного участия не принимал, тем не менее разгром Тевтонского ордена сопровождался ослаблением внешнеполитического положения Ливонии.

После Грюнвальдской битвы Ливонский орден на несколько десятилетий прекращает агрессию против русских земель. Не имея возможности предпринять активные военные действия, Орден проводит мероприятия, которые должны были способствовать ослаб-

³² ППЛ, с. 35.

лению военной мощи Руси. В 1411 г. ливонский магистр Конрад фон Фитингоф издает строжайшее напоминание о запрещении вывоза в Россию коней, которые стоят дороже двух марок и на вывоз которых нет письма комтура. Запреты вывозить лошадей, очевидно имевших боевое значение, повторяются и в 1413, и в 1414 гг.³³

Не отказывается Орден и от взгляда на русские земли, как на «законный» объект своих вожделений: в письме великому магистру от 11 июля 1411 г. ливонский магистр, сообщая об известиях, полученных от своих послов, вернувшихся из Литвы и Пскова, писал, в частности, что псковичи заодно с Витовтом и что это несправедливо, так как Псков предназначен Ордену;³⁴ несомненно, что магистр имел в виду условия Салинского договора, которые он продолжал считать имеющими силу, несмотря на заключенный между Псковом и Ливонией мир. Это письмо как нельзя лучше показывает, что отказ Ливонского ордена от агрессии против русских земель носил вынужденный характер и не свидетельствовал о принципиальном изменении его политики в отношении Руси.

Ослабление Ордена вызвало некоторую активизацию политики Новгорода в отношении Ливонии. Новое направление в политике Новгорода выявилось почти сразу же после Грюнвальда. Уже в октябре 1410 г. ливонский магистр сообщал в Пруссию, что не сегодня-завтра русские могут отказаться в мире.³⁵ В 1411 г. новгородцы обратились с письмом к литовскому князю Симеону Лугвению Ольгердовичу (бывшему уже один раз, в конце XIV в., в Новгороде в качестве служебного князя), прося его вновь приехать в Новгород. Свою просьбу новгородцы мотивировали тем, что они нуждаются в помощи Лугвения, так как не желают больше терпеть высокомерия и надменности Ордена.³⁶ В июле 1412 г., когда в Риге находилось новгородское посольство, требовавшее разбирательства старых тяжб, «тайные друзья» из Новгорода предупредили магистра, что новгородским послам дана инструкция, если их требования будут отклонены, предъявить фогту Нарвы при возвращении домой грамоту об отказе Ордену в мире.³⁷

К разрыву мирных отношений с Ливонией Новгород усиленно побуждал в эти годы Витовт, продолжавший после Грюнвальдской битвы в союзе с Польшей борьбу против притязаний Тевтонского ордена на Западную Литву — Жмудь (войну с крестоносцами при-

³³ Письмо ливонского магистра Ревелю от 29 июня 1411 г.: LUB, Bd. IV, № 1887; переписка орденских чинов и ливонских городов от 1413—1414 гг.: там же, № 1952; Bd. V, Riga, 1867, № 1955, 1957, 1964.

³⁴ Письмо ливонского магистра: LUB, Bd. IV, № 1888.

³⁵ Письмо ливонского магистра великому магистру от 10 октября 1410 г.: LUB, Bd. IV, № 1849.

³⁶ Грамота Новгорода князю Симеону Лугвению: ГВНП, № 52.

³⁷ Письмо ливонского магистра великому магистру от 12 июля 1412 г.: LUB, Bd. IV, № 1920.

плось вести еще два раза — в 1414 и 1422 г.).³⁸ 27 августа 1411 г. ливонский магистр писал великому магистру, что по договоренности с польским королем и Витовтом новгородцы в случае нарушения Орденом Торуньского мира (заключенного между Орденом и Польшей—Литвой после Грюнвальдской битвы) должны будут отказать Ордену в мире и напасть на его владения. В 1412 г. Ягайло и Витовт прислали Новгороду грамоты с требованием разорвать мир с Ливонией.³⁹ К войне с Орденом Витовт побуждал Новгород и в 1417 г.⁴⁰

Однако, несмотря на старания Витовта и на угрожающее поведение самого Новгорода, дело до войны не дошло. Более того, когда в 1412 г. Ягайло и Витовт прислали в Новгород грамоты с требованием разорвать мир с Ливонией, новгородцы ответили отказом: «Не может Новгород того учинити, какъ есме с литовскимъ мирни, такъ есме и с Нѣмци мирны».⁴¹ Даже вывод Лугвеня и последующий разрыв мира с Новгородом Витовтом и Ягайлом не поколебали решения новгородского правительства. И позже, в 1417 г., когда, по сведениям рата Нарвы, Новгород обещал Витовту сложить крестное целование Ордену, дело до разрыва мирных отношений Новгорода с Орденом опять не дошло.⁴²

Такое расхождение между «словами» и «делами» Новгорода в отношении Ордена заставляет думать, что новгородское правительство войны с Ливонией не хотело. Используя ослабление позиций Ливонского ордена после Грюнвальда, оно лишь пугало Орден призраком войны. Для чего? На этот вопрос помогает ответить, как нам кажется, анализ требований, предъявлявшихся Ордену новгородскими посольствами 1412 и 1416 гг.

Уже упоминавшееся нами новгородское посольство 1412 г. требовало у магистра в Риге разбирательства старых тяжб, в частности в отношении товара, находившегося в Швеции.⁴³ Таким образом, один из вопросов, поставленных новгородским посольством, касался купеческих дел: речь шла, по-видимому, о товаре новгородских купцов, увезенном в Швецию.

Еще более важны для понимания позиции Новгорода требования, предъявлявшиеся новгородским посольством Ордену в 1416 г.: 1) возмещение убытков, которые были причинены новгородцам во время псковской войны (1406—1409 гг.), когда Новгородская земля была опустошена и много людей было уведено в плен;

³⁸ Дундулис Б. И. Дипломатическая и вооруженная борьба Литвы против Тевтонского ордена и ее союз с гуситами в 1410—1422 гг. Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. истор. наук. Вильнюс, 1955.

³⁹ LUB, Bd. IV, № 1899; ПЛ, с. 403; ПЛ2, с. 412—413.

⁴⁰ Письмо рата Нарвы Ревелю от 5 января 1417 г.: HUB, Bd. VI, Leipzig, 1905, № 104.

⁴¹ ПЛ, с. 403; ПЛ2, с. 412.

⁴² Письмо рата Нарвы Ревелю от 5 января 1417 г.: HUB, Bd. VI, № 104.

⁴³ Письмо ливонского магистра великому магистру от 12 июля 1412 г.: LUB, Bd. IV, № 1920.

2) возвращение серебра, отнятого у новгородцев в прошлые времена в Нарве,⁴⁴ 3) изменение системы наказания и судопроизводства в отношении новгородцев, находившихся в Ливонии; в частности, новгородские послы жаловались, что новгородцев, виновных в совершении тяжелых проступков, в Ливонии сажали в темницы, в то время как с немцами в Новгороде так не поступали.⁴⁵ Таким образом, если не считать первого пункта (о компенсации новгородцев за убытки, понесенные во время войны Ордена с Псковом), то можно с полным основанием утверждать, что новгородское посольство 1416 г., как и посольство в 1412 г., добивалось от Ордена удовлетворения интересов новгородского купечества и новгородской торговли (несомненно, что последнее требование об изменении системы наказания новгородцев, находившихся в Ливонии, было рассчитано в первую очередь на новгородских купцов).

Особую остроту во время переговоров приобрел, по-видимому, вопрос о системе наказания и судопроизводства в отношении новгородцев, находившихся в Ливонии. В этом вопросе магистр пошел на уступки. Он договорился с новгородскими послами о том, что если кто-нибудь из русских совершит в Ливонии тяжелый проступок, то его не должны заключать в темницу и суд над ним следует производить в присутствии его друзей, которым будет посылаться специальное извещение через фогта Нарвы и посадника русского Нового Городка (Ямгорода).⁴⁶ Естественно, что это решение, предусматривавшее присутствие представителей Новгорода при суде над новгородцами в Ливонии, гарантировало в какой-то мере последних от произвола местных властей. В переговорах 1416 г. и в достигнутом соглашении впервые нашло выражение стремление русских властей оградить своих подданных, находившихся в Ливонии, от самоуправства местных властей в сфере суда. Это стремление, как мы увидим дальше, стало одной из пружин политики русского правительства в отношении Ливонии и Ганзейского союза в конце XV—начале XVI в.

Тот факт, что Новгород обратился с требованиями, касающимися вопросов русско-ливонской торговли, не к Ганзейскому союзу (хотя ливонские города были членами Ганзы), а к ливонскому магистру, весьма показателен. Это свидетельствует, с одной стороны, о значительном развитии торговли новгородцев в Ливонии и зависимости ее от орденских властей, а с другой — о той большой роли, которую вопросы торговли занимали в политике Новгорода в отношении Ливонии. В рассматриваемые годы Новгород добивался от Ордена лишь удовлетворения интересов своей тор-

⁴⁴ Письмо ливонского магистра великому магистру от 8 марта 1416 г.: LUB, Bd. V, № 2059.

⁴⁵ Письмо комтура Ревеля ревельскому рату от 9 марта 1416 г.: LUB, Bd. V, № 2060.

⁴⁶ Там же.

говли. Средством для этого являлось дипломатическое давление, временами угроза войны, но в действительности войны Новгород не хотел.

Близкой к позиции Новгорода в отношении Ордена была позиция Пскова.

Руководство Ордепом не раз высказывало опасения, что псковичи разорвут мирные отношения и начнут против Ливонии военные действия, но всякий раз эти опасения не оправдывались. Так, летом 1411 г. ливонский магистр ожидал, что новгородцы и псковичи под влиянием Витовта откажут в мире и нападут на Ливонию; но когда Витовт действительно потребовал от Новгорода и Пскова этого шага, то они отклонили требование Витовта, и последний разорвал мир с Новгородом и Псковом.⁴⁷ В 1413 г., после примирения между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и Витовтом — с другой, новгородцы и псковичи обещали помочь Витовту, если он предпримет что-либо против Ордена.⁴⁸ Весной 1416 г. рыцари Гаррии и Вирландии писали великому магистру, что псковичи заодно с Витовтом и думают причинить зло Ливонии.⁴⁹ Но когда Витовт летом 1417 г. потребовал от Пскова разрыва мира с Ливонией, то псковичи ответили, что не могут выполнить его требования, так как находятся в размирье с Новгородом.⁵⁰

Перечисленные факты показывают, что Псков, предпринимавший в значительной мере под давлением Витовта враждебные Ордену дипломатические акции, войны с ним не хотел. Более того, псковское правительство пыталось урегулировать свои взаимоотношения с Ливонией путем переговоров.

С этой целью летом 1412 г. в Ригу одновременно с новгородским посольством прибыло посольство псковичей. Во время переговоров псковские послы жаловались на дерптского епископа, который чинит препятствия свободному проезду псковских купцов. Магистр возразил, что дерптский епископ терпит много обид от псковичей, и предложил псковичам созвать съезд с епископом для улаживания споров.⁵¹ Характерно, что центральным вопросом, поднятым псковскими послами во время переговоров, был вопрос о торговле псковских купцов в Ливонии, точнее, в Дерпте

⁴⁷ Письмо ливонского магистра великому магистру от 27 августа 1411 г.: LUB, Bd. IV, № 1889; письмо великого магистра императору Сигизмунду от 14 февраля 1413 г.: Codex epistolaris Vitoldi. Cracoviae, 1882, № 532.

⁴⁸ Письмо ливонского ландмаршала великому магистру от 1 мая 1413 г.: LUB, Bd. IV, № 1938.

⁴⁹ Письмо рыцарей Гаррии и Вирландии великому магистру от 10 мая 1416 г.: LUB, Bd. V, № 2071.

⁵⁰ Письмо ливонского магистра великому магистру от 2 июня 1417 г.: LUB, Bd. V, № 2142.

⁵¹ Письмо ливонского магистра великому магистру от 12 июля 1412 г.: LUB, Bd. IV, № 1920.

ском епископстве, с которым Псков связывали особенно оживленные торговые сношения.

В 1416 г. у ливонского магистра вновь были псковские послы, которые вели переговоры о подтверждении путем крестоцелования старого мира (имелся в виду мир, заключенный в Кирьемпе в 1409 г.). Магистр удовлетворил просьбу псковичей о крестоцеловании, псковские послы обещали, что псковичи со своей стороны целуют крест.⁵² По справедливому предположению П. Остен-Сакена, просьба псковичей была вызвана тем, что осенью 1415 г. во главе Ливонского ордена стал новый магистр Зигфрид Ландер фон Шпангейм и Псков был заинтересован в подтверждении существующего мира с его стороны.⁵³

В следующем, 1417 г. Псков предложил Ордену заключить новый договор. Причины, побудившие Псков к этому шагу, изложены во введении к псковскому проекту договора 1417 г. Здесь указывается, что Витовт не раз требовал от Пскова разрыва мирных отношений с Орденом, а так как Псков не соглашался с требованиями Витовта, то последний намеревается идти войной против Пскова. Это обстоятельство заставило Псков упредить свои отношения с Орденом и предложить ему проект нового договора.⁵⁴

Перечень условий договора начинается в псковском проекте с взаимного обязательства сторон не оказывать помощи Витовту друг против друга. Следующая статья включала обязательство Ордена и рижского архиепископа не оказывать помощи против Пскова ни Витовту, ни иному литовскому государю, ни дерптскому епископу. Далее следовало обязательство псковичей не нападать на земли магистра и не помогать литовцам против него. Последующие статьи псковского проекта формулировали обязательство сторон «исправу дать» по всем спорным делам, «по старым или по новым, на суше и на воде». Затем текст псковского проекта вновь касался вопроса о поведении сторон в случае войны и формулировал обязательство их никому не помогать против другой стороны. Далее снова шли статьи о Дерптском епископстве: «А захочет епископ юрьевский в том же едипении быть, то добро; а не захочет, господину магистру за него не стоять. А псковичам насилия епископствам рижскому и юрьевскому не делать». Следующая статья формулировала обязательство сторон в случае отказа от мира (по истечении срока договора) оповещать об этом друг друга за четыре недели по старому крестному целованию. Все перечисленные статьи кончались формулой о целовании креста магистром и другими чинами Ордена «с доброжелательством

⁵² Письмо ливонского магистра великому магистру от 17 июня 1416 г.: LUB, Bd. V, № 2074.

⁵³ O s t e n - S a c k e n P. Livländisch-russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen, S. 78, Anm. 103.

⁵⁴ ГВНП, № 334, с. 318—319.

и по правде, и по старому крестному целованию, как dokonчали мир при Кирьенне, что послам и гостям, и купцам чистый путь горою и водою с обеих сторон; торговать твоим гостям в наших землях по старому обычаю, без вреда, также и нашим гостям в земле магистра торговать без вреда, по старому обычаю и по этому новому крестоцелованию, по старому обычаю». Договор предполагалось заключить на 10 лет.⁵⁵

В псковском проекте договора с Ливонией 1417 г. можно выделить две группы статей.

К одной группе относятся статьи, сопровождаемые ссылкой на «старое крестоцелование» или «старый обычай». Это статьи с обязательством «давать исправу» по спорным делам, отказывать в мире с оповещением за четыре недели и, наконец, снабженные ссылкой на мир при Кирьемпе статьи, гарантирующие свободу проезда послам, гостям и кушцам, а также свободу торговли гостям и купцам. Названные статьи, регулирующие различные вопросы межгосударственных отношений Пскова и Ордена (в том числе и торговых отношений), являлись, по-видимому, традиционными для псковско-ливонских договоров.⁵⁶

Другая группа включает статьи военно-политического характера: о взаимном обязательстве сторон не помогать против другой стороны ни Витовту, ни иным врагам, а также об обязательстве Ордена и рижского архиепископа не помогать дерптскому епископу против Пскова. Эти статьи, не сопровождаемые ссылкой на старое крестоцелование, были, очевидно, для формуляра псковско-ливонских договоров новыми и появились лишь в псковском проекте договора с Орденем 1417 г. Появление их было обусловлено международным положением в рассматриваемое время в Прибалтике: угрозой войны со стороны Литвы Пскову и Ордену и трениями между Псковом и Дерптским епископством. Предлагая Ордену заключить новый договор, Псков стремился не только гарантировать соблюдение старого мира, заключенного при Кирьемпе, но и обезопасить себя в сложившихся условиях со стороны Литвы и Дерптского епископства; при этом Псков добивался изоляции Дерптского епископства от остальных членов ливонской конфедерации.

Орден предложил контрпроект договора, датируемый 11 ноября 1417 г. Орденский проект также предполагал заключение мира сроком на 10 лет. На обе стороны налагалось обязательство в течение этого срока мира не отказывать, войны не начинать и ни-

⁵⁵ ГВНП, № 334; LUB, Bd. V, № 2166. — В ГВНП псковский проект ошибочно назван договорной грамотой Пскова с Ливонским орденом. В последней приведенной в нашем тексте цитате из русского перевода проекта договора нами дана иная, чем в ГВНП, пунктуация и внесены уточнения в перевод.

⁵⁶ О формуляре и содержании более ранних псковско-ливонских договоров можно высказывать лишь предположения, так как тексты их не сохранились.

какого войска, враждебного другой стороне, через свои владения не пропускать. Спорные дела между Орденом и Псковом или же между их людьми или купцами должны были решаться по крестному целованию. Предусматривалось присоединение к договору рижского архиепископа и дерптского епископа, если они захотят. Если же рижский архиепископ и дерптский епископ не захотят присоединиться к договору и между ними и Псковом возникнет война, то предусматривалось два варианта поведения Ордена: 1) если псковичи начнут войну против рижского архиепископа или дерптского епископа, то Орден помогает последним; 2) если названные епископы начнут войну против Пскова, то Орден никому не оказывает помощи и сохраняет нейтралитет. Далее трактовался вопрос о том, как следует вести себя договаривающимся сторонам (Пскову и Ордену) в случае, если рижский архиепископ и дерптский епископ присоединятся к договору и при этом между ними и Псковом возникнет распря, которую они не сумеют сами ликвидировать: в таком случае псковичи должны послать к магистру, и тот решит, правы они или нет. Завершающая статья орденского проекта устанавливала, что по истечении 10 лет, если не будет заключено нового соглашения и возникнет вражда, мир можно отказывать за четыре недели по старому крестоцелованию. Заключивался проект формулой о целовании креста и привешивании печатей магистром и чинами Ордена и указанием на то, что также должны поступать псковичи.⁵⁷

Если первые статьи орденского проекта (о сохранении мира в течение 10 лет) близки к соответствующим статьям псковского проекта, если последняя статья (об отказе мира за четыре недели) совпадает с аналогичной статьей псковского проекта, то средняя часть орденского проекта, касающаяся взаимоотношений Пскова с ливонскими епископами, существенно отличается от псковского проекта. Статьи псковского проекта о дерптском епископе были направлены на то, чтобы изолировать дерптского епископа и не допустить оказания ему помощи со стороны Ордена в случае войны с Псковом. Для орденского же проекта, предусматривавшего не только оказание помощи епископам со стороны Ордена в случае нападения на них Пскова, но и право Ордена решать вопрос о виновности сторон в распрях епископов с Псковом, было характерно стремление противопоставить Пскову ливонскую конфедерацию в целом, а также подчеркнуть роль Ордена не только как главы ливонской конфедерации, но и как третьей стороны в распрях между Псковом и ливонскими епископами. Мы полагаем, что в основе последнего стремления лежало представление о Пскове как о государстве, находящемся в какой-то зависимости от Ордена. Это представление являлось продолжением, правда ослабленным, взгляда на Псков как на достойное

⁵⁷ Орденский проект договора: LUB, Bd. V, № 2171.

Ордена, который был распространен в орденских кругах в начале XV в., в период действия Салинского договора.

С орденским проектом договора в Псков были направлены послы магистра, фогт Вендена и комтур Мариенбурга. Они должны были вручить орденский проект псковским властям, чтобы те целовали на нем крест, и получить от Пскова «противель» договора, повторяющий орденский проект. Однако когда ливонские послы прибыли в Псков, то псковские власти отказались принять орденский проект и предложили простое крестоцелование на том, что мир будет соблюдаться в течение 10 лет.⁵⁸ Ознакомление с орденским проектом договора, существенно противоречившим, как мы указывали, псковскому, убедило, очевидно, псковичей в том, что Орден не желает заключать мир на условиях, отвечавших интересам Пскова. А так как орденский проект для Пскова был явно неприемлем, то псковские власти сочли за лучшее предложить простое крестоцелование о соблюдении мира без обмена договорными грамотами.

Получив от своих послов информацию о позиции псковичей, ливонский магистр обратился за советом к великому магистру.⁵⁹ Новое промедление в подписании договора было вызвано столкновениями между Псковом и дерптским епископом, по поводу которых епископ предложил созвать съезд, но псковичи пожелали отложить его «до травы» (т. е. до весны 1418 г.).⁶⁰ В мае 1418 г. у магистра было новое псковское посольство, выразившее желание заключить мир на 10 лет; ответное посольство магистр должен был прислать в Псков 24 июня.⁶¹ На этом известия о переговорах между Псковом и Орденom по поводу заключения мира прекращаются. П. Остен-Сакен считает, что около 24 июня 1418 г. мир был заключен. Но было ли это простое крестоцелование или торжественный обмен грамотами, неизвестно.⁶²

Заключение соглашения с Орденom отвечало интересам Пскова, так как благодаря этому, во-первых, на какой-то срок создавалась гарантия мира на псковско-ливонской границе и благоприятных условий для развития внешней торговли Пскова, во-вторых, упрочивалась независимость внешней политики Пскова от влияния Витовта, стремившегося в этот период втянуть Псков и Новгород в войну с Ливонией. Но желая соглашения с Орденom, Псков, как мы видели, решительно отвергнул невыгодные для него условия орденского проекта договора и связанного с ним притязания

⁵⁸ Письмо ливонского магистра великому магистру от 16 декабря 1417 г.: LUB, Bd. V, № 2176.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Письмо ливонского магистра великому магистру от 1 января 1418 г.: LUB, Bd. V, № 2189.

⁶¹ Письмо ливонского магистра великому магистру от 8 мая 1418 г.: LUB, Bd. V, № 2232.

⁶² O s t e n - S a c k e n P. Livländisch-russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen, S. 88.

Ордена на роль третейского судьи в вопросах псковско-ливонских спонений. Таким образом, в сложной внешнеполитической обстановке Псков сумел соблюсти интересы своей независимости как в отношении Литвы, так и Ордена.

В развитии новгородско-ливонских отношений на рубеже 10-х и 20-х годов XV в. заметна тенденция к стабилизации. Орден, ослабленный после Грюнвальда, ввиду продолжающихся напряженных отношений с Литвой был заинтересован в урегулировании отношений с Псковом и Новгородом. Новгород, переживший серьезные внутренние потрясения (мор в 1417 г., крупное народное восстание под руководством Степанки в 1418 г., волнения 1421 г.), тоже стремился к прочному миру со своими соседями. К стабилизации новгородско-ливонских отношений побуждали и интересы взаимной торговли.

В 1420 г. между Новгородом и Ливонским орденом начались переговоры о мире.⁶³ В августе 1420 г. в Ригу прибыли новгородские послы, которых магистр взял с собой на заседание орденского капитула в Вендене. Там послы предъявили новгородский проект договора.⁶⁴

Новгородский проект договора 1420 г. является древнейшей из сохранившихся новгородско-ливонских договорных грамот (если считать и их проекты). Он составлен от имени великого князя Константина Дмитриевича,⁶⁵ посадника [Василия] Никитича, тысяцкого Кузьмы Терентьевича и всего Великого Новгорода. Договор предполагалось заключить между Новгородом и Псковом, с одной стороны, магистром и дерптским епископом — с другой. Таким образом, договор должен был положить конец трем как между Новгородом и Ливонией, так и между Псковом и Дерптским епископством и способствовать установлению прочного мира на всей русско-ливонской границе.

Проект содержал следующие статьи: 1) подтверждается старая граница между Новгородом и Ливонией — «земле и воде Новгороду с магистром старый рубеж по середине Наровы, по стержени»; остается старая граница между Псковом и Дерптским епископством; 2) запрещается всякое нарушение границы — «и людям с немецкой стороны через Нарову не ходить, и земли там не пахать, и сена не косить, и рыбы в воде не ловить, и леса не рубить и не возить; также и новгородцам на немецкую сторону не ходить»; 3) «в шведский замок Выборг ни ревельцам, ни тем, кто за Наровой, хлеба из [ливонской] земли не возить и шведское войско через землю [ливонских] господ не пропускать; также вестей о новгородском войске не передавать»; 4) новгородским и псковским гостям гарантируется «чистый путь» по «Немецкой

⁶³ Переписка орденских чинов от 1420 г.: LUB, Bd. V, № 2455, 2496.

⁶⁴ Письмо ливонского магистра великому магистру от 30 августа 1420 г.: LUB, Bd. V, № 2500.

⁶⁵ Великим князем назван брат Василия Дмитриевича Константин, с 1419 по 1421 г. находившийся в Новгороде.

земле» «горою и водою»; также и немецким гостям по Новгородской и Псковской земле; 5) «чистый путь» должны иметь великокняжеские и новгородские послы, отправляющиеся за море или возвращающиеся из-за моря; 6) по «обидным делам» «исправу давать» с обеих сторон по крестному целованию.⁶⁶

Если статьи, определяющие границу, не вносят ничего нового в существующее положение (граница остается старая); если статьи о «чистом пути» для купцов и разрешении «обидных дел» также являлись, по-видимому, традиционными (во всяком случае для новгородско-ганзейских договоров), то совершенно новые для практики русско-ливонских отношений нормы содержит третья статья. Эта статья запрещала вывоз хлеба из Ливонии в Выборг (упоминание в запрете Ревеля и области Наровы было обусловлено тем, что именно Ревель и Нарва вели оживленную торговлю с Выборгом), а также обязывала Орден не пропускать шведское войско против Новгорода и не передавать сведений о новгородском войске. Предъявление Новгородом Ордену казанных требований было вызвано напряженными отношениями со Швецией, существовавшими у Новгорода после войны 1411 г., когда шведы взяли новгородский пригород Тиверский, а новгородцы ходили под Выборг.⁶⁷ Принятие третьей статьи означало бы существенный перелом во взаимоотношениях Новгорода с Орденом: Орден из врага, то явного, то скрытого, превратился бы в дояльного соседа, обязанного хранить военные тайны Новгорода, не пропускать враждебное ему войско и не оказывать помощи его врагу подвозом продовольствия. Принципиально новой являлась и статья о гарантии «чистого пути» для новгородских и великокняжеских послов, едущих «за море». По этой статье Орден должен был признать за новгородцами право на свободное плавание по морю — право, которое упорно отрицали ганзейцы, всеми силами стремившиеся не допускать развития заморских поездок новгородцев.

Орденский капитул в Вендене отклонил новгородский проект договора. Ливонский магистр Зигфрид Ландер фон Шпангейм в письме великому магистру так мотивировал решение орденского капитула: «Как можем мы их защищать против нашего милостивого господина, короля датского;⁶⁸ как можем мы также допустить, чтобы мы христианских государей и князей не предупреждали бы о них; как можем мы также дать им свободный безопасный путь через открытое море».⁶⁹ Отклонение новгородского проекта вызвало перерыв в переговорах и ухудшение отношений

⁶⁶ Новгородский проект договора: ГВНП, № 59.

⁶⁷ НЛ, с. 402; НЛ, с. 411.

⁶⁸ После Кальмарской унии 1397 г. король Дании являлся одновременно и королем Швеции.

⁶⁹ Письмо ливонского магистра великому магистру от 30 августа 1420 г.: LUB, Bd. V, № 2500.

между Новгородом и Ливонией. Переговоры возобновились осенью, но протекали с большими трениями. Лишь в декабре была достигнута договоренность о съезде в Нарве между магистром и новгородскими властями.⁷⁰

На съезде, состоявшемся в Нарве в 1421 г., с новгородской стороны присутствовали наместник великого князя князь Федор Патрикеевич, посадник Василий Есифович, посадник Офнонос Федорович, Яков Дмитриевич, Михаил Юрьевич, Наум Иванович; с ливонской стороны — магистр Зигфрид Лаудер фон Шпангейм, ландмаршал Госвин фон Польгейм, комтур Феллина, комтур Ревеля, фогт Вендена, фогт Нарвы.

Договор был заключен на следующих условиях: 1) граница остается старая — «Норовѣ рѣкѣ стержнь от Чючкого озера стержнемъ и до моря по старымъ грамотамъ по княжимъ»; 2) по купеческим и «обидным» делам «исправу учипить» с обеих сторон по крестному целованию; 3) новгородским гостям путь чист для торговли в земле магистра и городах магистра; товары они могут покупать и продавать «без вывета и без рубежа» («без вывета» — без исключения, «без рубежа» — без препятствий); 4) такие же условия проезда и торговли для немецких гостей в Новгородской земле; 5) в случае, если магистр и его комтуры узнают, что ограбленный новгородский товар находится в земле магистра, они должны его возвратить по крестному целованию; 6) так же должны поступать новгородские власти в отношении немецкого товара, обнаруженного в Новгородской земле; 7) тяжбы между новгородцем и немцем решать по крестному целованию и «посулов» не брать.⁷¹

Договор существенно отличается от новгородского проекта. В договоре по неизвестным причинам не участвовали Псков и Дерптское епископство, хотя участие их предполагалось в новгородском проекте. Отсутствует также статья об обязательстве магистра запретить вывоз хлеба в Выборг, не пропускать через свои владения шведское войско и не сообщать сведений о новгородском войске; отсутствует и статья о гарантии великокняжеским и новгородским послам «чистого пути за море». Принятие этих статей означало, с точки зрения католического мира, измену его интересам и заключение союза со схизматиками-русскими. Именно по этим пунктам Орден проявил твердость и не пошел на уступки.

Начальная статья договора, устанавливавшая границу, формально ничего не меняла, граница оставалась прежней, но вместе с тем принятие этой статьи может расцениваться как успех новгородцев: Орден, подтверждая старую границу, тем самым отказы-

⁷⁰ Переписка ливонского магистра и орденских чинов от октября—декабря 1420 г.: LUB, Bd. V, № 2372; HUB, Bd. VI, № 329, 338, 339.

⁷¹ Новгородско-ливонский договор 1421 г.: ГВНП, № 60.

вался от посягательств на Новгородскую землю, выдвинутых в период оформления Салинского договора.⁷²

Исключительное внимание в договоре уделяется торговле. Собственно весь договор, за исключением первой статьи, посвящен урегулированию вопросов торговли и связанного с ними вопроса о положении купцов на чужбине. Это свидетельствует о той большой роли, которую играли вопросы торговли в новгородско-ливонских отношениях.

Хотя важные статьи новгородского проекта договора не вошли в заключенный договор, но в целом договор отвечал интересам Новгорода: он означал официальный отказ Ордена от притязаний на новгородскую территорию и создавал гарантию благоприятных условий для развития внешней торговли Новгорода. Удовлетворение новгородцев заключенным договором выразил новгородский летописец: «И взяша вѣчныи миръ по старинѣ, како былъ при великом князѣ Александрѣ Ярославичѣ»⁷³ (имеется в виду мир после Ледового побоища).

На съезде были приняты также дополнительные соглашения, которые в текст договора не попали. О них мы узнаем из писем ливонского магистра великому магистру. В письме от 15 марта 1421 г. Зигфрид Ландер фон Шпангейм извиняется перед великим магистром, что не может выслать ему требуемой суммы денег, так как 24 июня текущего года, согласно условиям, принятым в Нарве, он должен возместить новгородцам ущерб (в размере 1720 рижских марок), причиненный им еще во времена магистра Веннемара фон Брюггеней (конец XIV — начало XV в.).⁷⁴ По-видимому, на съезде в Нарве новгородцы добились того, чего они безуспешно добивались от Ордена в 1412 и 1416 гг. — обязательства компенсировать убытки, причиненные в Ливонии новгородским купцам (см. с. 48—49). В результате этого соглашения новгородцы предъявляют Ордену новые денежные иски: в уже упомянутом письме фон Шпангейм сообщает, что в Риге находится новгородский посол, который на основе писем магистра Конрада фон Фитингофа требует уплаты еще 2000 марок.

Содержание договора 1421 г. и дополнительных соглашений, принятых в Нарве, показывает, что в сношениях с Ливонией Новгород руководствовался прежде всего интересами торговли и в первую очередь добивался их удовлетворения.

⁷² И. Э. Клейнбергер считает, что по договору 1421 г. было восстановлено утерянное Новгородом право на половину течения Наровы (Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV в., с. 140—151).

⁷³ НПЛ, с. 413. В Новгородской четвертой летописи добавлено: «... и при князи Юрьи Даниловичѣ» (НПЛ2, с. 427). Очевидно, чтобы подчеркнуть значение договора с Орденом 1421 г., составитель летописи к сравнению его с миром, заключенным Александром Невским, добавил сравнение с Ореховским договором (заключен в 1323 г. при князе Юрии Даниловиче).

⁷⁴ LUB, Bd. V, № 2532.

Стабилизация, достигнутая в русско-ливонских отношениях после заключения псковско-ливонского договора 1418 г. и новгородско-ливонского договора 1421 г., продолжалась до начала 40-х годов XV в.

Внешнее и внутреннее положение Ливонии в 20—30-х годах было таково, что побуждало Орден заботиться о сохранении мира с русскими землями.

Наиболее важным вопросом внешней политики Ордена являлись взаимоотношения с Литвой. В последние годы жизни Витовта отношения между Литвой и Орденом перестали носить такой враждебный характер, какой имели после Грюнвальдской битвы. Витовт, стремясь к получению королевской короны, которая рассматривалась как символ суверенного и равноправного с Польшей Литовского государства, хотел опереться на Орден. Орден со своей стороны рассчитывал оторвать Литву от Польши.⁷⁵ Стремление Ордена разрушить унию Литвы и Польши привело после смерти Витовта к заключению союза между Орденом и Свидригайлом, которого правящие круги Литвы, стремившиеся к независимости, провозгласили вопреки воле польских панов великим князем Литовским. В качестве союзника Свидригайла Орден вступил в войну с Польшей и с Сигизмундом, занявшим в 1432 г. в результате государственного переворота по инициативе польских панов великокняжеский престол в Вильно. В 1435 г. войска Свидригайла и Ливонского ордена были разбиты поляками у Вилькомира на р. Свенте. В том же 1435 г. в Бресте между Орденом и Польшей был подписан вечный мир, по которому Орден отказывался от союза со Свидригайлом, укрепившимся в восточных областях Великого княжества Литовского, и давал обязательство не оказывать помощи никакому великому князю Литовскому в борьбе с Польшей.⁷⁶ Военное поражение Ордена у Вилькомира сопровождалось и его дипломатическим поражением.

Неблагоприятный оборот для Ордена приняли в этот период и внутрививонские дела. При архиепископе Иоганне Амбундии (1418—1424 гг.) возобновилась борьба архиепископов против Ордена. Рижские архиепископы стремятся освободиться от зависимости Ордена, в которую они попали в конце XIV в. Борьба продолжается с переменным успехом вплоть до 1435 г. В декабре того же года на ландтаге в Валке было достигнуто соглашение, разрешившее спор архиепископов с Орденом. Ценою уменьшения своей

⁷⁵ Дундулис Б. И. Борьба Литвы за государственную самостоятельность в XV в., с. 16—18.

⁷⁶ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912, с. 100—101; Чешихин Е. В. История Ливонии, т. III. Рига, 1887, с. 94—96; Дундулис Б. И. Борьба Литвы за государственную самостоятельность в XV в., с. 18—23.

власти над архиепископством и согласия на создание в Ливонии конфедерации Орден добился заключения земского мира между сословиями на 6 лет,⁷⁷ что было особенно важно после вилкомирского поражения.

Естественно, что при таких обстоятельствах Орден не склонен был осложнять свои отношения с Новгородом и Псковом.

Новгород и Псков в 20—30-е годы были заинтересованы в сохранении достигнутого *status quo* в отношениях с Орденом. Договоры с Орденом 1418—1421 гг. удовлетворяли в известной мере, как мы отмечали, обе русские республики. К тому же к сохранению мира с Ливонией их побуждала угроза со стороны Витовта (в 1426 г. имела место война между Литвой и Псковом, в 1428 г. — между Литвой и Новгородом⁷⁸).

Благоприятные отношения, установившиеся между русскими вечевыми республиками и Ливонией в начале 20-х годов, нашли свое отражение в документации Ордена: комтур Динабурга в письме, датированном январем 1422 г., касаясь вопроса о внешнеполитическом положении Ордена, отмечает, что у Ордена с новгородцами и псковичами дела обстоят хорошо.⁷⁹ В 1424 г. имело место подтверждение мира между Орденом и Псковом.⁸⁰

Стремясь в то время к сохранению мира с русскими землями, Орден не вмешивается в происходившую в 1424 г. распрю между Псковом и Дерптским епископством и не оказывает последнему помощи.⁸¹ Рукоудствуясь той же целью, он отказывается поддерживать запреты, налагаемые Ганзой на торговлю с русскими. Так, в 1424 г., когда ливонские города обратились к Зигфриду Ландеру фон Шпапгейму с просьбой присоединиться к запрету торговли с Новгородом, он отказался, указав, что с Новгородом заключен мир, который он не может расторгнуть. В 1425 г., когда Ганза вновь наложила запрет на торговлю с Новгородом, магистр опять отклонил просьбу ливонских городов о присоединении к запрету.⁸² Отказываясь присоединиться к запретам торговли

⁷⁷ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, с. 101; Чешихин Е. В. История Ливонии, т. III, с. 96—97; Schieman T. Russland, Polen und Livland, Bd. II. Berlin, 1886, S. 112—116; История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, с. 116; История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, с. 255—256.

⁷⁸ ПИЛ, с. 35—38; ПИЛ, с. 40—42; ПИЛ, с. 121—125; ПИЛ, с. 415; НИВЛ, с. 432.

⁷⁹ Письмо комтура Динабурга ливонскому магистру от 2 января 1422 г.: LUB, Bd. V, № 2576.

⁸⁰ ПИЛ, с. 39. — О сношениях между Псковом и Орденом, предшествовавших подтверждению мира в 1424 г., см.: Osten-Sacken P. Livländisch-russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen, S. 97—102.

⁸¹ Переписка чинов Ордена от августа—декабря 1424 г.: LUB, Bd. VII, Riga, Moskau, 1881, № 177, 222.

⁸² Письма Риги Любеку до 22 июля 1421 г. и Дерпта Ревелю от 2 октября 1425 г.: HUB, Bd. VI, № 383; LUB, Bd. VII, № 356. О ганзейских запретах торговли с Новгородом см. с. 108.

с русскими, Орден вместе с тем вводит ограничения на продажу им металлов: ландтаг, заседавший в Валке в феврале 1421 г., вынес решение о запрещении привоза русским меди, цинка и «других товаров, из которых можно делать оружие»; запрещение распространялось не только на металлы, но и на различные металлические изделия: горшки, кружки, котлы, тазы, тарелки и т. д.⁸³ Припимая эти меры, Орден стремился не допустить усиления военной мощи русских земель.

Очевидно, в целях сохранения мира с русскими Орден в 1426 г. отклоняет просьбу Витовта разрешить орденским рыцарям участвовать в походе Витовта против Пскова и одновременно ведет переговоры с Псковом о продлении истекающего десятилетнего мира.⁸⁴ Местный конфликт, возникший в 1427 г. на псковско-ливонской границе, когда люди из-за рубежа сожгли сено на псковской территории, а псковичи в ответ произвели разорение на ливонской, был улажен, и в 1428 г. состоялось подтверждение мира. С ливонской стороны в нем участвовал не только Орден, но и Дерптское епископство; как сообщает псковская летопись, «псковичи миръ потвердиша с местером и съ юриевцы».⁸⁵ По-видимому, к этому времени отношения Пскова с Дерптским епископством были урегулированы, а имевшая место в предыдущие годы распря сглажена.

Отдельные инциденты, возникавшие в 30-е годы в сношениях Руси и Ливонии, не нарушали установившегося между ними мира. Так, когда в 1430—1431 гг. между Новгородом и Ливонией возникли напряженные отношения в связи с убийством одного русского в Нарве, инцидент был улажен путем переговоров, и осенью 1431 г. путем крестоцелования было заключено соглашение о продлении мира на 4 года.⁸⁶ Весной 1436 г. к магистру прибыли новгородские послы для нового подтверждения мира.⁸⁷ Осенью того же года, когда между Псковом и Дерптским епископством возникла очередная распря, магистр, очевидно с целью ее улаживания, послал своих послов в Псков.⁸⁸

Стабилизация, сохранявшаяся в русско-ливонских отношениях в 20—30-х годах и отвечавшая в сложившейся политической ситуации интересам обеих сторон, была нарушена в начале 40-х годов, когда Орден начал войну против Новгорода.

⁸³ Письмо ливонских городов Любеку от 12 февраля 1421 г.: HR, Bd. VII, Leipzig, 1893, № 301; письмо ганзейских городов рижскому архиепископу от 31 мая 1422 г.: там же, № 496.

⁸⁴ Переписка Витовта с ливонским магистром от июня—июля 1426 г.: LUB, Bd. VII, № 490, 496.

⁸⁵ ПЛ, с. 38; ППЛ, с. 124.

⁸⁶ Письма ливонского магистра великому магистру и Ревелю от 1430—1431 гг.: LUB, Bd. VIII, Riga, Moskau, 1884, № 321, 366, 370, 497, 517.

⁸⁷ Письмо ливонского магистра великому магистру от 22 апреля 1436 г.: LUB, Bd. IX, № 39.

⁸⁸ Письмо ливонского магистра великому магистру от 15 сентября 1436 г.: LUB, Bd. IX, № 102.

Установить истинные причины новгородско-ливонской войны 1443—1448 гг. нелегко, ибо источники, рисующие довольно полно картину военных действий, о событиях, предшествовавших войне, дают лишь скудные и отрывочные данные. К тому же эти сведения имеют односторонний и малообъективный характер: все они исходят из лагеря Ордена, который был заинтересован в том, чтобы в качестве виновника войны выставить Новгород.

Исходным моментом событий, приведших к возникновению войны, является, согласно свидетельствам источников, убийство русскими жителя Нарвы Германа Кокена, служившего переводчиком у Гергарда фон Клеве, брата герцога Клевского. В 1438 г. Гергард фон Клеве решил посетить святые места. Путь он избрал дальний, через Ливонию и русские земли.⁸⁹ Из Новгорода по каким-то причинам Гергард фон Клеве повернул обратно. Когда он находился уже в Ревеле, то узнал, что его переводчик Герман Кокен, возвращавшийся домой, в Ниенслоте (Ямгороде) был заключен в темницу и затем убит.⁹⁰

Гергард фон Клеве обратился к ливонским властям с просьбой оказать ему содействие в получении удовлетворения от Новгорода. Он просил ливонские города задержать новгородские товары.⁹¹ Однако на первых порах и ливонские ландесгерры, и города отнеслись к его просьбе весьма сдержанно. Они рекомендовали Гергарду фон Клеве требовать от русских удовлетворения законным путем, не прибегая к насильственным мерам; рижский архиепископ Геннинг прямо указывал, что идти на разрыв мира с русскими опасно «вследствие неизмеримой силы русских и, к сожалению, слабости этой бедной страны».⁹² Города на просьбу о задержании товаров ответили, что не могут ее выполнить, так как задержание новгородцев, находившихся в ливонских городах, нанесло бы большой ущерб немецким купцам, которые (200 человек) были в то время в Новгороде.⁹³

Орден вначале никак не реагировал на убийство Германа Кокена, ибо был поглощен ожесточенной внутренней борьбой: после смерти в декабре 1437 г. ливонского магистра Гейнриха фон Бо-

⁸⁹ Письмо наместника Выборга Карла Кнутссона Новгороду от 24 ноября 1443 г.: LUB, Vd. IX, № 1016.

⁹⁰ Письма фогта Нарвы Гергарду фон Клеве от 17 ноября 1438 г. и Гергарда фон Клеве Ревелю от 30 ноября 1438 г.: LUB, Vd. IX, № 389, 395.

⁹¹ Письмо Гергарда фон Клеве Ревелю от 19 февраля 1439 г.: LUB, Vd. IX, № 425.

⁹² Письма ливонских городов наместнику магистра от 15 января 1439 г., рижского архиепископа Гергарду фон Клеве от 19 мая 1439 г. и Дерпта Гергарду фон Клеве от 28 июля 1440 г.: LUB, Vd. IX, № 409, 455, 620.

⁹³ Письма Дерпта Гергарду фон Клеве от 14 апреля 1439 г. и герцогу фон Клеве от 28 июля 1440 г.: LUB, Vd. IX, № 446, 620.

кепфорде в Ордене образовались две партии, каждая из которых добивалась признания магистром своего кандидата.⁹⁴ Пока шла борьба между обоими претендентами, Орден не проявлял никакого интереса к бесконечным посланиям Гергарда фон Клеве об оказании ему содействия в получении удовлетворения от Новгорода.

Положение изменилось в начале 40-х годов, когда в звании магистра утвердился Гейденрейх Финке фон Оверберг. Он горячо принялся защищать интересы брата герцога Клевского. В январе 1442 г. для разбора спорных дел в Нарве состоялся съезд магистра и повгородцев.⁹⁵ Здесь магистр потребовал, в частности, удовлетворения за убийство Германа Кокена. Не достигнув соглашения с новгородцами,⁹⁶ Гейденрейх Финке прибегает к репрессиям: он запрещает новгородским купцам торговать во владениях Ордена,⁹⁷ а несколько позже, в июле 1442 г., налагает запрет на вывоз зерна из Ливонии в Новгород; в 1443 г. этот запрет возобновляется.⁹⁸ Однако репрессии не дали никаких результатов, как и очередные переговоры между Новгородом и Орденом в 1443 г. Обвиняя новгородцев в нежелании дать удовлетворение за все причиненные обиды, в том числе за убийство Германа Кокена, Гейденрейх Финке осенью 1443 г. начал энергичную подготовку к войне с Новгородом.⁹⁹

Разумеется, дело об убийстве Германа Кокена являлось лишь поводом к войне. Начиная войну с Новгородом, руководители Ордена должны были исходить из более серьезных соображений.

Поражение Ордена в 1435 г. у Вилькомира в битве с поляками не только нанесло серьезный урон военным силам Ливонского ордена, но и подорвало его престиж. «Вечный мир» с Польшей, заключенный после этого поражения, положил конец надеждам на возможность отрыва Литвы от Польши и уничтожения ненавистной для Ордена унии. Закончился определенный этап внешней политики Ордена, и закончился неудачей. В этих условиях победоносная война против Новгорода могла явиться реваншем за понесенные внешнеполитические неудачи. Война должна была

⁹⁴ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, с. 101—102; Schieman n T. Russland, Polen und Livland, Bd. II, S. 126—127.

⁹⁵ В 1441—1442 гг. новгородцы требовали удовлетворения за насилия, чиненные их «братьям» в Ревеле и Нарве, а также за ограбления на море (письма немецкого двора в Новгороде Ревелю от 16 мая 1441 г., Новгорода Ревелю от конца 1441 г., немецкого двора в Новгороде Дерпту от 2 января 1442 г.: LUB, Bd. IX, № 724, 793, 801).

⁹⁶ Письма ливонских городов Любеку и Данцигу от 20 февраля 1442 г. и заявление (Anträge) посла ливонского магистра к великому магистру от 8 мая 1444 г.: LUB, Bd. IX, № 818, 819; Bd. X, Riga, Moskau, 1896, № 43.

⁹⁷ Заявление посла ливонского магистра к великому магистру от 8 мая 1444 г.: LUB, Bd. X, № 43.

⁹⁸ Письма ливонского магистра Ревелю от 5 июня 1442 г. и великого магистра Данцигу от 12 апреля 1443 г.: LUB, Bd. IX, № 870, 953.

⁹⁹ Заявление посла ливонского магистра к великому магистру от 8 мая 1444 г.: LUB, Bd. X, № 43.

поднять авторитет Ордена в глазах других государств и привлечь к нему сочувствие всего католического мира. Вместе с тем успешная война привела бы к укреплению положения Ордена в самой Ливонии и усилила бы его позиции по отношению к прелатам и городам. Гейденрейх Финке являлся, вероятно, выразителем настроений реваншистских элементов Ордена, мечтавших о возрождении его былой силы и влияния.

Имелись ли у Ордена какие-либо определенные планы территориальных приобретений за счет Новгородской земли, мы не знаем: источники по этому поводу не дают никаких указаний. Но можно полагать, что завоевание если не всей Новгородской земли, то какой-то ее части входило в расчеты Ордена. В пользу этого предположения свидетельствует стремление Ордена создать широкую антиновгородскую коалицию (с участием Швеции, Пруссии, германских князей и с благословения римского папы), о чем подробнее мы будем говорить далее.¹⁰⁰

¹⁰⁰ Причину войны Ордена с Новгородом Г. Козак усматривает в русско-литовских отношениях; он считает, что когда великий князь Литовский Казимир, используя борьбу между великим князем Московским Василием Васильевичем и Дмитрием Шемякой, попытался в 1443 г. инкорпорировать Новгород в состав Великого княжества Литовского, то ливонский магистр Гейденрейх Финке фон Оверберг начал войну с Новгородом, чтобы нанести поражение господствующей там литовской партии и помочь усилиться обеденной московской партии (*Cosack H. Zur auswärtigen Politik des Ordensmeisters Wolthus von Herze. HGBL, Bd. XXI, 1915, S. 102*). Свое мнение Г. Козак обосновывает ссылкой на письмо Казимира великому магистру от 28 декабря 1444 г., в котором Казимир писал, что ливонский магистр, узнав о желании новгородцев подчиниться великому князю Литовскому и о том, что тот дал им наместника (гауптмана), начал с новгородцами войну (*LUB, Bd. X, № 109, S. 74*). Версия, изложенная в письме Казимира, которую повторяет Козак, на наш взгляд, не соответствует действительности: 1) в 1443 г. новгородцы приняли у Литвы князя Ивана Владимировича, но не в качестве наместника, а в качестве служилого князя, которому дали в кормление пригороды, находившиеся раньше в руках также служилых князей, выходцев из Литвы, Лугвеня и его сына Юрия (*НИЛ, с. 423*); таким образом, в факте принятия новгородцами к себе на службу литовского князя ничего нового не было, и вряд ли этот факт мог послужить причиной войны Ордена против Новгорода; 2) новгородцы не только не желали подчиниться великому князю Литовскому, но когда тот прислал к ним посла с соответствующим предложением, они категорически его отвергли (*НИЛ, с. 424*); следовательно, говорить о господстве в Новгороде литовской партии, побудившем будто бы ливонского магистра начать войну с Новгородом, нет никаких оснований. Мы не знаем, каким образом у великого князя Литовского возникла высказанная им версия по поводу причин войны Ордена против Новгорода (может быть, опасаясь усиления Ордена в случае успешной войны против Новгорода, Казимир считал нужным поставить некоторую преграду устремлениям Ордена, подчеркнув в письме к великому магистру свои якобы особенно тесные отношения с новгородцами), но она противоречит показаниям основного источника по истории Новгорода того времени — Новгородской первой летописи. В силу всего сказанного мы считаем точку зрения Г. Козака неаргументированной и предлагаем причины войны Ордена с Новгородом искать не в новгородско-литовских отношениях, а в стремлении Ордена усилить свои внешне- и внутривосточные позиции.

Можно думать, что, подготавливая войну против Новгорода, Гейденрейх Финке учитывал обстановку, существовавшую на Руси. Во второй четверти XV в. Русь сотрясалась от феодальной усобицы в Московском княжестве. Против великого князя Василия Васильевича (1425—1462) выступил с претензией на великокняжеский престол его дядя, удельный князь Галицкий, а затем сыновья последнего, опиравшиеся на коалицию из удельных князей и местного боярства. В развернувшейся борьбе столкнулись силы, поддерживавшие объединительную политику великокняжеской власти, и силы, ей противостоявшие. Естественно, что при такой ситуации Орден мог не опасаться вмешательства великого князя в новгородско-ливонские отношения. В самый каупун военных действий Ордену удалось приобрести еще один важный дипломатический козырь: в сентябре 1443 г. между Орденем и Псковом был заключен десятилетний мир,¹⁰¹ что гарантировало Ордену нейтралитет Пскова в войне с Новгородом.

Осенью 1443 г. по приказу ливонского магистра военные силы Ордена стали сосредоточиваться на новгородско-ливонской границе. Одновременно ливонский магистр Гейденрейх Финке разработал план внезапного удара по Новгороду. Орденское войско должно было вторгнуться в Вотскую землю, разорить ее и овладеть русским Ниенслотом.¹⁰² По мысли Финке, опустошение Вотской земли должно было затруднить передвижение новгородского войска, если бы оно предприняло попытку наступления на Ливонию.¹⁰³

Осенью того же года орденское войско перешло новгородскую границу и сожгло посад Ямгорода.¹⁰⁴ Впоследствии Финке, желая снять с себя обвинение в нарушении мира, сообщал великому магистру, что собранное им войско вторглось в пределы Новгородской земли без его ведома и приказа.¹⁰⁵ Новгороду же ливонские власти послали извещение о том, что не они «воюют» новгородские земли, а «князь Григории из заморья Клевьский про своего проводника и толка ругодивца». Это объяснение показалось Новгороду малоубедительным: «А то все лгана Нѣмци».¹⁰⁶ Надо пола-

¹⁰¹ ПИЛ, с. 46; ПИЛ, с. 47; ПИЛ, с. 135—136.

¹⁰² В немецких источниках того времени Ямгород называется Ниенслотом (Новым Городом) (Клейненберг И. Э. О названии повгородского пригорода Ямы в западных источниках XV в. — Научн. докл. высшей школы, истор. науки, 1958, № 1, с. 12—16).

¹⁰³ Письмо магистра Ревелю от 1 октября 1443 г.: LUB, Bd. IX, № 1006.

¹⁰⁴ НИЛ, с. 423—424; НИВЛ2, с. 439; ПСРЛ, т. XVI, с. 185.

¹⁰⁵ Заявление посла ливонского магистра к великому магистру от 8 мая 1444 г.: LUB, Bd. X, № 43.

¹⁰⁶ НИЛ, с. 423—424; НИВЛ2, с. 439; ПСРЛ, т. XVI, стлб. 185. — Чтение «Итолка Ругодивца» (НИЛ, с. 424; НИВЛ2, с. 439; ПСРЛ, т. XVI, стлб. 185), что означает имя собственное, неправильно. Следует читать «и толка ругодивца», так как в летописи речь идет о жителе Нарвы Германе Кокене, бывшем переводчиком («толком») у брата герцога Клевского (см.: Казакова Н. А. О загадочном слове «итолок» новгородских и псковских летописей. — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, с. 139—141).

гать, что повгородский летописец не ошибался, ибо представляется вполне вероятным, что нападение на новгородские владения осенью 1443 г. было совершено во исполнение плана Финке о разорении Вотской земли.

В ответ на разорение пограничных волостей новгородские власти начали подготовку к походу против Ливонии. 10 ноября 1443 г. ревелльский комтур писал рату Ревеля, что новгородцы собираются по первому льду вторгнуться в Ливонию, что они уже сожгли одну из пограничных деревень.¹⁰⁷

Одновременно новгородское правительство предприняло попытку урегулировать свои отношения с Орденом мирным путем. В течение первых месяцев 1444 г. послы Новгорода несколько раз приезжали в Ливонию для переговоров с магистром.¹⁰⁸ Очевидно, новгородское правительство, следовавшее четко определенному курсу на сохранение мира с западными соседями, желало и на этот раз избежать войны. Однако, делая шаги к мирному разрешению конфликта, новгородские власти хотели достигнуть такой договоренности с Орденом, которая соответствовала бы интересам Новгорода. Во время переговоров новгородские послы выставили контртребования: о возвращении товаров, отнятых у новгородских купцов, и плененных, захваченных, по-видимому, во время нападения рыцарей на новгородские владения осенью 1443 г.¹⁰⁹ Новгородские послы потребовали также выдачи лиц, виновных в этом нападении. Ливонский магистр категорически отказался выполнить последнее требование, ибо не мог выдать христиан «отступникам от истинной церкви».¹¹⁰

Камнем преткновения явился также вопрос об участии ганзейских городов в проектируемой перемирии между Новгородом и Орденом. Новгородские послы пожелали, чтобы 73 ганзейских города были включены в перемирие и орденские власти дали бы за них ручательство.¹¹¹ Это требование исходило, видимо, от влиятельных кругов Новгорода, заинтересованных в скорейшем восстановлении торговли¹¹² и считавших, что магистр может оказать соответствующее влияние на ливонские города, а через них и на Ганзейский союз. Магистр отказался выполнить это требование. Отказ магистра привел к срыву переговоров.

¹⁰⁷ Письмо ревелльского комтура: LUB, Bd. IX, № 1014.

¹⁰⁸ Переписка орденских чинов и ливонских городов от 1443—1444 гг.: LUB, Bd. X, № 9, 13, 15, 23, 24.

¹⁰⁹ Письмо комтура Ревеля рату Ревеля от 24 января 1444 г.: LUB, Bd. X, № 9.

¹¹⁰ Заявление посла ливонского магистра к великому магистру от 8 мая 1444 г.: LUB, Bd. X, № 43.

¹¹¹ Письмо комтура Ревеля рату Ревеля от 6 марта 1444 г.: LUB, Bd. X, № 23.

¹¹² В 1443 г. был объявлен ганзейский запрет торговли с Новгородом, и немецкий двор в Новгороде был закрыт (см. с. 121).

Окончилась неудачей и попытка примирения враждующих сторон великим князем Литовским Казимиром,¹¹³ который думал, вероятно, достигнуть таким путем усиления своего влияния в прибалтийских делах.

В марте 1444 г. после неудачного окончания очередных переговоров между Новгородом и Орденом возобновились военные действия.

20 марта комтур Везенберга сообщает рату Ревеля, что, по показаниям пленного русского, новгородское войско находится в двух милях от Ниенслота; оттуда, разделившись на две части, повгородцы предполагают вторгнуться в Ливонию: одно войско должно направиться к Нарве, другое — в глубь страны. Пленный показал также, что в новгородском войске есть 5 больших пушек и много маленьких.¹¹⁴ Отметим, что в письме комтура Везенберга содержится одно из самых ранних известий о наличии артиллерии у новгородцев. Оно свидетельствует о том, что уже в середине XV в. новгородским войскам, предназначенным для вторжения на территорию противника, придавалась артиллерия.¹¹⁵ На основе письма комтура Везенберга трудно сказать, каково было назначение этой артиллерии. Возможно, что она состояла как из осадных орудий («большие пушки»), так и из орудий для полевого боя («маленькие пушки»).

В письме комтура Ревеля рату Ревеля от 25 марта 1444 г. сообщается, что рано утром 23 марта новгородские войска перешли границу и вступили в Ливонию. Одно русское войско осаждало и обстреливало Нарву, другое теснило войско, возглавляемое ревельским комтуром. По словам новгородского летописца, «шесте повгородци в Нѣмѣцкую землю за Нарову съ княземъ Иваномъ Володимировичемъ, поплениша и пожгоша много около Ругодива и до Пурдовнѣ, и подле Норову и до Чюдского озера».¹¹⁶ Гейденрейх Финке, указывая на серьезность положения, создавшегося в результате вторжения русских сил, просил власти Ревеля прислать на помощь кого только можно: немцев и «ненемцев», конных и пеших («ненемцами» немецкие источники называют эстов и латышей). В том же письме Ревелю Финке сообщал, что он намеревается дать бой русским 27 марта.¹¹⁷

По-видимому, Финке удалось вытеснить русских из Ливонии. Во всяком случае 30 марта он писал рату Ревеля, что, после того

¹¹³ Переписка великого князя Литовского и орденских чинов от 1444 г.: LUB, Bd. X, № 27, 29, 43, 46, 101; заявление посла великого князя Литовского к великому магистру: там же, № 109.

¹¹⁴ Письмо комтура Везенберга: LUB, Bd. X, № 25.

¹¹⁵ О новгородской артиллерии середины XV в. см.: Клейнберг И. Э. К вопросу об огнестрельном вооружении новгородского войска. — Вестн. ЛГУ, № 20, 1959, с. 131—134.

¹¹⁶ LUB, Bd. X, № 31; НИЛ, с. 424, ср. НИВЛ2, с. 439; ПСРЛ, т. XVI, стлб. 185.

¹¹⁷ Письмо ливонского магистра Ревелю от 25 марта 1444 г.: LUB, Bd. X, № 30.

как русские оставили Ливонию и возвратились в Вотскую землю, он прекратил преследование: к этому его выпудила «открытая вода» (вскрытие рек и озер), а также плохое состояние дорог.¹¹⁸ Иначе изображает дело новгородская летопись: «Того же лѣта, събравшеся Нѣмци, местерь со всеми своими вои, пришедше под город под Яму, бивше и пушками, и стоявше 5 днии, и по Вочкои земли, и по Ижерѣ, и по Невѣ поплениша и пожгоша; а города ублюде богъ и святыи архистратигъ Михайлъ, не взяша, а самых Нѣмецъ много паде под городомъ, а инѣи язвени отъидоша в свою землю». Интересные данные об обороне Ямгорода сообщает летопись Авраамки: по словам составителя, когда враги начали обстрел города из пушек, то русская артиллерия из города повела ответный огонь и разбила большую заморскую пушку.¹¹⁹ Таким образом, орденское войско вынуждено было возвратиться не только из-за распутицы и плохих дорог, но и вследствие отпора, оказанного ему под Ямгородом, в частности в результате действий русской артиллерии. Обороной Ямгорода руководил князь Василий Юрьевич из рода суздальских князей.

Новгородцы, окрыленные удачей, решили идти в поход за Нарову. Одновременно с сухопутным походом они готовили прогив Нарвы и морской поход, собираясь послать туда на ладьях 2500 человек. Но в это время в новгородском войске начался сильный падеж коней, и поход пришлось отложить.¹²⁰

В результате военных действий весной 1444 г. ни одной из сторон не удалось достигнуть перевеса. Военные действия сводились к разорению пограничных волостей. Стало ясно, что Ливонский орден без помощи извне не в состоянии вести войну против Новгорода.

С конца 1444 г. между Новгородом и Орденом опять начались переговоры, в ноябре было заключено двухлетнее перемирие.¹²¹ 7 февраля 1445 г. в Нарве состоялся съезд магистра и новгородцев. Здесь выяснилось, что новгородцы желают, чтобы им принадлежала половина Наровы и остров на ней.¹²² По всей вероятности, речь шла об острове в устье Наровы, имевшем важное военно-стратегическое значение.¹²³ Договориться о том, кому должен при-

¹¹⁸ Письмо ливонского магистра Ревелю: LUB, Bd. X, № 32.

¹¹⁹ НИЛ, с. 424; НИВЛ2, с. 439; ПСРЛ, т. XVI, стлб. 185.

¹²⁰ Письмо наместника Выборга Карла Кнутссона от 20 мая 1444 г.: LUB, Bd. X, № 50; НИЛ, с. 424; НИВЛ2, с. 439; ПСРЛ, т. XVI, стлб. 186.

¹²¹ Письма ливонского магистра Ревелю от 2 декабря 1444 г. и ливонских городов Любеку от 7 февраля 1445 г.: LUB, Bd. X, № 105, 118.

¹²² Заявление посла ливонского магистра к великому магистру от 29 марта 1445 г.: LUB, Bd. X, № 127. — Новгородские летописи приписывают срыв переговоров магистру, который хотел обладать «Островом» (НИЛ, с. 425; НИВЛ2, с. 440. Принятое в издании летописей написание «Острова» неправильно, так как во время переговоров речь шла не о городе Острове, а об острове в устье Наровы).

¹²³ Клейнберг И. Э. Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV в., с. 149—150.

надлежать остров, так и не удалось; по-видимому, не были разрешены и другие вопросы. Съезд закончился, не принеся никаких положительных результатов. Съезд закончился, не принеся никаких положительных результатов. Заключенное ранее двухлетнее перемирие магистр объявил действительным только до дня св. Ивана (24 июня).¹²⁴ Позже это перемирие было продлено на два года до 24 июня 1447 г.¹²⁵

Во время перемирия Орден продолжает борьбу против Новгорода, но только посредством экономических мер. Из-за неурожая и необычной дороговизны хлеба население Новгородской земли переживало в тот год сильный голод: многие умирали, другие, спасая жизнь, бежали в Литву и Ливонию, шли в холопы к иноземным гостям.¹²⁶ Зная об этом, ливонский магистр налагает строгий запрет на вывоз хлеба в Новгород.¹²⁷ Он обращается к великому магистру и Кристофору, королю трех скандинавских государств, с просьбой, чтобы из их владений не подвозилось зерно русским. Великий магистр наложил запрет на вывоз зерна из Пруссии в русские земли. Кристофор обещал присоединиться к запрету.¹²⁸ Упорство «неверных» (ungläubigen) русских должно было быть сломлено тисками голода.

Одновременно Гейденрейх Финке готовится к продолжению военных действий. Он пытается найти союзников, чтобы по истечении срока перемирия нанести новгородцам решительный удар.

Пользуясь противоречиями между Новгородом и Швецией, Гейденрейх Финке в начале 1447 г. заключает с королем Кристофором союз против Новгорода. Союзу была придана религиозная направленность. Во введении к договору указывается, что он заключен «для восхваления всемогущего бога, прославления римского престола и Империи и для пользы всего христианства и особенно стран и областей вышеназванного милостивого господина короля и нашего Ордена в Ливонии... против отступивших от христианской веры русских из Великого Новгорода». Союз был заключен на два года, начиная с 28 мая. В течение этого срока ни одна из сторон не должна была заключать мира с новгородцами без согласия другой стороны. Военные действия против русских должны были начаться 24 июня 1447 г., в день Иоанна Крестителя. Согласно включенному в договор плану военных действий, ливонский магистр «со всеми силами» должен был направить свой удар против важнейших западных новгородских крепостей —

¹²⁴ Письмо ливонских городов Любеку от 7 февраля 1445 г.: LUB, Bd. X, № 118.

¹²⁵ Письмо ливонского магистра Ревелю от 28 июля 1445 г. и инструкция послам великого магистра к ливонскому магистру от сентября 1445 г.: LUB, Bd. X, № 153, 169.

¹²⁶ НИЛ, с. 425; НИВЛ2, с. 440; ПСРЛ, т. XVI, стлб. 186—187.

¹²⁷ Письмо великого магистра Любеку от 8 апреля 1446 г.: LUB, Bd. X, № 209.

¹²⁸ Письма великого магистра ливонскому магистру, Любеку и королю Кристофору от февраля—июня 1447 г.: LUB, Bd. X, № 200, 209, 211, 213, 232.

Ниенслота и Копорья; король «со всеми силами» должен был вторгнуться в новгородские владения в районе Нотебурга, Ландскроны и Волхова.¹²⁹ Таким образом, Новгород оказывался под двойным ударом — с запада и с севера. Договор Ордена с королем Кристофором свидетельствует о расширении наступательных планов Ордена в отношении Новгородской земли: речь шла о восстановлении антиновгородской коалиции Ордена и шведских феодалов, которая дважды угрожала Новгороду в предшествующие века (в 40-х годах XIII в. и в 40-х годах XIV в.). Религиозная направленность договора о союзе маскировала истинные цели его участников.

К антиновгородской коалиции примкнула и Пруссия. 1 апреля 1447 г. великий магистр писал, что он намеревается послать помощь ливонскому магистру.¹³⁰

Орден пытался вовлечь в борьбу против Новгорода Империю и Ватикан. Великий магистр обращается к императору, курфюрстам и князьям Германии с призывом принять участие в походе против русских, «отступников от христианской веры». С такою же просьбою он обращается и к Любеку, главе Ганзейского союза. Папу и кардиналов великий магистр просил молиться о даровании Ордену победы.¹³¹

Понимая, что одних религиозных лозунгов недостаточно, чтобы получить помощь Запада, руководители Ордена в своих письмах указывают на вред, который причиняют русские Ордену и христианским купцам.¹³² Они постоянно подчеркивают возможность объединения новгородцев, псковичей и московитов.¹³³ Этот мотив особенно сильно зазвучал после того, как в 1447 г. Псков заключил союз с Новгородом и отказал в мире Ордену.¹³⁴ Орден опасался, что война вызовет объединение сил русского народа. В то же время ливонский магистр усиленно муссировал слухи о том, что новгородцам из Польши может быть направлена помощь, что татары тоже собираются ее оказать.¹³⁵ Все эти письма были рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление на Западе и побудить германских князей прислать подкрепления. Одновременно

¹²⁹ Договор между Орденем и королем Кристофором: LUB, Bd. X, № 290.

¹³⁰ Письмо великого магистра прокуратору Ордена в Риме: LUB, Bd. X, № 307.

¹³¹ Письмо великого магистра германскому магистру от 18 марта 1447 г., прокуратору Ордена в Риме от 1 апреля 1447 г. и Любеку от 2 апреля 1447 г.: LUB, Bd. X, № 304, 307, 309.

¹³² Письмо великого магистра Любеку от 2 апреля 1447 г.: LUB, Bd. X, № 309.

¹³³ Письмо великого магистра римскому королю от 28 апреля 1447 г.: LUB, Bd. X, № 325.

¹³⁴ ПИЛ, с. 48; ПСРЛ, т. XVI, стлб. 190; письма великого магистра прокуратору Ордена в Риме от 23 июня и 17 августа 1447 г.: LUB, Bd. X, № 354, 373.

¹³⁵ Письма великого магистра ливонскому магистру от 10 и 16 апреля и 11 июня 1447 г. и прокуратору Ордена в Риме от 23 июня 1447 г.: LUB, Bd. X, 314, 318, 347, 354.

Орден хлопочет о финансовой поддержке из Рима: великий магистр поручил прокуратору Ордена в Риме просить папу о передаче Ордену для ведения войны с Новгородом тех денежных сумм, которые собираются за отпущения грехов в орденских владениях.¹³⁶

Все эти обращения, просьбы, ходатайства большого успеха не имели. Запад не пожелал вовлечься в борьбу в интересах авантюристической политики Ордена. Великому магистру удалось послать отряды в Ливонию лишь из самой Пруссии. Что касается финансовой помощи, то в конце концов после настоятельных просьб Ордена папа Николай V издал буллу, разрешавшую Ордену использовать на борьбу с «певерными» 2/3 денег, собираемых в орденских владениях за отпущение грехов. Но это разрешение последовало поздно, когда война с русскими была уже окончена.¹³⁷

В мае 1447 г. вспомогательные отряды двинулись из Пруссии в Ливонию. Часть отрядов следовала по суше через Мемель, другая часть — по морю через Данциг. На кораблях, кроме того, везли продукты и дополнительное вооружение для войска, двигавшегося по суше. Из Пруссии был послан также опытный специалист по артиллерии. Прусские отряды должны были прибыть в Нарву, на место сбора военных сил Ордена, 24 июня.¹³⁸ Из Нарвы орденское войско должно было вторгнуться в Новгородскую землю. Однако корабли с прусскими воинами запоздали и подплыли к устью Наровы в начале июля, когда здесь произошло решительное сражение, предопределившее исход войны.

Из русских источников сражение на Нарове описывают летопись Авраамки и Псковские летописи.

Летопись Авраамки

И приѣха князь Александръ Васильевичъ в Великий Новгородъ, и поиде с Новгородчи к Наровѣ, противу Немець, и стаха на усть Наровѣ у моря, мѣсяца июля в 3 день, и узрѣша Новгородчи оже Нѣмцѣ на бусахъ и на шпекахъ бѣжаху к Наровѣ, и поидоша Новгородчи на лодьяхъ противу ихъ, и пачаша Новгородчи и с Нѣмци пушками битися и стрѣлятися, и пособи бог Новгородчемъ, побнша Нѣмецъ много, а инии в морѣ истопоша, и иныхъ руками поймаша,

Псковская первая летопись

Князь Александръ Васильевичъ с мужи новгородцы поиде противу князя ризского местера и противу короля пружккого и противу короля швейскаго Карла; и князь Александръ станы стаха на Нарове с новгородцы, биющеся через Норову реку с погаными Нѣмцы. И пособи богъ, святыи Софии премудрости божия мужем новгородцемъ и князю Александру, и побѣдиша поганыхъ Нѣмецъ, а ииѣхъ много их на море в бусахъ погибоша, а инии истопоша в мори,

¹³⁶ Письма великого магистра прокуратору Ордена в Риме от 1 апреля и 23 июня 1447 г.: LUB, Bd. X, № 308, 354.

¹³⁷ Булла папы Николая V от сентября 1448 г.: РЛА, № 247.

¹³⁸ Письма великого магистра ливонскому магистру от мая—августа 1447 г.: LUB, Bd. X, № 336, 338, 345, 347, 370.

осмидесять человекъ убиша. А по-
боище бысть сие месяца июля въ
6 день, въ четверг по обѣдѣ. И по-
идоша Новгородци от Наровѣ в су-
боту по обѣдѣ.¹³⁹

а инѣхъ руками поймаша 80 и
4 нѣмчина, и с ними два князца
яша немецкая, и много добытка
добыша молитвами благовѣрныхъ
князси.¹⁴⁰

Из сообщений обеих летописей явствует, что в начале июля у устья Наровы произошла битва, закончившаяся победой новгородцев. Новгородцами руководил князь Александр Васильевич Чарторыйский, недавно приглашенный в Новгород. До этого он княжил в Пскове и вместе с псковичами ходил «под Новый Городок немецкий».¹⁴¹ Летопись Авраамки не раскрывает состава вражеских сил, давая им общее название «немци». Псковская первая летопись указывает, что новгородцы выступили против «князя ризского местера, и... короля пружкого, и... короля швейскаго». Однако слова псковского летописца не следует понимать как указание на участие в сражении на Нарове вражеских войск; это скорее указание на коалицию государств, враждебных Новгороду, так как в состав антиновгородской коалиции действительно входили Ливония, Пруссия и Швеция, участие же шведских войск в битве на Нарове источниками не засвидетельствовано.

При чтении летописи Авраамки создается впечатление, что в ней речь идет только об одной морской битве, во время которой между кораблями имела место артиллерийская дуэль. Но, как правильно подметил И. Э. Клейнберг, сравнивший известия источников о наровской битве, в действительности в сражении участвовали как морские, так и сухопутные силы: артиллерийскую перестрелку вели сухопутные силы «через Нарову реку», как сказано в Псковской первой летописи; морской бой между новгородскими ладьями и немецкими бусами и шнеками произошел у устья Наровы. Новгородцы одержали победу и захватили большие трофеи и 84 пленных, в их числе двух крупных орденских начальников («два князя немецкая яша»).

Дополнительные сведения о морском сражении в устье Наровы дают немецкие источники. Наиболее подробное описание сражения содержится в письме великого магистра магистру орденских владений в Германии от 15 ноября 1447 г. На основе сведений, полученных из Ливонии, великий магистр пишет: «Когда первые два наших корабля прибыли к этой самой реке (Нарове, — *Н. К.*) и хотели подняться по ней, то новгородцы собрали там все свое войско и заняли весь берег этой реки. Они имели много кораблей, которые они называют ладьями, а также разные другие виды вооружения. Они подвергли наши корабли серьезной атаке, они били, стреляли и поставили наших в очень тяжелое положе-

¹³⁹ ПСРЛ, т. XVI, стлб. 191.

¹⁴⁰ ПЛ, с. 48; ср. ППЛ, с. 48; ППЛ, с. 137.

¹⁴¹ ПЛ, с. 46—47; ППЛ, с. 46—47; ППЛ, с. 133—136.

ние. Но наши люди па этих двух кораблях оказали сопротивление русским и всей силой и добрым оружием отбились от них. Но за ними шло еще два наших корабля. Когда они хотели войти в ту же реку Нарову, они сели на мель, с которой оба корабля сойти не могли. Когда это увидели русские, они подплыли к ним на своих ладьях с большой силой и сцепились с ними. Наши очень сильно оборонялись, но в конце концов русские одолели их, они с боем ворвались в наши корабли, часть людей убили, а часть взяли в плен, так что мы потеряли около 100 человек, а ливонцы 40 убитыми и пленными».¹⁴² Из письма следует, что новгородцы овладели двумя прусскими кораблями. В более ранних письмах, сообщая о сражении, магистр пишет о трех захваченных новгородцами кораблях.¹⁴³ И. Э. Клейненберг полагает, что один из кораблей был ливонским.¹⁴⁴

Анализируя ход сражения, И. Э. Клейненберг отмечает следующие моменты, обеспечившие новгородским морским силам победу: «Удачный выбор места для боя (равная возможность использовать как открытое море, так и запутанные протоки среди песчаных отмелей речного устья) и сосредоточение в этом месте превосходящих сил; полную неожиданность появления новгородских лодий для врага; стремительность их атаки; искусное маневрирование, которое позволило легким и подвижным русским судам свободно действовать там, где имевшие большую осадку вражеские корабли сели на мель; согласованность действий и быструю перестройку в зависимости от изменявшейся боевой обстановки (отказ от дальнейшего преследования первых двух орденских кораблей и атака всеми силами судов, севших на мель), стремление сойтись с вражеским кораблем борт к борту и решить исход боя взятием его на абордаж».¹⁴⁵ Следует отметить также удачную координацию в битве на Нарове действий русских сухопутных и морских сил.

Количество лодий, которые участвовали с русской стороны в битве на Нарове, неизвестно. И. Э. Клейненберг полагает, что новгородцы могли выставить до 50 лодий. Основания для такого заключения следующие: в 1444 г., когда новгородцы готовили операции против Нарвы (эти операции не состоялись), они собирались отправить к Нарве 2500 человек на лодьях; ладья брала до 50 человек, следовательно, Новгород располагал флотом минимум в 50 лодий.¹⁴⁶

¹⁴² LUB, Bd. X, № 395. — Отрывок из письма великого магистра приводим в переводе И. Э. Клейненберга (Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443—1448 гг., с. 119).

¹⁴³ Письма великого магистра прокуратору Ротцена в Риме от 17 августа 1447 г. и комтуру Ротцена от 10 сентября 1447 г.: LUB, Bd. X, № 373, 378.

¹⁴⁴ Клейненберг И. Э. Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443—1448 гг., с. 119.

¹⁴⁵ Там же, с. 122.

¹⁴⁶ Там же, с. 121; о новгородских лодьях см.: История военно-морского искусства, т. I. М., 1953, с. 83.

После сражения у устья Наровы орденские силы отошли к Нарве; туда же, по русскому берегу Наровы, двинулись русские войска, которые затем ушли в глубь страны.¹⁴⁷ Очевидно, после одержанной победы и ввиду отсутствия со стороны орденского войска попыток вторжения повгородское ополчение было распущено. Однако, когда русское войско ушло, орденские отряды вторглись в Вотскую землю и 13 дней безуспешно осаждали Ямгород. Позже орденский отряд под командованием ревельского комтура совершил еще одно вторжение в пограничные повгородские волости, зимой последовало ответное вторжение повгородцев.¹⁴⁸ На этом военные действия стихают.

Сражение на Нарове определило исход войны. Оно ясно показало, что Ливонский орден даже при помощи тех вспомогательных отрядов, которые ему удалось получить из Пруссии, вести победоносную войну против Новгорода не в состоянии. Тяжесть войны для Ливонии отметил даже Руссов, записавший в «Хронике», что магистр Гейдепрейх Финке фон Оверберг «предприимал два тяжелых похода против русских».¹⁴⁹

Между тем обострилось положение и внутри Ливонии. Торговые города, недовольные войной, нарушившей их торговлю, уже на своих съездах в 1444 и 1445 гг. советовали магистру заключить мир с Новгородом.¹⁵⁰ Теперь же, после понесенного Орденом серьезного поражения, они заняли еще более решительную позицию. 7 октября 1447 г. великий магистр пишет ливонскому магистру, что, по дошедшим до него слухам, ливонские города намерены отправить к нему посольство и просить об окончании войны с Новгородом, так как от этой войны «они устали»; если же война не будет кончена и мир не будет заключен, то города вынуждены будут искать себе другого господина. Великий магистр слышал также, что ливонские города собираются заключить союз с прусскими городами.¹⁵¹

Военные неудачи в сочетании с оппозицией городов побуждали Орден стремиться к миру и искать посредников, которые взяли бы на себя дело примирения. Великий магистр предлагал кандидатуру наместника Выборга Карла Кнутссона, ливонский магистр вследствие частых конфликтов на почве торгового соперничества между Ливонией и Выборгом предпочитал посредничество Ревеля.¹⁵²

¹⁴⁷ Письмо великого магистра комтуру Ротцена от 10 сентября 1447 г.: LUB, Bd. X, № 378.

¹⁴⁸ Письма великого магистра комтуру Ротцена от 10 сентября 1447 г. и магистру орденских владений в Германии от 15 ноября 1447 г.: LUB, Bd. X, № 395; ПСРЛ, т. XVI, с. 191.

¹⁴⁹ Руссов, с. 275.

¹⁵⁰ Рецессы съездов ливонских городов в Вальке от 16 февраля 1444 г. и в Вольмаре от 12 декабря 1445 г.: LUB, Bd. X, № 13, 184.

¹⁵¹ Письмо великого магистра: LUB, Bd. X, № 385. — В середине XV в. прусские города вели борьбу с Тевтонским орденом.

¹⁵² Письма великого магистра наместнику Выборга Карлу Кнутссону от 7 октября 1447 г. и ливонскому магистру от 27 января 1448 г.: LUB, Bd. X, № 384, 411.

Новгород, несмотря на военные успехи, также не прочь был пойти на примирение с Орденом: задачу сокрушения Ордена Новгород перед собой не ставил. Орденская же агрессия была отбита, силам Ордена был нанесен значительный урон. Дальнейшее продолжение войны становилось ненужным, а вспышки острой социальной борьбы, происходившей в это время в Новгороде (волнения из-за «неправого суда» в 1445 г., «мятежь велик» из-за литья неполноценных денег в 1447 г.¹⁵³), заставляли новгородское правительство принимать меры к урегулированию внешнеполитических осложнений.

27 февраля 1448 г. в Новгороде было заключено перемирие между Новгородом, с одной стороны, Ливонским орденом и Дерптским епископством — с другой, сроком на 5 лет на следующих условиях: 1) подтверждалась старая граница («стерженьем Норове реке прямо в Солопое море»), а на каждую из договаривающихся сторон налагалось обязательство не вступать на половину другой; 2) устанавливалось, что 8 июля на Нарове должен состояться съезд ливонского магистра с новгородским князем и каждая сторона должна «дать исправу» другой в отношении всяких «обидных дел» и купеческих товаров; 3) новгородским послам, гостям и купцам гарантировался во владениях магистра «чистый путь горою и водою», свобода торговли всеми товарами, «безъ вывета и безъ рубежа, по старине и по сему крестному целованию»; такая же гарантия давалась послам магистра, гостям и купцам в Великом Новгороде; 4) в случае если возникнет какое дело у немца к новгородцу в Великом Новгороде или у новгородца к немцу во владениях магистра, то суд давать на обе половины и не брать «посулов»; 5) Великому Новгороду «блюсти немца в своей земле, как новгородца, магистру и комтурам блюсти новгородца в своей земле, как немца»; 6) обе стороны должны мир держать крепко, без хитрости.¹⁵⁴ Если сопоставить статьи перемирной грамоты со статьями предыдущего новгородско-ливонского договора 1421 г., то окажется, что они очень близки: по содержанию перемирная грамота 1448 г. повторяла договор 1421 г.

По-видимому, в назначенный срок, в начале июля, состоялся съезд представителей Новгорода и Ливонии. 25 июля был заключен договор о мире сроком на 25 лет, начиная с 15 августа 1448 г. Договор был заключен между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и всей Ливонией — с другой (как сказано в тексте договорной грамоты, магистр заключил мир не только за себя, но и за архиепископа рижского и епископов дерптского, эзельского и курляндского).¹⁵⁵ Таким образом, договор устанавливал мир на всем протяжении русско-ливонской границы.

¹⁵³ НИЛ, с. 425—427; НІВЛІ2, с. 440—442; ПСРЛ, т. XVI, стлб. 187, 189.

¹⁵⁴ Грамота о перемирии от 27 февраля 1448 г.: ГВНП, № 72.

¹⁵⁵ В псковских летописях, сохранивших известие о заключении договора, указывается, что представители Новгорода и Пскова, «взяша миръ

Начальные статьи договора были посвящены вопросу о границе. Граница устанавливалась старая, «стержнем Наровы реки прямо в Соленое море, по старым крестным грамотам и по грамотам магистра Зиверда» («грамоты магистра Зиверда» — новгородско-ливонский договор 1421 г.). Запрещалось всякое нарушение границы: ни новгородцы, ни люди магистра не должны были вступать на противоположную сторону, ни пахать там землю, ни косить сено, ни рубить лес, ни ловить рыбу. Следующие статьи касались условий торговли и юридического положения лиц, находившихся на чужбине. Обе стороны принимали обязательство «исправу дать» по всем «обидным делам». Новгородским послам, гостям и купцам гарантировался во владениях магистра «чистый путь» и свобода торговли всеми товарами «безъ вывета», как и послам, гостям и купцам — подданным магистра — в Новгороде и Новгородской земле. В случае тяжбы у немца с новгородцем в Великом Новгороде или у новгородца с немцем во владениях магистра судить следовало «по правде» без «посулов». Каждая из сторон должна была «блюсти» лиц другой стороны, как своих подданных.¹⁵⁶ Все изложенные статьи повторяли соответствующие статьи перемирной грамоты 27 февраля 1448 г., а через нее — договора 1421 г. Следование договору 1421 г. подкреплялось уже упомянутой ссылкой на «грамоты магистра Зиверда».

Последующая группа статей была новой для формуляра новгородско-ливонских договоров. Начинаясь эта группа со статьи, гласящей, что в случае пограничного конфликта («а случится какая тяжба на рубеже») гостя и купца не задерживать и «истцу знать своего истца». Следующая статья формулировала положение о том, что из-за тяжбы с псковичами новгородских гостей (во владениях магистра) не задерживать, а из-за тяжбы с новгородцами не задерживать псковских гостей, «истцу знать своего истца».¹⁵⁷ Обе статьи были направлены против распространенной в сфере русско-ливонских и русско-ганзейских отношений практики, при которой за проступки, совершенные иностранцем, подвергались репрессиям лица одной с ним национальности; формула «истцу знать своего истца» подчеркивала, что привлекаться к ответственности должен только ответчик (виновный).

Дальнейшие статьи касались условий проезда послов, торговли новгородцев в Нарве и вывоза лошадей из Ливонии. Устанавливалось, что с новгородского посла к магистру следовало брать в Нарве для оплаты немецкого провожатого одну гривну,

на поль третиятъцать лѣтъ со княземъ ризьскимъ мѣстеромъ, и съ его князьми, тако же и съ епискупомъ юриевскимъ и съ юриевцы (ПІЛ, с. 49; ср. ПІЛ, с. 48; ПІІЛ, с. 137—138).

¹⁵⁶ Договор 1448 г.: ГВНП, № 73, с. 120—122.

¹⁵⁷ Там же, с. 122.

а с посла магистра в Великий Новгород брать в Ямгороде гривну для оплаты новгородского провозжатога.¹⁵⁸

Интересна статья о торговле новгородцев в Нарве воском, запрещавшая нарвским весовщикам и печатникам «колупать» воск у новгородцев; «колупать» воск у новгородцев, и то немного, мог только покупатель — немецкий купец.¹⁵⁹ Статья была направлена против традиционной в сфере русско-ганзейской торговли практики, согласно которой при продаже русскими воска ганзейцы для проверки его качества могли откалывать куски, не засчитывавшиеся затем в счет купленного воска. Введение по договору 1448 г. известного ограничения для этой практики в Нарве свидетельствует о стремлении новгородского правительства создать там благоприятные условия для торговли своих подданных (Нарва являлась одним из важных центров торговли новгородцев в Ливонии).

Статьи, касающиеся вывоза лошадей из Ливонии, устанавливали, что вывозить купленных в Ливонии лошадей можно было только по предъявлении фогту Нарвы специального разрешения (грамоты) и уплаты ему одного фердинга; «крупных» лошадей фогт Нарвы имел право не пропускать.¹⁶⁰ Контроль над вывозом лошадей из Ливонии был обусловлен постоянным стремлением ливонских властей не допускать в Россию боевых копей.

Новые для формуляра русско-ливонских договоров статьи договора 1448 г., как и традиционные статьи, были посвящены почти целиком условиям торговли и связанному с нею вопросу о положении иностранцев на чужбине. Появление новых статей говорит о все возрастающей роли торговли в общем комплексе русско-ливонских отношений. В то же время включение названных статей в договор, заключенный после успешной для Новгорода войны с Орденом, показывает, что в отношениях с Ливонией Новгород руководствовался лишь стремлением к созданию мира на русско-ливонской границе и благоприятных условий для развития внешней торговли.

Анализ русско-ливонских отношений конца XIV—середины XV в. свидетельствует о заинтересованности Новгорода и Пскова в развитии мирных экономических сношений с Ливонией. В то же время он показывает стремление Ордена к экспансии против русских земель. Это стремление прерывалось временными паузами, обусловленными сложностями внутри- и внешнеполитического положения Ливонии, а также отпором, оказываемым орденской агрессии со стороны русских земель. Однако отпор этот не был достаточной силы, чтобы положить конец экспансионистским планам Ордена. Организации такого рода отпора препятствовала феодальная раздробленность Руси.

¹⁵⁸ Там же (немецкий текст). В ГВНП в переводе соответствующих статей на русский язык имеются неточности.

¹⁵⁹ ГВНП, с. 122.

¹⁶⁰ ГВНП, с. 122—123.

РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ С КОНЦА XIV
ДО 70-Х ГОДОВ XV В.

НИБУРОВ МИР 1392 Г.

Историю русско-ганзейских отношений первой половины XV в. следует начинать с событий последних лет XIV в., точнее, с заключения договора 1392 г., ибо его нормами в значительной степени определялось развитие торговли в последующее время.

Заключению договора 1392 г. предшествовала вражда между Новгородом и Ганзой, длившаяся 7 лет и сопровождавшаяся неоднократными запретами торговли с Новгородом со стороны ливонских городов и Ганзы.

Причинами конфликта, как позволяет предположить содержание договора 1392 г., являлись ограбления купцов и конфискация товаров, а также взаимное недовольство условиями торговли. Попытки примирения, имевшие место на съездах ливонских представителей с новгородскими в 1388 г. в Нейгаузене и в 1390 г. в Нарве, оказались безрезультатными вследствие нежелания сторон пойти на уступки.¹

Однако продолжавшаяся вражда, приведшая к расстройству и длительному перерыву в торговле, была невыгодна для обеих сторон, и они начинают искать пути к разрешению спорных вопросов и восстановлению нормальных торговых сношений.

В 1391 г. Любек пишет Данцигу, что, по сообщению из Ливонии, русские готовы начать мирные переговоры и для участия в них он хочет послать бургомистра Гюдеке Травельмана и ратмана Иоганна Нибура.² Гюдеке Травельман умер по дороге, а Иоганн Нибур вместе с послами Готланда и ливонских городов осенью 1391 г. в Изборске вел переговоры с новгородцами, закончившиеся заключением торгового договора.

¹ Подробнее см.: *Osten-Sacken P. Der Kampf der livländischen Städte...*, S. 308—310; *Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters*, S. 85—89; Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв., с. 264—269.

² Письмо Любека Данцигу ранее 20 октября 1391 г.: *HR, Bd. IV, Leipzig, 1877, № 25.*

Новгородская первая летопись под 6899 г. рассказывает об этих событиях: «Тои же осени послаша новгородци послы на съездъ с Нѣмци в Бѣзборьско, посадника Василья Федоровича, посадникъ Богданъ Обакунович, посадника Федора Тимофѣевича, тысячкого Есифа Фалелѣевича, Василья Борисовича и купцевъ; а нѣмечкыи послове приихалѣ из заморья, из Любька из городка, из Гочкого берега, из Ригѣ, изъ Юрьева, ис Колываня и из быныхъ городовъ изо многих; тогда взяша миръ с Нѣмци. Тои же зимѣ тѣи же послове нѣмѣчкыи приихавъше в Новѣгородъ, и товары свои поимахут, и крестъ дѣловалѣ, и начаша дворъ свои ставити изнова: занеже не бяшет по 7 год миру крѣпкаго».³ Дополнением к этому рассказу служит сообщение пятой скры о том, что в 1392 г. немецкие послы вели переговоры с новгородцами по поводу «насилия, несправедливости, оскорбления и высокомерия», имевших место по отношению к немецким купцам,⁴ и достигли соглашения. Как можно предположить из сопоставления известий этих двух источников, договор между Ганзой и Новгородом был заключен еще в Изборске осенью 1391 г., а в начале 1392 г. ганзейские послы приезжали в Новгород для торжественного утверждения его.⁵

Представители Пскова, находившегося в это время в размирье с Новгородом, не были приглашены к участию в переговорах и заключении мира. По словам Псковской первой летописи, новгородцы заключили мир с немцами «опрочѣ псковичъ»; псковичи «взяху» с немцами мир «особѣ».⁶ По-видимому, псковско-ганзейский мир повторял условия мира с Новгородом. Во всяком случае в одном, более позднем документе есть указание на то, что псковичи одобрили и утвердили Нибуров мир.⁷

Нибуров мир (так новгородско-ганзейский договор 1392 г. назван современниками по имени посла Любека Иоганна Нибура) начинается с введения, в котором перечислены представители обеих сторон, участвовавшие в заключении договора: с ганзейской стороны — Иван Нибур из Любека, Иньца Вландерь и Федор Кур из Готланда, Тилька Нибрюге из Риги, Еремеи Кеглер и Вивька Клинькрод из Дерпта, Григорья Вить из Ревеля; с новгородской — посадник Тимофей Юрьевич и тысяцкий Никита Федорович.⁸ В тексте договора со стороны Новгорода указаны иные лица, нежели те, которые присутствовали при переговорах и заключе-

³ НИЛ, с. 384; ср. НИВЛ2, с. 370.

⁴ Nowgoroder Schra, V, § 140.

⁵ К. Е. Напсерский, Э. Боннель, Л. Гетц датируют договор началом 1392 г., т. е. концом мартовского 6899 г. (РЛА, № 15; Bonnel E. Russisch-livländische Chronographie, S. 207; Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters, S. 187), Ф. Бунге — осенью 1392 г. (LUB, Bd. III, Reval, 1857, Reg. 1596).

⁶ НИЛ, с. 24—25; ср. НИЛ, с. 29; НИЛ, с. 107.

⁷ Памятные заметки для послов Риги к предстоящим переговорам с Новгородом и Псковом (не датированы): HR, Bd. VIII, Leipzig, 1897, № 1178; Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte, S. 90.

⁸ ГВНП, № 46, с. 81.

нии мира в Изборске. По весьма вероятному предположению Э. Боннеля, это несоответствие объясняется тем, что в текст договора были внесены имена степенных посадника и тысяцкого, высших сановников Новгорода, которые от его имени целовали крест; в составе же новгородского посольства на съезде в Изборске, где вырабатывались условия мира, находился более широкий круг лиц — старые посадники, тысяцкие и представители купечества.⁹

Следующая за введением часть договора касается вопроса об ограблении русских купцов в Нарве и ответной конфискации товаров у ганзейских купцов в Новгороде. В Нарве были ограблены новгородские купцы; в ответ Новгород отобрал товары у немецких купцов из Дерпта и других городов, несмотря на то что эти купцы прибыли в Новгород на основе опасной грамоты, выданной за печатью посадника Василия Ивановича и тысяцкого Григория Ивановича. Конфискованный товар по решению новгородских властей был отдан русским, ограбленным в Нарве, в виде компенсации. При заключении мира новгородцы дали обязательство возратить ганзейским купцам отобранный у них товар. По поводу же товара, отнятого у новгородцев в Нарве, договорились, что новгородцы должны иметь дело с жителями Нарвы: «А то Новъгородъ увѣдается с ругодивци, кто у их товаръ поимале». Все дело объявлялось законченным, и обе стороны обязывались не вспоминать о нем.¹⁰

В непосредственной связи с принятым решением находится следующее за ним в договоре правило о том, что при тяжбах претензии и иски могут предъявляться только виновным лицам.¹¹ Это правило, встречавшееся и в более ранних русско-ганзейских договорах,¹² было направлено против обычной практики, при которой ответственность за проступки отдельных лиц распространялась на их соотечественников: новгородцы за ограбления в Нарве или на Неве «искали» на ганзейских купцах в Новгороде, конфискуя у них товары; ливонские власти за насилия, совершенные новгородцами, арестовывали псковских купцов, находившихся в Ливонии. Конец этой практике, приводившей к крупным конфликтам и нарушению торговли (как это имело место в период, предшествовавший заключению Нибурова мира), должна была положить рассматриваемая статья.

После статьи о том, что «истцу знать исца», носившей основополагающий, принципиальный характер, в тексте Нибурова мира следуют две статьи, вновь посвященные решению частных конфликтов. Они содержали обязательство Новгорода предпринять

⁹ Bonnel E. Russisch-livländische Chronographie, S. 208.

¹⁰ ГВНН, № 46, с. 81—82. — Понимание этой части текста Нибурова мира облегчается привлечением известий пятой скры (Nowgoroder Schra, V, § 140).

¹¹ ГВНН, № 46.

¹² Там же, № 31, с. 60; № 40, с. 71—72; № 42, с. 75.

розьски украденных во время пожара из немецкой церкви товаров и вернуть то, что удалось найти, и соответствующее обязательство ганзейцев о розыске и возвращении отнятых у новгородцев на Неве товаров.¹³ Новым в обеих статьях по сравнению с аналогичными статьями более ранних договоров, разрешавших конфликты из-за ограблений купцов, является положение о том, что если стороне, берущей обязательство отыскать и возвратить пропавшие товары, не удастся этого сделать, то в вину ей это не ставится («или не найдутъ, в томъ... измѣнѣ нѣтуть»).¹⁴

Последующие статьи договора содержали общие, основополагающие принципы новгородско-ганзейских отношений.

Статья — «а пеня где зацнется, ту ея копыцати» — формулировала положение о том, что тяжбы должны рассматриваться и решаться на месте возникновения. Эта статья встречается в новгородско-немецких договорах начиная с договора 1262—1263 гг.¹⁵

Стремлением к ограждению торговли от влияния конфликтов между Новгородом и соседними государствами проникнута последующая статья. Она гласит, что в случае если возникнет вражда («а се которое орудье завяжется») между Новгородом и шведским королем, или епископом рижским, или дерптским, или эзельским, или жителями Феллина, или Нарвы, или разбойниками на море, то купца это не должно касаться («а то купцамъ не надобѣ»). Появившаяся впервые в договоре 1371 г. (в несколько иной редакции)¹⁶ статья должна была создать гарантию для беспрепятственного течения торговли в условиях политической неустойчивости и частных конфликтов, происходивших в Прибалтике в конце XIV в.

Последние статьи договора содержали традиционную для новгородско-ганзейских договоров гарантию свободного проезда и торговли купцов на чужбине: «А купцамъ нѣмѣцкымъ путь цистъ сквозѣ Новгородскую волость, горою и водою, в Новгородъ приѣхати и отѣхати бес пакости. А новгородскимъ путь цистъ на Гоцькы берегъ, по искуплѣ земли юрьевского и по его городамъ, горою и водою путь цистъ, въ Юрьево приѣхати и отѣхати бес пакости. А купцамъ торговати по старынѣ, с обѣ половинѣ». ¹⁷ Как мы видим, новгородским купцам гарантируются беспрепятственные проезд и торговля на Готланде и во владениях дерптского епископа. Гарантию пути на Готланд новгородцы имели и раньше, по договорам XII—XIV вв. Гарантию же пути в земли Дерптского епископства они получили впервые — факт, несомненно, свидетельствующий о развитии торговли новгородских купцов в Ливонии.

¹³ Там же, № 46, с. 82.

¹⁴ Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters, S. 189; ср. ГВНП, N 46, с. 82.

¹⁵ ГВНП, № 46, с. 82; ср. № 29, с. 57.

¹⁶ Там же, № 46, с. 82—83; ср. № 42, с. 75.

¹⁷ Там же, № 46, с. 83.

Любопытна следующая статья, уточняющая условия проезда новгородских купцов во владения дерптского епископа: «А что подь пискуплимъ городомъ колода чересь рѣку за замькомъ, а туды новгороцькому [купьцю] путь цисть».¹⁸ По-видимому, в статье речь шла об упразднении для новгородцев своеобразного шлагбаума («колоды»), находившегося на р. Эмбахе. П. Остен-Сакен считает, что «колода» находилась у замка Варбек на Эмбахе.¹⁹ Был ли раньше вообще воспрещен новгородцам проезд за «колоду», или около нее новгородские купцы задерживались для уплаты пошлины, мы не знаем. Можно заключить лишь одно: существование «колоды» мешало свободной торговле новгородцев в Ливонии, и они добились при заключении договора 1392 г. свободного проезда за нее.

Нибуров мир разрешил все важнейшие вопросы новгородско-ганзейских торговых отношений. В основу репения частных споров были положены традиционное правило «истцу знать истца» и признание сторонами обязательства содействовать устранению причиненного вреда. При формулировке статей о разрешении тяжб, невмешательстве купца в политические конфликты и гарантии «чистого пути» составители договора руководствовались также выработанными веками нормами торговых сношений. Единственное новшество, внесенное Нибуровым миром в практику новгородско-ганзейских торговых отношений, заключалось в разрешении новгородским купцам проезжать за «колоду» на Эмбахе. Основанный на принципах традиционализма, Нибуров мир определял в духе этого традиционализма развитие новгородско-ганзейских отношений на последующий период.

ГАНЗА И НОВГОРОД НА РУБЕЖЕ XIV—XV ВВ.

В течение 10—15 лет после Нибурова мира торговля Новгорода с ганзейским купечеством протекала относительно мирно. По-видимому, длительная вражда, предшествовавшая заключению Нибурова мира, нанесла существенный ущерб как ганзейцам, так и новгородцам, и теперь они стремились возместить его, заботясь о поддержании нормальных торговых сношений и сохранении достигнутого мира.

Отсутствию распри между Ганзой и Новгородом способствовала и пассивность торговой политики Новгорода. Собственно говоря, никаких сведений о политике Новгорода по отношению к ганзейскому купечеству за этот период нет. Но именно отсутствие сведений дает основание утверждать, что Новгород не предпринимал никаких шагов, направленных на пересмотр существовавших отношений, ибо, если бы такие шаги имели место, они

¹⁸ Там же.

¹⁹ O s t e n - S a c k e n P. Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des XV. Jahrhunderts, S. 35.

безусловно нашли бы отражение в многочисленных документах, касающихся новгородско-ганзейских отношений этих лет. Пассивность торговой политики Новгорода в рассматриваемый период объясняется, по нашему мнению, той тревожной внешнеполитической обстановкой, которая создалась для него в результате заключения Салинского договора между Литвой и Орденом.

Период пассивности Новгорода ганзейское купечество стремилось использовать для закрепления своих позиций. Поэтому в фактах новгородско-ганзейской торговли этого десятилетия особенно выпукло выступают все стороны политики Ганзейского союза в отношении Новгорода.

Политика Ганзы по отношению к Новгороду на рубеже XIV—XV вв. характеризуется теми же чертами, что и раньше, а именно стремлением удержать в своих руках монополию на торговлю с Новгородом, сохранить существующий порядок торговли.

Для сохранения своей монополии на торговлю с Новгородом ганзейское купечество, как и в предыдущий период, принимает меры к тому, чтобы не допустить появления купцов-неганзейцев в Новгороде. В марте 1392 г. съезд ливонских городов в Дерпте, на котором присутствовали члены Нибурува посольства, выносит решение, повторяющее правило скры о том, что пользоваться правами купца во дворе св. Петра могут только бюргеры ганзейских городов.²⁰

Это правило власти немецкого двора в Новгороде неукоснительно проводили в жизнь, применяя его не только к лицам негерманской национальности, но и к торговым представителям Ордена.

Тевтонский орден в конце XIV в. вел крупные торговые операции, являясь, по меткому выражению Э. Лависса, «торговым домом с обширными коммерческими связями».²¹ Торговые агенты Ордена действовали во Фландрии, Англии, Ливонии и других государствах. Производили они торговые операции и в Новгороде, ввозя сюда серебро и вывозя главным образом пушнину, которая поступала затем на европейские рынки. Торговые представители ливонской ветви Ордена также появлялись в Новгороде.

Коммерческая деятельность представителей Ордена в Новгороде вызывала, как это показывает случай с купцом феллинского комтура, яростное противодействие властей немецкого двора в Новгороде. В 1396 г. на немецкий двор вместе с одним немецким купцом прибыл купец феллинского комтура, привезший в Новгород по поручению комтура серебро. Дворовые власти не-

²⁰ Рецесс съезда: LUB, Bd. VI, № 2925, § 22.

²¹ Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. М., 1915, с. 13; о торговле Ордена см.: Sattler C. 1) Der Handel des deutschen Orden im Preussen zur Zeit seiner Blüthe. — HGBI, Jg. 1877, 1879, S. 61—85; 2) Die Hanse und der Deutsche Orden in Preussen bis zu dessen Verfall. — HGBI, Jg. 1882, 1883, S. 69—84; Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом. . . , с. 259—278.

медленно конфисковали у немецкого купца и купца комтура лошадей и серебро, обвинив их в незаконном привозе товара, принадлежавшего Ордену.²² По поводу этого дела между немецким двором, ливонскими городами и главой Ганзейского союза Любеком завязалась длительная переписка, закончившаяся, правда, возвращением серебра комтуру, но с замечанием, чтобы впредь подобные случаи не повторялись.²³

Еще более решительно власти немецкого двора поступали в отношении купцов негерманского происхождения. В этой связи большой интерес представляют записи ревельского рата от 1402 г., касающиеся запрещенной торговли одного ломбардца в Новгороде. Ломбардец был задержан в Ревеле при возвращении из Новгорода. Он уже приезжал в Россию четыре года назад и сейчас снова побывал на немецком дворе в Новгороде, привезя с собой для продажи русским оружие, что запрещалось под угрозой лишения жизни и проклятия папы. Ревельские ратманы, рассматривавшие дело ломбардца, объявили ему, что он заслуживает строжайшего наказания — лишения жизни и товара, но затем они смягчились и даровали ломбардцу жизнь при условии, что он со своими слугами поклянется в том, что никогда больше не приедет в Россию.²⁴

Здесь следует обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, на повторность приезда ломбардского купца в Новгород, что свидетельствует до некоторой степени о стремлении негерманских купцов завязать постоянные сношения с Новгородом; во-вторых, на жестокость действий ревельского рата, которая безусловно была вызвана опасением перед проникновением ганзейских элементов в Новгород и возможностью подрыва монополии Ганзы на торговлю с Новгородом.

Ганза направляет свои постановления не только против неганзейцев, осмеливавшихся вести торговлю в Новгороде, но и против тех представителей ганзейского купечества, которые в интересах личной выгоды помогали им в этом. Так, ливонские города на съезде в Валке 29 марта 1405 г. принимают решение о том, что купцы, приведшие с собою в Новгород людей, не пользующихся правами ганзейских купцов, должны быть судимы согласно правилам скры. Участники съезда, очевидно, имели в виду § 83 пятой скры, гласящий, что если кто-либо из ганзейцев приведет с собой в Новгород ломбардца, или фламандца, или кого-нибудь другого, или же привезет принадлежащий им товар, то он наказывается штрафом в 50 марок и потерей прав двора.²⁵

²² Письмо немецкого двора Дерпту от 7 января 1396 г.: HR, Bd. IV, № 331.

²³ Переписка ганзейских городов от 1396 г.: HR, Bd. IV, № 332—333, 380—382; LUB, Bd. IV, № 1513.

²⁴ Записи ревельского рата от 30 сентября, 11 и 12 декабря 1402 г.: LUB, Bd. IV, № 1614.

²⁵ Редесс съезда: LUB, Bd. IV, № 1656, § 7; Nowgoroder Schra, V, § 83.

Если Ганзейскому союзу в целом было присуще стремление не допускать конкуренции неганзейских элементов в торговле с Новгородом, то для тех ганзейских городов, в чьих руках находилось руководство русской торговлей — заморских во главе с Любеком и ливонских, — была характерна еще более узкоэгоистическая политика: они стремились воспрепятствовать росту экономических связей между Русью и прочими городами Ганзейского союза и сохранить за собою главенствующее положение в новгородской конторе.

Эта политика нашла яркое выражение в отношении заморских и ливонских городов к требованиям прусских городов. Прусские города являлись членами Ганзы, однако купцы их не пользовались в немецком дворе в Новгороде равными с другими ганзейскими купцами правами. В начале 90-х годов XIV в. прусские города поднимают вопрос об уравнивании своих купцов в правах в новгородской конторе, в частности о праве для них иметь своего ольдермана. Одновременно прусские города выдвигают требование о предоставлении их купцам права на беспрепятственный проезд в Новгород сухим путем через Ливонию и привоз польских сукон.²⁶

Рассмотрением требований прусских городов занялся в марте 1392 г. уже упоминавшийся съезд ливонских городов в Дерпте, проходивший с участием членов Нибурова посольства. Все требования прусских городов были отклонены. Съезд отказал прусским городам в праве иметь в Новгороде своего ольдермана. Рецесс съезда указал также, что никакой товар не должен ввозиться в Новгород через Пруссию, Курляндию или Швецию по суше; привоз польских сукон тоже не может быть разрешен ввиду сходства их с фландрскими, вследствие чего торговля последними может пострадать.²⁷

Отказывая прусским городам в праве иметь ольдермана, старые руководители торговли с Новгородом хотели сохранить свое привилегированное положение в немецком дворе в Новгороде. В запрещении сухопутных поездок в Новгород сыграла роль заинтересованность в этом вопросе ливонских городов, через порты которых — Ригу, Ревель, Пернау — согласно постановлениям ганзейского съезда 1346 г. должны были привозиться все товары, предназначавшиеся для Новгорода.²⁸ Что касается привоза польских сукон, то разрешение сего привело бы к сокращению спроса в Новгороде на фландрские сукна, что, конечно, задело интересы заморского ганзейского купечества.

²⁶ Письмо прусских городов великому магистру от 26 сентября 1391 г.: LUB, Bd. VI, № 2923. — Прусские города впервые выдвинули свои требования еще в 80-х годах XIV в. (Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters, S. 84—85).

²⁷ Рецесс съезда: LUB, Bd. VI, № 2925, § 13—15.

²⁸ Письмо заморских городов немецким купцам в Новгороде от 22 февраля 1346 г.: HUB, Bd. III, № 69, § 4.

ства, издавна занимавшегося посреднической торговлей между Фландрией и Новгородом.

В рассматриваемое время ганзейцы продолжали принимать меры для недопущения привоза в Новгород ряда товаров, снабжать которыми русских они считали нежелательным. Это относится прежде всего к материалам военного значения. Запрещение продажи оружия русским существовало с XIII в.²⁹ О действительности его в XV в. ярко свидетельствует уже упоминавшееся дело о незаконной торговле ломбардца в немецком дворе в 1402 г. Ограничивался также вывоз лошадей из Ливонии в Россию, очевидно, потому, что они могли быть использованы в военных целях. Вывоз лошадей запрещают постановления ревельского рата, относящиеся к концу XIV в.;³⁰ об ограничении вывоза лошадей собирались ходатайствовать перед своими ратами представители Риги и Ревеля, присутствовавшие на съезде ливонских городов в Валке в марте 1405 г.³¹ Неодобрительно Ганза смотрела и на продажу новгородцам благородных металлов. В 1402 г. немецкий двор в Новгороде жаловался Любеку на нарушение своих интересов в результате привоза по суше (из Пруссии) золота и серебра. В ответ ратманы ганзейских городов, собравшиеся в мае 1402 г. на съезд в Любеке, обратились к ливонским городам с просьбой принять меры к недопущению привоза товаров, торговля которыми противоречила обычаю и правилам скры.³²

Ряд ганзейских постановлений этого периода о торговле с Русью касается ввозимых и вывозимых ганзейцами товаров, форм торговых сделок, путей сообщения и т. д. Ганзейские съезды и города, руководившие новгородской торговлей, вновь и вновь запрещают продажу новгородцам ранее не ввозившихся сортов сукон,³³ торговлю в кредит,³⁴ поездки в Новгород по неустановленным путям и т. д.

²⁹ Грамота Биргера, короля Швеции, от 4 марта 1295 г.: LUB, Bd. I, Reval, 1853, № 559.

³⁰ Постановления ревельского рата (Revalsche Bursprake): LUB, Bd. IV, № 1516, § 45.

³¹ Рецесс съезда от 29 марта 1405 г.: LUB, Bd. IV, № 1656, § 6.

³² HR, Bd. V, Leipzig, 1880, № 82. — О противоречивых тенденциях в торговле благородными металлами с Русью см.: Хоррошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв., гл. III. — Автор отмечает, касаясь торговли серебром в конце XIV—начале XV в., с одной стороны, значительные размеры ввоза его в Россию, а с другой — запретительные мероприятия Ганзейского союза. Последние она объясняет сокращением экспортных возможностей ганзейских городов ввиду утечки серебра, а также стремлением Ганзы ослабить Русь экономически (там же, с. 280).

³³ Письма немецкого двора в Новгороде (конец XIV—начало XV в.) Ревелю и письмо ганзейского съезда в Любеке ливонским городам от 14 мая 1402 г.: HUB, Bd. V, Leipzig, 1899, № 475, 480; HR, Bd. V, № 82.

³⁴ Письма немецкого купечества в Брюгге Любеку от 3 ноября 1400 г., Любека прусским городам от 6 декабря 1400 г. и постановление рата Ревеля от 27 ноября 1402 г.: HR, Bd. IV, № 629, 630; Bd. V, № 112.

Этими постановлениями, регламентирующими все стороны торговой деятельности, Ганза хотела поддержать выгодный для нее порядок торговли. Борьба против всяких новшеств, сохранение «старинны» являлись лозунгами ганзейской политики в Новгороде на рубеже XIV и XV вв.

Проследить политику Ганзы по отношению к Пскову в рассматриваемый период невозможно, так как от этого времени не сохранилось почти никаких известий о псковско-ганзейской торговле и псковско-ганзейских отношениях. Но вряд ли Ганза, препятствуя появлению в Новгороде купцов-неганзейцев, одновременно спокойно относилась к проникновению их в Псков, или же, не допуская привоза в Новгород оружия, ганзейские города разрешали свободную продажу его в Пскове. Скорее следует думать, что политика Ганзы в отношении Пскова была отмечена теми же чертами, что и в отношении Новгорода. Только в политике Ганзы по отношению к Новгороду эти черты проступали гораздо рельефнее, ибо в системе ганзейско-русской торговли Новгород занимал неизмеримо более важное место, нежели Псков.

СТРЕМЛЕНИЕ НОВГОРОДА И ПСКОВА В НАЧАЛЕ XV В. К УСТАНОВЛЕНИЮ РАВНЫХ УСЛОВИЙ ТОРГОВЛИ С ГАНЗЕЙЦАМИ

С первых лет XV в. возрастает активность торговой политики Новгорода и Пскова. В основе этого процесса лежало развитие внешней торговли русских вечевых республик, а также усиление роли и значения местного купечества. Отдельные же колебания в торговой политике Новгорода и Пскова, которые имели место в XV в., увеличение ее активности или, наоборот, уменьшение, часто находились в зависимости от внешнеполитического положения.

В начале XV в. в связи с враждебными отношениями между Витовтом и Орденом (1401—1404 гг.) внешнеполитическая ситуация меняется в благоприятном для Новгорода и Пскова направлении. Временно ликвидируется угроза объединенной агрессии Ордена и литовских феодалов (см. с. 39). Может быть, именно этим обстоятельством была обусловлена активизация торговой политики Новгорода и Пскова в рассматриваемое время.

Новгородцы и псковичи пытаются добиться отмены невыгодных для них условий торговли с ганзейцами. В первую очередь это касалось особенно обременительного для них правила о покупке у ганзейцев соли, меда, вина не по весу, а мешками и бочками, а также часто практиковавшейся «порчи» меда и вина путем разбавления их водой.

В феврале 1402 г. новгородские и псковские послы, присутствовавшие на съезде ливонских городов в Дерпте, предъявили

ряд жалоб на ганзейских купцов: сукна, покупаемые у них, «коротки»; бочки с медом слишком малы и до верха не наполнены, а мед недоброкачественный; мешки с солью маленькие и легкие, и не такие, какими они были исстари; сладкое вино тоже недоброкачественное, и винные бочки маленькие. Наряду с жалобами на вес, размер и качество ганзейских товаров новгородские и псковские послы принесли жалобы на поведение ганзейцев при покупке ими товаров у русских: немцы, покупая воск, слишком «колуцают» его, а при покупке мехов требуют к ним большой наддачи.

Вместе с претензиями и жалобами новгородские и псковские послы внесли предложения для устранения существующих злоупотреблений. Они предложили торговлю солью и медом производить по весу, для чего установить специальные веса.³⁵

На все предложения и пожелания новгородских и псковских послов съезд ливонских городов в Дерпте ответил отказом. Съезд удовлетворился тем, что ознакомил русских послов со своим письмом к Любеку, в котором просил главу Ганзейского союза принять меры к тому, чтобы мешки для соли и бочки для вина и меда изготавливались согласно образцам, а вина не разбавлялись. В отношении осмотра мехов и колупания воска съезд указал, что эти правила вызваны недоброкачественностью русских товаров и что должно соблюдаться то, что установлено исстари.³⁶

Таким образом, попытка Новгорода и Пскова добиться удовлетворения своих требований мирным путем, посредством переговоров с ганзейским купечеством, окончилась неудачей. Следующий, более решительный шаг в этом направлении Новгород сделал уже во время войны Литвы и Ордена против Пскова 1406—1409 гг.

Война Литвы и Ордена с Псковом лишней раз показала всю эфемерность постановления ганзейско-русских договоров о невмешательстве купца в политические столкновения, несмотря на то что накануне ее были приняты меры для обеспечения безопасности купцов и нормального течения торговли. В декабре 1405 г. на запрос Дерпта о том, желает ли Новгород соблюдать Нибуров мир, Новгород ответил, что он хочет соблюдать мир и крестоцелование, обещает заботиться о немецких купцах, как о собственных, и просит так же поступать в отношении его купцов, находящихся в Ливонии. В начале 1406 г., когда уже имели место военные действия между Литвою и Псковом, Новгород по просьбе Дерпта вновь гарантировал немецким купцам «чистый путь» в своих владениях; аналогичную гарантию дал и Псков.³⁷ Однако, несмотря на все эти гарантии, отношения между Новгородом и Псковом и ган-

³⁵ Речь съезда ливонских городов в Дерпте от 19 февраля 1402 г.: LUB, Bd. IV, № 1602, § 1—6.

³⁶ Там же, § 41, 44.

³⁷ Грамота Великого Новгорода Дерпту: ГВНЦ, № 48; письмо Дерпта Ревелю от 1 марта 1406 г.: НУВ, Bd. V, № 706.

зейским купечеством в условиях начавшейся в Прибалтике войны стали неустойчивыми, достаточно было небольшого повода, чтобы они пришли в полное расстройство.

Уже весной 1406 г. в Пскове были задержаны немецкие товары, а в апреле Новгород запретил ганзейцам выезд в связи со слухом об аресте русских в Дерпте.³⁸ Отношения между Новгородом и ганзейским купечеством обострились в еще большей степени после ограбления русских купцов в Нарве в том же 1406 г.³⁹ Летом 1406 г. в связи с ожидающимися репрессиями со стороны Новгорода немецкий двор решил отправить на хранение в Ревель свою документацию и драгоценности: печати, письма, скру, священнические одеяния, золотую посуду и прочие «ценности св. Петра».⁴⁰ Опасения ольдерманов двора оказались правильными: в декабре 1406 г. в виде репрессии за ограбление русских в Нарве вече вновь запретило немецким купцам выезд из Новгорода.⁴¹

Задержание немецких купцов в Новгороде само по себе было довольно частым явлением в практике русско-ганзейской торговли. Новгород смотрел на него как на средство давления на ганзейцев и прибегал к нему всякий раз, когда с его «детьми» что-нибудь случалось в Ливонии. На этот раз немецкие купцы были задержаны надолго, и задержание их сопровождалось резким ухудшением отношений между новгородцами и ганзейским купечеством, так как Новгород предпринял в это время новую атаку против привилегий ганзейцев. Пользуясь, возможно, тем, что война Ливонии с Псковом приняла затяжной характер, Новгород сделал попытку добиться того, на что ему не удалось получить согласия ливонских городов в 1402 г., — изменения условий торговли солью и медом.

В 1407 г. по распоряжению новгородских властей на торгу было объявлено, чтобы никто из новгородцев не торговал с немцами. Когда представители немецкого двора явились к тысяцкому за разъяснениями, то он сказал им, что запрещение торговли вызвано недостаточной длиной суков и недостаточным весом соли; тысяцкий добавил, что новгородцы хотят у себя соль взвешивать, как в Дерпте и Ревеле, а бочки с медом иметь полными до краев.⁴²

Вслед за этим Новгород пытался провести в жизнь свои требования. 1 июля 1407 г. ольдерманы двора сообщают в Ревель,

³⁸ Письмо Ревеля Новгороду от 11 апреля 1406 г. и немецкого двора Ревелю от 24 апреля 1406 г.: HUB, Bd. V, № 713, 716.

³⁹ Письма немецкого двора Ревелю от 27 октября 1406 г. и Ревеля Дерпту и немецкому двору от 17 ноября 1406 г.: HUB, Bd. V, № 744, 747.

⁴⁰ Письмо немецкого двора Ревелю от 29 августа 1406 г.: HUB, Bd. V, № 738.

⁴¹ Письмо немецкого двора Ревелю от 6 декабря 1406 г.: HUB, Bd. V, № 751.

⁴² Письмо немецкого двора Ревелю от 9 июня 1407 г.: LUB, Bd. IV, № 1726.

что новгородцы постановили покупать соль у немцев только по весу, а мед — полными бочками под угрозой штрафа с нарушителей в 50 гривен серебром (by 50 stukke sulvers). Эти решения записаны в грамоте, составленной на вече (in deme dinge) и скрепленной печатями. В этом же письме ольдерманы указывают, что в ответ они запретили торговлю с русскими на новых условиях под угрозой штрафа в 50 марок и лишения прав двора.⁴³

Для характеристики того, насколько сильным было раздражение Новгорода из-за постоянных злоупотреблений при торговле солью и медом и как в действительности велики были эти злоупотребления, интересно письмо немецкого двора Ревелю от 10 августа 1407 г. Власти двора сообщают о своих переговорах с тысяцким и новгородскими купцами в отношении торговли солью и медом. Тысяцкий и купцы заявили дворовым властям, что они хотят, чтобы соль продавалась в Новгороде по весу, а мед — полными бочками, указав при этом, что они распоряжаются в своем городе. Далее, представители Новгорода сказали, что немецкие купцы давно их обворовывают, ибо они берут в Ревеле 15 мешков соли за ласт, а в Новгороде дают 12 мешков; равным образом они получают 13 бочек меда за ласт, а дают 12 бочек. Свое письмо ольдерманы двора заканчивают просьбой позаботиться о благополучии купца, указывая, что если новгородцам удастся урезать права купца в этом вопросе, то то же самое они сделают и в других.⁴⁴ Показателем страха ганзейского купечества перед возможным изменением порядка торговли.

В возникшей по поводу состояния дел в Новгороде переписке ливонские города дают немецкому двору указания не соглашаться ни на какие нововведения и следить за тем, чтобы торговля велась согласно старому обычаю и крестоцелованию. Чтобы заставить новгородцев пойти на уступки и отказаться от своих постановлений, города запрещают подвоз в Новгород соли и меда — тех товаров, из-за которых возникла вражда.⁴⁵

Между тем отношения Новгорода с немецким двором и ливонскими городами еще более ухудшились после нового ограбления русских купцов у Нарвы летом 1408 г. Хотя это ограбление было совершено шведами, тем не менее оно послужило поводом к новым репрессиям Новгорода против ганзейцев. 24 марта 1409 г. власти двора пишут в Ревель, что русские конфисковали у ганзейцев меха, которые были помещены затем в церкви св. Ивана. В следующем письме ольдерманы сообщают, что уладить конфликт не удалось, и считают целесообразным, чтобы немецкие купцы воздержались от приезда в Новгород.⁴⁶

⁴³ Письмо немецкого двора Ревелю от 1 июля 1407 г.: LUB, Bd. IV, № 1730.

⁴⁴ LUB, Bd. IV, № 1735.

⁴⁵ Переписка немецкого двора и ливонских городов от июля 1407 г.— февраля 1408 г.: HUB, Bd. V, № 799, 800, 802, 809, 822, 827.

⁴⁶ Письма ольдерманов: HUB, Bd. V, № 867, 877.

Причинами конфликтов между Новгородом и ганзейским купечеством в 1406—1409 гг., с одной стороны, являлись стремление Новгорода изменить существующий порядок торговли солью и медом, с другой — ограбления новгородских купцов в Ливонии. Как закончилась борьба из-за порядка торговли солью и медом, источники прямо не говорят, но поскольку новгородцы позже опять поднимут вопрос о порядке торговли солью и медом, постольку можно предположить, что на этот раз они уступили. Ганзейское купечество оказалось сильнее и, прекратив подвоз соли и меда, добилось сохранения «старины». Но сама острота конфликта, попытка Новгорода впервые провести в жизнь свои требования силою показывают, какой шаткой стала эта «старина».

Что касается второй группы вопросов, из-за которых разгорелась вражда, — ограблений русских в Ливонии и на море и связанных с ними взаимных репрессий, — то они были разрешены договором Новгорода с ливонскими городами 1409 г.

Постоянные конфликты между новгородцами и ганзейцами, начиная с 1406 г., оказали отрицательное влияние на торговлю, приведя ее почти в полное расстройство, и летом 1409 г. у сторон возникает стремление к урегулированию всех недоразумений и восстановлению нормальных отношений. Урегулированию торговых конфликтов благоприятствовало и прекращение военных действий в Прибалтике — заключение летом 1409 г. мира между Ливонией и Псковом (см. с. 45—46).

В августе 1409 г. в Новгород прибыли ревальские ратманы Иван Эппеншеде и Тидеманн Востгоф для переговоров о заключении мира. Переговоры протекали негладко. По-видимому, с целью создания действительно прочной основы для продолжения торговли Новгород заявил о своем желании получить от ливонских городов письменное удостоверение в том, что они не будут преследовать новгородцев, виновных в насилиях над ганзейцами; аналогичную гарантию Новгород готов был дать ливонским городам для тех лиц, по чьей инициативе был задержан новгородский товар в Ливонии. Ревальские послы отказались целовать крест на этих условиях, заявив, что у них нет соответствующих полномочий. Отказ вызвал раздражение Новгорода. Дело дошло до того, что ганзейцы готовы были запереть церковь св. Петра (главное место хранения товаров), а товары вывезти в Дерпт.⁴⁷ В конце концов инцидент удалось уладить. Отдельные письменные гарантии, желаемые Новгородом, даны не были, но в договор, заключенный в августе 1409 г., была включена статья, гарантирующая неприкосновенность лиц, виновных в обоюдных насилиях.

Содержание договора 1409 г., заключенного послами ливонских городов от имени их и всех немецких купцов, сводится к следующему:

⁴⁷ Письма немецкого двора Ревелю от 14 и 21 августа 1409 г.: LUB, Bd. IV. № 1804, 1805.

щему: 1) Новгород возвращает немецким купцам товар, который был у них конфискован и находился в церкви св. Ивана; 2) ливонские города возвращают задержанный новгородский товар; 3) немцы, задержавшие новгородский товар в ливонских городах, и новгородцы, задержавшие немецкий товар в Новгороде, не должны подвергаться преследованиям и могут торговать «на обеих сторонах» по старым грамотам и крестоцелованию; 4) немецким и новгородским купцам путь чист «на обе стороны» согласно старым грамотам и старому крестному целованию.⁴⁸

Как показывает содержание договора, он был посвящен разрешению одного вопроса — о задержании немецких и новгородских товаров в 1406—1409 г. В остальном он повторял обоюдную гарантию беспрепятственного проезда для купцов, ссылаясь на старые грамоты и старое крестоцелование. Так как под последним в рассматриваемое время обычно подразумевали «Нибурово крестоцелование», то весь договор можно считать в сущности подтверждением Нибурова мира.

В 1411 г. были восстановлены торговые отношения между Псковом и ганзейским купечеством, прерванные во время псковско-ливонской войны 1406—1409 г. С немецкой стороны инициатива в ведении мирных переговоров принадлежала Дерпту,⁴⁹ связанному с Псковом, как уже отмечалось, особенно тесными торговыми сношениями. Дерптский рат в письме в Ревель от 9 октября 1411 г. сообщает, что его послы заключили с Псковом соглашение: купцам обеих сторон гарантируется безопасность проезда и ведения торговли, а конфликтные дела согласно старому крестоцелованию должны касаться только истца и ответчика.⁵⁰ По-видимому, это соглашение также восстанавливало Нибурово крестоцелование.⁵¹

От ближайших после заключения договора 1411 г. десятилетий сохранилось лишь одно известие о политике Пскова в отношении ганзейцев. В марте 1414 г. Дерпт писал Ревелю, что псковичи взяли за обычай немецкий воск, когда он взвешивается, колупать, чего раньше никогда не было; дерптским послам псковичи разъяснили, что поскольку продаваемый псковичами в ливонских городах воск колупают, постольку они хотят поступать так же в отношении немецкого воска в Пскове.⁵² По-видимому, псковичи рассчитывали таким путем добиться реализации своего давнего требования об отмене обычая колупания русского воска путем контртребования: применить этот обычай к импортируемому в каких-то размерах немецкому воску. Никаких других известий о торговой политике Пскова в отношении ганзейского ку-

⁴⁸ ГВНП, № 49.

⁴⁹ Письмо Дерпта Ревелю от 14 июля 1411 г.: LUB, Bd. IV, № 1889.

⁵⁰ LUB, Bd. IV, № 1901.

⁵¹ O s t e n - S a c k e n P. Der Hansehandel mit Pleskau bis zur Mitte des XV. Jahrhunderts, S. 72.

⁵² Письмо Дерпта Ревелю от 25 марта 1414 г.: LUB, Bd. V, № 1966.

печества от 10—30-х годов XIV в. нет. Объяснение этому обстоятельству следует искать, на наш взгляд, не столько в плохой сохранности источников, сколько в относительной пассивности торговой политики Пскова в рассматриваемый период: находясь под угрозой со стороны Литвы, Псков в 1417 г. вынужден был пойти на заключение союзного договора с Ливонским орденом, договор же с последним сковывал попытки Пскова изменить условия торговли с ганзейцами; поэтому можно думать, что Псков занимал в отношении ганзейского купечества пассивную позицию.

Иной была линия поведения Новгорода. Ослабление позиций Ордена после Грюнвальдской битвы Новгород использует не только для давления на Орден с целью обеспечения интересов новгородской внешней торговли, о чем мы говорили выше, но и для новой атаки против привилегий ганзейцев. Значительный шаг в этом направлении был сделан в 1410 г., когда новгородское купечество с ведома, очевидно, новгородских властей ввело новые правила торговли для ганзейцев. Об этом шаге новгородцев ольдерманы немецкого двора писали: «Мы жалуемся вам теперь на то, что виднейшие новгородские купцы обманно и бесчестно приняли, утвердили и установили новые, нехорошие и неправильные постановления (*nige, quade, falsche settinge*) относительно купца и его товара, подобных которым никогда не было». ⁵³ В чем заключались эти новые постановления, сказать с полной уверенностью мы не можем. Вряд ли они выражались на этот раз, как и в предыдущие годы, в требовании изменить порядок торговли солью и медом, с одной стороны, и мехами и воском, с другой; в источниках, когда речь идет о названном требовании, оно всегда раскрывается, что в данном случае не имеет места. Может быть, новые постановления состояли в попытке ввести на ганзейские товары определенные, таксированные цены. Думать так дает основание многозначность в средненижненемецком языке слова *settinge*: основное его значение «устав, положение», но оно встречалось также в значении «установленная цена». ⁵⁴ Таким образом, мы можем полагать, что в 1410 г. новгородцы сделали попытку ввести на ганзейские товары твердые цены, которые нельзя было превышать.

Ганзейское купечество в Новгороде не согласилось продавать товары на новых условиях, отчего на немецком дворе образовалось большое скопление товаров. В приведенном письме ольдерманы сообщали, что «церковь заполнена товарами сверху допизу». Двумя неделями позже власти немецкого двора извещали Ригу, что новгородцы все еще продолжают держаться принятых постановлений, рассчитывая, что с приездом летних гостей, когда количество товаров, скопившихся на немецком дворе, еще больше уве-

⁵³ Письмо немецкого двора Риге от 14 марта 1410 г.: LUB, Bd. VI, № 2984.

⁵⁴ Schiller W. u. Lübben A. *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*, Bd. IV. Bremen, 1878, S. 200.

личится, немецкое купечество пойдет на уступки и Новгород сможет осуществить свою волю.⁵⁵

Власти немецкого двора со своей стороны приняли меры к тому, чтобы не допустить изменения существующих правил торговли и заставить Новгород отказаться от принятых постановлений. Сознавая, что большое количество товаров, находящихся на дворе, ухудшит положение, власти двора в марте 1410 г. просят ливонские города удержать летних гостей от поездок в Новгород, поскольку церковь полна товара и новгородцы хвалятся, что они взяли купца в мешок, связали его лыком и думают вскоре связать еще ремнями.⁵⁶ В начале апреля 1410 г. ольдерманы повторяют свою просьбу о том, чтобы летний гость не следовал за зимним, так как 200 терлингов ткани еще лежат непроданными. Однако к концу апреля спор между немецким двором и Новгородом был каким-то образом улажен, и Рига 22 апреля пишет Ревелю, что дальнейшее запрещение поездок в Новгород она считает нецелесообразным, так как торговля купцов в Новгороде теперь идет хорошо.⁵⁷

В 1410—1414 гг. ганзейцам пришлось выдержать борьбу не только с новгородскими купцами, пытавшимися установить, как можно думать, определенные цены на ганзейские товары, но и с новгородскими лодочниками, возчиками и носильщиками, добивавшимися улучшения условий труда.

В 1410 г. купцы немецкого двора жаловались, что лодочники на Неве выносят постановления (по-видимому, в отношении оплаты своего труда), какие они хотят.⁵⁸ В 1412 г. ганзейское купечество сообщает о новых постановлениях русских в отношении платы за использование лодей на Неве: с каждой ладьи, которая нанята и отправляется вверх по Неве, немцы должны были уплачивать $\frac{1}{2}$ марки в пользу лодейщиков, чьи лодьи остались пустыми.⁵⁹ Таким образом, ганзейские купцы должны были в какой-то мере компенсировать и тех лодочников, которые выехали навстречу на Неву, но остались без работы.

Наряду с лодочниками на Неве активно действовали и новгородские носильщики: 15 июля 1412 г. власти немецкого двора жаловались, что носильщики сами не знают, во сколько оценить свой труд, и с каждым днем требуют с немецких купцов все больше и больше.⁶⁰

Однако, несмотря на все жалобы ганзейцев, вызванные требованиями лодочников и носильщиков, торговля с Новгородом

⁵⁵ Письмо Риги Ревелю от 26 марта 1410 г.: LUB, Bd. IV, № 1827.

⁵⁶ Письмо Дерпта Ревелю от марта 1410 г.: LUB, Bd. IV, № 1829.

⁵⁷ Письма Дерпта Ревелю от 2 апреля 1410 г. и Риги Ревелю от 22 апреля 1410 г.: LUB, Bd. IV, № 1830, 1834.

⁵⁸ Письмо немецкого двора Ревелю от 23 февраля 1410 г.: LUB, Bd. IV, № 1822.

⁵⁹ Письмо немецкого двора Ревелю от 6 июля 1412 г.: LUB, Bd. IV, № 1919.

⁶⁰ Письмо немецкого двора Ревелю от 15 июля 1412 г.: HUB, V, № 1063.

не прекращалась; очевидно, ганзейским купцам выгоднее было уплачивать лодочникам, возчикам и носильщикам требуемые ими суммы, чем идти на перерыв в торговле.

Новое серьезное столкновение между Новгородом и ганзейским купечеством, приведшее к общеганзейскому запрету торговли с Новгородом, произошло в 1416 г. Оно было связано с дальнейшей активизацией торговой политики Новгорода, с наступлением его на привилегии ганзейцев.

Уже в 1415 г. отношения между немецким двором и новгородцами начали портиться из-за продажи ганзейцами «коротких» сукон: поставки сукна оказывались на 8—9 локтей короче положенного размера.⁶¹ В начале 1416 г. новгородское вече запретило всякую торговлю с ганзейцами, исключая торговлю продуктами и напитками. Кроме того, вече приняло ряд других решений, которые, с ганзейской точки зрения, противоречили крестоцелованию и правам купца.⁶² О том, в чем именно заключались эти решения, мы догадаемся, если проанализируем инструкцию, данную Ревелем своим послам на съезд ливонских городов, который состоялся в 1416 г. В инструкции Ревель предлагал на рассмотрение ливонских городов ряд пунктов, которые, по его мнению, следовало обсудить во время переговоров с новгородцами. Для освещения интересующего нас вопроса важны три пункта: 1) о запрещении немцам мелкой торговли, которую раньше они могли вести в Новгороде; 2) о запрещении им разгрузки товаров собственными силами; 3) о постановлениях новгородских лодочников против немецких купцов.⁶³ Сопоставление этих пунктов с фактом принятия новгородским вече в 1416 г. каких-то решений, направленных против ганзейцев, позволяет, как нам кажется, раскрыть содержание этих решений: в 1416 г. новгородское вече приняло постановление о запрещении ганзейцам розничной торговли и подчеркнуло обязательность использования ими при перевозке товаров услуг новгородцев. Эти постановления, свидетельствующие об усилении борьбы новгородцев против ганзейцев, привели к углублению конфликта между Новгородом и ганзейским купечеством, начавшегося в 1415 г. из-за продажи ганзейцами «коротких» сукон.

Узнав о положении дел в Новгороде, о «новых» постановлениях новгородцев в отношении ганзейских купцов, ливонские города в качестве контрмеры в том же 1416 г. наложили запрет на торговлю с новгородцами. Съезд ливонских городов в Пернау в феврале 1416 г. запретил поездки в Новгород и на Неву, а также торговлю с новгородцами в Пскове под угрозой лишения товаров;

⁶¹ Письмо Дерпта Ревелю от 13 ноября 1415 г.: LUB, Bd. V, № 2044.

⁶² Письмо ливонских городов немецкому купечеству в Брюгге от февраля 1416 г.: HR, Bd. VI, Leipzig, 1889, № 230.

⁶³ Инструкция Ревеля своему послу на съезд ливонских городов: LUB, Bd. IV, № 1929; см. также: LUB, Bd. VI, Nachträge zu den fünf ersten Bänden des Urkundenbuchs, № 2304.

в то же время съезд разрешил русским купцам вести торговлю в Ливонии.⁶⁴

О своих решениях съезд ливонских городов в Пернау написал Штральзунду и ганзейской конторе в Брюгге.⁶⁵ О письме ливонских городов послы Штральзунда доложили ганзейскому съезду в Копенгагене в апреле 1416 г. Копенгагенский съезд осудил действия ливонских городов как направленные против интересов и привилегий всей Ганзы и предложил ливонским городам снять запрет с торговли с Новгородом до рассмотрения этого вопроса на следующем ганзейском съезде 7 июня 1416 г.⁶⁶ Отрицательное отношение ганзейского съезда к действиям ливонских городов станет понятным, если учесть, что запрещение поездок немецких купцов в Новгород при одновременном разрешении торговли русских в Ливонии повлекло бы перемещение центра ганзейской торговли из Новгорода в Ливонию и тем самым переход ее в руки ливонских городов, что было нежелательно для других ганзейских городов.

Ливонские города не подчинились решению ганзейского съезда и в переписке рекомендовали другу другу строго соблюдать запрет торговли с русскими.⁶⁷ Одновременно в июне 1416 г. они пытались самостоятельно, без обращения к руководству ганзейского союза, уладить свои отношения с Новгородом. На съезде ливонских городов в Дерпте решено было пачать переговоры с Новгородом.⁶⁸ Ревель предложил обсудить с новгородцами вопросы о «новых» постановлениях против немецких купцов, о запрещении им розничной торговли и о требованиях лодочников, а также о тех насилиях, которым подвергались отдельные немецкие купцы в Новгороде.⁶⁹ Переговоры с Новгородом оказались безрезультатными, так как новгородцы настаивали на принятии своих требований, на что ливонские города не пошли.⁷⁰

Срыв переговоров привел к обострению запрета со стороны Новгорода. 23 сентября 1416 г. приказчик двора⁷¹ Ганс Липпе пишет Дерпту, что новгородцы не только запретили торговлю с немцами в Новгороде, но наложили также запрет на поездки новгородских купцов в ливонские города, Псков и Полоцк, где новгородские купцы могли встречаться с немецкими.⁷²

⁶⁴ Письмо ливонских городов немецкому купечеству в Брюгге от февраля 1416 г.: HR, Bd. VI, № 230.

⁶⁵ Там же, см. также № 229.

⁶⁶ Письмо ганзейского съезда в Копенгагене ливонским городам от апреля 1416 г.: HR, Bd. VI, № 249.

⁶⁷ Письма Дерпта Ревелю от 3 и 19 июня 1416 г.: LUB, Bd. V, № 2069, 2076.

⁶⁸ Письмо ливонских городов Любеку, Висби и немецкому купечеству в Брюгге от сентября 1416 г.: HR, Bd. VI, № 298.

⁶⁹ Инструкция Ревеля своему послу на съезд ливонских городов: LUB, Bd. IV, № 1929; см. также: LUB, Bd. VI, Nachträge. . . , № 2304.

⁷⁰ HR, Bd. VI, № 298.

⁷¹ Термином «приказчик двора» мы передаем немецкий термин *hovest knechte*.

⁷² Письмо Ганса Липпе: HUB, Bd. VI, № 97.

Обсуждением конфликта с Новгородом занялся ганзейский съезд в Любеке летом 1416 г. Съезд упрекнул ливонские города в том, что они самовольно запретили поездки в Новгород. Съезд указал также, что если немецкие купцы не могут посещать Новгород и Неву, то и русским не следует разрешать поездки в ливонские города, где они не испытывают никаких притеснений.⁷³

Лишь через год на съезде в Ростоке—Любеке в мае—июле 1417 г. ганзейские города признали существующий уже в течение года разрыв торговых связей с русскими и вынесли решение об объявлении общеганзейского запрета торговли с Новгородом. Но даже это решение было составлено так, что включало косвенное осуждение самовольных действий ливонских городов: торговли с Новгородом запрещалась с 15 августа 1417 г. под угрозой лишения товаров; те же лица, которые торговали до этого срока (во время запрета, наложенного ливонскими городами), наказанию не подлежали.⁷⁴

Между тем продолжавшийся уже более года перерыв в торговых связях был невыгоден как для Новгорода, так и для ливонских городов. Генрих Бемен, представитель рата Дерпта, в начале 1417 г. бывший в Новгороде, сообщил при своем возвращении, что один новгородский купец посоветовал ему, чтобы города послали в Новгород посла с запросом, желает ли Новгород восстановления нормальных отношений с немецким купечеством.⁷⁵

В июле 1417 г. в Риге находились новгородские послы; в результате переговоров между ними и ратом Риги на 1 августа 1417 г. в Дерпте был назначен съезд с новгородцами.⁷⁶ По-видимому, переговоры на съезде были удачными, так как уже в конце августа—начале сентября высшие власти Новгорода обратились к ливонским городам с грамотами, в которых заявляли, что новгородцы желают жить с немцами «по старине», и предлагали прислать «добрых людей», имеющих полномочия решать все дела и «дать исправу».⁷⁷

Посольство в Новгород было отправлено вскоре после получения грамот, и 14 ноября два револьских ратмана сообщили из Новгорода в Ревель, что с Великим Новгородом достигнуто соглашение о восстановлении старого крестоцелования и мира господина Нибура.⁷⁸ Заключение мира в 1417 г. кратко отмечено и новгородской летописью: «А в то время взяша новгородци миръ с Нѣмци».⁷⁹

Как явствует из письма револьских ратманов, мир 1417 г. лишь подтверждал мир 1392 г., не внося в него никаких новых условий.

⁷³ Письмо Дерпта Ревелю от 10 декабря 1416 г.: LUB, Bd. V, № 2104.

⁷⁴ Рецесс ганзейского съезда в Ростоке и Любеке 20 мая—28 июля 1417 г.: HR, Bd. VI, № 397, § 66.

⁷⁵ Письмо Дерпта Ревелю от 9 марта 1417 г.: LUB, Bd. V, № 2117.

⁷⁶ Письмо Риги Ревелю от 19 июля 1417 г.: LUB, Bd. V, № 2155.

⁷⁷ Грамоты Новгорода: ГВНП, № 54, 55.

⁷⁸ Письмо револьских ратманов Ревелю: ПУВ, Bd. VI, № 134.

⁷⁹ НИЛ, с. 408; ср. НИВЛ2, с. 416—417.

Новгородцы, по-видимому, отказались от своих противоречащих старому крестоцелованию, по словам немецких источников, требований. Эта внезапная уступчивость Новгорода после почти двухлетних споров и пастояний на признании своих требований объясняется, быть может, тяжелым положением, в котором оказался Новгород из-за свирепствовавшей в то время эпидемии: ревелские ратманы в том же письме указывают, что в Новгороде ежедневно умирает около 1000 человек.⁸⁰

Мир 1417 г. был заключен по инициативе ливонских городов без санкции Ганзы. Ганзейский съезд, собравшийся в марте 1418 г., упрекнул ливонцев в том, что они без указания Любека и Висби открыли поездки в Россию.⁸¹ Но, несмотря на упреки руководителей Ганзейского союза, торговые сношения с Новгородом миром 1417 г. были восстановлены, и деятельность немецкого двора оживилась: в 1419 г. власти двора усиленно хлопотали о приведении его в порядок.⁸²

Перерыв в торговле 1416—1417 гг. весьма показателен для уяснения соотношения сил участников русско-ганзейской торговли. Линия поведения Новгорода в этом конфликте вырисовывается четко: Новгород настойчиво выдвигает свои требования, причем, не ожидая признания их противной стороной, стремится провести их в жизнь. Что касается ганзейской стороны, то здесь мы видим борьбу двух конкурирующих группировок — заморских городов во главе с Любеком, старым руководителем торговли с Русью, и ливонских. Любек пытается сохранить за собой руководящее положение, по его инициативе ганзейские съезды осуждают самовольные действия ливонских городов. Но жизнь оказывается сильнее традиции: фактическое руководство торговлей переходит в руки ливонских городов, территориально и экономически связанных с русскими землями. Ливонские города запрещают и открывают поездки в Новгород, и Новгород признает это положение, ведя переговоры с ливонскими городами и заключая с ними договоры, как с представителями всего ганзейского купечества.⁸³

Во время запретов 1416—1417 гг. ливонские города и Ганзейский союз использовали против строптивного Новгорода свое обычное средство — экономическую блокаду. Однако на этот раз, как бывало и раньше, достигнуть полного разрыва торговых связей Новгорода с Западом не удалось. Кольцо блокады имело свои уязвимые места. Такими уязвимыми местами являлись Нарва и Выборг, где новгородцы вели оживленную торговлю и откуда

⁸⁰ HUB, Bd. VI, № 134.

⁸¹ Письмо ганзейского съезда в Любеке ливонским городам от 25 марта 1418 г.: HR, Bd. VI, № 535.

⁸² Письмо Дерпта Ревелю от 6 июня 1419 г.: LUB, Bd. V, № 2323.

⁸³ Подробнее см.: Osten-Sacken P. Der Kampf der livländischen Städte. . .

могли получать западноевропейские товары во время ганзейских запретов.

Нарва занимала особое место в системе русско-немецкой торговли. Она не была ганзейским городом, хотя неоднократно добивалась принятия в Ганзейский союз,⁸⁴ но каждый раз ей противодействовали ливонские города, особенно Ревель. Позиция Ревеля объясняется просто — боязнью конкуренции. Нарва была необычно выгодно расположена для ведения торговли с Новгородом и Псковом. Из Нарвы в Новгород вели два водных пути: один — по Финскому заливу, Неве, Волхову, другой — вверх по Нарове и через оз. Чудское в Псков, а из Пскова старая торговая дорога шла через Великую, Череху, затем по суше до Узы, вниз по Узе в Шелонь и оз. Ильмень.⁸⁵ Кроме того, из Нарвы в Новгород вела сухопутная дорога, особенно часто используемая в зимнее время, когда открывалось санное сообщение. Если бы Нарва стала ганзейским городом, то благодаря своему географическому положению и удобству путей сообщения она в большом количестве привлекла бы новгородских купцов, и Ревель от этого проиграл бы.⁸⁶

Даже не пользуясь привилегиями ганзейских городов, Нарва вела оживленную торговлю с русскими землями, особенно с Новгородом. Одним из главных предметов этой торговли была соль, которую из Нарвы в Новгород везли летом по Финскому заливу и Неве, а зимой санным путем.⁸⁷ Наряду с крупной оптовой торговлей, какой была торговля солью, жители Нарвы вели на границе с новгородскими владениями мелкую торговлю железом, мясом, рыбой, рожкой и другими товарами.⁸⁸

Большое развитие получила торговля русских купцов в самой Нарве. Они производили там крупные торговые операции. Так, из письма ревельского бургомистра, зимою 1415 г. посетившего Нарву, известно, что в это время в Нарве находилось много русских, которые закупили половину всей имевшейся там соли.⁸⁹

Удельный вес Нарвы в новгородской торговле был значителен еще и потому, что, не будучи ганзейским городом, Нарва служила местом встречи новгородцев с неганзейскими купцами, в частности со шведами. Из письма фогта Разборга рату Ревеля, относящегося к началу XV в., мы узнаем, что крестьяне из числа подданных шведского короля ездили в Нарву и вели там торговлю с рус-

⁸⁴ Переписка ливонских городов от 1415—1417 гг. и рецесс ганзейского съезда в Любеке от 24 июня 1426 г.: LUB, Bd. V, № 2040, 2153; Bd. VII, № 489, § 3.

⁸⁵ Osten-Sacken P. Der Kampf der livländischen Städte..., S. 275.

⁸⁶ Там же, с. 286.

⁸⁷ Письмо ревельского бургомистра Герда Витте Ревелю от 4 января 1415 г.: HUB, Bd. VI, № 1.

⁸⁸ Предложения купцов Нарвы, касающиеся запрета торговли с Россией: LUB, Bd. IV, № 1550; см. там же: Regesten, № 1855.

⁸⁹ HUB, Bd. VI, № 1.

скими.⁹⁰ В письме фогта Нарвы зарегистрирован другой факт торговли шведов с русскими: на острове в устье Наровы шведы продали русским лошадей.⁹¹

Особенно расцветала торговля Нарвы с Новгородом во время ганзейских запретов.

Все отмеченные выше особенности положения Нарвы в системе русско-немецкой торговли ярко сказались во время торговых запретов 1416—1417 гг. Летом 1417 г. рат Ревеля обратился к Нарве с просьбой соблюдать постановления городов в отношении русской торговли и прекратить продажу русским соли на Неве. В ответном письме рат Нарвы оправдывался: соль на Неву вывозится для нужд ловцов осетров. Власти Нарвы выражали согласие выполнять постановление городов при условии, если нарвским купцам в новгородском дворе будут предоставлены права, равные с купцами других городов.⁹²

Ливонский магистр защищал интересы Нарвы (Нарва была орденом городом) и поддерживал ее притязания на получение прав в немецком дворе в Новгороде. В письме к Ревелю от 18 июля 1417 г. магистр указывал, что поскольку Нарва не пользуется правами ганзейских городов, постольку от нее нельзя требовать выполнения постановлений этих городов.⁹³ Однако заступничество магистра не помогло: ливонские города не соглашались на предоставление ганзейских прав Нарве, запретная торговля Нарвы с Новгородом и Псковом продолжалась.

Во время запрета торговли 1416—1417 г. активизировалась торговля Новгорода со Швецией. Еще Ореховецкий договор 1323 г. гарантировал свободу сношений как для шведских купцов, отправлявшихся в Новгород, так и для новгородцев, даже если бы они пожелали ехать не только в пределы Финляндии, но и за море.⁹⁴ О поездках шведов в Новгород и новгородцев в Швецию говорят документы конца XIV—начала XV в. Новгородцы ездили не только в ближайшие шведские порты, но и в Стокгольм: в конце XIV в. новгородцами в Стокгольме разрепались тяжбы по поводу товара, отнятого у них на море.⁹⁵

Особенно большое значение для Новгорода во время ганзейских запретов имела торговля через Выборг. Жители Выборга покупали в ливонских городах (преимущественно в Ревеле) товары, которые затем переправлялись на Неву, где велась запрещенная торговля с русскими. Во время запрета 1416—1417 гг. Ревель принимал меры к тому, чтобы прекратить движение товаров через Выборг в Новгород: жителям Выборга разрешалось вывозить

⁹⁰ Письмо фогта Разеборга Ревелю около 1410 г.: LUB, Bd. IV, № 1858.

⁹¹ Письмо фогта Нарвы Ревелю около 1420 г.: LUB, Bd. V, № 2424.

⁹² Письмо Нарвы Ревелю от 7 июня 1417 г.: HR, Bd. VI, № 459.

⁹³ LUB, Bd. V, № 2154.

⁹⁴ ГВНП, № 38.

⁹⁵ Грамота Новгорода Любеку от 1373 г.: ГВНП, № 44.

товары из Ревеля только при условии принесения ими клятвы, что эти товары не предназначаются для продажи русским.⁹⁶

Помимо Нарвы и Выборга, запрещенную торговлю с Новгородом в 1416—1417 гг. вели прусские города, причем роль посредников выполняли шведы. В 1417 г. рат Нарвы писал Ревелю, что жители Нарвы видели суда с солью и сельдью, которые из Данцига направлялись в Выборг, а «это все равно что в Россию».⁹⁷ В 1419 г. между ратом Ревеля и шведскими властями возникла длительная распря из-за действий подданного шведского короля некоего Клауса Дока. Один из проступков Клауса состоял в том, что он хотел во время запрета провезти соль из Пруссии в Россию.⁹⁸

Однако все мероприятия ливонских городов, направленные к прекращению шведско-русской торговли во время запретов 1416—1417 гг., оказались безрезультатными. Шведская торговля Новгорода, которая составляла ганзейцам «как бы бельмо на глазу»,⁹⁹ продолжалась и развивалась все больше, как и торговля Новгорода с Нарвой. Этому способствовала и позиция самого Новгорода, заинтересованного в развитии торговли с Западом, минуя посредничество Ганзы.

«ЧИСТЫЙ ПУТЬ ЗА МОРЕ» —
ТРЕБОВАНИЕ НОВГОРОДЦЕВ
В 20—30-Х ГОДАХ XV В.

В 20—30-х годах XV в. характер торговой политики Новгорода меняется. Вопросы, из-за которых происходили конфликты в течение первых двух десятилетий XV в. — о порядке торговли солью, медом, сукнами, об условиях оплаты труда лодочников и носильщиков, о розничной торговле ганзейских купцов, — отодвигаются на задний план.

Главной целью торговой политики Новгорода становится получение гарантии «чистого пути за море», понимаемой новгородцами как принятие ганзейцами на себя ответственности за ограбления новгородцев во время их поездок по морю. Выдвижение этого требования диктовалось, как нам кажется, развитием заграничной торговли новгородцев, следовательно, и увеличением поездок новгородцев по морю, так как для проезда на иноземные рынки новгородские купцы пользовались в значительной мере морскими путями.

Вопрос о степени развития в XIV—XV вв. торгового мореплавания новгородцев является спорным. Э. Денель считает, что

⁹⁶ Переписка Дерпта и Ревеля от 1417—1418 гг. и письмо Ревеля наместнику Разеборга от 30 апреля 1418 г.: LUB, Bd. V, № 2131; HUB, Bd. VI, № 150, 156.

⁹⁷ Письмо Нарвы Ревелю от 7 июля 1417 г.: HR, Bd. VI, № 459.

⁹⁸ Lübeckisches Urkundenbuch, Bd. VI. Lübeck, 1881, № 110.

⁹⁹ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода, с. 257.

стремление Ганзы воспрепятствовать поездкам русских за море увенчалось успехом, и к концу XIV в. плавания русских на Готланд прекратились.¹⁰⁰ Р. Гаусманн решал вопрос в еще более категорической форме: по его мнению, после XIII в. русские дальше Ревеля не плавали.¹⁰¹ А. И. Никитский, впервые обративший внимание на активный характер новгородской торговли, отметил, что, несмотря на противодействие ганзейцев, торговая деятельность новгородцев (речь идет об их торговых плаваниях) не только не прекращалась, но в известной степени даже развивалась.¹⁰² Автор настоящей работы в одной из своих ранних статей высказала мнение о том, что с конца XIV в. торговое мореплавание новгородцев значительно возрастает.¹⁰³ К аналогичной точке зрения пришел и В. В. Мавродин, специально занимавшийся историей русского мореходства на Балтийском море.¹⁰⁴

Приведем некоторые факты, подтверждающие это положение.

В 1395 г. пираты захватили судно, на котором находились товары новгородцев и немцев; фогт Або обещал Ревелю принять меры к установлению местонахождения этих пиратов.¹⁰⁵ В 1396 г. Яков Абрамссон, житель Ревеля, освободил из рук пиратов — Виталийских братьев — новгородцев, захваченных вместе со своими товарами.¹⁰⁶ В 1419 г. между Ревелем и Уве было захвачено русское судно с товарами.¹⁰⁷ В 1424 г. русские, схваченные на море в 8 милях от Ревеля, были высажены на берег и ограблены.¹⁰⁸ В 1434—1435 гг. произошли новые ограбления новгородцев между Ревелем и Невой.¹⁰⁹ В 1441 г. власти Новгорода жаловались Ревелю, что у новгородца Петра «взялѣ лодью на морѣ с товаромъ и головы посѣкли». ¹¹⁰ Во всех этих случаях речь идет, по-видимому, об ограблениях новгородцев в пределах Финского залива, следовательно, о поездках их либо в ливонские города, либо в шведские,

¹⁰⁰ Daenell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse, Bd. I, S. 98.

¹⁰¹ Haussmann R. Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod, S. 207.

¹⁰² Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода, с. 141.

¹⁰³ Казакова Н. А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в., с. 124—125.

¹⁰⁴ Мавродин В. В. Русское мореходство на Балтийском море в XIII—XVI вв. — Уч. зап. ЛГУ, № 205, серия истор. наук, вып. 24, Л., 1956, с. 171—172.

¹⁰⁵ Письмо фогта Або Ревелю от июля 1395 г.: HUB, Bd. V, № 199.

¹⁰⁶ Грамота новгородцев Ивана Калеки с товарищами от 6 января 1396 г.: ГВНП, № 47.

¹⁰⁷ Письма Клауса Дока Ревелю до 8 августа 1419 г. и Ревеля наместникам Разеборга и Або от 8 августа 1419 г. и Любеку от 9 августа 1419 г.: Lübeckisches Urkundenbuch, Bd. VI, № 110; HUB, Bd. VI, № 234—235.

¹⁰⁸ Письмо Дерпта Ревелю от 9 марта 1425 г. и отчет ливонского посла о переговорах в Новгороде от 11 июля 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 256, 317.

¹⁰⁹ Письма немецкого двора в Новгороде Ревелю от 29 августа 1434 г. и наместника Выборга Ревелю от 15 августа 1435 г.: LUB, Bd. VIII, № 850, 957.

¹¹⁰ Грамота Новгорода Ревелю от конца 1441 г.: ГВНП, № 71.

расположенные по северному берегу Финского залива (Выборг, Або).

Но новгородцы в интересующее нас время плавали и дальше в шведские владения. В конце XIV в. новгородские послы ездили в Стокгольм по поводу товаров, отнятых у новгородцев на море.¹¹¹ В одном из документов, датированном 1373 г., упоминается о взятии у новгородцев товара «у Стеколмъ» (у Стокгольма).¹¹²

Помимо Швеции, новгородцы плавали и в Пруссию, о чем свидетельствует очень интересный документ — письмо ливонских городов Данцигу от 15 декабря 1398 г.: «Мы слышали, что русские ради своей торговли начали ездить по морю, чего раньше никогда не было. . . Мы настоятельно просим, чтобы вы с уважаемым господином великим магистром говорили и просили его милость, чтобы было постановлено так, чтобы русских и их товар в ваших (прусских, — *Н. К.*) гаванях никто не брал на суда и не возил».¹¹³ Здесь сразу бросается в глаза указание ливонских городов на то, что «русские ради своей торговли начали ездить по морю, чего раньше никогда не было». Очевидно, в конце XIV в. произошло настолько резкое увеличение поездок русских по морю, что это дало возможность ливонским городам считать эти поездки чем-то противоречащим обычной практике.

В XV в. наряду с развитием заморских поездок новгородцев происходит изменение их направления. В XII—XIII вв. новгородцы с торговыми целями посещали Данию, Любек, Готланд (см. с. 30). В XIV—XV вв. Дания и Любек как цель заморских поездок новгородцев совсем не упоминаются.¹¹⁴ Готланд встречается в последний раз в договоре 1392 г. (Нибуров мир). Вместо них документы называют Швецию, Пруссию и особенно часто Ливонию. Это было вызвано теми изменениями, которые произошли в немецко-русской торговле за истекшие столетия. В XIV—XV вв. достигает расцвета торговля ливонских и прусских городов, территориально и экономически связанных с Русью и Польшей—Литвой. Вместе с тем падает значение Любека и Готланда как руководителей торговли Ганзы с русскими землями и как центров заморской торговли новгородцев. Поездкам в далекий Любек, сопряженным с большими опасностями из-за сильного развития пиратства на Балтийском и Северном морях, новгородцы предпочитали поездки в ливонские города. Что касается Готланда, то в конце XIV в. вследствие превратностей исторической судьбы оказывается окончательно подорванным его бывшее значение глав-

¹¹¹ Грамота Новгорода Любеку (не позднее сентября 1373 г.) и договор Новгорода с Любеком и Готландом от 29 сентября 1373 г.: ГВНП, № 44, 45.

¹¹² Договор Новгорода с Любеком и Готландом от 29 сентября 1373 г.: ГВНП, № 45.

¹¹³ HR, Bd. IV, № 508.

¹¹⁴ Дания как цель поездок новгородских купцов снова упоминается в русско-датском договоре 1493 г.

ного торгового центра на Балтийском море. Разграбление Висби датским королем Вольдемаром в 1361 г., опустошения, причиненные Готланду пиратами — Виталийскими братьями, завоевание Готланда Орденом в 1398 г. привели к его запустению и упадку. Страной, в городах которой новгородцы вели оживленную торговлю и куда они совершали поездки, сухопутные и морские, становится Ливония. За нею следовали Пруссия и Швеция.

Требование о предоставлении новгородцам «чистого пути за море» впервые было выдвинуто в проекте договора с Орденом, который новгородские послы представили орденскому капитулу, заседавшему в Вендене в августе 1420 г. Это требование Орден отклонил самым решительным образом.¹¹⁵ Несмотря на неудачу первой попытки, Новгород на протяжении ряда лет, вплоть до начала 40-х годов, когда надвигавшаяся война с Орденом оттеснила на задний план все остальные вопросы внешней политики, с удивительной настойчивостью вновь и вновь предъявлял Ганзейскому союзу требование, чтобы ганзейские города приняли на себя ответственность за ограбление новгородских купцов во время их поездок по морю.

Требование Новгорода вызывало противодействие Ганзы и приводило к длительным распрям между Новгородом и ганзейскими городами. Первая крупная распря возникла в 1420 г. Поводом к ней послужило ограбление новгородцев в этом году на Неве. Новгородские купцы были захвачены разбойниками и доставлены в Висмар. В числе грабителей оказались лица шведской национальности и бывшие граждане Любека.¹¹⁶ Новгород потребовал, чтобы новгородские купцы были освобождены, а товар, отнятый у них, найден и доставлен в Новгород. До возвращения захваченных новгородцев и их товаров ганзейским купцам был запрещен выезд из Новгорода.¹¹⁷ Возникший конфликт обсуждался на ганзейских съездах в Любеке в апреле и июне 1421 г.¹¹⁸ В качестве контрмеры за задержание ганзейцев в Новгороде было принято постановление о запрещении поездок в Новгород.¹¹⁹

Однако запрещение торговли с Новгородом, как обычно, не привело к полному разрыву торговых связей Новгорода с Западом. Этому способствовали активность новгородских купцов и позиция

¹¹⁵ См. с. 56. — Тот факт, что Новгород предъявил Ордену требование о предоставлении новгородцам «чистого пути за море», не должен вызывать удивления: через владения Ордена проходили частично те морские пути, которыми пользовались новгородцы; кроме того, Орден в качестве фактического главы ливонской конфедерации всегда мог оказать давление на ливонские города, которые в XV в. определяли политику Ганзы по отношению к Новгороду.

¹¹⁶ Письма Любека ливонским городам и Новгороду от 26 августа 1420 г.: HR, Bd. VII, № 136, 137.

¹¹⁷ Переписка ганзейских городов с Новгородом от 1420—1421 гг.: LUB, Bd. V, № 2373; HUB, Bd. VI, № 355; HR, Bd. VII, № 304, 308.

¹¹⁸ Рецессы съездов: HR, Bd. VII, № 326, § 8; № 355, § 3.

¹¹⁹ Письмо Любека Висмару, Ростоку, Штральзунду, прусским городам и немецкому купечеству в Брюгге от 1 июля 1421 г.: HUB, Bd. VI, № 379.

Нарвы и ливонского магистра. Уменьшение притока европейских товаров в Новгород новгородские купцы пытались возместить покупкой их в Нарве и Пскове.¹²⁰ Попытка Ревеля добиться прекращения торговли с русскими в Нарве успеха не имела: рат Нарвы ответил Ревелю, что между Орденом и русскими существует крестоцелование, по которому купцам обеих сторон гарантируется свободный и безопасный путь, и это крестоцелование Нарва нарушить не может.¹²¹ Ливонский магистр Зигфрид Ландер фон Шпангейм также отказался присоединиться к запрету, ссылаясь на заключенный в начале 1421 г. мир с Новгородом.¹²²

Запрет торговли с русскими не соблюдали не только Орден и Нарва (не являвшаяся членом Ганзы), но и купцы других ливонских городов. Съезд ганзейских городов в Штральзунде в сентябре 1421 г. указал ливонским городам, что некоторые из их купцов ведут торговлю с русскими вопреки существующему постановлению.¹²³ Таким образом, распрю между Ганзой и Новгородом ливонские города стремились использовать для развития своей собственной торговли с Новгородом. Это стремление отвечало потребностям Новгорода, нуждавшегося в западных товарах, и способствовало усилению экономических связей Новгорода с Ливонией.

Выдвижение в русско-ганзейской торговле на первый план ливонских городов постепенно получило признание со стороны других ганзейских городов: ганзейский съезд в Любеке в мае 1422 г. поручил ливонским городам урегулировать конфликт с Новгородом.

Представители ливонских городов в августе 1422 г. в Нарве передали уполномоченным Новгородом освобожденных из рук разбойников новгородских купцов (захваченных в 1420 г. на Неве и затем доставленных в Висмар).¹²⁴ В январе 1423 г. для окончательного урегулирования конфликта в Новгород прибыли послы ливонских городов: от Риги — Эггерд Беркгофф, от Дерпта — Тидеман Фос и Герман Бутеншонс, от Ревеля — Йоганн Пальмедаг. В течение 17 дней (с 22 января по 8 февраля) послы вели переговоры с властями Новгорода, происходившие большей частью на дворе новгородского епископа.¹²⁵ В результате переговоров 8 февраля 1423 г. был заключен договор.

Договор 1423 г. разрешал конфликт, возникший между новгородцами и ганзейцами из-за ограбления новгородских купцов Мирона, Терентия и Трифона на Неве в 1420 г. Ганзейские города должны были возвратить ту часть товара Мирона и его товари-

¹²⁰ Письмо немецкого двора Дерпту от 29 июня 1421 г.: HR, Bd. VII, № 312.

¹²¹ Письмо рата Нарвы Ревелю от 1 августа 1421 г.: HUB, Bd. VI, № 389.

¹²² Письмо Риги Любеку ранее 22 июля 1421 г.: HUB, Bd. VI, № 383.

¹²³ Письмо съезда ганзейских городов в Штральзунде ливонским городам от 21 сентября 1421 г.: HR, Bd. VII, № 389.

¹²⁴ Письмо Дерпта Ревелю от 15 августа 1422 г.: HR, Bd. VII, № 530.

¹²⁵ Отчет ливонских послов о переговорах в Новгороде: HR, Bd. VII, № 568.

щей, которая попала в Висмар, а именно 14 корабельных фунтов и 8 ливонских фунтов воска; товар, оставшийся у разбойников, города должны были искать и, что найдут, возвратить новгородцам; за товар, который ганзейским городам найти не удастся, Новгород не должен был «взыскивать» с ганзейских купцов.¹²⁶ Таким образом, основной вопрос спора — об ответственности Ганзы за ограбления новгородцев на море — решался путем компромисса: ганзейские города брали на себя обязательство искать захваченный у новгородцев товар, новгородцы же обещали не подвергать репрессиям ганзейцев из-за товара, который найти не удастся.

Далее договор объявлял законченной ту «нелюбовь», которая была между Новгородом и ганзейским купечеством из-за того, что новгородцы на Неве были ограблены, а 11 «немецких детей» закованы в железо в Новгороде. Ганзейские города должны были оберегать новгородцев, «как своих немцев», и давать им «управу» по всем «обидным делам» согласно крестоцелованию; равным образом должен был поступать Новгород в отношении немцев. Гостю с обеих сторон гарантировался «чистый путь горою и водою». В последней статье договора разрешался вопрос о компенсации немецкого купца Арнда, у которого новгородский возчик Степан увез меха.

На договорной грамоте целовали крест от имени Новгорода посадник Василий Никитич и тысяцкий Аврам Степанович, от имени 73 ганзейских городов — представители ливонских городов Эггерд Беркгофф, Тидеман Фос, Герман Бутеншоне, Иоганн Пальмедаг.¹²⁷ Договор 1423 г. был первым договором, заключенным послами ливонских городов от имени всего Ганзейского союза. Ливонские города действовали на основе полномочий, предоставленных им ганзейским съездом в Любеке в мае 1422 г.

В договор не попал ряд вопросов, выдвигавшихся как русской, так и ганзейской стороной во время переговоров, предшествовавших заключению договора. Так, послы ливонских городов жаловались, что двое немецких юношей, находившихся в Новгородской земле для изучения русского языка, были убиты, что лодочники и носильщики приняли постановления, невыгодные для немецких купцов, что новгородцы застраивают участок, принадлежащий немецкому двору, и т. д. Новгородцы предъявили свои старые обвинения: сукна «коротки», а бочки с медом меньше установленного размера.

По некоторым из этих вопросов была достигнута устная договоренность. Новгород дал обязательство наказать тех, кто был виновен в убийстве юношей, изучавших русский язык, не застраивать участок двора и т. д. В отношении же жалоб новгородцев на размеры сукон и бочек меда ливонские послы ответили, что они

¹²⁶ ГВНП, № 62.

¹²⁷ Там же.

напишут Любеку и другим городам, чтобы были приняты меры для изготовления сукон и бочек «по старине».¹²⁸ Ливонские послы исполнили свое обещание, и на ганзейском съезде в Любеке в июле 1423 г. был поставлен вопрос о размере бочек. Съезд постановил написать Бремену, Гамбургу и другим городам, чтобы были приняты меры к изготовлению бочек должного размера.¹²⁹ Само собой разумеется, что эта мера большого эффекта дать не могла.

Хотя вопросы о сукнах, меде, лодочниках и носильщиках опять всплыли во время переговоров 1423 г., но то малое внимание, какое им было уделено (а это видно из отчета ливонских послов), лишний раз свидетельствует, что не они являлись главной причиной распри с ганзейским купечеством. Основным вопросом, из-за которого разгорелась вражда, был вопрос об ответственности ганзейцев за ограбления новгородцев на море. Договор 1423 г. разрешал этот вопрос путем компромисса. Компромиссность решения делала неизбежным возникновение новых недоразумений, так как в связи с развитием заграничной торговли и поездок новгородцев по морю Новгород не склонен был довольствоваться половинчатым обязательством ганзейцев о возвращении того товара, который удастся найти. Он желал, чтобы ганзейцы дали ручательство в безопасности плавания новгородцев по морю и возвращении всех ограбленных у них товаров.

Поводом к тому, чтобы Новгород вновь выставил эти требования, явилось ограбление новгородских купцов летом 1424 г. у берегов Ливонии. В 8 милях от Ревеля на судно, на котором находились новгородцы, было совершено нападение: купцов высадили на берег, а товар их увезли в глубь страны.¹³⁰ Новгородскому послу ливонские города заявили, что они не причастны к ограблению и не знают, кто его совершил.¹³¹ Не получив удовлетворения, новгородские власти в начале 1425 г. задержали всех ганзейских купцов в Новгороде, 150 человек.¹³² Условия задержания были очень суровыми: купцам строжайшим образом запрещался выход с территории двора. Только после того как послы ливонских городов, приехавшие в Новгород в апреле 1425 г., обещали, что вскоре прибудут «большие послы», облеченные полномочиями для решения всех дел, новгородцы разрешили немецким купцам покупать продукты питания и ходить из одного немецкого двора в дру-

¹²⁸ Отчет ливонских послов о переговорах в Новгороде: HR, Bd. VII, № 568.

¹²⁹ Рецесс ганзейского съезда в Любеке от 16 июля 1423 г.: HR, Bd. VII, № 609, § 4.

¹³⁰ Отчет посла Дерпта о переговорах в Новгороде от 11 июля 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 317.

¹³¹ Проект письма Ревеля Новгороду от марта 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 261.

¹³² Отчет ливонских послов о переговорах в Новгороде в 1436 г.: LUB, Bd. IX, № 80, § 5.

гой.¹³³ Послам Дерпта и Ревеля, бывшим в Новгороде в июне, новгородские власти заявили, что они освободят немецких купцов только после возвращения своих братьев и их товаров.¹³⁴

На задержание ганзейских купцов в Новгороде Ганза ответила обычной контрмерой — запрещением торговли с Новгородом.¹³⁵ Для большей эффективности запрета ганзейские города решили обратиться к государям соседних с Новгородом государств с просьбой прекратить торговлю с новгородцами. Дерптские послы, бывшие в октябре 1425 г. на собрании орденового капитула в Вендене, просили магистра и сановников Ордена, чтобы они «во имя любви и верности христианству» прекратили торговлю с русскими до тех пор, пока не изменятся отношения между немецким купечеством и русскими. Магистр ответил, что он исполнит просьбу городов, если к запрету присоединится король Дании и ливонские прелаты. Когда дерптские послы обратились с такою же просьбой к рижскому архиепископу, он обещал выполнить их просьбу. Так же поступил и дерптский епископ.¹³⁶ Если ливонские города хлопотали о присоединении к запрету магистра и ливонских прелатов, то Любек собирался при первой возможности ходатайствовать перед королем Дании о том, чтобы из его государства к русским не вывозились товары. Об этом же он намеревался просить и великого магистра.¹³⁷

Экономическая блокада Новгорода, задуманная на этот раз гораздо более широко, чем обычно, полностью не удалась. Суда, груженные солью и сельдью, из Данцига направлялись в Выборг или прямо к Неве, где товары покупались русскими. Швеция выполняла роль посредника в торговле между Пруссией и русскими землями.¹³⁸ Несмотря на все попытки Ганзы добиться пресечения этой торговли, прусские города не желали ее прекращать; на упреки Ревеля в том, что товары, вывозимые из Пруссии в Швецию, предназначаются для русских, Данциг отвечал: «Случается, любезные друзья, что некоторые люди из Швеции соль и сельдь отсюда вывозят в Швецию, говоря нам и давая заверения в том, что они не предназначаются для потребностей русских, и поэтому этого (вывоза, — *Н. К.*) мы не можем запретить. Подвозятся ли эти товары русским, или нет, это нам неизвестно».¹³⁹

Западноевропейские товары поступали в Новгород через Швецию, по-видимому, в довольно большом количестве; во всяком случае ливонские послы, бывшие в Новгороде в конце лета 1425 г.,

¹³³ Письмо немецкого двора Ревелю от 27 апреля 1425 г.: LUB, Bd. IV, № 1624. О датировке см.: LUB, Bd. VII, № 271.

¹³⁴ Письмо Ревеля Любеку от 6 июня 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 297.

¹³⁵ Переписка ганзейских городов от 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 283, 290, 303, 305, 350.

¹³⁶ Письмо Дерпта Ревелю от 2 октября 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 356.

¹³⁷ Письмо Любека ливонским городам от 6 октября 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 358.

¹³⁸ Письмо Висби Любеку от 6 июля 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 312.

¹³⁹ Письмо Данцига Ревелю от 25 июня 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 306.

одной из причин неудачи переговоров и неуступчивости Новгорода считали обилие товаров, привезенных из Швеции.¹⁴⁰

Сравнительно малая эффективность блокады, несмотря на попытку привлечения к участию в ней соседних с Новгородом государств, свидетельствует о том, что, невзирая на все препоны, которые Ганза ставила свободному развитию экономических связей Новгорода с Западом, это развитие не останавливалось. Оно и не могло приостановиться, ибо экономическая политика Ганзы, направленная на устранение от торговли с Новгородом других стран, противоречила насущным потребностям не только Новгорода, но и европейских государств, заинтересованных в развитии торговли с русскими землями.

Между тем пока руководители Ганзейского союза изыскивали средства для оказания давления на Новгород, немецкие купцы в Новгороде продолжали оставаться под арестом. Перелом в положении ганзейских купцов, задержанных в Новгороде, произошел лишь осенью 1425 г. В октябре ганзейские купцы были освобождены и получили разрешение на свободную торговлю и выезд со своими товарами из Новгорода.¹⁴¹ Немецкие источники перемену к лучшему в отношениях с Новгородом объясняют заступничеством новгородского архиепископа.¹⁴² Архиепископ Евфимий действительно хлопотал об освобождении немецких купцов, и надо полагать, что его хлопоты сыграли немалую роль, но не они, как нам думается, имели решающее значение.

Смягчение позиции Новгорода в отношении ганзейского купечества объясняется, на наш взгляд, отсутствием у Новгорода достаточных сил для того, чтобы преодолеть сопротивление Ганзы, а также убытками, которые приносило нарушение торговли. Кроме того, появление у Новгорода примирительных настроений можно связать со стихийным бедствием: о странном море, свирепствовавшем в это время в Новгородской земле, сообщают и новгородская летопись, и письма немецкого двора.¹⁴³

После освобождения ганзейских купцов между Новгородом и ливонскими городами начались переговоры о полной ликвидации конфликта и восстановлении прочного мира. Достигнуть этого, однако, удалось не скоро.

Десятилетие — 1426—1436 гг. — было временем неустойчивых отношений между Новгородом и ганзейским купечеством. Торговля велась в беспокойной обстановке, нарушаемая то вре-

¹⁴⁰ Письмо послов ливонских городов и рата Дерпта Данцигу от 1 сентября 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 341.

¹⁴¹ Письмо немецкого двора Дерпту от 18 октября 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 363.

¹⁴² Там же. См. также: Никитский А. И. Отношение новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным. — ЖМНПР, 1883, июль, ч. XXVIII, с. 1—15.

¹⁴³ НЛЛ, с. 414; ср. НЛЛ2, с. 431—432; письмо немецкого двора Дерпту от 18 октября 1425 г.: LUB, Bd. VII, № 363.

меньшими задержками ганзейских купцов в Новгороде, то запрещениями со стороны ганзейских городов поездок в Новгород.¹⁴⁴ Неоднократные посольства и переговоры к установлению прочного мира не приводили.¹⁴⁵ Причиной этому являлось твердое желание новгородцев получить отнятый у их «братьев» товар и гарантию в безопасности поездок по морю.

Первое требование новгородцев ганзейские города соглашались выполнить в духе условий договора 1423 г. Они заявляли, что если бы они знали, где находятся разбойники, и если бы разбойники оказались в пределах действия власти городов, то они судили бы их согласно крестоцелованию; точно так же, если бы захваченный товар попал в руки ганзейских городов, то он был бы возвращен новгородцам. Что касается второго требования — гарантии «чистого пути за море», — то оно было отклонено самым решительным образом. В январе 1426 г. ратманы Дерпта отвечали новгородскому послу, что если новгородцы хотят посещать Неву и ездить по морю, то они должны сами о себе беспокоиться, «так как море имеет много углов и много островов и исстари не было чистым, и города совсем не хотят отвечать за море, если они (новгородцы — *H. K.*) не могут сами для себя сделать море чистым и свободным».¹⁴⁶

Ганзейский съезд в Любеке в июне 1426 г., обсуждавший новгородские дела, поручил ливонским городам заключить двухлетнее перемирие с русскими только при условии, что последние будут вести торговлю на Неве и на воде (т. е. на море) на свой собственный риск (*upre erg egene eventure*) и не будут предъявлять ганзейским купцам претензий за вред, причиняемый морскими разбойниками.¹⁴⁷

Непримиримость Ганзы в этом вопросе объяснялась не только тем, что в ряде случаев она действительно не в силах была найти разбойников и ограбленный товар, но и стремлением — и этот мотив был главным — не допустить развития заграничной торговли новгородцев, ибо это развитие могло привести к установлению непосредственных экономических связей Новгорода с Западом, к подрыву монополии Ганзы на посредническую торговлю между Восточной и Западной Европой.

Не соглашаясь на требования новгородцев и не желая снять препоны, мешавшие развитию их торгового мореплавания, Ганза вместе с тем попыталась использовать силы Новгорода в своих

¹⁴⁴ Переписка ливонских городов и немецкого двора в Новгороде от 1426—1430 гг.: LUB, Bd. VII, № 458, 511, 541, 542, 658; Bd. VIII, № 68, 145, 147, 148, 275, 378.

¹⁴⁵ Переписка ганзейских городов и немецкого двора в Новгороде от 1426—1430 гг.: LUB, Bd. VII, № 419, 421, 489, 526, 530, 535, 734; Bd. VIII, № 145, 148, 199, 231, 279, 280, 346, 353, 368, 373, 374, 378.

¹⁴⁶ Ответ рата Дерпта новгородскому послу Александру от конца января 1426 г.: LUB, Bd. VII, № 419.

¹⁴⁷ Рецесс съезда: LUB, Bd. VII, № 489, § 2.

интересах. Эта попытка, имевшая место в конце 20-х годов, была связана с борьбой между Данией и Ганзой.

Король Дании Эрик Померанский в 20-е годы энергично проводил политику ограничения привилегий ганзейцев в Дании с целью выдвижения на первый план датского купечества; одновременно Эрик оказывал покровительство торговле голландцев на Балтийском море, которые с конца XIV в. начали соперничать с ганзейцами.¹⁴⁸ Недовольные политикой Эрика Померанского, вендские города (руководящая группа городов Ганзейского союза) осенью 1426 г. объявили войну Дании. Вендские города вели войну против Дании в союзе с Голштинией, у которой существовала давняя распря с Данией из-за Шлезвига. Данию поддерживали голландские города. Война приняла затяжной характер. В ходе ее у вендских городов возник проект втянуть Новгород в войну против Дании. Об этом проекте сообщило правительству Дании новгородское посольство, прибывшее в январе 1428 г. в Копенгаген.¹⁴⁹ Очевидно, вендские города хотели, чтобы Новгород начал военные действия на Карельском перешейке в районе русско-шведской границы, тогда Дании пришлось бы вести войну на два фронта — на Балтике против вендско-голштинской коалиции и на суше против Новгорода.

Датский король со своей стороны сделал попытку нанести удар по Ганзе руками Новгорода: весной 1428 г. он побуждал новгородское правительство арестовать находившихся в Новгороде ганзейских купцов. Однако Новгород не пошел на поводу ни у Ганзы, ни у Дании: он не вступил в войну с Данией и не арестовал ганзейских купцов. Из войны на Балтике Новгород попытался извлечь выгоду для себя: воспользовавшись затруднительным положением Дании, новгородское правительство предъявило датскому правительству требование возвратить отторгнутые у Новгорода земли (вероятно, западные карельские погосты).¹⁵⁰ Отказаться от своего требования Новгород побудила война, объявленная Новгороду великим князем Литовским Витовтом.¹⁵¹

В начале 30-х годов отношения между Новгородом и ганзейским купечеством ухудшились еще больше из-за насилий над новгородскими купцами в Ливонии: в 1430 г. в Нарве был убит новгородец,¹⁵² в 1431 г. в Нарве же был задержан товар новгородца

¹⁴⁸ Fritze K. Dänemark und die hansisch-holländische Konkurrenz in der Ostsee zu Beginn des 15. Jahrhunderts. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 1964, № 1/2, S. 82—83.

¹⁴⁹ Свидетельство нотариуса датского короля от 23 января 1428 г. и письмо короля Эрика великому магистру Тевтонского ордена от 5 февраля 1428 г.: LUB, Bd. VII, № 684, 689.

¹⁵⁰ Письмо немецкого двора Дерпту от 5 июня 1428 г.: LUB, Bd. VII, № 716; письмо короля Эрика великому магистру от 5 февраля 1428 г.: там же, № 689.

¹⁵¹ Подробнее см.: Казакова Н. А. Дания и Новгород в 20-е годы XV в. — В кн.: Скандинавский сборник, т. XVII. Таллин, 1972.

¹⁵² Письмо ливонского магистра великому магистру от сентября 1430 г.: LUB, Bd. VIII, № 321.

Клемента. Последний случай явился поводом к задержанию ганзейских купцов в Новгороде.¹⁵³

Негладко протекала и торговля с Псковом. В 1433 г. псковичи запретили (по неизвестным причинам) вывоз зерна в Ливонию, где в это время был голод. В ответ Дерпт запретил продажу псковичам соли, тмина и тканей.¹⁵⁴

Однако длительные неустойчивые отношения оказывали отрицательное влияние на торговлю и приносили убыток заинтересованным в ней кругам. Вероятно, поэтому обе стороны смягчают свою непримиримость. Весною 1434 г. в Новгороде были послы ливонских городов — Корд Штокер из Дерпта и Альберт Румор из Ревеля, которые заключили с Новгородом перемирие на два года. Главное условие перемирия состояло в том, что в течение срока его действия в Новгород должны были приехать послы от 73 городов, уполномоченные вести переговоры обо всех «обидях» купечеству. Кроме того, перемирие включало гарантию «чистого пути» для ганзейцев в Новгород и для новгородцев «в Немецкую землю, в немецкие города», а также обязательство Новгорода «давать исправу» немецким гостям по всем «обидным делам».¹⁵⁵

Ганзейский съезд, заседавший в Любеке в июне 1435 г., заслушав отчет ливонских городов, одобрил перемирие с Новгородом. Съезд вынес решение, что во время перемирия в Новгород должно быть отправлено ганзейское посольство, в котором примут участие и представители заморских городов.¹⁵⁶ В письме от 7 сентября 1435 г. Любек поручает ливонским городам отправить в Новгород посольство для предварительных переговоров, после чего придут послы заморских городов для заключения мира.¹⁵⁷ Однако это предписание Любека ливонскими городами не было выполнено: переговоры ливонских послов, находившихся в Новгороде с 27 мая 1436 г., закончились 16 июля подписанием договора без участия представителей заморских городов. Этот факт весьма знаменателен: если в 1423 г. ливонские города, заключая договор от имени всего Ганзейского союза, действовали по его поручению, то теперь они взяли на себя смелость поступить вопреки предписанию ганзейского съезда. Ливонские города открыто выступили как руководители торговли Ганзы с Новгородом.

О ходе переговоров, предшествовавших заключению договора, яркое представление дает отчет ливонских послов: Тидемана Фоса и Иоганна Бевермана — из Дерпта, Готшалка Штольтевота и Альберта Румора — из Ревеля.¹⁵⁸ Не останавливаясь на всех моментах

¹⁵³ Письмо немецкого двора Ревелю от 28 июля 1431 г.: LUB, Bd. VIII, № 481.

¹⁵⁴ Письмо комтура Ревеля Ревелю от 28 декабря 1433 г.: LUB, Bd. VIII, № 744.

¹⁵⁵ ГВНП, № 64.

¹⁵⁶ Рecess съезда: LUB, Bd. VIII, № 813.

¹⁵⁷ LUB, Bd. VIII, № 967.

¹⁵⁸ LUB, Bd. IX, № 80.

переговоров, на обсуждении случаев насилия над новгородскими купцами в Ливонии и ганзейскими в Новгороде, мы рассмотрим лишь те вопросы, которые важны для характеристики торговой политики сторон.

Вопрос, из-за которого в течение предшествующих 15 лет шел спор между Новгородом и Ганзой, — о предоставлении новгородцам «чистого пути за море» — во время переговоров не поднимался. Быть может, новгородское правительство, убедившись в непримиримой позиции Ганзы, решило временно снять его. Но зато с тем большей энергией оно вновь предприняло попытки добиться изменения условий торговли с ганзейцами в самом Новгороде.

Ливонские послы писали из Новгорода, что им приходится вести с Новгородом «трудные переговоры», ибо новгородцы «думают немецкому купцу его старые привилегии и права урезать» («укоротить» — по точному выражению письма).¹⁵⁹ Новгородцы действительно выдвинули ряд требований, выполнение которых должно было «урезать» права ганзейцев, лишить их немалой части доходов.

Прежде всего новгородцы предъявили свои старые обвинения в том, что привозимые ганзейцами сукна «коротки», бочки с медом и сельдью меньше, чем полагается, серебро испорчено примесями, вес мешков соли меньше положенного. В отношении торговли воском новгородцы заявили, что они желают, чтобы воск, покупаемый у них ганзейцами, не колупался. В отношении мехов жаловались, что немецкие купцы при покупке их требуют чрезмерных наддач;¹⁶⁰ новгородцы выразили желание, чтобы величина наддачи была определена и внесена в крестоцеловальную грамоту.¹⁶¹

На обвинения и требования новгородцев ливонские послы дали весьма уклончивые ответы. Например, в отношении величины бочек для меда послы ответили, что эти бочки изготавливаются в Любеке, в ратуше которого имеются специальные обручи для проверки их величины; пусть новгородцы дадут бочку, размер которой вызывает у них сомнения, и они перешлют ее в Любек для измерения.¹⁶² В отношении колупания воска послы заявили, что они хотят соблюдать этот обычай так, как соблюдали его предки; в конце концов после упорных возражений новгородцев они предложили, чтобы Новгород завел особую печать, приложение которой удостоверяло бы доброкачественность воска.¹⁶³ В отношении сукон послы ответили, что сукна изготавливаются так же, как 100, 50 и 20 лет назад, и что ни из одной страны, в которые они вывозятся, за исключением России, не поступают жалобы на их «ко-

¹⁵⁹ Письмо ливонских послов Ревелю от 26 июня 1436 г.: LUB, Bd. IX, № 66.

¹⁶⁰ Отчет ливонских послов о переговорах: LUB, Bd. IX, № 80, § 9.

¹⁶¹ Там же, § 28.

¹⁶² Там же, § 13.

¹⁶³ Там же, § 17.

роткость». ¹⁶⁴ Уклончивым был и ответ ливонских послов на обвинения новгородцев в недостаточном весе продаваемых ганзейцами мешков соли: «Соль из воды получается и водой становится; и если ее перевозить или переносить (в тексте «шевелить», — *Н. К.*), то она утекает, поэтому она не может сохранить своего веса». ¹⁶⁵

Смелое требование, которое должно было изменить весь существующий порядок торговли, выдвинули представители Новгорода во время очередной встречи с ливонскими послами 23 июня. Когда послы пришли на двор епископа, место обычных совещаний с новгородскими представителями, то они застали там двух посадников, двух тысяцких и одного старосту. «Они говорили (*gerreden*) по поводу всех правил торговли, — читаем мы в отчете ливонских послов, — и их желанием было, чтобы [правила] торговли были записаны в крестоцеловальной грамоте, и особенно о наддаче. Мы (ливонские послы, — *Н. К.*) сказали, что они имели много крестоцеловальных грамот и что если они их прочитают, то не найдут ни одной, в которой были бы записаны [правила] торговли; поэтому мы пожелали, чтобы они не искали ничего нового, ибо что содержит старое, то мы не можем улучшить и от того мы не хотим отступать». ¹⁶⁶

Требование новгородцев означало, что существующие правила торговли (*articulen der kopenscop*), которые до сих пор определялись весьма растяжимой «старинной», теперь должны быть установлены юридическим путем в договорной грамоте. Это лишило бы ганзейцев значительной части тех прибылей, которые они извлекали из новгородской торговли (вспомним хотя бы, какие выгоды приносило ганзейцам отсутствие твердо установленного размера наддач к меху и «колупания» воска). Вполне понятна поэтому приверженность к «старине» ливонских послов.

Итак, все требования новгородцев об изменении существующего порядка торговли с ганзейцами в Новгороде были отклонены. Такая же участь постигла и попытки ганзейцев добиться отмены некоторых невыгодных для них условий торговли. Мы имеем в виду постоянные и на сей раз повторенные жалобы ганзейцев на высокую плату, которую запрашивали с них новгородские лодочники и носильщики из-за отсутствия установленного юридическим путем максимума этой платы. Осталась без последствий также жалоба ливонских послов на запрещение ганзейцам розничной торговли за пределами ограды немецкого двора. Не помогли здесь ни ссылки на «старину», ни указание на то, что в ливонских городах новгородцы могут сами подвозить свои товары и вести розничную торговлю где хотят. ¹⁶⁷

Договор 16 июля 1436 г. был заключен послами Дерпта Тидеманом Фосом и Иоганном Беверманом и послами Ревеля Готшал-

¹⁶⁴ Там же, § 12.

¹⁶⁵ Там же, § 16.

¹⁶⁶ Там же, § 39.

¹⁶⁷ Там же, § 2—4.

ком Штольтеветом и Альбертом Румором от имени всех 73 ганзейских городов. С новгородской стороны в заключении договора участвовали посадник Борис Юрьевич, тысяцкий Федор Яковлевич и старосты купеческие Александр Матвеевич и Варфоломей Яковлевич. Договор гарантировал купцам обеих сторон «чистый путь водой и горой» «но старым грамотам и по старому крестному целованию, и по сей грамоте и на сей руке». Новгород давал обязательство «блности немца, как своего брата новгородца»; аналогичное обязательство брали ганзейцы в отношении новгородцев. Каждая из сторон должна была лицам другой стороны, «которые жалуются», «исправу давать... по старым грамотам и по старому крестному целованию, и по сей грамоте и на сей руке».¹⁶⁸ Изложенные статьи договора повторяли условия предыдущих договоров, что подтверждалось ссылками на старые грамоты и старое крестоцелование. Новой являлась статья, обязывавшая ганзейские города не задерживать новгородских купцов, если Новгород не даст «управы немцам-жалобщикам», и разрешить новгородским купцам выезд на родину, отослав при этом Новгороду настоящую договорную грамоту; аналогичное обязательство давал и Новгород в отношении немецких купцов.¹⁶⁹ Статьи, содержавшие это обязательство, с юридической точки зрения, были шагом вперед, но на деле они представляли собой чистейшую фикцию. В условиях средневековой торговли задержание купцов являлось единственным средством добиться хоть какого-нибудь удовлетворения от противоположной стороны, поэтому ни ганзейцы, ни новгородцы отказаться от него не могли.

Две последние статьи договора, не формулируя общих норм русско-ганзейских отношений, касались отдельных сторон положения, создавшегося в Новгороде между новгородцами и ганзейским купечеством в результате конфликтов, имевших место в период, предшествовавший заключению договора. Эти статьи гласили: «А кто из русских у немцев записан на лестнице, тех с лестницы снять и торговать с ними по старине. А которые новгородцы были в приставах в немецком дворе или держали за собой немцев, немцам того не искать с новгородцев и торговать с ними по старине».¹⁷⁰ В первой статье речь шла о снятии запрета на торговлю ганзейцев с некоторыми новгородцами, которые, с точки зрения ганзейцев, были виновны в каких-то проступках и имена которых, очевидно, были вывешены на лестнице немецкого двора для общего сведения. Во второй статье речь шла тоже о снятии запрета на торговлю с определенными новгородцами, на этот раз виновными в том, что они в качестве приставов вступали на территорию немецкого двора, нарушая

¹⁶⁸ ГВНП, № 67, с. 110—111.

¹⁶⁹ Там же, с. 111—112.

¹⁷⁰ Там же, с. 112.

тем самым его экстерриториальность,¹⁷¹ или же в том, что они осуществляли заключение в темницу или какие-нибудь другие способы задержания немецких купцов (так, по-видимому, следует понимать выражение «держали за собой немцев»).

Как мы видим, вопросы, из-за которых в течение всей первой трети XV в. шел спор между Новгородом и Ганзой — из-за порядка торговли солью, медом и сукнами, мехами и воском, из-за предоставления новгородцам «чистого пути за море», — в договоре 1436 г. не нашли никакого отражения. Ганза и на сей раз оказалась сильнее Новгорода и сумела отклонить эти требования, настояв на заключении договора на условии ископных гарантий свободного проезда и торговли и справедливого суда для купцов обеих сторон. «Старина», столь излюбленная ганзейцами, осталась нерушимой.

НАЧАЛО УПАДКА НЕМЕЦКОГО ДВОРА В НОВГОРОДЕ И РОСТ ТОРГОВЛИ НОВГОРОДЦЕВ В ЛИВОНИИ

В 20—30-х годах XV в. фактическое руководство торговлей Ганзы с Новгородом переходит, как мы уже отмечали, в руки ливонских городов.¹⁷²

Основными причинами, обусловившими переход руководства торговлей Ганзы с Новгородом в руки ливонских городов, являлись территориальная близость их к Новгороду и те экономические связи, которые установились между Новгородом и Ливонией. Благоприятствовала возрастанию роли ливонских городов в сношениях Ганзы с Новгородом и та обстановка, которая сложилась на севере Европы в 20—30-х годах XV в. Вендские города во главе с Любеком, поглощенные борьбой с Данией и голландскими городами, уделяли мало внимания новгородским делам, поручая урегулирование отдельных конфликтов с Новгородом ливонским городам.

Переход фактического руководства торговлей с Новгородом от Любека к ливонским городам был оформлен соглашением. 20 июня 1442 г. совет Любека заключил соглашение с послами ливонских городов, согласно которому ливонским городам передавалось право «закрытия» и «открытия» поездов в Новгород, а также поручалось ведение переговоров с ним и заключение мира.¹⁷³ Двумя днями позже, 22 июня, в письме к властям не-

¹⁷¹ Экстерриториальность немецкого двора была оформлена юридически во второй половине XIII в., когда в договорах Новгорода с великими князьями появилась статья, запрещающая князьям посылать приставов в немецкий двор (см.: Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем, 1270 г.: ГВНП, № 3, с. 13).

¹⁷² Подробнее см.: Osten-Sacken P. Der Kampf der livländischen Städte.

¹⁷³ Соглашение Любека с послами ливонских городов: LUB, Bd. IX, № 877.

мецкого двора Любек давал им предписание руководствоваться в своей деятельности правилами скры и указаниями ливонских городов.¹⁷⁴

К этому времени немецкий двор в Новгороде вступает в полосу упадка: сокращаются обороты торговли, беднеет казна двора св. Петра. В 1436 г. на обвинение новгородских властей в том, что во время последнего пребывания великого князя в Новгороде немецкие купцы не сделали ему должных подарков, ливонские послы ответили, что немцы не могли их сделать, так как на дворе в это время находились одни «молодые люди», которые все вместе не имели 100 гривен.¹⁷⁵

Частыми становятся жалобы властей немецкого двора на упадок и запустение. Казна св. Петра так обеднела, что выплата священнику полагавшихся ему ранее 5 гривен вознаграждения делается обременительной и размер вознаграждения уменьшается. Падает дисциплина двора. Его власти жалуются на поведение «молодых людей», которые из года в год остаются на дворе, вопреки правилам скры, торгуют пивом, играют в кости и т. д.¹⁷⁶ Все чаще наблюдаются периоды, когда на дворе из-за малого числа купцов отсутствуют ольдерманы, а их место занимают приказчики (*hovesknechte*) или надзиратели (*vorstendere*).

Помимо общих причин, приведших впоследствии к упадку Ганзы и ганзейской торговли (см. с. 127—128), на состоянии двора отрицательным образом сказывалась возрастающая активность новгородской торговли. Не будучи в силах, несмотря на все попытки, добиться коренного изменения порядка торговли с ганзейцами в Новгороде, новгородцы развивают свою заграничную торговлю.

Мы видели, что особенно оживленная торговля велась между Новгородом и ливонскими городами — Ревелем, Нарвой, Дерптом, которые часто посещали новгородские купцы. Власть немецкого двора обнаружили большую проницательность, когда в 1441 г. писали, что «св. Петр изо дня в день идет к упадку, и товары сюда поступают не в таком количестве, как раньше, ибо они теперь мелкими партиями продаются в городах» (ливонских, — *Н. К.*).¹⁷⁷ Нам кажется несомненным, что авторы этого письма одной из причин упадка двора считали покунку товаров новгородцами в ливонских городах.¹⁷⁸

Торговля в ливонских городах предоставляла новгородским

¹⁷⁴ LUB, Bd. IX, № 880.

¹⁷⁵ Отчет ливонских послов о переговорах в Новгороде в 1436 г.: LUB, Bd. IX, № 80, § 18.

¹⁷⁶ Переписка немецкого двора и ливонских городов от 1440—1441 гг.: LUB, Bd. IX, № 557, 564, 753; письмо немецкого двора Ревелю от 17 января 1433 г.: LUB, Bd. VIII, № 658.

¹⁷⁷ LUB, Bd. IX, № 753.

¹⁷⁸ На развитие торговли новгородцев в Ливонии как на одну из причин упадка немецкого двора обратил внимание еще Л. К. Гетц (*Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters*, S. 223).

и псковским купцам определенные преимущества, ибо некоторые товары они могли приобретать там на более выгодных условиях, чем в Новгороде или в Пскове (например, соль по весу, а не мешками, как в Новгороде). К тому же в ливонских городах у новгородских купцов было больше возможностей для вступления в контакты с европейскими купцами-неганзейцами. Однако ливонские города (продолжавшие ганзейскую политику недопущения русских к непосредственной торговле с неганзейцами) стремились препятствовать таким контактам, что наглядно иллюстрируется отношением ливонских городов к торговле голландцев в Ливонии.

В XV в. торговля голландцев в Ливонии достигает значительного развития.¹⁷⁹ Голландцы пытаются проникнуть и в Новгород. Известны случаи торговли голландских купцов в Новгороде в 1426 и 1432 г. В 1426 г. некий голландец прибыл из Або на Неву и, по слухам, всю зиму торговал в Новгороде. В 1432 г. два голландца привезли в Новгород 24—26 ластов сельди. О стремлении голландцев завязать торговлю с русскими свидетельствует и факт изучения в Ливонии русского языка голландскими юношами.¹⁸⁰

Ганза принимает меры для устранения торговой конкуренции голландцев в Ливонии. Ганзейский съезд в мае—июле 1417 г. в Ростоке—Любеке запрещает всем неганзейцам торговлю в городах Ливонии, за исключением приморских городов, и изучение русского языка.¹⁸¹ Решения ганзейского съезда в Любеке в июле 1423 г. были направлены уже специально против голландцев: им запрещались торговля в Ливонии и изучение русского языка, посещать Ливонию они могли только в качестве шкиперов и членов судовых команд (*schipheren und schirpmanwiise*).¹⁸² Ограничения деятельности голландцев в Ливонии были усилены ганзейским съездом в Брюгге в 1425 г.; отражая интересы руководящей группы городов Ганзейского союза — вендских городов, стремившихся к полному вытеснению нидерландцев с Балтийского моря, съезд постановил, чтобы никого из фламандцев, зееландцев, голландцев не подряжать для перевозки товаров в Ливонию и не допускать погрузки и выгрузки их судов в ливонских портах.¹⁸³

Однако эти жесткие постановления вызвали противодействие ливонских городов. Опасаясь торговой конкуренции голландцев, ливонские города стремились пресечь торговлю голландцев в Ливонии, но в то же время они не желали лишаться услуг гол-

¹⁷⁹ Daenell E. Holland und die Hanse im 15. Jahrhundert. — HGBL, Bd. XI, 1905, S. 3—44; Vollbehr F. Die Holländer und die deutsche Hanse. Pfingstblätter des hansischen Geschichtsvereins Blatt XXI, 1930; Holligh G. Die Stapel- und Gästepolitik Rigas in der Ordenszeit (1201—1562). — HGBL, 60. Jg., 1935, S. 136—164.

¹⁸⁰ Подробнее см.: Казакова Н. А. Ранние русско-нидерландские торговые контакты. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России, Л., 1971, с. 81—88.

¹⁸¹ Рецесс съезда: HR, Bd. VI, № 397, § 89—90.

¹⁸² Рецесс съезда: HR, Bd. VII, № 609, § 23.

¹⁸³ Отчет о съезде: HR, Bd. VII, № 800, § 11.

ландского торгового флота. Отмеченные специфические интересы ливонских городов нашли отражение в постановлении съезда ливонских городов в Валке в феврале 1426 г. Съезд разрешил голландцам посещение ливонских портов в качестве моряков — перевозчиков грузов, но запретил им торговлю с русскими и посещение внутренних городов Ливонии. Последнее запрещение было обусловлено, вероятно, опасением ливонских городов перед проникновением голландцев в Россию.¹⁸⁴

Наиболее развернутые постановления, регулирующие пребывание голландцев и других нидерландцев в Ливонии, принял съезд ливонских городов в Вольмаре в 1434 г. Съезд разрешил голландцам, зееландцам и кампенцам посещать ливонские порты в качестве шкиперов и членов судовых команд и, кроме того, вести торговлю в первом портовом городе, куда они придут. Допуская ограниченную торговлю голландских моряков, постановления съезда полностью исключали возможность торговых контактов между голландцами и русскими. § 9 рецесса съезда гласил: «Далее, ни один голландец, зееландец или кампенец не должен торговать с русскими под угрозой конфискации товаров; также никто не должен быть маклером при таких сделках под угрозой штрафа в 50 рижских марок в пользу городов, так как это было уже раньше постановлено в 26-м году в Валке». По отношению к фламандцам и англичанам постановления съезда были еще более суровыми: им разрешалось посещать Ливонию тоже в качестве шкиперов и членов судовых команд, но при этом запрещалось торговать не только с русскими, но и с немцами. Всем перечисленным в постановлении съезда европейским купцам запрещалось изучение русского языка.¹⁸⁵

После заключения перемирия между вендскими и голландскими городами в 1435 г. острота постановлений, направленных против торговли голландцев в Ливонии, смягчается, но запрет на торговлю голландцев с русскими остается в силе: этот запрет подтвердил съезд ливонских городов в Пернау в январе 1437 г., подчеркнувший, что запрет должен соблюдаться и в дальнейшем.¹⁸⁶ Рассмотренные постановления ганзейских съездов и съездов ливонских городов 10—30-х годов XV в., запрещающие торговлю голландцев и русских, а также изучение голландцами русского языка и поездки голландцев во внутренние города Ливонии, должны были предотвратить торговые контакты голландцев с русскими в Ливонии, а также поставить преграды проникновению голландцев в русские земли.

¹⁸⁴ Письмо съезда ливонских городов в Валке Любеку от 19 января 1426 г.: LUB, Bd. VII, № 412; Казакова Н. А. Ранние русско-нидерландские торговые контакты, с. 85.

¹⁸⁵ Рецесс съезда: LUB, Bd. VIII, № 753, § 7—10.

¹⁸⁶ Рецесс съезда ливонских городов в Пернау от 9 января и письмо съезда Любеку от 10 января 1437 г.: HR2, Bd. II, Leipzig, 1872, № 132, § 4 и № 134.

Таким образом, в вопросе о торговле голландцев с русскими ливонские города были продолжателями политики Ганзейского союза, одна из целей которой заключалась в сохранении монополии на посредническую торговлю между Русью и Западом в руках ганзейского купечества.

ВОЙНА ОРДЕНА С НОВГОРОДОМ
1443—1448 ГГ. И РУССКО-ГАНЗЕЙСКАЯ
ТОРГОВЛЯ

Во время войны 40-х годов XV в. особенно ярко выявилась зависимость новгородско-ганзейской торговли от взаимоотношений между Новгородом и Орденом.

Политическая неустойчивость, возникавшая в отношениях между Новгородом и Ливонией на рубеже 30—40-х годов (см. с. 62—63), тотчас отразилась на состоянии русско-немецкой торговли.

Уже в мае 1438 г. в Дерпте были задержаны 45 псковских купцов.¹⁸⁷ В конце 1439 г. магистр наложил запрет на вывоз соли в Россию, мотивируя его тем, что ввиду вывоза соли в Россию в Ливонии соль стала очень дорогой и земледельцы-ленемцы (*undutschen lantman*) не в состоянии ее покупать.¹⁸⁸ В июле 1440 г. со стороны орденских властей последовали предписания о строгом соблюдении запрета на вывоз в Россию крупных лошадей, стоимость которых превышала 1 гривну серебра (*stucke sulvers*).¹⁸⁹ В 1441 г. из-за насилий над новгородскими купцами в Ревеле и из-за отказа магистра дать удовлетворение по делу новгородца, убитого в Нарве, ганзейские купцы в Новгороде подверглись аресту; одновременно новгородские власти запретили поездки в Ливонию.¹⁹⁰ После съезда новгородских и орденских представителей в Нарве в январе 1442 г., на котором не было достигнуто соглашения (см. с. 63), положение ганзейских купцов в Новгороде еще больше ухудшилось. Власти немецкого двора в своих письмах сообщают, что новгородцы известили их о том, что немецкие купцы будут освобождены только тогда, когда пострадавшие в ливонских городах новгородские купцы получат удовлетворение; новгородцы, по словам приказчика двора Ганса Мунштеде, так настроены против немецких купцов, что его жизни угрожает опасность.¹⁹¹

¹⁸⁷ Письмо Дерпта Ревелю от 27 мая 1438 г.: LUB, Bd. IX, № 294.

¹⁸⁸ Письма ливонского магистра Ревелю от 3 ноября 1439 г. и Нарвы Ревелю от 2 декабря 1439 г.: LUB, Bd. IX, № 523, 536.

¹⁸⁹ Письмо конвента Ордена в Нарве Ревелю от 13 июля 1441 г.: LUB, Bd. IX, № 613.

¹⁹⁰ Письма немецкого двора Ревелю и Дерпту от мая 1441 г. — января 1442 г.: LUB, Bd. IX, № 724, 778, 779, 801.

¹⁹¹ Переписка властей немецкого двора и ливонских городов от февраля—мая 1442 г.: LUB, Bd. IX, № 816, 824, 835, 841, 847.

Рассмотрением положения ганзейского купечества в Новгороде занялся съезд ливонских городов в Пернау в марте 1443 г. Съезд постановил запретить поездки в Новгород из-за «несправедливостей», причиненных немецкому купечеству новгородцами; одновременно съезд дал предписание немецким купцам выехать из Новгорода, двор закрыть, а ключи от него, согласно прежнему обычаю, передать новгородским властям.¹⁹² 21 марта Дерпт извещал Ревель, что купцы, которые еще оставались в немецком дворе в Новгороде, 14 марта возвратились в Дерпт. Двор был закрыт.¹⁹³

Однако, несмотря на закрытие двора и начало осенью 1443 г. военных действий между Ливонией и Новгородом, запрещенная торговля с Новгородом продолжалась. Из Риги товары везлись в Полоцк, из Дерпта в Псков, а затем в Новгород.¹⁹⁴ Еще большее развитие получили подвоз товаров в Новгород из Пруссии через Швецию.¹⁹⁵ «Мы слышали, — писал Ревель Любеку, — что различные товары подвозятся в Новгород из Пскова и по другим путям так, что они не испытывают никакого недостатка [в товарах], как будто бы поездки открыты».¹⁹⁶

Рат Ревеля, раздраженный тем ущербом, который терпело ревельское купечество из-за запрещения торговли с Новгородом, преувеличивал, вероятно, истинные размеры запретной торговли, но его письмо весьма симптоматично: оно показывает, как сквозь все преграды, запреты, войны пробивались и крепили экономические связи Новгорода с Западом.

Во время переговоров Новгорода с Орденом в период затишья военных действий в конце 1443—начале 1444 г. обсуждались и вопросы русско-ганзейской торговли: новгородские представители потребовали возврата товаров, отнятых у новгородских купцов, и пожелали, чтобы 73 ганзейских города были включены в проектируемое перемирие и магистр дал бы за них ручательство. Последнее требование показывает, насколько хорошо правящие круги Новгорода понимали все возрастающую зависимость русско-ганзейской торговли от позиции Ордена. Ливонский магистр отказался выполнить требования Новгорода, и это явилось, в частности, одной из причин неудачи переговоров (см. с. 66).

Хотя ливонские города в связи с конфликтом между Новгородом и ганзейским купечеством вынесли весной 1443 г. решение закрыть немецкий двор и запретить поездки купцов в Новгород, тем не менее длительный перерыв в торговых сношениях, связанный с войной, был для них нежелательным. Поэтому уже в первый год войны ливонские города выступали с пожела-

¹⁹² Рецесс съезда ливонских городов в Пернау: LUB, Bd. IX, № 935.

¹⁹³ Письмо Дерпта Ревелю: LUB, Bd. IX, № 949.

¹⁹⁴ Письмо Любека ливонским городам от 10 мая 1444 г.: LUB, Bd. X, № 44.

¹⁹⁵ Письмо съезда ливонских городов в Валке Любеку 17 февраля 1444 г.: LUB, Bd. X, № 14.

¹⁹⁶ Письмо Ревеля Любеку от начала 1444 г.: LUB, Bd. X, № 1.

ниями прекратить военные действия. Съезд городов в Валке в феврале 1444 г. на просьбу магистра дать ему совет по поводу его распри с Новгородом ответил, что для блага страны следует, если это возможно, заключить мир с русскими. В таком же духе высказался съезд городов в Вольмаре в декабре 1445 г.¹⁹⁷ С еще более решительным протестом против войны города выступили после поражения, понесенного военными силами Ордена в битве у устья Наровы в июле 1447 г.: города заявили, что они «устали» от войны и что если мир с русскими не будет заключен, то они вынуждены будут искать себе другого господина (см. с. 74) (иными словами, города пригрозили отказом от признания власти ливонских ландесгерров, в первую очередь Ордена). Голос ливонского бюргерства сыграл немалую роль в решении магистра пойти на мир с Новгородом.

Добиваясь от магистра заключения мира с Новгородом, города все время подчеркивали, чтобы магистр во время переговоров с новгородцами не решал бы спорные дела, имевшиеся между городами и новгородцами. «Дела городов не смешивать с делами страны», — гласит рецесс съезда ливонских городов в Вольмаре от 12 декабря 1445 г.¹⁹⁸ В этой формуле нашло отражение стремление ливонских городов сохранить за собою право решения всех дел, касающихся торговых сношений с Новгородом. Насколько мало осуществимо было это стремление, наглядно показали события 40-х годов. Сосредоточение ганзейской торговли с Новгородом и Псковом в руках ливонских городов поставило эту торговлю в теснейшую зависимость от взаимоотношений Ордена с русскими землями.

Договор, заключенный в 1448 г. между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и всей Ливонией — с другой, восстанавливал, как мы видели, торговые отношения русских земель с Ливонией. Благодаря этому ливонские города, являвшиеся участниками Ганзы, получили возможность возобновить свою жизненно важную торговлю с Русью. Но торговые сношения между Русью и Ганзейским союзом в целом оставались прерванными, хотя несомненно, что заключение русско-ливонского мирного договора создавало предпосылки и для налаживания отношений с Ганзой.

Во время русско-ливонских переговоров в Нарве летом 1448 г. представители ливонских городов спрашивали у новгородцев, что следует сделать для того, чтобы немецкое купечество пользовалось в Новгороде своими старыми привилегиями. Ответ гласил, что необходимо послать в Новгород посольство от ганзейских городов.¹⁹⁹ Вопрос о посольстве неоднократно обсуждался

¹⁹⁷ Рецессы съездов в Валке от 16 февраля 1444 г. и в Вольмаре от 12 декабря 1445 г.: LUB, Bd. X, № 13, 184.

¹⁹⁸ Рецесс съезда: LUB, Bd. X, № 184.

¹⁹⁹ Письма великого магистра ливонскому магистру от 1 сентября 1448 г. и Любека ливонским городам от 28 октября 1448 г.: LUB, Bd. X, № 480, 502.

в переписке ливонских городов с Любеком 1448—1449 гг.²⁰⁰ Съезд ливонских городов в Вольмаре в апреле 1449 г. высказал мнение о том, что проектируемое Любеком с участием его представителей посольство является нецелесообразным и что ведение переговоров с русскими следует поручить ливонским городам.²⁰¹ Любек дал ливонским городам просимые ими полномочия.²⁰² 1 марта 1450 г. послы ливонских городов (от Риги — ратман Иоганн Трерос, от Дерпта — бургомистр Гиллебрант Лузеберг и ратман Герд Шрове, от Ревеля — бургомистр Альберт Румор и ратман Иоганн Фельтгузен) от имени всего Ганзейского союза заключили договор с Новгородом. В заключении договора с русской стороны участвовали посадник Дмитрий Васильевич, тысяцкий Михаил Андреевич, купеческие старосты Алексей Игнатьевич и Есиф Иванович.

Договорная грамота от 1 марта 1450 г. устанавливала перемирие между Новгородом и Ганзой сроком на 7 лет, начиная со дня св. Ивана (24 июня). Во время перемирия немецкому гостю гарантировался «чистый путь» в Новгород «по старым грамотам и по сей грамоте, и по старому крестоцелованию и по сему крестному целованию». Великий Новгород должен был «исправу давать» «немецким детям» по «всем обидным делам», и все 73 города должны были «исправу давать» новгородцам «по всем обидным делам». В течение срока перемирия в Новгород должны были прибыть послы от «73 городов заморских и на сем поморья», чтобы «говорить о торговле и о всех обидных делах».²⁰³

Как мы видим, договорная грамота 1450 г. содержала лишь гарантию свободного проезда и торговли и справедливого суда для купцов обеих сторон во время действия срока перемирия. Рассмотрение же всего комплекса русско-ганзейских отношений и заключение мира откладывались, согласно условиям перемирия, до прибытия в Новгород ганзейского посольства, включавшего представителей ливонских и заморских городов.

НОВГОРОДСКО-ГАНЗЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 50-Х—НАЧАЛЕ 70-Х ГОДОВ XV В.

Прошло 22 года, прежде чем мир между Новгородом и Ганзой, предусматривавшийся перемирием 1450 г., был заключен.

В этом длительном промедлении сыграла роль позиция руководства Ганзейского союза — вендских городов. Поглощенные

²⁰⁰ LUB, Bd. X, № 503, 505, 563; см. также: грамоты Любека Новгороду и новгородскому архиепископу от 10 ноября 1448 г.: там же, № 508, 509.

²⁰¹ Письмо съезда Любеку: LUB, Bd. X, № 591.

²⁰² Письмо Любека Новгороду от 13 июля 1449 г.: LUB, Bd. X, № 631.

²⁰³ ГВНП, № 74.

отношениями с другими европейскими государствами, они не спешили с организацией посольства в Новгород для подписания мира и предоставляли ливонским городам право продлевать перемирие. В 1457 г. в связи с истечением срока действия перемирия 1450 г. ливонские города продлили это перемирие с Новгородом на один год. В сентябре 1458 г. ливонские города поручили приказчику двора в Новгороде позаботиться о дальнейшем продлении перемирия. В 1459 г. было заключено перемирие на 6 лет до дня св. Ивана (24 июня 1465 г.); содержание перемирия неизвестно, так как текст его не сохранился.²⁰⁴ Новое перемирие было заключено 18 марта 1466 г. сроком на 2 года, начиная со дня св. Ивана (24 июня 1466 г.). Условия перемирия гарантировали «чистый путь» «без хитрости» немецким купцам в Новгород и новгородским купцам в «Немецкую землю» и немецкие города, а также «исправу» с обеих сторон по всем «обидным делам». В течение перемирия в Новгород должны были приехать послы от 72 ганзейских городов для решения «обидных дел».²⁰⁵ Условия перемирия 1466 г. совпадали с условиями перемирия 1450 г. и представляли собой одно из звеньев в цепи его продлений. Новым по сравнению с перемирием 1450 г. являлось обязательство ганзейской стороны «не чинить никакого насилия над новгородцами и не сажать их в поруб и в погреб без суда, с обеих сторон по крестному целованию, без хитрости».²⁰⁶ Возможно, что это обязательство появилось под влиянием жалоб новгородцев на насилия над их купцами в ливонских городах, имевшие место в начале 60-х годов.²⁰⁷

По-видимому, в 50—60-х годах XV в. новгородское правительство также не принимало настоятельных мер для заключения твердого мира с Ганзой. После подписания между Москвой и Новгородом Яжелбицкого договора 1456 г., означавшего начало подчинения Новгорода Москве (см. далее), основным вопросом, занимавшим помыслы правящих кругов Новгорода, становятся взаимоотношения с Москвой, и вопросы русско-ганзейских отношений отодвигаются на задний план. Возможно, что этим обстоятельством определялось и снижение активности торговой политики Новгорода, которое отмечается в 50—60-х годах.

Правда, и в эти годы имели место старые жалобы новгородцев на вес и качество ганзейских товаров. Так, в 1451 г. новгородцы жаловались, что бочки (очевидно, с медом или сельдью) недостаточно велики, и заявляли, что они не хотят, чтобы воск колушался, а меха обязательно приносились на немецкий двор.²⁰⁸

²⁰⁴ Goetz L. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters, S. 147—152.

²⁰⁵ ГВНП, № 76.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Жалобы новгородцев: LUB, Bd. XII, Riga, Moskau, 1910, № 80.

²⁰⁸ Соглашение между Любеком и ливонскими городами от 9 июля 1451 г.: LUB, Bd. XI, Riga, Moskau, 1905, № 161, § 3.

В 1453 г. русские снова жаловались на «короткие» сукна, плохую раскладку сельди, недостаточный вес бочек с медом.²⁰⁹ В 1461 г. новгородцы возобновили жалобы по поводу сукон, меда, соли и других товаров; они указывали, что бочки с медом неполные и недостаточной величины, а сельдь неправильно разложена и крупная перемешана с мелкой.²¹⁰ Но за жалобами новгородцев никаких действий с целью изменения существующего положения не последовало. Очевидно, после Яжелбицкого договора новгородское правительство не считало целесообразным осложнять отношения с западными контрагентами Новгорода.

Быть может, спад активности торговой политики Новгорода побудил ливонские города к более энергичным действиям для укрепления позиций ганзейского купечества в Новгороде. В конце 60-х годов, когда в связи с истечением срока действия перемирия 1466 г. представители ливонских городов вели переговоры в Новгороде, они заявили, что ганзейские города желают заключить с Новгородом мир на основе Нибурова крестоцелования, т. е. повторения условий мира 1392 г.²¹¹ Это желание означало, что ганзейцы не только сами отвергали все выдвигавшиеся в течение XV в. требования новгородцев, направленные на пересмотр существовавших норм новгородско-ганзейских отношений, но хотели, чтобы новгородцы возобновили Нибуров мир и тем самым санкционировали свой отказ от этих требований. Новгородцы ответили, что они не желают возобновления Нибурова мира и хотят удерживать с немецких купцов за все, что случается с новгородцами (имеются в виду, очевидно, новгородские купцы) на воде и на суше. Это требование Новгорода, представлявшее собой видоизмененную формулировку требований «чистого пути за море», неоднократно выдвигавшихся новгородцами в первой половине XV в., было отклонено. Чтобы продемонстрировать твердость позиций Ганзы, послы ливонских городов закрыли немецкий двор и взяли с собой из Новгорода приказчика двора.²¹² Съезд ливонских городов в Вольмаре в феврале 1469 г. одобрил действия послов и вынес решение о прекращении поездок немецких купцов в Новгород. Это решение подтвердил ганзейский съезд в Любеке в апреле 1469 г., объявивший общеганзейский запрет на торговлю с Новгородом.²¹³

Вопросами русско-ганзейских отношений вновь занялся ганзейский съезд в Любеке в августе 1470 г. Съезд подтвердил запрет торговли с Новгородом и постановил, что посольство с уча-

²⁰⁹ Рецесс ганзейского съезда в Любеке от 6 декабря 1453 г.: LUB. Bd. XI, № 316, § 25.

²¹⁰ Жалобы новгородцев: LUB, Bd. XII, № 80.

²¹¹ Рецесс съезда ливонских городов в Вольмаре от 26 февраля 1469 г.: HR2, Bd. VI, Leipzig, 1890, № 444, § 4.

²¹² Там же.

²¹³ Письмо съезда ливонских городов Данцигу от 28 февраля 1469 г.; рецесс съезда от 23 апреля 1469 г.: HR2, Bd. VI, № 147, 184, § 42.

ствием заморских послов будет отправлено в Новгород только в том случае, если новгородцы пожелают остаться при Нибуровом крестоцеловании; на съезд с новгородцами, если он состоится, должно быть прислано Нибурово крестоцелование, хранившееся в Висби. В рецессе съезда указывается далее, что если новгородцы пожелают перемирия на 5 или 6 лет, то ливонские города полномочны его заключить, но с условием, чтобы ганзейские города остались при старых привилегиях и обычаях. Ганзейский съезд в Любеке в августе 1470 г. рассматривал и вопрос о торговле голландцев в Ливонии. Съезд подтвердил ограничения торговле голландцев в Ливонии, введенные рецессами 1417, 1426 и 1434 гг.,²¹⁴ которые включали, в частности, запрет на торговлю голландцев с русскими. Таким образом, съезд продемонстрировал жесткий курс Ганзы в отношении Новгорода, направленный, с одной стороны, на подтверждение норм Нибурова договора (без всяких нововведений, желательных для новгородцев), а с другой — на сохранение своей монополии на торговлю с русскими и недопущение к участию в ней купцов-неганзейцев.

Чтобы воздействовать на Новгород, Ганза прибегла к своему старинному средству — торговой блокаде. Но, как часто бывало, это средство не принесло желаемого эффекта, ибо блокада Новгорода не была полной; шведские и нарвские купцы закупали в Данциге и других городах различные товары, необходимые для новгородцев, и доставляли их в Нарву и далее в Новгород.²¹⁵

Хотя блокада Новгорода, организованная Ганзой, не достигла полностью своей цели, тем не менее Новгород вскоре изменил позицию по отношению к Ганзе. Весной 1472 г. новгородское посольство вело переговоры в Риге и Дерпте. В ходе переговоров ганзейская сторона настаивала на заключении мира на основе Нибурова крестоцелования, новгородцы — на заключении временного перемирия по образцу перемирия 1466 г.²¹⁶ Переговоры закончились подписанием мира на 20 лет. Условия его неизвестны.²¹⁷ Но поскольку был заключен длительный мир, а не короткое перемирие, которого желали новгородцы, можно полагать, что новгородцы пошли на уступки и мир был заключен на условиях подтверждения традиционных норм русско-ганзейских торговых отношений.

Надо думать, что согласиться на заключение длительного мира, желаемого Ганзой, Новгород побудило в конечном счете

²¹⁴ Рецесс съезда от 24 августа 1470 г.: HR2, Bd. VI, № 356, § 15, 21, 130.

²¹⁵ Рецесс съезда в Вольмаре от 18 января 1472 г. и письма съезда Любеку и Данцигу: HR2, Bd. VI, № 493—495.

²¹⁶ Письма Ревеля Данцигу от 24 марта 1472 г. и Риги Любеку от 24 апреля 1472 г.: HR2, Bd. VI, № 583, 584.

²¹⁷ О заключении этого мира известно лишь из отчета послов Дерпта и Ревеля о переговорах в Новгороде в 1487 г.: HUB, Bd. XI, München—Leipzig, 1916, № 102, § 3, 4.

изменение его внешнеполитического положения, в первую очередь удар, нанесенный Иваном III на берегах Шелони. После Шелонской битвы 1471 г. Новгород стремится упрочить свои связи с западными соседями, пытаясь найти в них опору против Москвы. Новгородская боярская олигархия идет на прямое предательство национальных интересов русского народа и обращается с просьбой о заключении союза против Москвы и Пскова к Ливонскому ордену, вековечному врагу Руси (см. далее). Вероятно, с той же целью урегулирования всех внешнеполитических конфликтов на западе Новгород заключает 20-летний мир с Ганзой.

Мир 1472 г. был последним, заключенным с Ганзейским союзом Новгородом до присоединения его к Москве. И хотя, повторяем, условия мира 1472 г. неизвестны, можно думать, что Ганзе и на этот раз удалось настоять на сохранении «старинны».

Таким образом, политика, которую Новгород и (в меньшей мере) Псков проводили на протяжении XV в. в отношении ганзейского купечества, оказалась безрезультатной. Русским вечевым республикам не удалось добиться ни изменения условий торговли с ганзейцами в Новгороде и Пскове, ни предоставления новгородцам «чистого пути за море» — гарантии безопасного проезда на заморские рынки. Вечевым республикам, являвшимся лишь частями феодально-раздробленной Руси, оказалось не под силу преодолеть сопротивление ганзейцев.

Преодолеть сопротивление ганзейцев Новгород и Псков не смогли и потому, что Ганза в рассматриваемый период еще сохраняла свое могущество.

Правда, в XV в. на горизонте экономической и политической жизни Ганзы уже обозначились грозные для нее явления. Мы упоминали, что на рубеже XIV и XV вв. у ганзейцев, до сих пор безраздельно господствовавших в балтийской торговле, появились соперники в лице голландских купцов. Торговля голландцев на Балтике, опиравшихся на поддержку датских королей, успешно развивалась. Наряду с голландскими купцами в балтийской торговле стали принимать участие и английские купцы. По сравнению с ганзейцами англичане и голландцы имели то преимущество, что они являлись представителями стран, в которых начинало развиваться мануфактурно-капиталистическое производство, поставлявшее продукцию на внешний рынок, в то время как носившее средневековый характер цеховое ремесленное производство ганзейских городов имело местное значение и ганзейские купцы занимались перепродажей изделий и сырья, получаемых из других стран. К социально-экономическому развитию ганзейских городов рассматриваемого периода как нельзя лучше приложимы слова К. Маркса о том, что «там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отноше-

ния».²¹⁸ Опасным для ганзейцев был и происходивший в Дании процесс усиления королевской власти: датские короли проводили политику покровительства национальному купечеству и стремились покончить с привилегированным положением ганзейцев на скандинавском севере. К ударам, получаемым Ганзой извне, прибавились внутренние потрясения: в начале XV в. крупнейшие ганзейские города, включая Любек, захлестнула волна острой социальной борьбы, выступлений городских низов против власти патрициата. Начинали сказываться и противоречия интересов отдельных групп городов Ганзейского союза: в то время как вендские города, чье благосостояние зиждилось на посреднической торговле между Нидерландами и северо-востоком Европы, сосредоточили свои усилия на борьбе за свободу плавания через Зунд (следовательно, на борьбе против Дании), ливонские города были заинтересованы в торговле с Россией, прусские — с Англией и т. д. Дифференциация интересов различных групп ганзейских городов ослабляла и без того слабое единство Ганзейского союза.²¹⁹

Но несмотря на появление в рассматриваемое время тенденций, приведших впоследствии к упадку Ганзейского союза, этот упадок еще не наступил, и в борьбе со своими противниками Ганзе удалось добиться успехов. Война с Данией, которую вендские города вели в союзе с Голштинией, закончилась в 1435 г. миром в Вордингборге, восстановившим привилегии ганзейцев в Дании. Вражда с Англией завершилась Утрехтским миром 1474 г., по которому были восстановлены привилегии ганзейцев в Англии. Правда, приостановить торговлю голландских и английских купцов на Балтийском море ганзейцам не удалось, но защитить свои привилегии в европейских странах они сумели.

Все еще сохраняющимся могуществом Ганзы в изучаемый период, с одной стороны, и феодальной раздробленностью Руси — с другой, и была обусловлена неудача проводимой Новгородом и Псковом политики противодействия преобладанию ганзейского купечества в сфере русской внешней торговли.

²¹⁸ Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 25, ч. I, с. 360.

²¹⁹ Fritze K. 1) Tendenzen der Stagnation in der Entwicklung der Hanse nach 1370. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 1963, № 5/6, S. 519—524; 2) Dänemark und die hansisch-holländische Konkurrenz in der Ostsee zu Beginn des 15. Jahrhunderts. — Ibid., 1964, № 1/2, S. 82—83; Schildhauer J., Fritze K., Langer H., Spading K., Stark W. Grundzüge der Geschichte der deutschen Hanse. — Ibid., 1965, № 2/3, с. 199—200; Deutsche Geschichte, Bd. I. Berlin, 1965, S. 406—408; Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. Berlin, 1974, S. 172—210.

РУССКО-ЛИВОНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XV В.ВОЙНА МЕЖДУ ДЕРПТСКИМ
ЕПИСКОПСТВОМ И ПСКОВОМ
1458—1463 ГГ. И ДОГОВОР 1463 Г.

Середина XV в. — существенный этап в процессе объединения русских земель. Феодалная война, потрясавшая Великое княжество Московское во второй четверти XV в., закончилась к началу 50-х годов победой великого князя Василия Темного над своими противниками — удельными князьями. После победы Василий Темный уничтожает почти все удельные княжества, входившие в состав Великого княжества Московского, и последнее превращается в единую территорию, находившуюся под властью великого князя (сохраняется лишь один Верейский удел). Используя поддержку Новгорода в последний период феодалной войны своего главного противника удельного галицкого князя Дмитрия Шемяки, Василий Темный организует в 1456 г. поход на Новгород. Поход закончился подписанием Яжелбицкого договора, согласно которому Новгород давал обязательство не поддерживать никаких сношений с членами семьи Шемяки и впредь не принимать «лиходеев» — врагов великого князя, а также обязывался возвратить захваченные земли великого князя; по договору были увеличены также судебные права великого князя в Новгороде. Яжелбицкий договор ознаменовал собой начало подчинения Великого Новгорода Москве. В середине XV в. были таким образом окончательно заложены предпосылки для создания единого Русского государства.

Успехи Москвы в деле объединения русских земель незамедлительно сказались на развитии русско-ливонских отношений: они подготовили почву для активного вмешательства великокняжеской власти в русско-ливонские дела, которое имело место, как мы увидим дальше, начиная с 60-х годов XV в., уже в княжение Ивана III.

Если Русь в середине XV в. шла по пути установления государственного единства, то Ливония продолжала оставаться в состоянии феодалной раздробленности. Положение Ливонии в середине века осложнилось в связи с событиями в Пруссии.

В 1454 г. союз прусских городов при поддержке Польши начал открытую борьбу против господства Тевтонского ордена. Ливонский магистр Иоганн фон Менгеде (1450—1469) оказывал великому магистру денежную и военную помощь, но тем не менее орденские силы потерпели поражение.¹ По второму Торуньскому миру, заключенному в 1466 г., были воссоединены с Польшей земли к западу от Вислы (включая Данциг), и великий магистр стал вассалом польского короля.

Участие Ливонского ордена в борьбе, происходившей в Пруссии, сковывало его активность в отношении русских земель, и в 50-х годах XV в. в русско-ливонских отношениях установилось известное затишье, которое, однако, не означало полного спокойствия на границе. Мелкие пограничные инциденты продолжались: в переписке орденских чинов, относящейся к 50-м годам, встречаются известия о нарушениях границы, главным образом на ее псковско-дерптском участке.² Но эти инциденты не приводили к нарушению мира. Мир был нарушен лишь в 1458 г., когда между Псковом и Дерптским епископством начались военные действия. Поводом к псковско-дерптской войне послужил спор из-за Желачки.

Желачка, русская рыболовецкая деревня на южном берегу о. Пирисар (на Чудском озере),³ как предмет спора между Псковом и его западными соседями упоминается впервые в 1365 г. В том году между Псковом и Ливонией происходили военные действия, описание которых летописец заканчивает словами: «А то розратие бысть с Нѣмци, про Жолчь обида, много время, по 5 лет».⁴ Летом 1448 г. одновременно с заключением Нарвского договора между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и Ливонией — с другой, было достигнуто еще одно соглашение — между Псковом и Дерптским епископством, касающееся, как можно думать, Желачки. Летописец сообщает: «А что бяше отняли юриевцы старинъ псковѣских много, милостию же святаыя Троица и молитвою благовѣрных князей, они же погании возвратиша со студомъ и съ срамомъ вся старины псковѣския ко Пскову».⁵ В пользу предположения о том, что соглашение каса-

¹ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, с. 103—108.

² LUB, Bd. XI, № 27, 189, 324, 325. — Подробнее историю русско-ливонских, точнее псковско-дерптских, отношений 1448—1453 гг. см.: Stern C. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463, S. 366—426. — По работа К. Штерна, напечатанная в период второй мировой войны, тенденциозна: в ней речь идет об аннексионистских устремлениях Пскова, об угрозе войны Дерптскому епископству со стороны Пскова. К. Штерн некритически воспринимает известия ливонских источников о нападениях псковичей, нарушении ими границы и т. д. Мы считаем, что за этими известиями в действительности скрывались лишь обычные пограничные инциденты.

³ Stern C. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463, S. 372—373.

⁴ ПЛ, с. 23.

⁵ ПЛ, с. 49; ср. ППЛ, с. 138.

лось Желачки, говорят следующие данные: 1) в 50—60-х годах, когда между Псковом и Дерптом шли распри из-за Желачки, ее территории рассматривалась псковичами как земля св. Троицы, которой Псков должен владеть «по старине» (о возврате Пскову Дерптом «старин» речь идет и в известии Псковской летописи о заключении в 1448 г. соглашения между Псковом и Дерптским епископством); 2) в 1471 г., во время переговоров ливонского магистра с Псковом, магистр соединял поддержание мирных отношений в районе Желачки с сохранением Нарвского договора 1448 г., следовательно, существовало связанное с Нарвским договором соглашение о Желачке (см. ПИЛ, с. 174). По-видимому, это соглашение состояло в обязательстве Дерптского епископства отказаться от притязаний на спорную территорию и прибрежные воды рыболовецкой деревни Желачки.

Новая псковско-дерптская война из-за Желачки началась в 1458 г., по свидетельству псковского летописца, при следующих обстоятельствах: осенью княживший в Пскове князь Александр Васильевич Чарторыйский с посадниками и псковскими мужами поехали на землю св. Троицы, на Озолицу (под Озолицей следует понимать о. Пириссар⁶), и на Желачке сено косили, и своим ловцам велели рыбу ловить «по старине», и церковь поставили архистратига Михаила. Весьма вероятно, что эти действия были предприняты псковскими властями в целях действительной реализации достигнутого в 1448 г. соглашения о возвращении Дерптским епископством Пскову его «старин», — соглашения, которое дерптцы, по-видимому, не особенно соблюдали. Во всяком случае псковский летописец рассказывает далее, что в начале 1459 г. немцы «изгопивше изгоною... на то обидное мѣсто, на Озоличю» и сожгли 9 человек и церковь св. Михаила. Вскоре последовало ответное вторжение псковичей, которые «ехавше в насадах и в лодях на то же мѣсто, на Озоличю, и шедши в землю Немецкую... и месть мстиша за тѣ головы за неповинныя». Начавшиеся военные действия пока ограничивались районом Желачки. Но, как сообщает летописец, «того же лѣта, не на долгѣ времени» враги в шпеках и в лодях совершили набег на Псковскую землю в районе р. Наровы: захватили насаду псковскую с пушками и в Березной волости сожгли 42 двора.⁷ Рамки военных действий были, таким образом, расширены.

В возникшем конфликте Новгород взял на себя «по челобитью немецкому» роль посредника. Осенью 1459 г. новгородский посадник вместе с псковскими посадниками поехали на «то обидное место», на Озолицу и на Желачку, и «досмотрѣна того

⁶ Stern C. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463, S. 372—373; см. также: Казакова Н. А. Некоторые топонимы Псковской земли XV—первой половины XVI в. — В кн.: Вспомогат. истор. дисциплины, V, Л., 1973, с. 75—81.

⁷ ПИЛ, с. 55—56; ср. ПИЛ, с. 50; ПИЛ, с. 144—145.

мѣста, ажно та земля и вода святыя Троица». Ливонские представители на место съезда не явились, и он не состоялся.⁸

В декабре («в рождественское говение») 1459 г. имел место поход псковичей на «Немецкую землю». В начале 1460 г., воспользовавшись приездом в Новгород великого князя Василия Васильевича, псковичи просили его о помощи. Великий князь согласился, но потребовал более тесного сближения Пскова с Москвой, в частности он настаивал, чтобы княживший в Пскове князь Александр Васильевич Чарторыйский целовал крест ему и его детям. Чарторыйский отказался и уехал из Пскова. Тогда великий князь дал Пскову в князья своего сына Юрия Васильевича, а спустя несколько недель — другого сына, Ивана Васильевича, будущего великого князя Ивана III.

Еще в бытность в Пскове Юрия Васильевича по инициативе ливонской стороны начались мирные переговоры, которые завершились осенью 1460 г. перемирием на 5 лет. Перемирие было заключено на том условии, что в те «пять лет ловити на обидном мѣсте псковичамъ къ своему берегу». Очевидно, право рыбной ловли было закреплено за псковичами от южного берега о. Пириссар в районе Желачки до псковского берега нынешних Теплого и Чудского озер. В Дерпте, где затем состоялось торжественное утверждение перемирия, псковичам были возвращены иконы из церкви в Желачке, сожженной противником, и захваченные у купцов товары. Дерптские послы, приехавшие в Псков, также «поймаша свое святство и полоненых своих».⁹ Заключение перемирия явилось следствием сближения Пскова с великим князем: надо полагать, что именно это обстоятельство заставило дерптского епископа изменить свою позицию и пойти на переговоры. Подчеркивая ту роль, которую великий князь сыграл в заключении перемирия, летописец назвал последнее «докончанье» великого князя.¹⁰

Перемирие псковичи использовали для строительства укреплений; в 1462 г. на дальних подступах к Пскову были построены городок Володимерец на «Володцыне» горе и городок Кобылий на оз. Великом.¹¹ В выборе места для городка Кобыльего, возможно, сыграло роль то обстоятельство, что это место на берегу

⁸ ПЛ, с. 56—57; ср. ПЛ, с. 50; ППЛ, с. 145.

⁹ ПЛ, с. 57—61. — В Тихановском списке Псковской первой летописи, изданном А. Насоновым (мы пользуемся его изданием), описываемые события от присада в Новгород великого князя Василия Васильевича и до заключения перемирия между Псковом и Дерптом датируются 6969 (1461) г., в то время как в Псковской третьей летописи — 6968/69 (1460/61) г. (ППЛ, с. 145—149). Хронология Псковской третьей летописи в данном случае правильна, так как приезд Василия Васильевича в Новгород и посылка им в Псков Юрия Васильевича в московских летописных сводах относятся также к 6968 (1460) г. (ПСРЛ, т. XXV, с. 276; т. XXVIII, с. 283). Поэтому в хронологию событий, излагаемых по Тихановскому списку Псковской первой летописи, мы внесли поправку.

¹⁰ ПЛ, с. 60.

¹¹ ПЛ, с. 62; ср. ПЛ, с. 52; ППЛ, с. 150.

оз. Великого находится в 5 км от дер. Желачка, расположенной на южном берегу о. Пириссар.¹² Таким образом, постройкой Кобыльского псковичи хотели закрепить свои права на спорный район вод Желачки. Одновременно велись работы по усовершенствованию укреплений самого Пскова: было воздвигнуто присло стены у р. Великой в кремле и надстроены стены вдоль Великой от костра до Довмонтовой стены.¹³

Перемирие, заключенное в 1460 г. на 5 лет, длилось недолго: в начале 1463 г. возобновились военные действия. Поводом к их возобновлению на этот раз послужил торговый конфликт: в 1463 г. в Дерпте были посажены в погреб псковский посол и псковские купцы; в ответ псковичи посадили у себя в погреб немецких купцов.¹⁴ 21 марта вражеская рать подступила к псковскому Новому Городку (Кобыльему), который минувшим годом псковичи выстроили на оз. Великом; другие отряды начали жечь прибрежные поселки (исады). Когда весть об этом пришла в Псков, там было собрано большое войско, которое выступило навстречу противнику и в битве при Колпино 31 марта нанесло ему поражение; разбив врагов, псковичи гнали их 15 верст до р. Каховы и за нее.¹⁵

Однако у псковичей не хватало сил для нанесения врагам решительного удара, поэтому великий князь Иван Васильевич прислал в Псков своего воеводу с отрядом. В это же время псковский князь Иван Александрович Звенигородский, прибывший от великого князя в Псков по просьбе псковичей еще весной, занимался формированием нового войска, в которое привлекалось население всех пригородов, а также крестьяне («люди из волостей»). По словам псковского летописца, 18 июля войско псковичей с отрядом московского воеводы осадило ливонский Новый Городок (Ниенгаузен или Нейгаузен, расположенный южнее Чудского озера, недалеко от границы с Псковской землей). Осада длилась четверо суток, но взять городок псковичи не смогли, так как у них разорвалась большая пушка. Об осаде псковичами Ниенгаузена говорят и немецкие источники. В письме Дерпта Любеку от 16 августа 1463 г. сообщается, что во время вторжения в Дерптское епископство русские осадили Ниенгаузен, штурмовали его днем и ночью и принесли много удивительных инструментов (*unde hebben dar mennigerleye wunderlike instrument vorgebracht*), так как думали овладеть Ниенгаузенем, но этому

¹² Stern C. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463, S. 401—402. — Под «Великим озером» псковских летописей следует понимать Чудское озеро.

¹³ ПЛ, с. 62; ср. ППЛ, с. 52; ППЛ, с. 150.

¹⁴ ППЛ, с. 151.

¹⁵ ПЛ, с. 63—65; ср. ППЛ, с. 51—53; ППЛ, с. 151—153. — К. Штерн полагает, что под Колпино Псковской летописи следует подразумевать о. Колпино, расположенный у западного берега Великого озера (Stern C. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463, S. 406—407).

воспрепятствовал бог;¹⁶ очевидно, под Ниенгаузеном русские применили осадные орудия.

В дни, когда псковичи осаждали Ниенгаузен, другой псковский отряд на судах (20 ушкуев и 80 лодий) воевал в «Немецкой земле» и выжег половину Кержали.¹⁷ Возможно, что летописное «Кержали» — это область Керьел по верхнему течению р. Воо, притока Эмбаха. Если это так, то вторжение псковского отряда в Дерптское епископство по рекам Эмбах и Воо имело целью, очевидно, воспрепятствовать продвижению дерптских сил на помощь осажденному Ниенгаузену.¹⁸ Однако, услышав, что псковское войско отступило от Ниенгаузена, отряд возвратился в Псков. Спустя неделю дерптцы на шнеках и лодьях появились у истока Наровы и напали на русскую деревню Скамью. Псковичи намеревались предпринять ответное вторжение, но в это время пришло известие о том, что противник собирается начать мирные переговоры.¹⁹

В результате переговоров в конце лета 1463 г. между Псковом и Дерптским епископством было заключено перемирие. Русские летописи определяют срок перемирия в 9 лет (эта цифра принята в русской исторической литературе), ливонские источники — в 10 лет.²⁰ Последняя цифра более правильна, ибо перемирие возобновляло, как сообщает Псковская третья летопись, действие Нарвского мира («таа 9 лет Поровского миру издержати крепко»), срок которого истекал 25 июля 1473 г., т. е. без одного месяца через 10 лет.

Ливонские источники ничего не сообщают об условиях перемирия, ограничиваясь лишь констатацией факта его заключения.²¹ Условия перемирия раскрывают русские летописи.

Псковская первая летопись (свод 1469 г.) сообщает, что перемирие было заключено при посредничестве ливонского магистрата: «Того же лѣта присла князь местерь ризский посла своего князца Ипдрика и ипѣх Нѣмец боярь много во Псковь бити челомъ восводе князи великаго Феодору Юриевичю и князю псковьскому и всемъ мужемъ псковичемъ за юриевцевъ о миру, чтобы та 9 лѣтъ здержати крѣпко... И воевода князи великаго князь Феодоръ здумавъ со княземъ псковьскимъ и с посадники и со всеми псковичи и взяша миръ съ юрьевцы». По условиям мира спор из-за Желачки решался в пользу псковичей («а которое обидное мѣсто на Жолчи, вода и земля, то псковичи отняша»); был произведен также обмен пленными, и с обеих сторон были отпущены задержанные гости.²² Те же условия мира, только в не-

¹⁶ ПЛ, с. 65—66; ср. ППЛ, с. 53; ППЛ, с. 154; LUB, Bd. XII, № 214.

¹⁷ ПЛ, с. 66—67; ср. ППЛ, с. 154—155.

¹⁸ Stern C. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463, S. 408.

¹⁹ ПЛ, с. 67; ср. ПЛ, с. 53; ППЛ, с. 155.

²⁰ ПЛ, с. 67; ср. ППЛ, с. 53; ППЛ, с. 155; LUB, Bd. XII, № 218, 222.

²¹ Письма ливонского магистрата к великому магистру от 5 и 13 октября 1463 г.: LUB, Bd. XII, № 218, 222.

²² ПЛ, с. 67—68.

сколько более сокращенном виде, передает Псковская вторая летопись, составленная в 80-х годах XV в.: «Того же лѣта князь ризскыи местерь присла своего князца и инѣх добрых Немець, и добиша чоломъ за юрьевцовъ воеводе князя великого и князю псковскому и псковичамъ, и взяша миръ на 9 лѣтъ; и на Жолоцке воду и землю отняша псковичи, а Пѣмци отступилиася».²³

В Псковской третьей летописи, представляющей собой, согласно исследованию А. Н. Насонова, свод 1567 г. игумена Псковско-Печерского монастыря Корнилия, условия мира 1463 г. излагаются по-иному. После известия о приезде в Псков посла магистра с челобитьем о мире за «юрьевцовъ» летописец сообщает: «И воевода князя великого князь Федор Юрьевичъ и князь псковскыи Иванъ Александрович и посадники псковскыи и всь Псковъ, огадав, и приконча с ними, и миръ взяша; тогда же и о послинѣ великихъ князеи, что въ Юрьевѣ, а то пискупу великому князю давати по старинѣ; а что Роускийи конецъ и святыа церквы, а то имъ держати по старинѣ и по старым грамотам, а не обидеть».²⁴ Далее следует известие об освобождении пленных и задержанных гостей. В других русских летописях о заключении в 1463 г. псковско-дерптского мира и его условиях ничего не говорится.

Если сравнить изложение условий псковско-дерптского мира 1463 г. в Псковских первой и второй летописях, с одной стороны, и в Псковской третьей — с другой, то оказывается, что между ними имеется большое различие: в первых двух фигурирует урегулирование вопроса о Желачке, в последней — вопрос о юрьевской дани и русских церквах и конце в Дерпте.²⁵

Несомненно, что урегулирование вопроса о Желачке входило в условия псковско-дерптского мира 1463 г. Об этом говорит не только то обстоятельство, что известие о нем читается в Псковских первой и второй летописях, близких по времени к описываемым событиям, но и то, что сама псковско-дерптская война 1458—1463 гг. возникает из-за Желачки. В Псковской третьей летописи при изложении условий мира 1463 г. вопрос о Желачке был выпущен, очевидно, потому, что летопись составлялась спустя столетие, в разгар ливонской войны, когда урегулирование давнего пограничного спора летописца не интересовало.

Труднее решить, входило ли в договор 1463 г. условие о юрьевской дани и русских церквах и конце в Дерпте. Отсутствие известия о нем в Псковских первой и второй летописях, почти современных описываемым событиям, и наличие сведений

²³ ППЛ, с. 53.

²⁴ ППЛ, с. 155—156.

²⁵ В старом издании Псковской первой летописи читаются известия о достижении в 1463 г. договоренности и о юрьевской пошлине (ПСРЛ, т. IV, с. 225—226). Это объясняется использованием издателями списков различных псковских летописей без их критического изучения и систематизации (в том числе и Строевского списка, представляющего, по А. Н. Насонову, Псковскую третью летопись).

о включении этого условия в договор 1463 г. только в поздней Псковской третьей летописи невольно побуждают поставить вопрос: не является ли известие Псковской третьей летописи интерполяцией, навеянной русско-ливонской войной, в возникновении которой в 1558 г. столь большую роль сыграл вопрос о ливонской, первоначально юрьевской, дани?

Однако такой постановке вопроса противоречат статьи о юрьевской дани и русских церквах и конце, читающиеся в псковско-дерптском договоре 1474 г., текст которого сохранился. Эти статьи гласят: «Што светлы божьи церкви в Юрьевѣ у Рускомъ коньцы и рускии конецъ, а то честному бискупу юрьевъскому, и посадникомъ юрьевскимъ, и всемъ юрьевъцомъ держати чисто, по старыне и по крестному целованью, и ни обидити. А дани благоверныхъ великихъ князеи рускиихъ цареи, старыи залогы, а то чесному бискупу юрьевъскому за осмь летъ отъдати в тотъ часть, по крестъному целованью; а сего веремени, благовернымъ великимъ княземъ рускимъ царемъ на чесномъ бискупе юрьевскомъ дань своя имати, по старыне, по тому крестному целованью».²⁶

Как мы видим, договор 1474 г. обязывает дерптские власти русские церкви и Русский конец в Дерпте держать «по старыне и по крестному целованью». В этой формуле для обоснования рассматриваемой статьи используется, с одной стороны, «старина», т. е. обычное право, исстари существующие нормы, не зафиксированные в договорных грамотах, а с другой — «крестное целование», т. е. нормы договорных грамот, причем формула не уточняет, какое крестное целование имеется в виду. Чтобы уточнить этот вопрос, обратимся к тексту статьи о юрьевской дани.

Первая часть статьи предписывает дерптскому епископу выплатить просроченную за 8 лет дань великому князю «по крестному целованию». Вторая часть устанавливает, что впреред («сего времени») великим князьям взимать дань с дерптского епископа «по старыне, по тому крестному целованию». О каком крестном целовании здесь идет речь? Естественно, что не о настоящем (договоре 1474 г.), ибо тогда была бы употреблена обычная для русско-немецких договоров формула «по сей грамоте», «по сему крестоцелованию»;²⁷ речь идет и не о старых договорных грамотах вообще — в таких случаях в договорах употребляется формула «по старому крестоцелованию» или просто «по крестоцелованию».²⁸ Наличие указательного местоимения «то» позволяет заключить, что в данном случае имеется в виду одно определенное крестоцелование, которое в недалеком прошлом предшествовало договору 1474 г. и было поэтому хо-

²⁶ ГВНП, № 78, с. 133.

²⁷ Там же, с. 112, 119, 152 и др.

²⁸ Там же, с. 111, 119, 152 и др.

рошо известно современникам, отсюда употребление формулы «то крестоцелование». Таким крестоцелованием мог быть только договор 1463 г., ибо между 1463 и 1474 гг. никакие псковско-дерптские договоры не заключались.

Итак, анализ формулира статей о русских церквах и конце в Дерпте и о юрьевской дани договора 1474 г. показывает, что эти статьи уже имелись в тексте договора 1463 г. и наличие известий о них в Псковской третьей летописи отнюдь нельзя отнести за счет «примысливания» ее составителя. Вполне возможно, что составитель летописи располагал какими-то более ранними источниками, где имелись интересующие нас известия. Акцентировал же он на них внимание в связи с современной обстановкой, когда шла борьба за Ливонию, поводом к которой явился пресловутый вопрос о ливонской дани. Почему рассматриваемые статьи отсутствуют в изложении условий псковско-дерптского договора 1463 г. Псковскими первой и второй летописями, сказать трудно; может быть, потому, что эти статьи не касались непосредственно Пскова (они касались великого князя и дерптского епископа) и в силу этого не привлекали внимания псковского летописца, описывавшего историю родного края.²⁹

Что же скрывалось за статьями договора 1463 г. о русских церквах и конце в Дерпте и о юрьевской дани? Попробуем сначала ответить на этот вопрос применительно к русским церквам и Русскому концу в Дерпте, привлекая для более полного уяснения его не только ранние и современные договору сведения,

²⁹ К. Штерн полагает, что в 1463 г. были заключены два договора: между Псковом и всей Ливонией и между Псковом и Дерптским епископством; первый договор включал статьи о юрьевской дани и Русском конце и церквах в Дерпте, второй — отказ дерптского епископа от Желачки (Stern C. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463, S. 413—418). Нам кажется, что К. Штерн сделал вывод о заключении Псковом в 1463 г. двух договоров потому, что пользовался старым изданием псковских летописей (ПСРЛ, т. IV и V), где соединены тексты из различных списков псковских летописей (Псковские летописи, вып. I, М.—Л., 1941. Введение А. Насонова, с. V). Отметим, что мнение К. Штерна о том, что в 1463 г., помимо договора между Псковом и Дерптским епископством, был заключен еще отдельный договор между Псковом и всей Ливонией, включающий статьи о дани и Русском конце и церквах в Дерпте, не может быть признано убедительным еще и потому, что в позднейших псковско-ливонских договорах эти пункты отсутствуют, но зато они неизменно наличествуют в псковско-дерптских договорах (содержание же договоров второй половины XV в., как об этом мы будем говорить дальше, повторялось). Это обстоятельство тоже свидетельствует в пользу нашего мнения о том, что в 1463 г. был заключен один договор — между Псковом и Дерптским епископством, при заключении которого магистр выступал в качестве посредника. Единственное место из Псковской третьей летописи, противоречащее, казалось бы, этому предположению, — о том, что послы магистра и архиепископа (здесь в IIII неожиданно появляется посол архиепископа) во время пребывания в Пскове целовали крест и привесли к договору печати магистра и архиепископа (IIIИ, с. 156), — может быть объяснено поздним происхождением Псковской третьей летописи и неточностью в силу этого некоторых ее сведений.

но и известия несколько более поздних источников, относящихся к концу XV в.

Самое раннее упоминание о русских церквях в Дерпте мы находим в «Хождении на Флорентийский собор» — описании путешествия русского посольства на Ферарро-флорентийский собор 1438—1439 гг., составленном одним из участников посольства. Автор «Хождения», описывая Юрьев (Дерпт), отметил в частности: «Церкви же христианские бе у них две: святыи Никола и святыи Георгии; христиань же мало».³⁰ Итак, в Дерпте в 1438 г. существовали две православные церкви. По аналогии с Ригой и Ревелем, для которых существование православных церквей засвидетельствовано источниками XIV в. (см. с. 286—287), можно предположить, что возникновение православных церквей в Дерпте, часто посещаемом русскими купцами, относится также к более раннему, нежели XV век, времени. Две православные церкви в Дерпте — св. Николая и св. Георгия — названы и в русско-ливонском договоре 1481 г.³¹ По-видимому, одна из них — св. Николая — была церковью новгородцев, другая — св. Георгия — церковью псковичей. При церквях находились помещения (de wone), где жили попы и дьяконы.³² Русские церкви в Дерпте владели сслами: согласно русско-ливонскому договору 1481 г., власти Дерпта брали на себя обязательство «села тых церквей очистити по крестному целованью».³³ Вряд ли под селами русских церквей следует понимать феодальные вотчины, расположенные в сельской округе Дерпта. Скорее это были земельные участки в пригородной черте, обрабатываемые церковными служками для удовлетворения нужд притча.³⁴

На основании всех этих отрывочных сведений можно заключить, что русские церкви в Дерпте были патриархальными церквями повгородских и псковских купцов, посещавших город. Но церкви являлись не только местом отправления религиозного культа. Из переписки ливонских городов конца XV в. известно, что при русской церкви св. Николая в Ревеле был находившийся с нею под одной крышей дом, в котором хранились товары и устраивались пиршества.³⁵ Надо думать, что для хранения товаров и устройства празднеств использовались и помещения, имевшиеся при русских церквях в Дерпте. Таким образом, церкви, за исключением в Дерпте русских купеческих подворий, являлись

³⁰ Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор». — ТОДРЛ, т. XXV, Л., 1970, с. 63.

³¹ АЗР, т. I, № 75, с. 97.

³² Отчет ганзейских послов о русско-ганзейских переговорах 1498 г.: LUB2, Bd. I, Riga, Moskau, 1900, № 647, S. 479.

³³ АЗР, т. I, № 75, с. 97.

³⁴ К. Штерн полагает, что сслами русских церквей в Дерпте назывались церковные дворы с расположенными в них комплексами жилых и хозяйственных построек (Stern C. Der Vorwand zum grossen Russenkrige 1558. Riga, 1936, S. 17).

³⁵ HUB, Bd. XI, № 525, 582.

в какой-то мере объединяющими центрами русского купечества.

Для выяснения роли русских церквей в Дерпте представляет интерес одна сфрагистическая находка. В 1957 г. в Пскове была найдена печать, имеющая на лицевой стороне надпись «Печать юрьевская», а на оборотной — «Печать святого Георгия». Эта печать, датируемая серединой XV в., могла принадлежать, по справедливому предположению В. Л. Янина, только церкви св. Георгия в Дерпте.³⁵ Несомненно, что юрьевская печать св. Георгия применялась в сфере церковных дел: ею скреплялись различные акты церковного характера. Но в то же время сфера применения ее была, как нам думается, более широкой. Печать могла использоваться ввиду отсутствия в Дерпте специальных организаций русского купечества и в сфере гражданских дел — для удостоверения различных актов, связанных с пребыванием и деятельностью русских купцов в Дерпте.

С вопросом о русских церквях в Дерпте в источниках тесно связывается вопрос о Русском конце. Наиболее точный ответ на вопрос о том, что представлял собой Русский конец в Дерпте, дает отчет ганзейских послов о русско-ганзейских переговорах 1498 г. Во время переговоров, на которых затрагивалось и положение русских в Дерпте, представители последнего заявили, в частности: «Дома и помещения (de huser und woninge), расположенные вокруг русской церкви (русских церквей? ³⁷) в Дерпте, принадлежат горожанам Дерпта (ogen borgeren), и нигде никто на них не имел прав, кроме тех, кто записан в городской книге; если в прежние времена некоторые русские, которые были горожанами Дерпта (?), в них жили, то они арендовали эти дома у горожан Дерпта (van ogen borgeren), потому что дома находились около русской церкви (русских церквей?), и поэтому то место в их городе получило название Русского конца; равным образом и в Пскове Немецкий берег называется немецким только по имени, но когда какой-нибудь немец туда приезжает, то он должен давать арендную плату тому, кому дома принадлежат».³⁸ Из заявления дерптских представителей во время переговоров 1498 г. следует, что Русский конец в Дерпте — это часть города, расположенная около русских церквей, в которой издавна останавливались русские (несомненно, русские купцы), снимавшие здесь

³⁵ Янин В. Л. Вислые печати Пскова. — Сов. археология, 1960, № 3, с. 260—261.

³⁷ В отчете о переговорах 1498 г. речь идет о русской церкви, по так как всеми другими источниками засвидетельствовано существование двух русских церквей в Дерпте, то, возможно, в текст вкралась орфографическая ошибка, поэтому в переводе в скобках мы даем конъюнктуру — «русских церквей».

³⁸ LUB2, Bd. I, № 647, с. 479. — Как явствует из приведенного известия, в конце XV в. немецкие купцы в Пскове арендовали помещения у псковичей. Возникновение немецкого двора в Пскове относится ко времени не ранее 20-х годов XVI в. (Angermann N. Zu den deutschen Handelsniederlassungen in Pleskau und Krasnyj. — HGBI, 89. Jg., 1971, S. 82—83).

для себя помещения у местных горожан.³⁹ В. Л. Янин на основе находки юрьевской печати св. Георгия полагает, что юрьевская печать была печатью Русского конца в Дерпте и что Русский конец имел свое самоуправление.⁴⁰ Это предположение кажется нам преувеличенным. Поскольку русские, жившие в Русском конце Дерпта, являлись лишь съемщиками помещений у местных бюргеров, постольку трудно предполагать, чтобы органы самоуправления находились в их руках. Самоуправление в Дерпте, как во всех ливонских городах, принадлежало местным бюргерам. Что касается юрьевской печати св. Георгия, то она была, как мы уже отметили, печатью церковной, применявшейся в сфере церковных и купеческих дел.

По условиям псковско-дерптского договора 1463 г., как они переданы в Псковской третьей летописи, дерптские власти брали на себя обязательство «Роуский конец и святыа церкви... держать по старинѣ и по старым грамотам, а не обидеть».⁴¹ Обязательство «держать по старинѣ и по старым грамотам» предполагало соблюдение, с одной стороны, обычного права, а с другой — норм старых договоров. Таким образом, согласно тексту Псковской третьей летописи, получается, что договору 1463 г. предшествовали какие-то более ранние псковско-дерптские договоры, в которых уже имелась статья о русских церквях и Русском конце в Дерпте.

Однако никакие более ранние псковско-дерптские договоры, за исключением соглашения 1448 г. о возвращении дерптцами псковичам их «старин» (по-видимому, спорных земель в районе Желачки), неизвестны (см. с. 130—131). В договоре же 1474 г., где сохранилась статья о Русском конце и церквях, имеется ссылка лишь на «старину» и крестное целовашье (одно), под которым следует понимать, как мы установили, договор 1463 г. Ссылка на «старые грамоты» в договоре 1474 г. отсутствует (см. с. 136), а если бы таковые имелись, то несомненно, что ссылка на них была бы внесена в договор. Все это заставляет считать ссылку на «старые грамоты» в Псковской третьей летописи интерполяцией, связанной со стремлением показать в условиях Ливонской войны древность особых прав русских в Дерпте. На самом деле договор 1463 г. был первым в истории псковско-дерптских отношений, в текст которого была включена статья о Русском конце и русских церквях в Дерпте.

Реальное содержание обязательства дерптских властей «держать» русские церкви и Русский конец «по старине» и «не обидеть» заключалось, очевидно, с одной стороны, в обязательстве обеспечивать неприкосновенность русских церквей, свободу отправления религиозного культа и деятельности русских купцов,

³⁹ О топографии Русского конца см.: Stern C. Der Vorwand zum grossen Russenkriege 1558, S. 15.

⁴⁰ Янин В. Л. Вислые печати Пскова, с. 260—261.

⁴¹ ПШЛ, с. 155—156.

связанной с церквями (хранение товаров, празднества), а с другой — в обязательстве гарантировать сохранность имущества и личную безопасность купцов, останавливавшихся в Русском конце в Дерпте.

Одной из причин, побудившей русские власти внести в договор 1463 г. рассматриваемую статью, являлись случаи повреждения русских церквей и нарушения сохранности имущества русских купцов в предшествующие годы.⁴² Но хотя эти случаи заставили русские власти обратить внимание на положение русских в Дерпте, их нельзя считать основной причиной, обусловившей появление в договоре 1463 г. указанной статьи. Эта причина была более глубокой. Она коренилась, на наш взгляд, в развитии торговли русских купцов в Ливонии, требовавшем обеспечения там интересов русского купечества, а также во вмешательстве в русско-ливонские дела великокняжеской власти, способной обеспечить эти интересы. Появление рассматриваемой статьи было обусловлено в конечном счете политическими процессами, происходившими в России, — объединением русских земель и усилением великокняжеской власти. Напомним в этой связи, что во время псковско-дерптской войны 1458—1463 гг. великокняжеское правительство оказывало деятельную поддержку Пскову и воевода великого князя Федор Юрьевич участвовал в заключении мирного договора 1463 г.

Другая статья договора 1463 г., появление которой также было связано с вмешательством великокняжеской власти в русско-ливонские дела, — это знаменитая статья о юрьевской дани. Напомним ее текст: «Тогда же и о послинѣ великихъ княжеи, что въ Юрьевѣ, а то пискупу великому князю давати по старинѣ».⁴³

Вопрос о времени и причинах происхождения юрьевской дани и ее реальном значении является загадкой. Сведения по этому вопросу имеются лишь в поздних источниках, в частности в источниках, освещающих русско-ливонские переговоры 1554 г.,⁴⁴ и в «Хронике» Ниенштедта, составленной в 1609 г. Как известно, в ходе переговоров 1554 г. правительство Ивана IV выдвинуло требование об уплате дани населением Ливонии за 50 лет в размере 1 марки с каждой души ежегодно. Русские представители настаивали на древности дани. Так, Висковатый заявил, что дань в течение 210 лет не уплачивалась, но 81 год назад обязательство о ее уплате было внесено в договор⁴⁵ (имеется в виду псковско-дерптский договор 1474 г., о котором речь еще пойдет). Ливонские послы отрицали факт существования дани. Ниен-

⁴² LUB, Bd. IX, № 80, § 23; HR2, Bd. IV, Leipzig, 1883, № 318; LUB, Bd. XII, № 80.

⁴³ ПНЛ, с. 155—156.

⁴⁴ См.: Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 376—399.

⁴⁵ Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, т. I. М., 1915, № 20, с. 31.

штедт в своей «Хронике» при изложении переговоров, имевших место по окончании русско-ливонской войны 1501—1503 гг., сообщает, что в связи с требованием великого князя Московского уплатить дань было проведено «исследование», которое показало, что некоторые ливонские крестьяне имели обыкновение держать несколько ульев по ту сторону границы и уплачивали за это какую-то часть собранного меда владельцам земли.⁴⁶ Таким образом, по Ниенштедту, получается, что пресловутая ливонская, точнее юрьевская, дань — это всего-навсего оброк медом, уплачиваемый некоторыми ливонскими крестьянами русским владельцам земли. С нашей точки зрения, данные «Хроники» Ниенштедта, как и материалы о русско-ливонских переговорах 1554 г., ввиду их позднего происхождения и тенденциозности не могут служить основанием для выяснения вопроса о происхождении юрьевской дани.

Исследователи пытались решать этот вопрос с помощью различного рода исторических экскурсов. С. М. Соловьев, исходя из факта поражения, которое войска великого князя Ярослава Всеволодовича нанесли ливонским военным силам под Юрьевом в 1234 г., считал, что в основе юрьевской дани лежало обязательство уплачивать дань русским великим князьям, которое, очевидно, было дано дерптским епископом после этого поражения. По мнению И. И. Юрьенса, истоки юрьевской дани следует искать в дашических отношениях к Пскову латышей Толовы, прослеживаемых по источникам еще в конце XIII в. и затем перешедших, как полагает исследователь, на дерптского епископа, поскольку он был слабым членом ливонской конфедерации.⁴⁷ К. Штерн полагал, что Иван III для требования юрьевской дани использовал соглашение, существовавшее между дерптским ратом и Псковом, по которому рат должен был ежегодно передавать русским церквам определенную сумму, собираемую в виде налога с русского населения Дерпта.⁴⁸

С нашей точки зрения, ни одна из приведенных гипотез не может быть признана окончательной. Из текста договора 1463 г. (в изложении Псковской третьей летописи) можно заключить лишь, что между Дерптским епископством и Псковом (или великими князьями) ко времени заключения договора существовали какие-то давние и неясные (ввиду отсутствия известных источ-

⁴⁶ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. III. Рига, 1880, с. 397—398. — Рассказ Ниенштедта об «исследовании» вопроса о дани в 1503 г. в результатах этого «исследования» явно вымышленный: в подлинных документах, освещающих русско-ливонские переговоры 1503 г. (отчете ливонских послов), ни о каком «исследовании» речи нет (см. с. 234—242).

⁴⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. II, т. 3. М., 1960, с. 127; Юрьенс И. И. Вопрос о ливонской дани. — Варшавские университетские известия, 1913, № 6, с. 1—8; № 7, с. 9—16, № 8, с. 17—32; № 9, с. 33—57.

⁴⁸ Stern C. Der Vorwand zum grossen Russenkriege 1558, S. 6—10.

ников) отношения, связанные с уплатой епископом денежной суммы. Они не были зафиксированы в договорных грамотах и определялись «стариной», о чем говорят ссылка на «старину», читающаяся в статье о юрьевской дани договора 1463 г., и отсутствие ссылок на «грамоты» — договоры. Эти давние и, повторяю, неясные для нас отношения Иван III использовал для того, чтобы предъявить дерптскому епископу требование об уплате дани и оформить его в виде соответствующей статьи договора.

В литературе широко распространено мнение о том, что с юрьевской данью великокняжеская власть связывала притязания на Ливонию и что требование уплаты дани являлось выражением стремления великих князей рассматривать Ливонию как свою древнюю отчину, лишь временно попавшую под иноземную власть.⁴⁹ Нам представляется, что такое толкование правильно лишь по отношению к кануну Ливонской войны, когда во время русско-ливонских переговоров 1554 г. с требованием уплаты невыплаченной в течение многих лет дани русские представители действительно связывали вопрос об исторических правах России на Дерптскую область, а расширительно и на всю Ливонию.⁵⁰ По отношению же к концу XV—началу XVI в. подобное толкование является, как мы полагаем, неправомерным, так как в источниках этого периода нет никаких указаний на стремление великокняжеского правительства связать с правом на юрьевскую дань какие-то особые права на Дерптское епископство, не говоря уже о всей Ливонии. Более того, сам факт равнодушного отношения русского правительства в первой половине XVI в. к многолетней невыплате дани свидетельствует о том, что сколько-нибудь серьезного значения последней не придавалось.

Включение статьи о юрьевской дани, как и статьи о русских церквах и конце в Дерпте, в договор 1463 г. было обусловлено в конечном итоге процессом объединения русских земель и усиления позиций великокняжеской власти. В идеологическом плане эти процессы находили выражение в идее о русском великом князе как главе всего православного мира — идее, еще не вылившейся в форму теории «Москва — третий Рим», но со времени Флорентийского собора и падения Константинополя приобретающей на Руси все большую популярность. Отражением этой идеи в дипломатической практике русского правительства и являлись статьи о русских церквах и конце в Дерпте и о юрьевской дани, как бы подчеркивавшие стремление великого князя выступить в роли защитника православной веры и интересов русских, находящихся не только на родине, но и за ее пределами.

⁴⁹ Этого взгляда придерживалась и автор настоящего исследования в своих более ранних работах (см.: Казакова Н. А. Русь и Ливония 60-х—начала 90-х годов XV в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 323).

⁵⁰ Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани, с. 397—398.

Если великокняжеская власть оказывала активную помощь Пскову во время войны с Дерптским епископством 1458—1463 гг., то иную позицию занимало правительство Новгорода: «А новгородцы тогда не помоглиа псковичемъ ни словомъ ни дѣломъ противу Нѣмецъ; а псковичи много имъ биша челомъ, они же челобития псковскаго не прияша». ⁵¹

Более того, в 1465 г., когда отношения между Новгородом и Псковом обострились из-за стремления псковичей освободиться от суда новгородского владыки, новгородское правительство просило ливонского магистра об оказании помощи против псковичей, обещая со своей стороны помогать Ордену против них. По словам составителя Псковской третьей летописи, новгородцы «съединишася съ Немци, что новгородчомъ съ единого с Немци на псковичъ стати». Однако дело до войны не дошло. В результате переговоров конфликт удалось уладить, и в 1465 г. Новгород и Псков заключили мир. ⁵²

Сближением Новгорода с Орденом было обусловлено заключение соглашения между Новгородом и нарвским ратом в 1468 г. об унификации воцаного веса в Нарве и Новгороде. Единицы воцаного веса в Нарве были тяжелее новгородских, из-за этого новгородские купцы — воцаники, торговавшие в Нарве, терпели убыток. В январе 1468 г. новгородский посол, купеческий староста Марк Панфилов, договорился с магистром о сличении нарвских весовых единиц для воска с новгородскими, в результате чего магистр отдал нарвским властям (напоминаем, что Нарва являлась орденским городом) соответствующее распоряжение. От нарвского магистрата Марк Панфилов потребовал, пользуясь свободой действий, полученной от магистра, введения новгородских воцаных весовых единиц. ⁵³ Так благодаря хорошим отношениям между Орденом и Новгородом было проведено важное для новгородского купечества мероприятие. Позиция Новгорода во время псковско-ливонских конфликтов 50—60-х годов, с одной стороны, и соглашение 1468 г. об унификации воцаного веса в Новгороде и Нарве — с другой, показывают, что Новгород в своей ливонской политике руководствовался только собственными интересами и не помышлял об общерусских интересах.

⁵¹ ПЛ, с. 68; ср. ППЛ, с. 157.

⁵² Письмо ливонского магистра великому магистру от 13 августа 1471 г.: LUB, Bd. XII, № 840, S. 478; ПЛ, с. 71—72; ППЛ, с. 160—161.

⁵³ Клейнберг И. Э. Унификация воцаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в., с. 90—92.

Для характеристики позиции правительства Новгорода в последние годы его самостоятельности исключительный интерес представляет письмо ливонского магистра Вольтуса фон Герзе (1470—1471) великому магистру от 13 августа 1471 г. Ливонский магистр сообщал, что недавно (очевидно, после Шелонской битвы, но еще до заключения Коростынского мира⁵⁴) в Феллине побывали одно за другим два новгородских посольства, известивших о всех «притеснениях», которые новгородцы терпят от «московского короля» и псковичей. Они желали, чтобы мир между Ливонией, с одной стороны, и Новгородом и Псковом — с другой, срок которого истекал через год (имеется в виду договор, заключенный в 1448 г. в Нарве на 25 лет), был бы продлен на 10 лет или на сколько Орден захочет при условии исключения из него Пскова. По словам магистра, новгородцы настоятельно просили отказать Пскову в мире и удержать псковичей дома, в то время как сами они хотели достаточно подготовиться к войне с «московским королем».⁵⁵ Таким образом, после Шелонского поражения новгородское правительство не думало отказываться от борьбы с московским князем и искало союза с Ливонским орденом, который военной угрозой должен был сковать псковичей и развязать Новгороду руки для продолжения войны с Москвой.

В лице магистра Вольтуса фон Герзе правительство Новгорода встретило человека, готового пойти навстречу его планам. Вольтус фон Герзе принадлежал к числу тех деятелей Ордена, которые являлись особенно рьяными сторонниками борьбы с Русью.⁵⁶ Еще в марте 1471 г. он присылал в Псков посольство с требованием отказаться («отступить») в пользу Ордена от территории за Красным Городком⁵⁷ — псковским пригородом, построенным в 1464 г. на р. Синеи; псковичи это требование отклонили.⁵⁸ Теперь, в августе 1471 г., обращение новгородцев с просьбой о помощи давало магистру удобный повод для вмешательства в русские дела. Свое отношение к просьбе новгородцев Вольтус фон Герзе выразил так: «Мы думаем, что для блага нашего Ордена и Ливонии не следует их оставлять без помощи,

⁵⁴ Мир между правительством Ивана III и Новгородом был заключен 11 августа, но, вероятно, Вольтус фон Герзе в день написания письма великому магистру (13 августа) о нем еще не знал.

⁵⁵ LUB, Bd. XII, S. 478—479.

⁵⁶ Seraphim E. Geschichte Liv-, Est- und Kurlands von der «Ausseggelung» des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich, Bd. I. Reval, 1897, S. 271—272; Stavenhagen O. Johann Wolthus von Herze (1470—1471), Meister d. Deutschen Orden zu Livland. — Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. XVII. Riga, 1900, S. 1—96.

⁵⁷ К. Штерн справедливо считает, что «за Красным Городком» означало, с псковской точки зрения, «к югу от Красного Городка» (Stern C. Livlands Ostgrenze im Mittelalter vom Peipus bis zur Düna, S. 237—238).

⁵⁸ IIIII, с. 174—175.

ибо если Новгород будет покорен московским королем и псковичами и покорен таким образом, что московский король станет, да хранит бог от этого, неограниченным господином Новгорода, тогда... господину рижскому архиепископу, господину епископу дерптскому и нашему Ордену в Ливонии воды и земли, которые псковичи у нас отняли во время доброго мира и до сих пор удерживают за собой,⁵⁹ не только никогда не возвратит, но нам следует ожидать все больших нападений и притеснений. Нам кажется также, что если они таким образом объединятся, то мы попадем в тяжелое положение и должны будем с ними заключить мир по их воле и отказаться от всего, что псковичи отняли у нашего Ордена и других господ, или вести войну против всех них, что для нас будет очень тяжело».⁶⁰ Боязнь объединения русских земель под единой властью, стремление помешать этому объединению — вот те мотивы, которыми руководствовался ливонский магистр, излагая великому магистру свое мнение о необходимости оказания помощи Новгороду.

Но дать новгородцам сразу положительный ответ магистр счел нецелесообразным. В Новгород были отправлены его послы, которым надлежало получить от новгородских властей подтверждение их просьбы и предложить им прислать своих представителей на съезд на р. Нарову 8 сентября для окончательного решения вопроса. Магистр тем временем собирался обсудить предложение новгородцев с рижским архиепископом и дерптским и эзельским епископами, а также с рыцарством Гаррии и Вирландии. «Если новгородцы согласятся, — писал магистр, —

⁵⁹ К. Штерн считает, что в этом письме речь идет о захваченной псковичами в 60-х—начале 70-х годов ливонской территории к югу от Псковского озера. В доказательство он приводит известие псковской летописи о постройке в 1462 г. псковичами городка Володимерца (ПЛ, с. 62; Володимерец К. Штерн локализует на месте деревни Городец, расположенной в нескольких верстах западнее ручья Олючна, по которому, по мнению К. Штерна, проходила граница между Псковской землей и Рижским архиепископством) и рассмотренное нами известие той же летописи о требовании в 1471 г. магистра псковичам отказать от территории за Красным Городком (Ster n C. Livlands Ostgrenze..., S. 230, 231 und Anm. 1, S. 237—238). По поводу аргументации К. Штерна можно заметить следующее: 1) известный исследователь русских крепостей северо-западной Руси П. А. Раппопорт Володимерец, построенный псковичами в 1464 г., идентифицирует с городком Володимерцом, расположенным к востоку от Острова (Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. — МИА, № 105, 1961, с. 197 и рис. 132); 2) земля за Красным Городком принадлежала Ордену, согласно его точке зрения, псковичи же считали ее своей (ППЛ, с. 174—175). Мы полагаем, что поскольку по поводу локализации Володимерца в литературе существуют различные мнения и поскольку по вопросу о принадлежности территории за Красным Городком в русских и ливонских источниках высказываются прямо противоположные точки зрения, постольку правильнее будет, не становясь ни на псковскую; ни на ливонскую точку зрения, считать эти пограничные районы спорными, на которые претендовали обе стороны.

⁶⁰ LUB, Bd. XII, № 840, S. 478—479.

подтвердить предложенные условия приложением печатей и крестоцелованием и если пазванные ливонские прелаты и рыцарство нашего Ордена в Гаррии и Вирландии их одобрят и посоветуют так поступить, то мы не сможем уклониться и начнется война». В заключение ливонский магистр просил великого магистра прислать помощь — 300—400 лошадей и сколько возможно пеших воинов.⁶¹ Орден, таким образом, готовился к войне с Москвой и Псковом, чтобы помешать подчинению Новгорода великокняжеской власти. Так боязнь новгородского боярства потерять свои привилегии и страх Ордена перед усилением внешнеполитического могущества Руси привели новгородское правительство и руководство Ордена к сближению, направленному против великого князя Московского.

Однако до оформления новгородско-ливонского военного союза, направленного против Москвы, дело не дошло, так как 11 августа 1471 г. между Иваном III и новгородским правительством был подписан мирный договор, предрешивший по существу вхождение Новгорода в состав великого княжества Московского. Но весьма возможно, что между Новгородом и Орденом была достигнута договоренность о продлении действия Нарвского договора еще на 10 лет. На эту мысль наводит отсутствие известий о каких-либо конфликтах между Новгородом и Ливонией вплоть до 1480 г.

ДОГОВОРЫ ПСКОВА С ЛИВОНСКИМ ОРДЕНОМ И ДЕРПТСКИМ ЕПИСКОПСТВОМ 1474 Г.

В связи с приближавшимся окончанием срока действия Нарвского договора (15 августа 1473 г.) Орден и Псков в начале 70-х годов вели переговоры о заключении мира. Была достигнута договоренность о съезде осенью 1472 г. представителей магистра и Пскова. Чтобы усилить свои позиции на предстоящем съезде, псковичи просили великого князя прислать для участия в съезде своего посла. Просьба была удовлетворена, и в Псков в качестве великокняжеского посла прибыл Андрей Тимофеевич. Однако, когда настал срок съезда, магистр сорвал его: 8 сентября в Псков приехал посол магистра и заявил, что «цнѣ князю местеру недосоугъ, на съездъ не быти, ни людеи ему своихъ так же не слати».⁶²

В 1473 г. дважды происходили встречи псковских и ливонских послов: первый раз — на Нарове, второй — в Новгороде. Обе встречи закончились безрезультатно. После первого съезда, по словам псковского летописца, послы «розъехася розно, а оуправѣ не оучинивше никоея же». Во время второго съезда ливон-

⁶¹ Там же.

⁶² ПИЛ, с. 188—189.

ский посол сказал, «что князь местерь со Псковом и перемирье не емлет по срочных лѣтх». Получив прямой отказ посла магистра возобновить мир, псковичи отправили своего посла к великому князю просить его, чтобы он «любо сам на конь оусселъ, любо сына послалъ за домъ святыа Троица». Помощь от великого князя не замедлила явиться.

В ноябре 1473 г. в Псков приехал князь Данила Холмский, а с ним и военная помощь — рати из 22 городов (Ростова, Дмитрова, Мурома, Костромы и т. д.). Псковичи вместе с войском великого князя намеревались предпринять поход на Ливонию, но неожиданная оттепель помешала этому, а вскоре отпала и надобность в военных действиях против Ливонии. Решительное выступление великого князя Московского в защиту Пскова заставило ливонские власти изменить свою позицию. 24 декабря 1473 г. в Псков прибыло дерптское посольство с предложением заключить пятилетнее перемирие, а 2 января 1474 г. — посольство от ливонского магистра для переговоров о мире.⁶³

Мир между Псковом и Ливонским орденом был заключен в январе 1474 г. сроком на 20 лет. 7 января состоялось целование креста на договорной грамоте в Пскове, после чего послы Пскова выехали в Ригу, где крест на грамоте целовал магистр. Договорная грамота о мире не сохранилась, и нам известны в передаче псковского летописца лишь некоторые обязательства, принятые ливонским магистром. Составитель Псковской третьей летописи следующим образом изложил обращение к псковским властям ливонского магистра, содержание которого затем вошло в условия договора: «...яз князь великои и лифлямекои и ризскои воеводѣ великого князя челомъ бию, тако же и князю псковскому и Псковою, своим соуздомъ, повѣстоую: чтобы ми есте миръ дали; а язъ князь местерь с воды и с земли сстоупаюся домоу святыа Троица и всего Пскова, моихъ соуздъ, да и за то имаюся, что ми к вамъ во Псковъ из своеи волости корчмы, пива и медуу не пуцати, да и поуть ми псковскимъ посломъ и гостем держати чисто, а колода отложити по всеи моеи сдержаве».⁶⁴

Из приведенного текста следует, что псковско-ливонский договор 1474 г. касался пограничных вопросов, дипломатических

⁶³ Там же, с. 193—196. — Краткое изложение событий см.: ПИЛ, с. 55—56. — В Московских летописных сводах 1493 и 1508 г. читается лишь известие о посылке великим князем на помощь псковичам князя Данилы Холмского (ПСРЛ, т. XXVII, с. 279; т. VI, с. 32). В своде 1518 г. (Софийская вторая и Львовская летописи) это известие дополнено указанием на заключение мира между Псковом и немцами (ПСРЛ, т. VI, с. 198; т. XX, ч. 1, с. 300). В Новгородской четвертой летописи, своде 1497 г., своде 1518 г. (Уваровская летопись), Воскресенской и Никоновской летописях читается более подробное известие о посылке великим князем псковичам помощи, об обращении вследствие этого немцев с просьбой о мире и о заключении мира «на всеи воли псковскои» (НИВЛ2, с. 449; ПСРЛ, т. XXVIII, с. 136, 307; т. VIII, с. 178; т. XII, с. 154).

⁶⁴ ПИЛ, с. 196; ср. ПИЛ, с. 56.

сношений и торговли. Согласно договору Орден отказывался от притязаний на территорию, которую псковичи считали своей: очевидно, речь шла о территории за псковским Красным Городком, на которую Орден претендовал в 1471 г. Статья, касающаяся дипломатических сношений, содержала обычную для русско-ливонских договоров гарантию «чистого пути» для послов. Из статей, трактующих вопросы торговли, традиционной была статья о гарантии «чистого пути» для гостей. Две другие статьи были новыми. Согласно первой из них магистр брал на себя обязательство «во Псков из своеи волости корчмы, пива и медуу не пущати» («корчма» в древнерусском языке — крепкий напиток⁶⁵). Очевидно, по договору запрещался ввоз из Ливонии в Псков крепких напитков, типа меда и пива, изготавливавшихся в Ливонии. По второй статье магистр давал обязательство «колода отложить» по всей своей стране. По-видимому, здесь речь шла об освобождении псковских купцов от уплаты таможенных пошлин, взимаемых у «колод» — шлагбаумов. Обе новые статьи о торговых сношениях и статья о разрешении пограничного спора были выгодны псковичам. Недаром русские летописи подчеркивают, что Орден заключил мир с Псковом «на всеи воли псковской».⁶⁶ Несомненно, что такой характер договора был обусловлен поддержкой, оказанной Пскову великим князем.

Мир между Орденом и Псковом был заключен «опрѣче пискоупа юрьевского и всех юрьевцов».⁶⁷ По аналогии с более поздними сохранившимися псковско-ливонскими договорами (см. далее) можно думать, что мир 1474 г. был заключен между Псковом и всей Ливонией, исключая Дерптское епископство. Исключение Дерптского епископства из общеливонского мирного договора с Псковом было обусловлено, по нашему мнению, не только враждой, существовавшей в это время между Орденом и дерптским епископом,⁶⁸ но и стремлением великокняжеской власти разорвать единый фронт Ливонии. Именно поэтому в более позднее время (в ходе русско-ливонских переговоров 1503 г.) великокняжеские представители настаивали на заключении особого псковско-дерптского договора, помимо договора Пскова с Ливонией.

Действенное покровительство Пскову великого князя Московского в 1473—1474 гг. побудило дерптские власти отказаться от своего первоначального намерения ограничиться заключением пятилетнего перемирия. 13 января 1474 г. Псков и Дерптское епископство подписали договор сроком на 30 лет. В заключении

⁶⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, [6. г.], с. 1414.

⁶⁶ НІVІІ2, с. 449; ПСРЛ, т. XXV, с. 301; т. XXVIII, с. 136, 307; т. VIII, с. 178; т. XII, с. 154.

⁶⁷ ППІІ, с. 196.

⁶⁸ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, с. 109.

договора участвовали повгородские послы, и формально договор с Дерптским епископством 1474 г. был договором не только Пскова, но и Новгорода. Однако содержание его было рассчитано на регулирование в первую очередь отношений между Псковом и Дерптским епископством, значительная часть статей договора 1474 г. повторялась в позднейших псковско-дерптских договорах. Все это дает основание рассматривать договор с Дерптским епископством 1474 г. как одно из звеньев в цепи псковско-дерптских договоров.

Вводная часть договора с Дерптским епископством 1474 г. по своему формуляру существенно отличается от аналогичных частей более ранних (сохранившихся) русско-ливонских договоров. Последние начинались обычно с формулы «Се приѣхаша послѣи пѣмечкыи от (указываются ливонские власти) к (указываются власти Новгорода и Пскова) и взяша перемирье»,⁶⁹ которая как бы подчеркивала равенство сторон. Начальная формула договора с Дерптским епископством 1474 г. гласит: «Милостью божьею, стояниемъ светяга Софѣи премудрости божьи, и стоянемъ святяга жывоначальнаго троица, и здоровьемъ господина нашего и государя нашего великого князя Ивана Васильевича, цара всея Руси, и здоровьемъ господина нашего и государя нашего великого князя Ивана Ивановича, цара всея Руси». За этой формулой следуют указания, что великий князь прислал в Псков своего воеводу князя Данила Дмитриевича «боронити свое отъчшы Великого Новгорода и Пскова» и «поискати своих даней на юрьевцах» и на приезд немецких послов, которые «добиша челом» великокняжескому воеводе, новгородским и псковским властям, после чего был заключен мир.⁷⁰ Как мы видим, в введении к договору подчеркивается, что он был заключен «милостью божией», «стоянемъ» св. Софии (покровительницы Новгорода), «стоянемъ» св. Троицы (покровительницы Пскова) и «здоровьемъ великого князя», иными словами, содержание договора определялось русской стороной. Это обстоятельство подчеркивает и впервые примененная в формуляре сохранившихся русско-ливонских договоров формула о том, что немецкие послы «добиша челом» о мире русским властям. Формула о челобитье со стороны ливонских властей была применена также в псковско-ливонском договоре 1474 г., как это следует из передачи его содержания Псковской третьей летописью (см. с. 148). Эта формула, заимствованная из дипломатической практики северо-восточной Руси, отражала то соотношение сил, которое установилось в русско-ливонских отношениях в 60—70-х годах XV в., когда великокняжеская власть перешла к решительной поддержке Пскова и когда в силу этого позиция Ливонии оказалась ослабленной.

⁶⁹ ГВНП, № 72, с. 118.

⁷⁰ Там же, № 78, с. 133.

Первая статья договора с Дерптским епископством, текст которой мы приводили, обязывала дерптского епископа, городские власти Дерпта и всех дерптцев русские церкви и Русский конец в Дерпте «держати чисто, по старыне и по крестному целованью и ни обидити». Статья эта, впервые появившаяся в псковско-дерптском договоре 1463 г., должна была гарантировать, как мы уже указывали, неприкосновенность русских церквей, являвшихся организующими центрами русского купечества за рубежом, и личную безопасность и сохранность имущества русских купцов, остававшихся в Русском конце в Дерпте.

Вторая статья, текст которой мы уже приводили, обязывала дерптского епископа уплатить великому князю просроченную за 8 лет дань и, очевидно, чтобы избежать случаев просрочки в будущем, устанавливала, что впредь («сего времени») великим князьям взимать дань с дерптского епископа «по старыне, по тому крестному целованью» (т. е. в соответствии с псковско-дерптским договором 1463 г., в текст которого впервые была включена рассматриваемая статья). Появление в формулере псковско-дерптских договоров статей о юрьевской дапи и русских церквях и конце в Дерпте было связано, как уже отмечалось, с вмешательством великокняжеской власти в русско-ливонские дела и формированием идеи о великом князе Московском как главе всего православного мира.

Группа статей договора с Дерптским епископством регулировала пограничные вопросы. Подтверждалась существовавшая ко времени заключения договора граница между Псковом и Дерптским епископством: «А промежы Пъскова и Юрьевцовъ земли и воде по старьи рубежъ». Устанавливалось, что на оз. Великом⁷¹ псковичи должны ловить рыбу у своего берега, немцы — у своего; но если ловца одной стороны ветер занесет на другую сторону, то в том вины нет. Нарушителям границы договор грозил суровой расправой: «А кто учнетъ наступатисе на чужую землю или на воду съ которое стороны, ино тому чѣловеку жывота не дати на обе стороне». К рассматриваемым статьям примыкала и статья о порядке разрешения пограничных инцидентов: «А где на порубежьи с которое стороны вчыниться татьба, или порубь, или грабежъ, или голову убьють, или иная какова пеня вчынитьца, ино о томъ послы послати и справы просити трежды, на обе стороне, по крестному целованью; дадутъ чому исправу, ино бог даи такъ, а не дадутъ исправы с которое стороны, ино за свое взяти на рубежы; а миру о томъ не рушити, а посла и гостя въ томъ не порубати никоторою нужною».⁷² Статья устанавливала, что в случае какого-либо инцидента

⁷¹ Под озером Великим в русско-ливонских договорах конца XV—первой половины XVI в. подразумевалась акватория нынешних Чудского и Теплого озер (К а з а к о в а Н. А. Некоторые топонимы Псковской земли XV—первой половины XVI в., с. 71—75).

⁷² ГВНП, № 78, с. 134.

на границе послы стороны, к которой принадлежал пострадавший, должны были трижды просить у другой стороны удовлетворения, и только если третье обращение оставалось безрезультатным, пострадавший мог сам искать себе удовлетворение, и мир на границе при этом не должен был нарушаться. С включением рассматриваемой статьи в договор вводился известный предел случаям самовольной расправы на границе, которые могли повлечь за собой нарушение мира. В целом статьи договора, касающиеся пограничных вопросов, имели целью обеспечить мир на псковско-дерптской границе.

Большое внимание в договоре уделяется вопросам торговли. Псковскому гостю гарантировался «чистый путь» «на вси юрьевьские города и во всю юрьевьскую землю» и через нее в Ригу, Ревель и Нарву. Псковичи по договору имели в Дерптском епископстве право торговать всеми товарами оптом и в розницу, а также в Дерпте право гостевой торговли: «зъ рыжаны, и съ колываньчаны, и съ ругодевцы, со всякимъ гостемъ». При покупке воска у псковичей дерптцы могли «колупати» его лишь «не помногу». Дерптским гостям гарантировались «чистый путь» в Псков и через Псковскую землю в Новгород и свобода торговли всеми товарами. Исключение составляли лишь крепкие напитки и пиво: «А корчмоу, пивомъ немецкому гостю уво Псковѣ не торьговати, а опрочъ корчмы и пива всякий товаръ ко Пъскову добровольно возити, по старыне, на обе стороне». Обе стороны согласились отменить таможенные пошлины — так следует, очевидно, понимать статью: «А колоду на обе стороне отложыхомъ, и гостинца отъ того не имати». Устанавливался твердо определенный размер весовой пошлины: в Пскове с дерптских купцов «отъ меха по четвертьте, а отъ сколового веса по деньзе», в Дерпте с псковских купцов «отъ меха по любецкому, а отъ скалового веса имати по четыры любецких». ⁷³

Сопоставление суммы прав, гарантированной по договору псковским купцам в Дерптском епископстве, с теми правами, которыми дерптские купцы пользовались в Пскове, показывает, что псковские купцы обладали большими привилегиями: помимо гарантии «чистого пути», свободы торговли и освобождения от таможенных пошлин (эти гарантии распространялись на купцов обеих сторон), псковские купцы пользовались в Дерптском епископстве правами розничной и гостевой торговли — правами, которые в средние века иноземным купцам обычно не предоставлялись. ⁷⁴ В интересах псковских купцов было введено ограничение размеров «колупанья» покупаемого у них дерптскими купцами воска. Запрещение немецким купцам торговать в Пскове крепкими напитками также соответствовало интересам русских купцов.

⁷³ Там же, с. 134—135.

⁷⁴ Кулишер И. М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пгр., 1918, с. 171.

Вопросам новгородско-дерптской торговли в договоре уделяется меньшее внимание. Их касаются лишь две статьи: одна гарантировала новгородским гостям «чистый путь» в Дерпт и далее в Ригу, Ревель и Нарву, другая — дерптским гостям «чистый путь» в Новгород и свободу торговли в нем.⁷⁵ Незначительное внимание, уделяемое в договоре новгородско-дерптской торговле, объясняется, на наш взгляд, несравненно меньшим ее развитием по сравнению с псковско-дерптской.

Ряд статей договора с Дерптским епископством 1474 г. гарантировал свободу посольских сношений и неприкосновенность послов.

Статьи, касающиеся вопросов суда, гласили, что новгородцы и псковичи должны судить немца, «как и своего, право, без хитрости, своею пошлюпою, по крестьному целованью»; так же должны были судить немцы новгородца и псковича. Эти статьи, обычные для формуляра русско-ливонских договоров, гарантировали купцу, находившемуся на чужбине, суд, равный с судом для подданных той страны, где купец находился. Против распространенной в средние века практики привлечения к ответственности иноземных купцов за проступки, совершенные лицами одной с ними национальности, была направлена статья, запрещающая дерптцам «порубати» новгородцев «во псковскомъ деле» и псковичам «порубати» дерптцев «въ новгородскомъ деле».⁷⁶ Договорная норма, сформулированная в этой статье в ипой форме — «истцу знати истца», — являлась традиционной для русско-немецких (русско-ганзейских и русско-ливонских) договоров.

Весьма примечательна статья, обязывающая дерптского епископа не оказывать помощи Ордену против Пскова: «А по князи мистре чесному бискупу юрьевскому, и посадникомъ юрьевскимъ, и всимъ юрьевцомъ не пособляти противъ псковичь, и людеи своихъ не поддавати мистру на помочь, и беглецовъ изъ мистровы державы у юрьевскую державу не приимати, по крестьному целованью».⁷⁷ Несомненно, что включение статьи в договор было обусловлено в какой-то мере враждой между ливонским магистром Берндом фон дер Борхом и дерптским епископом. Но вместе с тем статья, исключавшая совместные действия Ордена и Дерптского епископа против Пскова, свидетельствовала об ослаблении позиции Ливонии, раздираемой внутренними противоречиями, и усилении внешнеполитического могущества Руси.

Заканчивался договор статьей, устанавливающей, что в случае «нелюбья» стороны должны «отказывать мир» за месяц и что в течение этого месяца сохраняется свобода проезда для послов.⁷⁸

⁷⁵ ГВНП, № 78, с. 133—134.

⁷⁶ Там же, с. 135.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

На договоре с Дерптским епископством 1474 г. лежит печать русских интересов. Русское влияние сказывалось и на формуляре договора, и на его содержании. Интересам русской стороны отвечали статьи о русских церквах и конце в Дерпте, о юрьевской дани, об обязательстве дерптского епископа не оказывать помощи ливонскому магистру против Пскова; статьи, трактующие вопросы торговли, и, наконец, статья, подтверждающая старую границу и тем самым право псковичей на территорию Желачки, из-за которой возникла псковско-дерптская война 1450—1463 гг. Такой характер договора был обусловлен, с одной стороны, феодальной раздробленностью Ливонии (благодаря которой стало возможным заключение особых псковско-дерптских договоров), а с другой — вмешательством великокняжеской власти в русско-ливонские дела и усилением позиции России, идущей к государственному единству.

РУССКО-ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА 1480—1481 Г. И ДОГОВОРЫ 1481 Г.

В 1478 г. объединительная политика правительства Ивана III достигла своего кульминационного пункта: Новгород Великий вошел в состав Великого княжества Московского. Успехи Русского государства активизировали его противников, в первую очередь Ливонский орден и Казанское ханство. Зимой 1477/78 г. во время пребывания в Новгороде великий князь получил сообщение из Пскова, что ливонцы «хотят изгнати Псковъ». Великий князь разрешил идти против них «охочим людям» из числа своих «воев», которые совершили набег на Ливонию. В то же время казанские татары вторглись в Вятку.⁷⁹ Весной 1478 г. со стороны Ордена имели место новые враждебные действия: по распоряжению магистра в Ливонии были задержаны псковские купцы. В сентябре псковичи ходили «мстить» в «Немецкую землю»; в это же время произошел арест псковских гостей в Дерпте, в ответ на который псковичи арестовали у себя немецких гостей.⁸⁰ Но враждебные действия ливонских властей, как и казанских татар, в 1477—1478 г. были лишь небольшими эпизодами⁸¹ и к серьезному обострению внешнеполитического положения России не привели.

Напряженное положение на русско-ливонской границе содалось зимою 1479/80 г. Из переписки ливонских городов и орденских чинов явствует, что в Ливонии с лета 1479 г. происходили военные приготовления против русских. В письме Ревелю

⁷⁹ ПСРЛ, т. VI, с. 220—221. — О набеге великокняжеского отряда на Ливонию во время пребывания великого князя в Новгороде сообщает и Псковская третья летопись (ПШЛ, с. 217).

⁸⁰ ШЛ, с. 76; ПШЛ, с. 217—218.

⁸¹ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 124.

от 13 и 17 августа рат Дерпта спрашивал, как привлечь ганзейских купцов, находившихся в Ливонии, к участию в войне против русских, просил о присылке людей, умеющих строить корабли и управлять ими.⁸² Нарва 1 ноября 1479 г. также просила Ревель побудить ганзейских купцов оказать помощь против русских.⁸³ И наконец, ливонский магистр обратился к ганзейским городам со специальным письмом, в котором просил о помощи.⁸⁴

Ливонские города и магистр мотивировали свои военные приготовления угрозой нападения со стороны великого князя Московского. Так, Нарва в письме к Ревелю от 29 ноября 1479 г. сообщала, что от «тайных друзей» Ордена в Новгороде и Пскове получено известие о прибытии в Новгород великого князя, собиравшегося вторгнуться в Швецию или Ливонию.⁸⁵

В русских летописях о пребывании осенью 1479 г. в Новгороде Ивана III сохранились две версии. В одной из них, краткой, отмечается, что 26 октября великий князь «пойде к Новугороду Великому миром», а в январе 1480 г. «поимал» новгородского владыку Феофила и отправил его в заточение в Москву.⁸⁶ В пространной версии передается ряд подробностей о пребывании Ивана III в Новгороде осенью—зимой 1479/80 г. Наиболее ранний текст этой версии читается в летописном своде 1497 г.: «Ходил князь великий Иван Васильевич к Новугороду Великому и стоял в Новѣгородѣ в Славинском концѣ со всѣми людми, половину города испрытал ему сеѣ стороны. Князь же великий на Нѣмцы отпусти воеводу своего князя Андрѣя Оболенскаго и двор свои. Они же, шедше, Нѣмцы повоеваша и град их взяша и полону много. Князь же великий изыма архиепископа новгородского в Новѣгородѣ в коромолѣ, и посла его на Москву, и казну его взяша: множество злата и сребра и сосудов его; не хотяше бо той владыка, чтобы Новѣгород был за великим князем, но за королем или за иным государем, князь бо великий, коли впервые взял Новѣгород, тогда отъя оу новгородскаго владыки половину волостей и сел оу всѣх монастырей, про то нелюбие держаше владыка».⁸⁷ Эту же версию содержат Уваровская (свод 1518 г.), Типографская, Воскресенская и Никоновская летописи.⁸⁸

⁸² HR3, Bd. I, № 266.

⁸³ Там же, № 267.

⁸⁴ Письма ливонского магистра Ревелю от 4 и 29 декабря 1479 г.: HR3, Bd. I, Leipzig, 1881, № 269, 270.

⁸⁵ Там же, № 268.

⁸⁶ ПСРЛ, т. XVIII, с. 266; т. XXV, с. 326; т. XXVII, с. 281—282, 354. — В Новгородской четвертой летописи лишь сообщается, что «князь великий быль в Новѣгородѣ, а стояль в Славѣ» (НВЛ2, с. 466). В псковских летописях в качестве даты приезда великого князя в Новгород названо 2 декабря 1480 г. (ПЛ, с. 76; ППЛ, с. 58; ППЛ, с. 218). В Львовской и Софийской второй летописях без указания чисел отмечается, что великий князь «поимал» владыку (ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 336; т. VI, с. 221).

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXVIII, с. 148.

⁸⁸ Там же, с. 313; т. XXIV, Пгр., 1921, с. 197—198; т. VIII, с. 203—204; т. XII, с. 197.

Пространная версия летописного рассказа позволяет заключить, что в Новгороде после подчинения его Москве существовала оппозиция великокняжеской власти. Оппозиция выражалась в недовольстве руководства новгородской церковью произведенными у нее земельными конфискациями и планах перехода Новгорода под власть литовского короля или какого-либо иного государя. Надо думать, что основной причиной прибытия Ивана III в Новгород осенью 1479 г. явилась борьба с оппозиционными кругами, именно поэтому Иван III прибыл с вооруженной силой — со своим «двором», и его приезд в Новгород летописи правильно характеризуют как поход. Набег же на Ливонию из Новгорода военных сил великого князя в конце 1479 г., кратко отмеченный летописями, был лишь побочным следствием похода великого князя на Новгород. Вызван он был, очевидно, военными приготовлениями, имевшими место в Ливонии, а отнюдь не стремлением Ивана III к ее подчинению: этому не благоприятствовала как внутренняя обстановка в Русском государстве на рубеже 70—80-х годов, так и его внешнеполитическое положение (назревало столкновение с Золотой Ордой). К тому же во внешней политике Русского государства все большее место занимали взаимоотношения с Великим княжеством Литовским, развивавшиеся по пути обострения, что побуждало правительство Ивана III стремиться к сохранению мира с Ливонией. На последнее обстоятельство правильно указал еще Г. Козак.⁸⁹

Одновременно с раскрытием оппозиции великокняжеской власти в Новгороде имело место выступление против Ивана III его братьев, удельных князей. Находились ли военные приготовления Ливонии против России в 1479 г. в прямой связи с готовившимся выступлением оппозиционных великокняжеской власти элементов, мы не знаем. Но можно думать, что оппозиция в Новгороде поддерживала связь с Орденом и информировала его «тайных друзей» о положении дел в Русском государстве. Внутриполитические осложнения в Русском государстве создавали благоприятные условия для выступления Ордена. Речь шла не о назревании пограничного конфликта, а о подготовке Орденом «большой войны» против Руси. Об этом свидетельствует и позднейшее сообщение Руссова: магистр Бернд фон дер Борх «собрал такую силу народа против русского, какой никогда не собирал ни один магистр ни до него, ни после».⁹⁰

Что же побуждало Орден к подготовке войны против России? Г. Козак, специально занимавшийся внешней политикой Ордена на рубеже 70—80-х годов XV в., дает на этот вопрос двойкий ответ. Подчеркивая, как уже отмечалось, заинтересованность Ивана III в сохранении мира с Ливонией, исследователь указы-

⁸⁹ Cosack H. Zur Geschichte der auswärtigen Verwicklungen des Ordens in Livland 1478—1483, S. 240.

⁹⁰ Руссов, с. 287—288.

вает, что для ливонского магистра Борха дело обстояло иначе: успешная война с русскими укрепила бы его положение внутри и вне страны, оправдала бы аннексию им Рижского архиепископства⁹¹ (в результате длительной борьбы с архиепископством магистру удалось добиться в 1479 г. избрания своего племянника рижским архиепископом). Но далее, при рассмотрении военных действий 1480—1481 гг., Г. Козак отмечает, что для Ливонии целью войны было восстановление границы 1458 г.,⁹² претерпевшей с того времени изменения в результате «натиска» псковичей на Ливонию. Г. Козак не указывает, в чем состояли эти изменения. Но обычно прибалтийско-немецкие историки считали, что в третьей четверти XV в. псковичи отторгли от Дерптского епископства район дер. Желачки на о. Пириссар, кусок земли за Красным Городком и восточную окраину архиепископской области Пурнау, где псковичи, по мнению К. Штерна, выстроили в 1476 г. деревянное укрепление Вышгородок.⁹³

Мнение об отторжении псковичами в 60—70-х годах XV в. части ливонской территории нам представляется неправомерным. Никаких объективных доказательств исконной принадлежности Ливонии рыбаковецкой деревни Желачки и земли к югу от Красного Городка нет. Мы отметили уже, что названные пункты следует рассматривать как спорные, вопрос о принадлежности которых был решен договорным путем лишь в 1463 и 1474 гг. (см. с. 135, 149). Спорной являлась, по-видимому, и территория, где псковичи построили Вышгородок: если ливонский магистр считал его построенным в архиепископской области Пурнау, то, по мнению псковичей, Вышгородок был воздвигнут на границе, «на немецком рубеже», на р. Воде.⁹⁴ В этой связи подчеркнем, что К. Штерн в своей более поздней работе характеризует восточную окраину области Пурнау как дикий в XV в., негодный для жилья край, называя его в одном месте даже «ничейной землей» (Niemandland). К. Штерн указывает также, что Пурнау входила в район, с которого псковичи когда-то собирали дань.⁹⁵ Учитывая все сказанное, вряд ли можно, повторяем, соглашаться с тезисом об аннексии псковичами в 60—70-х годах XV в. части ливонской территории.

Мы полагаем также, что, начиная войну, Бернд фон дер Борх едва ли руководствовался лишь стремлением вырвать из рук псковичей спорные территории: игра в таком случае не стоила бы

⁹¹ Cosack H. Zur Geschichte der auswärtigen Verwicklungen des Ordens in Livland 1478—1483, S. 210.

⁹² Там же, с. 220.

⁹³ Stern C. 1) Livlands Ostgrenze im Mittelalter vom Peipas bis zur Düna, S. 231, 237—238; 2) Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448—1463.

⁹⁴ Письмо ливонского магистра от 20 января 1480 г.: Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. IV, Riga, 1849, S. 125—127; приписка на последнем листе псковской лицевой папки XV в.: Псковские летописи, вып. II, с. 302.

⁹⁵ Stern C. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert, S. 74.

свеч, ибо незначительность этих территорий не соответствовала масштабам военных приготовлений и сил, вовлеченных ливонскими ландесгеррами в войну. Думается, что главной целью войны для Ордена являлось нанесение удара по Русскому государству, на усиление которого ливонские ландесгерры смотрели со страхом. Псков же, против которого, как мы увидим, был направлен удар, прочно входил в орбиту влияния великого князя Московского, поэтому поражение Пскова, если бы оно имело место, ослабило бы позиции Русского государства. Дополнительной причиной, побудившей ливонского магистра развязать войну, являлось стремление к укреплению положения Ордена внутри Ливонии, что справедливо подметил Г. Козак.

Военные действия Орден начал в новогоднюю ночь 1480 г., когда отряды под командованием мариенбургского комтура вторглись в Псковскую землю, захватили и сожгли псковский Вышгородок. Получив известие о взятии Вышгородка, псковичи направили к нему отряд, чтобы изгнать врагов, но те при приближении псковского войска сами «прочь побегоша».⁹⁶ Через три недели вражеские рати повторили набег; 20 января, переправившись через Чудское озеро, они подошли к Гдову и обстреляли его из пушек. Псковичи отправили послов в Новгород, к великому князю, с просьбой о помощи. Великий князь прислал в Псков своего воеводу князя Андрея Никитича со значительными военными силами. Совместно с великокняжеским войском псковичи совершили поход в Дерптское епископство: на р. Эмбах они взяли ливонскую крепость — «костер немецкий», затем подошли к Дерпту, но овладеть им не смогли. С большим «добытком» псковичи 20 февраля вернулись в Псков. После возвращения из похода на Дерпт псковских и великокняжеских ратей воевода великого князя Андрей Никитич уехал со своими силами в Москву, несмотря на просьбы псковичей остаться.⁹⁷ К. В. Базилевич справедливо полагает, что поспешный уход московских войск из Пскова был вызван распоряжением великого князя, собиравшего силы для борьбы с поднявшими мятеж братьями.⁹⁸

Рыцари немедленно воспользовались ослаблением обороны Псковской земли. 25 февраля орденское войско во главе с магистром осадило (неудачно) Изборск, а затем направилось вдоль озера, «жгучи и палаче Псковскую волость». Навстречу выступило псковское войско. Сражение произошло на озере в Пецкой губе (очевидно, на льду). Летописец описывает его так: «...сретошася в Пецкой гоубѣ на озере псковская сила с немецкою силою, и оударшася сторожовый псковской с немецким сторожовым полком, а большая рать устояла псковская и немец-

⁹⁶ Письмо ливонского магистра Ревелю от 7 января 1480 г.: ИРЗ, Vd. I, № 272; ПЛ, с. 76; ППЛ, с. 58; ППЛ, с. 218—219.

⁹⁷ ПЛ, с. 77; ср. ППЛ, с. 58—59; ППЛ, с. 219—220.

⁹⁸ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 131.

кая и поехала псковичи ко Пскову, а нѣмцы прочь побегоша». По-видимому, сражение закончилось безрезультатно. Спустя некоторое время ливонские отряды вновь вторглись в псковские владения и сожгли Островцы и городок Кобылий.⁹⁹

Разорив пограничные псковские волости и несколько городов, Орден не смог достигнуть сколько-нибудь значительных успехов. Это побудило магистра к энергичным поискам помощи извне. В марте 1480 г. послы ливонских городов от имени магистра просили рат Данцига о помощи, но получили отказ.¹⁰⁰ В апреле—мае съезды вендских городов, собиравшиеся в Любеке, обсуждали просьбу магистра о присылке двух тысяч воинов, а также о том, чтобы ганзейские купцы, находившиеся в Ливонии, оказали ему помощь в войне против русских лошадьми, оружием и т. д. В присылке людских подкреплений вендские города отказали. Но зато было принято решение о взимании для нужд войны с русскими с товаров (присутствовавших на съезде городов), привозимых в Ригу и Ревель, в течение пяти лет особого налога в размере 1% их стоимости: в случае, если война окончится раньше, это постановление должно было действовать не более 2—3 лет. Окончательное решение вопроса вендские города передали ливонским.¹⁰¹ Таким образом, вендские города, являвшиеся руководителями Ганзейского союза, выразили готовность оказать известную помощь Ордену в его борьбе с русскими.

Почти одновременно с просьбой об оказании помощи в войне магистр просит вендские города прекратить торговлю с Выборгом. Еще раньше он просил об этом Ревель, так как через Выборг псковичи и новгородцы получали нужные им товары.¹⁰² Добиться ослабления России ливонский магистр стремился не только путем войны, но и посредством организации торговой блокады.

Летом 1480 г. военная активность Ордена достигла наибольшей степени. Воспользовавшись тем, что великий князь был отвлечен борьбой с Золотой Ордой (в августе войска Ахмата подошли к Угре), Орден бросил против Пскова крупные силы, в которые входили также отряды дерптского и ревельского епископов.¹⁰³ О масштабах похода ливонских феодалов против Псковской земли, возглавляемого магистром Берндом фон дер

⁹⁹ ПЛ, с. 77; ср. ППЛ, с. 59; ППЛ, с. 220—221.

¹⁰⁰ Отчет послов ливонских городов о переговорах с Данцигом 10 и 17 марта 1480 г.: HR3, Bd. I, № 276.

¹⁰¹ Отчет послов ливонских городов о переговорах с вендскими городами: HR3, Bd. I, № 277, § 1, 7—9.

¹⁰² Письма магистра Ревелю от 30 мая 1480 г. и Любеку от 3 и 15 июня 1480 г.: HR3, Bd. I, № 280—282.

¹⁰³ Письмо ливонского магистра великому магистру от 8 сентября 1480 г.: Index, № 2139; Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. IV, S. 134.

Борхом, сообщает Руссов: «Этот магистр был вовлечен в войну с русскими, ополчился против них и собрал 100 000 человек войска из заграничных и туземных воинов и крестьян; с этим народом он напал на Россию, опустошительно прошел по этой стране и выжег предместье Пскова, ничего более не сделав». ¹⁰⁴

Более подробные и точные сведения о походе фон дер Борха на Псковскую землю в конце лета 1480 г. передают псковские летописи и письмо ливонского магистра великому магистру от 8 сентября 1480 г. По словам продолжателя Псковской первой летописи, 18 августа магистр «со всею землею» подошел к Изборску. Враги осадили Изборск, «хотяще взяти его, пушками бьючи в городок и примѣтъ приметахоу къ стены со огнем». После двухдневной неудачной осады Изборска они направились к Пскову. 28 августа войско магистра расположилось станом на Завелицком поле. Чтобы затруднить противнику осаду города, псковичи сожгли Завеличье. На другой день вражеское войско получило подкрепление: на 23 боевых шнеках приехали дерпты. Для Пскова наступило «притоужно время вельми». Осаждавшие обстреливали из пушек Запсковье и Положище и «лѣзопи оусердно к Запсковью подъезды въ снечах в боевых и пушками бьючи и со иным замышлением». ¹⁰⁵ По словам магистра, положение Пскова было настолько тяжелым, что псковичи прислали послов с просьбой о мире, предлагая при этом отказаться от Пурнау и возвратить пленных, но магистру эти предложения показались недостаточными. ¹⁰⁶ Вероятно, переговоры со стороны псковичей были лишь маневром, необходимым для того, чтобы выиграть время. Псковичи построили из лодий на р. Великой заграждение, чтобы закрыть доступ вражеским судам, при этом одну шнеку они захватили, а другую уничтожили, истребив находившихся в ней воинов. Приступ ливонских войск был отбит и, пробыв под Псковом 5 дней, они ушли, «не оучинив ничего же». ¹⁰⁷

Возможно, что решение руководства ливонскими войсками снять осаду Пскова было обусловлено не только мужественной обороной псковичей, но и прибытием в Псков братьев великого князя Андрея и Бориса. После разрыва с великим князем удельные князья «отъехали» в Великие Луки. Сюда к ним прислали гонцов псковичи с просьбой о помощи. 3 сентября Андрей и Борис приехали в Псков и в этот же день, по сообщению псковского летописца, ливонские рати ушли из-под Пскова. Однако удельные князья не оправдали возлагавшихся на них надежд.

¹⁰⁴ Руссов, с. 287.

¹⁰⁵ ПЛ, с. 78; ср. ППЛ, с. 60; ППЛ, с. 221.

¹⁰⁶ Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. IV, S. 135.

¹⁰⁷ ПЛ, с. 78; ср. ППЛ, с. 61; ППЛ, с. 221; Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. IV, S. 135—136.

Они не вняли просьбам псковичей пойти на врага и, пробыв в Пскове 10 дней, уехали, ограбив псковские волости.¹⁰⁸

Неудача ливонских феодалов под Псковом летом 1480 г. не предопределила еще исхода войны. Перелом в ходе русско-ливонской войны произошел лишь в начале 1481 г., когда великий князь, покончив с угрозой татарского нашествия и примирившись с братьями, получил возможность двинуть против Ливонии крупные силы. Поход в Ливонию состоялся в самом начале 1481 г.

По словам продолжателя Псковской первой летописи, великий князь по просьбе псковичей велел наместникам новгородским и всем новгородцам «со всею ратною приправою ехати ко Пскову на нѣмцы со псковичами за псковскоую обиду». 16 января в Псков прибыли новгородские наместники с новгородцами, а 11 февраля — великокняжеские воеводы с 20-тысячной московской ратью, после чего был предпринят поход в Ливонию. Поход объединенных сил псковичей, новгородцев и великокняжеских ратей продолжался четыре недели. Были взяты два города: «Каркоуз городок да Вельяд городокъ» (Каркус и Феллин), захвачена большая добыча.¹⁰⁹ Близки к рассказу Продолжения Псковской первой летописи о походе русских в Ливонию в начале 1481 г. и рассказы Псковских второй и третьей летописей.¹¹⁰

Московские летописные своды (свод 1493 г., Воскресенская, Никоновская летописи) содержат более подробное, насыщенное рядом важных деталей повествование о походе.

Интересна мотивировка, которую московские своды дают решению Ивана III организовать поход на Ливонию. Если в псковских летописях указывается, что великий князь решил послать войско в Ливонию по псковскому челобитью «за псковскую обиду», то составитель свода конца XV в. (откуда рассматриваемая версия перешла в более поздние своды) сообщает: «Посылалъ князь великы в Немецкыя земли воевати и на князя местера за их неисpravление, что они приходиша ратью на его отчину на Псков, егда царь на Угрѣ стоял и братья отступали¹¹¹ от великого князя». ¹¹² Указанием на критическое положение, в котором находилась Россия во время похода фон дер Борха на Псков

¹⁰⁸ ПЛ, с. 78; ср. ПЛ, с. 61—62; ППЛ, с. 222. — По-иному об отношении братьев великого князя к Пскову сообщают московские летописи (Львовская и Софийская II). В них о бесчинствах княжичей в Пскове ничего не говорится. Согласно содержащейся в них версии братья великого князя, услышав, что немцы под Псковом, поехали к нему на помощь; узнав об этом, немцы отступили, а братья великого князя, услышав об отступлении немцев, отправились к великому князю (ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 346; т. VI, с. 231).

¹⁰⁹ ПЛ, с. 78—79.

¹¹⁰ ПЛ, с. 62; ППЛ, с. 222—223.

¹¹¹ Слово «отступали» добавлено из летописного Свода 1493 г.

¹¹² ПСРЛ, т. XXV, с. 329; ср. т. XXVII, с. 285; Иоасафовская летопись, с. 122; ПСРЛ, т. XXV, с. 329; ср. т. VIII, с. 214; т. XII, с. 213.

в 1480 г. (татары на Угре, мятеж удельных князей), составитель свода как бы подчеркивал опасность, какую таил в себе этот поход не только для Пскова, но и для всего Русского государства. Он снимал с похода фон дер Борха налет локальности и показывал его суть — удара, опасного для всей Руси.

О самом походе составитель свода конца XV в. рассказывает следующее: великокняжеские воеводы, князь Иван Васильевич Булгак и князь Ярослав Васильевич Оболенский, с великокняжеской ратью, повгородские наместники, князь Василий Федорович Шуйский с псковичами в феврале 1481 г. выступили из Пскова и пошли многими дорогами, «жгучи и воюючи» «Немецкую землю». 1 марта русские войска подошли к Феллину. За день до их прихода из Феллина бежал магистр. Русский отряд во главе с князем В. Ф. Шуйским погнался за магистром, но настичь его не смог, удалось захватить только часть обоза магистра. Основные русские силы предприняли осаду Феллина, как пишет летописец, «воеводы же великово князя начаша крѣпко приступати под город с пушками и с пицалми и с тюфякы, и разбивше стѣну, охабень Велиада взяша». Очевидно, в проломы, образовавшиеся в результате действий русской артиллерии, ворвались русские воины, и таким образом была взята наружная укрепленная стена («охабень») Феллина. После взятия русскими наружной стены немецкие власти, находившиеся в «Вышегороде» (орденском замке) Феллина, предложили выплатить воеводам деньги («окуп»), чтобы те сняли осаду. Получив 2000 руб., великокняжеские воеводы сняли осаду и ушли, не взяв замка Феллина. После окончания похода псковичи привезли великому князю в качестве трофеев 8 феллинских колоколов.¹¹³

Сведения летописей о действиях русских войск в Ливонии подтверждаются известиями «Хроники» Руссова: русские «совершенно выжгли области Феллин и Тарваст вместе с посадом, много народу убили и взяли в плен без всякого сопротивления, забрали много колоколов из церквей и увезли их из Ливонии вместе с другим награбленным добром».¹¹⁴

Таким образом, все источники, сохранившие известие о походе русских войск в Ливонию в 1481 г., рисуют этот поход как предприятие крупного масштаба. Во время похода впервые в истории русско-ливонских войн русские войска овладели посадами крепостей Феллин, Каркус и Тарваст. Особенно значительным успехом было взятие Феллина, одного из важнейших орденских городов. Русские войска, овладевшие наружными укреплениями, заняли и сам город — посад; сдачи избежал, и то благодаря «окупу», лишь замок Феллина.

Взятие ливонских городов, укрепленных в соответствии с требованиями западноевропейской фортификации, стало возможным

¹¹³ ПСРЛ, т. XXV, с. 329, ср.: т. XXVII, с. 285; Иоасафовская летопись, с. 122—123; ПСРЛ, т. VIII, с. 214; т. XII, с. 213.

¹¹⁴ Руссов, с. 287.

благодаря успехам артиллерийского дела в России. Широкая организация пушечно-литейного дела в России относится к 70-м годам XV в. В 1475 г. в Москве была построена первая пушечно-литейная мастерская, позже названная в летописях «Пушечной избой». В развитии пушечно-литейного дела в России большую роль сыграл итальянец Аристотель Фьораванти (1475—1500 г.), а также русские мастера Яков (1483—1493) и др.¹¹⁵ Рост русской артиллерии и улучшение ее материально-технических качеств позволили расширить сферу ее применения: если раньше, до последней трети XV в., артиллерия на Руси применялась преимущественно при обороне городов,¹¹⁶ то теперь она с успехом используется, как это показал опыт похода в Ливонию в 1481 г., при их осаде. При взятии Феллица были использованы, согласно известиям русских летописей, как орудия, предназначенные для разрушения крепостных стен — пушки, пищали, так и орудия, имевшие целью уничтожение живой силы противника — тьюфяки.¹¹⁷

Несмотря на взятие трех ливонских городов, русские войска ушли из Ливонии, не сделав попытки там закрепиться. Очевидно, в планы русского правительства не входило подчинение Ливонии и поход был предпринят, как сообщают русские летописи, лишь в качестве ответной меры на агрессию Ливонского ордена, чтобы добиться прекращения враждебных действий с его стороны. Поход достиг цели: в Новгород прибыли ливонские послы с просьбой о мире, который был заключен 1 сентября 1481 г.

Узнав о прибытии в Новгород ливонских послов, псковичи поспешили отправить туда своих послы: посадников Якова Кротова и Леонтия Тимофеевича, Андрея Рублева. По-видимому, переговоры о мире были длительными, так как псковские послы пробыли в Новгороде 14 недель. В результате переговоров между Псковом и Ливонией был заключен мир на 10 лет. Из лаконичного сообщения псковского летописца о том, что псковичи «мир подтвердиша на 10 лѣтъ, в Данильев мир»,¹¹⁸ следует, что мир псковичей с Ливонией 1481 г. повторял условия псковско-ливонского договора 1474 г., в заключении которого участвовал князь Данила Дмитриевич Холмский, воевода великого князя.

Договор между Псковом и Ливонией 1481 г. до наших дней не дошел. Согласно указанию Г. Козака, копия договора, снятая Г. Гильденбрандом, в 20-х годах XX в. хранилась среди бумаг Г. Гильденбранда в Домском музее в Риге.¹¹⁹ В настоящее время

¹¹⁵ История отечественной артиллерии, т. I. М., 1959, с. 121—128.

¹¹⁶ Там же, с. 174—175; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. с. 352—353.

¹¹⁷ О назначении названных видов орудий см.: Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961, с. 19—20.

¹¹⁸ ПЛ, с. 79; ср. ШЛ, с. 62.

¹¹⁹ C o s a c k H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXVIII, S. 6, Anm. 9.

местонахождение бумаг Г. Гильденбранда, содержавших копии актов, касавшихся русско-ливонских отношений, неизвестно.

Г. Козак, пользовавшийся копией псковско-ливонского договора 1481 г., к сожалению, почти не передает его содержания. Он приводит из него лишь тексты трех статей. Одна из них предлагала на ливонского магистра обязательство не помогать Дерптскому епископству и не посылать войско в помощь дерптцам против псковичей.¹²⁰ Эта статья как бы дополняла статью договора Пскова и Новгорода с дерптским епископством 1474 г. (содержание которого повторялось, по-видимому, в псковско-дерптском договоре 1481 г.), включавшую обязательство дерптского епископа не помогать Ордену. Названные статьи обоих договоров отвечали стремлению великокняжеской власти к расколу единого фронта ливонских ландесгерров.

К рассмотренной статье псковско-ливонского договора 1481 г. непосредственно примыкает статья, обязывающая псковичей возвращать беглецов из Дерптского епископства.

Третья статья из приведенных Г. Козаком гласит, что во владениях магистра и рижского архиепископа немцы не должны причинять вреда русским церквам, но должны возвратить взятое из церквей и «держатъ чисто» русские концы.¹²¹ Наличие рассматриваемой статьи в псковско-ливонском договоре 1481 г. именно в такой редакции вызывает у нас некоторое удивление. Дело в том, что в повгородско-ливонском договоре 1481 г., текст которого сохранился (о чем мы будем говорить далее), статья о русских церквах и концах читается совершенно в другой редакции: в ней речь идет о русских церквах и Русском конце только в Дерпте. Редакция статьи, близкая к редакции, имеющейся в цитате из псковско-ливонского договора 1481 г., приведенной Г. Козаком, встречается впервые в новгородско-ливонских договорах только в договоре 1493 г. А между тем было бы логичным, чтобы в двух одновременно заключенных в 1481 г. договорах, псковско-ливонском и новгородско-ливонском (они являлись по существу частями одного общего русско-ливонского договора), имела бы место одна и та же редакция статьи о русских церквах и концах в ливонских городах. К сожалению, сверить приведенную Г. Козаком цитату с текстом рассматриваемой статьи невозможно ввиду утраты как самого договора, так и снятой с него Г. Гильдебрандом копии. Но если редакция статьи о русских церквах в ливонских городах, содержащаяся в цитате, приведенной Г. Козаком, вызывает некоторое сомнение, то бесспорным является положение о том, что включение этой статьи в псковско-ливонский договор 1481 г. было очередным проявлением заботы великокняжеского правительства об интересах русских, находившихся в Ливонии.

¹²⁰ Там же, с. 7, прим. 10.

¹²¹ Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXVIII, S. 7, Anm. 12.

Поскольку псковско-ливонский договор 1481 г. подтверждал предыдущий псковско-ливонский договор 1474 г., постольку мы можем предположить, что в составе договора 1481 г. имелись также известные нам по договору 1474 г. (в передаче его содержания Псковской летописью) статьи, гарантирующие нерушимость существующей границы, «чистый путь» и отмену «колоды» (таможенных застав) во владениях магистра для псковских купцов; кроме того, договор включал запрет ввоза крепких напитков в Псков из Ливонии. Восстановить более полно содержание псковско-ливонского договора 1481 г. мы сейчас не можем.

Помимо договора между Псковом и Ливонией, в 1481 г. был заключен, по-видимому, также договор Пскова с Дерптским епископством. Грамота об этом договоре до наших дней не сохранилась, и более ранним исследователям она не была известна. Косвенное указание на заключение в 1481 г. псковско-дерптского договора есть в Продолжении Псковской первой летописи, где в известии о заключении в 1481 г. мира между Псковом и Ливонией читается следующий текст: «... и мир потвердиша на 10 лѣтъ, в Данильев мир, и грамоты пописаше: 1 грамота Великому Новгороду, 2 псковичам, 3 местеру, 4 юрьевцом».¹²² Надо думать, что четвертая грамота, написанная для «юрьевцев», содержала текст псковско-дерптского договора, повторявшего условия договора между Псковом и Дерптом 1474 г., в подписании которого участвовал великокняжеский воевода князь Данила Холмский. Возобновление в 1481 г. «Данильева мира» как между Псковом и Ливонией, так и между Псковом и Дерптским епископством свидетельствует о том, что русское правительство не стремилось к каким-либо коренным изменениям в сфере псковско-ливонских отношений.

Третий русско-ливонский договор, заключенный 1 сентября 1481 г., договор между Новгородом и Ливонией, сохранился. В вводной части договора указывается, что немецкие послы «добыша челомъ государей великихъ князей и царей русскихъ намѣстникомъ новгородскимъ... и коньчали перемирье съ великихъ князей наместники новгородскими, от Семеня дпя до Семеня дпя, на десять лѣтъ, за всю Новгородскую державу, а послы мистровы нѣмецкии за Нѣмецкую землю, за всю мистрову державу, и за арцыбискупа Ризского, и за бискупа Юрьевского, и за бискупа Островьского, и за бискупа Курьского, и за бискупа Колываньского и за всихъ ихъ добрыхъ людей и за вси ихъ дерьжавы, и за ризскихъ посадниковъ и за ратмановъ, и за юрьевскихъ посадниковъ и за ратмановъ, и за колываньскихъ посадниковъ и за ратмановъ, и за ругодивьскихъ посадниковъ и за ратмановъ, и за Вышегородъ, и за кушцовъ и за всю ихъ державу».¹²³

¹²² ПЛ, с. 79. — В других списках Продолжения Псковской первой летописи читается: «1 грамота..., 2-я..., 3-я..., 4-я...» (там же, сп. 20—22).

¹²³ АЗР, т. I, № 75, с. 95.

Таким образом, мир был заключен между всей ливонской конфедерацией и Новгородом. С ливонской стороны в качестве одного из участников договора было представлено купечество ливонских городов.¹²⁴

После включения в состав единого Русского государства Новгород в области внешней политики формально сохранял следы былой самостоятельности. Соседние с Новгородом государства — Ливония, Швеция, а также Ганзейский союз — заключали договоры не непосредственно с великим князем Московским, а с наместниками великого князя в Новгороде. Но фактически международные договоры Новгорода после 1478 г. были договорами Русского государства, частью которого теперь являлся Новгород. Сказанное относится и к новгородско-ливонскому договору 1481 г.

В первых статьях договора указывалось, что 25 декабря 1481 г. на р. Нарове между обеими сторонами должен состояться съезд для разбора «обидных дел»; если на этом съезде «не лучитьца управы дати на обѣ половины» по каким-нибудь делам, тогда должны быть созваны новые съезды; всего намечалось провести в течение двух лет три съезда. Если же на третьем съезде не будет «дана управа с обих сторон», «ино тое перемирье не въ перемирье»,¹²⁵ т. е. заключенный в 1481 г. договор станет действительным. Попробуем дать толкование этим статьям и выяснить значение термина «обидное дело». Слово «обида» в древнерусском языке означало обида, оскорбление, ссора, вражда, прилагательное «обидный» — спорный.¹²⁶ В нашем договоре раскрыто содержание одного «обидного дела», которое должно было урегулироваться на съезде ливонских и новгородских представителей, — об ограблении под Нарвой новгородских купцов (купивших, по-видимому, товар у немецких купцов) шведами, которые затем товар увезли в Нарву, где он был спрятан по дворам. Исходя из содержания этого случая, а также из приведенного выше значения терминов «обида», «обидный», мы можем определить «обидное дело» как дело, связанное с уголовным преступлением, оставшееся неулаженным и вызвавшее споры, конфликт между сторонами. Статьи договора 1481 г. не меняли, на наш взгляд, основного принципа юрисдикции, существовавшей в сфере русско-ливонских отношений, что всякое

¹²⁴ Г. Козак считает, что в новгородско-ливонском договоре 1481 г. участвовало не только купечество ливонских городов, но и Ганза в целом (Cosaak H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag. Bd. XXVIII, S. 13). Нам это предположение кажется спорным в силу того, что во всех документах XV в. (начиная с 20-х годов), оформлявших русско-ганзейские отношения, Ганза всегда фигурировала под названием 73 городов, в договоре же Ливонии с Новгородом 1481 г. это название отсутствует. Что касается ливонского купечества, то его участие в договоре 1481 г. является, как это следует из текста договора, несомненным.

¹²⁵ АЗР, т. I, № 75, с. 96.

¹²⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1895, стлб. 502—505.

дело, касающееся иностранцев, должно рассматриваться судом той страны, где оно возникло. Статьи предусматривали лишь совместные съезды русских и ливонских представителей для разбора совершенно конкретных, уже случившихся «обидных дел» и не имели силы постановления, обязательного для будущего.

Следующие статьи касались пограничных вопросов. Граница между Новгородом и Ливонией подтверждалась старая — «с Чучского озера стержнемъ Норовы рѣки въ Солоное море». Повторялась имевшаяся уже в договоре 1448 г. формула о запрещении каких-либо нарушений границы: люди одной стороны не должны были вступать на территорию другой стороны и там «ни поженъ не косити, ни земли не орати, ни лѣса ни сѣчи, ни воды не ловити, знати комуждо своя половина, по крестному целованью».¹²⁷

Дальнейшие статьи связаны с пребыванием новгородских купцов в Ливонии. Некоторые из статей являются обычными для новгородско-ливонских договоров: статьи, содержащие гарантию беспрепятственного проезда для новгородских купцов и послов по Ливонии и предоставляющие новгородским купцам право торговать в Ливонии всеми товарами «безъ вывѣта». Повторяются имевшиеся уже в договоре 1448 г. статьи с обязательствами ливонских властей «блюсти» новгородца, как своего «нѣмчина», и не «порубать» новгородцев из-за псковских дел и наоборот, а также статья со взаимным обязательством ливонских и новгородских властей «посла и гостя не порубати» из-за пограничных конфликтов.¹²⁸

Но многие статьи, регулирующие условия торговли и пребывания новгородских купцов в Ливонии, являются новыми. В первую очередь это относится к статьям о торговле новгородцев в Нарве.¹²⁹ В Нарве новгородцы не должны были платить никаких пошлин в случае, если торговые сделки между немцами и русскими проводились на реке без выгрузки товаров на берег; соответствующая статья гласит: «А торгуеть новгородецъ зъ нѣмчиномъ на Ругодивѣ, а будетъ товаръ въ нѣмчына въ бусѣ; и новгородду той товаръ въ нѣмчына доброволно взяти изъ бусы черезъ край в лодью, о отъ того ругодивцомъ кунъ не имати». Новгородцы освобождались также от уплаты пошлин при перегрузке своих товаров в Нарве на телеги для отправки их в другие города Ливонии. Устанавливалось, что весы и весовые единицы для взвешивания воска в Нарве должны соответствовать новгородским (тем самым достигнутое в 1468 г. соглашение между магистром, нарвским ратом и Новгородом об унификации воцаного веса приобретало силу договорной нормы). И. Э. Клейнберг считает, что статья договора 1481 г. — «А на Ругодиве...

¹²⁷ АЗР, т. I, № 75, с. 96.

¹²⁸ Там же, с. 96—97.

¹²⁹ Там же.

воцаной вѣс, капи спустити с новгородскими капми» — означала признание и подтверждение права русских властей периодически проверять правильность веса гирь на нариской городской важне.¹³⁰ Весовщикам при взвешивании запрещалось «колупать» у новгородцев воск: немного «колупать» можно было только покупателю (эта статья имелась уже в договоре 1448 г.).

Статьи договора 1481 г., определившие условия торговли новгородцев в Ливонии, интересны в двух отношениях. Во-первых, содержание их свидетельствует о большом внимании, которое Иван III уделял торговле русских за границей, ибо только этим можно объяснить включение в договор деталей, оговоренных в рассматриваемых статьях. Во-вторых, статьи подчеркивают особую роль, которую Нарва играла в русской внешней торговле, а также показывают, что великий князь эту роль имел в виду. Нарва занимала особое место в русской внешней торговле не только потому, что во время ганзейских запретов через ее посредство в русские земли поступали западноевропейские товары. Расположенная на русской границе, на судоходной реке Нарове, впадающей в Балтийское море, Нарва являлась для русских ближайшим городом, где они встречались с приезжавшими из Европы купцами. Иван III оценил значение Нарвы и стремился создать наиболее благоприятные условия для русских купцов, посещавших этот город,

Новыми для формуляра новгородско-ливонских договоров были и статьи договора 1481 г. о праве новгородцев при проезде через Ливонию нанимать в проводники по своему выбору горожанина или селянина, а также о том, что если новгородец сойдет с пути, то в вину ему это не ставить.¹³¹ Эти статьи создавали более благоприятные условия для передвижения новгородцев по территории Ливонии.

В связи с имевшими место злоупотреблениями ливонских властей при вывозе новгородцами лошадей из Ливонии¹³² в договоре 1481 г. подтверждались статьи договора 1448 г., касающиеся вывоза лошадей: в случае надобности новгородец мог купить в Ливонии лошадь и вывезти ее на родину при условии предъявления ее в Нарве фогту («судье») и уплаты «выводного». Специально для устранения злоупотреблений со стороны нарвского фогта добавлялось: «А который новгородецъ купчына конь кушитъ у мистровой державѣ и въ бискупныхъ городѣхъ, а приведетъ того коня судьи объявити: ино судьи того коня у новгородского купца силно не отнимати, а денегъ не наметывати».¹³³ По сравнению с договором 1448 г. вносилось еще одно изменение

¹³⁰ Клейнбергер И. Э. Унификация воцаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в., с. 92—93.

¹³¹ АЗР, т. I, № 75, с. 97.

¹³² Жалобы новгородцев в 1461 г. на насилия над их купцами в Ливонии: LUB, Bd. XII, № 80, § 5, 9.

¹³³ АЗР, т. I, № 75, с. 97.

в пользу новгородцев: была изъята имевшаяся в договоре 1448 г. статья, разрешавшая нарвскому фогту не выпускать в Россию крупных лошадей. Тем самым снимался, по-видимому, существовавший в первой половине XV в. запрет на вывоз крупных, очевидно, имевших боевое значение лошадей.¹³⁴

Ряд статей договора 1481 г. имел целью обеспечить личные права и личную безопасность русских, находившихся в Ливонии. Такова, например, статья о наказании за повреждение бороды (у виновного отсекалась рука¹³⁵). Интересы русских в Дерпте обеспечивались специальной статьей, обязывавшей дерптского епископа и дерптские городские власти «церкви божии святого Николы и святого Георгия очистити, и Русский конец и села тыхъ церквей очистити, по крестному цѣлованью, по старынѣ». ¹³⁶ Значение этой статьи, впервые встречающейся в псковско-дерптских договорах 1463 и 1474 гг., усиливалось благодаря включению ее в новгородско-ливонский договор; хотя статья содержала одностороннее обязательство дерптских властей, ответственность за ее выполнение падала теперь на Орден и других членов ливонской конфедерации, от имени которых был заключен договор 1481 г.

Гораздо меньшее число статей посвящено пребыванию немецких купцов в Новгороде. Таких статей в договоре 1481 г. всего 3. Две из них содержат обычную — гарантию беспрепятственного проезда и свободы торговли в Новгородской земле для немецких послов и купцов и обязательство новгородских властей «блюсти нѣмчина, как своего новгородца», с добавлением формулы «истцу знати истца». Третья статья, новая для формуляра новгородско-ливонских договоров, запрещает немецким купцам торговлю пивом и другими крепкими напитками в Новгороде и его пригородах ¹³⁷ (статья о запрещении немецким купцам торговать крепкими напитками на русской территории впервые встречается в псковско-ливонском и псковско-дерптском договорах 1474 г.).

Основное внимание в договоре 1481 г. уделено вопросам торговли русских в Ливонии. Об этом свидетельствует не только количественное соотношение статей, посвященных торговле русских в Ливонии и немцев в Новгороде, но и их содержание. Статьи, трактующие пребывание немецких купцов в Новгороде, помимо общей гарантии беспрепятственного проезда и свободы торговли, содержат ущемлявшее ливонских купцов запрещение вести в Новгороде торговлю крепкими напитками. В то же время статьи, касающиеся пребывания русских купцов в Ливонии, помимо общей гарантии беспрепятственного проезда и свободы торговли, включают ряд конкретных обязательств ливонских властей, имевших целью создание для русских реальных гаран-

¹³⁴ Ср. договор 1448 г. (ГВНП, № 73, с. 122—123); см. также с. 77.

¹³⁵ АЗР, т. I, № 75, с. 97.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

тий личной и имущественной безопасности, а также предоставление им льготных условий торговли в Нарве. Объем этих гарантий и льгот по сравнению с имевшимися в новгородско-ливонском договоре 1448 г. значительно расширился.

Существенно изменился формуляр договора 1481 г. Если прежние новгородско-ливонские договоры начинались обычно с формулы «Се приѣхаша послони нѣмечкыи въ Великий Новъгородъ... и взяша перемирье»,¹³⁸ то договор 1481 г. начинается с обычной для дипломатических документов, вышедших из канцелярии великого князя, формулы: «По божьей воле и по великихъ государей велѣнью царей русскихъ... се приѣхаша въ великихъ князей отчину, въ Великий Новгородъ... послове нѣмецкыи... и добиша челомъ... и копычали перемирье».¹³⁹ Формула «по божьей воле... послове немецкыи... добиша челом» в формуляре сохранившихся русско-ливонских договоров впервые встречается в псковско-дерптском договоре 1474 г. Изменение формуляра не было, как мы уже отмечали, простой формальностью. Оно являлось показателем происшедшего в результате создания единого Русского государства изменения в соотношении сил между Россией и Ливонией.

Однако это изменение, как и успехи русского оружия в войне 1480—1481 гг., русское правительство не использовало, как это показывает содержание всех трех русско-ливонских договоров 1481 г., для того чтобы добиться от Ливонии уступок, означавших нарушение ее независимости. Целью ливонской политики великокняжеского правительства являлись подтверждение и расширение условий, благоприятствующих развитию торговли русских купцов в Ливонии, а также обеспечение мира на русско-ливонской границе. Обе эти цели достигались путем заключения русско-ливонских договоров 1481 г.

РУССКО-ЛИВОНСКИЕ ДОГОВОРЫ 1493 г.

80-е годы XV в. были временем относительного затишья в русско-ливонских отношениях. Несмотря на успехи, достигнутые к этому времени великокняжеской властью на внутри- и внешнеполитическом поприще (присоединение Новгорода, ликвидация татарского ига), правительство Ивана III не имело возможности активизировать свою ливонскую политику, так как его внимание продолжали поглощать русские и восточные дела: вне рамок Русского государства оставалась Тверь, присоединенная лишь в 1485 г., враждебно вела себя Казань, поставленная на положение вассального государства только в результате похода русских войск в 1487 г. Орден, занятый в этот период внутренними делами — новой вспыхнувшей борьбой с рижским архиепископом и городом Ригой (1481—

¹³⁸ Ср. договор о пятилетнем перемирии 1448 г. (ГВНП, № 72, с. 118).

¹³⁹ АЗР, т. I, № 75, с. 95.

1491 г.),¹⁴⁰ также не мог предпринять активные действия против России. Поэтому в 80-х годах (точнее, после 1481 г.) никаких крупных конфликтов на русско-ливонской границе не происходило, хотя новый ливонский магистр Иоганн Фрейтаг фон Лорингофе (1485—1494) неоднократно жаловался на опасность со стороны русских. Эти жалобы были рассчитаны главным образом на то, чтобы в споре Ордена с Ригию склонить Ганзу на сторону Ордена, ибо магистр усиленно подчеркивал, что борьба Риги за независимость от Ордена может быть использована русскими для нападения на Ливонию.¹⁴¹

В 1481—1483 гг. в соответствии с новгородско-ливонским договором 1481 г. для разбора «обидных дел», касающихся преимущественно ограбления русских купцов в Ливонии, в Нарве созывались съезды русских и ливонских представителей. Последний из трех предусмотренных договором съездов — съезд осенью 1483 г. — подтвердил перемирие еще на 2 года.¹⁴² Затем перемирие подтверждалось съездами в 1485, 1487 и 1489 гг., каждый раз на 2 года.¹⁴³

Внимание правительства Ивана III в этот период продолжали занимать вопросы русской торговли в Ливонии. В 1487 г., когда в Новгороде велись переговоры о заключении договора с Ганзой, русская сторона потребовала включения в договор ряда статей, касающихся торговли и пребывания русских в Ливонии: о торговле новгородских купцов в Нарве, о вывозе лошадей из Ливонии, о Русском конце в Дерпте и т. д.

Большинство этих статей повторяло аналогичные статьи новгородско-ливонского договора 1481 г., имевшие целью создать благоприятные условия для русской торговли в Ливонии. Но не довольствуясь обязательствами, полученными в этом вопросе от Ордена по договору 1481 г., Иван III хотел получить их также и от Ганзы, поскольку наиболее крупные ливонские города являлись членами Ганзейского союза. Ганзейские представители на принятие этих требований не согласились, ибо одно из па-

¹⁴⁰ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, с. 111—113.

¹⁴¹ Переписка орденских чинов и ганзейских городов, относящаяся к 1482—1487 гг.: HR3, Bd. I, № 387, 463, 464, 481, 490, 526, 530, 532, 602, 603; Bd. II, № 164, § 46—47; Index, № 2234, 2239, 2250.

¹⁴² Г. Козак считает, что на этом съезде русские потребовали передачи им в качестве залога [исполнения] требований, которые великий князь предъявлял 73 городам, пограничной территории архиепископской области Пурнау (Purnouwe); о передаче этой области длиной около 30 миль и шириной в 2 мили свидетельствует рецесс ганзейского съезда в Любеке от 24 мая 1487 г.: HR3, Bd. II, Leipzig, 1883, № 164, § 47; Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXVIII, S. 20—24, Anm. 56.

¹⁴³ Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXVIII, S. 33, 56. В 1489 г. Новгород продлил мир с Ливонией на 2 года, Псков — на 5 лет (там же, т. XXXI, с. 78).

правления политики Ганзы по отношению к России заключалось в том, чтобы препятствовать развитию заграничной торговли русских купцов (см. с. 101—110).

Если в комплексе вопросов русско-ливонских отношений правительство Ивана III в 80-е годы интересовало в первую очередь вопросы торговли, то Орден, напротив, выдвигал на первый план территориальные вопросы. Магистр Ордена попытался добиться изменения псковско-ливонской границы, установленной по договорам 1463 и 1474 г., используя авторитет Империи. В конце 1488 г. в Москву прибыл в качестве посла императора Фридриха Николай Поппель, имевший поручение склонить Ивана III к союзу с Империей против Польши.¹⁴⁴ Во время переговоров в Москве Поппель передал также Ивану III жалобу ливонского магистра на то, что Псковская земля «держатъ за собою ихъ земли и воды Виѳлянские земли», и просил, чтобы великий князь «послалъ листъ» к своей отчине, к Пскову, «чтобы не наступали на ихъ земли и на ихъ воды». Свою просьбу Поппель мотивировал тем, что «тѣ пѣмци Виѳлянские земли поддани суть царству государя нашего». Иван III категорически отвергнул попытку пересмотреть русско-ливонскую границу и велел передать Поппелю через дьяка, что «наша отчина Псков держатъ земли и воды по старинѣ, по тому какъ напередъ сего жили с пѣмци Виѳлянские земли».¹⁴⁵

В феврале 1491 г., когда истек срок последнего подтверждения перемирия с Ливонией, а также срок заключенного в 1481 г. на 10 лет договора, в Москву для переговоров с великим князем прибыл посол магистра Симон Борх («Семион Вармцарь» русских летописей). Великий князь отнесся положительно к предложению продлить мир и велел послам магистра приехать к великокняжеским наместникам в Новгород для оформления этого акта.¹⁴⁶ Однако когда ливонские послы прибыли в Новгород и оттуда в Москву были посланы для утверждения великим князем проекты договорных грамот, то последний потребовал включения в них двух новых условий: об обязательстве ливонских властей оказывать защиту на море русским послам и новгородцам и об улучшении положения русской церкви и дома при

¹⁴⁴ Подробнее о сношениях России и Империи в конце XV—начале XVI в. см.: Бауэр В. В. Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI столетия. — ЖМНП, 1870, ч. 148, отд. 2, с. 55—93; U e b e r s b e r g e r H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts, Bd. I. Wien und Leipzig, 1906, S. 1—87; Балязин В. Н. Русско-имперские отношения в первой трети XVI в. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, с. 147—175.

¹⁴⁵ ПДСР, ч. I, стлб. 9—10.

¹⁴⁶ ПСРЛ, т. VIII, с. 224; т. XII, с. 228; Index, № 2291; Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeister Johann Freitag, Bd. XXXI, S. 99—100.

ней в Ревеле, а также русских церквей в Дерпте.¹⁴⁷ Первое требование великого князя свидетельствовало о его стремлении действовать как безопасному проезду русских послов по морю, так и развитию русского торгового мореплавания. Впервые великокняжеская власть обратила внимание на необходимость создания условий для развития русского торгового мореплавания в 1487 г., когда в договор Новгорода с Ганзой было включено условие об ответственности Ганзы за ограбления новгородцев на море (см. далее); теперь правительство Ивана III хотело получить аналогичные гарантии и от властей Ливонии, через воды которой пролегали пути как русских послов, так и новгородских купцов. Второе требование — о русских церквях в Ревеле и Дерпте — являлось очередным выражением заботы великокняжеского правительства о религиозных интересах русских купцов и свободе их деятельности, связанной с церквями (хранение товаров, празднества). Ливонская сторона не соглашалась на включение в договор новых условий, и переговоры затянулись.

По-видимому, осенью 1491 г. между русскими и ливонскими представителями была все же достигнута какая-то договоренность о продлении перемирия (во всяком случае с Нарвой). На эту мысль наводит письмо Нарвы Ревелю от 12 ноября 1491 г. Прибывшие в Нарву послы великого князя и его заместника в Новгороде обратились к рату и фогту Нарвы с вопросом, будет ли Нарва соблюдать крестоцелование, заключенное с Ливонией. Фогт и рат Нарвы ответили утвердительно и по желанию русских ударили с ними по рукам в знак гарантии того, что они могут со своими товарами свободно приезжать и уезжать согласно крестоцелованию.¹⁴⁸ Обращение великокняжеских послов к Нарве было, как нам думается, результатом постоянного внимания правительства Ивана III к вопросам русской торговли в Нарве, которое ярко проявилось уже в договоре 1481 г.

В происходивших в последующее время переговорах о заключении русско-ливонского мирного договора камнем преткновения продолжал оставаться вопрос о русских церквях в ливонских городах, в частности в Ревеле. Русские власти были недовольны состоянием русской церкви в Ревеле и дома при ней, в котором купцы хранили свои товары. Великий князь требовал включения в договор с Ливонией обязательства ливонских властей русскую церковь в Ревеле и дом при ней держать «по старине», кроме того, построить там печь; этим статьям он придавал столь важное значение, что не соглашался заключать без них договор.¹⁴⁹

¹⁴⁷ Письмо ливонского магистра Ревелю от 6 октября 1491 г.: HUB, Bd. XI, S. 355, Anm. 2; Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXXI, S. 100.

¹⁴⁸ HUB, Bd. XI, 1916, № 509.

¹⁴⁹ Письма Ревеля ливонскому магистру от декабря 1491 г. и ливонского магистра Ревелю от мая—июня 1492 г.: HUB, Bd. XI, № 525, 582.

Ревель играл большую роль в европейской торговле России. Он являлся одним из портов, в котором, согласно ганзейским правилам, должна была происходить перегрузка товаров, предназначенных для провоза дальше, в Россию; сюда привозили свои товары и купцы-неганзейцы. Все это привлекало в Ревель русских купцов, преимущественно из Новгорода, и в XV в. Ревель наряду с Дерптом и Нарвой стал важным центром русской торговли в Ливонии. Но если интересы русской торговли в Дерпте обеспечивались псковско-дерптскими договорами 1463, 1474 и 1481 гг., если вопросы торговли русских в Нарве занимали большое место в новгородско-ливонском договоре 1481 г., то интересы русских купцов в Ревеле в русско-ливонских договорах отражения еще не нашли. Отсюда стремление великого князя включить в проектировавшийся договор статьи, о которых идет речь.

Чтобы поколчить с неопределенностью, царившей в русско-ливонских отношениях, и заставить великого князя заключить договор на условиях, отвечавших интересам Ордена, последний решил прибегнуть вновь к авторитету императора, используя для этого посла императора Георга фон Турна, находившегося в Москве зимою 1491/92 г. Из переговоров Георга фон Турна с дьяком великого князя Федором Курицыным можно установить конкретные пожелания Ордена в отношении предполагавшегося договора: 1) вести переговоры не с наместниками великого князя в Новгороде, а непосредственно с великокняжескими послами; 2) не включать в договор формулы о «челобитье»; 3) не включать статьи об обязательстве магистра оказывать русским послам и купцам защиту на море, так как магистру «на морѣ воли нѣтъ»; 4) не включать статей о русских «цервах и палатах» в Дерпте и Ревеле, потому что «магистръ... в тѣхъ городѣхъ не воленъ».¹⁵⁰ Таким образом, при посредстве посольства императора Орден пытался добиться не только отклонения вновь проектируемых статей (о «цервах и палатах» в Ревеле и о защите русских купцов и послов на море), но и исключения некоторых формул и статей (о челобитье, о заключении договора в Новгороде с великокняжескими наместниками), имевшихся уже в договоре 1481 г. Эти формулы и статьи ливонские власти рассматривали как уничижающие престиж Ливонии и стремились их упразднить. Однако попытка их успеха не имела: не вступая в обсуждение условий договора, Федор Курицын передал от имени великого князя, что если магистр, архиепископ и епископы желают заключить договор, то они должны бить челом наместникам великого князя в Новгороде и прислать туда для переговоров своих послов.¹⁵¹

Посольство фон Турна было использовано ливонским магистром не только с целью добиться включения в русско-ливонский договор желательных для Ордена условий. Георг фон Турн при-

¹⁵⁰ ПДСДР, ч. I, стлб. 81—82.

¹⁵¹ Там же.

были в Москву с более широкими планами, касающимися Тевтонского ордена. Посол от имени римского короля Максимилиана просил великого князя взять «в свое соблюдение» прусского и ливонского магистров, а также города Восточного Поморья (Данциг и Торн).¹⁵² Чтобы смысл этой просьбы стал ясным, напомним, что по Торуньскому миру 1466 г. названные города отошли к Польше, а великий магистр Тевтонского ордена стал вассалом польского короля. Поэтому просьба к великому князю о принятии «в соблюдение» Ордена и городов Восточного Поморья означала попытку разрушить руками Москвы здание Торуньского мира, ущемлявшего интересы не только Ордена, но и Империи.¹⁵³ Ответ великого князя гласил: «...и коли къ намъ пришлютъ прусскій магистръ и ливонскій магистръ своихъ людей о томъ бити челомъ, и мы, посмотриа по ихъ челобитью, своего дя брата Максимиана короля, хотимъ их жаловати, приняти ихъ в свое соблюдение, и хотимъ за нихъ стояти и грамоту свою на то имъ дадимъ, какъ будетъ пригоже».¹⁵⁴ Ответ Ивана III был уклончивым: не отказывая прямо Максимилиану, великий князь решение вопроса отложил на будущее. По существу это означало отклонение попытки Габсбургов использовать в интересах Ордена и Империи силы Москвы.

Сведений о дальнейшем течении русско-ливонских переговоров источники не сохранили. Переговоры завершились подписанием договора, срок действия которого начинался 13 марта 1493 г. Договор 1493 г., как и предыдущий договор 1481 г., состоял из трех особых договоров: новгородско-ливонского, псковско-ливонского и псковско-дерптского.

Г. Козак, имевший в своих руках снятую Г. Гильдебрандом копию псковско-ливонского договора 1493 г., отмечает, что этот договор повторял условия псковско-ливонского договора 1481 г.,¹⁵⁵ восходившего в свою очередь к «Данцильву миру» 1474 г.¹⁵⁶ Содержание псковско-дерптского договора 1493 г. неизвестно, так

¹⁵² Там же, стлб. 73—75.

¹⁵³ Балязин В. Н. Политика Ивана III в юго-восточной Прибалтике. — Вестн. МГУ, серия IX, история, 1964, № 6, с. 89—90.

¹⁵⁴ ПДСДР, ч. I, стлб. 80—81.

¹⁵⁵ Co s a k Н. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXXII, S. 92—93. — О содержании псковско-ливонского договора 1481 г. см. с. 163—165. — Копия с договора, снятая Г. Гильдебрандом, в 20-е годы XX в. хранилась среди бумаг Г. Гильдебранда в Ревельском городском архиве. Согласно справке Таллинского городского архива, местонахождение бумаг Г. Гильдебранда в настоящее время неизвестно.

¹⁵⁶ Г. Козак, указывая, что псковско-ливонский договор 1493 г. не принес ничего нового, в то же время полагает, что по этому договору Пскову была передана (что не нашло отражения в договоре) пограничная территория архиепископской области Пурнау, отданная русским в качестве залога еще в 1483 г. (Co s a k Н. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXXIII, S. 93—94; см. также прим. 142). Предположение Г. Козака нам представляется недоказуемым, так как ни в одном из источников нет никаких известий о передаче названной территории Пскову в 1493 г.

как текст в руках у исследователей не был. Но указание на существование в конце XV—первые годы XVI в. особого псковско-дерптского договора есть в ряде ливонских документов того времени.¹⁵⁷ Г. Козак полагает, что псковско-дерптский договор 1493 г. покоился на псковско-дерптском договоре 1481 г.¹⁵⁸ Предположение Г. Козака находит опору в следующем обстоятельстве: сохранившийся псковско-дерптский договор 1509 г. повторяет (если исключить новые, введенные в договор в 1509 г. статьи) условия псковско-дерптского договора 1474 г. (см. далее); следовательно, промежуточные между договорами 1474 и 1509 гг. договоры также повторяли друг друга (договор 1493 г. повторял договор 1481 г., а этот — договор 1474 г.).

Новгородско-ливонский договор 1493 г. был заключен между всей ливонской конфедерацией и «отчиной великого князя», Новгородом, на 10 лет.¹⁵⁹ В отличие от договора 1481 г. представители ливонских городов в заключении договора 1493 г. не участвовали. Это объясняется тем, что в 1487 г. между Новгородом и Ганзой был заключен мирный договор, участником которого являлись ливонские города, входившие в состав Ганзы. Основные статьи новгородско-ливонского договора 1493 г. повторяли условия предыдущего новгородско-ливонского договора, заключенного в 1481 г.: подтверждалась старая граница, купцам обеих сторон гарантировалась беспрепятственность проезда и торговли, подтверждались льготы для новгородских купцов в Нарве. Но повторяя в своей основе условия договора 1481 г., договор 1493 г. включал вместе с тем и новые статьи.

Новой являлась статья об обязательстве магистра и новгородских наместников «ссылаться» послами по поводу всех «обидных дел» и «управу» давать по ним «на обѣ сторонѣ». Статья эта гласит: «А о обидныхъ дѣлѣхъ о всякихъ намѣстникомъ государевымъ великого князя новгородскимъ съ княземъ мистромъ зсылатися послы; такожь и князю мистру о всякихъ обидныхъ дѣлѣхъ зсылатися послы съ государевыми великого князя намѣстники новгородскими, и управа дати всякимъ обиднымъ дѣломъ на обѣ сторонѣ, по крестному пѣлованью, въ правду, безъ хитрости».¹⁶⁰ По мнению Г. Козака, статья устанавливала, что из-за преступлений, входящих в сферу уголовного права, магистр должен «ссылаться» с великокняжескими наместниками в Новгороде, а наместники — с магистром с целью передачи виновных суду своей страны;¹⁶¹ таким образом, согласно интерпретации Г. Козака, получается, что подданные одного государства,

¹⁵⁷ LUB2, Bd. I, № 132, 241; Bd. II, Riga, Moskau, 1905, № 443, § 52.

¹⁵⁸ Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXXII, S. 93.

¹⁵⁹ АЗР, т. I, № 112.

¹⁶⁰ Там же, с. 131.

¹⁶¹ Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXXII, S. 93.

совершившие уголовные проступки на территории другого, изымались из-под действия местного суда и предавались суду своей страны. Нам такое толкование представляется неправомерным. Разбирая статьи об «обидных делах» предшествующего новгородско-ливонского договора 1481 г., мы выяснили, что «обидные дела» — это не все уголовные дела, а такие, которые остались неулаженными, вызвали споры и трения между сторонами. Статьи договора 1481 г. устанавливали, что для разбора случившихся перед заключением договора «обидных дел» должны быть созданы съезды ливонских и русских уполномоченных, но на будущее это постановление не распространялось, съезды рассматривались как временная мера. Договор 1493 г. в отличие от договора 1481 г. совместных съездов для разбора «обидных дел» не предусматривал, ливонские и новгородские власти должны были по поводу «обидных дел» лишь «ссылаться», но эта мера вводилась в качестве обязательного правила вообще, действие ее распространялось и на будущее. Мы полагаем, что по договору 1493 г. иностранец, совершивший тяжкое преступление, должен был судиться судом той страны, в которой он находился, но о возникшем деле должны были ставиться в известность власти родной земли.

Новой в новгородско-ливонском договоре 1493 г. была и статья об отмене платы проводникам для послов обеих сторон: отныне послы великого князя и новгородских наместников должны были получать в Нарве безвозмездно проводников для проезда по Ливонии, а послы магистра — в Ямгороде для проезда в Новгород.¹⁶² Статья облегчала и упрощала дипломатические сношения между Россией и Ливонией.

Особенно заслуживают внимания две статьи новгородско-ливонского договора 1493 г., читающиеся в нем в новой редакции. Мы имеем в виду статью, гарантирующую послам великого князя и новгородских наместников, а также новгородцам защиту со стороны ливонских властей, и статью о соблюдении русских церквей и концов в ливонских городах.

Согласно редакции договора 1481 г., ливонские власти должны были «блюсти» новгородца, «как своего нѣмчина» «на своихъ городѣхъ и на земли». Договор же 1493 г. предписывал «блюсти нѣмцомъ великого князя пословъ, и намѣстниковъ великого князя новгородскихъ пословъ, и новгородцовъ, на своихъ городѣхъ и на земляхъ и на мори, какъ своего нѣмчина, безо всякоѣ хитрости».¹⁶³ Таким образом, если по договору 1481 г. обязанность ливонских властей оказывать защиту русским послам и новгородцам (имеются в виду, конечно, купцы) ограничивалась пределами Ливонии, то теперь она распространялась и на море. Благодаря этому важному дополнению обеспечивалась в большей степени, чем раньше, безопасность не только проезда русских послов по морю, но и рус-

¹⁶² АЗР, т. I, № 112, с. 132.

¹⁶³ Там же, № 75, с. 96; № 112, с. 131.

ского торгового мореплавания. Напомним, что соответствующие гарантии в отношении торгового мореплавания новгородцев великокняжеская власть получила от Ганзы по договору 1487 г. Во время переговоров конца 80-х—начала 90-х годов с ливонским магистром великокняжеские представители настаивали на получении обязательства защищать русских послов и новгородцев при проезде по морю и от магистра, но магистр на эти настояния ответил отказом (см. с. 172—173). По договору 1493 г. Орден пошел на уступку и дал желаемое русской стороной обязательство.

Существенные изменения в договоре 1493 г. претерпела и статья о русских церквях и концах в ливонских городах. В новгородско-ливонском договоре 1481 г. эта статья содержала обязательство дерптского епископа и дерптских властей «очистить» русские церкви и Русский конец в Дерпте — обязательство, гарантию в выполнении которого благодаря включению его в договор всей Ливонии давали все ливонские ландесгерры. В договоре 1493 г. эта статья читается в совершенно иной редакции: «А церкви божьи руские въ мистровѣ державѣ, и въ арцыбискуповѣ державѣ, и в бискупных державахъ, гдѣ ни буди, и тѣ церкви держати по старинѣ, а ихъ не обидѣти».¹⁶⁴ Согласно новой редакции статьи обязательство «блюсти» русские церкви давал не только дерптский епископ в отношении церквей в Дерпте, но все ливонские ландесгерры в отношении всех русских церквей на всей территории Ливонии, где бы они ни находились. Напомним, что во время переговоров, предшествовавших заключению договора, русские представители добивались включения в договор статьи о русских церквях в Ревеле и Дерпте, но ввиду противодействия Ревеля получили отказ. Теперь ливонские власти фактически приняли это требование, хотя Ревель и Дерпт в статье специально не названы, но несомненно, что формула «церкви божьи руские... гдѣ ни буди... держати по старинѣ» имела в виду в первую очередь русские церкви в Дерпте и Ревеле. Тем самым был сделан еще один шаг по пути создания благоприятных условий для пребывания и деятельности русских купцов в Ливонии.

Начальная формула новгородско-ливонского договора 1493 г., включающая указание на приезд в Новгород к наместникам великого князя и к боярам немецких послов и на их челобитье о мире, повторяла соответствующую формулу договора 1481 г. Таким образом, Ордену не удалось настоять на исключении из договора формулы о челобитье, чего он добивался во время переговоров, предшествовавших заключению договора. Орден и здесь пошел на уступку.

В источниках нет указаний на причины, побудившие Орден пойти на уступки и принять русские требования, касающиеся содержания и формуляра договора. Может быть, некоторое влияние на изменение позиции Ордена по сравнению с той, которую он

¹⁶⁴ Там же, с. 97; № 112, с. 132.

занимал во время переговоров, оказала постройка Ивангорода в 1492 г. Роль Ивангорода не ограничивалась его военным значением,¹⁶⁵ и новый русский город на берегу Наровы скоро стал играть заметную роль во внешней торговле России, тем не менее постройка его определялась во многом военно-стратегическими и дипломатическими целями. Эта русская крепость, как бы нависшая над Нарвой, должна была служить грозным напоминанием Ордену о силе России.¹⁶⁶

Изменения, имевшие место в договоре 1493 г. по сравнению с договором 1481 г., еще раз подчеркивают основную направленность ливонской политики великокняжеского правительства — содействие развитию мирных экономических сношений с Ливонией. Отметим, что во время заключения договора 1493 г. русское правительство особенно было заинтересовано в упрочении мирных отношений с Ливонией, ибо с 1492 г. оно находилось в состоянии войны с Великим княжеством Литовским. Эта война, вспыхнувшая из-за перехода верховских князей на службу к великому князю Московскому, положила начало длительной борьбе Русского государства с Литвою за возвращение русских земель — борьбе, составлявшей на рубеже XV—XVI вв. стержень внешней политики России и влиявшей на отношения ее с другими странами.

¹⁶⁵ О постройке Ивангорода и его первоначальной истории см.: Косточкин В. В. Крепость Ивангород. — МИА, № 31, 1952, с. 224—317.

¹⁶⁶ Строительство Ивангорода оживленно дебатировалось в орденских кругах (переписка орденских чипов от 1492 г.: Index, № 2299, 2302, 2303).

РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ
ТРЕТИ XV В.РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НОВГОРОДА
К ВЕЛИКОМУ КНЯЖЕСТВУ
МОСКОВСКОМУ

В 70-х годах XV в. русско-ганзейские отношения регулировались договором Новгорода с Ганзой, заключенным в 1472 г. Присоединение Новгорода к Москве в январе 1478 г. на первых порах не внесло ничего нового в положение ганзейского купечества в Новгороде. Более того, Иван III специальной грамотой, которая была выдана, очевидно, во время его пребывания в Новгороде между 29 января и 17 февраля 1478 г., подтвердил прежние привилегии ганзейцев — право свободной торговли их в Новгороде всеми товарами, гарантии беспрепятственного пути и справедливого суда в случае тяжб с новгородцами.¹ В последнем пункте имелось некоторое изменение по сравнению с условиями прежних новгородско-ганзейских договоров: согласно прежним договорам, ганзейцы в случае тяжб с новгородцами подлежали суду тысяцкого, теперь же — суду великокняжеских наместников. Однако это изменение, неизбежное следствие замены выборных должностных лиц Новгорода должностными лицами, назначенными великим князем, не затрагивало прав и привилегий ганзейцев. Подтверждение привилегий ганзейцев Иваном III свидетельствовало о его стремлении в рассматриваемое время не менять статуса ганзейских купцов. Это стремление станет вполне понятным, если учесть, что в присоединенном Новгороде еще сильны были оппозиционные Москве круги и что не были решены задачи подчинения Москве других княжеств (Тверь, Рязань) и освобождения Руси от татарского ига. В данной ситуации нецелесообразно было идти на обострение отношений с ганзейским купечеством.

¹ HUB, Bd. XI, № 95. — Грамота не датирована. В. Штейн и Л. Гетц датируют ее 25 марта 1487 г. (HUB, Bd. XI, S. XVI; G o e t z L. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters, S. 218). Мы следуем датировке, предложенной Г. Козаком (Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXXII, S. 113—114).

Несмотря на подтверждение привилегий ганзейцев в начале 1478 г., ганзейские купцы в Новгороде были вскоре арестованы. Представители ливонских городов, собравшиеся на съезд в Валке, 10 марта 1478 г. писали в Любек, что немецкие купцы в Новгороде арестованы по той причине, что великий князь Московский стал по своей воле обходиться с новгородцами и подчинил их.² Но едва ли арест ганзейских купцов был связан с переходом Новгорода под власть великого князя: последний намеревался, как мы только что установили, соблюдать права и привилегии ганзейцев. Вероятнее всего, ганзейские купцы были арестованы в ответ на насилия, чиненные новгородским купцам за рубежом (есть сведения о том, что в это время новгородские купцы были ограблены и убиты шведами).³

Но если представители ливонских городов ошибались, усматривая причины ареста ганзейских купцов в подчинении Новгорода Москве, то перспективы, которые несло это подчинение для Ливонии и ганзейского купечества, они оценили правильно: в своем втором письме в Любек послы ливонских городов на уже упомянутом съезде в Валке выражали опасения по поводу того, что после подчинения Новгорода и Пскова великий князь будет проводить решительную политику в отношении Ливонии и ганзейского купечества.

Предчувствия представителей ливонских городов оправдались очень скоро. Иван III своими действиями показал, что он намерен зорко охранять спокойствие на границах своих владений и интересы своих подданных, находившихся в Ливонии. Так, когда осенью 1479 г. псковские купцы были задержаны в Дерпте, а в январе 1480 г. из Ливонии последовало нападение на псковские владения, Иван III послал войска на помощь Пскову, и 20-тысячная московская рать появилась в пределах Ливонии.

Перед лицом грозного противника Орден и ливонские города, забыв о собственных противоречиях, совместно хлопотали об изыскании средств для борьбы с великим князем Московским. Весною 1480 г. послы ливонских городов, прибывшие в Любек, где в это время проходил съезд вендских городов, от имени ливонского магистра обратились к Любеку и другим вендским городам с просьбой о помощи против русских. В военной помощи вендские города, как мы уже говорили, отказали, но они разрешили для нужд войны с русскими собирать налог с товаров (присутствовавших на съезде городов), привозимых в Ливонию, в размере 1% их стоимости в течение 5 лет. В случае, если война окончится раньше, это постановление должно было действовать не более 2—3 лет. Решение съезда 1480 г. было подтверждено съездом вендских го-

² HR3, Bd. I, № 84.

³ Письмо Годеке фон Тельгте Тидеманн Герике от 1 июля 1478 г.: HR3, Bd. I, № 143.

родов в Любеке 16 сентября 1481 г.⁴ Так ганзейские города, не ограничиваясь обычными экономическими репрессиями (запрещением торговли и организацией блокады русских земель), стали на путь открытой поддержки вооруженных сил Ордена в его агрессивных действиях против Руси.

Осенью 1481 г. между Ливонией и Новгородом был заключен мир на 10 лет. Согласно этому миру предусматривалось создание более благоприятных условий для деятельности русских купцов в Ливонии. Вскоре по инициативе ганзейского купечества начались переговоры о новом новгородско-ганзейском мире, хотя срок последнего, заключенного в 1472 г. на 20 лет договора еще не истек. Ганзейцы мотивировали свое желание тем, что ганзейское купечество после подчинения Новгорода великому князю не может полагаться на грамоты, данные новгородцами раньше, поэтому желает возобновить мир.⁵ Обмен послами и письмами между Новгородом и ливонскими городами, которые вели переговоры от имени Ганзы, имел место в 1482 и 1484 гг. Ливонские города настаивали, чтобы мир был заключен на старых условиях — «по старым грамотам».⁶ В 1486 г. вопрос о возобновлении мирного договора с Новгородом обсуждался на ганзейском съезде; было решено написать ливонским городам, «чтобы они наилучшим образом позаботились о том, чтобы купец снова пришел к своим старым привилегиям и свободам».⁷ Таким образом, и в новых исторических условиях, сложившихся на Руси после образования единого Русского государства, Ганза хотела обеспечить сохранение прежних норм русско-ганзейских отношений, существовавших в период феодальной раздробленности Руси.

РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ДОГОВОР 1487 Г.

20 февраля 1487 г. для переговоров о возобновлении мира с Ганзой в Новгород прибыли Тидеман Геркен и Иоганн Гаке, послы Дерпта, и Иоганн Рутерт, посол Ревеля. Отчет послов, детально рисующий ход переговоров, дает интересный материал, ярко показывающий стремления обеих сторон. В письме, привезенном послами, говорилось, что немецкое купечество в связи с подчинением Новгорода великому князю желает возобновить мир; последний должен быть заключен по «старине», «чтобы церковь и двор обстроились и [немецкие]

⁴ Переговоры ливонских ратмапов с Любеком и другими вендскими городами в апреле—мае 1480 г.; Репесс ганзейского съезда от 16 сентября 1481 г.: HR3, Bd. I, № 277, 334, § 2, 9.

⁵ Отчет послов Дерпта и Ревеля о переговорах в Новгороде в 1487 г.: HUB, Bd. XI, № 102, § 3.

⁶ Ганзейская переписка от 1482 и 1484 гг.: HR3, Bd. I, № 364, 580.

⁷ Репесс съезда от 9 марта 1486 г.: HR3, Bd. II, Leipzig, 1883, № 26, § 26, 27.

купцы... имели свой путь торговать всеми товарами, равным образом и новгородские купцы в городах [немецких] по старине».⁸ Ганза хотела, таким образом, чтобы сохранение «старины» было санкционировано договорным путем.

Отчет послов Дерпта и Ревеля отражает и программу, выдвинутую русской стороной. Сведения о ней, правда очень скудные, содержатся в приведенном в отчете послов кратком перечне статей, которые русские пожелали включить в договор. В перечне не излагается содержание статей, а даются как бы заголовки к ним. Конечно, это затрудняет наши суждения о целях великого князя (от которого во время переговоров новгородские наместники и купеческие старосты непрерывно получали инструкции), но некоторое представление о них мы все же можем составить.

В отчете послов Дерпта и Ревеля статьи, предложенные русскими для включения в договор, обозначены следующим образом: 1) о свободе, которую новгородцы должны иметь в Нарве; 2) о господине магистре; 3) о весах в городах; 4) о вывозе лошадей; 5) о наказаниях за повреждение бороды; 6) о проводниках; 7) о торговле всеми товарами без исключения; 8) о том, что дворовый кузнец не должен продавать напитки иначе чем бочками; 9) о Русском конце в Дерпте; 10) с городами быть съезду на Нарове; 11) о «короткости» и длине сукон; 12) об упаковке сельди; 13) о меде.⁹ Из названных статей четыре (8-я, 11—13-я) касаются торговли ганзейцев в Новгороде, восемь (1—7-я, 9-я) — торговли и пребывания русских в Ливонии и одна статья (10-я), предусматривающая съезд с ганзейскими послами на Нарове, вероятно для решения спорных дел, касается процедурных вопросов.

К группе статей о торговле ганзейцев в Новгороде относятся статьи о сукнах, сельди, меде, а также статья, ограничивающая торговлю спиртными напитками, которую вел обслуживающий персонал немецкого двора в Новгороде. Содержание статей о сукнах, сельди и меде мы легко раскроем, если вспомним требования, неоднократно выдвигавшиеся новгородцами по поводу условий продажи этих товаров ганзейцами. Мы уже указывали, что одна из неписанных привилегий ганзейцев в Новгороде заключалась в праве продажи названных товаров без измерения и взвешивания. Поскольку ганзейцы допускали большие злоупотребления, то новгородцы на протяжении XV в. не раз требовали, чтобы сукна измерялись, а сельдь, соль и мед — взвешивались.

⁸ Отчет послов Дерпта и Ревеля о переговорах в Новгороде в 1487 г.: HUB, Bd. XI, № 102, § 4.

⁹ «Int erste van der friheit, so der Nowgarder to Narwe heben scholde; item dat den hernn mester; item mit der wichte in den steden; item mit perden uthtoforen; item umme Barttogeswiken hovet aff to slande; item van den lethsgen; item to kopslagen mit aller ware nictes butten boscheden; item de hoveszsmeth shal nicht krogen dan by tunnen; item van dem Ruschen ende to Darpte; item dat de gemenen stede up der Narwe beste scholden mede komen to dage; item van korte und longe der laken; van packinghe des heringes; item van honninge» (HUB, Bd. XI, № 102, § 8).

Надо полагать, что статьи, предложенные представителями Ивана III в 1487 г., содержали аналогичные требования. Что касается статьи, разрешающей дворовому кузнецу продавать спиртные напитки только бочками, то она была направлена против розничной торговли алкогольными напитками, практиковавшейся обслуживающим персоналом немецкого двора, и имела целью сохранить выгоды розничной торговли за новгородским купечеством.

Содержание второй группы статей, касающихся вопросов торговли и пребывания русских в Ливонии, мы также можем раскрыть почти полностью путем сопоставления их с другими документами. Эти статьи имели целью создание более благоприятных условий для торговли и пребывания русских в Ливонии и устранение существовавших в этой области помех.

Содержание статьи о весах помогает понять статья новгородско-ливонского договора 1481 г., согласно которой применявшаяся в Нарве при взвешивании русского воска единица — капь — была уравнена с новгородской капью (см. с. 167). Но статья договора 1481 г. касалась только Нарвы, являвшейся орденом городом, и на другие города Ливонии, в частности Ригу, Ревель, входившие в состав Ганзейского союза, не распространялась. Очевидно, статья о весах, предлагавшаяся русской стороной во время переговоров 1487 г., имела целью принятие Ганзой обязательства об унификации весовых единиц в ливонских городах, являвшихся членами Ганзы, с новгородскими весовыми единицами, чтобы избежать убытков, которые несли русские купцы при продаже воска в Ливонии.

Статья о вывозе лошадей должна была пресечь произвол ливонских властей при вывозе русскими лошадей из Ливонии. Как мы уже указывали, ливонские власти из боязни усиления военной мощи Руси запрещали вывоз боевых коней в русские земли и чинили всяческие препятствия торговле лошадьми. В русские земли могли вывозиться лишь лошади определенного размера и цены; чтобы это постановление не нарушалось, каждая вывозимая в Россию лошадь осматривалась, а на вывоз ее ливонская сторона выдавала специальную грамоту, при получении которой уплачивалась пошлина в 1 фердинг. Хотя этот порядок был установлен договором между Орденом, Новгородом и Псковом 1448 г., ливонские власти его нарушали. Новгородцы жаловались, что, вопреки миру и крестоцелованию, заключенному с магистром, при получении грамот на вывоз лошадей из Ливонии с них требуют слишком много денег и они должны платить с лошади 1 марку вместо 1 фердинга.¹⁰ Не довольствуясь незаконными поборами, ливонские власти под предлогом того, что лошади не подходят под установленные нормы, отнимали их

¹⁰ Жалобы новгородцев на насилия над их купцами в Ливонии, 1461 г.: LUB, Bd. XII, № 80.

у русских купцов без всякой компенсации. Договор Новгорода с Орденом 1481 г. предусматривал устранение этого произвола. Договор подтверждал статьи договора 1448 г. о вывозе лошадей из Ливонии в Россию и включал новую статью, запрещавшую нарвскому фогту (в обязанности которого входил контроль над вывозом лошадей) увеличивать вывозную пошлину и отнимать лошадей. Настаивая на включении в договор с Ганзой 1487 г. статьи о вывозе лошадей, по содержанию своему, вероятно, аналогичной изложенным статьям договора с Орденом 1481 г., великий князь добивался, чтобы ливонские города в соответствии с обязательством, которое примет Ганза, активно содействовали пресечению произвола ливонских властей при вывозе лошадей в русские земли.

Защиту прав русских купцов в Ливонии преследовала и статья «о проводниках». Новгородские купцы в Ливонии, как и ганзейские купцы в Новгородской земле, не имели права при перевозке товаров использовать собственный обслуживающий персонал, а должны были прибегать к услугам местных проводников, возчиков и т. д. Договор Новгорода с Орденом 1481 г. гарантировал новгородским купцам право нанимать в проводники по своему желанию либо горожанина, либо селянина (см. с. 168). Очевидно, договор с Ганзой должен был включать подтверждение этого права со стороны ганзейских городов.

Статья «о торговле всеми товарами без исключения» по содержанию, по-видимому, была аналогична статье договора с Орденом 1481 г., гласившей: «А купити новгородцу всякий товаръ без вывѣта, и продати ему всякий товар доброволно в княжой мистровой державѣ, в Риги и на Юрьеве, и на Колывани, и на Ругодивѣ и во всехъ городѣхъ в княжѣ мистровыхъ и въ бискупскихъ городѣхъ».¹¹ Этой статьей магистр гарантировал новгородцам свободу торговли в Ливонии всеми товарами, без каких-либо ограничений. Аналогичной гарантии добивались великокняжеские наместники от Ганзы в 1487 г.

Статья о наказаниях за повреждение бороды, как и аналогичная статья договора с Орденом 1481 г., имела целью защитить русских купцов в Ливонии от физических насилий (см. с. 169).

Интересна статья «о Русском конце в Дерпте». Как мы уже неоднократно указывали, Дерпт являлся одним из центров русской торговли в Ливонии. В городе было русское население, сосредоточенное в «Русском конце». Иван III на протяжении всего своего княжения проявлял неизменное внимание к судьбам русских в Дерпте. Во всех договорах, заключенных с Ливонией во время правления Ивана III (начиная с договора 1463 г. между Псковом и Дерптским епископством), всегда помещалась статья, обязывающая ливонские власти Русский конец и русские

¹¹ АЗР, т. I, № 75, с. 96.

церкви в Дерпте «держать по старине» и «не обидеть».¹² Поскольку Дерпт являлся членом Ганзейского союза, аналогичное обязательство Иван III хотел получить и от Ганзы.

Большое значение имела и статья «о свободе, которую новгородцы должны иметь в Нарве». Она содержала перечень «свобод» — льготных условий, которыми новгородцы должны были пользоваться в Нарве. Раскрыть эти условия нам опять помогает договор с Орденом 1481 г. Согласно договору, в случае, если новгородец совершил торговую сделку в Нарве на реке и взял у немца из его бусы товар прямо в свою ладью, нарвские власти не должны были с этой сделки взимать пошлину. Пошлины с новгородцев не взимались и в том случае, если они, направляясь в другие ливонские города, в Нарве перегружали свои товары на телеги. Далее, весовички в Нарве не должны были, как это, по-видимому, имело место раньше, «колупать» в свою пользу взвешиваемый новгородский воск: «колупать», и то «мало», могли лишь купцы, покупавшие воск; капь для взвешивания воска должна была соответствовать новгородской. Внимание правительства Ивана III к условиям торговли новгородских купцов в Нарве было обусловлено особой ролью Нарвы в русской внешней торговле. По договору 1481 г. Иван III добился согласия Ордена на создание условий, благоприятствующих дальнейшему развитию торговли новгородцев в Нарве. Во время русско-ганзейских переговоров 1487 г. он хотел, по-видимому, получить подтверждение этих условий от Ганзы.

О содержании статьи, лакоично названной «о магистре», мы можем только догадываться. Может быть, учитывая опыт войны с Орденом 1480—1481 гг., когда Ганза по просьбе магистра помогала Ордену в войне против Новгорода и Пскова, Иван III этой статьей добивался от Ганзы обязательства в случае русско-ливонских конфликтов не оказывать помощи Ордену. Намек на это мы находим в отчете послов Дерпта и Ревеля. Излагая переговоры, которые велись после предъявления русскими перечня желаемых ими статей, послы отмечают, что наместник великого князя интересовался тем, как будут вести себя города, если у великого князя возникнет вражда с магистром.¹³

Помимо требований, которые содержались в перечне русских статей, приведенных в отчете послов Дерпта и Ревеля, в ходе переговоров русской стороной было выдвинуто, по-видимому, еще одно требование — о принятии ганзейскими городами на себя ответственности за ограбления новгородских купцов на море. Послы Дерпта и Ревеля в своем отчете об этом требовании не

¹² См. выше, с. 137—141. В договоре Новгорода с Орденом 1493 г. и в договорах Новгорода и Пскова с Орденом 1503 г. статья о русских церквях и конце в Дерпте заменена статьей об обязательстве ливонских властей оберегать русские церкви во всех ливонских городах.

¹³ Отчет послов Дерпта и Ревеля о переговорах в Новгороде: НУВ, Bd. XI, № 102, § 9.

упоминают, но в договоре с Ганзой 1487 г. мы находим специальную статью об ответственности Ганзы за несчастья, случившиеся с новгородцами на море. Поскольку требование о принятии Ганзой на себя такой ответственности выдвигалось русской стороной уже с 20-х годов XV в., постольку мы вправе предположить, что оно фигурировало и во время переговоров 1487 г., но почему-то в отчет ганзейских послов не попало.

Мы подробно остановились на статьях, предложенных русской стороной во время переговоров с Ганзой в 1487 г., потому, что в этих статьях получили яркое отражение цели политики Ивана III в отношении Ганзы. В его политике можно проследить две линии. Одна была направлена на изменение порядка торговли между новгородцами и ганзейцами в Новгороде с целью ликвидации привилегий ганзейцев в торговле солью, медом, сельдью, сукнами и обеспечения для новгородцев справедливых условий торговли; здесь великокняжеская власть лишь повторяла требования Новгорода времени его независимости. Другая линия торговой политики Ивана III заключалась в содействии развитию русской торговли за рубежом, и в этом отношении великокняжеская программа была гораздо шире новгородской. Помимо требования «чистого пути» за море, неоднократно выдвигавшегося Новгородом в XV в., великокняжеская власть предъявляла много новых требований, касающихся торговли русских в Ливонии.

Факт обращения русского правительства с требованиями, касающимися торговли русских в Ливонии, к Ганзейскому союзу является весьма симптоматичным. Он свидетельствует о возникновении в 80-х годах XV в. у русского правительства тенденции рассматривать в вопросах, относящихся к торговле русских в Ливонии, Ганзу и Ливонию как единое целое и соответственно сближать свою ганзейскую политику с ливонской. Эта тенденция объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Наиболее важное заключалось в развитии русской торговли в Ливонии. Мы уже отмечали, что по ряду причин новгородцам выгоднее было совершать торговые сделки в ливонских городах, нежели торговать с ганзейцами у себя в Новгороде. И это побуждало новгородцев активно посещать ливонские города. О размахе, который получила торговля русских купцов в Ливонии во второй половине XV в., свидетельствует один очень интересный документ. В 1476 г. ганзейские города, собравшиеся на съезд в Любеке, писали ливонскому магистру, что русские купцы, «вопреки старым обычаям», посещали теперь не только крупные центры Ливонии, но и маленькие города; что во время своих поездок по Ливонии они пользовались не предназначенными для этого главными дорогами, а различными обходными путями, благодаря чему хорошо узнали страну; что, вопреки «старине», они вели в ливонских городах торговлю с местным населением — «не немцами». Пугая магистра ущербом, который все это может при-

нести стране и купечеству, представители городов просили, «чтобы такая необычная торговля в необычных городах русских с немцами была прекращена и чтобы это соблюдалось и им не разрешалось бы больше, чем исстари».¹⁴ Вследствие такого развития русской торговли в Ливонии в XV в. центр западной торговли России из Новгорода все больше перемещался в ливонские города. Отсюда то значение, которое приобрели в русско-ганзейских отношениях вопросы торговли русских в Ливонии. Другим обстоятельством, побуждавшим великокняжеское правительство сближать свою ганзейскую политику с ливонской, являлось своеобразие юридического положения ливонских городов. Расположенные на землях Ордена и епископов, ливонские города находились в зависимости от них; в то же время, будучи членами Ганзейского союза, они должны были подчиняться его постановлениям. Двойное подчинение ливонских городов побуждало русское правительство добиваться гарантии в отношении торговли русских в Ливонии и от ливонских ландесгерров, и от Ганзы.

Если сопоставить требования, предъявленные великокняжескими представителями Ганзе в 1487 г., с содержанием грамоты, дарованной Иваном III ганзейскому купечеству в 1478 г., то можно заметить в намерениях Ивана III по отношению к Ганзе разительную перемену: в 1478 г. Иван III гарантировал ганзейским купцам сохранение традиционных норм русско-ганзейских отношений,¹⁵ теперь по его велению Ганзе были предъявлены требования, ломавшие эти нормы. Такая перемена была вызвана изменением внутреннего и внешнего положения России, успехами Москвы в деле объединения русских земель и борьбы с внешними врагами: в 1480 г. было ликвидировано татарское иго, в 1481 г. заключен выгодный для России мирный договор с Ливонией, в 1485 г. подчинено московской власти Великое княжество Тверское и, наконец, почти за десятилетие, истекшее со времени дарования Иваном III грамоты ганзейскому купечеству, были упрочены позиции великокняжеской власти в Новгороде. Все это давало возможность правительству Ивана III перейти к активной политике по отношению к Ганзе, и этот переход получил свое яркое выражение в требованиях, предъявленных великокняжескими представителями ганзейским послам в 1487 г.

Статьи, предложенные русской стороной для включения в договор с Ганзой, были отвергнуты ее послами. По поводу статьи «о свободе, которую новгородцы должны иметь в Нарве», послы заявили, что Нарва — неганзейский город, поэтому никаких обязательств в отношении нее Ганза брать на себя не может. Остальные статьи послы отклонили на том основании, что им был дан приказ заключить договор на основе старого кресто-

¹⁴ HR2, Bd. VII, Leipzig, 1892, № 364.

¹⁵ HUB, Bd. XI, № 95.

целования. В течение последующих дней обе стороны продолжали переговоры, но они не продвинулись вперед, и послы Дерпта и Ревеля жаловались, что они 16 дней «ходили праздно». Между тем 29 марта из Москвы приехал посланный туда ранее из Новгорода гонец. 1 апреля послам был предъявлен проект договора, составленный, вероятно, на основе инструкций, привезенных гонцом из Москвы. Проект не удовлетворил ганзейских послов, ибо, как гласит отчет, «о торговле по старине с обеих сторон там ничего не было». Недовольство послов вызвала также необычная для грамот Великого Новгорода периода его самостоятельности, но принятая в грамотах великого князя формула о том, что послы «били челом» великому князю и он их «пожаловал». Послы заявили о своем несогласии с проектом договорной грамоты и пригрозили уехать.¹⁶ Дальнейшее течение переговоров неизвестно, но в конце концов обе стороны пришли к соглашению, результатом чего явился договор о 20-летнем мире.¹⁷

Договор 1487 г. — первый договор, заключенный между Ганзой и Новгородом после того, как он вошел в состав единого Русского государства. По существу это договор между Русским государством и Ганзейским союзом. Этим определяется его значение.

Договор состоит из введения, семи статей и заключения. Во введении сообщается о прибытии в Новгород, «отчину великого князя», немецких послов: от Дерпта — бургомистра Тимана Геркена и ратмана Иоганна Гаке, от Ревеля — бургомистра Иоганна Рутерта и ратмана Лодевиха Круффта, которые от имени 73 немецких городов заключили мир с наместниками великого князя от 25 марта до 25 марта на 20 лет.

Первая статья договора содержит обоюдную гарантию (для немецких купцов в Новгородской земле и для новгородских купцов в «Немецкой земле») «чистого пути» и беспрепятственной торговли, причем указывается, что купцы должны приезжать и уезжать, а также торговать «по старым грамотам и по этой грамоте, по старому крестному целованию и по этому крестному целованию, безо всякой хитрости». Эта статья в том или ином варианте встречается во всех новгородско-немецких (новгородско-ганзейских и новгородско-ливонских) договорах начиная с договора 1189—1199 г. Повторяемость ее естественна, ибо взаимная гарантия беспрепятственного проезда и торговли купцов является краеугольным камнем торговых сношений между любыми сторонами. Рассматриваемая с этой точки зрения статья в равной мере отвечала интересам Новгорода и Ганзы. Но взятая в конкретно-исторической обстановке второй половины XV в.

¹⁶ Отчет послов Дерпта и Ревеля о переговорах в Новгороде: НУВ, Вд. XI, № 102.

¹⁷ HR3, Вд. II, № 136. — Русский перевод текста договора см.: К а з а к о в а Н. А. Русско-ганзейский договор 1487 г., с. 225—226.

в связи с требованиями, выдвигавшимися сначала Новгородом, а после его подчинения Москве великокняжеским правительством, эта статья должна быть признана соответствующей в первую очередь интересам Ганзы, ибо сохранение «старинны» в сфере торговли означало и сохранение тех условий торговли между новгородцами и ганзейцами в Новгороде, отмены которых добивалась русская сторона.

Вторая статья договора повторяла встречавшееся в более ранних новгородско-ганзейских договорах (в частности, в Нибурове мире 1392 г.) положение о том, что в случае распри Новгорода с его соседями — Швецией, Орденom или Нарвой — немецкие купцы в Новгороде не должны задерживаться. Эта статья была направлена против стремления Новгорода в случае конфликтов со своими соседями, особенно с Орденom, рассматривать ганзейских купцов как принадлежащих к враждебному лагерю и соответственно подвергать их репрессиям. В то же время статья отвечала желанию ганзейцев (высказанному, в частности, во время переговоров 1487 г.), чтобы русская сторона признала тот принцип, что «дела земли», т. е. Ордена, не являются «делами купца», т. е. Ганзы, и таким образом ганзейским купцам в случае русско-ливонских конфликтов была гарантирована безопасность. Но действительная ценность этой гарантии была невелика, ибо реальная политическая обстановка показывала русскому правительству, что «дела купца» и «дела земли» тесно связаны и чем дальше, тем больше усиливалась зависимость ганзейской торговли от позиции Ордена, а это заставляло русские власти рассматривать Орден и Ганзу как силы, принадлежавшие к одному лагерю.

Третья и четвертая статьи договора являются новыми для формуляра новгородско-ганзейских договоров.

Третья статья касается давно наболевшего вопроса об ответственности Ганзы за ограбление новгородских купцов во время их поездок по морю. Этот вопрос впервые был поставлен новгородским правительством еще в начале 20-х годов XV в. в связи с ограблением новгородских купцов пиратами, происходившими из ганзейских городов. Возникшая между Новгородом и Ганзой распря закончилась подписанием договора в 1423 г., по которому ганзейские города брали на себя обязательство искать ограбленный у новгородцев в 1420 г. товар, новгородцы же обещали не подвергать репрессиям немецких купцов из-за товара, который найти не удастся.¹⁸ Согласно буквальному смыслу договора 1423 г., действие этого решения на будущее не распространялось. В дальнейшем новгородское правительство не раз ставило перед Ганзой вопрос о гарантии новгородцам «чистого пути за море», но постоянно наталкивалось на упорное противодействие. Решить спор о «чистом пути за море» для новгородцев удалось только по договору 1487 г.

¹⁸ ГВНП, № 62.

Третья статья договора гласит: «Если случится повгородскому купцу зло на море от злых людей, которые имеют дом в 73 городах, то 73 города должны их наказать смертью и должны новгородскому купцу возвратить его товар. Если же случится зло от других злых разбойников, и 73 города получают известие [об этом], то они должны сообщить о разбойниках наместникам великого государя в Великий Новгород, отчину великого государя, по крестоцелованию, и если сумеют они захватить злых людей, то должны они наказать их смертью и новгородскому купцу его товар возвратить. Также если случится ущерб в Новгородской земле немецкому купцу или его товарам, то должны наместники великого князя в его отчине, в Великом Новгороде, искать злых людей, и если найдут они злых людей, то должны наказать их смертью и немецкому купцу возвратить его товар, и из-за злых разбойников не должны новгородские купцы задерживаться ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле». Согласно этой статье Ганза принимала на себя обязательство отвечать за ущерб, причиненный новгородским купцам на море «злыми людьми» — пиратами. При этом предусматривалось два случая: 1) если «злые люди» имеют дом в 73 городах, т. е. являются уроженцами ганзейских городов, то ганзейские города обязаны искать их и, если найдут, казнить, а товар возвратить новгородцам; 2) если же новгородцы пострадали от других «злых людей», т. е. не являвшихся выходцами из ганзейских городов, то города, в случае если они получают известие о них, обязаны сообщить великокняжескому наместнику, а также принять меры для отыскания товаров новгородцев. Вторая часть статьи трактует ответственность Великого Новгорода за ущерб, который может быть причинен немецким купцам в Новгородской земле. В этом случае Новгород принимает на себя обязательство, аналогичное тому, которое дала Ганза. Таким образом, обе стороны брали на себя равные обязательства. Но по существу эта статья отвечала интересам русского купечества, ибо удовлетворяла требование Новгорода, до сих пор упорно отклонявшееся Ганзой.

Следующая, четвертая, статья договора тоже касается вопросов, связанных с заморскими поездками новгородских купцов. Так как новгородские купцы часто пользовались судами вместе с ганзейскими купцами, то в случае пропажи товара из-за кораблекрушения, грабежа или еще по какой-нибудь причине между немцами и новгородцами легко возникали споры из-за дележа оставшегося товара, поэтому статья устанавливала определенные правила дележа товара: что останется после несчастного случая, немец должен делить с новгородцем соответственно доле товара, принадлежавшего каждому из них.¹⁹

¹⁹ Данное нами ранее толкование этой статьи: «Что останется после несчастного случая, немец должен делить с новгородцем поровну» (ИЗ, № 47, с. 12) — является неверным. В настоящей работе мы используем

Рассматриваемая статья вводила новые по сравнению с действовавшим в районе Балтики обычаем принципы дележа спасенного товара. По традиции грузовладельцы из спасенного после кораблекрушения имущества могли получать только то, что принадлежало им с самого начала: имущество с их «знаком собственности», как говорили ганзейцы. Таков был обычай ганзейских и готландских купцов, ездивших в Новгород по морю. При этом способе дележа спасенных товаров один из грузовладельцев (чьи товары уцелели) мог получить все спасенное имущество, другой (чьи товары погибли) — ничего. По договору 1487 г. предусматривался раздел спасенного добра между всеми грузовладельцами соответственно доле, которой они владели с самого начала, независимо от того, чей товар уцелел. Этот принцип, который И. Э. Клейненберг считает более справедливым, был введен, по его мнению, под влиянием обычного права, действовавшего в Новгороде и воспринятого после подчинения Новгорода Москве московскими властями.²⁰

Пятая статья договора 1487 г. являлась традиционной для русско-ганзейских договоров. Она содержала обоюдную гарантию справедливого суда для купцов обеих сторон на чужбине, причем указывала, что «по всем обидным делам» суд следует давать «по старым грамотам и по этой грамоте, безо всякой хитрости». Таким образом, здесь, как и в первой статье, подчеркивается, что отношения между Новгородом и Ганзой восстанавливаются на основе «старины». С этой статьей по содержанию связана седьмая статья. Цель ее — защита купца, находящегося на чужбине, от насилий со стороны местных властей: купца на чужбине нельзя ни в клеть сажать, ни в погреб, ни заключать в оковы, но следует ему «правду (суд) дать» по крестному целованию. Впервые рассматриваемая статья встречается в договорной грамоте о двухлетнем перемирии между Новгородом и Ганзой 1466 г. Но там она носила односторонний характер: трактовала вопрос о новгородцах, находившихся в «Немецкой земле»;²¹ в договоре же 1487 г. статья касалась как новгородцев в «Немецкой земле», так и немцев в Новгороде.

Шестая статья договора 1487 г. имела в виду прибытие в Новгород во время действия договора посольства от всех 73 ганзейских городов обеих сторон моря. Статья, по-видимому, предусматривала подтверждение договора ганзейским посольством с участием представителей заморских городов, поскольку договор был заключен только представителями ливонских городов.

указание И. Э. Клейненберга, что *средненижнемецкое na partall* (читающееся в тексте статьи) соответствует латинскому *pro rata parte* и должно переводиться «соответственно доле каждого» (Клейненберг И. Э. Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв., с. 354).

²⁰ Там же, с. 357—358.

²¹ ГВНЦ, № 76.

В заключение указывается, что на договорной грамоте крест целовали немецкие послы, а с русской стороны — бояре и купеческие старосты. Великокняжеские наместники креста не целовали и на грамоте только подписались.

Если мы сравним содержание договора 1487 г. с той программой, которая была выдвинута русской стороной во время переговоров, то должны будем констатировать, что лишь небольшая часть этой программы нашла свое отражение в договоре. При заключении договора представители великого князя отказались от своих требований, направленных на изменение порядка торговли ганзейцев в Новгороде солью, медом, сукнами, от большинства требований, целью которых являлось устранение помех для заграничной торговли новгородцев (все требования, касающиеся торговли новгородцев в Ливонии, в договор не попали). Более того, великокняжеские представители согласились на включение в договор гарантии «старины» и в вопросах торговой деятельности ганзейских купцов и юридического положения их. Несмотря на это, договор 1487 г. все же свидетельствует о переломе, происшедшем в русско-ганзейских отношениях.

Перелом нашел свое выражение уже в формуляре договора. Если прежде новгородско-ганзейские договоры начинались с формулы «Приехали немецкие послы в Великий Новгород к преосвященному архиепископу Великого Новгорода..., и к посаднику..., и к старым посадникам, и к тысяцкому..., и ко всему Новгороду, и немецкие послы... руку взяли у посадника новгородского...»,²² то договор 1487 г. начинается с характерного для ряда документов, вышедших из московской дипломатической канцелярии, введения: «По божьей воле и по велению великого государя... приехали немецкие послы... и били челом..., и докончали мир».²³ За разными формулировками скрывались разные воззрения на положение договаривающихся сторон. Прежняя формулировка новгородско-ганзейских договоров исходила из равенства обеих сторон, формулировка договора 1487 г. подчеркивала могущество России и слабость позиций Ганзы. Вот почему во время предварительных переговоров вопрос о включении в договор формулы о «челобитьи» вызвал возражения ганзейских послов, но в конце концов они вынуждены были с нею согласиться.

Еще больше о потере Ганзой ее позиций свидетельствует включение в договор статьи об ответственности Ганзы за ограбления новгородских купцов на море. Принятие Ганзой этой ответственности означало по существу согласие ее на предоставление новгородцам «чистого пути за море», т. е. реализацию того требования, которого новгородцы безуспешно добивались более полувека.

²² См., например, договор 1436 г. (ГВНЦ, № 67).

²³ Эта формула заимствовала из договора с Орденом 1481 г. (АЗР, т. I, № 75).

Таким образом, договор 1487 г. по оформлению и частично по содержанию отвечал интересам русской стороны. Ганзейские города при заключении его пошли на уступки, которые были обусловлены в первую очередь политическими изменениями, происшедшими на Руси. Ганзейскому союзу противостоял теперь не раздираемый внутренними противоречиями Новгород, доживавший последние дни своей политической самостоятельности, а единое Русское государство, возглавляемое могущественным государем — великим князем Московским. В его могуществе, в его решимости защищать интересы своего государства и своих подданных Ливония и Ганза смогли убедиться на опыте русско-ливонской войны 1480—1481 г. И теперь, во время переговоров о мире между Новгородом и Ганзой, ганзейские представители сочли за лучшее по некоторым вопросам уступить.

Но и великокняжеская власть отказалась от своей первоначальной программы. Мы не можем сказать с полной определенностью, почему великий князь отступил от своих начальных требований, почему, добившись уступки Ганзы в вопросах, связанных с заморскими поездками новгородских купцов и формуляром договора, он согласился на подтверждение для ганзейцев прежних условий их торговли и отказался от требования предоставления Ганзой гарантий торговой деятельности новгородцев в Ливонии. Никаких указаний по этому поводу источники не дают. Вероятнее всего, согласие великого князя на отступление от первоначально начертанных им требований, предъявленных ганзейским послом, находилось в связи с общим внешнеполитическим положением Русского государства в момент, когда происходили русско-ганзейские переговоры. К. В. Базилевич весьма убедительно показывает, что в 1480-х годах, после освобождения от татарского ига, главной внешнеполитической задачей Ивана III являлось обеспечение безопасности восточной и южной границ Русского государства, без чего немислим был переход к активной политике на Западе.²⁴ Весной 1487 г., когда в Новгороде велись переговоры с ганзейскими послами, великий князь был занят подготовкой к решительному наступлению на Казань, чтобы обезвредить этот очаг опасности на востоке русской земли. Не удивительно, что в этих условиях, получив из Новгорода известие об упорном нежелании ганзейских послов принять русский проект договора в его полном объеме, Иван III дал указание пойти на уступки, чтобы не ослаблять положения на западных границах Руси.

Таким образом, хотя договор 1487 г. бесспорно свидетельствует о переломе в русско-ганзейских отношениях, об изменении соотношения сил в пользу русской стороны, тем не менее по своему характеру он был компромиссным и, как всякий

²⁴ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 169—220.

компромисс, не мог быть прочным. Это прекрасно сознавали сами ганзейские послы, отнюдь не возлагавшие радужных надежд на заключенный ими с таким трудом договор. Заканчивая отчет о своем посольстве в Новгород, они следующим образом характеризовали договор: «Это — мост, который не следует слишком нагружать, иначе он упадет в воду».²⁵ Дальнейшие события показали, что для скептицизма послов имелись основания.

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ТОРГОВЛИ ГАНЗЕЙЦЕВ В НОВГОРОДЕ В КОНЦЕ 80-Х—НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XV В.

Требования, предъявленные представителями Ивана III ганзейским послам в 1487 г., были, как мы установили, продолжением и дальнейшим развитием основных направлений внешнеторговой политики Новгорода, имевшей целью покровительство торговле новгородского купечества. И хотя новгородско-ганзейский договор 1487 г. явился отступлением от намеченной правительством Ивана III программы, тем не менее он свидетельствовал о внимании Ивана III к интересам новгородского купечества.

Выводу о намерении Ивана III оказывать содействие развитию торговли Новгорода противоречат, на первый взгляд, мероприятия, проведенные по отношению к новгородским купцам в 1487—1489 гг. Весною 1487 г., вскоре после заключения новгородско-ганзейского договора, из Новгорода были «выведены» 50 лучших гостей. «Выводы» купцов повторились зимою 1487/88 и в 1489 г. На место «выведенных» были поселены московские купцы.²⁶ Некоторые исследователи расценивают «выводы» новгородских купцов как меры, имевшие целью уничтожение торгового могущества Новгорода.²⁷ Однако нам кажется правильным мнение В. Н. Бернадского, что выселение новгородских купцов, как и бояр, было обусловлено соображениями отнюдь не экономического порядка. «Выводы» новгородских купцов и сопутствовавшее им переселение московских являлись средством борьбы с оппозицией московским порядкам, охватившей не только боярство,

²⁵ НУВ, Vd. XI, № 102, § 16.

²⁶ О высылке купцов из Новгорода сообщается в письме Дерпта двум ревельским ратманам от 25 июня 1487 г. (HR3, Vd. II, № 174). Во Владимирском летописце читается известие о «выводе» в 1487 г. из Новгорода 50 гостей (ПСРЛ, т. XXX, М., 1965, с. 137). В своде 1508 г. и Воскресенской летописи находится известие о «выводе» в 1489 г. из Новгорода более тысячи бояр, житых людей, гостей (ПСРЛ, т. VI, с. 37; т. VIII, с. 218), в Львовской и Софийской второй летописях — о «выводе» в 1488 г. более семи тысяч житых людей (ПСРЛ, т. VI, с. 238; т. XX, ч. 1, с. 353). В Никоповской летописи имеются известия о «выводах» 1487 и 1489 гг. (ПСРЛ, т. XII, с. 219—220).

²⁷ Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXXI, S. 87.

но и какую-то часть посада.²⁸ «Переведенные» московские купцы, как испомещенные на новгородских землях дворяне, должны были служить политической опорой великокняжеского правительства, но в экономическом отношении купцы-переселенцы неизбежно должны были слиться с оставшимися новгородским купечеством, войти в его состав. Таким образом, «выводы» новгородских купцов и переселение московских имели своим следствием изменение состава новгородского купечества, но не его уничтожение (хотя, конечно, «выводы» новгородских купцов и замещение их московскими не могли не оказать временного отрицательного влияния на торговую деятельность Новгорода).

Мероприятия Ивана III конца 80-х—начала 90-х годов, касающиеся внешней торговли Новгорода, показывают, что он ставил своей целью не подрыв торговой деятельности вновь подчиненного города, а, наоборот, содействие ее развитию, ибо эти мероприятия представляли собой, как мы это попытаемся показать, решение основных задач торговой политики, выдвигавшихся еще правительством Новгородской республики.

В конце 80-х—начале 90-х годов великокняжеские наместники в Новгороде провели ряд мер для изменения порядка торговли с ганзейцами. Приступив к практическому осуществлению этой задачи, наместник великого князя в Новгороде в первую очередь ликвидировал одну из наиболее доходных привилегий ганзейского купечества — право продажи соли мешками и меда бочками без взвешивания. В 1488 г. наместник великого князя издал распоряжение о том, что соль и мед могут продаваться только по весу, поэтому при продаже эти товары надлежит доставлять на весы. Это распоряжение встревожило ливонские города, и в результате переписки между ними решено было отправить к великому князю послов с просьбой отменить нововведения и восстановить «старину».²⁹

В качестве послов были избраны представитель Ревеля Томас Гаденбеке и приказчик немецкого двора в Новгороде Ганс Гертвиг. Послы, прибывшие в Москву в начале 1489 г., принесли великому князю от имени 73 городов Ганзы ряд жалоб на нарушение прав и привилегий ганзейского купечества в Новгороде. Основное содержание жалоб составляли сетования по поводу постановления наместника об обязательном взвешивании меда и соли и попытки оправдать ганзейцев в недостаточности веса этих товаров. Кроме того, от имени ганзейского купечества послы обратились к великому князю с жалобами и на другие, более мелкие нарушения «старинны»: на то, что территория, прилегающая к немецкому двору, застроена новгородцами, что приказчику двора новгородские власти не разрешают розничную продажу спиртных

²⁸ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 337.

²⁹ Переписка между Дерптом и Ревелем от ноября—декабря 1488 г.: HRЗ, Vd. II, № 258, 259; НУВ, Vd. XI, № 257.

напитков и т. д.³⁰ На жалобу ганзейцев по поводу нововведений в торговле солью и медом великий князь ответил, что он не нуждается немецких купцов к обязательному взвешиванию: они могут продавать свои товары «по старине», без взвешивания, всем, кто захочет их так покупать; он обязывает взвешивать соль и мед своих подданных, повгородцев, а делает он это потому, что они много раз жаловались, что в прежние времена ласт меда или соли весил 120 ливонских фунтов, а теперь не больше 80 или 90. По поводу остальных жалоб, принесенных ганзейскими послами, великий князь заявил, что летом он прибудет в Новгород для разбора всех «обидных дел» и к этому времени города должны прислать туда своих послов. Когда послы возвратились из Москвы в Новгород и сообщили ганзейским купцам ответ великого князя, последние немедленно отправились к наместнику, чтобы выяснить, могут ли немецкие купцы продавать, как сказал им великий князь, соль и мед без взвешивания, «по старине». Наместник повторил остроумный ответ великого князя, что распоряжение о взвешивании относится не к немецким купцам, а к новгородцам.³¹ Великий князь не нарушал крестоцелования: немецкие купцы могли продавать свои товары без взвешивания, но только подданным великого князя — новгородцам — запрещалось совершать какие-либо сделки без взвешивания товаров. Так простым распоряжением великокняжеского наместника, облеченным в остроумную форму, был решен давний спор между Новгородом и Ганзой из-за условий продажи ганзейцами их товаров в Новгороде, и ганзейцы лишились одной из наиболее доходных привилегий, которыми они пользовались в Новгороде.

Сведения о положении дел в Новгороде вызвали тревогу среди ганзейских городов. В завязавшейся переписке города предлагали различные меры для изменения создавшегося положения: Ревель предлагал, чтобы в знак протеста немецкие купцы вывезли свои товары из Новгорода, Рига и Дерпт считали целесообразным созвать съезд ливонских городов. Любек, как глава Ганзейского союза, решил от своего имени обратиться к великому князю, используя для этого авторитет посла великого князя к императору Юрия Траханиота. По просьбе рата Любека Юрий обратился к великому князю с ходатайством за ганзейских купцов, которое он отправил великому князю вместе с письмом властей Любека.³² Однако это заступничество не помогло. Великий князь ответил лишь, что он рассудит все спорные дела в Новгороде, который собирается вскоре посетить.³³

³⁰ Жалобы ганзейского купечества: НУВ, Bd. XI, № 277.

³¹ Письмо немецкого двора Дерпту от 19 марта 1489 г.: НРЗ, Bd. II, № 261.

³² Переписка ганзейских городов: НУВ, Bd. XI, № 289, 296; НРЗ, Bd. II, № 262—264.

³³ Письмо Ревеля Любеку от августа 1489 г.: НУВ, Bd. XI, № 316.

Пока ганзейские города тщетно изыскивали средства для восстановления «старины» в Новгороде, там было проведено еще одно мероприятие, ущемлявшее интересы ганзейского купечества. До сих пор одной из важнейших привилегий ганзейцев в Новгороде являлось почти полное освобождение от уплаты пошлин: ганзейцы уплачивали лишь одну проезжую пошлину — в Гостинополье и одну весовую в самом Новгороде — весчее, причем эта пошлина взималась от акта взвешивания, независимо от веса товара (см. с. 31). Теперь по распоряжению великого князя было введено новое правило: весовщики, приставленные к весам при церкви св. Ивана, должны были взимать 3 деньги не с взвешиваемого товара целиком, а с каждого корабельного фунта его веса.³⁴ На повышение весовой пошлины в Новгороде аналогичным мероприятием ответил Ревель. Здесь была повышена пошлина за провес товаров, чтобы повлиять на русских и добиться отмены невыгодного для ганзейских купцов постановления,³⁵ но эти действия успеха не имели.

В начале 1494 г. ганзейскому купечеству в Новгороде был нанесен еще один удар: было ликвидировано право ганзейцев «колупать» покупаемый у новгородцев воск и требовать «наддач» к мехам, приобретаемым у новгородцев. Эта мера, как и принятое раньше постановление об обязательном взвешивании соли и меда, была проведена в форме одностороннего, обязательного лишь для новгородцев распоряжения новгородских властей. Сообщая об этом нововведении, власти немецкого двора писали: «Да будет ведомо вашей милости, что наместники великого князя и купеческие старосты постановили и приняли решение, что никакой русский купец не должен немцу давать колупать свой воск под угрозой штрафа в две гривны (stücke) и бичевания; также не должны они давать никаких наддач ни к белке, ни к горностаю, ни к ласке...». Трижды ганзейские купцы обращались к новгородским властям с просьбой отменить нововведение и соблюдать «старину» и трижды получали категорический отказ, причем новгородские власти очень остроумно ответили упреки в несоблюдении крестоцелования и «старины»: «...они (новгородские власти, — П. К.) нам ответили, — читаем мы в письме немецкого двора, — что они хотят держать крестоцелование, но что в нем не стоит, что мы должны колупать воск и брать наддачи; поскольку это не стоит в крестоцеловании, то каждый может продавать свой товар как ему нравится».³⁶

Постановление наместника великого князя 1494 г. о торговле воском и мехами ликвидировало последнюю привилегию ганзейцев в области торговли, которой они еще пользовались в Новго-

³⁴ Письмо немецкого двора Дерпту от 3 августа 1489 г.: HR3, Bd. II, № 266.

³⁵ Письмо Ревеля Дерпту от августа 1489 г.: HUB, Bd. XI, № 315.

³⁶ Письмо немецкого двора Ревелю от 26 марта 1494 г.: HR3, Bd. III, № 330.

роде. Так в течение нескольких лет простыми постановлениями великокняжеских наместников были осуществлены те цели, которых на протяжении почти столетия тщетно добивалось правительство Новгорода: был изменен невыгодный для новгородского купечества порядок торговли между новгородцами и ганзейцами в Новгороде, ликвидированы торговые привилегии ганзейцев. Достижение этих целей означало вместе с тем реализацию одного из пунктов программы ганзейской политики великокняжеского правительства, намеченной в 1487 г.

Другой пункт программы, заключавшейся в содействии развитию заграничной торговли новгородцев, был осуществлен лишь частично — по договору 1487 г. Ганза приняла на себя ответственность за ограбления новгородцев на море. Что касается предоставления Ганзой гарантий условий торговли новгородцев в Ливонии, то это требование великокняжеского правительства ганзейские города в 1487 г. отклонили. В конце 80-х—начале 90-х годов правительство Ивана III с требованиями, касающимися торговли новгородцев в Ливонии, к Ганзе не обращалось: по-видимому, русское правительство сочло нерациональным одновременно менять условия торговли ганзейцев в Новгороде и добиваться от Ганзы гарантий в отношении торговой деятельности новгородцев в Ливонии. Но одно мероприятие в последнем направлении все же было проведено. В начале 1494 г. ганзейских купцов в Новгороде уведомили, что если русским купцам в Риге, Дерпте, Ревеле или Нарве будет причинен ущерб, то за него будут взыскивать с приказчика двора и помощника приказчика в Новгороде,³⁷ иными словами, ответственность за ущерб, причиненный русским купцам в Ливонии, возлагалась на ганзейское купечество в Новгороде. Но это мероприятие представляло собой одностороннее распоряжение великокняжеского наместника и не было равнозначно гарантиям Ганзой торговой деятельности новгородцев в Ливонии. Эти гарантии предстояло еще получить.

Наступление на привилегии ганзейцев в Новгороде в конце XV в. не было изолированным явлением. Аналогичные процессы происходили и в других европейских странах, где ганзейское купечество издавна занимало привилегированное положение.

В Англии 80—90-е годы заполнены жалобами английских купцов на вред, который им приносят привилегии ганзейцев, и требованиями покончить с этими привилегиями. Абсолютизм Тюдоров, опиравшийся на национальную буржуазию, не мог не прислушаться к ее голосу. И хотя Генрих VII подтвердил в 1486 г. условия Утрехтского мира 1474 г., тем не менее он проводит ряд мероприятий, направленных против ганзейцев, в целях содействия развитию английской промышленности, торговли и судоходства: в Лондоне и некоторых других городах Англии была ограничена свобода торговли, которой ганзейцы пользовались ранее; право

³⁷ Там же.

перевозки определенных видов товаров было закреплено только за английскими судами; запрещен ввоз в Англию некоторых товаров (например, шелка), входивших в состав ганзейского импорта в Англию и т. д.³⁸

В Дании король Иоанн следовал ставшей традиционной для датских королей политике ограничения привилегий ганзейцев, проводившейся, правда, в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств с разной степенью настойчивости. Вступив на престол в 1482 г., Иоанн под разными предлогами оттягивал подтверждение привилегий ганзейцев в Дании, которого они добивались. Лишь в 1489 г. он обнародовал всеобщее подтверждение привилегий ганзейским городам, сопроводив его, однако, рядом существенных оговорок. В то же время датские власти осуществляли мероприятия, стеснявшие деятельность ганзейцев: увеличивали торговые пошлины, запрещали ганзейским купцам торговлю с крестьянами и т. д. Против ганзейцев были направлены и мероприятия Иоанна, способствовавшие торговле голландцев в его владениях.³⁹

Таким образом, конец XV в. был временем повсеместного ухудшения положения ганзейцев. Соответственно ганзейские документы этих лет наполнены жалобами на притеснения, которые приходится испытывать ганзейцам в Англии и Дании, Нидерландах и России. «Мы желаем вам дружественно сообщить, — говорится в одном ганзейском документе, датированном весной 1494 г., — что ганзейские бюргеры, купцы и шкиперы в королевствах Англии, Дании, Норвегии, а также в Брюгге во Фландрии и в Новгороде в России, так же как и в других местностях, вопреки ганзейским привилегиям, свободам, старине и добрым обычаям, сильно ущемляются и обременяются различными нововведениями, необычными и тяжелыми постановлениями».⁴⁰ Эти и подобные им жалобы показывают, что ганзейцы остро ощущали происходившие перемены в их положении. В основе перемен лежали возрастающее сопротивление господству ганзейцев в сфере внешней торговли со стороны национального купечества европейских стран и политика покровительства развитию национальной торговли и промышленности, осуществлявшаяся правительствами централизованных государств.

³⁸ Schulz F. Die Hanse und England von Eduards III. bis auf Heinrichs VIII. Zeit. Berlin, 1911, S. 134—145.

³⁹ Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884, с. 141—148.

⁴⁰ Письмо съезда вендских городов в Любеке Зесту от 14 марта 1494 г.: HR3, Bd. III, № 276.

РУССКО-ЛИВОНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XV —
НАЧАЛЕ XVI В.ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА
ЛИВОНСКИМ ОРДЕНОМ РУССКО-
ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ 1501—1503 ГГ.

Образование единого Русского государства во второй половине XV в. создало необходимые предпосылки для постановки русским правительством широких внешнеполитических задач. Они ставились в определенной последовательности. В 80-е годы XV в. после освобождения от татарского ига основной целью внешней политики России являлось укрепление южной и восточной границ против татар.¹ И только когда эта цель была осуществлена, для России стал возможным переход к активной политике на Западе. Он совершился в начале 90-х годов XV в., когда русское правительство приступило к решению важнейшей не только для русского, но и для украинского и белорусского народов задачи — вернуть в состав России русские, украинские и белорусские земли, находившиеся под властью Великого княжества Литовского.

Первая война с Великим княжеством Литовским из-за судеб временно оказавшихся под его властью русских, украинских и белорусских земель имела место в 1492—1494 гг. Во время этой войны, в 1493 г., русское правительство заключило, как мы уже указывали, договор с Ливонией. Этот договор обеспечивал России сохранение на 10 лет мирных отношений с Ливонией, что в условиях начавшейся борьбы с Литвой было для русского правительства чрезвычайно важно. Война 1492—1494 гг. закончилась для России успешно: по условиям мира 1494 г. часть русских земель — Вязьма и верховские земли, — находившаяся под властью Литвы, признавалась входящей в состав Русского государства.² Русско-литовский договор был скреплен браком великого князя Литовского Александра и дочери Ивана III Елены.

Хотя договор 1494 г. и династический брак не устраняли коренного противоречия между Россией и Литвою из-за судьбы рус-

¹ Базилиевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 169—220.

² СРГД, ч. V. М., 1894, № 29.

ских, украинских и белорусских земель, оставшихся еще под властью Литвы, но они это противоречие временно сглаживали и давали возможность правительству Ивана III перейти к решению другой задачи своей западной политики — исправлению русской границы на северо-западе — в Карелии.

После заключения между Новгородом и Швецией в 1323 г. Ореховецкого договора русская граница в Карелии была отодвинута на восток, так как западные карельские погосты отошли к Швеции. В 20-е годы XV в. Новгород пытался исправить свою границу и предъявил Эрику Померанскому, униатскому королю трех скандинавских стран, требование о возвращении потерянных земель, но из этой попытки ничего не вышло.³ Реальная возможность для исправления русской границы в Карелии создалась в 90-х годах XV в. в связи с заключением русско-датского договора 1493 г.⁴

Договор 1493 г. положил начало длительному союзу между Россией и Данией, игравшему большую роль в политической жизни севера Европы конца XV—начала XVI в. Острие русско-датского договора о «дружественном и вечном союзе» было направлено против Швеции, с которой у обоих государств в конце XV в. имелись противоречия: у Дании в связи с борьбой шведов под руководством Стена Стуре против датского владычества, у России — из-за пограничных вопросов. Иван III и Иоанн Датский дали обязательство оказывать друг другу помощь против Стена Стуре. Датский король обещал, кроме того, «быти за один» с великим князем Московским «против врага и неприятеля его князя Литовского». Помимо статей о военно-политическом союзе, договор включал статьи о регулировании пограничных дел, беспрепятственном проезде послов и, наконец, статьи, касающиеся торговых сношений.⁵ При заключении русско-датского договора было согласовано еще одно условие, в его текст не вошедшее, — о признании Данией права России на владение тремя западными карельскими погостами (Эйрепя, Яскис и Саволак), которые некогда принадлежали Новгороду, но затем по Ореховецкому договору отошли к Швеции.⁶

К реализации соглашения в отношении западной Карелии правительство Ивана III приступило после заключения мира с Литвой в 1494 г. Уже в 1495 г. русские войска появились в западной Карелии. Основной удар был нанесен против Выборга. Однако осада его оказалась безуспешной, и в конце декабря русские воеводы возвратились в Новгород. В начале 1496 г. русские войска

³ Казакова Н. А. Дания и Новгород в 20-е годы XV в., с. 19—29.

⁴ СГГД, ч. V, № 110.

⁵ Анализ торговых статей договора см.: Казакова Н. А. Русско-датские торговые отношения в конце XV—начале XVI в. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 89—104.

⁶ Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях, с. 159, прим. 3.

вторично вторглись в западную Карелию. В марте 1496 г. был совершен набег на «Каянскую землю», расположенную у северо-восточного побережья Ботнического залива. Направление русских походов в 1495—1496 гг. показывает, что главной целью русского правительства в начавшейся русско-шведской войне являлось овладение западной Карелией с Выборгом (служившим опорным пунктом шведов в районе Ладожского озера и Невы) и укрепление тем самым русских границ на северо-западе.⁷

Летом 1496 г. последовали ответные нападения шведов на русские владения. В августе шведское войско численностью в 6000 человек, приплывшее к Нарове на 70 судах, овладело Ивангородом.⁸ Однако, не надеясь удержать за собой Ивангород, шведские военачальники предложили передать его Ливонскому ордену, но, не дождавшись ответа Ордена, приказали оставить Ивангород, и шведское войско на кораблях отплыло в Швецию.⁹

Осенью 1496 г. военные действия между Швецией и Россией стихают. Стен Стуре имел все основания стремиться к миру с Россией, так как летом 1496 г. Иоанн Датский вступил с ним в открытую войну. В связи с осложнениями в Казани, где в 1496 г. к власти временно пришла антимосковская группировка, правительство Ивана III также склонилось к заключению мира.¹⁰ Мир был заключен при посредничестве великого князя Литовского Александра, которого просил об этом Стен Стуре,¹¹ в марте 1497 г. сроком на 6 лет. По условиям мира вопрос о границах должен был быть решен на съезде уполномоченных, объявлялись свобода торговли и обмен пленными.¹²

Однако подписание мира со Швецией не привело к установлению спокойствия на западных границах России. Хотя великий князь Литовский Александр выступил посредником при заключении русско-шведского перемирия, но отношения между Россией и Литвой вскоре снова обострились. Передышка, связанная с договором и династическим браком 1494 г., оказалась кратковременной. Она и не могла быть длительной, ибо наиболее важный вопрос не только русско-литовских отношений, но и всей внешней политики России того времени — о возвращении русских, украинских и белорусских земель, находившихся под властью Вели-

⁷ Б а з и л е в и ч К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 387—391.

⁸ Письмо великого магистра немецкому магистру от 19 сентября 1496 г.: LUB2, Bd. I, № 407.

⁹ Письмо ливонского магистра великому магистру от 23 сентября 1496 г.: LUB2, Bd. I, № 413.

¹⁰ Б а з и л е в и ч К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 393; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. III, с. 71—72.

¹¹ Посольские речи великого князя Литовского Александра к великому князю Московскому, март 1497 г.: АЗР, т. I, № 143.

¹² Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях, с. 158—159.

кого княжества Литовского, — оставался нерешенным. Правящие круги Литвы стремились удержать за собою эти земли, православленное же население их тяготело к Москве. Новая война была неизбежной, и на русско-литовской границе с 1498 г. вновь возникают конфликты.¹³

Таково было положение на западных границах России в 90-е годы XV в. При этих условиях Россия живейшим образом была заинтересована в поддержании мирных отношений с Ливонией. Сохранение мира на русско-ливонской границе отвечало не только традиционному, выраженному в русско-ливонских договорах 1481 и 1493 гг. стремлению русского правительства к расширению мирных экономических связей с Ливонией, к развитию торговли русского купечества в ливонских городах; оно отвечало и насущным военно-политическим потребностям России, ибо в условиях русско-шведской войны и все возрастающей напряженности в сфере русско-литовских отношений новые военные конфликты были отнюдь не в интересах России.

Установка русского правительства на сохранение мира с Ливонией не была поколеблена и начавшимся в 1494 г. русско-ганзейским конфликтом. Поводом к конфликту послужила казнь в Ревеле двух русских, приговоренных ревельским судом к смерти за уголовные преступления. В ответ на эту казнь Иван III закрыл ганзейский двор в Новгороде и приказал арестовать всех находившихся там купцов. Но причины закрытия ганзейского двора были более глубокими: они заключались в недовольстве правительства Ивана III положением русских купцов в ливонских городах и стремлении путем принятой радикальной меры добиться от Ганзы (членами которой были и ливонские города) действительных гарантий в безопасности и беспрепятственной деятельности русских купцов в Ливонии (см. далее). Однако, несмотря на чрезвычайное раздражение русских властей и самого Ивана III против ливонских городов и особенно Ревеля, русское правительство с самого начала конфликта с Ганзой заявило о своем намерении соблюдать русско-ливонский договор 1493 г. Известие об этом привез посол ливонского магистра Иоганн Гильдори, посланный в Москву в конце 1494 г. с поручением урегулировать псковско-ливонские пограничные инциденты и хлопотать об освобождении ганзейских купцов и открытии ганзейского двора.¹⁴ Желание Ивана III держать мир с Ливонией подтвердили и прибывшие в Венден 28 ап-

¹³ Письмо Любека ливонским городам от 18 июля 1498 г. и письмо ливонского магистра великому магистру от 25 февраля 1500 г.: LUB2, Bd. I, № 700, 941. О новом обострении русско-литовских отношений с 1498 г. см. также: Карпов Г. История борьбы Московского государства с Польско-литовским. 1462—1508. Ч. II. М., 1867, с. 43—45.

¹⁴ Письма ливонского магистра Ревелю от 25 ноября 1494 г. и съезда ливонских городов в Валке вендским городам от 1 апреля 1495 г.: HR3, Bd. III, № 455, 478.

реля 1495 г. для переговоров с магистром русские послы.¹⁵ Хотя в вопросе о ганзейском дворе в Новгороде русское правительство занимало последовательно твердую позицию — оно соглашалось на возобновление торговли ганзейцев в Новгороде только после удовлетворения требований в отношении статуса русских купцов в ливонских городах, — тем не менее участь арестованных ганзейских купцов была постепенно смягчена: в 1497 г. они были освобождены (за исключением четырех ревельских купцов), тогда же была достигнута договоренность об организации в Нарве в начале 1498 г. съезда русских и ганзейских представителей с целью ликвидации конфликта.¹⁶ В ходе переговоров с посольствами магистра об улаживании русско-ганзейского конфликта (в 1494—1497 гг. было семь таких посольств) русские представители неоднократно подчеркивали, что на все указанные выше шаги великий князь пошел «ради просьб магистра».¹⁷ Эти заявления, подкрепленные соответствующими действиями, также свидетельствуют о решении правительства Ивана III соблюдать договор 1493 г. и сохранять мирные отношения с Ливонией.

Несмотря на четко выраженное стремление русского правительства к сохранению мирных отношений с Ливонией, в документах, исходивших от немецкой стороны (преимущественно от чинов Ливонского ордена), начиная с середины 90-х годов все время высказывалась мысль об опасности русского завоевания Ливонии.

Одним из первых документов, в котором была выражена эта мысль, является письмо некоего Иоганна фон Ункеля Ревелю, написанное 29 мая 1494 г., по-видимому, в Новгороде. Иоганн фон Ункель сообщает, что от приближенных новгородского епископа и великокняжеского наместника в Новгороде он слышал, что великий князь намеревается совершить нападение на Ливонию и для этого поручил греку Мануэлю (послу Ивана III, — *Н. К.*) вербовать мастеров, умеющих строить галеры.¹⁸

С особой настойчивостью мысль об угрозе русского нападения на Ливонию проводилась в многочисленных письмах и обращениях бывшего ландмаршала Ливонского ордена, 7 июля 1494 г. избранного его магистром, Вальтера фон Плеттенберга. В начале лета 1494 г. Плеттенберг (тогда еще ландмаршал) писал великому магистру Тевтонского ордена Гансу Тифену, что Ливония угрожает нападение со стороны русских. После избрания магистром Ливонского ордена он обратился к великому магистру с просьбой о помощи против русских. 29 ноября 1494 г. Плеттенберг вновь

¹⁵ Письмо ливонского магистра Ревелю от 5 июня 1495 г.: LUB2, Bd. 1, № 204.

¹⁶ Vegesack S. Die Gesandtschaften W. von Plettenbergs an den Grossfürsten von Moskau in den J. 1494—1497.

¹⁷ ПСРЛ, т. XXVIII, с. 325—326; ответ великого князя Московского послу магистра около 20 марта 1497 г.: LUB2, Bd. I, № 507.

¹⁸ LUB2, Bd. I, № 2.

просил великого магистра о помощи, ссылаясь на полученные от рата Нарвы сведения о намеченном на 6 декабря походе русских.¹⁹

Одновременно Плеттенберг принимает меры для подготовки Ливонии к войне. В начале февраля 1495 г., получив от фогта Нарвы известие о предполагаемом будто бы походе русских на Ревель через Дерптское епископство, Плеттенберг предлагает, чтобы Ревель прислал кнехтов в Дерптское епископство, и в том же письме извещает о своем намерении созвать 22 февраля ландтаг в Валке для обсуждения сложившейся ситуации.²⁰ На ландтаге, заседавшем в марте, были приняты решения о проведении ряда военных мероприятий: вербовке кнехтов, обеспечении войска необходимым продовольствием и лошадьми.²¹ 30 мая 1495 г. в ответе послу великого магистра Плеттенберг вновь подчеркнул, что Ливония должна вооружаться, так как заверениям великого князя Московского о намерении соблюдать мир доверять нельзя.²²

Постоянные сигналы об угрозе русского завоевания, которые исходили от магистра Ливонского ордена, получили резонанс при дворе императора и в рейхстаге. На рейхстаге в Вормсе летом 1495 г. обсуждался вопрос о положении Ливонии: указывалось, что великий князь Московский недавно с огромной силой напал на Ливонию (имелась в виду русско-ливонская война 1480—1481 г.), что он приказал затем построить на границе сильную крепость (Ивангород) и собирается вновь напасть на Ливонию и подчинить ее своей власти, что принесет большой вред Священной римской империи германской нации и всему христианству. Было решено не оставлять Орден без помощи: в случае, если великому князю Московскому удастся осуществить свои планы в отношении Ливонии, он будет стремиться к подчинению других земель Империи. Император Максимилиан, а также имперские сословия обратились к герцогам Мекленбургским Магнусу и Балтазару и властям Данцига с просьбой оказать помощь Ливонии.²³

В самой Ливонии и особенно в орденских кругах в конце 1495 г. и в последующее время продолжали усиленно распространяться слухи о возможном нападении русских. 18 декабря 1495 г. Нарва в письме Ревелю передавала сведения возвратившегося из Новгорода шпиона: великий князь приказал собирать войско и велел строить дорогу в Ивангород, по которой могут пройти в ряд

¹⁹ Письма великого магистра прокуратору Ордена в Риме от 21 июля и 23 сентября 1494 г.: LUB2, Bd. I, № 27, 56; письма Нарвы Ревелю от 21 ноября 1494 г. и Плеттенберга великому магистру от 29 ноября 1494 г.: там же, № 85, 88.

²⁰ Письмо Плеттенберга Ревелю от 9 февраля 1485 г.: LUB2, Bd. I, № 149.

²¹ AR, Bd. III, Riga, 1909, № 2.

²² LUB2, Bd. I, № 200.

²³ Письма Максимилиана и имперских сословий герцогам Мекленбургским и Данцигу от 17 августа 1495 г.: LUB2, Bd. I, № 247—250.

12 лошадей; по мнению шпиона, великий князь намеревался направить войско против Ревеля, но рат Нарвы выражал опасение, как бы поход не коснулся и Нарвы.²⁴ О подготовке русских к походу Плеттенберг писал и в мае 1496 г.²⁵ В переписке орденских чинов и ливонских городов, относящейся ко второй половине 1496 г., неоднократно высказывались опасения, что русские намерены напасть на Нарву.²⁶ В январе и июне 1497 г. эти опасения повторяются.²⁷

Соответственно продолжают энергичные обращения Плеттенберга с просьбой о помощи. В письме великому магистру от 7 марта 1496 г. он просит содействовать прохождению через Пруссию отряда герцога Померанского, который последний намеревается послать Ливонии в случае необходимости.²⁸ Немного спустя, узнав, что великий магистр собирается поручить посольству, отправляемому в Рим на коронацию императора Максимилиана, ходатайствовать перед папой об объявлении крестового похода против «отступников — русских» («отступники» в религиозном смысле: православные, не католики), Плеттенберг просит великого магистра наилучшим образом позаботиться об интересах Ордена.²⁹ В августе 1496 г. он пишет Любеку о желательности объявления папой крестового похода и получения от него разрешения деньги, собираемые в ганзейских городах за отпущение грехов, использовать для вооружения Ливонии; в этом же письме Плеттенберг просит ганзейских города прислать для защиты Ливонии 8—9 тыс. вооруженных человек.³⁰ Вслед за этим Плеттенберг пишет великому магистру о желательности предоставления для нужд Ливонии налогов, собираемых в Мекленбурге и Померании.³¹ В апреле 1497 г. он сообщает магистру владений Ордена в Германии о своем намерении отправить посольство к императору, чтобы просить налоги, собираемые в землях Ордена и приморских городах, обратиться для нужд Ливонии.³² Таким образом, Плеттенберг хлопотал о предоставлении Ливонии как военной, так и финансовой помощи, чтобы использовать последнюю для вооружения.

Целью энергичной дипломатической деятельности Плеттенберга являлось также создание широкой антирусской коалиции, участниками которой должны были стать, помимо Ливонии

²⁴ LUB2, Bd. I, № 290.

²⁵ Письмо Плеттенберга великому магистру от 6 мая 1496 г.: LUB2, Bd. I, № 346.

²⁶ LUB2, Bd. I, № 400, 410, 413, 429, 447.

²⁷ Письма Плеттенберга Ревелю от 29 января и 23 июня 1497 г.: LUB2, Bd. I, № 483, 550.

²⁸ LUB2, Bd. I, № 328.

²⁹ Письма Плеттенберга великому магистру от 18 мая и 3 июня 1496 г.: LUB2, Bd. I, № 350, 354.

³⁰ Письмо Плеттенберга Любеку: LUB2, Bd. I, № 384.

³¹ Письмо великого магистра магистру владений Ордена в Германии от 19 сентября 1496 г.: LUB2, Bd. I, № 407.

³² Письмо Плеттенберга от 23 апреля 1497 г.: LUB2, Bd. I, № 519.

и Тевтонского ордена, император, немецкие князья, Ганзейский союз и римский папа. Средством воздействия на предполагаемых участников коалиции было постоянное подчеркивание угрозы со стороны русских не только для Ливонии, но и для всего «христианского» Запада.

Активную поддержку планам и действиям Плеттенберга оказывал великий магистр Тевтонского ордена Ганс Тифен. 17 декабря 1495 г. он писал прокуратору Ордена в Риме о своем намерении оказать Ливонии помощь войском и выражал надежду, что рыцарство и города Пруссии дадут согласие на денежную помощь.³³ 26 апреля 1496 г. Ганс Тифен совещался с чинами Ордена по вопросу о ходатайстве перед папой об объявлении крестового похода против «отступников — русских»;³⁴ в письме от 19 сентября того же года поручал магистру владений Ордена в Германии довести до сведения императора и князей Империи об опасности, нависшей над Ливонией, и просить их о помощи;³⁵ в сентябре писал правителю Швеции Стену Стуре и комтуру Остерроде о том, что посольство к папе, императору и немецким князьям с просьбой о помощи уже послано.³⁶ 26 мая 1497 г. Ганс Тифен лично обратился к императору Максимилиану с письмом, в котором вновь указывал на намерение русских «повредить» христианству и просил освободить в пользу Ливонии четыре орденские провинции от уплаты налогов.³⁷

Однако, несмотря на горячее сочувствие великого магистра политической линии Плеттенберга, поддержка, которую Ганс Тифен ему оказывал, ограничивалась только дипломатическими средствами. Военной помощи Пруссия не оказала, что объяснялось, в частности, ее отношениями с Польшей. После заключения Торуньского мира 1466 г. Пруссия находилась в вассальной зависимости от польского короля, и последний, готовясь в 1496—1497 гг. к походу против турок, требовал, чтобы в нем участвовали силы Ордена. Именно на это обстоятельство ссылался в своей переписке великий магистр, объясняя, почему он, обращаясь к Империи и Ватикану с просьбой помочь Ливонии, сам этой помощи оказать не мог.³⁸

Реальной поддержки не оказала Ливонии и Империя. Если рейхстаг в Вормсе летом 1495 г. принял хотя бы декларативное решение не оставлять Ливонию без помощи (на деле помощь выразилась лишь в обращениях к герцогам Мекленбургским и Дан-

³³ LUB2, Bd. I, № 289.

³⁴ Письмо Плеттенберга великому магистру от 18 мая 1496 г.: LUB2, Bd. I, № 350.

³⁵ LUB2, Bd. I, № 407.

³⁶ LUB2, Bd. I, № 405, 411.

³⁷ LUB2, Bd. I, № 535.

³⁸ LUB2, Bd. I, № 535; письмо великого магистра прокуратору Ордена в Риме от 15 октября 1496 г.: там же, № 429. См. также: Forstreuter K. Preussen und Russland im Mittelalter. — Osteuropäische Forschungen, N. F., Bd. 25, Königsberg—Berlin, 1938, S. 53—54.

циту с призывом оказать военную поддержку Ливонскому ордену), то рейхстаг в Линдау в феврале 1497 г. обсуждение просьбы ливонского магистра о помощи решил отложить до следующего рейхстага.³⁹

Не откликнулся на просьбу ливонского и великого магистров объявить крестовый поход против русских и римский папа. Хотя Александр VI в своей булле от 22 июня 1496 г. разрешил проповедь крестового похода против русских в Швеции и Ливонии и участникам его обещал отпущение грехов при жизни и в случае смерти,⁴⁰ но это было не то, чего добивался Орден. Ордену нужно было широкое объявление в ряде европейских стран крестового похода, сопровождаемое продажей индульгенций, средства от которых поступали бы в распоряжение Ордена. Папа же ввиду приближения юбилейного года (1500 г.), когда объявлялось массовое отпущение грехов и средства от него шли в папскую казну, не был заинтересован в удовлетворении этого требования Ордена.⁴¹ Поэтому папа ограничивался лишь посланиями с выражением сочувствия Ливонии, «угрожаемой» великим князем Московским.⁴²

Итак, создать антирусскую коалицию с участием императора и папы, чего добивался Плеттенберг, в чем его поддерживал великий магистр Ганс Тифен, не удалось. Борьба с Россией не соответствовала интересам Империи и Ватикана. Император Максимилиан, поглощенный борьбой с Ягеллонами за венгерскую корону и вовлеченный к тому же в итальянские войны, не стремился открывать еще один фронт на далекой северо-восточной окраине своей империи. Внимание папы приковывало турецкое наступление на юге Европы, и перед задачей остановить его отодвигалась на задний план борьба со «схизматиками — русскими», к которой призывал Орден.

Постоянные указания Плеттенберга на опасность нападения русских находились в полном противоречии с отмеченными выше заявлениями правительства Ивана III о намерении соблюдать мир с Ливонией. В связи с этим перед исследователем встает вопрос: что соответствовало истине — заявление русского правительства или непрерывные тревожные сигналы Ордена?

В рассмотренной нами документации Ордена, относящейся к 1494—1497 гг., несколько раз в качестве источника сведений о военных планах России упоминались донесения шпионов, а также информация, исходившая от рата Нарвы. В них обычно отмеча-

³⁹ Решение рейхстага в Линдау: LUB2, Bd. I, № 489.

⁴⁰ LUB2, Bd. I, № 364.

⁴¹ О сношениях между Орденom и Ватиканом по поводу объявления крестового похода и отпущения грехов см.: *Arbusow L. Die Beziehungen des Deutschen Ordens zum Ablasshandel seit dem 15. Jahrhundert. — Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*, Bd. 20, Riga, 1910.

⁴² Послание папы Александра VI Любску и другим ганзейским городам от 1496 или 1497 г.: HR3, Bd. III, № 597.

лась концентрация русских войск в Новгороде либо в Ивангороде, а затем добавлялось (иногда в категорической форме, а иногда в форме предположения), что русские хотят напасть на Ливонию (объектами нападения назывались то Ливония в целом, то Ревель, то Нарва; в отдельных донесениях указывались даты предполагаемого вторжения).⁴³

Концентрация русских войск в названных районах действительно имела место. И она легко объясняется, если вспомнить внешнеполитическое положение России в то время. В 1495—1497 гг. велась, как уже отмечено, война со Швецией. Одним из условий, способствовавших возникновению этой войны, являлись заключение договора между Россией и Данией в 1493 г., согласно которому западные карельские погосты, находившиеся под властью Швеции, должны были перейти к России. И хотя русско-шведская война началась в 1495 г., вполне возможно, что подготовка к ней велась уже в 1494 г. Центром подготовительных мероприятий стал, конечно, Новгород. Не удивительно, что при дворе высших сановников Новгорода велись разговоры о подготовке к военным действиям, истинные цели которых, однако, маскировались: отсюда в упомянутом письме Иоганна фон Ункеля, датируемом маем 1494 г., сообщение о полученных им от приближенных епископа и наместника сведениях о готовящемся нападении на Ливонию.

Когда же в 1495 г. война со Швецией началась, то концентрация и передвижение русских войск в районе Новгорода и Ивангорода были неизбежны. Новгород был сборным пунктом для русских войск, куда они стягивались на случай нападения шведов и откуда отправлялись в походы против шведов. Ивангород являлся сильнейшей крепостью Вотской пятины, расположенной вдоль р. Наровы и Финского залива и подверженной поэтому угрозе нападения шведов со стороны моря. Сосредоточение русских войск в районе Ивангорода особенно увеличилось в связи с временным захватом крепости шведами в августе 1496 г.; после ухода шведов сюда стягиваются русские войска и гражданское население из соседних областей и начинаются энергичные работы по восстановлению разрушенной крепости.⁴⁴

Взятие Ивангорода шведами не могло не отразиться на русско-ливонских отношениях. Разрушение русской крепости, нависавшей над Нарвой и закрывавшей путь в глубь Новгородской земли, было чрезвычайно выгодно для Ливонии. Есть основания думать, что это событие встретили в Ливонии с явным одобрением и шведское войско, прибывшее для захвата Ивангорода, получило

⁴³ Переписка Ордена и Нарвы 1494—1497 гг.: LUB2, Bd. I, № 85, 144, 290, 400, 407, 410, 413, 483, 544, 550, 555.

⁴⁴ Письмо Нарвы Ревелю от 31 августа 1496 г. и письма ливонского и великого магистров от сентября 1496 г.: LUB2, Bd. I, № 400, 407, 410, 411, 413, 429.

от Нарвы какую-то материальную поддержку, не говоря уже о моральной. Так, фогт Нарвы, сообщая весной 1496 г. Плеттенбергу о готовящемся нападении шведов на Ивангород и Вотскую землю, запрашивал, как следует поступить, если шведы захотят высадиться на «нашей стороне» или купить продукты. Рат Нарвы в письме Ревелю от 31 августа 1496 г. сообщал о взятии Ивангорода: «Недавно всемогущий бог помог шведам так, что они овладели Русским замком и перебили [защитников], женщин и детей взяли в плен и захватили все, что там было».⁴⁵ Напомним, что когда шведские военачальники решили оставить Ивангород, передав его Ордену, то Плеттенберг не отказался от такого «дара», а послал для переговоров со шведами своего представителя, но оказалось, что те уже покинули Ивангород.⁴⁶

Хотя прямой военной помощи Швеции Ливония во время русско-шведской войны не оказывала, но ее симпатии были на стороне Швеции, а при захвате шведами Ивангорода им, возможно, оказала, повторяем, какую-то поддержку Нарва. Все это не могло не вызвать раздражения русского правительства. В письмах великого и ливонского магистров, относящихся к сентябрю 1496 г., указывается, что, по имеющимся в Ливонии известиям, великий князь Московский убежден, что шведы захватили Ивангород с помощью нарвцев, и собирается поэтому им отомстить.⁴⁷

Однако никакой мести не последовало. Более того, вопреки всем сигналам Ордена о подготовке русскими нападения на Ливонию на русско-ливонской границе с 1494 и до 1497 г. не имели места даже пограничные инциденты (если бы таковые были, то они обязательно нашли бы отражение в документах Ордена, так как являлись бы фактическим доказательством правильности тезиса о «русской угрозе»). А это означало, что русское правительство в соответствии со своими заявлениями стремилось соблюдать мирный договор с Ливонией и не помышляло о войне против нее.

Что касается информации, получаемой Орденом от перебрасываемых через русскую границу шпионов, то она была обусловлена, с одной стороны, действительным сосредоточением и передвижениями русских войск в районе Новгорода, Ивангорода и в Вотской пятине в связи с русско-шведской войной, а с другой — недостаточной осведомленностью агентуры Ордена о планах русского командования и стремлением собрать как можно больше эффективных данных, которые заинтересовали бы руководство Ордена. Полученную от своей агентуры и от Нарвы информацию о концентрации русских войск и об «опасности» их нападения на

⁴⁵ Письма фогта Нарвы от 29 апреля и рата Нарвы от 31 августа 1496 г.: LUB2, Bd. I, № 344, 400.

⁴⁶ В свете приведенных нами документальных известий сообщение «Schonne hysthorie» (S. 136) о том, что Плеттенберг отказался принять Ивангород, чтобы не нарушать мира с русскими, представляется сомнительным.

⁴⁷ LUB2, Bd. I, № 410, 411, 413.

Ливонию Плеттенберг использовал для создания под флагом защиты от «русской угрозы» антирусской коалиции.

Такой же политической линии Плеттенберг придерживался и в последующие годы. В начале 1498 г. он обращается с письмом в Любек, в котором в связи с непрекращающейся будто бы опасностью нападения со стороны русских вновь просит ганзейские города о помощи.⁴⁸ Тревожные сигналы со стороны Ордена усиливаются после безрезультатно закончившегося русско-ганзейского съезда, созванного в феврале 1498 г. в Нарве для урегулирования продолжавшегося с 1494 г. русско-ганзейского конфликта (см. далее). 24 июня 1498 г. Плеттенберг предписывает Ревелю привести в боевую готовность свои военные силы, потому что в Новгороде собрано большое войско «не иначе как против этой страны» (Ливонии, — *Н. К.*).⁴⁹ О концентрации русских войск в Новгороде и Пскове сообщал в письме от 26 июня и фогт Нарвы.⁵⁰ В декабре 1498 г. шпионы доставили рату Нарвы сведения о том, что великий князь собирается послать два войска для осады Дерпта и Ревеля, а третье — в глубь страны, грабить и жечь.⁵¹ В октябре 1499 г. посольство ливонского магистра, направившееся в Данию через Пруссию, просило передать великому магистру, что опасность войны с русскими не уменьшилась.⁵² В апреле 1500 г. дерптский епископ Иоганн писал Плеттенбергу (со слов новгородских купцов, прибывших в Дерпт), что псковичи готовятся к походу против Рижского архиепископства.⁵³

Сведения о концентрации русских войск Плеттенберг использует для проведения дальнейших мер по вооружению Ливонии. Вопрос о «русской угрозе» был поставлен на обсуждение ландтага, заседавшего в Валке 3—6 июля 1498 г. Магистр сообщил ландтагу, что на границах Рижского архиепископства, Дерптского епископства и владений Ордена с Россией наблюдаются «многие нападения» со стороны русских и что когда он посылал к псковичам за «управой», то те вместо «управы» дали оскорбительный ответ. На ландтаге было решено привести вооруженные силы Ливонии в состояние боевой готовности и, кроме того, ввести налог на землевладельцев и города для содержания кнехтов.⁵⁴

Одновременно принимаются меры для того, чтобы помешать увеличению военного потенциала России: русским запрещается

⁴⁸ Письмо от 3 февраля 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 650. Просьбу о помощи Плеттенберг повторяет в письме Любеку от 29 июля 1498 г.: HR3, Bd. IV, Leipzig, 1890, № 113.

⁴⁹ LUB2, Bd. I, № 686.

⁵⁰ Там же, № 689.

⁵¹ Письмо Нарвы Ревелю от 10 декабря 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 744.

⁵² Письмо штатгальтера гаускомтура Кенигсберга великому магистру от 25 октября 1499 г.: LUB2, Bd. I, № 871.

⁵³ LUB2, Bd. I, № 977.

⁵⁴ Рецесс ландтага от 3—6 июля 1498 г.: AR, Bd. III, № 10, § 16—18, 25, 27. — О введении налога подробнее см: Lenz W. Die auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510. Riga, [s. a.], S. 23—24.

продавать изделия и материалы военного назначения (пушки, порох, селитру и др.), а также такие, которые могли быть использованы для военных нужд (цветные металлы, проволоку, металлическую посуду и т. д.).⁵⁵ Аналогичное решение принял ландтаг в Валке в сентябре 1499 г. Помимо запрета продавать русским оружие, военные материалы и металлические изделия, на этом ландтаге было принято решение и о запрете продажи в Россию лошадей.⁵⁶

Таким образом, Ливония деятельно готовилась к войне. Эта подготовка не могла остаться незамеченной русским правительством (сведения о ней просачивались через русскую границу: их доставляли как русские купцы и послы, посещавшие Ливонию, так и агентура, которой, надо полагать, располагало русское правительство). Думается, что именно проводимые Ливонией мероприятия военного порядка побуждали русские власти не спешить с выводом войск из Новгорода и Вотской пятины, стянутых туда в связи с русско-шведской войной. Сосредоточение же русских войск в районе Пскова, указания о чем имелись, как мы отмечали, в документации Ордена, могло быть обусловлено напряженностью в отношениях с Литвой, которая вновь возникла с 1498 г. после кратковременной передышки, связанной с мирным договором и династическим браком 1494 г. Что касается «многих нападений» русских в районе границы, то это были, очевидно, обычные пограничные инциденты, значение которых Плеттенберг преувеличивал. Можно с уверенностью сказать, что воевать с Ливонией в рассматриваемые годы (1498—1500) правительство Ивана III не собиралось, как оно не собиралось это делать в предшествующее время.

Плеттенберг же с неослабевающим упорством продолжал добиваться создания антирусской коалиции. Горячего единомышленника в этом вопросе он нашел в лице графа Вильгельма Изенбурга, наместника (итатгальтера) великого магистра Ганса Тифена, ставшего после смерти последнего в конце 1497 г. регентом Тевтонского ордена.⁵⁷ В обращении к ганзейским послам, направлявшимся в начале 1498 г. в Нарву на съезд с русскими,⁵⁸ Вильгельм Изенбург высказывает мнение о том, что добиваться мира с русскими (речь шла о русско-ганзейском договоре) бесполезно, ибо им нельзя доверять, а лучше было бы, если бы Орден был так же силен, как и раньше, подчинить русских и заставить их признать католическую веру, как это было сделано в прошлые времена с Пруссией; Изенбург выражает надежду, что Любек

⁵⁵ Письма Дерпта Ревелю и Риге от 5 декабря 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 741, 742.

⁵⁶ Редесс ландтага от 9—12 сентября 1499 г.: AR, Bd. III, № 12, § 63, 65; письмо Плеттенберга Ревелю от 26 октября 1499 г.: LUB2, Bd. I, № 872.

⁵⁷ Lenz W. Die auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510, S. 20—21.

⁵⁸ Имелся в виду русско-ганзейский съезд в Нарве в феврале 1498 г. (см. с. 283—293).

и другие ганзейские города окажут Ливонии помощь.⁵⁹ О тяжелом положении Ливонии, находившейся «под угрозой русских», Изенбург писал и императору Максимилиану.⁶⁰

Изенбургу же принадлежал план новой антирусской коалиции, в которой роль главного союзника Ливонии отводилась Дании. Впервые этот план был высказан в ноябре 1497 г. в письме Изенбурга магистру владений Тевтонского ордена в Германии. Изенбург указывал, что король Дании дважды предлагал ливонскому магистру заключить союз против Швеции, но тот отказывался ввиду опасности нападения русских; следует попытаться при посредстве Ганзы добиться соглашения между королем Иоанном и Стеном Стуре, тогда ливонский магистр сумеет заключить вечный союз с королем против русских. Изенбург просил магистра владений Ордена в Германии довести до сведения императора, князей и сословий империи о своем плане, чтобы они приложили все усилия к улаживанию распри «внутри христианства» (между Данией и Швецией).⁶¹ В письме Максимилиану, написанном спустя несколько дней, Изенбург просил императора обдумать предложенный план, подчеркнув, что он даст возможность объединиться «христианским странам» против «неверных» (ungläubigen) русских.⁶²хлопоты о создании датско-ливонской коалиции Изенбург продолжал и в следующем году: 25 июля 1498 г. он обратился с письмом к герцогам Саксонским Фридриху и Георгу, состоявшим в родстве с датским королем, и просил их склонить последнего к отказу «для пользы христианства» от союза с русскими.⁶³

План Изенбурга был встречен в Ливонии с энтузиазмом. Уже летом 1499 г. в Дании побывало ливонское посольство, которое вело переговоры о заключении союза. Было решено продолжить переговоры осенью того же года в Копенгагене.⁶⁴ Перед отправлением посольства в Копенгаген в сентябре 1499 г. был созван ландтаг в Валке, на котором обсуждался вопрос о предстоящих переговорах с датским королем. Ландтаг решил предоставить послам полномочия заключить союз на три, два или полгода на том условии, что Дания и Ливония будут вместе воевать против русских, причем датчане должны будут выступить против Новгорода, ливонцы — против Пскова.⁶⁵ Речь шла, таким образом, о военном наступательном союзе Ливонии и Дании против России. Датско-ливонские переговоры состоялись в ноябре 1499 г. На предложение ливонского посольства заключить союз против русских датский король ответил согласием, но пожелал, чтобы союз был за-

⁵⁹ Обращение от 16 января 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 637.

⁶⁰ Письмо от 7 ноября 1497 г.: LUB2, Bd. I, № 611.

⁶¹ Письмо от 4 или 6 ноября 1497 г.: LUB2, Bd. I, № 610.

⁶² Письмо от 7 ноября 1497 г.: LUB2, Bd. I, № 611.

⁶³ LUB2, Bd. I, № 701.

⁶⁴ Отчет ливонского посольства: LUB2, Bd. I, № 835.

⁶⁵ Рецесс ландтага от 9—12 сентября: AR, Bd. III, № 12.

ключен не только против русских, но и против любых других врагов; кроме того, он потребовал, чтобы Ливония признала его своим охранителем и защитником, подобно тому как признавали его предков.⁶⁶ Требования Иоанна вызвали в Ливонии отрицательную реакцию. Плеттенберг в письме к герцогу Фридриху Саксонскому, избранному в апреле 1498 г. великим магистром, выражал свое неудовольствие желанием датского короля заключить широкий союз против любых врагов, а не только против русских, а также требованием, чтобы Орден выплачивал королю ежегодно определенную сумму в знак признания его своим защитником. Плеттенберг подчеркивал, что все это свидетельствует о намерении датского короля стать ногой в Ливонии так, как это сделал польский король в Пруссии.⁶⁷ Боязнь Ордена потерять свою самостоятельность и явное нежелание датского короля придавать предполагаемому союзу антирусскую направленность⁶⁸ обусловили безрезультатность датско-ливонских переговоров.

Безрезультатными по существу оставались и обращения Плеттенберга к Империи и Ватикану. В ответ на просьбу о помощи император Максимилиан предложил проект объединения трех орденов — Тевтонского, иоаннитов и св. Юрия, чтобы таким образом усилить Тевтонский орден, но руководство последним сочло этот план нецелесообразным, так как он мог привести к потере самостоятельности Тевтонским орденом.⁶⁹ Папа Александр VI, не объявляя крестового похода против русских, ограничивался лишь посылкой писем датскому королю, великому князю Литовскому и великому князю Московскому; первых он просил «не держать» мира с русскими и оказать помощь Ливонии, последнего — не нападать на Ливонию.⁷⁰ Ганзейские города, приняв на съезде в Любеке летом 1498 г. решение не оставлять Ливонию в случае необходимости «без помощи и утешения», реальной помощи (людьми и деньгами, чего желал Плеттенберг) ей не оказали.⁷¹

В этих условиях, когда, казалось, окончательно исчезла надежда на создание антирусской коалиции, у Ливонского ордена

⁶⁶ Записи Пауля Ватта об отчете ливонских послов к датскому королю: LUB2, Bd. I, № 905, см. также № 885. Иоанн имел в виду, очевидно, положение, существовавшее в XIII—XIV вв., когда Эстония принадлежала Дании.

⁶⁷ Письмо Плеттенберга великому магистру от конца января 1500 г.: LUB2, Bd. I, № 923.

⁶⁸ Для правительства Дании, находившейся в союзе с Россией, такое нежелание было естественным.

⁶⁹ Письмо магистра владений Тевтонского ордена в Германии великому магистру от 1 января 1499 г.: LUB2, Bd. I, № 757. Орден св. Юрия был учрежден Фридрихом III в Каринтии.

⁷⁰ Послание папы Александра VI великому князю Московскому от 18 декабря 1498 г. и письмо прокуратора Тевтонского ордена великому магистру от 28 декабря 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 747, 752.

⁷¹ Намерение оказать помощь Ливонии выразили вендские города; послы же других городов, присутствовавшие на съезде, заявили, что они должны запросить по этому вопросу своих старейшин. Рецесс съезда от 28 мая—15 июня 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 680.

появился реальный союзник — великий князь Литовский Александр. Русско-литовские противоречия, временно сглаженные договором и династическим браком 1494 г., в последние годы XV в., как уже говорилось, вновь обострились. Стремление Ивана III к возвращению всех русских земель, остававшихся еще под властью Великого княжества Литовского, находилось в полном противоречии со стремлением правящих кругов последнего удерживать во что бы то ни стало эти земли за собою. Новая война была неизбежной. Уже в последние годы XV в. правительство Александра, готовясь к войне, начинает искать союзников. В 1498 г. посол Александра предложил Любеку, чтобы ганзейские города вступили в союз с Литвой против России (ганзейские города уклонились от этого предложения).⁷² В июне 1500 г. последовало посольство к Плеттенбергу с аналогичными предложениями.⁷³

Хотя Плеттенберг с момента избрания магистром Ливонского ордена в 1494 г. всю свою энергию тратил на поиски военных союзников против России, на предложения великого князя Литовского Александра он согласился не сразу. Более того, получив первое предложение, присланное с посольством в июне 1500 г., Плеттенберг от заключения союза решил воздержаться.⁷⁴ в письме к великому магистру от 5 июля 1500 г. свою позицию он объяснял опасением, как бы Ливония благодаря предлагаемому шагу не попала в большую беду: будучи вовлечена в войну, не осталась бы без помощи, как это имело место в прежние времена.⁷⁵ За недоверием Плеттенберга к эффективности литовской военной помощи в случае вступления Ливонии в войну (Литва с лета 1500 г. воевала с Россией, поэтому заключение ливонско-литовского союза означало немедленное вступление Ливонии в войну) скрывалось недоверие к политике Ягеллонов в отношении Ордена: Ягеллоны стремились к подчинению Тевтонского ордена (напомним, что после Торуньского мира 1466 г. он стал вассалом Польши), ветвью которого являлся Ливонский орден.⁷⁶

Однако колебания Плеттенберга оказались недолгими. Получив повторные предложения о союзе от Александра, Плеттенберг после совещания с высшими сановниками Ордена 6 декабря 1500 г. решил созвать 17 января 1501 г. ландтаг для обсуждения вопроса об ответе великому князю Литовскому.⁷⁷ На ландтаге, заседавшем в Вольмаре, было решено дать положительный ответ

⁷² Переписка Любека и ливонских городов летом—осенью 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 700, 710—712, 716.

⁷³ Предложения великого князя Литовского, передавшие с послом Юрием Костевичем: LUB2, Bd. I, № 995.

⁷⁴ Переписка ливонского и великого магистров от лета и осени 1500 г.: LUB2, Bd. I, № 1005, 1025, 1055.

⁷⁵ LUB2, Bd. I, № 1005.

⁷⁶ Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt, S. 17.

⁷⁷ Письмо Плеттенберга великому магистру от 6 декабря 1500 г.: LUB2, Bd. I, № 1072.

и заключить союз с великим князем Литовским против России.⁷⁸ Изменение своей позиции Плеттенберг мотивировал тем, что в случае подчинения Литвы «москвиту» Орден со всех сторон будет окружен врагами.⁷⁹ Мысль же о возможности подчинения Литвы Москве была навеяна, очевидно, поражениями, понесенными литовскими войсками во время кампании 1500 г.⁸⁰

После ландтага в Валке в январе 1501 г. вопрос о вступлении Ливонии в войну с Россией был решен. В письме к Любеку от 28 января 1501 г., обращаясь к ганзейским городам с очередной просьбой о помощи, Плеттенберг сообщал о своем намерении заключить союз с великим князем Литовским и о том, что летом или осенью состоится поход против русских.⁸¹ В ответе послу рижского архиепископа от 5 апреля 1501 г. он уточнил дату предполагаемого похода около дня св. Якова (25 июля).⁸² На принятое решение не повлияло посольство псковичей к магистру, которое в феврале 1501 г. хлопотало о свободном проезде псковских купцов в Ливонию и подтвердило желание Пскова соблюдать мир с Ливонией (имелся в виду русско-ливонский договор 1493 г., заключенный на 10 лет). Плеттенберг в письме к великому магистру заявление псковичей объяснял тем, что русские хотят удержать Ливонию от помощи Литве, но что сами они думают неожиданно напасть на Ливонию.⁸³ Между тем в искренности заявления псковского посольства, а также в том, что оно выражало позицию Ивана III в отношении Ливонии, не приходится сомневаться: сохранение мира с Ливонией отвечало не только давней установке русского правительства на развитие мирных экономических связей с Ливонией, но и насущным военно-политическим интересам России в условиях русско-литовской войны.

Но и с этим заверением русских Плеттенберг не желал считаться. В конце февраля—начале марта у Александра побывал посол Ордена комтур Динабурга, который привез Плеттенбергу датированный 3 марта проект договора между Великим княжеством Литовским и Ливонией, скрепленный печатями литовской стороны.⁸⁴

Проект договорной грамоты,⁸⁵ составленной от имени великого князя Литовского Александра, начинался с введения, в котором указывалось, что великий князь Московский в союзе с татарами и прочими варварами хочет напасть на владения князя литовского и других христианских государей, чтобы погасить святую

⁷⁸ Рецесс ландтага от 17—26 января 1501 г.: AR, Bd. III, № 15.

⁷⁹ LUB2, Bd. I, № 1072. См. также письмо Плеттенберга Любеку от 28 января 1501 г.: LUB2, Bd. II, № 19.

⁸⁰ Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt, S. 18—19.

⁸¹ LUB2, Bd. II, № 19.

⁸² Там же, № 63.

⁸³ Письмо от 16 февраля 1501 г.: LUB2, Bd. II, № 38.

⁸⁴ Проект договора от 3 марта и инструкция литовскому посольству в Ливонию от конца мая: LUB2, Bd. II, № 45, 117.

⁸⁵ LUB2, Bd. II, № 45.

римскую веру; поскольку он уже напал на литовские владения, постольку великий князь Литовский Александр хочет заключить союз с ливонским магистром Вальтером Плеттенбергом, рижским архиепископом Михаилом и другими ливонскими прелатами. Союз заключается на 10 лет, по прошествии которых он может быть продлен. По условиям союза великий князь Литовский брал на себя обязательство не заключать никаких соглашений с великим князем Московским без согласия ливонской стороны; в случае необходимости предпринять поход против великого княжества Московского военные силы Ливонии и Литвы должны были начать его по взаимному согласованию в одно время; в случае если московские войска вторгнутся в Литву или Ливонию прежде, чем будут собраны их общие силы, то стороне, подвергшейся нападению, другая сторона должна оказать немедленную помощь путем вторжения во владения великого князя Московского.

Специальная статья предусматривала условия захвата союзниками русской территории: «Если с помощью благоволящего к нам бога Марса кто-либо из участников нашего союза, вторгшись со своими войсками в землю и владения москвитов, захватит и удержит за собою какие-либо укрепленные места или города, то он сможет пользоваться ими и удерживать их за собою, за исключением, однако, тех случаев, когда что-либо будет приобретено в общей войне совместными силами и расходами союзников, тогда укрепленные места и владения, приобретенные таким образом, должны быть поделены в зависимости от труда и расходов каждой стороны по дружественному договору и без предпочтения какой-либо из сторон». ⁸⁶

Условия договора оставались в силе и в случае смерти великого князя Литовского Александра или же ливонского магистра Вальтера Плеттенберга. Последующие статьи договора касались литовско-ливонских и польско-орденских отношений: предусматривалось урегулирование границ между Ливонией и Литвой в благоприятное время по окончании войны; указывалось, что в случае нападения на Ливонию через Пруссию Ливония может выйти из войны и пойти на перемирие с русскими. Последняя статья должна была покончить с колебаниями Ордена, опасавшегося, что заключение союза с великим князем Литовским может способствовать подчинению Ордена Польше, которая, как мы указывали, стремилась поставить в полную зависимость от себя Тевтонский орден в Пруссии. Сформулированная статья давала гарантию

⁸⁶ Quod si felici Marte favente auxilio Dei aliqua pars hujusmodi lige, invadens sua potentia in terram et dominia Moscoviensium, castra aliqua aut oppida adquisiverit et obtinuerit: illa pro se usurpare et obtinere debet, excepto tamen ubi mutua potentia impensis a bello communi aliquid adquisitum fuerit, tunc hujusmodi adquisita castra et dominia secundum laborem et impensas uniuscujusque partis sortiri amicabilique compositione absque prejudicio utriusque partis debet et tenebuntur» (Проект договора от 3 марта 1501 г.: LUB2, Bd. II, S. 31).

в том, что Польша не воспользуется военной ситуацией и не совершит нападения на владения Ордена в Пруссии и Ливонии.⁸⁷

Как мы видим, союз имел не только оборонительный, но и (это в первую очередь) наступательный характер. Предполагалось отторжение части русской территории в пользу Литвы и Ливонии. Очевидно, для того чтобы заручиться симпатиями католического Запада, союзу была придана религиозная окраска. Целью его объявлялась защита католической веры от посягательств со стороны русских.

Окончательно договор был ратифицирован литовской стороной в Вильно 15 мая 1501 г.,⁸⁸ ливонской стороной — в Веспдене 21 июня 1501 г.⁸⁹

Договорная грамота от 21 июня 1501 г., составленная от имени ливонского магистра Вальтера Плеттенберга, повторяет условия проекта договорной грамоты от 3 марта 1501 г. Ливонский магистр дает обязательство не заключать никаких соглашений с великим князем Московским без согласия литовской стороны и предпринять в случае необходимости совместный с силами Литвы поход против Великого княжества Московского, при нападении московских войск на владения одного из союзников другому союзнику должно вторгнуться на территорию Великого княжества Московского и вести там войну до тех пор, пока московские войска не будут изгнаны из района, подвергнувшегося нападению.

В особой статье рассматривался вопрос о судьбе русских территорий, которыми союзники овладеют в ходе войны: «Если по милости бога Марса кто-либо из участников нашего союза, вторгшись в землю московитов, захватит там какие-либо владения, укрепленные места или города, то он сможет и должен пользоваться ими и удерживать их за собой. Но, может быть, что-либо в этой совместной войне будет приобретено и занято общими войсками и общими расходами; тогда такое приобретение должно быть дружественно поделено и остаться во владении в соответствии с трудами и расходами каждой стороны без предпочтения какой-либо из них».⁹⁰

Договор заключался на 10 лет, по истечении которых мог быть продлен. Никто из союзников не должен был выходить из союза, за исключением того случая, если Ливония подвергнется нападению через Пруссию или еще откуда-нибудь, тогда Орден мо-

⁸⁷ См.: Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt, S. 21.

⁸⁸ Там же и прим. 27.

⁸⁹ Грамота о союзе между Ливонией и Литвой от 21 июня 1501 г.: LUB2, Bd. II, № 127.

⁹⁰ «Quod si felici Marte favente Deo altera partium hujusmodi lige terram Moscoviensem invadens ibidem dominia aliqua, castra aut opida obtinuerit, illa sibi usurpare et obtinere poterit et debebit, nisi fortassis mutua potencia impensis et communi bello quicquam adquisitum et occupatum fuerit, tunc tale adquisitum secundum labores et impensas uniuscujusque partis absque prejudicio amicabiliter sortiri debet et tenebitur» (LUB2, Bd. II, S. 83).

жет пойти на перемирие с русскими. Граница между Литвой и Ливонией должна была быть урегулирована по обоюдному соглашению. Заканчивался текст договорной грамоты обещанием ливонского магистра соблюдать ее условия «верпо, без хитрости и лжи». Введение к договорной грамоте ливонского магистра по содержанию аналогично введению к проекту договорной грамоты великого князя Литовского Александра, с той только разницей, что в грамоте Вальтера Плеттенберга в большей степени, чем в литовском проекте, подчеркиваются агрессивные замыслы великого князя Московского, «одержимого ненасытной тиранией» и стремящегося к уничтожению «святой римской веры».

Ратификация договора между Великим княжеством Литовским и ливонской конфедерацией означала автоматическое вступление Ливонии в войну с Россией, поскольку Литва с 1500 г. уже вела войну с Русским государством.

Развитие русско-ливонских отношений в период от заключения договора 1493 г. и до начала войны 1501—1503 гг. показывает, что не Россия стремилась к войне против Ливонии, а Орден готовил войну с Россией. Эту войну руководители Ордена пытались изобразить как превентивную, вызванную неизбежностью нападения русских в самое ближайшее время. Вдохновителем идеи превентивной войны был магистр Ливонского ордена Вальтер Плеттенберг. Понимая, что одна Ливония воевать с Русским государством не в состоянии, он стремился к созданию антирусской коалиции. Поскольку единственным реальным союзником в деле борьбы с Россией оказалось Великое княжество Литовское, постольку Плеттенберг после некоторых колебаний, вызванных спецификой польско-орденских отношений, заключил с ним военный союз и начал войну с Россией.

Истинная же причина войны заключалась не в необходимости превентивной войны с целью предотвращения нападения русских (Россия, как мы неоднократно подчеркивали, в рассматриваемый период не собиралась воевать с Ливонией), а в отношении Ордена к происходившему в конце XV в. процессу усиления Русского государства.

В этом плане чрезвычайно показательны документы, запечатлевшие пристальное внимание Ордена к событиям в России, в частности к событиям династического порядка, и ту интерпретацию, какую давали этим событиям высшие чины Ордена. Наиболее ярким из упомянутых документов является знаменитая записка комтура Кенигсберга Людвига Зансгейма, посла великого магистра к императору Максимилиану летом 1500 г.⁹¹ В записке, текст которой был составлен на основе указаний великого магистра, вероятно, еще в 1499 г., когда подготавливалось посольство к императору,⁹² комтур Кенигсберга сообщил о положении в Рос-

⁹¹ LUB2, Bd. I, № 1023.

⁹² LUB2, Bd. I, легенда к № 1022.

сии следующее: «Там есть один старый правящий государь, который имел трех сыновей; и когда один сын по свойству человеческой природы умер, он оставил также после себя сына,⁹³ с этим внуком имеет старый государь русских все управление страной один в своих руках⁹⁴ и хочет других двух родных сыновей⁹⁵ оставить без всякой власти и уделов.⁹⁶ Это ливонскому магистру и достопочтенному Ордену в этой стране (Ливонии, — *Н. К.*) во многих отношениях тяжело и невыгодно, не говоря уже о том, что Орден такой большой силе, сосредоточенной в одних руках, не может противостоять так, как если бы страна (Россия, — *Н. К.*) была поделена между государями».⁹⁷

В записке комтура Кенигсберга, отражавшей точку зрения руководителей Ордена, отчетливо выражены резко отрицательные отношения к процессу централизации, происходившему в России, и понимание того, что создание единого Русского государства кладет конец прежним отношениям между Ордемом и Русскими землями. Прежние же отношения заключались, как показывает история, в периодических походах рыцарей против Новгородской и Псковской земель, совершаемых без опасения, что последует ответный удар, который может поставить под вопрос само существование Ордена.

Таким образом, истинная объективная причина русско-ливонской войны 1501—1503 гг. крылась в стремлении Ордена помешать усилению единого Русского государства и вернуться к прежнему соотношению сил между Русью и Ливонией. Кроме того, Орден надеялся, как об этом свидетельствует договор о союзе между Ливонией и Литвой, получить территориальные приобретения за счет русских земель.

РУССКО-ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА 1501—1503 ГГ.

Совместный поход ливонского и литовского войска против русских, запроектированный в соответствии с литовско-ливонским союзным договором, был назначен на 25 июля 1501 г.⁹⁸ Но в связи со смертью польского короля Яна-Альбрехта 17 мая и намерением великого князя Литовского Александра выставить свою кандидатуру на польский престол поход был перенесен на 28 августа.⁹⁹

⁹³ Старший сын Ивана III Иван умер 7 марта 1490 г., оставив сына Дмитрия.

⁹⁴ В 1498 г. Дмитрий был коронован в качестве наследника великокняжеского престола.

⁹⁵ Помимо Василия, были живы еще четыре сына Ивана III.

⁹⁶ В немецком тексте: «will ... zu keiner regierung oder teilung des landes komen lassen».

⁹⁷ LUB2, Bd. I, № 1023.

⁹⁸ Инструкция литовскому посольству в Ливонию от конца мая 1501 г. и письмо рижского архиепископа великому магистру от 1 июля 1501 г.: LUB2, Bd. II, № 117, 135.

⁹⁹ Письмо Плеттенберга великому магистру от 13 июля 1501 г. и ответ Александра ливонскому посольству от середины июля: LUB2, Bd. II, 140, 144.

Прелюдией к началу военных действий явился, как это часто имело место в практике русско-ливонских отношений, арест русских купцов. Летом 1501 г. в Дерпте было арестовано 150 русских купцов и захвачено 25 учанов с товарами. Псковичи трижды посылали послов в Дерпт с просьбой отпустить купцов. Дерптские власти отвечали, что купцы арестованы из-за кражи, совершенной русскими в церкви Петра и Павла в Дерпте, и потребовали возврата украденного.¹⁰⁰ Но ясно, что ссылка на кражу, если она и имела место, была в устах дерптских властей лишь отговоркой: истинная причина необычайных по своим масштабам репрессий против псковских купцов заключалась в решении Ливонии начать войну против России.

Псковичи правильно поняли смысл происходящих событий и отправили к великому князю Московскому гонцов с просьбой о помощи. Положение было настолько серьезным, что Иван III не медлил с удовлетворением просьбы псковичей. 1 августа в Псков прибыли воеводы князь В. В. Шуйский и князь Д. Пенко с ратными силами. Однако даже в этот критический момент, когда война с Ливонией в силу политики Плеттенберга стала неминуемой, Иван III, принимая меры к отражению готовящегося нападения противника, сделал все возможное, чтобы избежать начала военных действий: воеводы прибыли с указанием не выступать против «Немецкой земли» без государева повеления. Три недели войска простояли в Пскове в бездействии. И только когда к великому князю прибыл четвертый псковский гонец с известием, что «Нѣмцы жгоут и грабят и головы сѣкуть и живых ведут в свою землю», Иван III велел своим воеводам идти на Ливонию.¹⁰¹

Первый стяг с воеводами выступил из Пскова 22 августа, другие стяги — на второй день; вместе с московскими воеводами и их ратными людьми выступил псковский князь Иван Иванович Суздальский (Горбатый) с псковскими посадниками и псковичами. Русские войска направились к ливонской границе.¹⁰² Около 26—27 августа русско-ливонскую границу перешли войска Плеттенберга, которые у Острова 29 августа должны были соединиться

¹⁰⁰ ПЛЛ, с. 84—85. — В московских летоисчислениях читается лишь краткое сообщение об аресте псковских купцов в Дерпте (ПСРЛ, т. VI, с. 46, 243; т. XX, ч. 1, с. 372; т. XXVIII, с. 334; т. VIII, с. 240; т. XII, с. 253).

¹⁰¹ Об очень осторожном отношении великокняжеского правительства к началу военных действий свидетельствует и текст Разрядной книги под 1501 (7009) г.: «Да в той же речи (от 14 мая, — Н. К.) написано: каково будет дѣло отъ нѣмецъ, и ити из Новагорода намѣстнику Ивану Лобану Андрѣевичу Кольчову, а быть ему в большом полку. В передовом полку воевода: Темка Янов, а в правую руку и в лѣвую и в сторожевой полкъ воевод розрядити намѣстнику» (Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга, М., 1901, с. 28—29). Приведенный текст содержит предписания новгородским наместникам на случай военных действий с Ливонией (близость войны в последний месяц весны уже ощущалась), но само начало их с русской стороны ставилось в зависимость от позиции Ливонии («каково будет дѣло отъ нѣмецъ»).

¹⁰² ПЛЛ, с. 85.

с литовскими войсками под командованием полоцкого наместника.¹⁰³ Но 27 августа в 10 верстах от Изборска на р. Серице ливонское войско столкнулось с выступившими навстречу русскими силами, и здесь произошло сражение.

Сражение закончилось поражением русских войск. Согласно псковской летописи, поражение явилось следствием успешных действий вражеской артиллерии: «Налустиша боуртальника немецкии вѣтръ на псковскую силу и на московскую силоу, и пыль ис пушек и ис пицалеи». Под ударами артиллерии первыми дрогнули и оставили поле боя псковичи, затем московские ратники.¹⁰⁴ Автор «Schonne hysthorie» также отмечает роль ливонской артиллерии в этом сражении.

Но, помимо превосходства ливонской артиллерии, на исход сражения оказало влияние и численное превосходство орденового войска. По сведениям «Schonne hysthorie», силы Плеттенберга исчислялись в 4 тыс. всадников, 2 тыс. пеших кнехтов, а всего вместе с обозом, артиллерией и крестьянами составляли 80 тыс. человек; последняя цифра — 80 тыс. человек — названа и в заметках Пауля Ватта, советника великого магистра. Численность же русских, по данным «Schonne hysthorie», составляла 30—40 тыс. человек. На данных «Schonne hysthorie» основан рассказ о битве на Серице «Хроники» Руссова. Плеттенберг «выступил в поход в Россию с 4000 всадников, порядочным количеством ландскнехтов и крестьян и с несколькими полевыми орудиями и вскоре встретился с 40 000 русских, из которых он много убил и других обратил в бегство, и гнался за ними около трех миль, и отнял у них весь их обоз, а из своих людей понес не особенный урон».¹⁰⁵ По сведениям немецких источников получается, что ливонские силы в битве на р. Серице вдвое превосходили силы русских. Но К. В. Базилевич считает, что фигурирующее в немецких источниках число (40 тыс.) русских является преувеличенным. Во всяком случае в битве на Серице со стороны великого князя участвовал отряд не более 5—6 тыс. человек.¹⁰⁶

На другой день после сражения на Серице ливонское войско обстреляло Изборск и затем направилось к Острову, где должно

¹⁰³ Поручения послу ливонского магистра к великому князю Литовскому около 20 сентября 1501 г.: LUB2, Bd. II, № 177.

¹⁰⁴ ПЛЛ, с. 85—86. — Составитель одного из списков Никоповской летописи поражение русских войск объясняет тем, что враги напали на них врасплох: «Не успели воеводы великого князя вѣоружитися» (ПСРЛ, т. XII, с. 254); в других московских летописях о битве на Серице вообще не говорится.

¹⁰⁵ Schonne hysthorie, S. 145, Bg. 38b—39b und S. 231; LUB2, Bd. II, № 191; Руссов, с. 298.

¹⁰⁶ К. В. Базилевич на основе расходов исковичей на содержание великокняжеских войск (100 зобниц овса, 100 стогов сена и 25 руб. на хлеба и калачи в день) подсчитал, что их численность должна была достигать 5 тыс. человек, если считать, что содержание одного воина обходилось в 1 деньгу (Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 478 и прим. 2).

было соединиться с литовскими войсками. Прождав напрасно литовцев, ливонские отряды 7 сентября взяли и сожгли Остров, после чего ушли в Ливонию. Руссов уход орденского войска объясняет эпидемией дизентерии.¹⁰⁷

14 сентября Плеттенберг уже был в Ливонии.¹⁰⁸ По окончании похода он писал, что если бы против Пскова совместно действовали ливонские и литовские войска, то им удалось бы овладеть Псковом.¹⁰⁹ Высказывание Плеттенберга позволяет думать, что целью его похода являлся захват Пскова. Эта цель не была достигнута. Разорение же, причиненное рыцарским войском Псковской земле, должно было побудить русское правительство произвести ответный поход. Таким образом, хотя битва на Серице закончилась победой Ордена, но эта победа не только не дала никаких военных преимуществ, но поставила Ливонию под угрозу ответного удара русских войск. Удар последовал поздней осенью 1501 г.

Поход русских в Ливонию в конце осени—начале зимы 1501 г. обстоятельно освещен в русских и немецких источниках.

В Продолжении Псковской первой летописи сообщается, что 18 октября великий князь послал своего воеводу князя Александра Оболенского «с силою московскою» и «царя тотарского с Тотары» «воевать» вместе с псковичами «Немецкую землю». Русские войска выступили в поход против Ливонии 24 октября и «начаша землю Немецкую воевати»; по-видимому, русские войска разделились на два отряда и двинулись по Ливонии в двух направлениях, как пишет летописец, «взяша собѣ воеводы великих князей правую руку, а псковичи лѣвою роуку».

Под Гельмедом, где находились силы Дерптского епископства («сила немецкая юрьевская»), произошло крупное сражение, в котором с русской стороны участвовали татары и москвичи. Хотя в начале сражения («на первом сстоупе») был убит воевода князь Александр Оболенский, оно окончилось блестящей победой русских: по словам летописца, русские воины били отступавшего противника на протяжении 10 верст, и у него не осталось даже «вестоноши». После сражения воеводы великого князя направились мимо Дерпта и Нарвы к Ивангороду. Псковичи, подошедшие к Гельмеду на третий день, увидели поле, покрытое трупами. От Гельмеда псковское войско также направилось к Ивангороду.¹¹⁰

В московских летописных сводах при описании похода русских в Ливонию в 1501 г. дается, как это обычно имеет место

¹⁰⁷ ПИЛ, с. 86; Руссов, с. 298—299.

¹⁰⁸ Письмо Ревеля Плеттенбергу от 12 октября 1501 г.: LUB2, Bd. II, № 181.

¹⁰⁹ Поручения послу Плеттенберга к великому князю Литовскому Александру около 20 сентября 1501 г.: LUB2, Bd. II, № 177, S. 115.

¹¹⁰ ПИЛ, с. 86—87.— В Псковской третьей летописи о походе 1501 г. в Ливонию читается лишь краткое известие, без упоминания сражения при Гельмеде (ПИЛ, с. 224).

в московских летописях, мотивировка военной акции, предпринятой великим князем против Ливонии: великий князь послал своих воевод, князей Данилу Александровича Пенко, Данилу Васильевича Щеня и Александра Васильевича Оболенского, «со многими людьми» «Немецкия земли воевати Ливоньския, за ихъ неправду, что они воевали вотчину его Псковь да и гостей его поимаша в Юрьевъ». При описании сражения у Гельмеда подчеркивается (как это часто делали московские летописцы, описывая сражения между русскими и ливонскими войсками) его внезапность для русской стороны: «И внезапно лучися имъ (русским, — Н. К.) бой великъ, на третьемъ часѣ поября 24 приидоша Нѣмци безвѣстно съ стороны со многою силою, съ пушками и пищалми, и божьею милостию воеводы великого князя одолѣша ихъ, овѣхъ побиша, а иныхъ поимаша, а мало ихъ утече». Вслед за известием о сражении у Гельмеда московские летописцы добавляют: «И ходиша воеводы близъ Кольвани и выидоша на Иваньгородъ, а землю Нѣмецкую учиниша пусту».¹¹¹

Масштабы похода русских в Ливонию осенью 1501 г. подчеркивают и ливонские хроники, но их рассказ имеет иную окраску. Автор «*Schonne hysthorie*» пишет, что когда русские совместно с татарами общей численностью 90 тыс. человек вторглись 31 октября в Ливонию, то они не встретили должного отпора, так как силы Ордена были ослаблены эпидемией. Русские войска прошли через все Дерптское епископство, частично через Рижское и Ревельское епископства, через области Мариенбург, Адзель, Трикатен, Гельмед, Тарваст, Ервен, Везенберг, Тольсбург, Нарву со всей Вирландией и увели с собой в плен 40 тыс. населения. Все же под Гельмедом русским удалось нанести поражение, во время которого у них было убито 1500 человек и пал на поле сражения князь Александр Оболенский. Когда, наконец, были собраны ливонские военные силы, то русские ушли так быстро, что их цельза было достигнуть. Рассказ «*Schonne hysthorie*» повторяет с очень незначительными вариациями Руссов в своей «Хронике».¹¹² Как мы видим, ливонским хроникам свойственно отсутствие отпора русским при их вторжении в Ливонию объяснять неудачной для последней ситуацией, сложившейся в результате эпидемии. Сражение же под Гельмедом, которое русские летописи изображают как победу русских, под пером немецких хронистов превращается в поражение русского войска.

Существенны для восстановления истинной картины русского похода известия документальных источников, современных собы-

¹¹¹ ПСРЛ, т. VI, с. 47, ср. с. 243; т. XX, ч. 1, с. 372; т. XXVIII, с. 335; Иоасафовская летопись, с. 143; ПСРЛ, т. VIII, с. 241; т. XII, с. 254. — В Разрядной книге перечисляются полки и возглавлявшие их военачальники, посланные из Новгорода в поход против Ливонии (Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга, с. 30).

¹¹² *Schonne hysthorie*, S. 147—150; Bg. 41b—45a und S. 236—237; Руссов, с. 298—299.

тиям. Плеттенберг в письме к великому магистру 23 ноября 1501 г. сообщает о вторжении 1 ноября в Ливонию многочисленного русского войска, состоящего из псковичей, новгородцев, москвичей и тверичей. Это войско под командованием трех военачальников совместно с татарами разорило Дерптское епископство и задержалось в стране.¹¹³ Снова о походе русских Плеттенберг пишет великому магистру 28 декабря 1501 г. Он сообщает о разорении Дерптского епископства, местностей у Мариенбурга, Везенберга, Нарвы, Ниеншлота и об уходе русских через Вирландию. Во время пребывания русских в Ливонии в конце ноября для отпора врагу орденские силы из Гаррии и Вирландии должны были соединиться с силами дерптского епископа у Гельмеда. Но силы дерптского епископа подошли туда за день до назначенного срока и столкнулись с русскими. У дерптского епископа было убито 300 человек, у русских — 2 тысячи.¹¹⁴ Сведения о битве под Гельмедом есть также в письме ревельского бургомистра Ганса Шера Ревелю, написанном 26 ноября, на другой день после сражения, в Вейссепштейне. Ганс Шер пишет, что после первоначального успеха силы дерптского епископа были у Гельмеда разбиты, погибла большая часть кнехтов и русские захватили пушки и пушечные снаряды.¹¹⁵

Как мы видим, русские и немецкие источники согласно свидетельствуют о крупных масштабах русского похода в Ливонию осенью 1501 г. и о большом уроне, причиненном Ливонии. Но в освещении битвы под Гельмедом они расходятся: русские летописи изображают ее как победу русских, немецкие хроники — как их поражение, в письме Плеттенберга отмечаются гораздо большие потери русских в этом сражении по сравнению с потерями немцев. Из немецких источников только письмо ревельского бургомистра Ганса Шера оценивает сражение под Гельмедом как поражение ливонских военных сил. Известия этого письма особенно ценны: письмо было написано на другой день после сражения, из пункта, недалеко от него расположенного, человеком, не принадлежавшим к орденским кругам, и носило неофициальный характер в отличие, например, от писем Плеттенберга великому магистру. Все это позволяет с доверием отнестись к сведениям Ганса Шера и считать его письмо важным источником для изучения битвы у Гельмеда. Данные письма Ганса Шера совпадают с известиями русских летописей, рисующих сражение у Гельмеда как победу русских.

На основе всей совокупности источников важнейшие моменты русского похода в Ливонию осенью—зимой 1501 г. можно представить следующим образом: военные силы псковичей и великого князя (последние включали москвичей, новгородцев, тверичей) с вспомогательными татарскими отрядами 24 октября выступили

¹¹³ LUB2, Bd. II, № 195.

¹¹⁴ Там же, № 243.

¹¹⁵ Там же, № 196.

из Пскова. Силы эти были значительны, хотя исчисление их в 90 тысяч, даваемое «Schonne hysthorie», вряд ли можно считать соответствующим действительности: в условиях продолжающейся войны с Великим княжеством Литовским русское правительство едва ли могло направить такое огромное войско в Ливонию. 1 ноября русские войска вступили в Ливонию и двинулись по ней в двух направлениях: псковичи южнее, великокняжеские войска с татарами севернее. В течение похода, продолжавшегося 6 недель,¹¹⁶ русские прошли через Дерптское, Ревельское епископства и ряд орденских областей, не встречая сколько-нибудь серьезного отпора. Отсутствие отпора объясняется не только и не столько эпидемией, поразившей Ливонию, сколько отсутствием единства в ней и неспособностью противостоять крупным силам русских (не случайно Плеттенберг несколько позже неудачу в организации отпора русским объяснял непослушанием высших чинов Ордена¹¹⁷). Наиболее крупное сражение во время русского похода произошло у Гельмеда 25 ноября между силами дерптского епископа и москвичами и татарами; сражение закончилось победой русских.

Характер военных действий со стороны русских войск во время похода (полевые сражения, разорение местности без попыток овладения населенными пунктами) показывает, что поход имел целью ослабление противника за счет уничтожения живой силы и продовольственных ресурсов, а отнюдь не овладение его территорией, утверждение русских в Ливонии. Такой же характер имели и вторжения русских войск в Ливонию в конце января 1502 г., когда русские отряды вновь появились на территории Дерптского епископства у Кирьемпе и в Вирландии и разорили местности, через которые прошли.¹¹⁸

Во время этого похода русских войск эстонские крестьяне соединялись в отряды по 100—200 человек и присоединялись к русским¹¹⁹ — факт, показательный для отношения коренного населения Эстонии как к немецким феодалам, так и к соседней России.

25 января 1502 г. в Вольмаре для рассмотрения сложившегося положения и решения вопроса о дальнейших военных действиях был созван ландтаг, продолжавшийся до 1 февраля. Ландтаг выявил полное отсутствие единства в Ливонии — следствие феодальной раздробленности страны. Из прелатов присутствовал только рижский архиепископ, города были представлены послами Риги и Ревеля. Отсутствовали дерптский, эзельский и курляндский епископы, вассалы Гаррии и Вирландии, большинство епископских

¹¹⁶ Отчет послов великого магистра в Ливонию от 1 февраля 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 230, S. 158.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Рецесс ландтага в Вольмаре от 25 января—1 февраля 1502 г. и отчет послов великого магистра от 1 февраля 1502 г.: AR, Bd. III, № 19, § 7—8, 13, 21; LUB2, Bd. II, № 230.

¹¹⁹ Отчет послов великого магистра от 1 февраля 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 230, S. 159.

вассалов и представители Дерпта.¹²⁰ Развернувшиеся на ландтаге прения сопровождались резкой критикой Плеттенберга, которого считали виновником тяжелого положения, создавшегося для Ливонии. Дерптский епископ в письме магистру, присланному на ландтаг, писал, что если магистр не поможет ему всеми силами, то он сделает то, что не хотел бы делать;¹²¹ очевидно, епископ намекал на возможность заключения сепаратного мира с Россией. Еще более решительной была позиция вассалов Гаррии — Вирландии; капеллан архиепископа сообщил, что из Гаррии и Вирландии не приехали на ландтаг потому, что магистр их не защищает и что они хотят искать защиты у великого магистра или даже будут искать себе другого господина в лице датского короля.¹²² Резко отрицательная позиция дерптского епископа и вассалов Гаррии — Вирландии в отношении Плеттенберга объясняется тем, что на Дерптское епископство и Вирландию обрушились главные удары русских войск. Но и присутствовавшие на ландтаге представители сословий не выразили энтузиазма по поводу продолжения войны: города жаловались на недостаток средств для содержания кнехтов, вассалы ссылались на свою слабость вследствие отсутствия вассалов Гаррии — Вирландии.¹²³

После долгих дебатов ландтаг вынес все-таки решение предпринять вторжения в Россию у Нарвы и против Пскова. Одновременно было решено воздействовать на Россию путем экономической блокады и с этой целью просить вендские города, Дания и Швецию прекратить подвоз товаров русским.¹²⁴ Хотя Плеттенбергу удалось добиться в Вольмаре желательных для него решений, весь ход ландтага показал, что война против России не пользуется популярностью в Ливонии и ее бесперспективность понимали даже представители правящего класса немецких феодалов.

В условиях полнейшего разброда внутри Ливонии для Плеттенберга особенно важен был вопрос о получении помощи извне, в первую очередь от Польши — Литвы. Еще около 20 сентября 1501 г., после возвращения из похода в Псковскую землю, Плеттенберг послал к Александру, великому князю Литовскому, посла Иоганна Гильдорна с жалобой на отсутствие литовских войск во время похода и с настоятельной просьбой выполнять союзные обязательства¹²⁵ (в условия литовско-ливонского договора о союзе входил, как мы указывали, пункт о совместном походе против России). С просьбой о помощи Плеттенберг обращался

¹²⁰ Рецесс ландтага: AR, Bd. III, № 19.

¹²¹ Отчет послов великого магистра от 1 февраля 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 230, S. 159.

¹²² Там же, с. 161.

¹²³ Рецесс ландтага: AR, Bd. III, № 19, § 36.

¹²⁴ Там же, § 69, 79. — Ответ ливонского магистра послам великого магистра: LUB2, Bd. II, № 229.

¹²⁵ Посольство Иоганна Гильдорна: LUB2, Bd. II, № 177.

к Александру и к наместникам Вильны и Полоцка и во время похода русских в Ливонию в поябре—декабре 1501 г.¹²⁶ Вновь ливонские власти просили наместника Полоцка о помощи во время вторжения ливонцев в Псковскую землю в марте 1502 г.¹²⁷ (см. далее). Александр через своего посла Альберта Горского в марте 1502 г. передал Плеттенбергу заверения в верности союзу и обещания лично приехать в Литву, чтобы подготовиться к совместному походу против русских.¹²⁸ В июне Александр прислал Плеттенбергу повое письмо, в котором повторил заверения в своем желании исполнить союзные обязательства.¹²⁹ Но, несмотря на эти заверения, Литва, поглощенная войной с Россией, не могла выделить силы для участия на ливонском театре военных действий. Более того, успешные действия русских войск заставили правящие круги Литвы задуматься над целесообразностью дальнейшего продолжения войны, и когда в 1502 г. от русского правительства последовали мирные предложения, сейм в Новогрудке в июне—августе вынес решение начать мирные переговоры с Москвой.¹³⁰

Сложной в отношении войны, происходившей между Россией, с одной стороны, и Литвой и Ливонией — с другой, была позиция Пруссии. Ливонский орден являлся ветвью Тевтонского ордена, и последний был, таким образом, естественным покровителем Ливонии. Но вместе с тем Пруссия не была заинтересована в поражении России, ибо победа Литвы в войне усилила бы позиции Литвы—Польши и увеличила бы опасность полного подчинения Пруссии Польше. Поэтому великий магистр Тевтонского ордена Фридрих Саксонский (1498—1510), развивая, казалось бы, энергичную дипломатическую деятельность, имевшую цель помочь Ливонии, в то же время эффективной реальной помощи ей не оказывал. В декабре 1501 г., после получения известия о походе русских в Ливонию, великий магистр созывает в Кенигсберге ландтаг для обсуждения вопроса о помощи Ливонии, на котором было решено ввести налог на города для содержания кнехтов, предназначенных для Ливонии.¹³¹ Одновременно великий магистр обращается к папе с просьбой об организации крестового похода против русских; эту просьбу он повторяет весной 1502 г.¹³² Однако

¹²⁶ Письма Плеттенберга и великого магистра от ноября—декабря 1501 г.: LUB2, Bd. II, № 195, 199, 203, 204, 213.

¹²⁷ Письмо ливонского ландмаршала Плеттенбергу от 22 марта 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 260.

¹²⁸ Посольство Альберта Горского: LUB2, Bd. II, № 249.

¹²⁹ Письмо Александра: LUB2, Bd. II, № 306.

¹³⁰ Ответ Плеттенберга послу Александра от 20 августа 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 351; Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt, S. 28—29.

¹³¹ Переписка великого магистра от декабря 1501 г. и решения ландтага в Кенигсберге: LUB2, Bd. II, № 201, 203, 210.

¹³² Переписка великого магистра от декабря 1501 г. и мая 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 214—216, 290—292.

великий магистр ограничивается посылкой в Ливонию летом 1502 г. всего 200 кнехтов.¹³³

Ватикан, поглощенный организацией отпора Турции и заинтересованный в участии в нем России,¹³⁴ оставался безучастным к просьбе Ордена об объявлении крестового похода против русских. Не имело успеха и обращение Ордена к Империи. Посольство Ордена, обратившееся к императору с просьбой, чтобы ганзейские города помогли Ливонии против России (а собираемые в них по случаю юбилейного года деньги были бы переданы Ордену для нужд борьбы с русскими), получило отрицательный ответ. Советники императора ответили, что просьба Ордена противоречит решению папы, императора и курфюрстов о борьбе с Турцией.¹³⁵ Империя отнюдь не была заинтересована в том, чтобы втягиваться в войну против России.

Отсутствие помощи извне, оппозиция внутри Ливонии — все это должно было, казалось, побудить Плеттенберга прекратить войну. Но верный своему курсу, Плеттенберг делал ставку на ее продолжение. Во исполнение решения Вольмарского ландтага об организации похода в Россию во время поста Плеттенберг в марте 1502 г. организует два вторжения в русские пределы — из Нарвы и из Розиттена.¹³⁶

Вторжением из Нарвы руководил комтур Ревеля, который в письме Плеттенбергу от 12 марта 1502 г. описал состоявшийся поход. По его словам, около Ивангорода произошло сражение с русским войском, численность которого комтур определяет в 1600 человек; на поле боя осталось около 200 русских; орденские отряды преследовали русских почти до Ямгорода, но затем прекратили преследование, так как лошади устали; опустошив местность вокруг Ивангорода, рыцари возвратились в Ливонию.¹³⁷ В московских летописных сводах начала XVI в. о вторжении ливонцев под Ивангород весной 1502 г. лишь лаконично сообщается: «Приходиша Нѣмци на Иваньгородъ; тогда Лобана Кольчева убиша». В более поздних Воскресенской и Никоновской летописях читается пространная версия, согласно которой «нѣмци пришли многи» и около Ивангорода папали на русский отряд, находившийся в заставе «не с многими людьми»; в сражении был убит 21 русский воин.¹³⁸

¹³³ Переписка великого магистра от июня—августа 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 318—320, 324, 349.

¹³⁴ Еще в ноябре 1501 г. папа Александр VI обратился к Ивану III со специальной грамотой, призывающей его последовать примеру польского короля и вступить в борьбу с Турцией (АЗР, т. I, № 192, § 24).

¹³⁵ Письмо магистра владений Ордена в Германии великому магистру от сентября 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 358.

¹³⁶ Письмо Плеттенберга великому магистру от 18 марта 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 256.

¹³⁷ LUB2, Bd. II, № 247.

¹³⁸ ПСРЛ, т. VI, с. 48, 243; т. XX, ч. 1, с. 373; т. XXVIII, с. 336; Иоасафовская летопись, с. 144; ПСРЛ, т. VIII, с. 241; т. XII, с. 255.

Вторжением из Розиттена руководил ландмаршал Ливонии Иоганн Платтен. В письме к Плеттенбергу от 22 марта, после возвращения из похода, он рассказывает, что войско, вторгшееся в Псковскую землю, в течение 7 дней опустошало местность вокруг Вельи и Красного Городка; два дня, 17 и 18 марта, оно осаждало Красный Городок и трижды штурмовало его, но взять не смогло.¹³⁹ Продолжатель Псковской первой летописи также сообщает об осаде Красного Городка и о бегстве врагов потому, что им почудилась за рекой Синею «сила велика» (имелось в виду, очевидно, подошедшее к Красному Городку псковское войско).¹⁴⁰

Оба вторжения — в Новгородскую и Псковскую землю, — во время которых военные действия локализовались в пограничных районах, не принесли Плеттенбергу желаемого перелома в ходе войны.¹⁴¹

Летом 1502 г. последовали набеги русских на ливонскую территорию. По своему характеру это были мелкие пограничные нападения, сопровождавшиеся разорением местности и уводом скота.¹⁴² Россия, в чьи намерения война с Ливонией, как мы указывали, не входила и чьи силы были сосредоточены на литовском театре военных действий, не собиралась проводить крупных наступательных операций против Ливонии.¹⁴³ Более того, летом 1502 г. русское правительство проявило мирную инициативу: дерптский епископ получил письма великого князя Московского, где тот писал, что если магистр попросит мира, то он его получит.¹⁴⁴ Но Плеттенберг не откликнулся на проявленную инициативу: он готовился к новому походу против России. На этот раз Плеттенберг решил не делить свои силы, а собрав их вместе, нанести сокрушительный удар.¹⁴⁵

О походе Плеттенберга осенью 1502 г. сохранились довольно подробные сведения в русских и немецких источниках. Продолжатель Псковской первой летописи рассказывает, что войско магистра, подошедшее 2 сентября к Изборску, пробовало его взять, но неудачно. Из Изборска рыцари направились к Пскову и подошли к Завеличью утром 6 сентября. Псковичи сами сожгли свой

¹³⁹ LUB2, Bd. II, № 260.

¹⁴⁰ ПЛ, с. 87.

¹⁴¹ В письме комтура Мемеля великому магистру от 24 марта 1502 г. на основе рассказа приехавшего из Ливонии купца сообщается об успешном походе рижского архиепископа против русских (LUB2, Bd. II, № 262). Очевидно, в рассказе купца имела место путаница, так как в письме Плеттенберга великому магистру от 18 марта речь идет только об описанных выше вторжениях из Нарвы и из Розиттена.

¹⁴² Переписка Плеттенберга и ливонских городов от июня—июля 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 317, 323, 332.

¹⁴³ В письме Нарвы Ревелю от 16 июля 1502 г. сообщается о концентрации русских войск в Новгороде и у Луги, но из письма следует, что они были собраны для обороны (LUB2, Bd. II, № 332).

¹⁴⁴ Ответ Плеттенберга послу польского короля: LUB2, Bd. II, № 351.

¹⁴⁵ Письмо ливонского магистра великому магистру от 22 июня 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 317.

посад в Завеличье. Здесь произошел бой орденских отрядов с псковичами, после которого противник переправился через Великую и подошел к Пскову со стороны Полонища. По словам летописца, враги «много къ стены лѣзли, а псковичи ждали силѣ великого князя; и Нѣмцы стояв на Полонищи два дни, а на третей день прочь отошли тѣм же поутем, а псковичь богъ оублюде и святая троица». Когда осаждавшие отошли от Пскова, подошли новгородские наместники князя Д. В. Щеня и В. В. Шуйский «с силою московскою». Великокняжеские воеводы и псковичи последовали за ливонским войском и пашли его «в Озеровах на могильникѣ». Здесь произошло сражение. Псковичи, а вслед за ними и московские отряды ударили по обозу противника и разграбили его, а «Нѣмцы в то время ступишася с москвичи и со псковичи, и бысть с Нѣмцы сѣча, а не велика».¹⁴⁶ Так описывает события псковский летописец. В московских летописных сводах начала XVI в. известий о битве у озера нет. Читается только лаконичное известие о походе рыцарей на Псковскую землю: «Того же лѣта Нѣмци приходиша ко Пскову». Автор более поздней Воскресенской летописи уточняет место битвы — у оз. Смолин. При этом он сообщает, что русское войско, подходившее к Смоленину, получило известие о бегстве противника и «люди великого князя многие исъ полковъ погоиша, а полки изрушали и кошевных людей цѣмецкихъ многихъ побили»; по оказалось, что известие о бегстве врага было ложным: его полки стояли вооруженные и в битве избили «не многихъ» людей великого князя, которые пришли «изрывкою», «а сами ся отстояли, потому что у великого князя въводъ полъки ся изрушали». Эта же версия читается в Никоновской летописи.¹⁴⁷

Если русские летописи указывают на сравнительно небольшие масштабы сражения у оз. Смолин и незначительность потерь, понесенных русскими, то немецкие источники изображают его как большую победу Ордена. Автор «Schonne hysthorie» называет сражение у Смоленина «самой большой и трудной, главной битвой господ Ливонии с русскими». По словам «Schonne hysthorie», магистр и архиепископ решили выступить в поход против вражеской страны, имея 2 тыс. всадников, не считая крестьян и обоза. Войско подошло к Пскову, где напрасно ожидало прихода литовцев. Между тем двое пленных русских сообщили, что должно подойти многочисленное войско из русских и татар, посланное великим князем. Магистр приказал ливонскому войску расположиться на открытом поле и ожидать врага. 13 сентября, когда подошли русские войска, началась битва. Немецкие рыцари трижды пробивались через превосходящие силы русских; ливонское войско потеряло обоз, но в конце концов обратило русских

¹⁴⁶ ПЛ, с. 87—88.

¹⁴⁷ ПСРЛ, т. VI, с. 48, 243; т. XX, ч. 1, с. 373; т. XXVIII, с. 336; т. VIII, с. 242; т. XII, с. 256.

в бегство. Однако преследовать их рыцари были не в состоянии. Рассказ «Schonne hysthorie» положил в основу своего повествования о битве у Смолина Руссов. Он также подчеркивает доблесть рыцарей и называет «чудом» победу их над врагом, войско которого исчисляет в 90 тыс. человек.¹⁴⁸

Из немецких источников наибольшую ценность имеет письмо неизвестного по имени ливонского комтура, участника похода, комтуру в Германии. По словам ливонского комтура, Плеттенберг 27 августа выступил из Гельмеда, имея при себе 25-тысячное войско, в том числе 2500 всадников. Опустошая все на своем пути, войско направилось к Пскову. Не дойдя до него, Плеттенберг оставил часть войска, а сам с 2500 всадниками, 2500 ландскнехтами и артиллерией приступил к Пскову и в течение трех дней осаждал его; были сожжены три псковских предместья. 8 сентября военные действия были прекращены, и между сторонами начались переговоры. Начальник вспомогательного прусского отряда Клаус фон Бах, ведший переговоры с ливонской стороны, потребовал, чтобы Псков подчинился магистру; при этом он сказал, что если требование не будет выполнено, то Псков ожидает такая же участь, какая постигла его предместья. Псковичи отказались принять мир, предложенный им на условии подчинения власти магистра. Между тем двое пленных русских показали, что в Пскове имеется 8 тыс. всадников и много пеших и ожидается прибытие еще 3 тыс. всадников. Узнав это, Плеттенберг отошел от Пскова и со своим 5-тысячным отрядом стал ожидать русское войско. Подошедшее русское войско насчитывало 18 тысяч. В происшедшем 13 сентября сражении рыцари одержали победу: на поле боя осталось 8 тыс. убитых, но потери Ордена были невелики. После сражения орденское войско вернулось в Ливонию. Плеттенберг решил не распускать свои силы, полагая, что русские совершат ответный поход.¹⁴⁹ Как мы видим, в письме ливонского комтура фигурируют более правдоподобные цифры: общие силы ливонцев, участвовавших в походе, определяются в 25 тыс. человек, участвовавших в сражении — 5 тыс. человек, русских — 18 тыс. человек.

Сопоставляя известия источников и принимая во внимание присущую им в той или иной степени тенденциозность (особенно при описании битвы у оз. Смолин), основные моменты похода Плеттенберга можно представить так: главной целью похода явля-

¹⁴⁸ Schonne hysthorie, S. 147—150, Bg. 41b—45a und S. 240; Руссов, с. 299—300. — При описании битвы у оз. Смолин Руссов использовал, помимо «Schonne hysthorie», еще либо «Записки о московских делах» С. Герберштейна, либо какой-то неизвестный источник, использованный также Герберштейном. Об этом свидетельствует наличие и у Герберштейна, и у Руссова эпизода о гибели во время битвы 400 немецких пехотинцев в результате измены перешедшего на сторону русских Луки Гамерштетера (см.: Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908, с. 182—183).

¹⁴⁹ LUB2, Bd. II, № 382.

лось овладение Псковом; однако неудачные попытки штурма Пскова и воздействия на псковичей путем переговоров, а также известие о приближении к Пскову помощи заставили Плеттенберга отойти от города; в сражении у Смолина Плеттенберг одержал победу, но развить успех не смог; поняв, очевидно, что у него нет шансов на ведение дальнейших успешных действий на псковской территории, Плеттенберг возвратился в Ливонию.

Весь ход войны показал, что, несмотря на отдельные победы Ордена, Ливония не в состоянии была вести успешную войну против России. Победы Плеттенберга имели тактический характер и не предопределяли исхода войны. Плеттенберг не смог добиться реального успеха, хотя Россия вела войну на два фронта и ее основные силы оттягивала Литва. Но литовское правительство, понявшее, очевидно, всю бесперспективность продолжения войны, пошло, как мы указывали, на мирные переговоры. И это обстоятельство решило исход русско-ливонской войны. Плеттенберг должен был прекратить развязанную им войну и согласиться на переговоры, поскольку одна Ливония не могла противостоять военной мощи России. Что касается России, то поглощенная борьбой за возвращение русских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, она не собиралась в рассматриваемый период воевать против Ливонии и добиваться ее подчинения (последнее утверждают прибалтийско-немецкие историки¹⁵⁰). Именно это обстоятельство, а отнюдь не военные победы Плеттенберга позволили Ливонии заключить мир с Россией и продлить еще на полстолетия свое существование.

ПЕРЕМИРИЕ 1503 Г.

В декабре 1502 г. к Плеттенбергу был послан от польского короля и великого князя Литовского Александра с предложением прислать к 5 января 1503 г. в Смоленск своих послов, чтобы они вместе с литовскими направились в Москву для переговоров о мире. Плеттенберг в ответном письме срок встречи послов предложил передвинуть на 25 января, так как в начале января он намеревался созвать ландтаг для обсуждения вопроса о мире.¹⁵¹ На ландтаге, заседавшем в Вольмаре с 6 по 10 января, было решено согласиться с предложением польского

¹⁵⁰ Эта точка зрения особенно ярко выражена в работе Р. Кентманн (K e n t m a n n R. Livland im russisch-litauischen Konflikt, S. 73); ср. также: S c h i e m a n n Th. Russland, Polen und Livland, Bd. II. Berlin, 1888, S. 156—177; Н. С о с а с к. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXXII, S. 100—101; L e n z W. Die auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg, S. 5—6; S t e r n C. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert, S. 72.

¹⁵¹ Письма Александра Плеттенбергу от 7 декабря 1502 г. и Плеттенберга Ревелю от 20 декабря 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 415, 418.

короля и начать мирные переговоры с великим князем Московским.¹⁵²

Каковы были условия мира, желательные для Ливонии, позволяет установить инструкция ливонским послам к великому князю Московскому. Инструкция предписывала послам добиваться заключения мира на 20 лет. Трижды в инструкции затрагивался вопрос о русско-ливонской границе: подчеркивалось, что Ливонии должны быть возвращены отторгнутые у нее русскими земли и воды.¹⁵³ О каких землях и водах шла речь, сказать трудно. Возможно, что о спорных территориях у Желачки на о. Пириссар и у построенного псковичами в 1464 г. Красного Городка (которые были закреплены за Псковом договорами 1463 и 1474 гг.), а также о спорном районе основанного псковичами в 1476 г. Вышгородка.¹⁵⁴

Стоит отметить также пункт инструкции, гласивший, что дерптский епископ должен состоять в общем мире;¹⁵⁵ этот пункт был направлен против традиционной практики заключения отдельных псковско-дерптских договоров и имел целью создание единого фронта ливонской конфедерации в вопросах сношения с Россией.

Один из пунктов инструкции гласил, что если великий князь Московский скрепит крестоцелованием перемирную грамоту с польским королем, то также следует поступить и в отношении перемирной грамоты с Ливонией, так как Ливония и Литва находятся в союзе.¹⁵⁶ Выдвигая это требование, руководители ливонской конфедерации хотели добиться изменения существующего порядка, при котором договоры с Ливонией заключались не в Москве великим князем, а в Новгороде его заместителями; этот порядок ливонские власти рассматривали как унижающий престиж Ливонии (см. с. 174).

Специальный пункт инструкции касался русско-ганзейских отношений; согласно этому пункту конфискованный в 1494 г. у ганзейцев в Новгороде товар, а также три задержанных ревельских купца должны были быть освобождены.¹⁵⁷ Предстоящее заключение мира руководители ливонской конфедерации стремились использовать для того, чтобы добиться урегулирования русско-ган-

¹⁵² Рецесс ландтага: AR, Bd. III, № 21, § 42—51.

¹⁵³ Инструкция ливонским послам от 7 января 1503 г.: LUB2, Bd. II, № 436, § 5, 14, 7, 11, 13.

¹⁵⁴ См. гл. VI. Г. Козак считает, что, начиная в 1501 г. войну против России, Плеттенберг хотел вернуть Ливонии отданную в залог псковичам в 1483 г. восточную окраину архиепископской области Пурнау, которую затем уступили псковичам при заключении псковско-ливонского договора 1493 г. (C o s a c k H. *Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag*, Bd. XXXII, S. 93—94). Однако, как мы уже отмечали, в источниках нет никаких сведений о переходе названной области в собственность Пскова ни в 1493 г., ни в каком другом году (см. с. 175, прим. 156).

¹⁵⁵ LUB2, Bd. II, № 436, § 10.

¹⁵⁶ Там же, § 4.

¹⁵⁷ Там же, § 17.

зейского конфликта на основаниях, отвечавших требованиям Ганзы.

Названные пункты инструкции ливонским послам и составляли, по-видимому, программу-максимум, с которой послы должны были выступить во время предстоящих переговоров.

Снабженные инструкцией, ливонские послы Иоганн Гильдори и Клаус Гольстевер выехали в Полоцк, где 24 января 1503 г. встретились с польскими послами, и затем вместе с ними продолжали дальнейший путь; 27 февраля в Смоленске к ним присоединились литовские послы. 5 марта польско-литовское и ливонское посольства прибыли в Москву.¹⁵⁸

В Москве они застали находившегося здесь с 29 декабря 1502 г. венгерского посла Сигизмунда Сантая, который прибыл с официальным поручением способствовать заключению мира между Литвой и Москвой с тем, чтобы привлечь великого князя Московского к борьбе с турками. Сантай привез грамоты соответствующего содержания от папы Александра VI, от папского легата кардинала Регнуса и от венгерского короля Владислава, брата польского короля и великого князя Литовского Александра. Сантай пытался побудить Ивана III примкнуть к антитурецкой лиге, указав, что таким путем «царства греческого приобретение будет». Иван III, не желавший вовлекаться в тяжелую борьбу с Турцией, не соответствовавшую интересам России, хладнокровно отнесся к идее византийского наследия и ограничился лишь общим заявлением о том, что он хочет против «поганства» стоять.¹⁵⁹ Не добившись согласия на вступление России в антитурецкую лигу, Сантай принял деятельное участие в происходивших в Москве переговорах, так как важнейшей целью его миссии являлось содействие заключению мира между Литвой—Польшей и Россией.

Ход переговоров о мире освещают отчет ливонских послов о посольстве в Москву и статейный список посольских сношений между Иваном III и Александром 1501—1503 гг.

Оба источника отмечают, что в Москве ливонские послы встретили холодный прием. Статейный список, сообщая об обеде у великого князя 7 марта, на который были приглашены все послы, подчеркивает, что венгерского, польских и литовских послов великий князь «посылал... потчивати», а «немецкого посла князь великий потчивати не посылал, не потчивал его никто». После обеда у великого князя ливонские послы фактически были отстранены от переговоров. Переговоры велись с польскими и литовскими послами при участии венгерского посла, а ливонские послы находились на своем подворье. Лишь 18 марта ливонские послы были приглашены к великому князю и им было сказано, что ма-

¹⁵⁸ Отчет ливонских послов, конец января—начало апреля 1503 г.: LUB2, Bd. II, № 443, § 1—24.

¹⁵⁹ Статейный список посольских сношений между Иваном III и Александром 1501—1503 гг.: АЗР, т. I, № 192, с. 250—258.

гистр во время мира (с Россией) стал помогать польскому королю, врагу великого князя, и нанес стране великого князя большой ущерб.¹⁶⁰ Очевидно, взглядом на Ливонию как на сторону, заключившую враждебный России союз с Литвой и пачавшую войну, и был обусловлен в значительной степени тот прием, который ливонские послы получили в Москве.

Другая причина игнорирования ливонских послов русскими властями на первом этапе переговоров заключалась в том, что важнейшим вопросом внешней политики России являлся, как мы неоднократно подчеркивали, вопрос о взаимоотношениях с Литвой, а по сравнению с ним русско-ливонские отношения играли второстепенную роль. К тому же если бы с Польшей—Литвой было достигнуто соглашение о перемирии, то это сделало бы неизбежным и заключение русско-ливонского мира, так как одна Ливония возобновлять войну с Россией не стала бы.

Статейный список посольских сношений между Иваном III и Александром сообщает, что, после того как был согласован текст грамот о перемирии между Россией и Литвою сроком на 6 лет, Иван III 29 марта призвал ливонских послов и начал с ними переговоры. 1 апреля ливонским послам были вручены тексты перемирных грамот. О самих русско-ливонских переговорах в статейном списке почти ничего не сообщается, отмечается лишь, что требование Ивана III о заключении мира с новгородскими наместниками и псковским князем и о включении в перемирные грамоты формулы о челобитье вызвало возражение ливонских послов. По поводу же хода переговоров в целом статейный список ограничивается замечанием, что «те речи все писалы в неметцком ящике».¹⁶¹ Очевидно, имелся в виду ящик Посольского приказа, где хранились статейные списки сношений с Ливонией. Но эти списки до нас не дошли.

Более подробно переговоры освещает отчет ливонских послов. Послы приглашались для переговоров с великокняжескими представителями 27 и 29 марта. 29 марта представители великого князя от его имени заявили послам, что если дерптский епископ уплатит просроченную дань, если Великому Новгороду и Пскову будет возмещен причиненный во время мира (по смыслу во время войны, начатой Ливонией до истечения срока мирного договора 1493 г.) ущерб, если будут освобождены задержанные с товарами русские кунцы и «дана управа» по поводу всех людей великого князя, сожженных и умерщвленных, и если будут очищены русские церкви, то тогда великий князь Московский пожалует магистра, архиепископа и всю Ливонию и даст перемирие на 6 лет, которое «по старине» должно быть утверждено в Новгороде.¹⁶²

¹⁶⁰ Там же, с. 270; ср. отчет ливонских послов: LUB2, Bd. II, № 443, § 26, 42—44.

¹⁶¹ Статейный список: АЗР, т. I, № 192, с. 290—291.

¹⁶² LUB2, Bd. II, № 443, § 52, 59.

В заявлении великокняжеских представителей была изложена точка зрения русского правительства в отношении предстоящего перемирия с Ливонией. Значительное число русских требований имело целью ликвидировать последствия войны: требование о возмещении Новгороду и Пскову убытков, причиненных во время мира, об освобождении задержанных русских купцов (войне предшествовал, как мы указывали, арест русских купцов в Дерпте), об очищении русских церквей (возможно, что в связи с войной русские церкви в ливонских городах были закрыты).

Характерной чертой русских требований являлась забота об интересах русских подданных (ими были преимущественно купцы), находившихся в Ливонии. Это нашло свое выражение в пункте о русских церквях, бывших организующими центрами русского купечества за границей, а также в требовании «управы» по поводу сожженных и умерщвленных людей великого князя. Согласно правилам, действовавшим в сфере русско-немецкой торговли с конца XII в., купцы, находившиеся на чужбине, за совершенные проступки подлежали юрисдикции местных властей. В соответствии с этим правилом осенью 1494 г. в Ревеле двое русских, виновных в уголовных преступлениях, были жестоко казнены: один был сожжен, другой сварен в котле. В ответ на эти казни Иван III закрыл пемецкий двор в Новгороде. В конце 90-х годов, во время переговоров с ливонским магистром и ганзейскими городами, в качестве одного из условий открытия ганзейского двора и возвращения ганзейцам конфискованных у них товаров русское правительство выдвигало требование о наказании «злодеев», виновных в казни его подданных. Выдвигая требование о наказании ревельских судей, поступивших в соответствии с существующей юрисдикцией, русское правительство тем самым заявляло о своем отказе ее признавать (подробнее см. далее). Логическим следствием этого отказа должно было быть требование пересмотра действовавшей юрисдикции, однако оно русской дипломатией еще не было сформулировано. Повторив во время мирных переговоров с Ливонией 1503 г. требование «об управе» по поводу сожженных и умерщвленных людей великого князя, русское правительство тем самым вновь подтвердило намерение не признавать существующую юрисдикцию, исходя из интересов своих подданных, находившихся в Ливонии.

В своем ответе на заявление русского правительства ливонские послы попытались оспорить прежде всего желание великого князя, чтобы перемирие было бы заключено «по старине» в Новгороде. Они заявили, что хотят в соответствии с полученной ими от ливонских властей инструкцией, чтобы договор был утвержден в Москве самим великим князем и чтобы в нем не было формулы о челобитье. Заявление ливонских послов вызвало чрезвычайное раздражение великокняжеских представителей. Не встретило оно сочувствия у польско-литовских и венгерского послов. Последние,

боясь, что позиция ливонских послов отрицательно отразится на достигнутой договоренности о заключении русско-литовского перемирия, всячески воздействовали на ливонских послов, побуждая их отказаться от своих требований.¹⁶³ Под давлением польско-литовских и венгерских послов ливонские послы должны были это сделать, после чего вопрос о русско-ливонском перемирии был быстро согласован: если на русско-литовские переговоры потребовалось три недели, то русско-ливонские заняли всего несколько дней.

2 апреля состоялось крестоцелование на русско-литовских перемирных грамотах. 4 апреля ливонским послам были вручены проекты русско-ливонских перемирных грамот, которые затем должны были быть утверждены в Новгороде и Пскове. 7 апреля послы выехали из Москвы.¹⁶⁴

В результате переговоров между Россией и Ливонией в соответствии с традицией были заключены три договора: между Новгородом и Ливонией, между Псковом и Ливонией, между Псковом и Дерптским епископством.¹⁶⁵ Сохранились тексты двух первых договоров. Договор о перемирии между Псковом и Дерптским епископством до наших дней не дошел.

Грамота о перемирии между Новгородом и Ливонией представляет собой проект договора, который был утвержден в Новгороде в июле 1503 г.¹⁶⁶ Грамота начинается с традиционных для русско-ливонских договоров конца XV в. формул о заключении мира по божьей воле и велению великого князя и о приходе в Великий Новгород к наместникам великого князя немецких послов с челобитьем. Срок перемирия устанавливается на 6 лет. Граница подтверждается старая: от Чудского озера «стерженьем» Наровы-реки «в Соленое море»; запрещаются взаимные нарушения границы. Указывается, что во время перемирия стороны должны собрать съезд об «обидных делах» на р. Нарове, на старом месте, во время которого «добрым людям» надлежит «исправу дать и взять с обеих сторон»; очевидно, предусматривалось разрешение путем полюбовного соглашения конфликтов, возникших ко времени заключения мира между подданными обоих государств. Устанавливалось также, что впредь по поводу «обидных дел» новгородские наместники должны «ссылаться» с магистром и «давать исправу с обеих сторон». Послам каждой из сторон гарантировался «чистый путь» во владениях другой стороны; подтверждалась отмена вознаграждения проводникам со стороны послов. Вопросов торговых сношений касалась лишь одна статья, гласившая, что новгородские купцы, задержанные в Дерпте, должны быть освобождены со своими товарами, а если какой ку-

¹⁶³ Там же, § 60—69.

¹⁶⁴ Там же, § 70—80; АЗР, т. I, № 192, с. 291—296.

¹⁶⁵ Рецесс ландтага в Вольмаре от 28—31 мая 1503 г.: AR, Bd. III, № 23, § 14.

¹⁶⁶ LUB2, Bd. II, № 509, легенда.

пец умер или убежал, то его товар следует возвратить новгородцам.¹⁶⁷ Весь же сложный комплекс вопросов русско-ливонских торговых отношений, прежде всего вопросов о возобновлении прерванной во время войны торговли, остался вне рамок договора о перемирии.

В перемирной грамоте между Псковом и Ливонией сообщается о приезде в Новгород к новгородскому наместнику князю Данилу Васильевичу «по воле божией и по указу великого государя царя русского Ивана» псковских послов: Григория Яковлевича Кротова, псковского посадника Федора Гаврилова, псковских бояр Леонтия Олфериевича Языкова, Андрея Кирилловича Израздова, Максима Ивановича Понарина, Федора Павловича Квасова, Якова Мокеевича Еропкина, купеческих старост Фомы Александрова, Тимофея Макарьина, Труфана Козла и городского писца Василия, а также немецких послов: Клауса Гольстевера и Дидерика Лоде, которые dokonчили перемирие «за князя магистра лифляндского и архиепископа рижского... и за все их города и всю державу» на 6 лет. В течение этих 6 лет запрещалось всякое нарушение мира. Подтверждалась старая граница. Устанавливалось, что на оз. Великом псковичи должны ловить рыбу у своего берега, а немцы — у своего, в случае если ветер отнесет рыбака на противоположную сторону, то «на то не гневаться». Указывалось, что по поводу «обидных дел» «честные люди» с обеих сторон должны собраться на съезд на р. Нарове и «исправу дать» и «взять с обеих сторон»; впредь в течение 6 лет по поводу «обидных дел» псковский князь должен «ссылаться» через послов с магистром и архиепископом и «исправу давать с обеих сторон». Послам каждой из сторон гарантировался «чистый путь» и беспрепятственный проезд во владениях другой стороны, отменялась плата за постой. Устанавливалось, что если у Пскова возникает «нелюбовь» к магистру или у магистра к Пскову, то следует отослать мирные грамоты и только через месяц после этого можно начинать войну. Так же как в договоре Новгорода с Ливонией, в псковско-ливонском договоре есть только одна статья, касающаяся торговых сношений, — об освобождении задержанных в городах магистра и архиепископа псковских купцов и их товаров и о возвращении товаров умерших в темницах или убежавших псковских купцов.¹⁶⁸ Вопрос о восстановлении торговли в псковско-ливонском договоре, как и в новгородско-ливонском, не ставился.

Договорная грамота о перемирии между Псковом и Дерптским епископством 1503 г., как мы указывали, не сохранилась. Но, исходя из содержания новгородско-ливонской и псковско-ливонской грамот о перемирии 1503 г., можно предположить, что

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Псковско-ливонский договор: ГВНЦ, № 347; см. также LUB2, Bd. II, № 510.

псковско-дерптская грамота тоже включала статьи, подтверждающие нерушимость границы, беспрепятственность проезда послов, и, кроме того, статьи, устанавливающие порядок разбора «обидных дел». Надо думать, что в псковско-дерптской грамоте о перемирии 1503 г. находилась и статья об уплате дани великому князю Московскому дерптским епископом: эта статья встречается во всех псковско-дерптских договорах начиная с договора 1463 г. Отметим в этой связи ошибочность распространенного в литературе вплоть до последнего времени мнения о том, что, согласно перемирию 1503 г., Орден принял на себя обязательство об уплате великому князю Московскому юрьевской дани.¹⁶⁹ Ливонский орден никогда, за исключением последних русско-ливонских договоров 1554 г.,¹⁷⁰ не давал обязательства уплачивать дань великому князю. Эту дань должен был уплачивать дерптский епископ, начиная, как мы это отмечали, с псковско-дерптского договора 1463 г.

В каком же отношении находились условия перемирных грамот 1503 г. к тем требованиям, которые выдвигались русской и ливонской стороной пакануне и в период переговоров о перемирии?

Ливонская сторона добивалась отмены практики заключения повгородско-ливонских договоров с повгородскими наместниками и устранения формулы о челобитье — и формула, и практика заключения договоров в Новгороде были сохранены; ливонская сторона желала, чтобы отдельные псковско-дерптские договоры больше не заключались — псковско-дерптский договор был заключен; руководители ливонской конфедерации хотели достигнуть изменения в интересах Ливонии существующей русско-ливонской границы — граница была подтверждена прежняя; ливонская сторона стремилась добиться урегулирования русско-ганзейского конфликта на основе удовлетворения требования Ганзы о возврате конфискованных в Новгороде товаров и освобождении задерживаемых ревелских купцов — товары не были возвращены. Единственно, чего смогли достигнуть ливонские представители, это обещания со стороны великокняжеских представителей освободить трех задержанных в Новгороде с 1494 г. ревелских купцов после того, как будут освобождены задержанные в Ливонии русские купцы с их товарами.¹⁷¹ Все же важнейшие ливонские требования остались нереализованными. Это обстоятельство лишь раз показывает несостоятельность курса Плеттенберга, начавшего войну с Россией в расчете на ее ослабление

¹⁶⁹ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в. М., 1955, с. 151. — Ошибочность указанной точки зрения отметил также Х. Круус в своей рецензии на книгу С. Свенссона (см.: Вопросы истории, 1958, № 1, с. 179).

¹⁷⁰ Ша с к о л ь с к и й И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и про-прос о ливонской дани, с. 382.

¹⁷¹ Отчет ливонских послов: LUB2, Bd. II, № 443, § 75.

и изменение благодаря этому отношений между Россией и Ливонией.

Однако, несмотря на то что русско-ливонские переговоры 1503 г. продемонстрировали силу позиций России, не все русские требования оказались включенными в текст перемирных грамот. В них нет требования об очищении русских церквей в ливонских городах (имевшегося уже в договоре 1493 г.), а также требования об «управе» по поводу сожженных и умерщвленных людей великого князя, выдвигавшегося русской дипломатией с 1494 г.

Следует подчеркнуть, что перемирные грамоты 1503 г. включали лишь небольшое число статей: статьи эти, подтверждавшие существующую границу и устанавливавшие «чистый путь» для послов и порядок разбора «обидных дел», имели целью лишь сохранение достигнутого перемирия и предупреждение инцидентов, могущих повлечь за собой его нарушение. Все же остальные вопросы русско-ливонских отношений, как политических (в первую очередь о враждебном России союзе Ливонии с Литвой), так и экономических (в частности, о возобновлении прерванной торговли), в перемирных грамотах не рассматривались.

Такой характер перемирных грамот с Ливонией был обусловлен, на наш взгляд, с одной стороны, основными внешнеполитическими задачами, стоящими перед Россией, а с другой — гибкостью русской дипломатии. России по условиям перемирия 1503 г. с Великим княжеством Литовским возвращалась значительная территория украинских и белорусских земель с городами Черниговым, Новгород-Северским, Брянском, Гомелем и другими. Это был крупный успех в решении важнейшей внешнеполитической задачи России. Но условия перемирия, заключенного на 6 лет, предстояло еще закрепить мирным договором с Великим княжеством Литовским. Оно же находилось в союзе с Ливонией и связано было с нею договором о взаимной помощи. Мы полагаем, что, учитывая все это, руководители русской дипломатии сочли за лучшее не оказывать в данный момент пажима на Ливонию (чтобы не вызвать тем самым обострения в отношениях с Литвой) и решение вопросов русско-ливонских отношений временно отложить.

РУССКО-ЛИВОНСКИЕ ДОГОВОРЫ 1509 Г.

Несмотря на заключение русско-литовского перемирия, отношения России с Великим княжеством Литовским продолжали оставаться сложными. Под властью литовских феодалов находилась еще значительная часть русских, украинских и белорусских земель, в частности такой крупный экономический и политический центр, как Смоленск. Литовское правительство не только не помышляло об их возвращении, но и на переход к Русскому государству Чернигово-Северской земли, Гомеля, Брянска и других районов (по перемирию 1503 г.) смот-

рело как на временную уступку.¹⁷² В этих условиях вспышка новой войны между Россией и Великим княжеством Литовским была неизбежной, и вопрос о русско-литовских отношениях продолжал оставаться главным вопросом внешней политики России.

В сложившейся ситуации для русского правительства было чрезвычайно важно оторвать Ливонию от Литвы и обеспечить ее нейтралитет. Поэтому первоочередной задачей политики России в отношении Ливонии после заключения перемирия 1503 г. становится воздействие на Ливонию с целью расторжения ею союза с Литвой.

Требование о расторжении Ливонией союза с Литвой было предъявлено русской дипломатией в 1505 г. Впервые оно было высказано в грамотах Ивана III от 19 июня 1505 г. императору Максимилиану и его сыну Филиппу и в грамоте Василия Ивановича от того же числа Филиппу. В ответ на просьбу Максимилиана и Филиппа об освобождении ливонцев, захваченных в плен во время русско-ливонской войны 1501—1503 гг., Иван III и Василий Иванович в качестве предварительного условия их освобождения выдвинули требование об отказе Ливонии от союза с Литвой.¹⁷³ Это требование было изложено и в ответе великого князя посольству Плеттенберга, посланного летом 1505 г. по просьбе ливонских городов своего посла к новгородским наместникам с ходатайством о восстановлении русско-немецкой торговли в Дерпте и Нарве (разрыв традиционных торговых связей между Россией и Ливонией тяжело отзывался на благополучии ливонских городов, и они добивались хотя бы частичного восстановления торговли в Нарве и Дерпте). Сообщая в Ревель о результатах посольства, Плеттенберг писал 27 июля 1505 г., что его посольство, посланное в Новгород, должно было ожидать там ответа от великого князя и что этот ответ гласил следующее: после того как будут оплачены все товары (очевидно, пограбленные у русских купцов в ливонских городах), и «дана управа по всем обидным делам», и Ливония откажется от союза с польским королем, следует послать послов в отчину великого князя в Великий Новгород бить челом, чтобы торговля была бы разрешена. Ответ ливонского магистра на русские предложения источники не сохранили, но, очевидно, он был отрицательным: в упомянутом письме Плеттенберг расценил эти предложения как проявление высокомерия со стороны русских.¹⁷⁴

Требование об отказе Ливонии от союза с Литвой было повторено русской дипломатией и в 1507 г. В феврале 1507 г. ливонские города от имени всех 73 ганзейских городов обратились к Василию III и просили его возвратить ганзейцам товары, конфискованные у них в 1494 г. при закрытии немецкого двора

¹⁷² Посольство Александра, короля польского и великого князя Литовского, к ливонскому магистру от 3 сентября 1503 г.: LUB2, Bd. II, № 534.

¹⁷³ ПДСДР, т. I, с. 133—139.

¹⁷⁴ LUB2, Bd. II, № 796, с. 610.

в Новгороде.¹⁷⁵ Василий III в ответной грамоте от 8 апреля писал, что предыдущие ганзейские посольства получали отрицательный ответ, потому что магистр, епископ и вся Ливония, а также 73 ганзейских города вступили в союз с Литвой и нанесли большой ущерб Новгороду и Пскову; великий князь требует, чтобы этот союз был расторгнут, ущерб возмещен, а тогда города могут послать посольство к новгородским наместникам для переговоров о мире.¹⁷⁶

Приведенные данные свидетельствуют о том, что начиная с 1505 г. русское правительство в качестве одной из насущных задач прибалтийской политики выдвинуло задачу отказа Ливонии от союза с Литвой и недопущения впрямь повторения этого союза. Для достижения своей цели правительства Ивана III и Василия III использовали не только политические, но и экономические рычаги, ставя вопрос о возобновлении русско-немецкой торговли в зависимость от расторжения Ливонией союза с Литвой.

Плеттенберг, как мы видели, противостоял требованиям русской дипломатии и на расторжение союза с Литвой не шел. Но вместе с тем отношение ливонского магистра к союзу с Литвой меняется. Если в период войны с Россией Плеттенберг был горячим сторонником выполнения условий союзного договора и настоятельно требовал, ссылаясь на договор, от Литвы помощи, то теперь на аналогичные просьбы Литвы руководители ливонской конфедерации отвечают уклончиво. Это имело место, в частности, в 1504 г., когда в связи с очередным обострением русско-литовских отношений Александр запросил Плеттенберга, окажет ли Ливония в соответствии с союзными обязательствами помощь Литве против великого князя Московского. Ландтаг, заседавший в июле 1504 г. в Вольмаре, вынес решение, чтобы мира с Россией не нарушать.¹⁷⁷ Таким образом, не разрывая формально союза с Литвой, Ливония фактически отказывалась выполнять его условия.

Такую же позицию Ливония заняла и в 1507—1508 гг., когда Михаил Глинский поднял восстание против нового великого князя Литовского и польского короля Сигизмунда и начались русско-литовские военные действия. В ответ на просьбу Сигизмунда о помощи против России ландтаг в Вольмаре в июле 1507 г. постановил не предпринимать ничего против великого князя Московского до истечения срока русско-ливонского перемирия. Плеттенберг в письме к Сигизмунду от 26 июня 1507 г. мотивировал принятое решение невозможностью нарушить клятву, тем более что великий князь Московский соблюдает перемирие; в качестве до-

¹⁷⁵ Рецесс съезда ливонских городов в Пернау в феврале 1507 г. и письмо городов великому князю: AR, Bd. III, № 33, § 12—13; № 34.

¹⁷⁶ Грамота Василия III ганзейским городам: HR3, Bd. V, № 162, прим. 1.

¹⁷⁷ Письма Плеттенберга литовским магнатам от 16 мая и 13 июля 1504 г. и рецесс ландтага в Вольмаре: LUB2, Bd. II, № 645, 658; AR, Bd. III, № 29.

полнительной причины было названо отсутствие у магистра в рассматриваемое время «жолнерства служебного». ¹⁷⁸ Новая просьба Сигизмунда о помощи (от 27 ноября 1507 г.) была также отведена со ссылкой на невозможность нарушить клятву о перемирии с великим князем Московским и с напоминанием о том, что во время войны с Россией Ливония помощи от Литвы не получила. ¹⁷⁹

Весьма возможно, что в нежелании Ливонии оказать великому князю Литовскому помощь против России некоторую роль сыграли воспоминания о позиции Литвы во время войны, когда, несмотря на неоднократные обращения Ливонии, литовское правительство так и не выделило свои войска для помощи Ливонии. Но самая главная причина изменения внешнеполитической позиции Ливонии заключалась, на наш взгляд, в уроках войны, показавшей невозможность нанесения поражения России даже силами литовско-ливонской коалиции. Уроки войны отрезвили Плеттенберга, заставили его отказаться от политики подготовки агрессивных действий против России и перейти к политике фактического нейтралитета (хотя, повторяем, формально Ливония по-прежнему была связана с Литвой союзным договором, направленным против России). Думается, что на изменение позиции Ливонии оказала также влияние пастойчивость русской дипломатии, последовательно борющейся за расторжение ливонско-литовского союза и обеспечение пейтралитета Ливонии.

Важным событием в политической жизни Восточной Европы и Прибалтики, оказавшим влияние и на русско-ливонские отношения, явилось заключение в октябре 1508 г. «вечного» мира между Россией и Великим княжеством Литовским. Мир был заключен на условиях перемирия 1503 г. и признания перехода к России всех названных в нем земель. ¹⁸⁰ Заключение русско-литовского мирного договора создало предпосылки для заключения русско-ливонского мирного договора на основаниях, отвечавших интересам России, так как союзник Ливонии — Литва была связана теперь с Россией условиями «вечного» мира, а одна Ливония противостоять русским требованиям не могла.

Переговоры о заключении мирного договора между Россией и Ливонией велись ранней весной 1509 г., ибо срок 6-летнего перемирия, заключенного в 1503 г., истекал 25 марта 1509 г. О ходе переговоров почти ничего не известно, так как отчеты о переговорах не сохранились. До нас дошли известия лишь об отдельных

¹⁷⁸ Посольство Сигизмунда к ливонскому магистру от февраля 1507 г., речесс ландтага в Вольмаре от июля 1507 г. и ответ Плеттенберга Сигизмунду от 26 июля 1507 г.: LUB2, Bd. III, № 163; AR, Bd. III, № 39; LUB2, Bd. III, № 226.

¹⁷⁹ Посольство Сигизмунда к ливонскому магистру от 27 ноября 1507 г., речесс ландтага в Вольмаре от 19 июня 1508 г. и посольство Плеттенберга к Сигизмунду от 27 июля 1508 г.: LUB2, Bd. III, № 385; AR, Bd. III, № 38; LUB2, Bd. III, № 413.

¹⁸⁰ АЗР, т. II, СПб., 1848, № 43; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в., с. 152.

моментах переговоров, встречающиеся в более поздних источниках, на которых мы остановимся далее.

В результате переговоров было заключено три мирных договора: между Новгородом и Ливонией, между Псковом и Ливонией, между Псковом и Дерптским епископством. Все три договорные грамоты сохранились. Наиболее важной из них как по значению включенных в нее статей, так и потому, что она была по существу договором Русского государства, является договорная грамота Новгорода с Ливонией. Именно с нее мы и начнем анализ русско-ливонских договоров 1509 г.

Договор Новгорода с Ливонией был заключен сроком на 14 лет, начиная с 25 марта 1509 г. В заключении договора с русской стороны участвовали новгородские наместники князя Даниила Васильевич и Григорий Федорович, бояре Степан Петрович Самицкий и Иван Тимофеевич Самицкий, купеческие старосты Фома Данилович Саларов и Алексей Григорьевич Куриков, с ливонской стороны — представлявшее всех ливонских ландесгерров (магистра, архиепископа, епископов) посольство в составе Иоганна Гильдорпа, Иоганна Ольдензее, Иоганна Кавера и Кертена Зойе.

В договоре можно выделить несколько важнейших групп статей. Это статьи 1) о союзе Ливонии с Литвой, 2) о русско-ливонской границе, 3) о торговле, 4) о принципах юрисдикции и нормах судопроизводства в отношении купцов, находящихся на чужбине.

Вопрос о союзе Ливонии с Литвой рассматривается в введении к договору. Указывается, что «по божьей воле и по велению великого князя Василья, божьей милостью царя и государя всех русских и великого князя владимирского» и т. д. магистр, архиепископ и епископы били челом, чтобы великий князь спял гнев за то, что они «отстали» от отчины великого князя Великого Новгорода и «пристали» к польскому королю,¹⁸¹ и чтобы великий князь «пожаловал» их, велел своим наместникам в Новгороде и своему наместнику псковскому князю «взять мир» с магистром, архиепископом и всеми епископами и всей Ливонской землею «по старине» и купечество в своих отчинах держать «по старине». Затем излагается ответ великого князя на челобитье ландесгерров: поскольку они отступили от польского короля и великого князя Литовского, великий князь их пожаловал, велел новгородским наместникам заключить с ними просимый мир.¹⁸² Последующие формулы содержат обязательство ливонских ландесгерров

¹⁸¹ Имеется в виду заключение в 1501 г. ливонско-литовского союза до истечения срока действия заключенного в 1493 г. на 10 лет русско-ливонского договора.

¹⁸² В такой же формулировке — о «пожаловании» великим князем ливонских ландесгерров — о заключении мирного договора 1509 г. сообщают русские летописи (ПСРЛ, т. XXVIII, с. 344—345; т. VI, с. 250; т. XIII, ч. 1, с. 11—12; т. XX, ч. 1, с. 382—383).

впредь к польскому королю и великому князю Литовскому «не приставать» и не оказывать ему никакой помощи в случае распри между ним и великим князем Московским.¹⁸³

Во введении к договору не только формулируются обязательства ливонских ландесгерров расторгнуть направленный против России союз с Литвой и впредь в такой союз не вступать, но и весь вопрос о ливонско-литовском союзе трактуется с русской точки зрения: заключение союза расценивается как измена отчине великого князя Великому Новгороду, вызвавшая справедливый гнев великого князя, расторжение союза — как предпосылка «пожалования» великого князя, его согласия на заключение мира с Ливонией.

Победе русской точки зрения, отраженной в договоре Новгорода с Ливонией 1509 г., предшествовала, как мы указывали, длительная дипломатическая борьба, которую русская дипломатия вела с 1505 г. для отторжения Ливонии от союза с Литвой. Эта борьба увенчалась успехом в 1509 г. Расторжение Ливонией союза с Литвой по условиям новгородско-ливонского договора явилось крупным успехом русской дипломатии, ибо оно знаменовало конец литовско-ливонского военного блока, направленного против России, и официальное провозглашение Ливонией своего нейтралитета в сложном переплете русско-литовских отношений.

Следующие за введением статьи договора рассматривают вопросы, связанные с русско-ливонской границей. Подтверждалась старая пограничная линия от Чудского озера по р. Нарове до Финского залива. На участников договора возлагалось обязательство строго соблюдать границу: не вступать на территорию другой стороны, не допускать покоса там сена, ломки кустарника, ловли рыбы.¹⁸⁴ Статьи о границе договора 1509 г. повторяли соответствующие статьи договоров 1448, 1481 и 1493 гг.¹⁸⁵

Самый обширный раздел договора составляют статьи о торговле. Начинается он с общей статьи, гарантирующей новгородским купцам свободный проезд и торговлю всеми без исключения товарами в Дерпте, Нарве, Ревеле, Риге и других ливонских городах. Эта статья, обычная для русско-ливонских договоров, встречается в них начиная с договора 1421 г.¹⁸⁶ Затем идут статьи, специально посвященные условиям торговли новгородцев в Нарве: если торговая сделка была совершена на реке и новгородец взял товар у немца из его бусы прямо в свою ладью, то новгородец не должен платить пошлины; пошлины с новгородцев не взимать

¹⁸³ Договор Новгорода с Ливонией: LUB2, Bd. III, № 583, S. 419; другие издания договора: РЛА, № 306; СГГД, ч. V, № 57.

¹⁸⁴ LUB2, Bd. III, № 583, S. 420.

¹⁸⁵ ГВНП, № 73, с. 120—121; АЗР, т. I, № 75, с. 96 и № 112, с. 131.

¹⁸⁶ Договоры 1421, 1448 гг.: ГВНП, № 60, с. 99; № 72, с. 118—119; № 73, с. 121; договоры 1481, 1493 гг.: АЗР, т. I, № 75, с. 96; № 112, с. 131; договор 1509 г.: LUB2, Bd. III, № 583, S. 420.

также и в том случае, если они, направляясь в другие ливонские города, в Нарве перегружали свои товары на телеги; продаваемый новгородцами воск немцы могли «колупать» только понемногу; единицы веса для взвешивания воска следовало привести в соответствие с повгородскими; за взвешивание брать с новгородцев «ходячими шиллингами противу трех денег по старине». ¹⁸⁷ Следующие статьи касались условий проезда новгородцев по территории Ливонии: повгородцу разрешалось по своему выбору брать в проводники либо горожанина, либо селянина, а в случае необходимости купить лошадь и по предъявлении ее в Нарве фогту и уплате пошлины вывезти в Россию. ¹⁸⁸ Перечисленные статьи создавали благоприятные условия для деятельности новгородских купцов в Ливонии и особенно в Нарве. Заимствованы эти статьи из договоров 1481 и 1493 гг., ¹⁸⁹ что свидетельствует о неослабевающем внимании великокняжеского правительства к вопросам заграничной торговли русского купечества и о его стремлении покровительствовать развитию этой торговли.

В последующих статьях раздела рассматривались условия торговли ливонских купцов в новгородской земле: ливонским купцам ¹⁹⁰ гарантировался свободный проезд и торговля всеми товарами, кроме соли (соль привозить в Новгородскую землю запрещалось); немцам запрещалось также продавать пиво и другие крепкие напитки в Новгороде и его окрестностях; им разрешалось торговать в Новгороде на своих дворах. По сравнению с предшествующими русско-ливонскими договорами эти статьи вводили для немецких купцов новое важное ограничение — на торговлю солью. ¹⁹¹

Трудно переоценить значение для русско-ливонской торговли запрета на ввоз в Россию соли, введшегося по договору 1509 г. Соль являлась одним из важнейших предметов импорта из Ливонии в Россию. В экономике ливонских городов, особенно Ревеля, транзитная торговля солью, поступавшей из Западной Европы и транспортировавшейся далее в Россию, играла огромную роль. ¹⁹² Поэтому запрет на ввоз соли в Россию затрагивал жизненные интересы ливонских городов. Но запрещение ввоза соли не могло быть безразличным и для русской стороны, ибо соль в отличие от некоторых других предметов импорта с Запада (благородных металлов, дорогих суков и т. д.) — товар широкого потребления.

¹⁸⁷ Эту статью даем в формулировке русского текста договора (СГГД, ч. V, № 57, с. 42).

¹⁸⁸ LUB2, Bd. III, № 583, S. 420.

¹⁸⁹ АЗР, т. I, № 75, с. 96—97; № 112, с. 131—132.

¹⁹⁰ В тексте «купцам князя магистра»; эта формула означала: купцы — подданные магистра, т. е. ливонские купцы.

¹⁹¹ LUB2, Bd. III, № 583, S. 420—421; ср. договоры 1481 и 1493 гг.: АЗР, т. I, № 75, с. 97, № 112, с. 132.

¹⁹² Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв., с. 230—238, 254—256.

Чем же руководствовалось правительство Василия III, идя на такой серьезный шаг? Р. Кентманн полагает, что запрет на ввоз соли был вызван стремлением русского правительства нанести удар по ливонским городам.¹⁹³ С. Свенссон высказывает мнение о том, что поступок Василия III был продиктован желанием обойти собственной солью и связан с ростом русских соляных промыслов.¹⁹⁴ Чтобы проверить правильность высказанных точек зрения, обратимся к источникам.

В источниках, в которых речь идет о русско-ливонских договорах 1509 г. и о предшествовавших им переговорах, дважды говорится о мотивах, побудивших великого князя ввести запрет на торговлю солью. В письме ливонского магистра от 22 мая 1509 г. указывается, что послы магистра проявили много старания, чтобы отклонить великого князя от введения запрета; об этом же просили его и исковичи, дававшие большие дары. Но все старания оказались напрасными: великий князь не захотел, чтобы чужая соль ввозилась в его страну.¹⁹⁵ В рецессе съезда ливонских городов в Вендене от 22 июля 1509 г. подчеркивалось, что запрет ввоза соли в Россию очень тяжел для городов, особенно для Ревеля, который построен на соли. Но присутствовавший на съезде представитель магистра Иоганн Гильдори, возглавлявший весной 1509 г. посольство в Россию, разъяснил, что ему пришлось, чтобы не уехать без мира, согласиться на этот запрет; далее Гильдори добавил, что великий князь не хочет разрешить ввоз соли в свою страну, так как полагает, что в ней имеется достаточно собственной соли.¹⁹⁶

Еще обстоятельнее позиция великого князя в вопросе о торговле солью освещается в отчете о русско-ганзейских переговорах 1510 г. В 1510 г. ганзейскому посольству, прибывшему в Новгород для переговоров о ликвидации русско-ганзейского конфликта (он начался в 1494 г.) и заключении русско-ганзейского договора, был предъявлен русский проект договора, включающий в числе прочих статей и статью о запрете ввоза соли в Россию. На протесты ганзейских послов представители великого князя ответили, что к нему по поводу соли присылали и польский государь, и татарский, и ливонский магистр, и шведский правитель, и всем им было отказано: великий князь не желает чужой соли, так как имеет достаточно своей.¹⁹⁷

Из отчета о русско-ганзейских переговорах 1510 г. следует, что представители Василия III передали ганзейскому посольству ту же мотивировку решения великого князя, что и ливонскому посольству 1509 г.: великий князь решил запретить ввоз ино-

¹⁹³ K e n t m a n n R. Livland im russisch-litauischen Konflikt, S. 61—62.

¹⁹⁴ S v e n s s o n S. Den merkantila bakgrunden till Rysslands anfall på den livländska ordensstaten 1558, S. 37—38.

¹⁹⁵ LUB2, Bd. III, № 617.

¹⁹⁶ AR, Bd. III, № 47, § 29.

¹⁹⁷ LUB2, Bd. III, № 775, § 49—51.

земной соли, потому что считал, что в его стране достаточно собственной соли. Встает вопрос, насколько искренней была эта мотивировка. Не являлась ли ссылка на стремление обойтись собственной солью лишь уловкой, рассчитанной на то, чтобы скрыть истинную причину запрета, заключавшуюся, как полагала Р. Кейтманн, в желании подорвать экономику ливонских городов?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратим внимание на то, что запрет, согласно заявлению русских представителей в 1510 г., распространился не только на Ливонию, но и на другие страны — Литву, Крымское ханство, Швецию. Существование широкого запрета на ввоз соли в Россию подтверждается и другими источниками. Так, в датированном 1498 г. ответе Ивана III послам Александра Казимировича по поводу жалобы смоленских купцов на действия вяземского наместника Ивана Щадры читаем: «А что еси нам жалобницу подал смоленского купца Максима, — велел говорить Иван III, — а жалуется на нашего наместника на вяземского на Ивана, что у него велел взяти девять берковск соли. И наш наместник Иван сказывает, что соль у него взял в заповеди, что мы велели заповедати, не велели есми ниотколе соли возити в свои земли; а соли сказывает взял у него пять бочек да два меха; и мы поне тому человеку велим ту соль отдати».¹⁹³ Из ответа Ивана III следует, что в последние годы XV в. был введен запрет на ввоз соли в Россию из-за границы, распространявшийся на все страны. Запрет продолжал существовать и в начале XVI в., как об этом свидетельствуют материалы русско-ливонских переговоров 1509 г. и русско-ганзейских переговоров 1510 г.

Широта запрета снимает, как нам кажется, предположение о его антиливонской направленности и заставляет причину запрета искать не во внешнеполитических соображениях (взаимоотношения России с каждой из соседних стран имели свою специфику, поэтому вряд ли было возможно и целесообразно прибегать к одинаковым мерам экономического воздействия на них), а в обстоятельствах внутреннего порядка.

С. Свенссон полагает, как мы уже указывали, что политика русского правительства была обусловлена ростом в начале XVI в. русской соледобывающей промышленности. Предположение С. Свенссона вполне вероятно, но не может быть подкреплено сводными данными о состоянии соледобычи в России в начале XVI в. по сравнению с предшествующим периодом — такие данные в литературе отсутствуют. Нам кажется, что на политику правительства в отношении ввоза иностранной соли оказало влияние расширение соляных ресурсов во владениях, находившихся под властью великого князя, происшедшее в результате присое-

¹⁹³ Сборник Русского исторического общества, т. 35. СПб., 1882, с. 261; см. также: Хорошкевич А. Л. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV—начале XVI в., с. 21.

динения Новгорода к Великому княжеству Московскому. Вместе с Новгородом под власть Москвы перешел русский Север, Померье, ставшее в XVI в. поставщиком соли для всей страны.¹⁹⁹ Расширение соляных ресурсов и побудило, вероятно, русское правительство сделать попытку удовлетворить потребности России за счет собственной соли. Объективно политика правительства должна была содействовать развитию русской соледобывающей промышленности, поэтому она может рассматриваться как одно из очень ранних проявлений русского протекционизма.

Специальный комплекс статей новгородско-ливонского договора 1509 г. был посвящен вопросам юрисдикции и судопроизводства. Наряду с обычными для русско-ливонских договоров взаимными обязательствами оберегать и судить лиц противоположной стороны «как своих» и положением «истцу знати истца» в договор были включены и совершенно новые статьи.

По традиции купцы на чужбине подлежали юрисдикции местных властей. Договор 1509 г. вносил в эту традицию серьезные изменения. Новые статьи договора устанавливали, что разбору местных властей должны подлежать только мелкие тяжбы между русскими и немцами, иски по которым не превышают 10 руб.; все более крупные тяжбы по гражданским делам, а также все уголовные преступления, совершенные немцами в Новгородской земле или новгородцами в Ливонии, передавались на рассмотрение смешанных судов из представителей русской и ливонской сторон, которые собирались на границе, на общем острове на Нарове. Одна из статей гласила, что если ответчик (немец или новгородец) будет присужден к крестному целованию, то он должен целовать крест.²⁰⁰

Новые правила юрисдикции означали, что лица, находившиеся за границей, освобождались по очень широкому кругу дел из-под действия чужого права и произвола чужих властей и должны были подлежать смешанному, а потому более объективному и беспристрастному суду. Рассматриваемые правила были введены, как это явствует из известий источников, по настоянию русской стороны; так, в рецессе съезда ливонских городов в Ведене от 22 июня 1509 г., посвященного, в частности, обсуждению заключенных договоров, по поводу «статей о суде» отмечается, что на них настояли русские.²⁰¹ Настойчивость русской стороны в этом вопросе легко объясняется: благодаря перемещению центра русско-немецкой торговли из Новгорода в ливонские города русские купцы в большей мере, чем немецкие, оказывались в сфере действия чужого права, поэтому для русского правительства было важно добиться освобождения русских купцов из-под его дей-

¹⁹⁹ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XV—XVII веков. М., 1970, с. 99.

²⁰⁰ LUB2, Bd. III, № 583, S. 421—422.

²⁰¹ AR, Bd. III, № 47, § 42.

ствия.²⁰² Настояв на включении в договор 1509 г. новых правил юрисдикции, русское правительство тем самым завершило длительную борьбу против существовавшей в сфере русско-немецких отношений традиционной юрисдикции, которую оно начало еще в 1494 г. требованием о наказании ревельских судей, вынесших смертные приговоры русским. Таким образом, был сделан важный шаг по пути создания более благоприятных условий для пребывания и деятельности русских купцов в Ливонии.

С условиями пребывания и деятельности русских купцов в Ливонии связана и имеющаяся в новгородско-ливонском договоре 1509 г. статья о русских церквях в ливонских городах. Эта статья гласит: «А церкви божьи русские в державе магистра и архиепископа и епископов, где бы они не были, те церкви очистить и держать по старине и их не обидеть».²⁰³ В договор 1509 г. статья была включена в редакцию, читающейся в новгородско-ливонском договоре 1493 г.²⁰⁴ Подтверждение гарантий в отношении русских церквей являлось важным элементом заботы русского правительства о создании благоприятных условий для развития заграничной торговли русских купцов, поскольку, за неимением русских купеческих подворий в ливонских городах, русские церкви играли там роль организующих центров русского купечества.

Стремлением создать гарантии личной безопасности русских купцов, находившихся в Ливонии, было продиктовано включение в договор статьи о наказании немца за повреждение бороды у русского.²⁰⁵ Статья повторяла с некоторыми изменениями аналогичные статьи договоров 1481 и 1493 гг.²⁰⁶

Ликвидацию инцидентов в сфере торговли преследовали статьи договора 1509 г. о выдаче новгородских купцов и их товаров, задержанных в ливонских городах.²⁰⁷

Ряд статей новгородско-ливонского договора 1509 г. был посвящен условиям проезда послов обеих сторон. Помимо обычной для всех русско-ливонских договоров гарантии «чистого пути» для послов великого князя и новгородских наместников в Ливонию и для ливонских послов в Новгород, договор 1509 г. содержал также имеющееся в новгородско-ливонских договорах, начиная с 1481 г., постановление об отмене оплаты послами проводников и постоя; это постановление облегчало пребывание послов в чужой стране. Среди статей о посольских сношениях имелось и совершенно новое обязательство ливонских властей предоставлять «чистый путь» послам великого князя к другим государям и послам других государей к великому князю при проезде через тер-

²⁰² Ср.: Kentmann R. Livland im russisch-litauische Konflikt, S. 63.

²⁰³ LUB2, Bd. III, № 583, S. 423.

²⁰⁴ АЗР, т. I, № 112, с. 132.

²⁰⁵ LUB2, Bd. III, № 583, S. 423.

²⁰⁶ АЗР, т. I, № 75, с. 97; № 112, с. 132.

²⁰⁷ LUB2, Bd. III, № 583, S. 422.

риторию Ливонии.²⁰⁸ Рассматриваемое обязательство возникло, очевидно, под влиянием расширявшихся в то время сношений России с государствами Западной Европы.

Несколько не проанализированных нами статей договора — о выдаче воров, беглецов и рабов²⁰⁹ и некоторые другие — имели целью регулирование различных случаев, возникавших в повседневной практике пограничных отношений.

Договор Пскова с Ливонией был заключен прибывшим в Новгород псковским посольством в составе посадников Михаила Юрьевича Ледова, Александра Степановича Киверникова, Григория Яковлевича Котлова, заместника владыки Василия Игнатьевича Галкина, кунеческих старост Ивана Харитоновича Пученкина и Якова Ермолина, старого городского дьяка Алексея Михайловича и городского дьяка Захария. С ливонской стороны в заключении договора участвовали Иоганн Гильдори и Иоганн Ольдензее.²¹⁰ Договор был заключен сроком на 14 лет, начиная с 25 марта.

Большую часть псковско-ливонского договора занимают три подобранные по систематическому принципу группы статей: 1) о границе, 2) о торговле, 3) о принципах юрисдикции и нормах судопроизводства в отношении лиц, находившихся на чужбине.

Раздел о границе включает статьи, подтверждающие старую границу между Псковом и Ливонией и запрещающие одной стороне вступать на земли и воды другой; устанавливается, что на оз. Великом псковичи должны ловить рыбу у своего берега, немцы — у своего, а если рыбака занесет на противоположную сторону, то не считать его виноватым. Эти статьи были заимствованы из перемирной грамоты между Псковом и Ливонией 1503 г. Помимо названных статей, раздел о границе включал и новые статьи: о запрещении немцам ловить рыбу на Псковском озере и вступать на о. Клитсар. Новой была также статья, гласящая, что в связи с челобитьем псковичей о нарушении границы людьми магистра и архиепископа следует учредить съезд из представителей Новгорода и Пскова, с одной стороны, и магистра и архиепископа — с другой, и на съезде уточнить границу в соответствии со старыми перемирными и настоящим крестоцелованием.²¹¹

Раздел о торговле начинался со статьи, гарантирующей псковским гостям и купцам «чистый путь» по державам магистра, архиепископа и епископов в Ригу, Ревель, Нарву и во все ливонские

²⁰⁸ Там же, с. 421.

²⁰⁹ Там же, с. 422.

²¹⁰ Договор между Псковом и Ливонией 1509 г.: LUB2, Bd. III, № 584, S. 424.

²¹¹ Там же, с. 425. — Статьи о границе, которые мы определяем как «новые», были новыми по сравнению с грамотой о перемирии 1503 г. Возможно, они имелись в псковско-ливонских договорах 1474, 1481 и 1493 гг., тексты которых не сохранились и о содержании которых мы знаем очень мало.

города, а также свободную торговлю (продажу и покупку) всеми товарами, исключая соль. Продавать свой товар в ливонских городах псковичи могли оптом и в розницу. Ливонские власти не имели права назначать цены на псковские товары и ограничивать число ночей, проведенных псковским купцом в том или ином городе; устанавливалось, что «колодам по дорогам не быть и пошлин при них с псковичей не брать» (по-видимому, в этой статье речь шла об отмене для псковских купцов внутренних таможенных пошлин, существовавших в Ливонии); подтверждалось, что псковичи «по старине» могут ездить торговать на Эмбах и во время пребывания там рубить лес для своих нужд. Последующие статьи раздела, рассчитанные на пребывание ливонских купцов в Псковской земле, также начинались с гарантии «чистого пути» и свободы торговли всеми товарами, исключая соль. Наряду с запретом на торговлю солью налагался запрет на торговлю крепкими напитками для немцев в Псковской земле. При покупке воска у псковских гостей немецкие купцы могли «колупать» его только немного и, проверив качество «отколупленного» куска, возвратить его продавцу. Устанавливать цены на товары немецких купцов псковичи не имели права. Вслед за названными статьями, рассчитанными на торговлю ливонских купцов в Псковской земле, в разделе о торговле помещена статья, касавшаяся в равной мере псковичей в Ливонии и немцев в Пскове — о взимании весчего с товаров «по старине».²¹²

Следующие статьи содержат обязательство ливонских властей возвратить задержанных псковских купцов с их товарами, а также возвратить товар, захваченный у псковского посла.²¹³

Часть статей раздела договора о торговле (о «чистом пути» и свободе торговли) была традиционной для русско-ливонских договоров. Другие статьи — о праве псковичей торговать в Ливонии оптом и в розницу, о «колупаньи» у них воска «понемногу», об упразднении «колоды» и еще некоторые — встречались уже в псковско-дерптском договоре 1474 г. (там они касались пребывания псковичей только в Дерптском епископстве). Возможно, что эти статьи имелись и в не дошедших до нас псковско-ливонских договорах 1474, 1481 и 1493 гг. Во всяком случае в псковско-ливонском договоре 1474 г. уже была, как это следует из изложения его Псковской летописью, статья об упразднении «колоды» для псковских купцов на территории Ливонии, а также статья, запрещающая немецким купцам продавать крепкие напитки в Пскове. Запрещение на ввоз соли в Псковскую землю в псковско-ливонском договоре 1509 г. повторяло аналогичное запрещение новгородско-ливонского договора 1509 г.²¹⁴ И наконец, такие статьи, как например о запрещении устанавливать цены на то-

²¹² Там же, с. 425—426.

²¹³ Там же, с. 426.

²¹⁴ Ср. русско-ливонские договоры 1448, 1481 и 1493 гг., псковско-дерптский договор 1474 г.: ГВНП, № 73, 78; АЗР, т. I, № 75, 112.

вары купцов другой стороны и ограничивать срок их пребывания, являлись совершенно новыми для практики русско-ливонских торговых отношений.

В целом раздел псковско-ливонского договора о вопросах торговли характеризуется обилием и детальностью статей, особенно касающихся пребывания и торговли псковских купцов в Ливонии. Следует отметить, что псковским купцам договор гарантировал такие важные права, как право розничной торговли, освобождение от уплаты таможенных пошлин, — права, которых ливонские купцы в Пскове не имели и которые в средние века инопоземным купцам, как правило, не предоставлялись.²¹⁵ Все это свидетельствует о большом внимании русских властей к развитию внешней торговли Пскова, в частности торговли псковичей в Ливонии.

Обширный раздел договора, трактующий вопросы юрисдикции и судопроизводства,²¹⁶ вводил новые нормы в практику псковско-ливонских отношений. Эти нормы полностью воспроизводили соответствующие нормы новгородско-ливонского договора 1509 г. Поэтому, не повторяя сейчас их характеристики, мы напомним лишь, что новые принципы юрисдикции и судопроизводства, введенные по настоянию русской стороны, создавали более благоприятные условия для деятельности купцов, находившихся за границей.

Эту же цель в отношении псковских купцов в Ливонии преследовала и ставшая традиционной для русско-ливонских договоров (начиная с конца XV в.) статья с обязательством ливонских властей очистить русские церкви и держать их «по старине».²¹⁷

Ряд статей псковско-ливонского договора был посвящен регулированию посольских сношений; эти статьи, как и статьи о разборе «обидных дел» представителями обеих сторон на съезде, были аналогичны соответствующим статьям новгородско-ливонского договора 1509 г.²¹⁸

При сравнении псковско-ливонского договора с соответствующими разделами новгородско-ливонского договора бросается в глаза их одинаковая направленность — стремление к установлению прочного мира на границе и созданию условий, благоприятствующих развитию торговли, особенно торговли русских купцов в Ливонии.

Одинаковая направленность договоров, подчеркиваемая одними и теми же формулировками ряда статей, объясняется тем, что хотя Псков не вошел еще в состав Русского государства, но его политика определялась в значительной степени политикой великокняжеского правительства. Это относится и к договору 1509 г.,

²¹⁵ Кулишер И. М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы, с. 171.

²¹⁶ LUB2, Bd. III, № 584, S. 426—427.

²¹⁷ Там же, с. 428.

²¹⁸ Там же.

который был заключен, как гласит его начальная формула, «по воле божьей и велению русского царя Василия...».

Значительный интерес для характеристики русско-ливонских отношений и внешней политики России начала XVI в. представляет анализ псковско-дерптского договора 1509 г.²¹⁹ Наиболее раннее упоминание о заключении особого псковско-дерптского договора имеется в источниках под 1463 г.,²²⁰ первый сохранившийся текст договора датируется 1474 г.²²¹ В конце XV—начале XVI в. отдельные псковско-дерптские договоры заключались каждый раз при заключении русско-ливонских договоров, но до нас дошел, помимо псковско-дерптского договора 1474 г.,²²² только текст договора 1509 г.

Псковско-дерптский договор 1509 г. был заключен в Новгороде одновременно с двумя другими русско-ливонскими договорами. В заключении его с псковской стороны участвовал тот же состав посольства, что и при заключении псковско-ливонского договора (см. с. 253), с дерптской — представители дерптского епископа Иоганн Кавер («Иван Ковер») и Керстен Зойе («Керстен Сюге»). В введении к договору указывалось, что он был заключен «по божьей воле и по великого господара велению царя руского Василья».²²³

Первая статья договора устанавливала продолжительность заключенного мира — 14 лет. Вторая статья, на которой мы остановимся далее, обязывала дерптского епископа уплачивать дань великому князю Московскому. Следующая группа статей касалась границы: подтверждалась старая граница между Псковом и Дерптским епископством и предусматривалось недопущение различных случаев ее нарушения. Все эти статьи совпадают (лишь с незначительными изменениями формулировок) с соответствующими статьями договора 1474 г.²²⁴ Группа статей договора 1509 г. была посвящена вопросам торговли псковичей в Дерптском епископстве. Важнейшие из них следующие: псковичам гарантировался «чистый путь», а также право торговли всяким товаром оптом или в розницу; торговать псковичи могли в Дерптском епископстве не только с его купцами, но и с купцами других частей ливонской конфедерации (со «всяким гостем Лифлянтские

²¹⁹ Псковско-дерптский договор 1509 г. мало известен. Вплоть до недавнего времени единственным исследователем, обратившим на него внимание, был К. Штерн, осуществивший с некоторыми комментариями перевод договора на немецкий язык (Stern C. Der Separatvertrag zwischen Pleskau und dem Stift Dorpat vor 25. März 1509. — Mitteilungen aus der Baltischen Geschichte, 1, 3. Riga, 1939).

²²⁰ ПЛД, с. 67—68; ППЛ, с. 53; ППЛ, с. 155—156.

²²¹ ГВНЦ, № 78.

²²² Договор 1474 г. был заключен между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и Ливонией — с другой.

²²³ Книга посольская метрики Великого княжества Литовского (далее — Книга посольская), т. II. М., 1843, № 70, с. 163.

²²⁴ Там же, с. 163—164; ср.: ГВНЦ, № 78, с. 133—134.

земле»); для псковских купцов в Дерптском епископстве отменялись и таможенные сборы («колоде по всей Юрьевской земли не быти нигде, и гостинца от того не имати»).²²⁵ Названными статьями, имевшимися уже в договоре 1474 г.,²²⁶ подтверждались важные права псковских купцов в Дерптском епископстве — право розничной торговли, гостевой торговли (с купцами из других частей Ливонии), свобода от таможенных сборов. Купцы Дерптского епископства, которым в общей форме гарантировалась свобода проезда и торговли в Пскове и Псковской земле, подобных прав не имели. Более того, псковско-дерптский договор 1509 г. вводил для них, как и псковско-ливонский договор 1509 г. для всех ливонских купцов, запрет на ввоз соли в Псков и Псковскую землю. Договор 1509 г. повторял также имевшееся в более ранних псковско-дерптских договорах запрещение немецким купцам вести торговлю крепкими напитками в Пскове и Псковской земле.²²⁷

Созданию условий, благоприятствующих пребыванию и деятельности псковских купцов в Дерптском епископстве, должны были способствовать и статья о русских церквах в Дерпте, повторяющая соответствующую статью договора 1474 г., и вновь вводимые правила юрисдикции в отношении находившихся на чужбине купцов, аналогичные соответствующим нормам двух других русско-ливонских договоров 1509 г.²²⁸

Ряд статей договора регулировал посольские сношения, а также различные случаи, возникавшие в практике пограничных отношений: вопрос о выдаче беглых холопов, воров и т. д. Источником этих статей являлись либо статьи более ранних псковско-дерптских договоров, либо новые нормы, внесенные в два других русско-ливонских договора 1509 г.²²⁹

Для характеристики псковско-дерптского договора 1509 г. существенное значение имеет интерпретация его второй статьи: «А дань благовернаго господара, цара руского, и старые залогы — и то честному бискупу юрьевскому давать по старине, по крестному целованью».²³⁰ Не останавливаясь вновь на вопросе о происхождении и характере юрьевской дани, упоминающейся в псковско-дерптских договорах, начиная с 1463 г., отметим, что связывать с юрьевской данью притязания России на верховную власть над Дерптским епископством, а расширительно над всей Ливонией (как это часто делают в литературе), можно только

²²⁵ Книга посольская, т. II, № 70, с. 164.

²²⁶ Изменению подверглась статья «о колоде»: В договоре 1474 г. она имеет двусторонний характер: «А колоду на обе стороне отложыхом, и гостинца от того не имати» (ГВНП, № 78, с. 134); в договоре 1509 г. рассматриваемая статья касается лишь Дерптского епископства.

²²⁷ Книга посольская, т. II, № 70, с. 164.

²²⁸ Там же, с. 165—166; ср. выше, с. 251—252, 255.

²²⁹ Книга посольская, т. II, № 70, с. 166—167; ср.: ГВНП, № 78, с. 134—135, а также выше, с. 252—253, 255.

²³⁰ Книга посольская, т. II, с. 163.

для середины XVI в., когда в связи с заключением русско-ливонских договоров 1554 г. правительство Ивана IV эти притязания действительно выдвинуло. Рассматривать же для более раннего периода статью о юрьевской дани как выражение притязаний России на верховную власть над Ливонией у нас нет никаких оснований: хотя статья о дани переходила из договора в договор, но дань не уплачивалась, и русское правительство относилось к этому совершенно спокойно (см. с. 143). Статья о юрьевской дани псковско-дерптского договора 1509 г. не меняет вытекающую из всего содержания договора характеристику его как акта, цели которого ограничивались установлением мира на западных рубежах России и содействием развитию ее внешней торговли. По своей направленности псковско-дерптский договор 1509 г. совпадает с двумя другими русско-ливонскими договорами этого года.

Русско-ливонские договоры 1509 г. имели большое значение для России. Они устанавливали мир на всем протяжении русско-ливонской границы, причем прочность этого мира гарантировалась не только статьями о заключении 14-летнего мира между всеми членами Ливонской конфедерации, с одной стороны, и Новгородом и Псковом — с другой, но и содержащимся в введении к новгородско-ливонскому договору обязательством ливонских ландесгерров расторгнуть союз с великим князем Литовским и впредь в такой союз не вступать. Развитие событий в Прибалтике в конце XV — начале XVI в. показало, что в связи с созданием и укреплением единого Русского государства Орден не мог собственными силами осуществлять свои наступательные планы против русских земель. Для ведения военных действий против России он нуждался в союзнике (напомним, что война 1501—1503 гг. была начата только после заключения Ливонией союза с великим князем Литовским), а благодаря указанному обязательству возможность иметь такого союзника исчезла; следовательно, исчезла и возможность возобновления экспансии Ордена против русских земель. Следствием принятого Ливонией по новгородско-ливонскому договору 1509 г. обязательства соблюдать нейтралитет в случае русско-литовского конфликта являлось также создание благоприятной обстановки для борьбы России за возвращение русских земель, оставшихся еще под властью Великого княжества Литовского. Таким образом, договоры 1509 г. не только закладывали действительно прочные основы для установления устойчивого мира на русско-ливонской границе, но и обеспечивали международное положение, способствовавшее решению важнейшей внешнеполитической задачи России.

Договоры 1509 г. предусматривали далее, как мы уже подчеркивали, возобновление и дальнейшее развитие русско-ливонской торговли и, что особенно важно, создание благоприятных условий для пребывания и деятельности русских купцов в Ливонии. Последнее означало укрепление позиций русского купечества во

внешней торговле, усиление ее активного характера. Вместе с тем активизация деятельности русских купцов в городах Ливонии, через которые осуществлялись торговые сношения с Западной Европой, давала импульс дальнейшему развитию этих сношений.

Русско-ливонские договоры 1509 г. способствовали упрочению международного положения России как в политическом, так и в экономическом плане.

Заключение русско-ливонских договоров 1509 г. было обусловлено не только могуществом Русского государства, отчетливо выявившимся во время войн начала XVI в., когда ему не смогла противостоять литовско-ливонская коалиция, но и некоторыми факторами международной жизни. Одним из них являлось, как уже отмечалось, подписание в 1508 г. «вечного» мира между Русским государством и Великим княжеством Литовским, другим — позиция Империи. Весной 1508 г., когда Сигизмунд, король польский и великий князь Литовский, просил у Ливонского ордена военной помощи против России,²³¹ император Максимилиан в специальном письме Плеттенбергу советовал воздержаться от военных действий против великого князя Московского, так как вражда с ним не была в интересах Империи, занятой войной с Францией и Венецией.²³² Максимилиан исходил из совершенно правильной мысли, что новый конфликт между Россией и Ливонией (являвшейся частью Империи) осложнит международное положение Империи, активно участвовавшей в это время в итальянских войнах. Надо думать, что позиция императора учитывалась руководством Ливонского ордена при заключении в 1509 г. русско-ливонских договоров.

Хотя договоры 1509 г. и отвечали интересам России, рассматривать их как акты, имевшие отрицательные последствия для Ливонии, было бы неправильно. Договоры предусматривали невозможность повторения агрессии Ливонского ордена против России, и в этом плане они представляли собой дипломатическое поражение Ордена. Чрезвычайно болезненным для ливонских городов был введенный договорами запрет на ввоз соли в Россию. Но в то же время установление прочного мира между Россией и Ливонией, создание условий для дальнейшего развития русско-ливонской торговли (запрет на ввоз соли в Россию был вскоре отменен)²³³ явились предпосылками подъема, которым отмечена экономическая жизнь Ливонии первой половины XVI в.²³⁴

²³¹ Письмо Сигизмунда Плеттенбергу от 28 июня 1508 г.: LUB2, Bd. III, № 397.

²³² Письмо Максимилиана Плеттенбергу от 19 мая 1508 г.: LUB2, Bd. III, № 374.

²³³ Запрет на ввоз соли немецкими купцами в Россию был отменен по русско-ганзейскому договору 1514 г. (СГГД, ч. V, № 65).

²³⁴ История Латвийской ССР, т. I, с. 143—146; История Эстонской ССР, т. I, с. 274.

Выгодой в конечном счете русско-ливонских договоров 1509 г. для обеих сторон было обусловлено повторение их норм в последующих русско-ливонских договорах первой половины XVI в.²³⁵ Значительное изменение содержания и формуляра договоров имело место лишь в договорах 1550 г. и особенно 1554 г., когда правительство Ивана IV готовилось поставить вопрос о необходимости для России получения выхода к Балтийскому морю²³⁶ путем овладения ливонскими портами.

²³⁵ Договоры заключались в 1521 г. (Книга посольская, т. II, № 69; РЛА, № 369; СГГД, ч. V, № 95), в 1531 г. (СГГД, ч. V, № 105, 106; РЛА, № 377), в 1534 г. (ЦГАДА, ф. 64, оп. 2, д. № 7). Единственное изменение в них по сравнению с договорами 1509 г. — отсутствие запрета на ввоз соли в Россию.

²³⁶ О договорах 1554 г. см.: Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани.

РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XV— НАЧАЛЕ XVI В.

ЗАКРЫТИЕ ГАНЗЕЙСКОГО ДВОРА В НОВГОРОДЕ В 1494 Г.

Важнейшим событием в истории русско-ганзейских отношений 90-х годов XV в. является закрытие ганзейского двора в Новгороде Иваном III в 1494 г.

По поводу причин, обусловивших это событие, высказывались различные точки зрения. В русской дореволюционной историографии в ряде работ решающая роль в закрытии ганзейского двора приписывалась заключению русско-датского союза 1493 г., который был направлен против Швеции, находившейся в союзе с Ганзой.¹ В немецкой историографии, посвященной истории Ганзы и русско-ганзейской торговли, широко распространено мнение о том, что поступок Ивана III находился в связи с его антиновгородской политикой. Как писал Э. Денель, Русское государство «хотело уничтожить все, что могло иметь значение для вновь подчиненного города», с этой целью оно «раздавило сначала русское, а потом немецкое купечество в Новгороде». Аналогичной точки зрения придерживался Л. К. Гетц.² Иное мнение высказал Г. Козак: он считает, что причиной закрытия немецкого двора в Новгороде явились в первую очередь противоречия между Москвой и Ревелем, касающиеся состояния русской церкви в Ревеле, обращения там с великокняжескими послами и приговоров, вынесенных ревельским судом в отношении подданных великого князя; поскольку Ревель господствовал во дворе св. Петра в Новгороде, постольку мероприятия, неблагоприятные для существования двора, касались почти исключительно Ревеля.³ В советской исторической литературе получил

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. III. М., 1960, с. 130—131; Бестужев-Рюмин К. Русская история, т. II. СПб., 1885, с. 171; Форстеп Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях, с. 156.

² Daspnell E. Die Blütezeit der deutschen Hanse, Bd. I, S. 104—105, Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters, S. 186—187.

³ Cosack H. Livland und Russland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag, Bd. XXXII, S. 109—110.

развитие взгляд, согласно которому закрытие ганзейского двора в Новгороде было обусловлено стремлением русского правительства к ликвидации монополии Ганзы на посредническую торговлю между Россией и Западной Европой и к установлению непосредственных торговых сношений с европейскими странами.⁴

При всем различии изложенные точки зрения имеют общее: они трактуют закрытие ганзейского двора как результат намерения Ивана III покончить с торговлей ганзейцев в Новгороде, что было обусловлено определенным (тем или иным) аспектом его политики. Особое место занимает позиция А. И. Никитского. По его мнению, закрытие ганзейского двора в 1494 г. не являлось важным событием, связанным с политикой Ивана III: оно представляло собой лишь один из обычных в истории русско-ганзейских отношений конфликтов, когда ганзейские купцы в Новгороде арестовывались в ответ на насилия, чиненные русским купцом на чужбине.⁵

Чтобы разобраться в причинах и значении интересующего нас события, обратимся к источникам, его освещающим. Наибольший интерес из них представляют материалы ганзейского посольства в Россию осенью 1494 г., участники которого были не только современниками, но в известной мере и наблюдателями случившегося.

Причиной посольства послужили мероприятия, проведенные великокняжескими наместниками в Новгороде по отношению к ганзейцам в 1489—1494 гг.: запрещение продажи ганзейцами соли и меда без взвешивания, запрещение «колупать» покупаемый у новгородцев воск и требовать «наддач» к мехам, повышение весовой пошлины, взимаемой с ганзейцев, распоряжение о том, что ущерб, причиненный русским в ливонских городах, будет взыскиваться с приказчика немецкого двора (*hovesknechte*).⁶ Эти мероприятия вызвали большую тревогу среди ганзейских городов. Ганзейский съезд в Бремене 25 мая 1494 г., обсуждавший письмо Ревеля о нововведениях в Новгороде относительно соли и меда, принял решение поручить ливонским городам ходатайствовать перед великим князем об отмене «необычных постановлений», направленных против привилегий ганзейского купечества; одновременно съезд постановил прекратить — с целью

⁴ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 383; Казакова Н. А. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в., с. 288. — В нашей статье изучение русско-ганзейских отношений второй половины XV в. было доведено до закрытия немецкого двора в Новгороде в 1494 г. Исследование развития русско-ганзейских отношений последующего периода, предпринятое в настоящей работе, заставило нас внести коррективы в высказанную в статье точку зрения.

⁵ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода, с. 283—284.

⁶ См. главу IV.

воздействия на русских — подвоз в Нарву соли и меда⁷ (из Нарвы ганзейские товары поступали в Новгород). В результате переписки между Ревелем и Дерптом в июне—июле 1494 г. было решено незамедлительно отправить к великому князю посольство, включающее одного ратмана от каждого города.⁸ В качестве посла от Дерпта был избран Томас Шрове, от Ревеля — Готшалк Реммелинкроде. Каждый из них оставил отчет о посольстве.

Отчет Томаса Шрове, сохранившийся полностью, освещает путешествие послов, переговоры и события, случившиеся во время посольства — от выезда Томаса Шрове из Дерпта до возвращения обратно. Отчет Готшалка Реммелинкроде дошел до нас в отрывке, включенном в письмо Готшалка к ревельскому бургомистру Иоганну Ротердту, написанное после задержания Готшалка в Новгороде. Сохранившийся отрывок передает наиболее интересную часть переговоров в Москве, а также обстоятельства закрытия ганзейского двора в Новгороде. Наличие отчетов обоих послов делает возможным сопоставление и взаимопроверку их сведений. Дополнением к отчетам послов служат их счета издержкам, имевшим место во время посольства: расходы на провизию, корм лошадям, перечисляются подарки, поднесенные великому князю и его окружению, взятки русским должностным лицам и т. д.⁹

Материалы посольства освещают его историю следующим образом.

Томас Шрове 1 августа выехал из Дерпта и 4 августа прибыл в Нарву, где встретился с Готшалком Реммелинкроде. 7 августа оба посла выехали из Нарвы и 12-го были в Новгороде; там больше трех недель они ожидали разрешения на дальнейший путь. Из Новгорода послы выехали 4 сентября и 18-го были в Москве. 2 октября они имели первую аудиенцию у великого князя, во время которой передали ему от имени 73 городов статьи — «пункты» (как они названы в отчетах), содержавшие жалобы городов на действия русских властей и населения в отношении ганзейцев; «пункты» были переданы в письменной форме, так как послам было запрещено пользоваться услугами своего переводчика. После вручения «пунктов» великому князю состоялся обмен подарками, а затем послы были приглашены к трапезе великого князя.¹⁰

«Пункты», врученные великому князю, начинаются с жалоб ганзейских городов на нововведения новгородских властей. Города жаловались на постановление об обязательном взвешивании соли и меда, на запрещение «колупать» воск и брать «наддачи» к мехам, на распоряжение о том, что за ущерб, причиненный

⁷ Речес съезда: HR3, Bd. III, № 353, § 74—75.

⁸ Переписка Дерпта и Ревеля: LUB2, Bd. I, № 12, 14, 19.

⁹ Счета расходов Томаса Шрове и Готшалка Реммелинкроде во время посольства: HR3, Bd. III, № 434, 435.

¹⁰ Отчет Томаса Шрове: HR3, Bd. III, № 433, § 1—5.

русским в Ливонии, ответственности будут подлежать власти немецкого двора в Новгороде. Основной мотив жалоб ганзейцев заключался в указании на противоречие этих нововведений «старине». В пятом пункте, излагающем возражения ганзейцев касательно намерения новгородских властей взыскивать за ущерб, причиненный русским в Ливонии, с приказчика немецкого двора и его помощника, указывалось дополнительно, что это намерение противоречит крестоцелованию, в котором стоит, что «истец должен знати истца».¹¹ Вслед за этими пунктами следуют жалобы по поводу различных конфликтных случаев: захвата русскими товаров с немецких судов, потерпевших кораблекрушение и прибывших к русскому берегу Наровы, высокой платы, запрашиваемой с ганзейских купцов новгородскими возчиками и носильщиками, застройки новгородцами берега у немецкого двора, случаев ограбления отдельных немецких купцов и т. д.¹² Подобные случаи, отмечавшиеся и раньше, не представляли собой ничего нового в практике русско-ганзейских отношений.

5 октября ганзейские послы имели встречу с двумя великокняжескими дьяками — Федором Курицыным и Андреем Майковым. Содержание переговоров, происходивших во время встречи, отчеты послов излагают по-разному.

Согласно отчету Готшалка Реммелинкреде, во время встречи дьяки передали ответ великого князя на жалобы ганзейских городов. На желание ганзейцев отменить нововведения в торговле солью, медом, воском и мехами великий князь ответил категорическим отказом: дьяки от имени великого князя заявили, что он хочет, чтобы соль в Новгороде взвешивалась на весах, мед, привозимый ганзейцами, подлежал взвешиванию, как и привозимый из его страны и Литвы, «колупанье» воска и «наддачи» к мехам больше не имели места; что касается жалоб ганзейцев на недоброкачествоность покупаемых у новгородцев мехов, то меха должны осматриваться при покупке. С возражением ганзейцев против намерения новгородских властей взыскивать за ущерб, понесенный русскими в Ливонии, с приказчика немецкого двора и его помощника, великий князь согласился, и дьяки от его имени сказали, что власти немецкого двора не будут привлекаться к ответственности. Дьяки передали ответы великого князя и на последующие «пункты», касавшиеся различных конфликтов. Почти во всех случаях великий князь намеревался дать указание провести расследование и поступить с немецкими купцами по справедливости; равным образом, как подчеркивалось в ответе великого князя, должны были поступить власти ганзейских городов в отношении русских жалоб.¹³

¹¹ Отчет Томаса Шrove и письмо Готшалка Реммелинкреде: HR3, Bd. III, № 433, § 5; LUB2, Bd. I, № 95, S. 70—71.

¹² Отчет Томаса Шrove и письмо Готшалка Реммелинкреде: HR3, Bd. III, № 433, § 5; LUB2, Bd. I, № 95, S. 71—72.

¹³ LUB2, Bd. I, № 95, S. 72—75.

Томас Шrove ничего не сообщает об ответе великого князя на ганзейские жалобы. Согласно его отчету, представители великого князя Федор Курицын и Андрей Майков зачитали врученные великому князю жалобы ганзейских городов и попросили послов подтвердить правильность написанного, что они и сделали. Затем великокняжеские представители огласили жалобы русской стороны: ганзейские города, расположенные как в Ливонии, так и вне ее, обвинялись в том, что в них великокняжеским послам причинялся вред, с последних брались большие суммы за фрахтовку кораблей; случались также избиения и другие несправедливости в отношении великокняжеских людей, послов и купцов. По поводу жалоб русских послы сказали, что они не уполномочены на них отвечать; пусть русские пошлют своих послов в города, там им «дадут управу».¹⁴

Хотя переговоры 5 октября в отчетах Томаса Шrove и Готшалка Реммелинкроде освещаются неодинаково, но противоречий между ними нет. Несовпадение объясняется, очевидно, тем, что каждый из послов запечатлел в своем отчете различные моменты переговоров: Готшалк Реммелинкроде фиксировал внимание на ответе великого князя на ганзейские жалобы, Томас Шrove — на жалобах русских. Взятые вместе, свидетельства обоих послов полно освещают ход переговоров 5 октября.

6 октября великий князь дал послам прощальную аудиенцию. Он сказал, что послы должны ехать в Новгород, а он пошлет указание новгородским наместникам Якову Захарьевичу и Петру Михайловичу разобраться во всех делах и «дать управу» «по старине» и крестоцелованию. Попросив передать ганзейским властям благодарность за подарки, великий князь отпустил послов.

После этого в течение 10 дней послы ожидали охранной грамоты. 16 октября дьяки, которые вели переговоры с послами, вызвали их на великокняжеский двор. Там находились два грека, Мануэль и Дмитрий, проезжавшие недавно в качестве великокняжеских послов через Ревель, которые заявили, что во время пребывания в Ревеле они подверглись «обидам» и им был причинен ущерб на сумму 360 (374, согласно отчету Реммелинкроде) венгерских гульденов и что Готшалк Реммелинкроде в качестве представителя Ревеля должен эту сумму уплатить. Две недели тянулись переговоры по этому вопросу между ганзейскими послами, в ходе которых требуемая с револьского посла сумма была увеличена до 429 гульденов.¹⁵ На описании этих переговоров прерывается отчет Готшалка Реммелинкроде о посольстве. В письме к револьскому бургомистру Готшалк добавил к включенному в него отрывку отчета лишь несколько соображений о причинах своего ареста и ареста немецких купцов в Новгороде, на которых мы остановимся далее. Согласно отчету Томаса Шrove, ре-

¹⁴ HR3, Bd. III, № 433, § 8—10.

¹⁵ Отчет Томаса Шrove и письмо Готшалка Реммелинкроде: HR3, Bd. III, № 433, § 11—17; LUB2, Bd. I, № 95, S. 75.

вельский посол достал требуемую с него сумму у немцев, проживавших в Москве, и 20 октября вручил ее грекам на великокняжеском дворе.

31 октября послы получили охранную грамоту, 1 ноября выехали из Москвы и 14 ноября достигли Бронницы, расположенной около Новгорода. Здесь их встретил отряд из 200 человек во главе с новгородскими должностными лицами. Послы были разлучены и 15 ноября порознь доставлены в Новгород: Томас Шrove в сопровождении великокняжеского пристава на готский двор, Готшалк Реммелинкроде, взятый под стражу, — на немецкий двор. 17 ноября Готшалк со своими спутниками был переведен в темницу на епископском дворе. 18 ноября Томас Шrove был вызван к новгородским наместникам, которые следующим образом разъяснили происшедшее: «[Немецкие] купцы арестованы, потому что купцы князя из его страны в Ревеле и в вашей стране облагались поборами, избивались, их товар отнимался и они притеснялись и т. д. Товаром, который находится в церкви [немецкого двора], великий князь хочет уплатить своим, которые жаловались. И Готшалк, посол, арестован потому, что ревельцы несправедливо сожгли одного москвича; за это великий князь хочет с него взыскать. Это скажи своим старейшим в качестве ответа, а ты можешь ехать своим путем». Томас Шrove пытался взять на поруки арестованных, но безуспешно. Получив охранную грамоту, 23 ноября он выехал из Новгорода и 4 декабря возвратился в Дерпт.¹⁶

Таким образом, согласно отчету Томаса Шrove, получается, что причиной ареста ганзейских купцов послужили насилия над русскими в Ливонии, в частности в Ревеле (в число этих насилий входило, очевидно, и сожжение русского в Ревеле). Готшалк Реммелинкроде в письме к ревельскому бургомистру Иоганну Ротердту дает несколько иную интерпретацию причин, обусловивших случившееся. Он подчеркивает, что арест его действительно последовал в ответ на сожжение русского в Ревеле, но судьба немецких купцов в Новгороде была решена независимо от этого события: они были приговорены еще до того, как в Москву пришло известие о происшедшем в Ревеле.¹⁷

Материалы ганзейского посольства 1494 г. наиболее обстоятельно проанализированы Л. К. Гетцем.¹⁸ Он считает, что русское правительство с самого начала отрицательно относилось к ганзейскому посольству и не стремилось к урегулированию своих отношений с Ганзой. Об этом свидетельствуют, по мнению Л. К. Гетца, действия русских властей по отношению к послам: отнятие у них в бытность в Новгороде бумаг, лишение их по

¹⁶ Отчет Томаса Шrove: HR3, Bd. III, № 433, § 16—28.

¹⁷ Письмо Готшалка Реммелинкроде: LUB2, Bd. I, № 95, S. 75—76.

¹⁸ Goetz L. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters, S. 178—186.

приезде в Москву собственного переводчика, взятки, бравшиеся русскими должностными лицами. Что касается решения великого князя передать дальнейшие переговоры новгородским наместникам, то оно означало по существу отказ Ивана III прийти к соглашению с Ганзой, так как послы отсылались «за управой» к тем самым наместникам, на которых они жаловались. С точки зрения Л. К. Гетца, закрытие ганзейского двора в Новгороде было решено Иваном III заранее во исполнение его плана устранения из торговли с Западом всех конкурентов Москвы: сначала Новгорода, а потом Ганзы. Удобный повод для закрытия ганзейского двора дало сожжение русского в Ревеле.

С выводами Л. К. Гетца вряд ли можно согласиться. Отдельные неприятные для ганзейских послов действия русских властей, которые имели место в Новгороде и Москве, не представляли собою исключительного явления в дипломатической практике того времени, поэтому они не могут служить основанием для вывода о преднамеренном решении русского правительства сорвать переговоры и закрыть ганзейский двор. Что касается самих переговоров с великим князем, то они протекали, как об этом свидетельствуют отчеты послов, в атмосфере дружелюбия. По отношению к послам была проявлена вся предписываемая московским этикетом любезность: им были вручены богатые подарки (каждый получил по 5000 мехов), они были приглашены к великокняжескому столу. Великий князь внимательно рассмотрел ганзейские жалобы и, ответив отказом на протесты ганзейцев против нововведений в торговле солью, медом, воском и мехами (в этих вопросах Иван III твердо стоял на страже интересов русского купечества), выразил намерение дать указание новгородским наместникам разобраться во всех остальных конфликтах и решить их путем переговоров. Для характеристики позиции русского правительства в отношении Ганзы показательны и то обстоятельство, что, несмотря на наличие в правительственных кругах недовольства положением русских в ливонских городах, Иван III ожидал (как это следует из отчета Томаса Шrove о переговорах 5 октября), что все инциденты и здесь будут урегулированы мирным путем. Отсылку ганзейских послов к новгородским наместникам нет оснований считать фарсом, разыгранным великим князем (если Иван III решил закрыть ганзейский двор, то непонятно, зачем ему было прибегать к этому фарсу): поступая так, он отдал дань традиции, согласно которой все дела с Ганзой решались в Новгороде новгородскими властями; возможно, что Иваном III руководило соображение о том, что Новгород ближе расположен к Ливонии и новгородским властям было легче разобраться во взаимоотношениях с ливонскими городами. Весь ход переговоров в Москве на первом этапе свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии у великого князя намерения ликвидировать ганзейский двор и о стремлении к мирному (без репрессий) урегулированию отношений с Ганзой.

Это стремление оставалось, как нам кажется, в силе и тогда, когда произошел инцидент, вызванный жалобами греков, послов великого князя, на действия ревельцев. Несомненно, что жалоба греков вызвала раздражение великого князя и он запретил выезд ганзейских послов из Москвы до уплаты требуемой греками компенсации. Но после того как эта уплата была произведена, послам 31 октября была выдана охранная грамота и они выехали в Новгород, где должны были происходить дальнейшие переговоры.

Таким образом, действия великого князя показывают, что вплоть до конца октября он стоял на позициях урегулирования русско-ганзейских отношений путем переговоров и, несмотря на недовольство конфликтами, случавшимися с русскими послами и купцами в Ливонии, отнюдь не помышлял о каких-нибудь репрессиях по отношению к ганзейскому купечеству в Новгороде. Совершенно очевидно, что происшедшее в самом конце октября или начале ноября изменение позиции великого князя было обусловлено каким-то новым событием в области русско-ганзейских отношений. Таким событием явилась, как это следует из всей совокупности сообщаемых отчетами послов фактов, казнь русских в Ревеле (в отчетах послов говорится о сожжении в Ревеле одного москвича; в действительности в Ревеле были казнены двое русских). Очевидно также, что, принимая под влиянием известия об этом событии решение о закрытии немецкого двора в Новгороде, Иван III учитывал и другие конфликты, происходившие во время пребывания русских в Ливонии. Отсюда и то объяснение, которое дали великокняжеские наместники в Новгороде Томасу Шрове: немецкие купцы арестованы из-за насилий над русскими в Ревеле и других городах Ливонии. Что касается указания Готшалка Реммелинкреде на отсутствие связи между арестом купцов и казнью русских в Ревеле и на то, что последняя явилась причиной ареста самого Готшалка, то это указание было продиктовано, надо полагать, стремлением Готшалка обелить власти родного города и снять с них ответственность за судьбу, постигшую ганзейских купцов в Новгороде.

Закрытие ганзейского двора в Новгороде описывается и в ливонских хрониках. Автор «*Schonne hysthorie*» посвятил закрытию ганзейского двора в Новгороде специальную главу. Всячески порицая Ивана III за арест ганзейских купцов и рассматривая поступок великого князя как проявление его склонности к тирании, хронист указывает, что великий князь поступил так в ответ на казнь двух русских в Ревеле. О казни русских в Ревеле как об обстоятельстве, обусловившем гнев великого князя и его решение закрыть ганзейский двор, сообщает и «Хроника» Руссова.¹⁹ Таким образом, версия о связи между казнью русских в Ревеле и арестом

¹⁹ *Schonne hysthorie*, S. 138—141, Bg. 29b—33b, S. 224—225; Руссов, с. 294.

стом ганзейских купцов в Новгороде прочно держалась в ливонских источниках.

С этой же версией мы сталкиваемся и в русских источниках. О закрытии ганзейского двора сообщают все важнейшие русские летописи. Известие об этом событии читается в них в двух редакциях. Краткая редакция раньше всего встречается в своде 1495 г.: «Послалъ князь великий в Новъгород в Великий дьяка Василиа Жоука да Данила Мамырева, и велѣл поимати в Новѣгородѣ гостей немецких да и товаръ их переписати и запечатати».²⁰ В своде 1495 г. фиксируется факт ареста ганзейских купцов без объяснения побудительных мотивов решения великого князя. В следующем своде, 1497 г., в текст рассматриваемого известия внесено добавление: к словам «велел поимати... гостей немецких» добавлено «колыванцев».²¹ Это добавление несколько искажает факты (в Новгороде были арестованы не только ревельские купцы) и вместе с тем вносит как бы некоторое пояснение к поступку великого князя, подчеркивая, что его раздражение направлялось в тот момент в первую очередь против Ревеля.

С раздражением великого князя против Ревеля связывает закрытие немецкого двора и пространная редакция летописного известия, которая читается в Софийской первой летописи по списку Царского (свод 1508 г.), Софийской второй и Львовской летописях (свод 1518 г.), Уваровской летописи (свод 1518 г.), Воскресенской и Никоновской летописях.²² Текст пространной редакции известия об аресте ганзейских купцов гласит: «Послалъ князь великий въ Новгородъ к намѣстникомъ дьяка Василья Жоука да Данила Мамырева, и велѣл поимати въ Новѣгородѣ гостей нѣмецкихъ, колыванцовъ, да и товаръ ихъ, переписавъ, привезти на Москву, за ихъ неисправление, про то, что они на Колывани великого князя гостемъ новгородцемъ многа обиды чиниша и поругание самовольнѣ, а иныхъ людей великого князя живыхъ в котлѣхъ вариша, безъ обсылки великого князя и безъ обыску; тако же и посломъ великого князя отъ нихъ руганье бысть, которые послы ходили въ Римъ, и въ Фрязскую землю, и въ Немецкую, да и старымъ гостемъ великого князя повгородцемъ отъ нихъ много неисправление бысть и обида, и розбой на морѣ: и за то князь великий Иванъ Васильевичъ ояалу свою на них положилъ, и гостей ихъ велелъ въ тюрьмы посажати, и товаръ ихъ спровадити к Москвѣ, и дворы ихъ гостиные в Новѣгороде старыи, и божицу велѣлъ отняти».²³

Иную по сравнению с немецкими и русскими источниками трактовку причин, обусловивших закрытие ганзейского двора в Новгороде, дают некоторые шведские хроники. Олай Петри

²⁰ ПСРЛ, т. XXVII, с. 366.

²¹ Там же, т. XXVIII с. 160.

²² ПСРЛ, т. VI, с. 39, 240; т. XX, ч. 1, с. 361; т. XXVIII, с. 325—336; т. VIII, с. 228; т. XII, с. 239.

²³ ПСРЛ, т. VI, с. 39; т. IV, с. 164.

(умер в 1552 г.), излагая датско-шведско-русские отношения конца XV в., пишет, что датский король Иоанн «начал торговать с москвитом и заключил с ним союз против шведов и любекцев, и повел делом так, что многие любекские купцы были взяты в Новгороде за горло и подвергнуты плохому обращению».²⁴ Сообщая о репрессиях против любекских купцов в Новгороде, Олай Петри ничего не пишет о таком важнейшем факте, как закрытие немецкого двора в Новгороде в 1494 г. Далее, указывая, что репрессиям в Новгороде были подвергнуты любекские купцы, он допускает ошибку: закрытие немецкого двора и связанные с ним репрессии коснулись не только любекских купцов, но и вообще всех ганзейских купцов, находившихся в Новгороде. Все это дает основание думать, что в руках Олая Петри не было документальных источников конца XV в. и что писал он, быть может, пользуясь сведениями своих современников, сохранивших лишь смутные воспоминания о событиях конца XV в. Изложенные соображения заставляют скептически отнестись к известию Олая Петри о связи между заключением русско-датского договора и репрессиями против ганзейских купцов в Новгороде. Указание на эту связь есть еще в одном шведском источнике — сочинении шведского историка начала XVII в. Мессениуса. Он пишет, что условия русско-датского договора 1493 г. предусматривали, в частности, переход к России значительной части Финляндии и прекращение торговли ганзейцев в России.²⁵ Однако ни в тексте русско-датского договора 1493 г.,²⁶ ни в одном из современных событиям источников нет сведений об обязательстве Ивана III датскому королю ликвидировать торговлю ганзейцев и закрыть немецкий двор в Новгороде. Можно предпологать поэтому, что Мессениус лишь переработал версию Олая Петри. Поводом для возникновения версии Олая Петри — Мессениуса могло послужить то обстоятельство, что Ганза была союзником Швеции и давним врагом Дании. Поэтому русско-датскому договору, направленному против Швеции, легко можно было приписать антиганзейскую направленность.

Рассмотренные известия источников позволяют, как нам кажется, сделать единственно возможное заключение о мотивах, побудивших Ивана III закрыть ганзейский двор в Новгороде: почва для такого решения великого князя была подготовлена недовольством правительства положением русских в ливонских городах, но само решение последовало в ответ на казнь русских в Ревеле. Таким образом, рассматривать закрытие ганзейского двора в Новгороде как заранее продуманную и запланированную

²⁴ Olai Petri Svenska Chronica. Scriptorum rerum svecicarum medii aevi, t. I. Upsaliae, 1818, p. 328. — Известие Олая Петри повторяется в хронике его младшего брата Лаврентия Петри (Chronica svecana Laurentii Petri. Scriptorum rerum svecicarum medii aevi, t. II. Upsaliae, 1828, p. 136).

²⁵ Iohannis Messenii Scandia illustrata, seu chronologia de rebus Scandiae... t. IV, Stockholmiae, 1700, p. 48.

²⁶ СГГД, ч. V, № 110.

русским правительством акцию, имевшую целью прекращение торговли ганзейцев в Новгороде, у нас нет оснований. Но если это так, тогда, быть может, прав А. И. Пикитский, полагающий, что закрытие ганзейского двора в Новгороде представляло собой лишь один из обычных в истории русско-ганзейских отношений эпизодов, когда ганзейские купцы в Новгороде арестовывались в ответ на насилия, чиненные русским купцам на чужбине. Для выяснения этого вопроса необходимо сделать экскурс в область русско-ганзейских и русско-ливонских правовых отношений, касающихся вопросов юрисдикции.

Еще в первый период новгородско-немецкой торговли устанавливается правило, что тяжба, возникшая у купца на чужбине, должна разрешаться там, где она возникла — «где ся тяжя родить, ту ю кончати».²⁷ Немцы в Новгороде по тяжбам, возникавшим у них с новгородцами, судились судом тысяцкого при церкви св. Ивана на Опоках, по тяжбам и конфликтам между немцами — властями немецкого двора, согласно правилам скры. Новгородцы в немецких городах, по-видимому, в случае любых конфликтов — и с немцами, и между собою — судились местными властями в соответствии с действовавшим в каждом городе правом (никаких сведений о судебных функциях русских купеческих организаций за границей вплоть до середины XVI в. нет²⁸). В начале XV в. Новгород предпринял попытку оградить в какой-то мере своих подданных, судимых в ливонских городах, от произвола местных властей: во время новгородско-ливонских переговоров 1416 г. магистр Зигфрид Ландер фон Шпангейм по настоянию новгородских послов дал обязательство, что ливонские власти на суд над новгородцами, виновными в тяжелых проступках, будут вызывать из Новгорода их друзей (см. с. 49). Однако это обязательство носило, видимо, временный характер: в источниках оно больше не упоминается.

После присоединения Новгорода к Великому княжеству Московскому и ликвидации органов власти Новгородской вечевой республики судебные функции по отношению к ганзейским купцам перешли в руки великокняжеских наместников в Новгороде. В русско-ганзейском договоре 1487 г. статьи о судебной юрисдикции обеих сторон сформулированы так: «И великого государя наместникам в Великом Новгороде, в отчине великого князя, в Великом Новгороде, исправу давать немецким детям, по всем обидным делам по старым крестным целованиям, по этому крестному целованию, по старым грамотам и по этой грамоте, безо всякой хитрости. Также немцам из 73 городов исправу дать великого князя отчине, Великому Новгороду, и купцам в Великом Новгороде и купеческим детям по всем обидным делам по старым

²⁷ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262—1263 гг.: ГВШ, с. 57.

²⁸ Клейнберг И. Э. Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI вв., с. 255.

крестным целованиям и по этому крестному целованию, по старым грамотам и по этой грамоте безо всякой хитрости; и во всех делах истцу знать истца по крестному целованию... А немцам не причинять новгородскому купцу никаких насилий, ни в клеть сажать, ни в погреб, ни заключать в оковы, без исправы по крестному целованию. Также наместникам великого князя в Новгороде немецкого купца ни заключать в оковы, ни мучить без исправы, с обеих сторон, безо всякой хитрости, по крестному целованию».²⁹ Как мы видим, основы юрисдикции остались неизменными: купца, находившегося на чужбине, судили местные власти. Это положение с еще большей четкостью сформулировано в русско-ливонских договорах 1481 и 1493 гг. применительно к русским, находившимся в Ливонии: «А на которомъ городѣ почнетца каково дело новгородцу, в мистровѣ державѣ и въ арцыбискуповѣ державѣ и въ бискупѣихъ державахъ: ино туто ему и управа дати, по исправѣ и по крестному цѣлованью; а дослѣтся новгородцу купцу каково дѣло на Ризѣ, или на Юрьевѣ, или на Кольвани, или на Ругодивѣ, ино на том городе управа дати».³⁰ Однако договоры 1481 и 1493 гг. внесли некоторые дополнения в вопрос о разборе «обидных» (уголовных, вызывавших трения сторон) дел: по договору 1481 г. для разбора дел, возникших в предшествующие годы, вводились в качестве временной меры съезды русских и ливонских представителей, по договору 1493 г. — постоянные «ссылки» (информация, по-видимому, с целью согласования) ливонских и русских властей. Но эти дополнения основного принципа юрисдикции — о подсудности иностранца местному суду — не меняли (см. III главу).

В 1494 г. в Ревеле были казнены, как уже указывалось, по приговору ревельского суда двое русских, виновных в уголовных преступлениях: один, как фальшивомонетчик, был сварен в котле, другой, виновный в содомском грехе, сожжен.³¹ Приговоры были вынесены на основе действовавшего в Ревеле любекского права. Поступая так, ревельские власти действовали в соответствии с правом средневекового города судить лиц, находящихся на его территории, по своим законам. Это право было признано, как мы видели, и в нормах русско-ганзейских и русско-ливонских договоров, заключенных уже после перехода Новгорода под власть великого князя.

В свете сказанного закрытие ганзейского двора в Новгороде нельзя рассматривать как обычную в истории русско-ганзейских отношений репрессивную меру, принятую в ответ на насилия над русскими купцами в Ливонии. Закрывая ганзейский двор, велико-

²⁹ Казакова Н. А. Русско-ганзейский договор 1487 г., с. 225—226; HR3, Bd. II, № 136.

³⁰ Договор 1493 г.: АЗР, т. I, № 112, с. 131; ср. договор 1481 г. (там же, № 75, с. 96).

³¹ Отчет ганзейского посольства о переговорах с русскими в Нарве в феврале 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 647, S. 480.

княжеское правительство высказывало тем самым свой протест против поступка ревельских властей, совершенного на основе признанной обеими сторонами юрисдикции. Следовательно, оно заявляло (объективно) о своем отныне несогласии с этой юрисдикцией.

Если во время переговоров с ганзейскими послами в Москве в октябре 1494 г. великокняжеское правительство стояло на позициях мирного урегулирования русско-ганзейских отношений и разрешения всех вопросов, в том числе и инцидентов, случившихся с русскими в Ливонии, путем переговоров, то казни русских в Ревеле заставили его изменить свою позицию. Эти казни, со всей остротой поставившие перед великокняжеским правительством вопрос о положении русских в Ливонии, побудили его перейти к политике репрессий, чтобы добиться (таково объективное значение действий Ивана III) изменения существующего статуса.³²

РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЙ КОНФЛИКТ И ПОСОЛЬСТВА ЛИВОНСКОГО МАГИСТРА В РОССИЮ В 1494—1497 ГГ.

Закрытие ганзейского двора в Новгороде, сопровождавшееся заключением 49 находившихся там купцов и конфискацией их товаров на сумму 96 000 марок,³³ вызвало панику среди ганзейских городов. Города стали деятельно изыскивать средства, чтобы добиться освобождения арестованных. Но отсутствие единства и спаянности в Ганзейском союзе, как и в Ливонии, стремление отдельных городов руководствоваться своими собственными интересами сказались и здесь: они нашли свое выражение в различных, часто противоречащих друг другу мероприятиях с целью освобождения купцов.³⁴

³² Подчеркивая роль, которую в закрытии пемецкого двора сыграли казни русских в Ревеле в 1494 г., мы отнюдь не солидаризируемся с изложенной выше точкой зрения Г. Козака о том, что причины акции Ивана III надо искать в противоречиях между Москвой и Ревелем и что эта акция касалась почти исключительно Ревеля. В предъявляемых ганзейским послам 5 октября жалобах русских (о чем уже говорилось) от имени великого князя высказывалось недовольство положением русских и насильями над ними на территории всей Ливонии, а не только в Ревеле; хотя Ревель пользовался большим влиянием в немецком дворе, его купечество там не преобладало: из 49 ганзейских купцов, арестованных в 1494 г. в Новгороде, только 3 были ревельцами (Из хроники Реймара Кока: HR3, Bd. III, № 502). Мы считаем поэтому, как уже отмечалось, что глубинной причиной, обусловившей поступок Ивана III, явилась неудовлетворенность великокняжеского правительства статусом русских во всей Ливонии; казни же в Ревеле сыграли роль последнего толчка, побудившего Ивана III перейти к политике репрессий по отношению к ганзейскому купечеству в целом.

³³ Введение к скре 1514: LUB2, Bd. I, № 80; Из хроники Реймара Кока: HR3, Bd. III, № 502.

³⁴ Vegesack S. Die Gesandtschaften Wolter von Plettenbergs an den Grossfürsten von Moskau in den J. 1494—1497, S. 317.

На первых порах ливонские города и Ганзейский союз прибегли к старинному средству давления на русских — ответным репрессиям, выразившимся в задержании русских купцов и запрете торговли. Ревель в письмах Дерпту и Любеку от середины ноября 1494 г. сообщал, что он задержал находившихся в его пределах купцов и их товары;³⁵ аналогичным образом поступила и Рига, задержавшая новгородских купцов.³⁶ По пути запрета пошла также руководящая группа городов Ганзейского союза — вендские города: в апреле 1495 г. съезд вендских городов в Любеке запретил своим купцам торговлю в Нарве и на Певе, чтобы способствовать таким образом освобождению ганзейских купцов; в письмах к Данцигу, Риге, Дерпту, Ревелю съезд потребовал от них аналогичных действий.³⁷ В июне вендские города повторили запрет торговли с русскими и потребовали от ливонских городов строгого наказания виновных в его нарушении.³⁸

Но предпринятые ливонскими городами и Ганзой репрессивные меры оказались неэффективными. Прежде всего среди ливонских городов не было единодушия в вопросе о прекращении торговли с русскими. Если Ревель, престиж которого был особенно затронут арестом в Новгороде его посла, и Рига, связанная торговлей с Великим княжеством Литовским, а потому не особенно заинтересованная в торговле с Россией, провели соответствующие мероприятия, то Дерпт, поддерживавший интенсивные торговые связи с Псковом, с самого начала конфликта отказался прервать торговлю с русскими: на встревоженное письмо Ревеля Дерпт ответил в январе 1495 г., что торговля с Псковом не может быть прекращена, так как между Дерптским епископством и Псковом существует особый мир, согласно которому купцы с обеих сторон должны ездить свободно.³⁹ Продолжала торговлю с русскими и Нарва,⁴⁰ не являвшаяся членом Ганзейского союза, а потому не считавшая для себя обязательными его постановления. Позиция Дерпта и Нарвы дала основание для горьких сетований Ревеля по поводу продолжающейся торговли с новгородцами при помощи Нарвы, с одной стороны, и Дерпта — с другой.⁴¹ В торговле участвовали и города Восточного Поморья: из Данцига соль и сельдь доставлялись в Нарву,⁴² откуда затем они поступали в Новгород. Торговые связи с Западной Европой во время за-

³⁵ LUB2, Bd. I, № 83, 84.

³⁶ Письмо съезда ливонских городов в Валке вендским городам от 1 апреля 1495 г.: HR3, Bd. III, № 478.

³⁷ Письмо вендских городов и рата Любека Ревелю от 8 апреля 1495 г.: HR3, Bd. III, № 482.

³⁸ Письмо вендских городов Дерпту, Риге, Данцигу и Пернау от 23 июня 1495 г.: LUB2, Bd. I, № 214.

³⁹ HR3, Bd. III, № 468.

⁴⁰ Письма Ревеля Дерпту и Дерпта Ревелю от января 1495 г.: HR3, Bd. III, № 460, 468.

⁴¹ Письмо Ревеля Дерпту от января 1495 г.: HR3, Bd. III, № 460.

⁴² Письмо Ревеля Любеку от начала февраля 1495 г.: LUB2, Bd. I, № 143.

прета Россия поддерживала и при помощи Дании. В источниках есть сведения о том, что благоприятные условия для развития русско-датской торговли, созданные в результате заключения русско-датского договора 1493 г., реализовывались. Так, в письме Ревеля Любеку от начала февраля 1495 г. содержится просьба принять меры, чтобы воспрепятствовать подвозу товаров русским в Нарву и на Неву, в частности, из Дании; письмо Ревеля свидетельствует о том, что поставки товаров русским датскими купцами в это время имели место.⁴³

Неэффективность запрета, очевидно, явилась причиной его скорого снятия. 25 июня 1495 г. послы Дерпта и Ревеля, съехавшиеся на съезд в Ваве, писали Любеку, что запрет торговли с русскими в Дерпте, Нарве и на Неве представляется нецелесообразным, так как он не может оказать влияния на великого князя Московского.⁴⁴ Любек по получении письма ливонских городов сразу изменил свою позицию: пересылая 10 июля письмо ливонских городов Висмару, он советовал ему снять запрет торговли, так как ливонские города высказались против него, а они лучше осведомлены о положении дел.⁴⁵ 17 августа Любек официально сообщил Ревелю о снятии запрета на торговлю с русскими.⁴⁶

Наряду с репрессиями ливонские города и Ганзейский союз в первые же месяцы конфликта стали принимать меры для его улаживания. Любек в качестве главы Ганзейского союза трижды (17 января, 13 апреля и 1 августа 1495 г.) писал письма Ивану III с просьбой освободить купцов и их товары, задержанных, как указывал Любек, вопреки привилегиям ганзейцев и крестоцелованию.⁴⁷ Однако Любек, интересы которого больше привлекали западные дела, особенно взаимоотношения с Данией, обязанности главы Ганзейского союза в отношении русских дел выполнял лишь формально: в сопроводительных письмах ливонским городам он поручал им принять необходимые меры для улаживания конфликта, в частности для пересылки его писем великому князю.⁴⁸ Ливонские города в вопросе об установлении контактов с Москвой сочли целесообразным проявить собственную инициативу. Дерпт в начале января 1495 г. отправил Ивану III письмо с просьбой об

⁴³ Там же.

⁴⁴ Письмо послов Дерпта и Ревеля Любеку: LUB2, Bd. I, № 211.

⁴⁵ Письмо Любека Висмару: LUB2, Bd. I, № 220.

⁴⁶ Письмо Любека Ревелю: LUB2, Bd. I, № 245.

⁴⁷ Письма Любека Ивану III; HR3, Bd. III, № 465; LUB2, Bd. I, № 178, 240. — В статье С. Фегезака ошибочно указывается, что в мае Любек написал Ивану III третье письмо, а в августе — четвертое (Vege sack S. Die Gesandtschaften Wolter von Plettenbergs an den Grossfürsten von Moskau in den. J. 1494—1497, S. 321—322). В мае Любек лишь переслал Ревелю свое второе письмо Ивану III (LUB2, Bd. I, № 188, Anm. 3), а в августе написал третье.

⁴⁸ HR3, Bd. III, № 467; LUB2, Bd. I, № 188, 246. — Первые два письма Любека ливонские города Ивану III не переслали на том основании, что в них ничего не говорилось о задержанном в Новгороде ревельском после (HR3, Bd. III, № 478; LUB2, Bd. I, № 211).

освобождения купцов, а позже послал в Новгород и Москву своего бюргера Эльфирикгузена с поручением хлопотать у великого князя охранную грамоту для посольства городов.⁴⁹ В ответ на просьбу, переданную через Эльфирикгузена, Иван III 13 июня 1495 г. дал охранную грамоту послу 73 городов для проезда в Новгород к наместникам великого князя;⁵⁰ но эта грамота по неизвестным причинам городами не была использована. Ревель и Рига обратились за посредничеством к великому князю Литовскому Александру, недавно вступившему в брак с дочерью Ивана III.⁵¹ Александр по просьбе ливонских городов написал в начале 1495 г. письмо Ивану III,⁵² но, по-видимому, оно оказалось безрезультатным. Тогда ливонские города все свои надежды стали возлагать на посредничество магистра.

Ливонский магистр Вальтер фон Плеттенберг с самого начала русско-ганзейского конфликта энергично хлопотал о его улаживании, опасаясь, очевидно, что он может отрицательно сказаться на русско-ливонских отношениях. С 1494 по 1497 г. Плеттенберг семь раз посылал посольства в Новгород и Москву к новгородским наместникам и великому князю для переговоров об освобождении ганзейских купцов и урегулировании конфликта.

25 ноября 1494 г. в Новгород и Москву был послан Йоганн Гильдорп, дипломат Ордена, являвшийся специалистом по русским делам (в конце XV—начале XVI в. он неоднократно выступает в качестве посла Ордена в России, выполнявшего сложные и ответственные поручения). Гильдорпу во время пребывания в России (он возвратился в Ливонию в конце марта 1495 г.) удалось добиться некоторого смягчения участи ганзейских купцов: они были освобождены из темницы и помещены на чужом дворе (не немецком), где могли достать для себя все необходимое.⁵³

После совещания с послами ливонских городов в июле 1495 г. магистр отправил Гильдорпа во вторичное посольство в Москву (продолжалось со 2 августа по 28 октября). Из Москвы Гильдорп привез известие о том, что в качестве условия освобождения ганзейских купцов великий князь выдвигает требование об освобождении и возвращении на родину русских купцов с их товарами, задержанных в ливонских городах; предварительно же великий князь согласился на дальнейшее облегчение положения задер-

⁴⁹ Письма Дерпта Ревелю от 6 января и 6 февраля 1495 г.: HR3, Bd. III, № 459, 472.

⁵⁰ Охранная грамота Ивана III: LUB2, Bd. I, № 208.

⁵¹ Письма Ревеля ливонскому магистру, рижскому архиепископу, Данцигу от 5 января 1495 г. и письма Риги и Ревеля великому князю Литовскому от 17 января 1495 г.: LUB2, Bd. I, № 114, 115, 117; HR3, Bd. III, № 462, 464.

⁵² Переписка Ревеля и Дерпта от середины апреля 1495 г.: HR3, Bd. III, № 493, 494.

⁵³ Письмо Плеттенберга Ревелю от 25 ноября 1494 г. и письмо ливонских городов вендским от 1 апреля 1495 г.: HR3, Bd. III, № 455, 478.

жанных ганзейцев: они были переведены на свой двор и им из их имущества было выдано все необходимое.⁵⁴

На съезде ливонских городов в Вендене 5 января 1496 г. после совещания с магистром было принято решение о выдаче русских купцов, но реализация его затянулась, и это, очевидно, явилось причиной безрезультатности третьего посольства магистра: Гартлеф Пеперзак, переводчик Ордена, посланный 16 января в Новгород, где тогда находился великий князь, ничего не сумел добиться в отношении задержанных ганзейцев. Безуспешность посольства Пеперзака, возвратившегося из Новгорода 26 февраля, побудила ливонские города ускорить освобождение русских купцов.⁵⁵

7 марта 1496 г. освобожденные русские купцы вместе с Пеперзаком (четвертое посольство магистра) были отправлены в Новгород. Из Новгорода Пеперзак последовал за великим князем в Москву, откуда возвратился только 5 августа. Вместе с ним прибыли освобожденные в Новгороде по распоряжению великого князя немецкие юноши, изучавшие русский язык. В отношении же задержанных купцов и посла Ревеля Готшалка Реммелинкроде Пеперзак привез ответ великого князя, гласивший, что они будут освобождены только после того, как великому князю выдадут ревельцев, виновных в казни его подданных.⁵⁶ Получив это известие, Плеттенберг отправил письма Любеку, Дерпту и Ревелю, в которых сообщал о своем намерении послать новое посольство к великому князю и спрашивал их мнение о том, как надлежит поступать его послу в том случае, если князь будет продолжать настаивать на выдаче ревельских судей.⁵⁷ Что ответили города магистру, мы не знаем. Из переписки, относящейся к этому вопросу, сохранилось лишь письмо Ревеля Любеку от 13 августа 1496 г., в котором рат Ревеля отстаивал справедливость приговоров, вынесенных русским.⁵⁸

В середине августа 1496 г. Иоганн Гильдорп был отправлен в Новгород (пятое посольство магистра), откуда возвратился 14 октября. Не добившись и на этот раз освобождения ганзейцев, посол магистра привез известие о том, что великий князь желает вести переговоры непосредственно с ганзейскими городами.⁵⁹ Об этом же писали из Новгорода и задержанные там ганзейские

⁵⁴ Письма Плеттенберга Ревелю от 22 июля и 28 октября 1495 г. и отчет Иоганна Гильдорпа о посольстве от 28 октября 1495 г.: LUB2, Bd. I, № 229, 280, 281.

⁵⁵ Переписка ливонских городов, магистра и Гартлефа Пеперзака от января—февраля 1496 г.: HR3, Bd. III, № 536, 539, 542, 543, 545, 546.

⁵⁶ Письма Плеттенберга Любеку и Ревелю от 5 августа 1496 г.: HR3, Bd. III, № 697; LUB2, Bd. I, № 384.

⁵⁷ LUB2, Bd. I, № 384, 386; HR3, Bd. III, № 697.

⁵⁸ HR3, Bd. III, № 699.

⁵⁹ Письма вендских городов Ревелю от 24 сентября и ливонского магистра Любеку от 14 октября 1496 г.: HR3, Bd. III, № 702, 706.

купцы.⁶⁰ Осенью 1496 г. и зимою 1496/97 г. между магистром, ливонскими городами и Любеком велась оживленная переписка, в ходе которой города высказались за съезд с русскими, пойдя, таким образом, навстречу желанию русского правительства.⁶¹

17 января 1497 г. в Новгород и Москву был отправлен Гартлеф Пеперзак (шестое посольство магистра), возвратившийся в Венден 11 апреля. Во время пребывания его в России были освобождены посол Ревеля Готшалк Реммелипкроде и все ганзейские купцы, за исключением четырех ревельских купцов; освобожденные вместе с Пеперзаком прибыли в Ливонию.⁶² В ответе великого князя, переданном Пеперзаку, указывалось, что ганзейцы были освобождены ради просьб и челобитья магистра и ради великого князя Литовского, вновь просившего за ганзейцев; что касается четырех ревельских купцов, то они будут освобождены только после выдачи великому князю «злодеев», виновных в том, что в Ревеле людей великого князя сжигали, варили в котлах, а иным отрубали руки. В ответе Ивана III указывалось также, что он приказал новгородским наместникам собраться с немцами на съезд в срок, который должен предложить магистр. Хотя в ответе Ивана III Пеперзаку, как и в ответе послу Александра, подчеркивается роль ходатайства последнего в освобождении ганзейцев,⁶³ в действительности просьба великого князя Литовского вряд ли имела решающее значение (ведь он просил за ганзейцев и раньше, но безуспешно). С. Фегезак считает, что освобождение ганзейцев было связано с осложнением внешнеполитического положения России, вызванным обострением русско-татарских отношений; отсюда стремление России урегулировать отношения на Западе (не случайно одновременно с освобождением ганзейцев имело место заключение при посредничестве того же Александра перемирия со Швейцарией).⁶⁴ Признавая убедительность этого объяснения, мы полагаем, что в решении Ивана III сыграло роль также согласие ганзейских городов на съезд и непосредственные переговоры с русскими, которых желало русское правительство. В ответ на это согласие Иван III повел навстречу желаниям ганзейцев об освобождении задержанных купцов.

В конце мая 1497 г. в Вендене по предложению магистра состоялся съезд ливонских городов, на котором рассматривался

⁶⁰ Письма ганзейских купцов в Новгороде ливонскому магистру и Любеку от 26 сентября 1496 г.: HR3, Bd. III, № 704, 705.

⁶¹ Переписка магистра, ливонских городов и Любека от октября 1496 г.—января 1497 г.: HR3, Bd. III, № 707—712, 771—775.

⁶² Ведомость расходов магистра на посольства к великому князю Московскому (от конца 1497 или начала 1498 г.): LUB2, Bd. I, № 630; письмо ливонского магистра великому князю от 9 мая 1497 г.: там же, № 526.

⁶³ Ответ великого князя Московского послу магистра: LUB2, Bd. I, № 507; посольские речи великого князя Литовского Александра великому князю Московскому Ивану III и ответ великого князя Московского литовскому послу от марта 1497 г.: АЗР, т. I, № 143; LUB2, Bd. II, № 835.

⁶⁴ Vegesack S. Die Gesandtschaften Wolter von Plettenbergs an den Grossfürsten von Moskau in den J. 1494—1497.

вопрос о новом посольстве магистра в Россию с целью достижения окончательной договоренности о съезде с русскими. Было решено договориться с русскими о съезде в Нарве 2 февраля 1498 г. Ливонские города и магистр обратились с письмами к вендским городам, в которых просили их прислать на съезд больших полномочных послов.⁶⁵ Учитывая важность для судьбы русско-ганзейских отношений предстоящего съезда с русскими, ливонские города хотели создать единый фронт ганзейских городов.

Но и в этот критический момент со всей силой проявились отсутствие единства в Ганзейском союзе и забота отдельных групп городов о своих собственных интересах. Так, в ответ на информацию Любека Кельн, Бремен, Данциг и другие ганзейские города отказались послать своих послов на съезд, передав полномочия для этого Любеку.⁶⁶ Не встретило одобрения со стороны городов и предложение Любека ввести в случае неудачи съезда с русскими общий запрет торговли с новгородцами, псковичами и москвичами. Данциг в письме к Любеку писал, что в крайнем случае он согласен запретить своим купцам поездки в Новгород и торговлю с русскими в Ливонии, но он не намерен чинить препятствия русским купцам, приезжающим в Литву, Польшу или Пруссию. Мотивы, которые руководили при этом городами Восточного Поморья, хорошо показаны в письме Торна Данцигу: Торн опасался, что в случае запрета торговли русские к большому убытку городов будут искать другие дороги для торговли — из Вильны или Варшавы в Бреславль, Лейпциг, Нюрнберг или Франкфурт-на-Майне, а может быть, и дальше в Венецию.⁶⁷

Переписка Данцига и Торна интересна не только потому, что она ярко рисует позицию городов Восточного Поморья, заинтересованных в сохранении торговли с Россией. Эта переписка представляет для нас большой интерес и в силу того, что она позволяет в какой-то мере судить о степени развития торговли русских купцов за границей. Если ганзейские города Восточного Поморья соглашались на запрет поездок в Новгород и торговли своих купцов с русскими в Ливонии при условии разрешения торговли русских купцов в Польше, Литве и Пруссии, то это означает, что приезд русских купцов компенсировал бы в какой-то мере запрет ганзейским купцам поездок в Новгород и что, следовательно, торговля русских купцов в названных странах была значительной. Показательны также опасения городов Восточного Поморья, что запрет приезда русских купцов приведет к развитию

⁶⁵ Репес съезда ливонских городов в Вендене от 23—26 мая 1497 г. и письма ливонских городов от 26 мая и магистра от 28 мая 1497 г. вендским городам: AR, Bd. III, № 7; HR3, Bd. IV, № 3—4. Нижненемецкое «*derlike... sendeboden*» мы передаем как «большие... послы», поскольку этот термин встречается в русских источниках того времени.

⁶⁶ Переписка ганзейских городов от июля—ноября 1497 г.: HR3, Bd. IV, № 31—33, 36, 38—41.

⁶⁷ Письмо Данцига Любеку от 15 ноября 1497 г.: HR3, Bd. IV, № 40; письмо Торна Данцигу от 8 ноября 1497 г.: там же, № 39.

их поездок через Литву и Польшу в Центральную Германию и, может быть, дальше, в Италию. Поморские города опасались, что русские купцы будут пользоваться новым, сложившимся в конце XV в. сухопутным торговым путем, связывавшим (через Литву и Польшу) Россию с Центральной Германией в обход традиционных путей ганзейской торговли.⁶⁸ Эти опасения были, возможно, преувеличенными, но они, как и все содержание переписки Данцига и Торна, свидетельствуют об интенсивности заграничной торговли русского купечества.

Пока ганзейские города вели между собою переписку по поводу предстоящего съезда с русскими и его возможных последствий, магистр отправил в Россию свое седьмое посольство. Посол магистра Гартлеф Пеперзак 9 июня выехал в Новгород и возвратился 16 октября.⁶⁹ В Новгороде он вел переговоры с новгородскими наместниками — князьями Даниилом Александровичем и Семепом Романовичем. Наместники передали Пеперзаку согласие великого князя на съезд в Нарве; по поводу же задержанных ревельцев подтвердили, что они будут освобождены только после выдачи «злодеев», виновных в казнях русских в Ревеле.⁷⁰ Посольство Пеперзака летом—осенью 1497 г. было последним до Нарвского съезда 1498 г. посольством магистра, имевшим целью урегулировать русско-ганзейский конфликт.

Материалы посольств магистра и связанная с ними документация интересны уже потому, что являются единственным источником, освещающим, хотя и очень скудно, позицию русского правительства в ближайшие после закрытия ганзейского двора годы. Для нее характерны два момента: 1) требование выдачи «злодеев», виновных в насилиях над русскими и казнях русских в Ревеле, 2) стремление к непосредственным переговорам с ганзейскими городами.

Требование выдачи «злодеев», несколько раз сформулированное в ответах великого князя и новгородских наместников послам магистра, подтверждает, на наш взгляд, правильность высказанного выше предположения о том, что закрытие ганзейского двора в Новгороде, последовавшее в ответ на казни русских в Ревеле, означало объективно отказ правительства Ивана III признавать юрисдикцию, действовавшую в сфере русско-ганзейских и русско-ливонских отношений; недаром под «злодеями» подразумевались в первую очередь ревельские судьи, вынесшие на основе этой

⁶⁸ Маловист М. Основные черты развития материковых путей международной торговли между Балтийским морем и Карпатами в XV и в первой половине XVI в. — V Международный конгресс экономической истории, Ленинград, 10—14 августа 1970 г. [М., 1970], с. 6—7.

⁶⁹ Ведомость расходов магистра на посольства к великому князю Московскому (от конца 1497 или начала 1498 г.): LUB2, Bd. I, № 630; письмо ливонского магистра Ревелю от 16 октября 1497 г.: там же, № 603.

⁷⁰ Ответ новгородских наместников послу ливонского магистра около 10 сентября 1497 г.: LUB2, Bd. I, № 585.

юрисдикции приговоры русским, виновным в уголовных преступлениях.

Но наряду с категорическим требованием «выдачи злодеев» русское правительство неоднократно выражало, как это уже отмечено, желание вступить в переговоры с ганзейскими городами об урегулировании конфликта. В конце 1494 г. или начале 1495 г. новгородский наместник предлагал рату Ревеля устроить съезд на границе.⁷¹ Летом 1495 г. в ответ на посольство представителя Дерпта Эльфирикгузена Иван III дал охранную грамоту для посольства городов. Послам магистра представителя великого князя неоднократно передавали, как мы указывали, его желание о съезде с представителями ганзейских городов. Эти шаги русского правительства, как и постепенное смягчение положения задержанных ганзейских купцов, а потом и освобождение их, свидетельствуют, как нам кажется, о том, что русское правительство отнюдь не собиралось уничтожать навсегда торговлю ганзейцев в Новгороде: на закрытие ганзейского двора оно смотрело как на временную меру, рассчитанную на достижение определенных целей. В качестве такой цели источники называют выдачу «злодеев» — требование, осуществление которого должно было повлечь (таков логический вывод) изменение традиционной юрисдикции. Но вряд ли мы ошибемся, если предположим, что названным требованием программа русского правительства не ограничивалась. Подтверждение этому предположению дают материалы русско-ганзейских переговоров в Нарве в феврале 1498 г., о которых речь пойдет далее.

Главной целью, которую ставили перед собой ганзейские города в возникшем русско-ганзейском конфликте, являлось, как это показывают рассмотренные материалы, освобождение арестованных купцов и возвращение конфискованных товаров. По-видимому, на первых порах города надеялись добиться этой цели при помощи посредников, без прямых переговоров с русским правительством. Что города не желали вступать в непосредственные переговоры с русскими властями, доказываются фактами: на предложение новгородских наместников о съезде рат Ревеля в начале 1497 г. ответил отказом;⁷² охранная грамота, данная Иваном III летом 1495 г. для посольства ганзейских городов, не была реализована. Очевидно, города избегали переговоров с русскими, опасаясь, что в ходе их может встать вопрос о дальнейшем пересмотре основ русско-ганзейских отношений (в частности, в вопросах юрисдикции), и лишь под влиянием настойчивости, проявленной русским правительством, они согласились в конце концов на съезд.

Готовясь к съезду, города выработали свою платформу, которая изложена в инструкции рата Любека его послам на съезд

⁷¹ Письмо Ревеля новгородскому наместнику от 25 февраля 1495 г.: HR3, Bd. III, № 474.

⁷² HR3, Bd. III, № 474.

в Нарве (инструкция датирована 15 декабря 1497 г.). Центральное место в инструкции занимали пункты 13, 14, 16, 28, касающиеся четырех ревельских купцов, задержанных в Новгороде, и конфискованных у ганзейцев товаров. Эти пункты гласили: «послам стоять» на том, что немецкие купцы с товарами были задержаны в Новгороде вопреки справедливости и крестоцелования; если русские хотят покончить с конфликтом, то прежде всего надо рассмотреть вопрос о конфискованных товарах и четырех задержанных ревельцах; если что-то из товаров пропало, то пропавшее надлежит оплатить; если великий князь товары и задержанных ревельцев не захочет освободить, а потребует сначала выдачи ревельских судей, которые судили его подданных, то на это возразить, что если должно быть так, что подданных великого князя, которые в ливонских городах совершают преступления, подлежащие суду, следует заключать в оковы и отсылать в Новгород, чтобы их там судили по своему обычаю, как они (русские) хотят, то русские по отношению к немцам, которые в их стране совершают преступления, должны поступать так же. Специальные пункты инструкции (21—22) были посвящены вопросу о нововведениях в Новгороде в торговле солью и медом: послам предписывалось в случае, если русские будут настаивать на взвешивании соли и меда, на это не соглашаться и требовать, чтобы торговля солью и медом велась «по старине». В ряде пунктов рассматривался вопрос о торговом мореплавании русских: пункт 20 гласил, что если русские, ссылаясь на Нибуров мир,⁷³ будут говорить, что они должны иметь «чистый путь» на Готланд, отвечать им, что Готланд принадлежит теперь датскому королю, а где это зависит от городов, там русские могут иметь «чистый путь»; в пункте 23 говорилось, что если русские захотят в Любек или другие заморские города плавать со своими товарами, чего не подобает делать, то отвечать, что по этому вопросу нет никакого приказа от городов и что поступать следует «по старине».⁷⁴

Если попытаться охарактеризовать программу Ганзы на основе изложенных пунктов наказа послам Любека, то ее можно сформулировать в виде следующих трех положений: 1) требование освобождения всех ганзейских купцов и возвращения конфискованных у них товаров; 2) стремление к восстановлению привилегий ганзейцев в Новгороде в сфере торговли; 3) нежелание содействовать развитию русского торгового мореплавания. Иными словами, целью ганзейцев являлось восстановление и сохранение столь излюбленной ими «старины».

Единственно, в чем они, казалось, готовы были поступиться «старинной», так это в вопросах юрисдикции. 28-й пункт инструкции гласил, как мы уже указывали, что на требование русских о выдаче ревельских судей ганзейским послам следует возра-

⁷³ См. главу II.

⁷⁴ Инструкция любекским послам от 15 декабря 1497 г.: LUB2, Bd. I, № 623, § 13, 14, 16, 20—23, 28.

жать, что если будет так, что русских, виновных в уголовных преступлениях в Ливонии, надлежит отправлять на родину для предания суду, то так же нужно поступать и с ганзейцами, виновными в уголовных преступлениях в русских городах. Из содержания этого пункта явствует прежде всего, что ганзейцы очень хорошо понимали объективный смысл русского требования о выдаче «злодеев», который заключался, как мы подчеркивали, в отказе русского правительства признавать существующую юрисдикцию и в желании (таков логический вывод) ее изменить. Высказывали ли представители великого князя во время переговоров с послами магистра конкретные требования о таком изменении, мы не знаем. Но бесспорно, что ганзейцы такие требования ожидали. Как свидетельствует 28-й пункт инструкции, они ожидали, что русские власти пожелают изменения юрисдикции по образцу, существовавшему в сфере отношений между Ригой и Полоцком со времени заключения Копысского договора 1406 г. По условиям этого договора полочане, совершившие уголовные проступки в Риге, отправлялись рижскими властями для суда в Полоцк; таким же образом поступали полоцкие власти в отношении рижан.⁷⁵ Из 28-го пункта рассматриваемой инструкции любекским послам следует на первый взгляд, что ганзейцы готовы были согласиться с введением аналогичного порядка и в сфере новгородско-ганзейских отношений. Но эта готовность была кажущейся. Думается, что, предписывая своим послам сделать во время съезда акцент на обсуждении вопроса о новых принципах юрисдикции, Любек надеялся таким путем уклониться от прямого ответа на требование русского правительства о выдаче ревельских судей, виновных в казнях русских. Истинная же позиция ганзейских городов в вопросе о юрисдикции изложена, как нам кажется, в уже упоминавшемся письме Ревеля Любеку от 18 августа 1496 г., в котором Ревель, касаясь вопроса о смертных приговорах русским, подчеркивал, что ревельские власти действовали согласно крестоцелованию, которое гласит, что «их (русских, — *Н. К.*) следует судить по нашему праву, как наших».⁷⁶ Таким образом, Ревель отстаивал справедливость и законность существующей юрисдикции. Из этих же принципов исходили, как это мы увидим далее, ганзейские послы на Нарвском съезде 1498 г.

РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В НАРВЕ В 1498 Г.

Основным источником, освещающим русско-ганзейские переговоры 1498 г. в Нарве, является отчет ганзейского посольства. Отчет сообщает о прибытии послов, «жа-

⁷⁵ Хорошкевич А. Л. Договоры Полоцка 1405—1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики. Археограф. ежегодник за 1962 г. М., 1963, с. 81—82.

⁷⁶ HR3, Bd. III, № 699.

лобах» русских (так названо заявление русского правительства по вопросу о русско-ганзейских отношениях), ответе на них ганзейских послов, «жалобах» 73 ганзейских городов. Дополнением к отчету служат сохранившиеся в виде отдельного документа ответ ревелских послов на обвинения, предъявленные русскими Ревелю, а также известия любекской хроники Реймара Кока и псковской летописи о съезде в Нарве.

В состав ганзейского посольства входили: от Любека — его синдик, доктор Матеус Пакебуш и ратманы Тидемайн Берк и Гиприк Витте; от Ревеля — бургомистры Иоганн Ротердт и Иоганн Коллерт и ратманы Маркворт Бретольт и Иоганн Геллинкгузен, от Дерпта — ратманы Н. Фикенгузен и Томас Шрове, от Риги — два незазванных поименно бургомистра. Участниками русского посольства от Пскова были князь Александр Владимирович, оба посадника и по два боярина от каждого конца; кто представлял Новгород, неизвестно, но, учитывая состав псковских послов, надо полагать, что от Новгорода в посольство входили великокняжеские наместники. В съезде принимали участие также послы магистра — комтуры Феллина и Ревеля и фогты Везенберга и Нарвы, которые выступали в качестве посредников. Послы начали съезжаться в Нарву 2 февраля, переговоры начались 9 февраля.⁷⁷

В первый же день переговоров русские послы предъявили ганзейскому посольству в устной и письменной форме «жалобы» своей стороны. «Жалобы» русских начинаются с указания на то, что Рига, Дерпт, Ревель и 70 других (ганзейских) городов состоят в мире и крестоцеловании с отчиной великого князя Великим Новгородом, также с отчиной великого князя Великим Новгородом находятся в мире и крестоцеловании магистр, Ливония, Рига, Дерпт, Ревель, Нарва и другие (ливонские) города. Таким образом, текст заявления русского правительства на съезде с ганзейскими послами начинался со ссылки на существование мирных договоров не только с Ганзой, но и с Ливонией. Эта ссылка не была случайной, она находилась, как мы постараемся показать далее, в связи с целями, которые ставило русское правительство в начавшихся переговорах. За ссылкой на русско-ганзейский и русско-ливонский договоры в «жалобах» следует краткое изложение конфликта. Указывается, что вопреки миру и крестоцелованию в Риге, Дерпте, Ревеле и других городах совершали насилия в отношении церковей греческой веры и разоряли русские концы, а также творили насилия над кушцами великого князя (многих убивали, отрубали у них руки, вырывали бороды и т. д.). И особенно много насилий творили в Ревеле, где людей варили в котлах, не позволяли русским освятить их церковь, жить в доме при церкви и ставить там печь; сверх всего, в Ре-

⁷⁷ Из хроники Реймара Кока: LUB2, Bd. I, № 646; отчет ганзейского посольства: там же, № 647, с. 476—477; AR, Bd. III, № 9; ПЛ, с. 82.

веле сожгли купца великого князя. В ответ на эти насилия наместники великого князя приказали арестовать немецких купцов и товары их опечатать; посол Готшалк Реммелинкрوده был арестован потому, что он из Ревеля, где подданным великого князя причиняли наибольшее зло. Но так как магистр неоднократно «просил за задержанных», великий князь приказал ради магистра освободить Готшалка и купцов. В заключительной части «жалоб» излагались мероприятия, проведение которых должно было, с точки зрения русского правительства, способствовать ликвидации конфликта: «Вы должны божьи церкви нашей греческой веры и русские концы в ливонских городах, в Риге, Дерпте и Ревеле и в других городах держать чисто (reune holden) по крестоцелованию и не чинить насилий (nicht vorweldigen). И что из церквей взято, должны вы возвратить и села церквей очистить (reunigen), и церковь в Ревеле позволить освятить и поставить печь в горнице (in de dorpitzen) и в ней жить. И выдать злодеев (de qwaden), которые в Риге, Дерпте, Ревеле, Нарве и других ливонских городах людей великого князя сжигали и в котлах варили и убивали и отрубали [у них] руки... И когда вы во всех этих делах сначала исправу дадите и выдадите злодеев, тогда мы вашим людям во всех делах исправу дадим и четырех ревельцев, которые еще задержаны в Новгороде, освободим с товаром».⁷⁸

Таким образом, урегулирование русско-ганзейского конфликта русское правительство связывало с принятием немецкой стороной некоторых предварительных условий. Одно из них касалось положения русских церквей и русских концов в ливонских городах, другое — выдачи «злодеев», виновных в насилиях над русскими в ливонских городах, и оказания «исправы» — удовлетворения пострадавших от этих насилий.

Мы уже видели, что на протяжении всего конфликта русское правительство выдвигало требование о выдаче «злодеев», виновных в казнях русских в Ревеле. Во время нарвских переговоров требование о выдаче «злодеев» было предъявлено в распырительной форме: в «жалобах» русских речь шла о выдаче «злодеев», виновных в насилиях над русскими в Ревеле, Риге, Дерпте, Нарве и других ливонских городах. В чем заключались эти насилия и кого русское правительство зачисляло в категорию «злодеев», наглядно показывают ответ ганзейских послов на «жалобы» русских и ответ послов Ревеля на обвинения, предъявленные Ревелю. Из ответов, в которых немецкие представители детально разбирали обвинения, предъявленные русскими, следует, что русское правительство квалифицировало как насилия не только случаи побоев, драк, членовредительства, но и приговоры русским в Ревеле, вынесенные на основе норм русско-ганзейских и русско-ливонских договоров, соответственно в ка-

⁷⁸ LUB2, Bd. I, № 647, S. 477—478.

тегорию «злодеев» оно зачисляло как зачинщиков драк и побоев, так и ревельских судей.⁷⁹ Таким образом, материалы нарвских переговоров особенно наглядно показывают, что требование выдачи «злодеев» означало de facto отказ русского правительства признавать законность традиционной юрисдикции.

Но давая наиболее яркую иллюстрацию для характеристики негативной позиции русского правительства в этом вопросе, материалы нарвских переговоров не отражают его позитивных намерений. А между тем разобранный нами инструкция любекским послам на съезд в Нарве свидетельствует о том, что ганзейцы ожидали постановки русским правительством вопроса об изменении принятой юрисдикции. Однако никаких упоминаний о такой постановке на самом съезде нет. Наиболее вероятное объяснение этому заключается, как нам кажется, в том, что русское правительство своей первоочередной задачей в начавшихся переговорах считало достижение согласия на выдачу «злодеев» и оказание «исправы», а вопрос о новых принципах юрисдикции собиралось ставить на последующих этапах переговоров. Поскольку договоренности о выдаче «злодеев» достигнуть, как об этом мы еще будем говорить, не удалось, постольку и связанный с нею вопрос о новых принципах юрисдикции поставлен не был.

Второй пункт программы русского правительства, выдвинутый на съезде в Нарве, касался, как уже отмечалось, положения русских церквей и русских концов в ливонских городах. В общей форме этот пункт был сформулирован как требование русские церкви и концы «держатъ чисто» (reune holden) и «не чинить насилій» (nicht vorweldigen).

Существование русских церквей в конце XV в. документально засвидетельствовано для трех крупнейших центров Ливонии — Риги, Ревеля и Дерпта.⁸⁰ Русская церковь св. Николая в Риге, впервые упоминаемая в источниках в 1312 г.,⁸¹ в конце XV в. находилась вне сферы непосредственного влияния Русского государства. Во время переговоров в Нарве на обвинения со стороны русских послов в насилиях над русскими церквями в Ливонии представители Риги ответили, что в их городе нет никаких церквей москвичей, новгородцев и псковичей, но есть церковь полочан, витеблян и смолян и что полоцкий епископ по обычаю присылает сюда свои церковные власти (synen kerckhern).⁸²

⁷⁹ Там же, с. 479—480, № 648.

⁸⁰ П. Йоханзен упоминает о русских церквях в Риге, Дерпте, Ревеле, Вендене и Феллине (Johansen P. Die Kaufmannskirche, [Wisby]. 1963, S. 98). Однако в литературе, на которую он ссылается (Benninghoven F. Rigas Entstehung und der Frühhansische Kaufmann, Hamburg, 1961, S. 59—60; Hansen G. v. Die Kirchen und ehemaligen Klöster Revels. Reval, 1885, S. 37; Otto R. Zur Ortsbeschreibung und Entstehungsgeschichte von Burg und Stadt Dorpat. Dorpat, 1918, S. 12), указаний на русские церкви в Вендене и Феллине нет.

⁸¹ Stern C. Der Vorwand zum grossen Russenkriege 1558, S. 8.

⁸² Отчет о переговорах с русскими в Нарве: LUB2, Bd. I, № 647, с. 479.

Зависимость рижской русской церкви от полоцкой епархии, а также то обстоятельство, что она обслуживала купцов преимущественно из Полоцка, Витебска и Смоленска, объясняются давними торговыми сношениями Риги с русскими городами бассейна Западной Двины, входившими в рассматриваемое время в состав Великого княжества Литовского.

В Дерпте имелись две русские церкви — св. Николая и св. Георгия, впервые упомянутые в источниках в 1438 г.⁸³ В соответствии с торговыми связями Дерпта одна из них была церковью новгородцев, другая — псковичей.⁸⁴ При церквях находились помещения (*de woninge*), где жили попы и дьяконы. Русские церкви в Дерпте владели селами (см. с. 138). Русская церковь св. Николая в Ревеле, построенная около 1422 г. (до этого существовала другая русская церковь, упоминаемая в источниках с 1371 г.), была церковью новгородцев.⁸⁵ К церкви примыкал дом, находившийся под одной крышей с нею.

Выше, впервые касаясь вопроса о роли русских церквей в Ливонии, мы указывали, что русские церкви были прежде всего патрональными церквями русских купцов: в каждом из наиболее крупных центров Ливонии имелись церкви купцов того русского города (или русских городов), с которыми данный центр был связан тесными торговыми сношениями. Но церкви являлись не только местами отправления религиозного культа. Помещения при церквях использовались как склады товаров. Здесь же происходили всякого рода празднества и собрания. В условиях отсутствия в ливонских городах в XV в. специальных русских купеческих подворий, подобных немецкому двору в Новгороде, православные церкви в Ливонии играли для русских купцов роль объединяющих центров.

Добываясь во время нарвских переговоров принятия Ганзой обязательства «держатъ чисто» русские церкви в ливонских городах и «не чинить насилій», великокняжеское правительство

⁸³ Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор», с. 63.

⁸⁴ Вопрос о числе русских церквей в Дерпте в самом конце XV в. не ясен. Договором 1481 г. засвидетельствовано существование двух русских церквей — церкви св. Николая и церкви св. Георгия. В ответе же дерптских представителей, включенном в отчет ганзейских послов о переговорах в Парве в 1498 г., речь идет (если только не вкралась орфографическая ошибка) об одной церкви. А. Будилович полагает, что ко времени нарвских переговоров в Дерпте осталась (по каким-то неясным для нас причинам) одна русская церковь (Будилович А. О русском Юрьеве старого времени, в связи с житием священномученика Исидора и с ним сопострадавших 72 юрьевских мучеников. — В кн.: Сборник учено-литературного общества при Юрьевском университете, т. IV. Юрьев, 1901, с. 101—103). Автор же упоминавшегося нами новейшего исследования К. Штерп, касаясь переговоров 1498 г., все время пишет о «русских церквях» в Дерпте.

⁸⁵ Тийк Л. И. Старый Таллин. Автореф. канд. дисс. Тарту, 1958, с. 18—19.

стремилось обеспечить не только свободу отправления религиозного культа, но и неприкосновенность складских помещений, и свободное проявление тех форм жизни русского купечества, которые были связаны с церквями.

Помимо этого общего требования, великокняжеские послы предъявили ряд конкретных требований, касающихся русских церквей в Ливонии: взятое у церковей возвратить, церковные села «очистить», разрешить освятить церковь в Ревеле и поставить печь в доме при ней и жить в этом доме. Требование возвратить отнятое у церковей и «очистить» их села было вызвано, очевидно, имевшими место в ливонских городах случаями захвата имущества русских церковей. Возможно, что в связи с закрытием немецкого двора и немецкой церкви в Новгороде и нежеланием русских властей освободить арестованных в 1494 г. ревельских купцов городские власти Ревеля препятствовали освящению русской церкви св. Николая: этим и был обусловлен пункт русских требований об освящении этой церкви.

Любопытна полемика, разгоревшаяся во время переговоров в Нарве вокруг вопроса об устройстве печи в русской церкви. Впервые этот вопрос был поднят при переговорах, предшествовавших заключению русско-ливонского договора 1493 г., когда русские послы внесли предложение включить в договор пункт о постройке печи в русской церкви в Ревеле. Великий князь придавал этому пункту такое значение, что не соглашался заключать без него договор. Из-за упорного противодействия городских властей Ревеля этот пункт в договор с Ливонией 1493 г. внесен не был (см. с. 173). В 1498 г. в Нарве русские вновь поставили вопрос о постройке печи в своей церкви.

Странное на первый взгляд обстоятельство, почему такой, казалось бы, ничтожный вопрос, как постройка печи, служил предметом сложных дипломатических переговоров, убедительно разъясняется в статье И. Э. Клейнберга о русской купеческой организации в Ревеле. Когда строилась православная церковь, русские купцы приезжали в Ревель, очевидно, лишь на летнее время, поэтому они не нуждались в отапливаемом помещении. С развитием русской торговли в Ревеле русские купцы стали оставаться здесь на зиму, и для пользования церковью и находившимся с нею под одной крышей домом необходимой стала печь. Постройка печи сделала бы возможным использование дома при церкви не только для хранения товаров и для пиршеств, но и для жилья, как этого и требовали русские послы в Нарве. Реализация последнего требования освободила бы русских купцов от порой тяжелой для них необходимости снимать помещение у ревельских горожан и способствовала бы более тесному сплочению русской купеческой организации. Поэтому стремление великокняжеского правительства добиться постройки печи в ревельской церкви следует расценивать как один из эле-

ментов борьбы за создание более благоприятных условий для деятельности русских купцов в Ливонии.⁸⁶

Предъявленное ганзейскому посольству в Нарве требование русских «держать чисто» и «не чинить насилий» касалось не только русских церквей, но и русских концов в ливонских городах. Выше, рассматривая вопрос о Русском конце в Дерпте и анализируя, в частности, ответ представителей Дерпта во время нарвских переговоров 1498 г. на требования русских, касающиеся русских концов, мы установили, что Русский конец в Дерпте — это расположенная около русских церквей часть города, в которой издавна останавливались русские купцы, снимавшие здесь для себя помещения у местных горожан. Очевидно, в Риге и Ревеле русские купцы также арендовали помещения в кварталах близ русских церквей; вероятно, именно эти кварталы имело в виду русское правительство, ставя вопрос о «русских концах» в ливонских городах. Требуя русские концы «держать чисто» и «не чинить [им] насилий», великокняжеское правительство стремилось, по-видимому, получить гарантию в беспрепятственной аренде помещений русскими купцами, в сохранности купеческого и церковного имущества и в личной безопасности проживавших в русских концах русских купцов.

Вопрос о русских церквях и концах в ливонских городах, обсуждавшийся на съезде в Нарве в 1498 г., ставился во внешней политике Русского государства с 1463 г. Он нашел отражение в специальных статьях ряда русско-ливонских договоров второй половины XV в. Из сохранившихся договоров интересующая нас статья впервые встречается в договоре Новгорода и Пскова с Дерптским епископством 1474 г.; согласно этой статье, епископ и городские власти Дерпта брали на себя обязательство русские церкви и Русский конец в Юрьеве «держати чисто, по старыне, и по крестному целованию, и ни обидити». В 1481 г. статья о русских церквях и конце в Юрьеве была включена в договор Новгорода с Ливонским орденом, что означало распространение гарантии ее выполнения и на Орден. В договоре Новгорода с Орденом 1493 г. статья читается в новой редакции: «А церкви божьи русские в мистрове державе, и в арцыбискупово державе и в бискупных державах, где ни буди, и те церкви держати по старине, а их по обидоти».⁸⁷ Согласно новой редакции, Орден и епископы давали гарантию неприкосновенности русских церквей не только в Дерпте, но и в других ливонских городах. Не довольствуясь полученной от ливонских ландесгерров гарантией в отношении русских церквей в городах Ливонии и Русского конца в Дерпте, великокняжеское правительство стремилось получить ее и от Ганзы. В 1487 г. во время переговоров, предшествовав-

⁸⁶ Клейнберг И. Э. Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI вв., с. 241—257.

⁸⁷ ГВНП, с. 133; АЗР, т. I, № 75, с. 97; № 112, с. 132.

ших заключению договора с Ганзой, русские послы настаивали (правда, безрезультатно) на включении в договор 1487 г. статьи «О русском конце в Дерпте» (см. с. 185); в 1498 г. они добивались, как мы видели, гарантии Ганзы в неприкосновенности русских церквей и концов уже во всех ливонских городах. Таким образом, обязательства, полученные от ливонских ландесгерров в отношении русских церквей и концов в ливонских городах, великокняжеское правительство стремилось распространить и на Ганзу.

Что касается другого требования русской стороны на Нарвском съезде — о выдаче «злодеев», виновных в насилиях над русскими в ливонских городах, — то оно, впервые выдвинутое русским правительством после закрытия ганзейского двора в Новгороде, было предъявлено с самого начала не ливонским властям (хотя оно, казалось, относилось к Ливонии), а Ганзе.

Сделанные нами наблюдения показывают, что в конце XV в. русское правительство продолжало придерживаться проявившейся впервые во время русско-ганзейских переговоров 1487 г. тенденции в вопросах, касающихся пребывания и деятельности русских купцов в Ливонии, рассматривать Ливонию и Ганзу как единое целое и соответственно не делать различий между своей ливонской и ганзейской политикой. Эта тенденция объясняется, как мы указывали, двумя причинами: развитием русской торговли в Ливонии и двойным подчинением ливонских городов (и ливонским ландесгеррам, и Ганзейскому союзу). Оба обстоятельства побуждали русское правительство добиваться желаемых гарантий и от ливонских ландесгерров, и от Ганзы.

В свете этого вывода становится понятной и та ссылка на русско-ливонский и русско-ганзейский договоры, с которой начинается текст русских «жалоб», предъявленных на Нарвском съезде (см. с. 284). Делая эту ссылку, русское правительство как бы официально заявляло, что в вопросах русской торговли в Ливонии оно не собирается придерживаться различия между обязательствами ливонских властей и обязательствами Ганзейского союза, а нормы русско-ливонских договоров (касающихся, в частности, русских церквей и концов) считает обязательными и для Ганзы.

Позиция Ганзы на Нарвском съезде освещена в «жалобах» ганзейских городов, а также в ответах ганзейского посольства и представителей Ревеля на «жалобы» русских.

В «жалобах» 73 ганзейских городов указывается, что, вопреки существующему миру и крестоцелованию, «может быть, по наговору злых людей», великий князь Московский приказал арестовать в 1494 г. ганзейских послов и купцов с их товарами; четыре револьских купца еще не освобождены, а товары, конфискованные у ганзейцев, не возвращены; просьба четырех револьцев, освободить и купеческие товары возвратить, после чего следует во всех «обидных делах» «дать исправу с обеих сторон».⁸⁸ Таким

⁸⁸ LUB2, Bd. I, № 647, S. 481—482.

образом, предварительным условием ликвидации конфликта ганзейцы считали освобождение четырех ревелских купцов и возвращение конфискованных у ганзейцев товаров.

На требование русских о выдаче «злодеев», виновных в насилиях над русскими в ливонских городах, ганзейские представители ответили, что двое русских были казнены в Ревеле за свои преступления в соответствии с любекским правом; что касается других случаев насилий (побоев, драк и т. д.), то ганзейские послы либо стремились снять ответственность за них (виновные скрылись), либо отговаривались незнанием, так как имена пострадавших русских названы не были. Послы предлагали пострадавшим заявить о своих «обидях», тогда в городах, где это случилось, им будет дана «исправа».⁸⁹ Анализ ответов ганзейских послов показывает, что, согласно ганзейской точке зрения, суду местных властей должны были подлежать как немцы — обидчики русских купцов, так и русские купцы, совершавшие преступления на чужбине: и первые, и вторые должны были судиться по законам того города, где совершен проступок. Таким образом, ганзейские послы на Нарвском съезде придерживались той позиции, которая была выражена в упоминавшемся нами письме Ревеля Любеку от 18 августа 1496 г. и которая заключалась в отстаивании права средневекового города судить по своим законам — права, нашедшего отражение в нормах русско-ганзейских и русско-ливонских договоров.

На требование русских, касавшееся русских церквей и концов в ливонских городах, ганзейские представители дали уклончивый ответ: о церквях послы Риги сказали, как уже отмечено, что в их городе церквей москвичей, новгородцев и псковичей нет; послы Дерпта и Ревеля — что в их городах русские пользуются своими церквями «по старине»; по поводу постройки печи в русской церкви в Ревеле ганзейские послы заявили, что печи в ней никогда не было и это следует соблюдать согласно «старине». По вопросу о русских концах послы Дерпта сделали разъяснение: Русским концом в их городе называется район близ русских церквей, где русские арендуют помещения; послы же Риги и Ревеля сказали, что о русских концах в своих городах они ничего не знают⁹⁰ (возможно, что формальным основанием для отрицания наличия русских концов в Риге и Ревеле послужило отсутствие в этих городах закрепившихся названий «Русские концы» за кварталами, где останавливались русские купцы). По существу ответы ганзейских представителей означали отклонение русского требования к Ганзе дать гарантию в неприкосновенности русских церквей и концов в ливонских городах.

Для характеристики позиции Ганзы на Нарвском съезде чрезвычайно показательен ответ ганзейских послов на проанализиро-

⁸⁹ Там же, № 648, с. 480.

⁹⁰ Там же, № 647, с. 479.

ванную нами выше ссылку на русско-ганзейский и русско-ливонские договоры, с которой начинается текст «русских жалоб». Запись об этом ответе гласит, что на статью, касающуюся крестоцелования между наместниками великого князя в Новгороде и 73 городами, послы городов отвечали, что они признают крестоцеловальную грамоту, заключенную в Новгороде в 87 г. (имеется в виду русско-ганзейский договор 1487 г.), но крестоцелование и перемирие грамота, существующая между обеими странами (имеется в виду русско-ливонский договор 1493 г.), купечества не касается.⁹¹ Настаивая на разграничении между «делами страны» и «делами купца», ганзейские послы пытались, таким образом, подвести юридическое основание под нежелание Ганзы принимать на себя нормы русско-ливонских договоров, касавшиеся русских церквей и концов в ливонских городах. В основе этого нежелания лежало стремление не допустить дальнейшего развития самостоятельной заграничной торговли русского купечества, представлявшей угрозу для монополии Ганзы на посредническую торговлю между Россией и Западной Европой.

Столкновение русской программы, согласно которой предварительным условием ликвидации конфликта являлось принятие Ганзой новых обязательств, касавшихся деятельности и юридического положения русских купцов в Ливонии, и ганзейской, требовавшей безоговорочной выдачи конфискованных в Новгороде ганзейских товаров и четырех задержанных ревельцев и отставившей «старину», должно было привести к неудаче переговоров. О безрезультатности Нарвского съезда сообщают нам Хроника Реймара Кока (любекского хрониста) и Псковская летопись. Согласно хронике Реймара Кока, причина неудачи съезда заключалась в несправедливых требованиях русских. Псковская летопись, не останавливаясь на причинах неудачно закончившихся переговоров, лишь констатирует, что после двухнедельного съезда псковские представители вернулись в Псков, «не учиниша ни что же».⁹²

Анализ материалов Нарвского съезда и изложенной на нем программы русского правительства позволяет, как нам кажется, более точно ответить на вопрос о том, в каких целях русское правительство намеревалось использовать закрытие немецкого двора в Новгороде.

Мы уже отмечали, что закрытие немецкого двора было подготовлено недовольством русского правительства положением русских купцов в ливонских городах, непосредственным же толчком к решению Ивана III послужили казни двух русских в Ревеле, со всей остротой поставившие вопрос о юридическом статусе русского купечества в Ливонии. Стремление изменить этот статус,

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, № 646; III, с. 83.

скрывающееся de facto за требованием выдачи «злодеев», виновных в насилиях над русскими в ливонских городах, красной нитью проходит через переговоры русских властей с посольствами ливонского магистра об улаживании русско-ганзейского конфликта. На Нарвском съезде к этому требованию в качестве второго предварительного условия ликвидации конфликта было добавлено требование принятия на себя Ганзой обязательства русские церкви и концы в ливонских городах «держатъ чисто» и «не чинить насилий». Таким образом, закрытие немецкого двора русское правительство использовало как средство для создания более благоприятных условий пребывания и деятельности русских купцов в Ливонии. Эта цель, которую впервые по отношению к Ганзе русское правительство выдвинуло во время русско-ганзейских переговоров 1487 г. и которую оно ставило (объективно) в момент закрытия немецкого двора, ко времени Нарвского съезда приобрела четкий характер и была изложена в виде ряда конкретных требований, предъявленных Ганзейскому союзу.

РАЗРЫВ ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЙ МЕЖДУ
РОССИЕЙ И ГАНЗОЙ В СВЯЗИ С РУССКО-
ЛИВОНСКОЙ ВОЙНОЙ 1501—1503 ГГ.
И ВОПРОС ОБ ИХ ВОССТАНОВЛЕНИИ
В 1503—1509 ГГ.

Неудача русско-ганзейских переговоров 1498 г. совпала с обострением отношений между Россией, с одной стороны, и Великим княжеством Литовским и Ливонией — с другой. Брак Александра Казимировича с Еленой Ивановной не оправдал возлагавшихся на него надежд: Иван III не думал отказываться от политики воссоединения под своим скипетром русских земель, оказавшихся временно под властью литовских феодалов, Александр не принимал мер для прекращения политики угнетения православного населения, проводившейся в Великом княжестве Литовском. В этих условиях новое столкновение между Литвой и Москвой было неизбежным. Возрастающее напряжение в русско-литовских отношениях Плеттенберг стремился использовать для осуществления своей заветной мечты — нанесения удара по Русскому государству с целью его ослабления; Ливонский орден стал деятельно готовиться к войне.

И Александр, и Плеттенберг сделали попытку заручиться поддержкой Ганзейского союза: Плеттенберг просил Ганзу оказать Ордену помощь и прекратить торговлю с русскими,⁹³ Александр предложил Ганзе заключить союз о взаимопомощи, согласно ко-

⁹³ Письмо ливонского магистра Любеку от 3 февраля 1498 г.; инструкция Данцига своему послу на ганзейский съезд, май 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 650, 679.

тому Ганза должна была предоставить великому князю Литовскому помощь людьми и деньгами, а он в свою очередь брал обязательство в случае нападения с чьей-либо стороны (за исключением польского короля) на ганзейские города оказывать им необходимую помощь.⁹⁴

Однако ганзейские города, несмотря на неудачу нарвских переговоров, не проявили энтузиазма в отношении полученных предложений. Ганзейский съезд в Любеке (28 мая—15 июня 1498 г.), заслушав письмо магистра, принял решение торговлю с русскими в Ливонии в ближайшие годы не прекращать. По поводу же просьбы магистра о помощи послы вендских городов выразили в общей форме готовность не оставлять магистра без помощи; послы же других городов заявили, что они не имеют полномочий решать этот вопрос и должны запросить своих старейших, уклонившись, таким образом, от согласия на оказание помощи. Ответа ганзейских городов на предложение Александра заключить союз, с которым он прислал летом 1498 г. в Любек своего посла Юрия Шенке, мы не знаем, но очевидно, он был отрицательным, так как в своей переписке по поводу посольства великого князя Литовского Любек и ливонские города высказывались в том духе, что соглашаться на его предложение не следует.⁹⁵

Более сложным было положение ливонских городов в отношении военных планов Плеттенберга: находясь в зависимости от ландесгерров, они не имели возможности совсем избежать участия в военных приготовлениях Ордена, но стремились долю своего участия сделать как можно более умеренной. Так, когда на ландтаге в Валке 3—6 июля 1498 г. обсуждался (по требованию Плеттенберга) вопрос о введении в Ливонии налога на военные нужды, послы городов дали уклончивый ответ: они заявили, что предполагаемый налог противоречит привилегиям городов, что города и так обременены различными расходами, и лишь в самой общей форме обещали, что в случае необходимости города будут вести себя «достойно».⁹⁶

Несмотря на все стремление ливонских городов отмежеваться от военных планов Ордена, военные приготовления не могли их не коснуться. На ландтаге в Валке 3—6 июля 1498 г. было принято решение запретить продажу русским меди; на ландтаге 9—12 сентября 1499 г. вопрос о запрещении продажи русским военных материалов обсуждался еще детальнее: было решено запретить продажу не только оружия и военных материалов (пушек, панцирей, селитры, серы, меди и т. д.), но и всего, что может

⁹⁴ Письмо Любека Риге, Дерпту и Ревелю от 18 июля 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 700.

⁹⁵ Рецесс ганзейского съезда: LUB2, Bd. I, № 680, § 89—91, 244; переписка Любека и ливонских городов летом—осенью 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 700, 710—712, 716 (особенно № 700, 716).

⁹⁶ Рецесс ландтага в Валке от 3—6 июля: AR, Bd. III, Riga, 1909, № 10, § 7.

быть использовано для военных нужд (медных котлов, железной проволоки и т. д.).⁹⁷ Из переписки городов явствует, что в числе запрещенных товаров значилась и различного рода металлическая посуда.⁹⁸ Эти ограничения затрагивали, естественно, торговые интересы ливонских городов.

Военные приготовления Ордена не могли остаться незамеченными русским правительством. И это обстоятельство, очевидно, отразилось на судьбе задержанных в Новгороде ревельских купцов: летом 1498 г. они были отправлены вместе с частью ганзейских товаров в Москву.⁹⁹

Несмотря на ухудшение политической обстановки в Прибалтике в последние годы XV в., русско-ганзейская торговля продолжалась в Пскове, Ивангороде и ливонских городах. Она продолжалась, пока в 1501 г. не вспыхнула война между Ливонским орденом и Русским государством. В мае—июне 1501 г. был ратифицирован союзный договор между Ливонией и Литвой, а вскоре после этого в Дерпте были арестованы псковские купцы — 150 человек: товар их был конфискован, а купцы брошены в темницу.¹⁰⁰

Псковским послам дерптские власти объяснили свой поступок как ответную меру на ограбление русскими немецких церквей в Дерпте. Совершенно очевидно, что (даже если ограбление и имело место) такой массовый арест русских купцов был связан с решением Ливонии начать войну с Россией. Именно поэтому, несмотря на трехкратное посольство псковичей и дополнительное посольство новгородских наместников, дерптские власти не только не поини на улаживание конфликта, но задержали псковского и новгородского послов.¹⁰¹ Вслед за арестом псковских купцов в Дерпте начались военные действия и торговые сношения были разорваны.

Но, как это обычно бывало во время русско-ливонских войн, Ливонскому ордену не удалось добиться полного прекращения торговых связей между Россией и Западной Европой. Запрещенная торговля продолжалась и, как всегда, осуществлялась через Выборг и подвластную ему область.

Материалы, сообщающие о торговле с Россией через Выборг во время русско-ливонской войны 1501—1503 гг., примечательны

⁹⁷ Рецессы ландтагов: AR, Bd. III, № 10 § 7; № 12, § 63—65.

⁹⁸ Переписка ливонских городов от ноября—декабря 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 734, 741—742.

⁹⁹ Письмо Гартлефа Псперзака ливонскому магистру от 26 июня 1498 г.: LUB2, Bd. I, № 688.

¹⁰⁰ Псковская первая летопись не сообщает точной даты ареста в Дерпте псковских купцов в 1501 г., однако, судя по тому, что предшествующее известие датируется 14 апреля, а последующее — 1 августа (ПЛ, с. 84—85), арест произошел в промежутке между этими датами, скорее после ратификации литовско-ливонского договора магистром 21 июня 1501 г.

¹⁰¹ ПЛ, с. 184—185.

тем, что в качестве активных участников этой торговли они называют карельских крестьян. Осенью 1501 г. морская стража, высланная по приказу магистра, натолкнулась в устье Невы на флотилию судов, на которых карелы везли русским соль и другие товары. Карелы были арестованы и вместе с товарами доставлены в Ревель. При допросе они показали, что конфискованная у них соль в количестве 10 ластов (1 ласт = 125 пудам) была куплена у ревельцев. В завязавшей по этому поводу переписке наместник Выборга Эрик Турссон заявил свой протест по поводу задержания подданных шведского короля — крестьян — и напомнил, что когда шведы воевали с русскими (имеется в виду русско-шведская война 1495—1497 гг.), то никто из шведов не препятствовал ливонским купцам и крестьянам вести торговлю с русскими. Эрик Турссон выразил надежду, что ливонские власти так же будут поступать в отношении шведских подданных, и добавил, что он не может запретить своим крестьянам торговать с русскими.¹⁰²

В запрещенной торговле с русскими при посредничестве Выборга участвовали и ганзейские города: так, осенью 1502 г. ревельская морская стража задержала корабли с товарами, направлявшиеся из Риги и Данцига в Выборг.¹⁰³ Торговлю с русскими вели и ревельские купцы, хотя на Ревель (в силу его географического положения) был возложен надзор за соблюдением запрета: Эрик Турссон в письме к рату Ревеля от 4 апреля 1503 г., протестуя против репрессий ливонских властей в отношении шведских подданных, торговавших с русскими, указывал, что из Ревеля в 1502 г. было отправлено на Неву для русских более 2000 ластов соли.¹⁰⁴ О запрещенной торговле с русскими сообщает и ревельская хроника: в сохранившихся фрагментах хроники за 1501—1503 гг. излагается дело ревельца Ганса Мекинга, доставлявшего русским не только сукна, мед, соль, но товары, которые могли быть использованы для военных нужд — медь, серу, железную проволоку, селитру и т. д.; когда Мекингу предъявили обвинение в незаконной торговле, он заявил в свое оправдание, что в Ревеле на открытом рейде находится судно из Пруссии с 500 штуками красной кожи, предназначенной для русских, а в Выборге товаров, привезенных из Данцига и Любека, больше, чем их бывает в Нарве в мирное время.¹⁰⁵ Все эти данные свидетельствуют о том, что экономические интересы прибалтийских городов, жизненно

¹⁰² Письма Эрика Турссона, Ревеля 1501—1503 гг. и показания карел от 22 мая 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 178, 187, 207, 296, 327; см. также: К а з а к о в а Н. А. Малоизвестные источники о русско-прибалтийской торговле конца XV—начала XVI в. — В кн.: *Вспомогат. истор. дисциплины*, I. Л., 1968, с. 269—276.

¹⁰³ Письмо Германа Люббинка Данцигу от осени 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 395.

¹⁰⁴ LUB2, Bd. II, № 477.

¹⁰⁵ Nottbeck E. *Fragment einer Revaler Chronik. — Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands. . .*, Bd. IV, H. 1. Reval, 1887, S. 461—464.

заинтересованных в торговле с Россией, брали верх над военно-политическими соображениями. Несмотря на условия военного времени, запрещенная торговля с Россией продолжалась.

Осенью 1502 г., когда для Литвы и Ливонии окончательно обозначилась вся бесперспективность продолжения войны против Русского государства, ганзейские города стали обсуждать вопрос о возможности восстановления в связи с предстоящим русско-ливонским перемирием нормальных торговых сношений с Россией. В письме к магистру Любек просил его, чтобы в случае, если дело дойдет до соглашения с русскими, иметь в виду интересы купечества и вопрос о задержанных в Новгороде купцах и конфискованных товарах. Одновременно Любек обратился с просьбой к Ревелю принять все меры к тому, чтобы ганзейцы остались бы в России при старых обычаях, свободах и привилегиях.¹⁰⁶ Условием урегулирования отношений с русскими Ганза и на этот раз ставила сохранение привилегий ганзейского купечества. Однако ландтаг в Вольмаре, созванный в январе 1503 г. для рассмотрения условий мира с русскими, не желая, очевидно, осложнять предстоящие мирные переговоры вопросом о ганзейских привилегиях, ограничился лишь самым общим наказом послам магистра позаботиться о новгородской конторе, задержанных купцах и конфискованных товарах.¹⁰⁷ В инструкцию послам магистра к великому князю Московскому был включен также лишь лаконично сформулированный пункт о необходимости освобождения задержанных в Новгороде купцов.¹⁰⁸

Во время мирных переговоров между Ливонией и Русским государством, происходивших в Москве в марте—апреле 1503 г., представители великого князя на требование выдачи задержанных ревельских купцов отвечали, что последние задерживаются из-за насилий, которые творили над русскими в Ревеле, и если будет «дана управа» (имеется, очевидно, в виду компенсация пострадавшим и наказание виновных), то они будут освобождены; что касается конфискованных у ганзейцев товаров, то эти товары возврату не подлежат, так как после срыва переговоров в Нарве в 1498 г. они были распределены между русскими «жалобщиками» в виде компенсации за ущерб, причиненный им в ливонских городах. Русские представители требовали немедленной выдачи псковских купцов, задержанных в Дерпте. Под нажимом литовских послов, грозивших, что если ливонские послы не согласятся на выдачу русских купцов и сорвут переговоры, то литовцы обратятся с жалобой к папе, ливонские послы должны были согласиться с требованием русских: в грамоты о 6-летнем перемирии с Новгородом и Псковом были включены статьи об освобождении

¹⁰⁶ Письмо Любека Ревелю от 31 октября 1502 г.: LUB2, Bd. II, № 402.

¹⁰⁷ Речес ландтага в Вольмаре от 6—8 января 1503 г.: AR, Bd. III, № 21, § 47.

¹⁰⁸ Инструкция послам магистра к великому князю Московскому: LUB2, Bd. II, № 436, § 17.

псковских и новгородских купцов, задержанных в Ливонии.¹⁰⁹ Урегулирование же русско-ганзейского конфликта в целом было отложено до новых переговоров между Россией и Ганзой, в связи с чем ливонские послы получили от имени Ивана III охранную грамоту для ганзейского посольства.¹¹⁰ Таким образом, заключение перемирия с Ливонским орденом не привело к восстановлению русско-ганзейской торговли.

Это обстоятельство больно ударило по интересам ливонских городов, и после заключения русско-ливонского перемирия вопрос о восстановлении торговли с Россией становится центральным в политике городов. На ландтаге в Вольмаре, созванном в конце мая 1503 г., представители городов просили магистра постараться, чтобы торговля продолжалась «по старине», иначе заключенный мир для городов будет тяжелым; решено было, что вместе с послами магистра, которые должны были ехать в Новгород для утверждения перемирия, Дерпт и Ревель пошлют для урегулирования вопросов торговли своего представителя — молодого человека.¹¹¹ Но посольство не привело к желательным для городов результатам. В ответной грамоте новгородских наместников, князей Д. В. Щепи и В. В. Шуйского, указывалось, что торговля не может быть восстановлена, так как «справды в немец нет и они лжут»: согласно перемирию новгородские и псковские купцы, задержанные в Ливонии, должны были быть отпущены с товарами, а их отпустили «сухими головами, а товар их и грабеж им не отдали, ни управды ни в чем не учинили»; если ливонские власти и 73 города послам и купцам товар отдадут, церкви и русские концы «очистят» и пришлют бить челом о перемирии, то «мы тогда, посмотря по их исправленью и по их челобитью, да по государей наших царей русских вельню учиним о торгу, как будет пригоже».¹¹²

¹⁰⁹ Отчет ливонских послов о переговорах 1503 г., грамоты о 6-летнем перемирии между Ливонией и Новгородом и Псковом: LUB2, Bd. II, № 443, § 52—55, 74; Bd. III, № 925, S. 687; ГВНП, № 347, с. 333—334.

¹¹⁰ Охранная грамота Ивана III послам 73 городов от 2 апреля 1503 г.: LUB2, Bd. II, № 473.

¹¹¹ Рецесс ландтага от 28—31 мая 1503 г.: AR, Bd. III, № 23, § 19—20.

¹¹² Русские акты Ревельского городского архива. — РИБ, XV, СПб., 1894, № 5. — В РИБ грамота датируется 1510 г. Р. Кентманн относит ее к 1503 г. на том основании, что 1) только летом 1503 г. в Новгород ездило совместное посольство магистра и городов, о котором говорится в грамоте; 2) в инструкции Ревеля послам в Новгород в 1504 г., передающей содержание ответа паместников посольству 1503 г., указывается, что паместники обвиняли немцев в том, что они «лгут», что совпадает с содержанием рассматриваемой грамоты (Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt, S. 40, Anm. 147). К наблюдениям Р. Кентманн можно добавить еще одно: в ответной грамоте новгородских наместников указывается, что в перемирии, заключенном «летось» (в этом году), отсутствовали статьи о возобновлении торговли, что как раз соответствует содержанию перемирных грамот 1503 г.; в договоре же 1509 г. статьи о восстановлении русско-ливонской торговли были включены (см. с. 247—248).

Получив такой ответ от новгородских наместников, ливонские города пытались договориться с Псковом при посредничестве дерптского епископа: осенью 1503 г. епископ послал посольство в Псков, которое должно было вести переговоры и по вопросам торговли. Однако посольство дерптского епископа не дало для городов никаких результатов.¹¹³

Съезд ливонских городов в Вольмаре в феврале 1504 г., специально занимавшийся рассмотрением вопроса о русско-ганзейских отношениях, вынес решение отправить в Новгород к наместникам великого князя новое посольство.¹¹⁴ В инструкции послам Дерпта (Герту Буку) и Ревеля (Юргену Баде) предписывалось выразить наместникам Новгорода удивление, почему, несмотря на заключение перемирия, торговля запрещена, и просить великого князя, чтобы во время перемирия торговля велась бы в Дерпте и Нарве; что касается конфликта между великим князем и 73 городами, то инструкция предписывала послам не говорить о нем, а получить охранную грамоту для большого посольства (*merckliker hadescop*), которое будет вести соответствующие переговоры.¹¹⁵ Каков был ответ русских властей посольству Ревеля и Дерпта 1504 г., неизвестно, но Ревель в письме Любеку квалифицировал его как «оскорбительный».¹¹⁶ В 1505 г. ливонские города предприняли еще один шаг для того, чтобы добиться восстановления торговли с Россией, на этот раз с помощью магистра: по просьбе Ревеля и Дерпта ливонский магистр летом 1505 г. послал посла к новгородским наместникам с письмом, в котором просил их оказать содействие в восстановлении торговли в Дерпте и Нарве.¹¹⁷

Ответ русских властей посольству ливонского магистра 1505 г. известен по изложению его в письме магистра Ревелю от 27 июля 1505 г. и в письме папского комиссара в Ливонии Эбергарда Сцелле Любеку от 30 июня 1505 г. Эбергард Сцелле, характеризуя взаимоотношения между Ливонией и Россией, отмечает, что на все старания восстановить «по старине» торговлю между Ливонией и ганзейским купечеством, с одной стороны, и Россией — с другой, русские дали «оскорбительный и невыносимый» ответ: когда магистр, ливонские прелаты и 73 ганзейских города пошлют послов и согласятся оплатить весь причиненный ущерб, освободить пленных, дома и церкви греческой веры «очистить» и отстроить, попросят о пожаловании и будут бить челом, тогда рус-

¹¹³ Письма Дерпта Ревелю от 18 октября и 30 ноября 1503 г.: LUB2, Bd. II, № 564, 583.

¹¹⁴ Рецесс съезда от 4—10 февраля 1504 г.: AR, Bd. III, № 25, § 55—56.

¹¹⁵ Проект инструкции Дерпта и инструкция Ревеля от февраля 1504 г.: LUB2, Bd. II, № 619, 624; письмо посла Ревеля от 10 марта 1504 г.: там же, № 629.

¹¹⁶ Письмо Ревеля Любеку от 4 мая 1504 г.: LUB2, Bd. II, № 643.

¹¹⁷ Переписка ливонских городов с магистром от февраля—апреля 1505 г. и письмо магистра новгородским наместникам от июня 1505 г.: LUB2, Bd. II, № 729, 738, 745, 753; Bd. III, № 934.

ские подумают, хорошо ли торговлю продолжать «по старине».¹¹⁸ Плеттенберг в письме Ревелю сообщал, что его посольство, посланное в Новгород, должно было ожидать там ответа от великого князя, и этот ответ гласил следующее: после того как будут оплачены все товары (очевидно, захваченные у русских), и «дана управа по всем обидным делам», и Ливония откажется от союза с польским королем, следует послать послов в отчину великого князя Московского в Великий Новгород бить челом, чтобы торговля была бы разрешена. Магистр, как и папский комиссар, расценил ответ русского правительства как проявление высокомерия со стороны русских.¹¹⁹

Анализ документов, связанных с посольствами ливонских городов и магистра в Россию в 1503—1505 гг., позволяет четко уяснить позиции сторон. Ливонские города, жизненно заинтересованные в торговле с Россией, стремились добиться частичного восстановления торговли — в Дерпте и Нарве, откладывая урегулирование русско-ганзейского конфликта до отправки «большого» ганзейского посольства. Но так как срок посольства не был определен и с организацией его ганзейские города, по-видимому, не спешили (во всяком случае охранная грамота, данная Иваном III для ганзейского посольства 2 апреля 1503 г., реализована не была), то позицию ливонских городов можно охарактеризовать как стремление возобновить торговые отношения с Россией, пусть с локальным ограничением их, но зато без пересмотра традиционных основ русско-ганзейских отношений.

Русское правительство, не соглашаясь на частичное восстановление торговли, вопрос о ее восстановлении связывало с вопросом об урегулировании русско-ганзейского конфликта в целом. Условиями такого урегулирования оно считало, как это следует из ответа новгородских наместников 1503 г. и ответа великого князя 1505 г., оказание «исправы» русским, пострадавшим в ливонских городах, и «очищение» русских церквей и концов в тех же ливонских городах. Иными словами, вопрос о ликвидации русско-ганзейского конфликта, следовательно и об открытии немецкого двора в Новгороде, русское правительство ставило в зависимость от согласия Ганзы взять на себя обязательства, которые должны были способствовать созданию более благоприятных условий для деятельности русских купцов в Ливонии. В этом отношении цели, которыми руководствовалось русское правительство в рассматриваемое время, являлись повторением программы, изложенной русскими представителями на Нарвском съезде 1498 г. и направленной на пересмотр существовавших норм русско-ганзейских отношений.

По сравнению с программой 1498 г. позиция русского правительства в 1503—1505 гг. имела два отличия. Во-первых, в ответе

¹¹⁸ LUB2, Bd. II, № 784, S. 610.

¹¹⁹ Там же, № 796.

новгородских наместников 1503 г. и ответе великого князя 1505 г. отсутствовало требование о выдаче «злодеев» (под ними, как мы помним, подразумевались в первую очередь ревельские судьи), виновных в насилиях над русскими в ливонских городах. В этой связи отметим, что три ревельских купца (четвертый купец умер), которые задерживались в России с 1494 г. и освобождение которых ставилось в зависимость от выдачи «злодеев», были освобождены в конце 1505 г.¹²⁰ Этот факт показывает, что отсутствие в ответах русских властей 1503 и 1505 гг. требования выдать «злодеев» не было случайностью: совершенно очевидно, что к этому времени русское правительство отказалось от своего требования, убедившись, по-видимому, в его переальности. Но отказ русского правительства от требования выдать «злодеев» не означал, как мы постараемся показать далее, отказа от стремления добиться изменения юрисдикции, действовавшей в сфере русско-ливонских и русско-ганзейских отношений.

Во-вторых, в ответе великого князя послу магистра летом 1505 г. было требование об отказе Ливонии от союза с Литвой, которое впервые было высказано в грамоте Ивана III от 19 июня 1505 г. императору Максимилиану, приславшему в Москву посла с просьбой освободить ливонцев, захваченных в плен во время русско-ливонской войны. В грамоте Максимилиану Иван III в качестве предварительного условия освобождения пленных ливонцев выдвинул требование об отказе Ливонии от союза с Литвой.¹²¹ В ответе посольству ливонского магистра летом 1505 г. это требование Иван III распространил и на сферу русско-ганзейских отношений, поставив в зависимость от его выполнения восстановление русско-немецкой торговли. Таким образом, в качестве одной из важнейших задач своей ливонской и ганзейской политики русское правительство выдвинуло в 1505 г. задачу расторжения ливонско-литовского союза. При той ситуации, которая существовала в сфере русско-литовских отношений, такая целеустремленность русского правительства была понятна: правительство Литвы смотрело на переход к России Северной Украины, Гомеля, Брянска и других городов (согласно перемирию 1503 г.) как на отторжение принадлежавших Литве земель, русское же правительство стремилось добиться возвращения России и других русских земель, находившихся еще под властью Литвы. Неизбежность новой войны с Литвой была очевидной, и для великокняжеского правительства было крайне важно обеспечить нейтралитет Ливонии,¹²² для чего использовались, как мы видели, и политические, и экономические рычаги.

Плеттенберг считал требования Ивана III, изложенные в его ответе послу Ордена летом 1505 г., неприемлемыми и расценил

¹²⁰ LUB2, Bd. III, S. 37, Anm. 2.

¹²¹ ПДСДР, т. I, с. 133—135.

¹²² Подробнее об этом см. с. 243—247.

ответ, как мы уже отмечали, как проявление высокомерия со стороны русских. Очевидно, такой же была и реакция ливонских городов.

При констатации твердого нежелания русского правительства соглашаться на частичное восстановление торговли, предлагаемое в 1505 г. ливонскими городами, встает вопрос: что позволяло ему проявлять такую твердость? Ведь, казалось бы, разрыв русско-ганзейских торговых отношений, от которого так страдали ливонские города, не мог быть безразличным и для России? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к материалам, освещающим торговлю, совершавшуюся «по обходным путям».

Прежде всего это была, как всегда, торговля через Выборг, через который западноевропейские товары поступали в Россию, а русские — на Запад, в частности в ганзейские города. Помимо торговли через Выборг, после заключения русско-литовского перемирия оживились торговые сношения с Великим княжеством Литовским и через его территорию:¹²³ в письмах ливонских городов, относящихся к первым годам перемирия, содержатся постоянные жалобы на то, что запрещенная торговля совершается по «обходным путям» через Выборг и Литву. Ливонские города особенно подчеркивали, что в то время как постановлениями ландтагов строжайше запрещалось продавать русским товары, которые могли бы быть использованы в военных целях, эти товары (медь, олово, проволока, металлическая посуда и т. д.) поступали в Россию через Выборг и Литву.¹²⁴ Через Польшу — Литву ввозилось в Россию и серебро,¹²⁵ в котором русское правительство нуждалось для чеканки монет и которое тогда занимало значительное место в ганзейском импорте в Россию. Возможно, что серебро, ввозившееся в Россию через Польшу — Литву в первые годы XVI в. во время разрыва торговых отношений с Ганзой, поступало из Центральной Европы.¹²⁶ В ответ на жалобы ливонских городов на развитие торговли через Выборг и Литву Любек и вендские города принимали в 1503 и 1505 гг. постановления о строгом соблюдении рецессов ганзейских съездов 1447 и 1470 гг.,

¹²³ Материал о торговле русских купцов в Великом княжестве Литовском см. в статье А. Л. Хорошкевич «Россия и мировые торговые пути конца XV в.» (Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972).

¹²⁴ Письма Ревеля Любеку от августа—сентября 1503 г.: LUB2, Bd. II, № 529, 534; письмо Ревеля ливонскому магистру от 31 декабря 1504 г.: там же, № 702.

¹²⁵ Съезд ганзейских городов в Любеке в мае—июне 1507 г. принял решение просить польского короля не разрешать провоз серебра в Россию через свои земли; о том же просил короля в июле 1507 г. Данциг (рецесс съезда: LUB2, Bd. III, № 194, § 150—151; письмо Данцига: там же, № 228).

¹²⁶ Ср.: Маловист М. Основные черты развития материковых путей международной торговли между Балтийским морем и Карпатами в XV и в первой половине XVI в., с. 6—7.

специально направленных против нарушений запретов торговли.¹²⁷ Но эти постановления выполнялись спустя рукава.

Наряду с активизацией в связи с разрывом русско-ганзейских отношений русско-шведской и русско-ливонской торговли более интенсивными становятся и торговые сношения между Россией и Данией. Дания, бывшая во вражде с Ганзой, по-видимому, в значительных размерах поставляла военные материалы России. Так, известно, что в 1507 г. король Дании Иоанн отправил в Россию корабль с 30 ластами военного снаряжения (медь, олово, свинец, ядра и порох для пушек, а также формы для отливки орудий); на корабле находились и 4 пушечных мастера из Шотландии, имевшие опыт в отливке орудий.¹²⁸ Известие об отправке этого корабля интересно не только для характеристики русско-датских связей начала XVI в., но и как наиболее раннее сообщение о поездке в Россию специалистов из Шотландии, которых Иоанн Датский завербовал, очевидно в силу дружественных отношений, существовавших между Данией и Шотландией, скрепленных родственными связями датского и шотландского королевских домов.¹²⁹

Центром русско-скандинавской торговли в первое десятилетие XVI в. стал Ивангород. Ревель в 1505 г. писал Любеку, что датчане, шведы, странствующие купцы и пользующиеся обходными путями по желанию великого князя посещают Ивангород и что если они будут там продолжать торговлю, то это приведет Ревель к гибели. Вопрос о торговле в Ивангороде купцов «чужих наций» и неганзейцев обсуждался на съезде ливонских городов в Ваве в 1506 г.; съезд отметил, что эта торговля совершается во вред Дерпту и Ревелю. В 1507 г. Нарва писала Ревелю, что шведские купцы на русской стороне ведут нехристианскую торговлю с русскими и шведский корабль находится у русского берега; если шведы пробудут здесь все лето, то это не принесет добра стране (Ливонии).¹³⁰ Все эти известия свидетельствуют о быстром росте в первые годы XVI в. торгового значения Ивангорода, который в силу своего приморского положения охотно посещался скандинавскими купцами.

Торговые сношения со скандинавскими странами в начале XVI в. приняли такой интенсивный характер, что в правительственных кругах Москвы обсуждался даже одно время проект передачи немецкого двора в Новгороде шведам: наместник Выборга Эрик Турссон в письме шведскому государственному совету

¹²⁷ Письмо вендских городов ливонским городам от 7 ноября 1503 г.; рецесс съезда вендских городов от 11 февраля 1505 г.: LUB2, Bd. II, № 571; HR3, Bd. V, № 43, § 12.

¹²⁸ Письмо Сванте Нильссона Стуре Данцигу от 10 апреля 1508 г.: HR3, Bd. V, № 363.

¹²⁹ Подробнее см.: Казакова Н. А. Раннее известие о связях России и Шотландии. — Вопросы истории, 1970, № 7, с. 197—198.

¹³⁰ Письмо Ревеля от 8 мая: LUB2, Bd. II, № 758; рецесс съезда: AR, Bd. III, № 30, § 17; письмо Нарвы от 19 марта: LUB2, Bd. III, № 169.

от 11 января 1508 г. писал, что великий князь по поводу немецкого двора готов дать добрый ответ и русские власти обещают предоставить шведам свободный проезд в Новгород и обратно.¹³¹

Своеобразную роль в торговле России с Западом в начале XVI в. играло село Норовское. Впервые упомянутое в переписной оброчной книге Шелонской пятины 1498 г., село Норовское было довольно значительным: оно насчитывало 62 двора. Будучи расположено в устье Наровы при впадении в нее р. Россоны, село Норовское являлось своего рода морскими воротами России. Его жители занимались не только рыболовством и земледелием, но держали постоянные дворы для торговых гостей и, встречая купеческие караваны, служили для них лоцманами, вводили иностранные и русские суда в Нарову и выводили их на воды Балтики.¹³²

Развитию русско-скандинавской и русско-литовской торговли в начале XVI в. способствовала торговая политика России. Стремясь к упрочению международных экономических связей, русское правительство принимало меры к установлению и расширению непосредственных торговых контактов с европейскими странами, минуя посредничество Ганзы. Этой цели отвечали статьи русско-литовских договоров 1503 и 1508 гг., создававшие благоприятные условия для торговли между Россией и Литвой,¹³³ а также постоянно проявлявшаяся во время посольских сношений забота русского правительства об охране интересов русских купцов в Литве.¹³⁴ Развитию русско-западных экономических контактов, минуя посредничество Ганзы, содействовали и торговые статьи русско-датских договоров. Первый русско-датский договор, заключенный в 1493 г. между Иоанном Датским и Иваном III, представлял датским купцам в России и русским в Дании гарантии беспрепятственного проезда и торговли, защиты со стороны местных властей и справедливого суда. В связи с восшествием на престол Василия III в 1506 г. был заключен новый русско-датский договор, повторявший условия договора 1493 г. Торговые статьи русско-датских договоров, как видно из приведенных материалов, успешно реализовывались.¹³⁵

Приведенные данные о русско-скандинавской и русско-литовской торговле начала XVI в. позволяют, как нам кажется, сделать вывод о том, что благодаря этой торговле Россия сохраняла экономические связи с Западной Европой и имела возможность

¹³¹ LUB2, Bd. III, № 307.

¹³² Косточкин В. В. Русские военно-оборонительные сооружения XVI века в устье реки Наровы.— В кн.: Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, 52. М., 1953, с. 25—26.

¹³³ Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, с. 401; АЗР, т. II, № 43, с. 55—56.

¹³⁴ Хорошкевич А. Л. Россия и мировые торговые пути конца XV в., с. 37.

¹³⁵ Подробнее см.: Казакова Н. А. Русско-датские торговые отношения в конце XV—начале XVI в.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 89—104.

компенсировать в какой-то мере ущерб, наносимый ее экономике разрывом русско-ганзейских отношений. И в этом следует, на наш взгляд, искать одну из причин твердой позиции русского правительства в затянувшемся конфликте с Ганзой.¹³⁶

Ганзейские города, не сумев достигнуть с правительством Ивана III договоренности ни о восстановлении торговли в полном объеме на старых основаниях, ни о частичном восстановлении ее в Дерпте и Нарве, стали возлагать надежды на переход московского престола к новому великому князю. В феврале 1505 г. фогт Нарвы писал магистру, что, по донесениям некоего шпиона, после смерти старого великого князя престол должен перейти к его сыну Василию, но что русские больше склоняются к внуку великого князя, находящемуся в заточении; поэтому возможно, что в России вспыхнет междоусобица. В переписке ливонских городов конца 1505—начала 1506 г. все время подчеркивается необходимость получения достоверных сведений о том, как решится вопрос о престолонаследии и к кому — к Василию или Дмитрию — перешло великое княжение.¹³⁷ Любек в письме к Данцигу от 22 февраля 1506 г. на основе сведений, полученных из Ливонии, выражал надежду, что после смерти великого князя, может быть, удастся найти средство восстановить новгородскую контору.¹³⁸ Подробно вопрос о внутреннем положении России и возможных в связи с этим перспективах для Ганзы обсуждался на ганзейском съезде в Любеке 21 мая — 23 июня 1506 г. На съезде было зачитано письмо Дерпта, в котором сообщалось, что после смерти великого князя можно ожидать разделения страны и вражды между его сыном Василием и внуком Дмитрием, благодаря чему удалось бы, быть может, получить разрешение на посещение новгородской конторы; но о внуке великого князя нет никаких известий, поэтому следует опасаться, что вся власть останется в руках Василия, сына великого князя.¹³⁹

Приведенные документы чрезвычайно интересны, они показывают, как внимательно ганзейские города следили за событиями в России и как интуитивно правильно оценивали их значение для развития русско-ганзейских отношений: междоусобная борьба привела бы к ослаблению внешнеполитического положения России и сделала бы возможной восстановление прежних позиций Ганзы; централизация означала, как это, по видимому, понимали ганзейские города, продолжение политики

¹³⁶ Подтверждение высказанной точке зрения имеется в рефессе ганзейского съезда в Любеке в мае—июне 1507 г., вынесшем решение просить великого князя Литовского и ливонского магистра запретить провоз серебра через свои владения в Россию, указывалось, что ввоз серебра в Россию является одной из причин неуступчивости русских (LUB2, Bd. III, № 194).

¹³⁷ LUB2, Bd. II, № 722, 833; Bd. III, № 4.

¹³⁸ HR3, Bd. V, № 73.

¹³⁹ LUB2, Bd. III, № 53, § 120—124.

противодействия монополии Ганзы на посредническую торговлю между Россией и Западом (не случайно Дерпт в своем письме подчеркивал, что следует опасаться сосредоточения власти в России в одних руках).

Надежды ганзейских городов на внутренние раздоры в России оказались тщетными. Убедившись в этом, города решили обратиться к новому великому князю. На съезде ливонских городов в Пернау в феврале 1507 г. от имени 73 ганзейских городов было составлено письмо к Василию III с просьбой возвратить ганзейцам товары, которые были конфискованы при его отце.¹⁴⁰ 28 марта посол городов Ганс Рихардес передал письмо наместнику Ивангорода для пересылки в Москву великому князю.¹⁴¹ Василий III в ответной грамоте от 8 апреля писал, что предыдущие ганзейские посольства на просьбу о возвращении конфискованных товаров получали отрицательный ответ, потому что магистр, епископы и вся Ливония, а также 73 ганзейских города вступили в союз с Литвой и нанесли большой ущерб землям Новгорода и Пскова; великий князь требовал, чтобы этот союз был расторгнут, ущерб возмещен, и тогда города могут послать посольство к новгородским наместникам для переговоров о мире.¹⁴² В грамоте Василия III ничего не говорится об «очищении» русских церквей и концов в ливонских городах и других требованиях, направленных на создание благоприятных условий для развития русской торговли в Ливонии, о чем речь шла на Нарвском съезде 1498 г. и в ответах русских властей посольствам ливонского магистра и городов в 1503—1505 гг. В грамоте Василия III ганзейским городам предъявляется лишь одно требование — отказаться от союза с Литвой. Думается, что это обстоятельство не означало отступления правительства Василия III от политики содействия развитию русской торговли в Ливонии. Просто на какой-то момент эта задача отошла на задний план по сравнению с другим насущным требованием: обеспечить в канун войны с Литвой (военные действия начались в 1507 г.) нейтралитет Ливонии и Ганзы и изолировать Литву. В этой связи отметим, что хотя Ганза не являлась подобно Ливонии союзницей Литвы, но основания опасаться возникновения такого союза были: великий князь Литовский Александр еще в 1498 г. обращался к Любеку с предложением заключить литовско-ганзейский союз (см. с. 293), Сигизмунд, великий князь Литовский и польский король, в 1507 г. вновь выразил готовность вступить в союз с Ганзой против России.¹⁴³ И правитель-

¹⁴⁰ Рецесс съезда городов и письмо великому князю: AR, Bd. III, № 33, § 12—13; HR3, Bd. V, № 157.

¹⁴¹ Письмо Ганса Рихардеса Ревелю от 31 марта 1507 г.: LUB2, Bd. III, № 172.

¹⁴² Грамота Василия III ганзейским городам: HR3, Bd. V, № 162, App. 1.

¹⁴³ Письмо Сигизмунда Данцигу от 26 августа 1507 г.: HR3, Bd. V, № 285.

ство Василия III использовало все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы не допустить создания этого союза. Реакция ганзейских городов на грамоту Василия III неизвестна. Но поскольку в источниках нет никаких сведений об организации городами в соответствии с предложением Василия III посольства к новгородским наместникам, постольку мы вправе предположить, что требование Василия III о принятии обязательства в отношении Литвы города принять не согласились.

Хотя одной из причин, позволявшей русскому правительству проводить последовательную твердую политику в отношении Ганзы, являлось, как мы уже указывали, развитие торговли по «обходным путям», через скандинавские страны и Литву, тем не менее эта торговля не могла полностью компенсировать прерванные традиционные связи с ганзейскими городами, в первую очередь с ливонскими. Потребность в налаживании торговых отношений привела к тому, что, несмотря на продолжавшийся официально запрет торговли, строгость его с обеих сторон была постепенно смягчена и с 1506—1507 гг. русско-немецкая торговля в Нарве и Дерпте была возобновлена «явочным порядком». В ливонских и ганзейских источниках, относящихся к этим и последующим годам, о русско-немецкой торговле в Дерпте и Нарве речь идет как об обычном явлении, ливонские города принимали лишь меры к тому, чтобы удерживать ее в старом русле и не позволять развиваться новым формам, в частности торговле в кредит, тенденция к чему имела место, видимо, в рассматриваемое время.¹⁴⁴

Естественно, что частичное возобновление торговли в Нарве и Дерпте не могло полностью удовлетворить ганзейские города, особенно ливонские, в экономике которых большую роль играла торговля с Россией. В связи с приближающимся окончанием шестилетнего перемирия между Ливонией и Россией и предстоящими переговорами о заключении русско-ливонского мира ганзейские города стали связывать с этими событиями возможность ликвидации русско-ганзейского конфликта.¹⁴⁵ Однако результаты русско-ливонских переговоров 1509 г. не оправдали возлагавшихся на них городами надежд. Когда послы магистра поставили вопрос о необходимости возвращения конфискованных у ганзейцев товаров, то получили ответ великого князя, гласивший, что конфискованные товары не принадлежали ливонцам, поэтому у ливонских послов нет права для переговоров по данному вопросу; послов для переговоров должны были прислать города.¹⁴⁶ Правительство Василия III последовательно придер-

¹⁴⁴ Рецессы съездов ливонских городов в Ваве от 4 мая 1506 г. и в Пернау от 21—24 февраля 1507 г., переписка Ревеля и Нарвы от 1508 г.: AR, Bd. III, № 30, §9—10, 21—22, № 33, § 26; LUB2, Bd. III, № 301, 376.

¹⁴⁵ Переписка ганзейских городов от 1508 г. и рецесс съезда вендских городов от 7 февраля 1509 г. в Любеке: LUB2, Bd. III, № 475, 495, 521, 541.

¹⁴⁶ Письмо ливонского магистра Ревелю от 22 мая 1509 г.: LUB2, Bd. III, № 617.

живалось установки, сформулированной еще при Иване III о том, что ликвидация русско-ганзейского конфликта могла быть достигнута только путем переговоров с ганзейскими городами.

В результате русско-ливонских переговоров 1509 г. были заключены три договора: между Ливонией и Новгородом, между Ливонией и Псковом и Дерптским епископством.

Как мы уже указывали, во всех трех договорах большое место занимали статьи, касавшиеся торговли. Проведенный выше анализ этих статей показал, что основной целью их являлось подтверждение и дальнейшее расширение благоприятных условий для торговли русских купцов в Ливонии. К названным статьям по своей направленности примыкали и статьи, обязывавшие ливонских ландесгерров русские церкви и концы в ливонских городах «держатъ чисто» и «не обидеть». Вместе с тем русско-ливонские договоры 1509 г. вводили важное ограничение ввоза соли в Новгородскую и псковскую земли. Введение этого запрета было продиктовано соображениями протекционистского характера.

Исключительное значение имели также разделы договоров, посвященные вопросам юрисдикции и судопроизводства. Они вводили новые нормы судопроизводства по гражданским и уголовным делам. В случае тяжб между русскими и немцами, иски по которым не превышали 10 руб., ответчики (новгородцы в ливонских городах и немцы в Новгороде) должны были судиться по месту возникновения тяжбы местными властями; если же иск превышал 10 руб., то ответчик должен был доставляться на «вопчий остров» на Нарове (остров Кифгольм немецких источников) и судиться там смешанным судом, состоящим из представителей русской и немецкой сторон. Виновные в уголовных преступлениях во всех случаях подлежали смешанному суду на «вопчем острове». Устанавливалось также решение дел между новгородцами и немцами путем «роты» — клятвы, если суд при-
суждал к ней ответчика.¹⁴⁷

Статьи договоров 1509 г., касавшиеся юрисдикции и судопроизводства, отменяли действовавшее исстари в русско-ливонских и русско-ганзейских отношениях правило, согласно которому немцы в Новгородской земле и новгородцы в немецких городах по всем делам, как гражданским, так и уголовным, подлежали суду местных властей. Борьбу против этого правила русское правительство начало в 1494 г. закрытием немецкого двора в Новгороде, проведенным в ответ на казнь русских в Ревеле, совершенную на основе традиционной юрисдикции. Начатая русским правительством в 1494 г. борьба за пересмотр традиционной юрисдикции была продолжена, как мы помним, во время русско-

¹⁴⁷ Анализ русско-ливонских договоров 1509 г. см. в главе V.

ганзейского съезда в Нарве в 1498 г. и русско-ливонских мирных переговоров 1503 г. Завершена она была применительно к Ливонии в 1509 г. с заключением русско-ливонских договоров этого года. Новые нормы юрисдикции и судопроизводства были выгодны в первую очередь русской стороне, так как благодаря им русские купцы освобождались из-под действия чужого и часто более тяжелого, чем русское, права.

Русско-ливонские договоры 1509 г., заключенные ливонскими ландесгеррами без участия городов, вызвали со стороны последних резко отрицательную реакцию. Особенно возмущение городов вызвали статьи о соли и о суде. В письме магистру от 9 июня 1509 г. Ревель писал, что крестоцеловальные грамоты содержат многие тяжелые для купечества и городов статьи, но особенно невыносима статья о том, что города не имеют права судить по тяжбам, превышающим 10 руб.; благодаря этому города лишаются дарованных им императорами, королями, князьями и магистрами права и привилегии творить суд.¹⁴⁸ Редесс съезда ливонских городов в Вендене 22 июля 1509 г. по поводу статей о суде отметил, что русские настояли на большой несправедливости и что города желают, чтобы право суда соблюдалось «по старине»: каждая сторона должна судить у себя по своему праву; съезд подчеркнул также исключительную тяжесть для городов, особенно для Ревеля, статьи о соли. В связи с предстоящим приездом в Ливонию русских послов для утверждения мира съезд принял постановление просить магистра воздержаться от целования статей о суде и соли до прибытия посольства от заморских городов (имеется в виду посольство к великому князю от Ганзы). Города приняли решение также о том, что до посольства городов русские могут торговать только в Дерпте и Нарве и должны воздерживаться от посещений Риги и Ревеля; равным образом немецкие купцы и изучающие русский язык должны воздерживаться от посещения России.¹⁴⁹ О принятых решениях ливонские города сообщили Любеку.¹⁵⁰

Редесс съезда ливонских городов в Вендене в июле 1509 г. показывает, что города, пользуясь своим правом самоуправления, отказались признать договоры, заключенные ландесгеррами, в разделах, касающихся городов — вопросах торговли и юрисдикции. Более того, вопреки статьям договоров, разрешавшим ливонским купцам свободное посещение Новгорода и Пскова и торговлю в Новгороде на немецком дворе, а новгородским и псковским купцам — посещение всех ливонских городов, последние вынесли постановление о продолжении запрета поездок для ливонских купцов в Новгород и Псков и для новгородских и псковских купцов — в ливонские города, за исключением Дерпта

¹⁴⁸ LUB2, Bd. III, № 635.

¹⁴⁹ Редесс съезда: АН, Bd. III, № 47, §29, 34—35, 42, 54—57.

¹⁵⁰ Письмо ливонских городов Любеку от 26 июля 1509 г.: HR3, Bd. V, № 468.

и Нарвы. Совершенно очевидно, что принятые постановления представляли собой репрессивные меры, направленные против русских и имевшие целью заставить русское правительство отказаться от новых «невыносимых» для городов статей договоров.

Хотя по условиям договоров 1509 г. запрет, существовавший на торговлю с 1501 г. (со времени возникновения русско-ливонской войны), снимался и русско-ливонская торговля восстанавливалась, но в силу позиции, занятой ливонскими городами, это восстановление *de facto* не имело места. Русско-немецкая торговля велась только в Дерпте и Нарве, т. е. в тех городах, где она была восстановлена «явочным порядком» еще до заключения русско-ливонских договоров 1509 г.

РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1510 Г.

Свое желание вести переговоры об улаживании русско-ганзейского конфликта непосредственно с ганзейскими городами, высказанное посольствам ливонских городов в 1507 г. и магистра в начале 1509 г., Василий III повторил в ответе императору Максимилиану. Максимилиан по просьбе Любека и других ганзейских городов 19 февраля 1509 г. обратился к Василию III с грамотой, в которой писал, что отец Василия «наущением некоторых смущенных человек» во время мира «противу всякоа правды» приказал немецких купцов в Новгороде арестовать и товары у них отнять; Максимилиан просил товары возвратить и восстановить торговлю на прежних основаниях.¹⁵¹ В ответной грамоте от 9 августа 1509 г. Василий III указывал (имея в виду, очевидно, переписку между Максимилианом и Иваном III), что императору известно, по какой причине была прервана торговля с Ливонией и 73 городами. Но когда магистр и вся Ливония «добили... челом... за свою вину», великий князь их пожаловал и велел своим отчинам Новгороду и Пскову «взять» с Ливонией перемирие (речь идет о мире 1509 г.) и разрешить торговлю. И если Любек и 72 союзных с ним города пришлют к наместникам Новгорода и Пскова бить челом «по пригожу», то великий князь «посмотря по их челобитью и исправлению» ради императора велит своим наместникам «взять с ними перемирие» и разрешить торговлю.¹⁵² Таким образом, восстановление торговли с Ганзой Василий III ставил в зависимость от русско-ганзейских переговоров, во время которых ганзейцы должны были продемонстрировать «свое исправленье». На вопрос, что великий князь понимал под «исправленьем» ганзейских городов, мы попытаемся ответить далее.

Хотя ганзейские города со времени нарвских переговоров 1498 г. упорно не соглашались на неоднократные предложения

¹⁵¹ ПДСДР, т. I, стлб. 154—156.

¹⁵² Там же, стлб. 156—158.

русского правительства о переговорах, опасаясь, очевидно, постановки вопроса о нежелательном для них пересмотре основ русско-ганзейских отношений, в конце концов они должны были уступить: в результате переписки между городами и обсуждения на съездах во второй половине 1509 г. вопрос об организации посольства в Россию был решен.¹⁵³

В состав посольства вошли секретарь рата Любека Иоганн Роде, ревельские ратманы Иоганн Фиандт и Антониус Верне, секретарь Дерпта Матиас Леммке и ратманы Иоганн Радемани и Эверт Непштеде. От посольства сохранился ряд документов: инструкция послам, обращение городов к великому князю и отчет Иоганна Роде, включающий также текст русского проекта договора с Ганзой. Эти документы подробно освещают ход русско-ганзейских переговоров и дают четкое представление о целях, которых добивалась каждая сторона.

Позиция ганзейских городов излагается в инструкции послам. Инструкция начинается с пункта, предписывавшего требовать возвращения конфискованных у ганзейцев товаров.¹⁵⁴ Специальные пункты вменяли в обязанность послам добиться заключения особого мира между купечеством и русскими;¹⁵⁵ этими пунктами города подчеркивали свое желание отмежеваться от русско-ливонских договоров 1509 г. и от попыток распространения их норм на сферу русско-ганзейских отношений. Ту же цель преследовал и пункт о том, чтобы торговля солью велась «по старине» (по договорам 1509 г. ввоз соли в Россию запрещался). На статьи о суде, которых в прежних крестоцелованиях не было (имеются в виду статьи договоров 1509 г.), послам поручалось отвечать «с божьей помощью».¹⁵⁶ Неоднократно подчеркивалось, что мир следует заключить «по старине» и купцов в Новгороде держать также «по старине».¹⁵⁷ Присоединением Пскова к Русскому государству, которое произошло в начале 1510 г., был обусловлен пункт инструкции о том, что договор, заключенный между Дерптским епископством и Псковом, должен соблюдаться и что в соответствии с договором должна быть разрешена торговля на немецком берегу в Пскове.¹⁵⁸ Основной мотив инструкции заключался в стремлении сохранить «старину» и нормы прежних русско-ганзейских договоров без изменений.

Вооруженное этой инструкцией, посольство ганзейских городов выехало 17 февраля 1510 г. из Нарвы и 21-го прибыло

¹⁵³ Переписка ливонских и ганзейских городов от второй половины 1509 г.: LUB2, Bd. III, № 680, 716, 717, 720, 729, 732, 753, 765; реперс съезда вендских городов в Любеке от октября 1509 г.: HR3, Bd. V, № 483, § 25—35; охранная грамота Василия III ганзейскому посольству от 20 октября 1509 г.: LUB2, Bd. III, № 706.

¹⁵⁴ LUB2, Bd. III, № 770, § 4, см. также § 14, 15.

¹⁵⁵ Там же, § 3—4.

¹⁵⁶ Там же, § 5, 9, 17.

¹⁵⁷ Там же, § 4, 13.

¹⁵⁸ Там же, § 6.

в Новгород, куда несколько часов спустя приехал из Пскова великий князь. 24 февраля он дал послам первую аудиенцию, во время которой Иоганн Роде зачитал обращение городов.¹⁵⁹ В обращении после приветствия великому князю излагалась обычная в ливонских и ганзейских источниках версия русско-ганзейского конфликта, согласно которой великий князь по наущению «злых людей», вопреки договорам, правам и привилегиям купечества, арестовал ганзейских купцов и отобрал у них товар, и выражалась надежда (с ссылками на грамоту Василия III императору), что великий князь товар возвратит и даст купечеству «обычный мир» (eunen gewontliken frede).¹⁶⁰ После зачитания обращения городов великий князь пригласил послов к обеду, а вечером прислал к ним на подворье подарки. 23 февраля послы имели вторичную аудиенцию у великого князя, после которой начались собственно переговоры с его советниками (redern).¹⁶¹

Советники передали послам ответ Василия III на обращение городов. По поводу требования Ганзы вернуть конфискованные товары Василий III велел передать, что его покойный отец, великий князь Иван Васильевич, писал городам, что купцы и их товары были задержаны из-за насилий, которым русские подвергались в ливонских городах, и из-за того, что в Ревеле двое русских были сварены и сожжены. Новгородские наместники посылали к ливонским городам, требуя от них «исправы». Но так как ливонские города ее не оказали, то русские поступили в соответствии с крестоцеловальной грамотой, гласившей, что если «за исправой обращались трижды и ее не дали, то могут сами ее взять» (имелись в виду статьи русско-ливонских договоров 1481 и 1493 гг.); поэтому товары немецких купцов были конфискованы, и это так и должно остаться. На второе пожелание ганзейских городов — заключить мир «по старине» — великий князь велел ответить, что если города дадут обещание не вступать в союз против его страны с королем польским, шведским или каким-нибудь другим, и «дадут исправу по всем обидным делам», и «очистят» русские церкви и концы в немецких городах, и о конфискованных товарах больше не будут говорить, то послы могут вести переговоры о мире «по старине». ¹⁶² Из ответа Василия III совершенно четко видно, что русское правительство: 1) отказывалось вести переговоры о конфискованных товарах, считая, что оно поступило в соответствии с нормами договоров (при этом нормы русско-ливонских договоров распространялись на сферу русско-ганзейских отношений); 2) заключение мира с ганзейскими городами оно связывало с принятием Ганзой ряда условий, важнейшим из которых являлось обяза-

¹⁵⁹ Отчет Иоганна Роде: LUB2, Bd. III, № 775, § 1—30.

¹⁶⁰ Там же, № 786а.

¹⁶¹ Там же, № 775, § 31—34.

¹⁶² Там же, § 35.

тельство не вступать в союз против России с другими государствами и «очистить» русские церкви и концы в немецких городах.

В ходе переговоров, происходивших 28 февраля и в последующие дни, ганзейские послы настаивали на возвращении или оплате конфискованных у ганзейцев товаров, но безрезультатно: советники великого князя повторяли аргументацию, приведенную в его ответе, с добавлением, что великий князь имеет обыкновение оставаться при своем мнении и что к этому вопросу нечего возвращаться.¹⁶³ Много стараний употребили послы, чтобы добиться сохранения «старинны» в торговле солью — права на ввоз ее в Россию; послы указывали, что соль — дар божий, что молодые люди учатся на ней торговле, что немецкая церковь и двор в Новгороде не могут быть в хорошем состоянии, если купец не сможет привозить всех товаров и т. д. На все эти доводы русские представители ответили, что к их господину «о соли» присылали государь польский, и татарский, и ливонский магистр, и шведский правитель и им всем было отказано, поэтому города также должны отказаться от ввоза соли; позицию великого князя русские представители мотивировали, как мы уже указывали, тем, что их господин властен предписывать своей стране что ему будет угодно и что он не желает чужой соли, так как имеет достаточно своей.¹⁶⁴ Таким образом, запрет на ввоз соли, введенный в отношении ряда государств, в том числе и Ливонии, русское правительство желало распространить и на Ганзейский союз.

2 марта после очередной аудиенции у великого князя послан от его имени был вручен проект русско-ганзейского договора сроком на 12 лет.¹⁶⁵ Русский проект 1510 г. существенно отличается от предшествовавших новгородско-ганзейских договоров. Необычно его введение, в котором на ганзейские города возлагается обязанность русские церкви и концы в немецких городах «очистить» и «впредь им вреда не чинить». В тексте проекта, помимо статей, содержащих обычную для всех новгородско-ганзейских договоров взаимную гарантию беспрепятственного пути, свободной торговли и личной безопасности для купцов обеих сторон, а также статей об ответственности за ограбление новгородцев на море и о дележе товаров, оставшихся после кораблекрушения, заимствованных из договора 1487 г., имеется ряд совершенно новых для русско-ганзейских договоров условий. Отметим важнейшие из них: 1) немецким купцам запрещались ввоз и торговля в Новгородской земле солью; 2) вводился новый порядок судопроизводства, по которому ограничивалась юрисдикция местных властей: их суду купцы-иноземцы (немецкие

¹⁶³ Там же, § 36—49.

¹⁶⁴ Там же, § 49—51.

¹⁶⁵ Там же, № 790.

в Новгороде и русские в немецких городах) подлежали только по гражданским делам, иски по которым не превышали 10 новгородских рублей; все остальные гражданские дела, а также все без исключения уголовные рассматривались совместным судом, состоявшим из русских и немецких представителей; вводилось также решение дел между новгородцами и немцами «ротою» — крестоделованием; 3) ганзейские города обязывались не оказывать помощи Польше, Литве, Швеции, а также ливонскому магистру в случае конфликтов с Россией. Сличение этих новых для формуляров русско-ганзейских договоров статей с соответствующими статьями русско-ливонских договоров 1509 г. показывает, что последние послужили источником интересующих нас статей. Отмеченное обстоятельство свидетельствует о том, что правительство Василия III продолжало и развивало установку правительства Ивана III (четко выжившуюся во время русско-ганзейских переговоров 1487 и 1498 гг.) рассматривать Ганзу и Ливонию как единое целое и не делать различия между своей ливонской и ганзейской политикой. Эта установка была обусловлена, как мы указывали, перенесением центра русско-ганзейской торговли из Новгорода в Ливонию и стремлением создать наиболее благоприятные условия для торговли русских купцов в ливонских городах.

По сравнению со статьями русско-ливонских договоров рассматриваемые нами статьи русского проекта договора с Ганзой 1510 г. имеют лишь два отличия. Одно из них встречается в статье о нейтралитете: по условиям русско-ливонских договоров 1509 г. ливонские ландесгерры давали обязательство не вступать в союз с Польшей—Литвой; по условиям русского проекта договора 1510 г. Ганза не должна была вступать в союз не только с Польшей—Литвой, но и со Швецией и с Ливонским орденом; правительство Василия III хотело обеспечить нейтралитет Ганзы в случае любых возможных конфликтов в Прибалтике. Второе отличие имеется в статье о русских церквях и концах: по условиям русско-ливонских договоров 1509 г. ливонские ландесгерры давали обязательство «держаться чисто» русские церкви и концы в ливонских городах, по условиям же проекта договора 1510 г. Ганза должна была дать аналогичное обязательство в отношении русских церквей и концов в немецких городах. Замена «ливонских городов» «немецкими городами» имела принципиальное значение. Правда, в начале XVI в. русские церкви и концы реально существовали только в ливонских городах. Однако, возлагая на Ганзу обязательство «держаться чисто» русские церкви и концы в немецких городах, русское правительство подчеркивало, что оно исходит из возможности появления русских церквей и концов и в собственно германских городах, что могло произойти в связи с дальнейшей активизацией заграничной торговли русского купечества. Таким образом, русский проект договора 1510 г. преследовал цель создания благоприятных усло-

вий для развития торговли русских купцов не только в Ливонии, но и на территории собственно Германии.

Очевидно, в приятии Ганзой всех рассмотренных нами новых для русско-ганзейских договоров условий и заключалось то «исправление» ганзейских городов, на которое указывал Василий III в своей грамоте Максимилиану как на предпосылку восстановления русско-ганзейского мира (см. с. 310).

Русский проект договора вызвал категорические возражения со стороны ганзейского посольства. По поводу статей, вводящих новые принципы судопроизводства, послы заявили, что принятие этих статей означает отказ городов от права суда, дарованного им панами, императорами и князьями, и что полномочий на это города послам не давали. Они заявили также, что не имеют полномочий на отказ от торговли солью, что требуется русской мирной грамотой; города не дали им полномочий и на отказ от требования возврата конфискованных ганзейских товаров, как того хотят русские. Охарактеризовав русский проект в целом как неприемлемый, послы отклонили его. Чтобы сгладить, очевидно, отрицательную реакцию великого князя, послы обещали русский проект договора передать городам для обсуждения и окончательного ответа. На этом переговоры закончились. 3 марта Василий III уехал из Новгорода в Москву, а 5 марта ганзейское посольство выехало в Нарву, куда прибыло 9 марта.¹⁶⁶

Русско-ганзейские переговоры 1510 г., как и переговоры 1498 г., потерпели неудачу из-за противоположности программ — русской, исходившей из необходимости серьезных изменений в сфере традиционных русско-ганзейских отношений, и ганзейской, отстаивавшей неизменность традиции.

НОВГОРОДСКО-ГАНЗЕЙСКИЙ ДОГОВОР 1514 Г.

На съезде вендских городов в Любеке 22 мая—4 июня 1510 г. Иоганн Роде, сообщая о результатах посольства в Россию, подчеркнул, что великий князь не хочет отдать ганзейцам их товар, разрешить ввоз соли в Россию, согласиться с правом суда городов по всем делам и, кроме того, требует, чтобы города не оказывали помощи Ливонии против русских; обо всем этом города должны подумать.¹⁶⁷ Подробно вопрос о взаимоотношениях Ганзы с Россией обсуждался на общеганзейском съезде в Любеке 16 июня—5 июля 1511 г. После отчета Иоганна Роде о посольстве и чтения русского проекта договора было решено, что города не могут его принять из-за товара, отнятого у ганзейцев, а также из-за имеющих в русском проекте пунктов, касающихся ввоза соли в Рос-

¹⁶⁶ Там же, № 775, § 52—55.

¹⁶⁷ Рецесс съезда: HR3, Bd. V, № 610, § 93.

сию и отказа в помощи Лифляндии. Было решено, чтобы Любек получил у императора письмо к великому князю с просьбой о восстановлении торговли и передал бы это письмо ливонским городам; на ливонские города съезд возложил дальнейшую пересылку письма и ведение переговоров с великим князем.¹⁶⁸

В соответствии с просьбой Любека император Максимилиан 12 октября 1511 г. обратился к Василию III с письмом, в котором напоминал великому князю, что тот в ответ на просьбу императора отдать ганзейцам их товар обещал пожаловать ганзейские города, если они пришлют посольство,¹⁶⁹ и указывал, что когда посольство прибыло к великому князю, то никакой милости с его стороны оно не встретило (император имел в виду посольство и переговоры 1510 г.). Максимилиан вновь просил великого князя отдать ганзейцам их товар и заключить с ними мир «по старине» о свободной торговле всеми товарами и особенно солью; при этом император повторял аргументацию ганзейцев: соль — дар божий, и от торговли ею зависит благополучие обеих сторон. В заключение император заверил великого князя в своей готовности сделать для него все возможное.¹⁷⁰

По неизвестным причинам Любек задержал пересылку ливонским городам письма императора великому князю. А между тем у ливонских городов, помимо купечества скандинавских стран и Литвы, успешно развивавших торговые связи с Россией, появился еще один соперник в лице Фуггеров — крупнейшего банковского и торгово-промышленного дома Южной Германии, стремившегося распространить свои операции на Ливонию и далее на Восток. Дерпт в письме Ревелю от 31 января 1514 г. писал, что Фуггеры и другие неганзейцы посылают товары в Нарву, торгуют с русскими и, возможно, сумеют овладеть немецким двором в Новгороде; Дерпт предлагал принять контрмеры, в частности запретить перевоз неганзейских товаров через Ригу.¹⁷¹ Вопрос о торговле Фуггеров дважды обсуждался на ландтагах в Вольмаре в июне 1512 г. и августе 1513 г. В рецессе последнего ландтага подчеркивалось, что Фуггеры приезжают в Ливонию со множеством товаров и их агенты проникают из Нарвы даже в Москву.¹⁷²

Возможно, что опасения перед перспективой окончательного перехода торговли с Россией в руки иноземного купечества побудили ливонские города (до получения письма императора) предпринять шаги для расширения торговых сношений с Россией. Собравшиеся на съезде городов в Вольмаре в марте 1512 г. послы Риги, Дерпта и Ревеля¹⁷³ обратились с письмом к Василию III, в котором писали, что до получения ответа 73 городов

¹⁶⁸ Рецесс съезда: HR3, Bd. VI, № 188, § 60.

¹⁶⁹ Имеется в виду грамота Василия III от 9 августа 1509 г. (см. с. 310).

¹⁷⁰ РГА, № 315.

¹⁷¹ HR3, Bd. VI, № 117.

¹⁷² Рецессы ландтагов: AR, Bd. III № 53, § 25; № 54, § 15.

¹⁷³ Рецесс съезда городов: AR, Bd. III, № 52.

на предложенный великим князем проект договора русские купцы могут спокойно, не опасаясь репрессий из-за конфискованных у ганзейцев товаров, торговать в ливонских городах.¹⁷⁴ Поскольку Дерпт и Нарву русские посещали и в предыдущие годы, постольку, очевидно, решение Вольмарского съезда городов касалось Риги и Ревеля, посещение которых русскими купцами оставалось запрещенным в знак протеста городов против касающихся торговли разделов русско-ливонских договоров 1509 г.

16 июня 1512 г. Ревель получил ответную грамоту новгородских наместников, в которой те писали, что если 73 города приплют в Новгород послов бить челом о перемирии, то «тогда будет торг на обе стороны доброволен безо всякие зацепки, по перемирным грамотам и по крестному целованью».¹⁷⁵ В своей грамоте новгородские наместники, не упоминая о русском проекте договора 1510 г., на принятии которого великокняжеское правительство настаивало в предыдущие годы, давали в общей форме обещание в случае прибытия ганзейского посольства заключить с городами мир и восстановить торговлю. Грамота новгородских наместников свидетельствует о некотором изменении позиции русского правительства в отношении Ганзы по сравнению с 1510 г.

В начале августа 1513 г. в Ревель пришло, наконец, пересланное Любеком долгожданное письмо императора великому князю.¹⁷⁶ По решению ландтага в Вольмаре в августе 1513 г. оно было переслано великому князю, а в октябре на него уже был получен ответ Василия III, переданный через наместника Ивангорода. Ответ великого князя гласил, что если города приплют посольство в Новгород бить челом о перемирии, то великий князь их пожалует, велит своим наместникам «взять с ними мир по старине» и разрешить торговлю «по старине» всеми товарами и особенно солью.¹⁷⁷ Ответ великого князя 1513 г. в еще большей степени, чем грамота новгородских наместников 1512 г., свидетельствует об изменении позиции русского правительства: помимо общего обещания заключить с Ганзой мир «по старине», ответ Василия III включал и совершенно конкретное обещание разрешить ганзейцам ввоз соли в Россию, что изначально отступление от программы, выдвигавшейся русским правительством в 1510 г.

Отмечая идущее навстречу пожеланиям ганзейцев содержание ответа Василия III, Р. Кентманн объясняет его тем, что в связи с русско-литовской войной (с 1512 г.), с одной стороны, и датско-

¹⁷⁴ Письмо ливонских городов Василию III от 17 марта 1512 г.: РЛА, № 316а.

¹⁷⁵ Грамота новгородских наместников от июня 1512 г.: Русские акты Ревельского городского архива. — РИБ, т. 15, № 6.

¹⁷⁶ Рецесс ландтага в Вольмаре 7—11 августа 1513 г.: AR, Bd. III, № 54, § 10.

¹⁷⁷ Письмо Фридриха Корфа, бургомистра Нарвы, Ревелю от 18 октября 1513 г.: HR3, Bd. VI, № 525.

шведской (с 1510 г.) — с другой, Россия в своих внешнеэкономических связях должна была рассчитывать только на транзитную торговлю через Ливонию.¹⁷⁸ Соглашаясь с убедительностью этого объяснения, мы полагаем, что его следует дополнить. Помимо мотивов экономического характера, русское правительство при смягчении своей позиции по отношению к Ганзе могло руководствоваться и соображениями политическими. Почти непрерывная с 90-х годов XV в. напряженность в отношениях с Литвой и вновь начавшиеся в 1512 г. русско-литовские военные действия побуждали его искать союзников против Польши — Литвы. Таким союзником благодаря борьбе Габсбургов и Ягеллонов за венгерский престол могла стать и стала, как об этом мы еще будем говорить, в 1514 г. Империя. Не исключена возможность, что уже в 1512—1513 гг. в правительственных кругах Москвы возникла мысль о сближении с Империей. И Василий III пошел навстречу пожеланиям Максимилиана в отношении ганзейцев, приняв при этом во внимание его заверения сделать со своей стороны все возможное для великого князя (см. с. 316).

Несмотря на благоприятный для ганзейцев ответ Василия III, ливонские города решили до отправления полномочного посольства с целью заключения русско-ганзейского мира послать предварительно к великому князю своих представителей, чтобы как следует узнать его намерения.¹⁷⁹ 20 декабря 1513 г. к наместнику Ивангорода был послан бургомистр Нарвы Ф. Корф, который должен был передать наместнику повое (несохранившееся) письмо императора к великому князю, а также просьбу ливонских городов об охранной грамоте для их представителей.¹⁸⁰ Охранная грамота была дана Василием III 2 января 1514 г.¹⁸¹ На основе этой грамоты ливонские города в начале 1514 г. отправили своих представителей Ганса Рихардеса и Ротгера к новгородским наместникам.¹⁸² Прежде чем они возвратились через Ливонию, по маршруту Венден — Псков проехал посол императора к великому князю Георг Шнитценпаумер; в пути ему через специального нарочного были вручены письма магистра и Ревеля с просьбой ходатайствовать перед великим князем о деле городов.¹⁸³ Магистр и ливонские города сразу оценили благоприятную для них ситуацию, созданную началом русско-имперских переговоров, и сделали попытку извлечь из нее пользу.

В Новгороде представителям ливонских городов был вручен ответ Василия III, в котором тот подтверждал свое обещание,

¹⁷⁸ Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt, S. 69.

¹⁷⁹ Письмо Ревеля вендским городам от 7 марта 1515 г.: HR3, Bd. VI, № 598, S. 558.

¹⁸⁰ Письмо Нарвы Ревелю от 23 декабря 1513 г.: HR3, Bd. VI, № 538.

¹⁸¹ РЛД, № 326.

¹⁸² HR3, Bd. VI, № 598, S. 558.

¹⁸³ Письмо бургомистра Нарвы Ф. Корфа Ревелю от 5 февраля 1514 г.: HR3, Bd. VI, № 541.

данное еще в 1513 г., заключить мир с ганзейскими городами, если они пришлют бить челом о мире, и разрешить ганзейцам торговлю всеми товарами, в том числе и солью. После возвращения послов в Ваве 25—26 февраля состоялся съезд ливонских городов (с участием представителей Дерпта и Ревеля), на котором обсуждался вопрос о предстоящих переговорах с русскими. Из рецесса съезда следует, что ответ великого князя ливонские города восприняли как обещание заключить такой мир, какой был им желателен. При этом города подчеркнули, что они желают сохранения «старины» и чтобы новый договор не отступал от нее, и заслушали «крестоцелование Тидемана Геркена» (русско-ганзейский договор 1487 г.).¹⁸⁴ На съезде был определен состав предстоявшего посольства и утверждены конкретные пункты наказа, которым должны были руководствоваться послы: о заключении мира на 10 лет, пользовании ганзейцами своими дворами в Новгороде «по старине», согласно старым привилегиям и свободам, разрешении торговать всеми товарами, в том числе солью, беспрепятственном приезде и отъезде ганзейских купцов.¹⁸⁵ Наказ послам полностью соответствовал традиционной политике ганзейских городов, направленной на сохранение старых норм русско-ганзейских отношений. По вопросу о товарах, конфискованных у ганзейцев в Новгороде в 1494 г., никакого определенного постановления принято не было: съезд решил, что если не удастся достигнуть договоренности о возврате товаров, то послы должны будут сообщить об этом своим старейшим (городским властям) для обсуждения.¹⁸⁶ Таким образом, не отказываясь в принципе от требования возвращения конфискованных товаров, ливонские города не связывали с удовлетворением этого требования вопроса о заключении мира. Фактически это означало, что ливонские города готовы были поступиться конфискованными товарами, лишь бы добиться ликвидации русско-ганзейского конфликта и заключения договора на условиях «старины».

В то время когда ливонские города деятельно готовились к предстоящим переговорам о заключении русско-ганзейского мира, в Москве о делах ганзейцев хлопотал посол императора. В ответ на эти хлопоты Василий III в специальной грамоте еще раз подтвердил свою готовность заключить мир с ганзейскими городами, подчеркнув при этом, что он «жалует» города ради своего брата Максимилиана.¹⁸⁷ Грамота Василия III подтверждает, как нам кажется, правильность высказанного нами выше предположения о том, что изменение позиции русского прави-

¹⁸⁴ Рецесс съезда: AR, Bd. III, № 55, § 12, 13, 6.

¹⁸⁵ Там же, § 17, 19, 20, 22.

¹⁸⁶ Там же, § 24.

¹⁸⁷ Грамота Василия III от конца февраля или начала марта 1514 г.: HR3, Bd. VI, № 546; см. также письмо Георга Шнитценпаумера рату одного из ганзейских городов от 30 марта 1514 г.: PJA, № 329a.

тельства в отношении Ганзейского союза, происшедшее в 1512—1513 гг., было связано в значительной степени со сближением России с Империей.

Очевидно, в апреле 1514 г. ганзейское посольство прибыло в Новгород.¹⁸⁸ В его состав входили: от Дерпта — бургомистр Иоганн Булк, ратман Арнд фон Лои и священник Матиас Леммеке, от Ревеля — бургомистр Иоганн Фиандт и ратман Иоганн Рутгаре. Отчет послов о переговорах не сохранился, и о ходе их мы можем судить лишь на основании немногих лаконичных сведений, имеющихся в письме магистру, написанному послами из Нарвы при возвращении в Ливонию 30 мая 1514 г. Эти сведения мы рассмотрим при анализе договора 1514 г. Пока только отметим, что переговоры были длительными и сложными: послам в течение нескольких недель пришлось заниматься «тяжелой работой».¹⁸⁹

Договор 1514 г. занимает особое место в истории русско-ганзейских отношений. Он был заключен после длительного, продолжавшегося 20 лет конфликта между Россией и Ганзой, запятого напряженной дипломатической борьбой обеих сторон за восстановление торговли на выгодных для каждой из них условиях. Договор, следовательно, подводил итог этой борьбе, а вместе с тем и всему многовековому развитию русско-ганзейских отношений, ибо в последующий период, вплоть до начала ливонской войны в 1558 г., нормы их, установленные договором 1514 г., не подвергались существенным изменениям. Сказанным определяется необходимость всестороннего анализа договора 1514 г.¹⁹⁰

Статьям договора было предпослано обширное введение, включавшее четыре момента: 1) указание на приезд в Новгород «по божьей воле... и по... велѣнью» великого князя немецких послов с челобитьем; 2) изложение челобитья послов: «... чтобы великий государь ... пожаловать велѣль своимъ намѣстникомъ ноугородцкимъ и своей отчинѣ Великому Новугороду, с семьюдесятью городами взяти перемирье, да и торгъ бы ... велѣль держати по старинѣ, и торговати бы имъ велѣль ... въ Великомъ Новѣгородѣ всякимъ товаромъ безъ вывѣта, и солью; и церковь бы, и мѣста дворовые старые немѣтцкие ... въ Великомъ Новѣгородѣ пожаловать велѣль намъ отдати, и дворы бы пожаловать велѣль поставити и держати по старинѣ»; 3) изложение ответа-пожалования великого князя: ответ, в утвердительной

¹⁸⁸ О предстоящем приезде посольства сообщал великому князю Георг Шнитценпаумер в грамоте от 29 марта 1514 г.: РГА, № 3296.

¹⁸⁹ HR3, Bd. VI, № 552, S. 515.

¹⁹⁰ Договор 1514 г. сохранился в подлиннике на русском языке. Подлинник вместе с переводом на немецкий язык находится: ЦГАДА, ф. 64, д. 3. Оба текста — и русский, и немецкий — напечатаны: СГДД, ч. V, № 65. Другой немецкий перевод хранится в городском архиве Любека (HR3, Bd. VI, № 554).

форме повторявший содержание немецкого челобитья, имел по сравнению с ним лишь одно, но очень важное добавление: «А которые церкви русские и концы в нѣмецкихъ городехъ: и бергаместеромъ, и ратманомъ, и купцомъ, и купецкимъ дѣтемъ, церкви русские и концы очистити по старинѣ, а их не обидети»; 4) указание на заключение мира и срок его: «Взяли перемирье ... на десять лѣтъ: от Вознесеньева дни лѣта семь тысячъ двадцать второго до Вознесеньева дни лѣта семь тысячъ тридцать второго».¹⁹¹

В следующих за начальной формулой частях введения, излагающих немецкое челобитье и ответ на него великого князя, сформулированы некоторые условия, положенные в основу заключаемого мира. Одни из них представляют общие принципы, которые затем были развиты и уточнены статьями договора (например, «торг держать по старине»), другие отражения в статьях договора не получили. К числу последних относится новое для русско-ганзейских договоров и имевшее большое принципиальное значение положение об обязанности властей ганзейских городов русские церкви и концы «очистить» и их «не обидеть».

Русские церкви и концы имелись, как мы уже указывали, в ливонских городах. После создания единого Русского государства великокняжеское правительство энергично добивалось реальных гарантий их неприкосновенности. Этой цели должно было служить включаемое во все русско-ливонские договоры, начиная с 1463 г., обязательство ливонских властей русские церкви и концы держать «по старине» и «не обидеть». На Нарвском съезде 1498 г. русские представители потребовали аналогичных гарантий и от Ганзы. Это требование было повторено в 1503 и 1505 гг. в ответах русских властей на просьбы ливонских городов о восстановлении торговли. Оно было включено, но в более широкой форме (речь шла о русских церквях и концах не только в ливонских городах, но и в немецких городах вообще) в русский проект договора с Ганзой 1510 г. Осуществление этого требования должно было способствовать созданию более благоприятных условий для развития заграничной торговли русского купечества. И именно поэтому Ганзейский союз его упорно отклонял. Но в конце концов Ганза должна была уступить: желательное для русского правительства обязательство Ганзы в той его формулировке, какая была предложена в русском проекте договора с Ганзой 1510 г., было включено в новгородско-ганзейский договор 1514 г. Тем самым создавались более прочные гарантии для деятельности организующих центров русского купечества, уже имевшихся в ливонских городах, и подготавливались условия для возникновения их на территории собственно Германии.

¹⁹¹ СИГД, ч. V, с. 55—57.

В первой группе статей договора 1514 г., следующей за введением (статьи 1—6),¹⁹² рассматриваются условия торговли новгородцев в «Немецкой земле» и ганзейцев в Новгороде. Новгородскому гостю гарантируются в «Немецкой земле» «чистый путь» и свобода торговли всеми товарами без исключения и воском (ст. 1); в случае продажи новгородцем немцу нечистого воска он обязан воск обменять (ст. 2); если новгородец будет что-либо продавать или покупать в немецких городах «в ласт», «весчеге» с него не брать, если по весу, то брать (ст. 3). Так же и немецким гостям иметь «чистый путь» в Новгородскую землю и торговать всеми товарами без исключения: «и солью, также и серебромъ, и оловомъ, и медью, и свинцомъ, и сѣрою; а заповеди ни которому товару не чинити» (ст. 4); если немец даст за какой товар нечистое серебро, то он обязан его обменять (ст. 5); при продаже немцем в Новгороде соли, сельди, меда «в ласт» «весчеге» не брать, при продаже «в вес» — брать; «а вѣсчѣ имати по старинѣ, а ластъ им продавати и купити по старинѣ, не скупо» (ст. 6).¹⁹³

Основополагающими статьями этой группы являются статьи 1 и 4, предоставляющие купцам беспрепятственный проезд («ѣздити... с товаромъ, горою и водою; путь имъ чистъ приѣхати и отѣхати») и свободу торговли всеми товарами без исключения («торговати... всякимъ товаромъ безъ вывѣта»). При сравнении с прежними новгородско-ганзейскими договорами оказывается, что им свойственна только одна из имеющихся в рассматриваемых статьях гарантий — «чистого пути»; что касается второй — торговли всеми товарами «без вывета», то она в формуляре новгородско-ганзейских договоров отсутствует. Но зато эту гарантию мы постоянно находим в русско-ливонских договорах, начиная с договора 1421 г.¹⁹⁴ Очевидно, из них она была перенесена в договор с Ганзой 1514 г. Предоставление купцам свободы торговли всеми товарами без исключения, несомненно, имело большое значение для успешного развития торговых связей.

Специального комментария заслуживают помещенные в конце статей 1 и 4 после формулы «торговати... всякимъ товаромъ безъ вывѣта» перечни некоторых товаров, которыми могли торговать купцы каждой стороны. Остановимся сначала на перечне, имеющемся в конце ст. 4. Здесь в числе товаров, которыми немцы «также» могут торговать в Новгороде «без вывета», названы соль, серебро, олово, медь, свинец и сера. Составители договора сочли нужным специально подчеркнуть, что свобода торговли для ганзейцев всеми товарами в Новгородской земле распространяется и на указанные товары.

Такое специальное подчеркивание в отношении соли легко объясняется: в конце XV—начале XVI в. русское правительство,

¹⁹² Деление па статьи напе.

¹⁹³ СГГД, ч. V, с. 57.

¹⁹⁴ ГВНЦ, № 60, с. 99.

руководствовавшиеся соображениями протекционизма, пытались запретить ввоз иностранной соли в Россию. Соответствующие статьи были включены в русско-ливонские договоры 1509 г., а также в русский проект договора с Ганзой 1510 г. Запрет ввоза соли больно ударил по интересам ганзейских городов и явился одной из главных причин отклонения Ганзой русского проекта договора 1510 г. В последующие годы ганзейские города, использовавшие посредничество императора, усиленно добивались снятия запрета на торговлю солью. По договору 1514 г. им это удалось. Чем руководствовалось русское правительство, соглашаясь с требованием Ганзы, сказать трудно. Вероятно, с одной стороны, сыграло роль стремление пойти навстречу желанию императора, а с другой — быть может, выявившаяся невозможность обойтись собственными соляными ресурсами. Как бы то ни было, ввоз соли в Россию для ганзейцев был разрешен, и это обстоятельство специально оговаривалось в присоединенном к ст. 4 договора перечне товаров, которыми ганзейцы могли торговать в Новгороде «без вывета».

Труднее понять, если не привлекать дополнительных данных, почему в этот перечень наряду с солью попали серебро, олово, медь, свинец и сера (в статье речь идет об условиях торговли ганзейцев в Новгороде); если ограничиться только текстом статьи, то мы должны будем предположить, что на новгородские власти ложилось обязательство не чинить ганзейцам препятствий в торговле названными товарами. Но дело в том, что никаких известий о запретах или каких-либо ограничениях русскими властями торговли ганзейцев перечисленными металлами и минералами нет. Наоборот, подобные запреты имели место со стороны соседних с Россией стран — Швеции и Ливонии, боявшихся усиления военной мощи России. Что касается серебра, то вопрос об ограничении ввоза в Россию этого драгоценного металла нередко возбуждали сами ганзейские города, опасавшиеся, очевидно, его утечки.¹⁹⁵ Нам кажется, что обязательство не чинить препятствий торговле названными материалами касалось не русской, а ганзейской стороны. Несомненно, что включение этого обязательства в русско-ганзейский договор (впервые в истории русско-ганзейских отношений) отвечало интересам России, нуждавшейся как в благородных металлах для чеканки монет, так и в материалах военного значения.

Если имеющиеся в нашем распоряжении данные о русско-ганзейской торговле позволяют объяснить, почему к ст. 4 был добавлен перечень товаров, которыми ганзейцы могли торговать в Новгороде без ограничения, то подобные данные для интерпретации ст. 1 отсутствуют. Напомним, что в ст. 1 после формулы

¹⁹⁵ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода, с. 57; Goetz L. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. S. 332—335; Хоронкевич А. Л. Из истории ганзейской торговли, с. 108—110.

о праве новгородцев торговать в «Немецкой земле» всеми товарами без исключения помещена оговорка — «и воском». Чем была вызвана эта оговорка, мы не знаем, так как никаких сведений о специальных запретах торговли русских воском в ганзейских городах нет. Можно только предполагать, что в связи с запретом в предыдущие годы ввоза немцами в Россию соли (одного из главных предметов ганзейского импорта) последовали запрещения или какие-нибудь ограничения ввоза в города Ганзейского союза воска — одной из основных статей русского экспорта. Теперь, в 1514 г., когда ганзейцам был разрешен ввоз соли в Россию, разрешалась и торговля воском новгородцам в ганзейских городах. Но это, повторяем, только предположение.

Статьи 2 и 5, обязывающие новгородца обменивать проданный им нечистый воск, а немца — нечистое серебро, хотя и были новыми для формуляра новгородско-ганзейских договоров, тем не менее ничего принципиально важного в практику новгородско-ганзейской торговли и положение договаривающихся сторон не вносили; цель их — упорядочение торговли и ликвидация поводов к конфликтам.

Те же цели преследовали статьи 3 и 6. В этих статьях, также новых для формуляра русско-ганзейских договоров, речь идет, во-первых, об освобождении от «весчег» (весовой пошлины) товаров, продаваемых «в ласт». Почему это освобождение имело место, помогают понять наблюдения над особенностями ливонской торговли. Ласт — самая крупная единица веса в Ливонии (1 ласт равнялся 4800 фунтам или 125 пудам). В практике ливонской торговли крупные единицы веса часто выражались через единицы объема (в Риге, например, в 1 ласте соли считали 16 или 18 бочек),¹⁹⁶ благодаря чему получалось, что товар, номинально продаваемый по весу, реально продавался по единицам объема и взвешиванию не подлежал. Следствием этого и явилось освобождение по договору 1514 г. сделок «в ласт» от весовой пошлины. С товаров же, реально продаваемых по весу (имелась в виду, очевидно, торговля мелкими партиями и в розницу), весовая пошлина должна была взиматься, как об этом и говорится во второй части ст. 3 и во второй части ст. 6.

Рассматриваемые статьи не только упорядочивали вопрос о взимании «весчег». Они разрешали, как это отметил еще А. И. Никитский,¹⁹⁷ два вида торговли: либо по весу, либо (фактически) по единицам объема (если товары продавались крупными партиями). И в этом отношении нормы статей представляли собой отступление от введенного великокняжескими наместниками в Новгороде в конце 80-х — начале 90-х годов XV в. по-

¹⁹⁶ Земзарис Я. К. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XIV вв.). — Проблемы историко-экономического исследования, т. IV. М., 1955, с. 215—216.

¹⁹⁷ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода, с. 289.

ряда торговли, согласно которому ганзейцы могли продавать соль и мед, главные предметы своего ввоза в Новгород, только по весу. Отступление это было в интересах ганзейцев, ибо система торговли крупными единицами веса, практически исчислявшимися через единицы объема, предоставляла возможности наживы за счет уменьшения действительного веса товаров. Чтобы предотвратить последнее, к ст. 6, очевидно под влиянием пожеланий русской стороны, было внесено добавление: «а ластъ имъ (немцам, — *Н. К.*) продавати и купити, по старинѣ, не скупо». В свою очередь, вероятно, ганзейцы настояли на втором добавлении, касавшемся уже новгородцев: «вѣсчеѣ имати по старинѣ», т. е. не изменять его размеров в сторону увеличения.

Чем было вызвано отступление в пользу ганзейцев в вопросе о взвешивании товаров, установить нельзя. Возможно, это была уступка за согласие ганзейской стороны не чинить препятствий ввозу в Новгород материалов военного значения, в которых нуждалась Россия. Рассмотренный нами раздел договора 1514 г., регулирующий вопросы торговли, проникнут стремлением к созданию взаимовыгодных условий торговли и ликвидации поводов к конфликтам, которые часто имели место в повседневной практике ганзейско-русской торговли из-за недоброкачества товаров, уменьшения их реального веса, увеличения размеров пошлин и т. д.

Следующая группа статей договора (статьи 7—14) посвящена рассмотрению различных случаев, связанных с поездками купцов по морю.¹⁹⁸ Ст. 7 устанавливает ответственность Ганзы (частичную) за ограбления новгородских купцов на море: если новгородские купцы будут ограблены «лихими людьми» из 70 городов, то городам их искать, если найдут — казнить и товар возвратить новгородцам; если же разбой случится «от иных лихих людей», не являющихся выходцами из ганзейских городов, и городам «учинитца вестъ», то искать «лихих людей» наместникам великого князя; если наместники «добудут» их, то казнить, а товар возвратить новгородским купцам. Ст. 8 касается ответственности русской стороны за ограбления пемецких купцов «на новгородской земле или на воде»; наместникам великого князя искать «лихих людей», если найдут их — казнить, а товар возвратить немцам. Эта статья как бы уравнивала ст. 7 и юридически ставила обе договаривающиеся стороны в равное положение. Реально же принятие на себя Ганзой ответственности за ограбления новгородцев на море пиратами (если они были выходцами из ганзейских городов) способствовало развитию русского торгового мореплавания, а это наносило интересам Ганзы такой ущерб, который не мог уравновеситься обязательством новгородских наместников отыскивать «лихих людей», ограбивших ганзейцев на повгородской территории. Недаром Ганза на протяжении почти

¹⁹⁸ СРГД, ч. V, с. 57—58.

всего XV в. отказывалась предоставить новгородцам «чистый путь за море». Обе рассмотренные статьи были заимствованы из новгородско-ганзейского договора 1487 г.¹⁹⁹ В договоре 1514 г. они были дополнены взаимным обязательством русской и ганзейской сторон, сформулированным в ст. 9, «не порубать» купцов из-за «лихих людей» — «разбойников». Этим дополнением стороны стремились избежать конфликтов, возникавших из-за репрессий, применявшихся к купцам одной с грабителями национальности властями той стороны, к которой принадлежали пострадавшие.

В ст. 10 речь идет о дележе товаров, погруженных немцем и новгородцем на одно судно и оставшихся невредимыми после какого-либо несчастья с ними на море (очевидно, имеется в виду кораблекрушение зафрахтованного совместно судна). Статья гласит: «А похочеть новгородецъ товаръ класти с немчиномъ въ лодю или въ бусу въ одномъ мѣстѣ, а доспѣтца притча над тѣмъ товаромъ на морѣ: ино дѣлится немчину с ноугородцомъ по товару, что останетца». Остановимся на условиях дележа, выраженных словами «по товару». В договоре с Ганзой 1487 г., где впервые встречается разбираемая статья и откуда она была перенесена в договор 1514 г., русскому «по товару» соответствует среднеснижненемецкое *na rata*, адекватное в свою очередь латинскому *pro rata parte*, что означает «соразмерно доле каждого». Следовательно, оставшиеся после кораблекрушения товары делились соразмерно долям каждого из владельцев, погруженным на судно. При этом пропорциональный дележ должен был производиться независимо от того, чей товар остался — русского или немца. Установленный в договорах с Ганзой 1487 и 1514 гг. новый принцип раздела оставшегося товара пропорционально долям товаров, погруженных на судно, был введен, возможно, под влиянием русского обычного права.²⁰⁰

Очень интересна ст. 11 договора, которая устанавливала, что в случае если на море новгородскую бусу «задереть... ветромъ» и прибыть к немецкому берегу «семидесяти городовъ» или немецкую бусу — к «великого государя отчинѣ к Ноугородцкой землѣ берегу», то «тѣ бусы, обыскавъ, отдавати на обѣ стороны безъ хитрости по сей перемирной грамоте и по крестному целованию. А имати отъ техъ бусъ переима от десяти рублевъ по рублю; а боле будетъ товару или менши, ино по росчету имати». Эта статья обязывала стороны суда, выбрасываемые на берег в результате кораблекрушения, возвращать вместе с товарами владельцам, т. е. она содержала освобождение от берегового права — права присвоения прибрежными жителями выброшенных морем на берег предметов. Участники спасательных работ,

¹⁹⁹ НРЗ, Bd. II, S. 148; Новгородский исторический сборник, № 10, с. 225.

²⁰⁰ Подробнее см.: Клейненберг И. Э. Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв., с. 352—359.

согласно статье, получали «перейм»²⁰¹ (вознаграждение в виде 10% стоимости спасенных товаров). Анализируемая статья договора 1514 г. — единственная в истории новгородско-немецких правовых отношений. До этой статьи ни в одном из новгородско-немецких договоров нет упоминаний ни о береговом праве, ни об освобождении от него. Чем можно объяснить это явление?

Объяснение его надо искать, как нам кажется, в двух обстоятельствах: 1) в относительно слабом развитии торгового мореплавания новгородцев до XV в.²⁰² и 2) в отсутствии, по всей вероятности, берегового права в Новгородской земле. Для русских купцов, вплоть до конца XIV в. сравнительно редко совершавших поездки «за море», освобождение от берегового права не являлось настоятельной необходимостью. Что касается немцев, постоянно прибывавших по морю в Новгородскую землю, то они с береговым правом в ней, по-видимому, не сталкивались. Доказательство тому — полное молчание источников о береговом праве.

Более того, в договоре 1269 г. есть статья, которую можно истолковать как косвенное указание на его отсутствие в Новгородской земле. Эта статья гласит: «А приедет гость на Неву и понадобится ему дерево или мачтовый лес, рубить их ему по обоим берегам реки, где захочет».²⁰³ В статье о кораблекрушении ничего не говорится: в ней предусматривается лишь право немцев в случае надобности рубить строевой лес по берегам Невы; но потребность в строевом лесе могла быть вызвана как простым повреждением судна, так и его кораблекрушением, и немцы в этом случае не только не теряли своего имущества, но могли безвозмездно доставать на чужих берегах необходимый им строительный материал. Показательно, что в спорах, которые возникали между немцами и русскими по вопросу о судьбе имущества потерпевших кораблекрушение немцев, речь шла обычно не о присвоении русскими этого имущества, а о размерах вознаграждения за спасательные работы. Так, незадолго перед закрытием немецкого двора в Новгороде ганзейцы жаловались, что русские с товаров немцев, потерпевших кораблекрушение, хотят брать «третий пфеннинг» (33% стоимости товаров) и что это против «старинны»,

²⁰¹ В древнерусских памятниках «переймати» означало «задерживать», отсюда «перейм» — вознаграждение за задержку. Ср. статью Русской правды: «Аще кто переймет чюжь холоп и даст весть господину его, то имати ему перейм гривна» (Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, с. 233). Несомненно, что в нашем контексте «перейм» означает вознаграждение за спасательные работы.

²⁰² Поездки новгородских купцов за море, имевшие место в XII в., в XIII—XIV вв. под влиянием различных причин (упадок производительных сил Руси, обусловленный татарским завоеванием, развитием пиратства на Балтийском море и т. д.) сокращаются и снова возрастают с конца XIV в. в связи с общим экономическим подъемом русских земель (см. выше, с. 101—103).

²⁰³ ГВНП, с. 59.

согласно которой за спасение товаров следует давать «справедливую плату».²⁰⁴

Все приведенные данные свидетельствуют в пользу предположения об отсутствии берегового права в Новгородской земле. Прав, нам кажется, И. Э. Клейненберг, который, отрицая наличие берегового права в Новгороде, объяснение этому явлению усматривает в географическом положении Новгородской земли и особенностях ее экономики: заинтересованные в торговле правящие круги Новгорода, владевшие лишь небольшим участком побережья Финского залива, «предпочитали выгоду от упорядоченных торговых отношений случайной наживе при захвате потерпевших крушение кораблей».²⁰⁵

С XV в. в связи с общим экономическим подъемом русских земель возрастает заграничная торговля новгородцев и они чаще совершают поездки на заморские рынки. Во время этих поездок им приходилось сталкиваться с тяжелым для мореплавателей береговым правом. О степени распространения его, например в соседней Ливонии, можно судить по жалобам ливонских городов, утверждавших, что ливонские купцы в России при спасении своего имущества не так облагаются и не терпят такого убытка, как в этой стране, где выброшенные на берег товары присваиваются дворянами — *haveluden* (имеются в виду, очевидно, владельцы прибрежных земель).²⁰⁶ Наличие берегового права в странах Балтийского моря, по которому все чаще плавали новгородские бусы и ладьи, делало именно русскую сторону заинтересованной в освобождении от берегового права. Поэтому мы считаем, что рассматриваемая статья была внесена в договор 1514 г. по настоянию в первую очередь русской стороны.

Подчеркивая особую заинтересованность русской стороны в рассматриваемой статье, мы отнюдь не собираемся утверждать, что она была безразлична для ганзейцев. Случаи требования большой доли ($\frac{1}{3}$) спасенных товаров, а иногда и прямого грабежа выброшенных на новгородский берег ганзейских кораблей²⁰⁷ побуждали ганзейцев стремиться к юридическому оформлению освобождения от берегового права и к установлению твердого вознаграждения за спасательные работы. Это и было достигнуто по договору 1514 г.

Каков был источник интересующей нас статьи — видоизмененные ли нормы обычного новгородского права, не знавшего

²⁰⁴ Инструкция ганзейскому послу для переговоров с русскими (1489 г.): НРЗ, Vd. II, № 267, § 4.

²⁰⁵ Клейненберг И. Э. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X—XII вв. берегового права. — Правоведение, 1960, № 2, с. 158—161.

²⁰⁶ Отчет ревельских послов о ландтаге в Вольмаре в 1532 г.: AR, Vd. III, № 301, § 54.

²⁰⁷ См.: Клейненберг И. Э. Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв., с. 361—362. См. также: НРЗ, Vd. II, № 267, § 4; LUB2, Vd. I, № 95, § 8, 9, 11, 12; РЛА, № 323, 325.

до сих пор определенного размера вознаграждения, или же привилегии купцам в странах Балтийского моря, содержавшие наряду с освобождением купцов от берегового права и указание размеров вознаграждения участникам спасательных работ,²⁰⁸ — этот вопрос требует особого исследования.

Рассмотренные нами статьи договора 1514 г. охватывают, как мы видели, ряд вопросов, связанных с торговым мореплаванием. Они образуют раздел, аналогии которому нет ни в одном другом юридическом акте России вплоть до XVIII в.²⁰⁹ И это делает русско-ганзейский договор 1514 г. уникальным памятником древнерусского международного права. Появление этого раздела — результат развития русского торгового мореплавания и покровительства ему со стороны единого Русского государства.

Третья группа статей договора 1514 г. (статьи 12—19) касается вопросов юрисдикции и судопроизводства. Как мы уже отмечали, в 1509—1510 гг. русское правительство сделало решительную попытку изменить традиционную юрисдикцию, существовавшую в сфере русско-ливонских и русско-ганзейских отношений, согласно которой тяжба, возникшая у купца на чужбине, должна разрешаться там, где она возникла. В русско-ливонские договоры 1509 г. по настоянию русской стороны были внесены статьи, устанавливавшие, что купцы на чужбине подлежали суду местных властей только по искам, не превышавшим 10 руб.; по всем остальным гражданским делам, как и уголовным преступлениям, совершенным на чужбине, купцы должны были судиться смешанным судом (из представителей обеих сторон) на русско-ливонской границе. В 1510 г. русское правительство включило аналогичные статьи и в проект договора с Ганзой, который ганзейские города не приняли; ганзейские послы расценили статьи, касавшиеся юрисдикции, как лишение городов их права суда.

Требование об ограничении юрисдикции городов делами, иски по которым не превышали «10 штук серебра», вновь было выдвинуто русской стороной во время переговоров с Ганзой в 1514 г. Однако послы Дерпта и Ревеля, которые от имени Ганзы вели переговоры, добились отклонения русских требований. Сообщая об этом магистру, послы писали, что им удалось защитить «наше право» «в каждом городе судить по его праву».²¹⁰ Хотя послы Дерпта и Ревеля оценивали результаты переговоров как полную победу ганзейской точки зрения в вопросах суда, в действитель-

²⁰⁸ Niitemaa V. Das Strandrecht in Nordeuropa im Mittelalter. Helsinki, 1955, p. 352—356.

²⁰⁹ В договоре Олега с греками и в договоре Смоленска с Ригой и Голландом 1229 г., как и в русско-датском договоре 1493 г., имеются лишь статьи об освобождении от берегового права (см.: Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, с. 35; Памятники русского права, вып. II. М., 1953, с. 69; СГГД, ч. V, с. 130).

²¹⁰ Письмо послов Ревеля и Дерпта Плеттенбергу от 30 мая 1514 г.: HR3, Bd. VI, № 552.

ности это было не так. Спорные статьи в договоре 1514 г. получили следующую редакцию: «А на которомъ городѣ въ семидесяти городехъ почнетца какво дѣло ноугородцу, ино туто ему и управа давати, въ какове дѣле ни буди, по исправе...» (ст. 12); «А дойдетъ ноугородецъ до казни въ семидесяти городехъ, ино его не казнити, а обослатись о томъ съ великого государя наместники Великого Новагорода. И великого государя намѣстники пришлютъ въ Ригу, и въ Юрьевъ, и въ Кольвань человекъ два или три добрыхъ: и намъ передъ теми людьми тому ноугородцу туто и управа учинити...» (ст. 13). Аналогичные правила относительно немцев в Новгородской земле формулируют статьи 14 и 15 (по ст. 15 суд над немцем, подлежащим «казни», должен производиться в Новгороде в присутствии двух-трех «добрых людей», присланных из Риги, Юрьева или Кольвани).²¹¹ Таким образом, старый порядок, при котором юрисдикция по тяжбам между новгородцами и немцами полностью принадлежала местным властям, был сохранен для гражданских дел (статьи 12 и 14). Вопрос же о нормах процесса для уголовных дел был решен компромиссно: ганзейцы настояли, что суд по ним должен совершаться по-прежнему властями той стороны, где произошло преступление, а русские добились включения в договор 1514 г. пункта о присутствии на суде представителя той стороны, к которой принадлежал купец-ответчик (статьи 13 и 15). Включение последнего пункта в какой-то степени гарантировало подсудимо от жестокостей и произвола чужого права.²¹²

Последующие статьи договора 1514 г. излагают процессуальные нормы. Ст. 16 гласит: «А взыщеть ноугородецъ на немчинѣ, а досудять до целованья: ино целовати отвѣтчику-немчину»; аналогичное правило сформулировано относительно ответчика-новгородца в ст. 17.²¹³ Обе статьи впервые встречаются в русско-ливонских договорах 1509 г. и в русском проекте договора с Ганзой 1510 г., откуда они, вероятно, были перенесены в наш договор. Ст. 18 провозглашает общее правило о том, что «в неметцкихъ городехъ судити ноугородца, как своего немчина, а в Новгороде судити немчина, как своего ноугородца». Ст. 19 устанавливает, что тяжбы касаются только истца и ответчика («а о всякомъ дѣле знати истцу истца по своей исправе»), из-за них не должны страдать непричастные лица («порубу в том не быти на обе стороны»). Продолжение ст. 19 гласит, что к кушцу-иноземцу без

²¹¹ СГГД, ч. V, с. 58—59.

²¹² Напомним, что во время переговоров с новгородскими послами в 1416 г. ливонский магистр Зигфрид Ландер фон Шпангейм дал обязательство на суд, производимый ливонскими властями над новгородцем, виновным в тяжелых проступках, вызывать из Новгорода «друзей» виновного (см. выше, с. 49); это обязательство, близкое по смыслу к ст. 13 договора 1514 г., носило, по-видимому, временный характер и впоследствии не соблюдалось (во всяком случае в источниках оно больше не упоминается).

²¹³ СГГД, ч. V, с. 59.

суда нельзя применять никаких репрессий: «ни в клѣтку, ни в погребь... без суда не сажати, ни ковати, ни мучити».²¹⁴ Цель этих статей — обеспечить купцу, находящемуся на чужбине, справедливый суд и защитить его от произвола местных властей. Нормы их обычны для новгородско-ганзейских договоров, и по сравнению с нормами последних договоров 1514 г. не содержит ничего нового.

Оценивая в целом статьи договора 1514 г., посвященные судопроизводству, следует отметить, что этот договор по своим процессуальным нормам выгодно отличается от более ранних русско-ганзейских договоров: нормы процесса изложены в нем более полно и систематически, разработаны детальнее, в судопроизводстве по уголовным делам введен новый принцип — присутствие представителей другой стороны.

Следующие три статьи договора (статьи 20—22) формулируют нормы так называемого посольского права. Основное содержание их — гарантия послам неприкосновенности и беспрепятственного проезда. Эта гарантия является одной из древнейших норм всякого международного права, в том числе и русско-немецкого, и ее мы находим почти во всех русско-ганзейских договорах. Особенностью договора 1514 г. по сравнению с предшествовавшими является большее развитие и дифференциация норм посольского права: в них различаются разные категории послов, гарантии для которых особо оговариваются.²¹⁵

Ст. 20 содержит гарантию «чистого пути» для послов новгородских наместников в ганзейские города и послов ганзейских городов в Новгород, которые во время действия договора должны «ѣздити... говорити о всяких делехъ о купецкихъ о обидныхъ». Подобного рода посольства, но одной стороны — ганзейские в Новгород, — упоминаются в новгородско-ганзейских договорах 1450, 1466 и 1487 гг.²¹⁶ Статья о посольствах обеих сторон впервые встречается в русском проекте договора с Ганзой 1510 г.,²¹⁷ отсюда, вероятно, она была перенесена в договор 1514 г. Появление этой статьи свидетельствует об учащении поездок русских послов за границу по купеческим делам, что несомненно было связано с развитием русской внешней торговли, в частности с развитием заграничной торговли русского купечества. Посольства по купеческим делам имели целью совместный разбор обеими сторонами «купецких обидных дел» (очевидно, таких, которые не могли быть решены обычными судебными инстанциями, например, дел об ограблении купцов пиратами), чтобы предотвратить возникновение серьезных конфликтов.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же, с. 59—60.

²¹⁶ ГВНЦ, с. 125—126, 128—129; Новгородский исторический сборник, № 10, с. 226; HR3, Bd. II, S. 119.

²¹⁷ HR3, Bd. V, № 544.

Ст. 21 предоставляет гарантии посольской неприкосновенности ганзейским послам, посланным 70 городами «о какихъ дѣлехъ... бити челомъ къ великому государю Василью...». Эта статья — первое в русско-ганзейских договорах упоминание ганзейских посольств непосредственно к великому князю — представляет собою уступку Ганзе. Дело в том, что после присоединения Новгорода к Москве великокняжеское правительство по отношению к Ливонии и Ганзе придерживалось принципа, что сношения с ними должны осуществляться по-прежнему через новгородских наместников. Настаивая на соблюдении этого принципа, великокняжеское правительство руководствовалось, вероятно, как традицией, так и реальным положением дел: вопросы торговые и порубежные, составлявшие содержание дипломатических сношений с Ливонией и Ганзой, касались не столько всей России, сколько одной Новгородской земли. Немецкая сторона воспринимала этот порядок как дискриминацию и не раз предпринимала попытки добиться установления посольских сношений непосредственно с великим князем.²¹⁸ По договору 1514 г. Ганза это право получила.

Новой для формуляра не только русско-ганзейских, но и вообще международных договоров России вплоть до XVI в. является ст. 22: «Такъже поѣдутъ великого государя Василя... послы х которымъ государемъ его братье, и къ инымъ государемъ, или х кому ни буди; или къ великому государю къ Василью... от его брати, иныхъ государей, или отъ кого ни буди поѣдутъ послы; и тем обоим посломъ на Любокъ, и на Ригу, и на Юрьевъ, и на Кольвань, и на всю семдесятъ городовъ, водою и землю, путь чистъ, безъ всякие задѣпки; и беречи ихъ безъ всякие хитрости, чтобы надъ ними ни которое лихо не учинилось, по сей перемирной грамотѣ, и по крестному целованью». Такая статья, гарантирующая «чистый путь» и «бережение» всем русским послам в иностранные государства и всем иностранным послам в Россию, в начале XVI в. встречается и в договорах с Польшей и Тевтонским орденом — государствами, через которые, как и через ганзейские города, проходили посольские пути в Россию из Западной Европы.²¹⁹ Появление ее — показатель широкого развития дипломатических сношений между Россией и Западной Европой на рубеже XV и XVI вв.

Особого внимания заслуживает ст. 23 договора. Она необычна для русско-ганзейских договоров, необычна не только потому, что не встречалась раньше, но прежде всего потому, что содержание

²¹⁸ С этой просьбой, в частности, Орден обращался к Ивапу III в 1491—1492 гг. через имперского посла Георга фон Турна (ИДСДР, т. I, с. 9—10).

²¹⁹ В договоре с Польшей (1503 г.) статья сформулирована в виде двустороннего обязательства договаривающихся государств, в договоре с Тевтонским орденом (1517 г.), как и в нашем договоре с Ганзой, в виде одностороннего обязательства Ордена и Ганзы по отношению к России (СГГД, ч. V, с. 26, 73, 77—78).

ее не соответствует содержанию предшествующих русско-ганзейских договоров, торговых по своему характеру. Статья включает политические обязательства Ганзы по отношению к России: «А что великого государя Василя... недругъ Жыкгимонтъ, король польской; и пам бергоместеромъ, и ратманомъ, и купцомъ, и купецкимъ дѣтемъ и всѣмъ семидесятъ городомъ къ Жыкгиманту королю, ни къ подвластнымъ его городомъ никакъ не приставати, ни помочи памъ имъ не давати, по семъ перемирнымъ грамотамъ и по крестному целованью».²²⁰

Включение этой статьи в новгородско-ганзейский договор 1514 г. означало завершение реализации одной из целей, которую русское правительство поставило в своей политике по отношению к Ливонии и Ганзе в начале XVI в., — отказа их от союза с Польшей—Литвой и сохранения нейтралитета в случае вражды между Россией и Польшей—Литвой. Как мы уже отмечали, впервые требование о таком обязательстве было предъявлено русским правительством Ливонии в 1505 г. В 1509 г. это обязательство было включено в русско-ливонские договоры. В 1510 г. русское правительство сделало попытку распространить его в расширенной форме и на Ганзу: в русский проект договора с Ганзой была вписана статья об обязательстве Ганзы не оказывать помощи против России в случае военных действий не только Польше и Литве, но и Швеции, и даже ливонскому магистру.

Во время переговоров 1514 г. русская сторона вновь выдвинула требование о нейтралитете Ганзы в случае внешнеполитических осложнений. Послы Дерпта и Ревеля, сообщая магистру о переговорах, писали, что русские хотят получить от городов обязательство не оказывать никакой помощи — ни деньгами, ни войском — ни ливонскому магистру, ни другим правителям, которые являются или станут врагами великого князя. В ходе переговоров русские сузили свои требования, ограничив их только Польшей. И на это ганзейские послы вынуждены были согласиться.²²¹

Впервые Ганзейский союз оказался связанным политическими обязательствами по отношению к России. Возможно, что согласие ганзейских послов на требование русского правительства, которое в предыдущие годы Ганзой решительно отвергалось, было обусловлено заключением союзного договора между Россией и Империей, направленного своим острием против Польши. Как бы то ни было, обязательство Ганзы не оказывать помощи Польше в условиях происходившей русско-литовской войны (польский король был одновременно великим князем Литовским) являлось значительным успехом русской дипломатии, свидетельствующим о возрастании влияния России в политической жизни Европы.

²²⁰ СГГД, ч. V, с. 60.

²²¹ HRЗ, Bd. VI, № 552.

Последняя, 24-я статья договора включает часто встречающуюся в русско-ганзейских договорах правило о том, что в случае конфликтов Новгорода и Пскова с Ливонией и Швецией русских послов и купцов в ганзейских городах не задерживать («не порубать»), как и немецких в Новгороде.²²²

Заключение содержит обычные для формуляра новгородско-ганзейских договоров указания на утверждение договоров посредством целования креста на договорной грамоте и привешивания к ней печатей представителями обеих сторон.

Для правильной оценки места договора в истории русско-ганзейских отношений необходимо сопоставить его условия, с одной стороны, с программами, выдвигавшимися обеими сторонами в период, предшествовавший заключению договора, а с другой — с тем положением, которое существовало в сфере русско-ганзейских отношений перед закрытием немецкого двора в Новгороде и началом конфликта 1494—1514 гг.

Как мы видели, главной целью политики Ганзейского союза после закрытия немецкого двора в Новгороде являлось восстановление русско-ганзейской торговли на условиях сохранения «старинны» — выгодных для ганзейцев традиционных основах торговли. Ганзейские города стремились добиться отмены постановления об обязательном взвешивании в Новгороде соли и меда, отмены запрета на ввоз соли в Россию, сохранения прежней юрисдикции, сохранения традиционного разграничения между «делами купца и делами страны», обусловленного нежеланием Ганзы принимать на себя нормы русско-ливонских договоров, касающиеся, в частности, русских церквей и концов в зарубежных городах. Обязательным условием восстановления торговли Ганза считала также возвращение товаров, конфискованных у ганзейцев при закрытии новгородской конторы. Если стержень ганзейской программы составляло желание сохранить «старину», то русское правительство руководствовалось прямо противоположными стремлениями: целью его политики являлась ломка «старинны», создание новых, благоприятных для развития русской внешней торговли условий. Это наиболее отчетливо выразалось в настойчиво выдвигавшихся на протяжении всего периода после закрытия немецкого двора требованиях об изменении юрисдикции и предоставлении Ганзой гарантий неприкосновенности русских церквей и концов, находившихся за рубежом. Кульминационной точки политика русского правительства достигла в 1510 г., когда ганзейскому посольству был предъявлен русский проект договора: он повторял нормы русско-ганзейского договора 1487 г., создававшие благоприятные условия для развития русского торгового мореплавания, включал также новые правила юрисдикции, запрет на ввоз ганзейцами в Россию соли, обязательство в отношении русских церквей и концов и, кроме того, статью, гаранти-

²²² СГГД, ч. V, с. 60.

ровашую нейтралитет Ганзы в случае внешнеполитических осложнений России.

По сравнению с русским проектом договора 1510 г. новгородско-ганзейский договор 1514 г. содержит ряд уступок ганзейцам; был отменен запрет на ввоз соли в Россию, наряду с торговлей солью и медом по весу разрешалась торговля по единицам объема, не были включены статьи о смешанном суде, введение которого предусматривалось проектом 1510 г., Ганза получила право непосредственных сношений с великим князем, чего она давно добивалась. Но наряду с уступками ганзейцам договор 1514 г. включал и важные уступки ганзейцев русской стороне: снимались ограничения на ввоз серебра и военных материалов в Россию, при разборе уголовных дел вводился принцип присутствия представителей другой стороны, был включен раздел о торговом мореплавании, отвечавший, как мы указывали, в первую очередь интересам русских, Ганза давала гарантию в неприкосновенности русских церквей и концов в немецких городах и, наконец, вынуждена была дать обязательство не оказывать помощи Польше — Литве. Вопрос о конфискованных у ганзейцев в 1494 г. товарах отражения в договоре не получил; очевидно, Ганза *de facto* примирилась с невозможностью их вернуть.

Заключение новгородско-ганзейского договора 1514 г. явилось, таким образом, следствием уступок обеих сторон. Несомненно, что уступки были обусловлены обоюдосторонней заинтересованностью в восстановлении нормальных торговых связей: разрыв их больно ударял по ганзейским, в первую очередь ливонским, городам, благосостояние которых зиждилось на транзитной торговле с Россией, по он не был безразличен и для последней. Хотя Россия разрыв традиционной русско-ганзейской торговли компенсировала в известной мере за счет развития торговых сношений с другими странами, в первую очередь скандинавскими и с Великим княжеством Литовским, тем не менее восстановление нормального функционирования исторически сложившегося главного направления ее западной торговли — через Ливонию — отвечало интересам русской экономики. Во взаимных уступках, нашедших свое отражение в договоре 1514 г., большую роль сыграло, как мы указывали, и заключение в 1514 г. союза между Россией и Империей, в состав которой входили ганзейские города.

Однако, несмотря на компромиссный характер, содержание договора отвечало в большей степени интересам России, нежели Ганзы. Если сравнить положение, существовавшее в сфере русско-ганзейских отношений до закрытия немецкого двора и начала конфликта, с тем, которое вводилось договором 1514 г., то следует признать, что ганзейцам договор принес лишь отмену нежелательных для них постановлений об обязательном взвешивании в Новгороде соли и меда, русским же купцам он открывал новые возможности для развития их торговли за границей. Договор способствовал развитию активной внешней торговли России, что озна-

чало дальнейший подрыв монополии Ганзы на посредническую торговлю между Россией и Западом. Вместе с тем благодаря статье о нейтралитете Ганзы в случае русско-польского конфликта он способствовал и укреплению внешнеполитического положения России.

Анализ русско-ганзейских отношений конца XV—начала XVI в. показывает, что распространенная точка зрения о том, что с закрытием ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. русское правительство стремилось прекратить торговлю ганзейцев в Новгороде и изгнать их из сферы внешней торговли России (см. с. 261—262) является необоснованной. Ни правительство Ивана III, ни правительство Василия III не ставили своей задачей ликвидацию торговли ганзейцев в Новгороде и полное вытеснение их из русской внешней торговли. Закрытие ганзейского двора в Новгороде, происшедшее в ответ на казни в Ревеле двух русских, русское правительство использовало для нажима на Ганзу для того, чтобы заставить ее принять на себя обязательства, способствующие развитию активной торговли русского купечества за рубежом, в первую очередь в Ливонии. И как только эти обязательства — в отношении русского торгового мореплавания, русских церквей и концов в немецких городах, принципов юрисдикции и норм судопроизводства по отношению к находящимся на чужбине купцам — были даны Ганзой по договору 1514 г., русско-ганзейская торговля была восстановлена и немецкий двор в Новгороде открыт. Таким образом, русское правительство хотело не вытеснить ганзейцев из сферы русской внешней торговли, а лишь покончить с их привилегированным положением в интересах русского, прежде всего новгородского, купечества.

Подрыву монополии ганзейцев на посредническую торговлю между Россией и Западом способствовала и проводившаяся русским правительством политика покровительства развитию непосредственных торговых контактов между Россией и европейскими странами, минуя посредничество ганзейцев. Мы уже говорили в этой связи о первых контактах между купечеством Южной Германии (агентами Фуггеров) и Россией, о статье русско-литовских договоров, способствовавших созданию взаимовыгодных условий торговли. Развитие торговли с Литвой имело существенное значение для России, ибо через Литву проходил сложившийся в конце XV в. сухопутный торговый путь, соединявший Россию с Южной и Центральной Европой в обход традиционных путей ганзейской торговли.

Но особое внимание русское правительство придавало развитию русско-скандинавской, прежде всего русско-датской, торговли. По договорам 1493, 1506 и 1516 гг. русские купцы в Дании и датские в России получали гарантии беспрепятственного проезда и торговли, защиты со стороны местных властей и справедливого суда. Кульминационным пунктом политики покровительства датским купцам со стороны русского правительства явилась

жалованная грамота Василия III 1517 г., предоставившая датским купцам ряд привилегий, а также право иметь в Новгороде и Ивангороде собственные гостиные дворы.²²³

Русское правительство стремилось к развитию широких экономических связей с европейскими странами. В этом процессе ганзейским купцам отводилась роль одного из приводных ремней, а не по существу единственного, как это было раньше.

Ослабление позиций ганзейцев в России происходило параллельно упадку их значения в других странах Европы. Новая война между вендскими городами и Данией 1510—1512 гг., которую Дания вела в союзе с голландскими городами, закончилась миром, принесшим ганзейцам значительные стеснения. Правда, Иоанн Датский обещал подтвердить привилегии ганзейцев в Дании и Норвегии, но для ганзейцев была ограничена свобода плавания в ряде районов Балтийского моря, кроме того, они приняли обязательство не оказывать помощи Швеции (которая вела борьбу против Дании) и уплатить датскому королю контрибуцию.²²⁴ Война между вендскими городами и Данией 1510—1512 гг. показала, что Ганза уже не может сохранять своего господства на Балтике. В Англии в конце XV—начале XVI в. продолжались конфликты между английским купечеством и ганзейцами. Политику решительного наступления на ганзейские привилегии повел в 10-х годах XVI в. канцлер Уолси. Эту политику завершила Елизавета, ликвидировавшая в 1579 г. привилегии ганзейцев и уравнявшая их с другими иноземцами.²²⁵

Ослабление позиций ганзейцев в странах, в которых они в течение веков занимали привилегированное положение, являлось одним из симптомов упадка Ганзы и возрастания могущества централизованных монархий, проводивших политику покровительства национальным купечествам.

²²³ Казакова Н. А. Русско-датские торговые отношения в конце XV—начале XVI в.

²²⁴ Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях, с. 196—197.

²²⁵ Schulz F. Die Hanse und England von Edwards III. bis auf Heinrichs VIII. Zeit. Berlin, 1911, S. 144—165, 193.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ливонский орден, духовно-рыцарская организация, созданная в XIII в. для насильственного распространения католической веры и утверждения власти немецких феодалов в Прибалтике, не прекращал своих агрессивных действий и в последующее время. Главным объектом экспансии Ливонского ордена являлись русские земли.

В начале XV в. Ливонский орден в союзе с литовскими феодалами вел войну против Пскова, целью которой являлись захват и подчинение власти Ордена Пскова и Псковской земли. В 40-х годах XV в., в разгар феодальной усобицы на Руси, Ливонский орден предпринял войну против Новгорода; заключенный в ходе войны наступательный по своему характеру договор между Орденom и королем трех скандинавских государств Кристофором о военном союзе против «неверных» русских означал восстановление антиновгородской коалиции Ордена и шведских феодалов, которая дважды угрожала Новгороду в предшествующие века (в 40-х годах XIII в. и в 40-х годах XIV в.). В 1480—1481 гг. Орден предпринял новую войну против Пскова; война эта, развязанная Орденom в критический для Русского государства момент (выступление удельно-княжеской оппозиции, поход татар к Угре), означала немалую опасность для русского народа. С целью нанесения удара по Русскому государству в начале XVI в. была предпринята последняя война Ливонии против России. О наличии планов территориальных захватов за счет русских земель во время этой войны свидетельствует договор Ордена с великим князем Литовским 1501 г., предваривший ее начало; очевидно, с ливонской стороны имелось в виду в первую очередь овладение Псковом; не случайно в ходе войны ливонские военачальники выдвинули требование подчинить Псков власти Ордена.

Таким образом, войны Ливонского ордена против русских земель в XV—начале XVI в. не были мелкими пограничными конфликтами, ведшимися из-за каких-то небольших и маловажных районов. Предпринимая их, Ливонский орден намеревался расчленив русскую территорию, овладеть ее частями, в первую

очередь таким важным экономическим и политическим центром, как Псков. Побудительной причиной войн конца XV—начала XVI в. являлась также со стороны Ордена боязнь усиления Русского государства и стремление воспрепятствовать росту его могущества.

Иной характер имела война между Псковом и Дерптским епископством 1458—1463 гг. Это была типично пограничная война, ведшаяся из-за небольшого куска спорной территории в районе деревни Желачки на о. Пириссар, не имевшей государственного значения.

Хотя войны первой половины XV в. Орден вел сначала против одного Пскова, а затем против одного Новгорода, являвшихся частями феодально-раздробленной Руси, тем не менее достигнуть поставленных целей ему не удалось. Причина этого крылась, с одной стороны, в героическом сопротивлении псковичей и новгородцев, с другой — в политической раздробленности Ливонии, ослаблявшей ее военные возможности.

С еще большей силой последний фактор — политическая раздробленность Ливонии — сказался во время войн конца XV—начала XVI в., когда Ордену противостояли не Псков и Новгород, каждый в одиночку, а Русское государство, объединенное под властью великих князей московских. И хотя Псков еще не вошел в состав единого Русского государства, великокняжеское правительство стойко охраняло нерушимость рубежей Псковской земли.

Если Ливонский орден был постоянным очагом экспансии в отношении русских земель, то Новгород и Псков защищали свою независимость и территориальную целостность. В ливонской политике обеих вечевых республик большое место занимало стремление к развитию торговли с ливонскими городами.

Стремление к обеспечению неприкосновенности русских границ и развитию экономических связей с Ливонией прослеживается и в политике великокняжеского правительства по отношению к Ливонии в конце XV—начале XVI в. Изменение в соотношении сил между Россией и Ливонией, происшедшее в это время в связи с созданием единого Русского государства, позволило русскому правительству добиться крупных успехов в своей ливонской политике.

Усилением Великого княжества Московского, а затем Русского государства было обусловлено включение в русско-ливонские договоры второй половины XV—начала XVI в. статей, предусматривавших создание благоприятных условий для торговли русских купцов в Ливонии, — статей, меняющих к выгоде русской стороны принципы юрисдикции и нормы судопроизводства в отношении находящихся на чужбине лиц (в первую очередь купцов), статей о русских концах и церквях в ливонских городах (напомним, что церкви являлись не только местом отправления религиозного культа, но и центрами, организующими рус-

ских купцов на чужбине). Все эти статьи имели целью обеспечить максимально благоприятные условия для пребывания и торговли русских купцов в Ливонии, куда в конце XV—начале XVI в. из Новгорода переместился центр торговли России с Западом.

Благодаря могуществу России, отчетливо проявившемуся во время войны 1501—1503 г., которую Ливония вела в союзе с Литвой, русское правительство сумело заключить выгодный для России договор с Ливонией 1509 г., по которому, в частности, Ливония давала обязательство соблюдать нейтралитет во время русско-литовских конфликтов. В результате заключения этого договора Орден должен был отказаться от попыток возобновления прямой военной экспансии против России и на русско-ливонской границе установился длительный мир.

Предложенной нами оценке общей направленности ливонской политики правительства России конца XV—начала XVI в. не противоречит статья о юрьевской дани, читающаяся в псковско-дерптских договорах с 1463 г. Статью о юрьевской дани нельзя рассматривать как выражение притязаний великих князей московских на верховную власть над Ливонией. Впервые такие притязания были выдвинуты лишь правительством Ивана IV во время русско-ливонских переговоров 1554 г., тогда они действительно были связаны с вопросом о юрьевской (расширительно ливонской) дани. До середины XVI в. русское правительство задачи подчинения Ливонии и освобождения выходов в Балтийское море не ставило, ибо постановка такой задачи отвлекла бы силы России от решения важнейшего для нее в конце XV—начале XVI в. внешнеполитического вопроса — о возвращении паходившихся под властью Литвы русских, украинских и белорусских земель.

Русско-ливонские отношения тесно переплетались с русско-ганзейскими. Основная торговля России с Западом в XIV—XV вв. велась при посредничестве Ганзейского союза. Пути русско-ганзейской торговли проходили через Ливонию, и в русско-ганзейских торговых сношениях ливонские города играли все большую роль, пока, наконец, в их руки к середине XV в. не перешло руководство этими сношениями. Все это обуславливало зависимость «дел купечества» (торговли) от «дел земли» (политики ливонских ландесгерров). С течением времени благодаря перемещению центра русско-ганзейской торговли из Новгорода в ливонские города эта зависимость увеличивалась.

В ранний период русско-ганзейской торговли в силу монополии Ганзы на посредническую торговлю между Русью и Западом ганзейцам удалось установить в Новгороде и Пскове выгодный для них порядок торговли: ганзейцы имели право основные продукты русского экспорта — воск и меха — осматривать, воск «колупать» (откалывать для проверки его качества куски, которые затем в счет веса купленного воска не засчитывались), а к мехам

требовать «наддач» — надбавок, рассматривавшихся как компенсация за возможную недоброкачественность купленного товара. Новгородские и псковские купцы подобных прав в отношении продуктов ганзейского импорта не имели: сукна они должны были покупать кипами, соль — мешками, сельдь, вино, мед — бочками, без измерения и взвешивания. Такой порядок торговли больно ударял по русским и приносил большие выгоды ганзейцам, так как прибыль, извлекаемая ганзейцами из торговли с русскими землями, складывалась не только из разницы цен на товары на русском и европейском рынках, но и за счет отмеченных нами неравных условий торговли для ганзейцев и русских, существовавших в Новгороде и Пскове. Чтобы сохранить в своих руках все выгоды от посреднической торговли Руси с Западом, ганзейцы стремились воспрепятствовать возникновению непосредственных торговых контактов между русскими землями и западноевропейскими странами.

В связи с подъемом экономики Новгорода и Пскова, развитием торговли, возрастанием роли местного купечества новгородцы и псковичи в XV в. начинают активно противодействовать преобладанию ганзейцев в области внешней торговли. В начале XV в. новгородцы и псковичи выдвигают требование изменить существующий порядок торговли с ганзейцами: отменить систему «колупанья» и «наддач» при покупке ганзейцами русского воска и мехов и ввести обязательное взвешивание и измерение продаваемых ганзейцами товаров. С 20-х годов XV в. новгородцы выдвигают новое требование — предоставление им «чистого пути за море», которое они понимали как принятие на себя Ганзой ответственности за ограбление новгородцев во время их поездок по морю; осуществление этого условия способствовало бы развитию заграничной торговли новгородского купечества и непосредственных торговых контактов с европейскими странами. Требования равных условий торговли и «чистого пути за море», которые Новгород и частично Псков выдвигали то более энергично, то менее активно на протяжении XV в. до падения новгородской самостоятельности, оказались безрезультатными: не удалось добиться ни изменения условий торговли с ганзейцами в Новгороде и Пскове, ни получения новгородцами «чистого пути за море». Ганза отстояла свои позиции. Неудача политики Новгорода и Пскова в отношении Ганзы объясняется неравенством сил: русские вечевые республики, являвшиеся лишь частями политически раздробленной Руси, не могли преодолеть сопротивления Ганзейского союза, сохранявшего еще свое могущество.

Перелом в русско-ганзейских отношениях наступил при создании единого Русского государства: уже по договору 1487 г. Ганза приняла на себя ответственность за ограбления новгородцев на море, а в конце 80-х — начале 90-х годов распоряжениями великокняжеских наместников в Новгороде была отменена си-

стема «колупания» и «наддач» при покупке ганзейцами новгородских товаров и введено обязательное взвешивание продаваемых ганзейцами соли и меда. Так менее чем за десятилетие были осуществлены требования, реализации которых Новгород безуспешно добивался в течение XV в.: был изменен порядок торговли с ганзейцами в Новгороде, Ганза дала согласие на предоставление новгородцам «чистого пути за море». Происшедшие перемены были обусловлены изменением в соотношении сил между Ганзой и Россией, являвшимся следствием объединения русских земель и создания единого Русского государства, с одной стороны, и начавшегося упадка Ганзы — с другой.

С середины 90-х годов XV в. целью ганзейской политики великокняжеского правительства становится получение от Ганзы гарантий условий торговли и пребывания русских купцов в Ливонии. Великокняжеское правительство добивалось согласия Ганзы на изменение норм судопроизводства и принципов юрисдикции в отношении купцов, находившихся на чужбине, а также на принятие Ганзой обязательства «соблюдать» русские церкви и концы в ливонских городах. Выдвижение этих вопросов на первый план в ганзейской политике русского правительства было обусловлено большим развитием торговли русского купечества в Ливонии (куда переместился центр русско-ганзейской торговли) и двойным подчинением ливонских городов (и ливонским ландесгеррам, и Ганзе), благодаря чему русское правительство стремилось получить желаемые гарантии не только от ливонских ландесгерров, но и от Ганзы. Средством давления на Ганзу для достижения поставленной цели явилось закрытие немецкого двора в Новгороде в 1494 г. в ответ на казни русских подданных в Ревеле. Как только представители ливонских городов от имени Ганзы согласились на принятие основных русских требований (о нормах судопроизводства и принципах юрисдикции, о русских церквях и концах в немецких городах) и они были включены в новгородско-ганзейский договор 1514 г., немецкий двор в Новгороде был открыт. Анализ русско-ганзейских отношений конца XV—начала XVI в. показывает, что русское правительство не ставило перед собой цели вытеснения ганзейцев из сферы русской внешней торговли: оно стремилось лишь ликвидировать их привилегированное положение и создать условия для развития самостоятельной торговли русского купечества за рубежом. Средством для этого являлась и проводившаяся русским правительством в конце XV — начале XVI в. политика содействия развитию непосредственных торговых контактов между Россией и европейскими странами, в первую очередь Великим княжеством Литовским и скандинавскими государствами.

Сравнительное изучение русско-ганзейских отношений и взаимоотношений Ганзы с другими европейскими странами показывает, что монополия Ганзы на посредническую торговлю между Западной и Восточной Европой (хотя Ганза сыграла большую

роль в развитии экономических связей между ними) в XV—XVI вв. пришла в противоречие с устремлениями купечества стран — контрагентов Ганзы. Социально-экономические предпосылки этого явления заключались в подъеме экономики европейских стран, росте торговли, увеличении роли национальных купечеств. Сформулированный К. Марксом экономический закон гласит: «... монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом ее существования».¹ Важным политическим условием успешного противодействия ганзейцам являлось складывание и усиление централизованных монархий: достигнуть положительных результатов в своей политике в отношении Ганзы Россия сумела после ликвидации феодальной раздробленности и создания единого государства, Англия — с установлением абсолютизма Тюдоров, Дания — с усилением королевской власти. Развитие русско-ганзейских отношений подчинялось, таким образом, той же исторической закономерности, что и развитие отношений Ганзы со странами Западной Европы.²

¹ Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 25, ч. I, с. 361; см. также: Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse, S. 263—264.

² Формы и степень проявления этой закономерности в историческом развитии стран — контрагентов Ганзы были различны вследствие различного уровня их социально-экономической и политической жизни.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.
- ИЗ — Исторические записки.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НІЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
- НІУЛ2 — Новгородская четвертая летопись. — В кн.: ПСРЛ, т. IV, вып. 2. Л., 1925.
- ПДСДР — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851.
- ПІЛ — Псковская первая летопись. — В кн.: Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941.
- ПІІЛ — Псковская вторая летопись. — В кн.: Псковские летописи, вып. 2. М., 1955.
- ПІІІЛ — Псковская третья летопись. — В кн.: Псковские летописи, вып. 2. М., 1955.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
РЛА — Русско-ливонские акты. СПб., 1868.
Руссов — «Хроника Ливонии» Руссова. — В кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II. Рига, 1879.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
- AR — Akten und Recesse der livländischen Ständetage.
HGBI — Hansische Geschichtsblätter.
HR — Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256—1430.
- HR2 — Hanserecesse von 1431—1476.
HR3 — Hanserecesse von 1477—1530.
HUB — Hansisches Urkundenbuch.
Index — Index corporis historici-diplomatici Livoniae, Estoniae et Curoniae.
- LUB — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch.
LUB2 — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, Zweite Abteilung.
- Nowgoroder Schra — Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen von XIII. bis XVII. Jahrhundert ... Hrsg. von W. Schlüter. Dorpat, 1911.
- Schonne hysthorie — Eyne Schonne hysthorie van vunderlyken gescheffthen der heren tho lyfflanth myth den Russen unde tartaren. Herausgegeben und erläutert von C. Schirren. — In: Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. VIII. Reval, 1861.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Абрамссон Яков, житель Ревеля 102
- Авраамка, летописец 19, 68, 71, 72
- Аврам Степанович, новгородский тысяцкий 106
- Александр VI, папа 209, 215, 230, 236
- Александр Невский, новгородский князь, вел. князь Владимирский 58
- Александр Тверской, князь 40
- Александр Ягеллончик (Александр Казимирович), вел. князь Литовский, польский король с 1501 г. 201, 203, 216—218, 220, 221, 224, 228, 229, 234, 236, 237, 243, 244, 250, 276, 278, 293, 294, 306
- Александр Васильевич Оболенский, князь, воевода 224, 225
- Александр Васильевич Чарторыйский, князь 71, 72, 131, 132
- Александр Владимирович, князь 284
- Александр Казимирович см. Александр Ягеллончик
- Александр Матвеевич, новгородский купеческий староста 115
- Александров Фома, псковский купеческий староста 240
- Алексей Игнатьевич, повгородский купеческий староста 123
- Алексей Михайлович, псковский старый городской дьяк 253
- Андреевский И. Е.*** 4, 5
- Андрей Васильевич, углицкий князь, брат Ивана III 160
- Андрей Дмитриевич, князь, брат Василия Дмитриевича, вел. князя Московского 40
- Андрей Тимофеевич, московский посыл 147
- Андрей Никитич Оболенский, князь, воевода 155, 158
- Арбузов Л. А.* 59, 60, 63, 130, 149, 171, 209
- Арнд, немецкий купец 106
- Аттман А. см. Attman A.*
- Ахмат, хан Золотой Орды 159
- Баде Юрген, житель Ревеля 299
- Базилевич К. В.* 15, 16, 154, 158, 163, 194, 201, 203, 223, 262
- Балтазар, герцог Мекленбургский 206
- Балязин В. Н.* 172, 175
- Барбашев А. И.* 39
- Барсуков А. 6*
- Бауэр В. В.* 172
- Бах, Клаус фон, начальник прусского вспомогательного отряда 233
- Беверман Иоганн, житель Дерпта 112, 114
- Бемен Генрих, представитель рата Дерпта в Новгороде 97
- Бережков М. Н.* 7, 8, 10
- Берк Тидеманн, ратман Любека 284
- Беркгофф Эггерд, житель Риги 105, 106
- Бернадский В. Н.* 195, 196
- Бернд фон дер Борх, магистр Ливонского ордена 24, 153, 156, 157, 159—162
- Бестужев-Рюмин К.* 261
- Биргер Магнуссон, шведский король 86
- Богдан Обакунович, новгородский посадник 79
- Бомговер Христиан, секретарь магистра Ливонского ордена 20

* Указатели составлены И. С. Шарковой.

** Курсивом выделены фамилии авторов работ, упоминаемых в книге.

- Боннель Э.* см. *Bonnel E.*
 Борис Васильевич, волоцкий князь,
 брат Ивана III 160
 Борис Юрьевич, новгородский по-
 садник 115
 Борх Симоц, ливонский посол
 в Москву 172
 Бретголт Маркворт, ратман Ревеля
 284
Будилович А. 287
 Бук Герт, житель Дерпта 299
 Булк Иоганц, бургомистр Дерпта
 320
Бунге Ф. 6, 79
 Бутенционе Герман, житель Дерпта
 105, 106

Валк С. Н. 3, 4, 14
 Вальдемар Аттердаг, датский ко-
 роль 29, 104
 Вальтер фон Плеттенберг, ланд-
 маршал, затем магистр Ливон-
 ского ордена 12, 14, 20, 205—
 209, 211—213, 215—224, 226,
 228—231, 233—235, 241, 243—245,
 259, 276, 277, 293, 294, 300, 301,
 329
 Вармцарь Семион см. Борх Симон
 Варфоломей Яковлевич, новгород-
 ский купеческий староста 115
 Василий, псковский городской пи-
 сец 240
 Василий Борисович, новгородец 79
 Василий II Васильевич Темный,
 вел. князь Московский 64, 65,
 129, 132
 Василий Васильевич Шуйский,
 князь, новгородский наместник
 222, 232, 298
 Василий I Дмитриевич, вел. князь
 Московский 36, 40, 42, 43, 45, 55
 Василий Есифович, новгородский
 посадник 57
 Василий III Иванович, вел. князь
 Московский 221, 243, 244, 246,
 249, 256, 304—307, 310—312,
 314—319, 332, 333, 336, 337
 Василий Иванович, сын Ивана III
 см. Василий III Иванович
 Василий Иванович, новгородский
 посадник 80
 Василий Никитич, новгородский по-
 садник 55, 106
 Василий Федорович, новгородский
 посадник 79
 Василий Федорович Шуйский, князь,
 новгородский наместник 162
 Василий Юрьевич, князь 68
 Ватт Пауль, советник великого ма-
 гистра Тевтонского ордена 215,
 223
 Веннемар фон Брюггеней, магистр
 Ливонского ордена 58
 Верне Антониус, ратман Ревеля,
 311
Винклер А. см. *Winckler A.*
 Висковатый, дьяк 141
 Витовт Кейстутович, вел. князь Ли-
 товский 12, 26, 36—48, 50—52, 59—
 61, 87, 111
 Витольд см. Витовт Кейстутович
 Витте Герд, бургомистр Ревеля 79,
 99
 Витте Гинрих, ратман Любека 284
 Вить Григорий см. Витте Герд
 Владислав Ягеллончик, венгерский
 король 236
 Вландарь Инъца см. Фландерн, Гин-
 рик ван
 Вольгус фон Герзе, магистр Ливон-
 ского ордена 145
 Востгоф Тидемани, ратман Ревеля
 91

 Габсбурги 175, 318
 Гаврилов Федор, псковский посад-
 ник, посол 240
 Гадепске Томас, житель Ревеля 196
 Гаке Иоганн, ратман Дерпта 182,
 189
 Галкин Василий Игнатьевич, на-
 местник псковского архиепископа
 253
 Гамерштетер Лука 233
 Ганс Тифен, вел. магистр Тевтон-
 ского ордена 205, 208, 209, 213
Гаусманн Р. см. *Hausmann R.*
 Гейденрейх Финке фон Оверберг,
 магистр Ливонского ордена 21,
 63—67, 69, 74
 Гейнрих фон Бокенфорде, магистр
 Ливонского ордена 62, 63
 Геллинкгузен Иоганн, ратман Ре-
 веля 284
 Генинг, рижский архиепископ 62
 Генрих VII, английский король 199
 Георг, герцог Саксонский 214
 Герберштейн, Сигизмунд фон, ба-
 рон, посол германского импера-
 тора 233
 Герике Тидеман 181
 Геркен Тидеман (Тимап), бурго-
 мистр Дерпта 182, 189, 319
 Гертвиг Ганс, приказчик немецкого
 двора в Новгороде 196
Гетц Л. К. см. *Goetz L.*
Гильдебранд Г. см. *Hildebrand H.*
 Гильдори Иоганн, посол Ливонского

- ордена 204, 228, 236, 246, 249, 253, 276, 277
- Глинский Михаил, князь 244
- Гольстевер Клаус, посол Ливонского ордена 236, 240
- Горский Альберт, литовский посол 229
- Госвин фон Польгейм, ландмаршал Ливонского ордена 57
- Григорий Иванович, новгородский тысяцкий 80
- Григорий Клевский, князь см. Клеве, Гергард фон
- Григорий Федорович, новгородский наместник 246
- Давид, князь 42
- Даниил Александрович, князь, псковский наместник 40—42, 45
- Даниил Александрович, князь, новгородский наместник см. Данила Александрович Пенко
- Даниил Дмитриевич см. Данила Дмитриевич Холмский
- Данила Александрович Пенко, князь, воевода, новгородский наместник 222, 225, 280
- Данила Васильевич, новгородский наместник см. Данила Васильевич Щеня
- Данила Васильевич Щеня, князь, воевода, новгородский наместник 225, 232, 240, 246, 298
- Данила Дмитриевич Холмский, князь, воевода 148, 150, 163, 165
- Денель Э.* см. Daenell E.
- Дмитрий (Ралев), грек, московский посол 265
- Дмитрий Васильевич, новгородский посадник 123
- Дмитрий Иванович, внук Ивана III 221, 305
- Дмитрий Юрьевич Шемяка, галицкий князь 64, 65, 129
- Довмонт, князь 42
- Док Клаус, подданный шведского короля 101, 102
- Дундулис Б. И.* 26, 48, 59
- Евфимий, новгородский архиепископ 109
- Елена Ивановна, дочь Ивана III 201, 293
- Елизавета I, английская королева 337
- Ермолин Яков, псковский купеческий староста 253
- Ерошкин Яков Мокоевич, псковский боярин 240
- Есиф Иванович, повгородский купеческий староста 123
- Есиф Фалеевич, новгородский тысяцкий 79
- Жук Василий, дьяк 269
- Жыкгимонт см. Сигизмунд I Старый
- Зансгейм Людвиг, комтур Кенигсберга 220
- Заозерская Е. И.* 251
- Захарий, псковский городской дьяк 253
- Зейд Т. Я.* 6
- Земзарис Я. К.* 324
- Зигфрид (Зиверт) Ландер фон Шпангейм, магистр Ливонского ордена 51, 56—58, 60, 76, 105, 271, 330
- Зойе Керстен, представитель дерптского епископа 246, 256
- Зугис Я. Я.* 21
- Иван IV, вел. князь Московский, царь с 1547 г. 4, 141, 258, 260, 340
- Иван Александрович Звенигородский, князь 133, 135
- Иван Андреевич, князь, литовский наместник в Пскове 38, 40
- Иван III Васильевич, вел. князь Московский 5, 7, 8, 10—12, 16, 126, 129, 132, 133, 142, 143, 145, 147, 150, 154—156, 161, 168, 170—173, 175, 180, 181, 184—188, 194—196, 199, 201—205, 209, 213, 216, 217, 221, 222, 230, 236—238, 240, 243, 244, 250, 261, 262, 267—269, 270, 273, 293, 298, 300, 301, 304, 305, 308, 310, 312, 314, 332, 336
- Иван Васильевич Булгак, князь, воевода 162
- Иван Владимирович, князь 64, 67
- Иван Всеволодович, князь 40
- Иван Данилович Калита, московский князь, вел. князь Владимирский 25
- Иван . Иванович Молодой, сын Ивана III 150, 221
- Иван Иванович Суздальский (Горбатый), князь 222
- Иван Лобан Андреевич Колячев, новгородский наместник 222, 230
- Изенбург Вильгельм, граф, регент Тевтонского ордена 213, 214

- Изразцов Андрей Кириллович, псковский боярин 240
- Индрик, ливонский посол 134
- Иоани Датский, датский король 200, 202, 203, 214, 215, 270, 303, 304, 337
- Иоганн, дерптский епископ 212
- Иоганн Амбундтий, рижский архиепископ 59
- Иоганн фон Менгеде, магистр Ливонского ордена 130
- Иоганн Фрейтаг фон Лорингофе, магистр Ливонского ордена 171
- Иохансен П.* см. Johansen P.
- Кавер Иоганн, представитель дерптского епископа 246, 256
- Казюкова Н. А.* 15, 16, 18, 32, 65, 102, 111, 118, 119, 131, 138, 143, 151, 189, 202, 262, 272, 287, 296, 303, 304, 337
- Казимир IV Ягеллончик, вел. князь Литовский, польский король с 1447 г. 64, 67
- Калека Иван, новгородец 102
- Карл Кнутссон (Бунде), шведский король 71
- Карпов Г.* 204
- Квасов Федор Павлович, псковский боярин 240
- Кегелер Гермац, житель Дерпта 79
- Кеглер Еремей см. Кегелер Гермац
- Кентманн Р.* см. Kentmann R.
- Киверников Александр Степанович, псковский посадник 253
- Кирхнер В.* см. Kirchner W.
- Клеве фон, герцог 62, 63, 65
- Клеве, Гергард фон, брат герцога Клевского 62, 63, 65
- Клейнберг И. Э.* 4, 16, 17, 31, 32, 58, 65, 67, 68, 72, 73, 144, 167, 168, 191, 192, 271, 288, 289, 326, 328
- Клемент, новгородский купец 112
- Клиннроде Винольд, житель Дерпта 79
- Клинькрод Винька см. Клиннроде Винольд
- Кнутссон Карл, наместник Выборга 62, 68, 74
- Ковер Иван см. Кавер Иоганн
- Козак Г.* см. Cosack H.
- Козел Труфан, псковский купеческий староста 240
- Кок Реймар, любекский хронист 273, 284, 292
- Кокен Гермац, житель Нарвы, переводчик 62, 63, 65
- Коллерт Иоганн, бургомистр Ревеля 284
- Колычев Лобан см. Иван Лобан Андреевич Колычев
- Конрад фон Фитингоф, магистр Ливонского ордена 21, 44, 47, 58
- Конрад фон Юнгинген, вел. магистр Тевтонского ордена 36, 37, 39
- Константин Белозерский, князь 44
- Константин Дмитриевич, князь, брат вел. князя Московского Василия Дмитриевича 42, 43, 55
- Корнилий, игумен Псковско-Печерского монастыря 19, 135
- Корф Фридрих, бургомистр Нарвы 317, 318
- Костевич Юрий, литовский посол 216
- Косточкин В. В.* 179, 304
- Котлов Григорий Яковлевич, псковский посадник, 253
- Кочин Г. Е.* 327
- Кристофор III Баварский, король Дании, Швеции и Норвегии 69, 70, 338
- Кротов Григорий Яковлевич, псковский посол 240
- Кротов Яков, псковский посадник 163
- Круус Х. Х.* 241
- Круфт Людових, ратман Ревеля 189
- Кузьма Терентьевич, новгородский тысяцкий 55
- Кулишер И. М.* 152, 255
- Кур Годке, житель Готланда 79
- Кур Федор см. Кур Годке
- Куришков Алексей Григорьевич, новгородский купеческий староста 246
- Курицын Федор, дьяк 174, 264, 265
- Лависс Э.* 83
- Лаппо-Данилевский А. С.* 8
- Ледов Михаил Юрьевич, псковский посадник 253
- Леммеке Матиас, священник в Дерпте 320
- Леммеке Матиас, секретарь Дерпта 311
- Леонтий Тимофеевич, псковский посадник 163
- Лесников М. П.* 15, 16, 31, 83
- Лишпе Ганс, приказчик немецкого двора в Новгороде 96
- Лихачев Д. С.* 19
- Лоде Дидерик, посол Ливонского ордена 240
- Лон, Арнд фон, ратман Дерпта 320

- Лугвень см. Симеон Лугвень Ольгердович
- Лузберг Гиллебрант, бургомистр Дерпта 123
- Люббянк Герман 296
- Мавродин В. В.* 102
- Магнус, герцог Мекленбургский 206
- Майков Андрей, дьяк 264, 265
- Макарий Тимофей, псковский купеческий староста 240
- Максим, смоленский купец 250
- Максимилиан I, римский король, германский император с 1493 г. 175, 206—209, 214, 215, 220, 243, 259, 301, 310, 315, 316, 318, 319
- Маловист М.* 280, 302
- Мамырев Данила 269
- Мануэль (Мануил Ралев) грек, московский посол 205, 265
- Маргарита I, датская королева 29
- Маркс К.* 127, 343
- Мекинг Ганс, житель Ревеля 296
- Мессениус Иоганн, шведский историк 270
- Милюков П. Н.* 222, 225
- Миرون, новгородский купец 105
- Михаил, рижский архиепископ 218
- Михаил Андреевич, новгородский тысяцкий 123
- Михаил Юрьевич, новгородец 57
- Мушштеде Ганс, приказчик пемецкого двора в Новгороде 120
- Найберский К.* 5, 79
- Наримонт Гедиминович, литовский князь 25
- Насонов А. Н.* 14, 18, 132, 135, 137
- Наум Иванович, новгородец 57
- Неспштеде Эверт, ратман Дерпта 311
- Нибрюге Тилька см. Ниспбрюгге Тидеманн
- Нибур Иоганн, ратман Любека 78, 79
- Ниспбрюгге Тидеманн, житель Риги 79
- Ниспштедт, автор «Хроники» 141, 142
- Никита Федорович, новгородский тысяцкий 79
- Никитский А. И.* 7—10, 32, 101, 102, 109, 262, 271, 323, 324
- Николай V, папа 71
- Оболенский Андрей см. Андрей Никитич Оболенский
- Олег, киевский князь 329
- Ольгерд, вел. князь Литовский 38
- Ольдепзее Иоганн, ливонский посол 246, 253
- Остен-Сакен П.* см. Osten-Saken P.
- Офопос Федорович, повгородский посадник 57
- Пакебуш Матеус, синдик Любека 284
- Пальмедаг Иоганн, житель Ревеля 105, 106
- Паффильев Марк, повгородский купеческий староста 144
- Пенко Д. см. Данила Александрович Пенко
- Пеперзак Гартлеф, переводчик Ливонского ордена 277, 278, 280, 295
- Петр I, император 9
- Петр, повгородец 102
- Петр Михайлович, повгородский наместник 265
- Петри Лаврентий, шведский историк 270
- Петри Олай, шведский историк 269, 270
- Платтен Иоганн, ландмаршал Ливонского ордена 231
- Понарин Максим Иванович, псковский боярин 240
- Попшель Николай, посол германского императора 172
- Пученкин Иван Харитонович, псковский купеческий староста 253
- Радеманн Иоганн, ратман Дерпта 311
- Рапппорт П. А.* 146
- Регнус, кардинал, папский легат 236
- Реммелинкроде Готшалк, житель Ревеля, ганзейский посол в Москву 263—266, 268, 277, 278, 285
- Ризенкампф Н. Г.* см. Riesen-kampf N. G.
- Рихардес Ганс, ганзейский посол 306, 318
- Роде Иоганн, секретарь рата Любека 311, 312, 315
- Ротгер, посол ливонских городов 318
- Ротгердт Иоганн см. Рутерт Иоганн
- Рублев Андрей, житель Пскова 163
- Румор Альберт, бургомистр Ревеля 112, 115, 123
- Руссов Б., ливонский хронист 16, 20, 44, 74, 156, 160, 162, 223—225, 233, 268

- Рутгаре Иоганн, ратман Ревеля 320
 Рутерт (Ротерт) Иоганн, бургомистр Ревеля 182, 189, 263, 266, 284
 Саларов Фома Данилович, новгородский купеческий староста 246
 Самицкий Иван Тимофеевич, новгородский боярин 246
 Самицкий Степан Петрович, новгородский боярин 246
 Сантай Сигизмунд, венгерский посол в Москву 236
Сарториус Г. Ф. см. Sartorius G. F.
 Сванте Нильссон Стуре, правитель Швеции 303
Свенссон С. см. Svensson S.
 Свидригайло, литовский князь, затем вел. князь Литовский 39, 59
 Семен Романович, князь, новгородский наместник 280
 Сигизмунд, германский император 50
 Сигизмунд I Старый, вел. князь Литовский, польский король с 1506 г. 244, 245, 259, 306, 333
 Сигизмунд Кейстутович, вел. князь Литовский 59
 Симеон Лугвень Ольгердович, литовский князь 25, 43, 47, 48, 64
Славянский М. 4, 5
Соловьев С. М. 142, 203, 261
Срезневский И. И. 149, 166
 Стен Стуре, правитель Швеции 202, 203, 208, 214
 Степан, новгородский возчик 106
 Степанка, руководитель народного восстания в Новгороде 55
 Сцелле Эбергард, папский комиссар в Ливонии 299
 Сюге Керстен см. Зойе Керстен
- Тельгте, Годеке фон 181
 Терентий, новгородский купец 105
Тийк Л. И. 287
 Тимофей Юрьевич, новгородский посадник 79
 Тимур 36, 39
 Тохтамыш, хан Золотой Орды 39
 Травельман Годеке, бургомистр Любека 78
 Траханиот Юрий, московский посол 197
 Трерос Иоганн, ратман Риги, 123
 Трифон, новгородский купец 105
 Турн, Георг фон, посол Максимилиана I 174, 332
- Турссон Эрик, наместник Выборга 296, 303
 Тюдоры 199, 343
- Ункель, Иоганн фон 205, 210
 Уолси Томас, кардинал, английский канцлер 337
- Фегезак С.* см. Vegesack S.
 Федор Патрикеевич, князь, новгородский наместник 57
 Федор Тимофеевич, новгородский посадник 79
 Федор Юрьевич, князь, воевода 134, 135, 141
 Федор Яковлевич, новгородский тысяцкий 115
 Фельтгузен Иоганн, ратман Ревеля 123
 Теофил, новгородский архиепископ 155
 Фиандт Иоганн, ратман, затем бургомистр Ревеля 311, 320
 Фикенгузен Н., ратман Дерпта 284
 Филипп I, эрцгерцог австрийский, сын германского императора Максимилиана I 243
 Финке фон Оверберг см. Гейденрейх
 Финке фон Оверберг
 Фландерц, Генрик ван, житель Готланды 79
Форстен Г. В. 200, 202, 203, 261, 337
 Фос Тидеманн, житель Дерпта 105, 106, 112, 114
 Фридрих I, германский император 30
 Фридрих III, германский император 172, 215
 Фридрих, герцог Саксонский 214
 Фридрих Саксонский, великий магистр Тевтонского ордена 215, 229
 Фуггеры, немецкий банкирский род 316, 336
 Фьораванти Аристотель, итальянский архитектор, инженер 163
- Хорошкевич А. Л.* 11, 12, 17, 30, 78, 86, 248, 250, 283, 302, 304, 323
- Чешихин Е. В.* 59, 60
Чумиков А. 6
- Паскольский И. П.* 141, 143, 241, 260
 Шенке Юрий, литовский посол 294

Шер Ганс, бургомистр Ревеля 226
Шлютер В. см. *Schlüter W.*
Шнитценпаумер Георг, посол германского императора 318—320
Шрове Герд, ратман Дерпта 123
Шрове Томас, ратман Дерпта 263—268, 284
Штейн В. 180
Штерн К., см. *Stern C.*
Штокер Корд, житель Дерпта 112
Штольтевог Готшалк, житель Ревеля 112, 114, 115
Шуйский В. В. см. Василий Васильевич Шуйский
Шуйский В. Ф. см. Василий Федорович Шуйский

Щадр Иван, вяземский наместник 250

Щеня Д. В. см. Данила Васильевич Щеня
Щербачев Ю. Н. 141

Эльфирикгузен, житель Дерпта 276, 281

Энгельс Ф. 127, 343
Эпшеншеде Иван, ратман Ревеля 91
Эрик XIII Померанский, король Дании, Норвегии и Швеции 29, 111, 202
Эспер Т. см. *Esper Th.*

Юрий, сын Симеона Лугвения Ольгердовича 64

Юрий Васильевич, князь, сын Василия Васильевича Темного, вел. князя Московского 132

Юрий Данилович, князь 58
Юрий Филиппович, псковский посадник 42

Юрьенс И. И. 142
Ючас М. А. 38

Ягайло, вел. князь Литовский, польский король с 1386 г. 26, 44, 48

Ягелло см. Ягайло
Ягеллоны 209, 216, 318

Ядвига, польская королева 26
Языков Леонтий Олфериевич, псковский боярин 240

Яков, русский пушечный мастер 163
Яков Дмитриевич, новгородец 57
Яков Захарьевич, новгородский наместник 265

Ян-Ольбрахт (Альбрехт), польский король 221

Янин В. Л. 139, 140
Янов Темка, воевода 222
Ярослав Васильевич Оболенский, князь, воевода 162
Ярослав Всеволодович, вел. князь Владимирский 142
Ярослав Ярославич, вел. князь Тверской 116

Angermann N. 139
Arbusow L. см. Арбузов Л. А.
Attman A. 13

Benninghoven F. 20, 286
Bonnel E. 5, 79, 80
Brandt A. 28

Cosack H. 12, 64, 156—158, 163, 164, 166, 171—173, 175, 176, 180, 195, 234, 235, 261, 273

Daenell E. 9, 10, 101, 102, 118, 261

Esper Th. 13

Forstreuter K. 208
Fritze K. 111, 128, 343

Goetz L. 10, 11, 78—80, 85, 117, 124, 180, 261, 266, 267, 323

Hansen, G. v. 286
Hausmann R. 9, 102
Hildebrand H. 6, 9, 163, 164, 175
Hollihn G. 118

Johansen P. 11, 12, 286

Kentmann R. 13, 14, 216, 217, 219, 229, 234, 249—251, 298, 317, 318
Kirchner W. 13

Langer H. 128
Lenz W. 212, 213, 234
Lübden A. 93

Nittemaa V. 329
Nottebeck E. 296

Osten-Sacken P. 9, 12, 38, 51, 54, 60,
78, 82, 92, 98, 99, 116
Otto R. 286

Riesenkampf N. G. 4, 5

Sartorius G. F. 5, 7, 31
Sattler C. 83
Schiemann T. 60, 63, 234
Schildhauer J. 128, 343
Schiller W. 93
Schirren C. 20
Schlüter W. 6, 9, 24, 33

Schulz F. 200, 337
Seraphim E. 145
Spading K. 128
Stark W. 128, 343
Stavenhagen O. 145
Stern C. 12, 14, 28, 130, 131, 133, 134,
137, 138, 140, 142, 145, 146, 157,
234, 256, 286, 287
Svensson S. 13, 241, 249, 250

Uebersberger H. 172

Vegesack S. 12, 205, 273, 275, 278
Vollbehr F. 118

Winckler A. 9

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Або (Турку), г. 102, 103, 118
 Адзель, замок 225
 Англия 9, 14, 83, 128, 199, 200, 337, 343
 Атлантический океан 9
- Балтийское море 3, 4, 9, 12, 16, 29, 102—104, 111, 118, 128, 168, 200, 202, 203, 260, 261, 280, 302, 327—329, 337, 340
 Балтика 13, 15, 24, 111, 127, 192, 304, 337
 Берген, г. 28
 Березная волость 131
 Ботнический залив 203
 Бремен, г. 107, 262, 279
 Бреславль (Вроцлав), г. 279
 Брест, г. 59
 Бронницы, дер. 266
 Брюгге, г. 28, 86, 95, 96, 104, 118, 200
 Брянск, г. 242, 301
- Ваве, местечко 275, 303, 307, 319
 Валк (Валга), г. 59, 61, 74, 84, 86, 119, 121, 122, 181, 204, 206, 212—214, 217, 274, 294
 Варбек, замок 82
 Варшава, г. 279
 Ватикан 70, 208, 209, 215, 230
 Везенберг (Раквере), замок 67, 225, 226, 284
 Вейсенштейн (Пайде), замок, г. 226
 Великая, р. 40, 43, 44, 99, 133, 160
 Великие Луки, г. 41, 160
 Великий Новгород см. Новгород
 Великое княжество Литовское, Литва, 3, 17, 25, 26, 36—48, 52, 55, 59, 60, 63, 64, 69, 83, 88, 93, 103, 156, 179, 201—204, 213, 216—221, 227—229, 234—237, 242—247, 250, 256, 258, 259, 264, 274, 279, 280, 287, 293, 295, 297, 301, 302, 304, 306, 307, 314, 316, 318, 333, 335, 336, 340, 342
- Великое княжество Московское см. Москва
 Великое озеро см. Чудское озеро
 Велье, городок 44, 45, 231
 Вельяд см. Феллин
 Венгрия 37
 Венден (Цесис), замок, г. 54—57, 104, 108, 204, 219, 249, 251, 277—279, 286, 309, 318
 Венеция, г., республика 259, 279
 Верейский удел 129
 Вилькомир, г. 59, 63
 Вильно (Вильнюс), г. 26, 59, 219, 229, 279
 Вирландия (Вирумаа), область 50, 146, 147, 225—228
 Висби, г. 10, 29, 96, 98, 104, 108, 126
 Висла, р. 130
 Висмар, г. 104—106, 275
 Витебск, г. 287
 Вишлянская земля см. Ливония
 Владимирское великое княжество 25
- Вода, р. 157
 Володимирец, городок 132, 146
 Волхов, р. 70, 99
 Вольмар (Валмиера), г. 74, 119, 122, 123, 125, 126, 216, 227, 228, 234, 239, 244, 245, 297—299, 316, 317, 328
- Воо (Выханду), р. 134
 Вордлингборг, г. 128
 Вормс, г. 206, 208
 Воронач, городок 44
 Ворскла, р. 39
 Восточное Поморье 175, 274, 279
 Вотская земля 37, 38, 65, 66, 68, 74, 210, 211, 213
 Вотская пятина см. Вотская земля
 Выборг, замок, г. 55—57, 62, 68, 74, 98, 100—103, 108, 159, 202, 203, 295, 296, 302, 303
- Вышгородок, псковское деревянное укрепление 157, 158, 235
 Вязьма, г. 201

- Вятка, область 154
- Гамбург, г. 107
- Ганза, Ганзейский союз 3—5, 7—9, 11, 13—16, 18, 21—23, 25, 28, 29, 32, 33, 49, 60, 66, 70, 78, 79, 82—88, 96, 98, 99, 101—106, 108—113, 116—118, 120, 122—128, 159, 166, 171—173, 176, 178, 180, 182—194, 196, 197, 199, 204, 208, 214, 235, 241, 261, 262, 266, 267, 270, 273—275, 279, 282, 284, 287, 289—294, 297, 298, 300, 302—307, 309—315, 317, 318, 320—326, 329—337, 340—343
- Гаррия (Харьюмаа), область 50, 146, 147, 226—228
- Гдов, г. 158
- Гельмед (Хельме), замок 224—227, 233
- Германия 6, 27, 69, 70, 72, 74, 172, 175, 206—209, 214, 215, 230, 233, 259, 280, 315, 316, 318, 320, 321, 333, 335, 336
- Голштиния 111, 128
- Гомель, г. 242, 301
- Городец, дер. 146
- Гостинополье, местечко 31, 198
- Готланд, о. 5, 29—31, 78, 79, 81, 102—104, 271, 282, 329
- Готский берег см. Готланд
- Грюнвальд, местечко 46—48, 55
- Дания 14, 28, 29, 56, 103, 108, 111, 116, 127, 128, 200, 202, 210, 212, 214, 215, 270, 275, 303, 304, 336, 343
- Данциг (Гданьск), г. 63, 71, 78, 101, 103, 108, 109, 125, 126, 130, 159, 175, 206, 228, 274, 276, 279, 280, 293, 296, 302, 303, 305, 306
- Двинская земля 36, 40
- Демяничи, псковская волость 44
- Дерпт (Тарту), г. 6, 28, 60, 62, 63, 79—81, 83—85, 87—89, 91, 92, 94—98, 101, 102, 105, 107—112, 114, 117, 120, 126, 131—133, 135—143, 151—155, 158, 164, 165, 169, 171, 173, 174, 178, 181—183, 185, 186, 189, 191, 195—199, 212, 213, 222, 224, 225, 228, 238, 239, 243, 247, 257, 263, 266, 272, 274—277, 281, 284—287, 289—291, 294, 295, 297—300, 303, 305—307, 309, 310, 316, 317, 319, 320, 329, 330, 332, 333
- Дерптское епископство 14, 22, 27, 28, 41, 50—52, 55, 57, 60, 61, 75, 81, 129—131, 133, 134, 137, 142—144, 147, 149—154, 157, 158, 164, 165, 185, 206, 212, 224—228, 239, 240, 246, 254, 256, 257, 274, 289, 308, 311, 339
- Динабург (Даугавпилс), г. 60, 217
- Дмитров, г. 148
- Европа 7, 11, 28, 116, 128, 168, 202, 209, 333, 337
- Восточная 24, 26, 28, 39, 45, 110, 245, 342
- Западная 12, 13, 15, 17, 28, 35, 86, 110, 152, 248, 253, 255, 259, 262, 274, 292, 295, 304, 332, 342, 343
- Центральная 302, 336
- Южная 336
- Елец, г. 36
- Ервен, область 225
- Желачка, дер. 130—135, 137, 140, 154, 157, 235, 339
- Жмудь (Жемайтия), область 37, 44—47
- Завелицкое поле 160
- Завеличье, часть Пскова 160, 231, 232
- Залесье, псковская волость 44
- Западная Двина, р. 287
- Запсковье, часть Пскова 160
- Зест, г. 200
- Золотая Орда 156, 159
- Зуид, пролив 128
- Ивангород, г. 179, 203, 206, 210, 211, 224, 225, 230, 295, 303, 306, 317, 318, 337
- Ижора, р. 68
- Изборск, г. 41, 43, 78—80, 158, 160, 223, 231
- Ильмень, оз. 99
- Империя см. Германия
- Италия 269, 280
- Казань, Казанское ханство 154, 170, 194, 203
- Кальмар, г. 29
- Карелия 34, 202, 203
- Карельский Городок 25
- Карельский перешеек 111
- Каринтия 215
- Каркоуз см. Каркус
- Каркус (Каркси), замок 161, 162
- Кахова, р. 133
- Кельн, г. 29, 279
- Кенигсберг (ныне Калининград), г. 212, 220, 221, 229

- Кержали см. Керьел
 Керьел, область 134
 Кирьемпе (Кирумпя), замок 42, 45, 46, 51, 52, 227
 Кифгольм, о. 308
 Клитсар, о. 253
 Кобылий Городок, креп. 132, 133, 159
 Коложа, г. 41, 42
 Колпино, о. 133
 Кольвань см. Ревель
 Константинополь, г. 143
 Копенгаген, г. 96, 111, 214
 Копорье, г. 25, 70
 Кострома, г. 148
 Котельно, г. 41
 Кошкин Городок, креп. 44
 Красный Городок 145, 146, 148, 157, 231, 235
 Крымское ханство 250
 Куликово поле 24
 Курляндия 5, 59, 60, 63, 85, 130, 149
 Курляндское епископство 27, 41

 Ладога, г. 25
 Ладожское озеро 203
 Ландскрона, замок 70
 Латвия 6, 21, 324
 Лейциг, г. 279
 Ливония 4—6, 8, 9, 13—15, 18, 20—27, 34, 36, 37, 41, 42, 44, 46—50, 52, 54—69, 71, 72, 74—78, 80, 82, 83, 85, 86, 88, 89, 91, 96, 103—105, 107, 111—113, 116—122, 126, 129, 130, 137, 141, 143, 145—150, 153—159, 161—174, 177—179, 181—185, 187, 188, 193, 194, 199, 201, 204—222, 224—235, 237—248, 250—259, 264—268, 272, 273, 276, 278, 279, 283, 284, 286—290, 292—295, 297—301, 303, 305—310, 313—316, 318, 320, 323, 324, 328, 332—336, 338—340, 342
 Ливонский орден 3, 4, 7, 15, 16, 18, 19, 21, 22, 24, 26, 27, 36—41, 43—71, 73—75, 77, 83, 84, 87, 88, 93, 104, 105, 108, 120—122, 127, 130, 144—149, 153—156, 158, 159, 163, 164, 169—172, 174, 175, 178, 179, 181, 182, 184—186, 188, 190, 193, 201, 203, 205—213, 215—221, 224, 225, 227, 229, 230, 232—234, 241, 258, 259, 276, 277, 289, 293—295, 298, 301, 306, 314, 332, 338—340
 Лицдау, г. 209
 Литва см. Великое княжество Литовское
 Литва Западная см. Жмудь
 Лифляндия см. Ливония
 Лозговичское поле 43, 44

 Лондон, г. 28, 199
 Луга, р. 231
 Любек, г. 5, 10, 28, 30—32, 60, 61, 63, 68—70, 78, 79, 84—86, 88, 96—100, 102—108, 110, 112, 113, 116—119, 121—126, 128, 133, 159, 171, 181, 182, 187, 197, 200, 204, 207, 209, 212, 214—217, 271, 274, 275, 277—279, 281—284, 290, 293, 294, 296, 297, 299, 302, 303, 305—307, 309—311, 315—317, 320, 332

 Мариенбург (Алуксне), замок, область 28, 54, 225, 226
 Мекленбург 207
 Мемель (Клайпеда), г. 71, 231
 Модда см. Великая
 Москва, г., великое княжество 5, 11, 24, 25, 36, 40, 43, 46, 65, 124, 127, 129, 132, 143, 145, 147, 154—156, 158, 163, 172, 174, 175, 180, 181, 188—190, 192, 196, 197, 204, 217—219, 229, 234—239, 250, 261, 263, 266—269, 271, 273, 275—278, 293, 295, 297, 301, 303, 306, 315, 316, 318, 319, 332, 339
 Муром, г. 148

 Нарва, г. 18, 42, 47—49, 56—58, 61—63, 65, 67, 68, 71, 73—78, 80, 81, 89, 90, 98—101, 105, 111, 117, 120, 122, 126, 144, 145, 152, 153, 155, 166—168, 170, 171, 173—177, 179, 183—186, 188, 190, 199, 205—207, 209—213, 224—226, 228, 230, 231, 243, 247, 248, 253, 263, 264, 272, 274, 275, 279—290, 296, 297, 299, 300, 303, 305, 307, 309—311, 315—318
 Нарова, р. 17, 27, 28, 37, 44, 55—58, 67, 68, 71—76, 99, 100, 122, 131, 134, 146, 147, 166—168, 179, 183, 203, 210, 239, 240, 247, 251, 304, 308
 Нева, р. 35, 37, 68, 80, 81, 94, 95, 97, 99, 100, 102, 104—106, 108, 110, 118, 203, 274, 275, 296, 327
 Нейгаузен (Вастселийна), замок 72, 78, 133, 134
 Неман, р. 37
 Нидерланды 9, 14, 15, 128, 200
 Ниенгаузен см. Нейгаузен
 Ниенслот см. Ямгород
 Ниеншлот, замок 226
 Нижегородское княжество 36
 Новгород, г., республика 3—19, 21—26, 28—50, 54—118, 120—132, 144—147, 150, 152—156, 158, 163—167,

- 169—174, 176—178, 180—200, 202, 204—206, 210—214, 225, 231, 235, 237—241, 243, 244, 246—249, 251—253, 256, 258, 261—273, 275—282, 284, 285, 287—289, 292, 295, 297—300, 304, 306, 308, 309—320, 322—325, 327, 328, 330—332, 334—342
- Новгород Северский, г. 242
- Новгородская земля 17, 25, 29—31, 34, 35, 37, 44, 48, 56—58, 64, 65, 69—71, 76, 81, 106, 109, 169, 185, 189, 191, 196, 210, 221, 231, 248, 251, 308, 313, 322, 326—328, 330, 332
- Новогрудок, г. 229
- Новый Городок см. Ямгород
- Новый Городок немецкий см. Нейгаузен
- Норвегия 29, 200, 337
- Норовское, село 304
- Нотебург см. Орешек
- Нюрнберг, г. 279
- Озолица см. Пириссар
- Опочна, ручей 146
- Орден см. Ливонский орден
- Орешек (Петрокрепость), г. 25, 70
- Остероде, замок 208
- Остров, г. 41, 68, 146, 222—224
- Островцы, местечко 159
- Пернау (Пярну), г. 34, 85, 95, 96, 119, 121, 244, 274, 306, 307
- Пецкая губа 158
- Пириссар (Пийрисаар), о. 130—133, 157, 235, 239
- Плюса, р. 27
- Полонище, часть Пскова 160, 232
- Полоцк, г. 7, 35, 41, 96, 121, 229, 236, 283, 287
- Польна 26, 44, 46—48, 59, 63, 70, 103, 130, 172, 175, 208, 216, 218, 228, 229, 236, 237, 279, 280, 302, 314, 318, 332, 333, 335
- Померания 207
- Поморье 251
- Порх, г. 42
- Прибалтика 5, 6, 11, 12, 16, 17, 24, 39, 45, 52, 81, 86, 89, 91, 175, 245, 248, 250, 258, 295, 314, 338
- Восточная 46
- Пруссия 47, 64, 69—72, 74, 83, 85, 86, 101, 103, 104, 108, 121, 129, 130, 207, 208, 212, 214, 215, 218, 219, 229, 279, 296
- Псков, г., республика 3—5, 9, 13—15, 18, 19, 21, 22, 24—26, 28, 36—47, 49—55, 57, 60, 61, 65, 70, 72, 75, 77, 79, 87—89, 91—93, 95, 96, 99, 100, 105, 112, 118, 121, 122, 127, 135, 137, 139, 141, 142, 144, 145, 147—155, 158—165, 171, 175, 181, 184—186, 212—214, 217, 222, 224, 225, 227, 228, 231—235, 237—240, 244, 246, 253—258, 274, 284, 289, 292, 295, 297—299, 308—312, 318, 334, 338—341
- Псковская земля 18—21, 28, 38, 41—45, 56, 131, 133, 146, 151, 152, 158—160, 172, 221, 224, 228, 229, 231, 232, 254, 257, 308, 338, 339
- Псковская область см. Псковская земля
- Псковское озеро 27, 28, 146, 253
- Пурнау, архиепископская область 28, 157, 160, 171, 175, 235
- Разеборг, г. 99, 101, 102
- Рацянк, местечко 40
- Ревель (Таллин), г. 9, 28, 31, 34, 47—49, 56, 57, 60—63, 65—69, 74, 79, 84—86, 88—92, 94—102, 105, 107, 108, 111—114, 117, 120, 121, 126, 138, 152—155, 158, 159, 173, 174, 178, 182—186, 189, 191, 196—199, 204—207, 210—213, 224—227, 230, 231, 234, 238, 243, 247—249, 253, 261—263, 265—278, 280, 281, 283—292, 294, 296—300, 302, 303, 306—309, 312, 316—320, 329, 330, 332, 333, 336, 342
- Ревельское епископство 225, 227
- Ржев, г. 41
- Рига, г. 21, 27, 28, 34, 35, 47, 48, 50, 55, 58, 60, 79, 85, 86, 93, 94, 97, 105, 121, 123, 126, 138, 142, 148, 152, 153, 159, 163, 170, 171, 184, 185, 191, 197, 199, 213, 227, 247, 253, 272, 274, 276, 283—287, 289, 291, 294, 296, 309, 316, 317, 324, 329, 330, 332
- Рижское архиепископство 26—28, 146, 157, 212, 225
- Рим, г. 70, 71, 73, 143, 206—208, 269
- Розитген, замок 28, 230, 231
- Росопа, р. 304
- Россия см. Русское государство
- Ростов, г. 148
- Росток, г. 97, 104, 118
- Ротцен, замок 73, 74
- Ругодив см. Нарва
- Русские земли см. Русское государство
- Русский замок см. Ивангород
- Русское государство, Россия, Русь, Русские земли 3—5, 7—11, 13—

- 19, 21—25, 29, 31, 32, 36, 38, 39, 46, 47, 61, 65, 77, 84—86, 98, 99, 101, 103, 113, 119, 120, 122, 127—129, 141—143, 145, 146, 150, 153, 154, 156, 158—163, 166, 169—172, 174, 177, 179, 180, 182, 184, 185, 188, 189, 193, 194, 200—204, 209, 210, 212—217, 220—223, 227—231, 234—237, 239, 241—251, 253, 255—262, 270, 273, 275, 276, 278—280, 286, 289, 292, 293, 295, 297—307, 309, 311, 313—318, 320, 321, 323—325, 327—329, 332—343
- Русь см. Русское государство
- Рязанское великое княжество см. Рязань
- Рязань, г., великое княжество 24, 180
- Саволак, карельский погост 202
- Салин, о. 37
- Свента, р. 59
- Священная Римская империя германской нации см. Германия
- Северное море 9, 103
- Северская Украина см. Чернигово-Северская земля
- Серица, р. 19, 20, 223, 224
- Свияга, р. 145, 231
- Скамья, дер. 134
- Скандинавия 202
- Скандинавский полуостров 29
- Смоленск, г. 19, 41, 234, 236, 242, 287, 329
- Смолин, оз. 232—234
- Соленое, «Солоное» море см. Финский залив
- Стокгольм, г. 100, 103
- Тарваст (Тарвасту), замок 162, 225
- Тверское великое княжество см. Тверь
- Тверь, г., великое княжество 24, 170, 180, 188
- Тевтонский орден 15, 23, 26, 31, 36, 37, 44, 46—48, 74, 83, 111, 130, 175, 205, 208, 213—216, 218, 229, 332
- Теплое озеро 27, 28, 132, 151
- Тиверский, городок 56
- Толова, область 142
- Тольсбург (Тоолсе), замок 225
- Торн (Торунь), г. 175, 279, 280
- Трикатец, замок 225
- Турция 230, 236
- Туховитичи, предместье Пскова 43
- Уве, местечко (?) 102
- Угра, р. 45, 159, 161, 162, 338
- Уза, р. 99
- Феллин (Вильянди), замок, г. 57, 81, 145, 161—163, 284, 286
- Финляндия 8, 100, 270
- Финский залив 27, 75, 76, 99, 102, 103, 167, 210, 239, 247, 328
- Фландрия 83, 86, 200
- Франкфурт-на-Майне, г. 279
- Франция 259
- Фрязская земля см. Италия
- Центральная Германия см. Германия
- Череха, р. 99
- Чернигов, г. 242
- Чернигово-Северская земля 242, 301
- Чудское озеро 27, 28, 57, 67, 99, 130, 132, 133, 151, 158, 167, 239, 240, 247, 253
- Чючкое озеро см. Чудское озеро
- Швеция 7, 8, 16, 25, 29, 48, 56, 64, 69, 72, 85, 86, 100, 103, 104, 108, 109, 121, 155, 166, 190, 202, 203, 208—211, 214, 228, 250, 261, 270, 278, 314, 323, 333, 334, 337
- Шелонская пятина 304
- Шелонь, р. 99, 126
- Шлезвиг 111
- Шотландия 303
- Штральзунд, г. 29, 96, 104, 105
- Ызборск см. Изборск
- Эзельское епископство 27
- Эйрена, карельский погост 202
- Эмбах (Эмайги), р. 82, 134, 158, 254
- Эстляндия см. Эстония
- Эстония 59, 60, 63, 130, 149, 215, 227
- Юрьев см. Дерпт
- Юрьевская земля см. Дерптское епископство
- Язвин см. Порх
- Ямгород (ныне Кингисепп), г. 49, 62, 65, 67, 68, 70, 74, 77, 177, 230
- Якис, карельский погост 202

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3—35
Литература и источники (с. 4). — Международные отношения в Восточной Европе и на Балтике в конце XIV в. и русско-ганзейская торговля (с. 24).	
Глава I. Русско-ливонские отношения в конце XIV—первой половине XV в.	36—77
Салинский договор и война Ливонского ордена с Псковом 1406—1409 гг. (с. 36). — Стабилизация отношений Новгородца и Пскова с Ливонией после Грюнвальдской битвы (с. 46). — Русско-ливонские отношения в 20—30-х годах XV в. (с. 59). — Война Ордена с Новгородом 1443—1449 гг. и договор 1448 г. (с. 62).	
Глава II. Русско-ганзейские отношения с конца XIV до 70-х годов XV в.	78—128
Нибуров мир 1392 г. (с. 78). — Ганза и Новгород на рубеже XIV—XV вв. (с. 82). — Стремление Новгорода и Пскова в начале XV в. к установлению равных условий торговли с ганзейцами (с. 87). — «Чистый путь за море» — требование новгородцев в 20—30-х годах XV в. (с. 101). — Начало упадка немецкого двора в Новгороде и рост торговли новгородцев в Ливонии (с. 116). — Война Ордена с Новгородом 1443—1448 гг. и русско-ганзейская торговля (с. 120). — Новгородско-ганзейские отношения в 50-х—начале 70-х годов XV в. (с. 123).	
Глава III. Русско-ливонские отношения во второй половине XV в.	129—179
Война между Дерптским епископством и Псковом 1458—1463 гг. и договор 1463 г. (с. 129). — Сближение Новгорода с Ливонским орденом в 60-х—начале 70-х годов XV в. (с. 144). — Договоры Пскова с Ливонским орденом и Дерптским епископством 1474 г. (с. 147). — Русско-ливонская война 1480—1481 гг. и договоры 1481 г. (с. 154). — Русско-ливонские договоры 1493 г. (с. 170).	
Глава IV. Русско-ганзейские отношения в последней трети XV в.	180—200
Русско-ганзейские отношения после присоединения Новгорода к Великому княжеству Московскому (с. 180). — Русско-ганзейские переговоры и договор 1487 г. (с. 182). — Изменение условий торговли ганзейцев в Новгороде в конце 80-х—начале 90-х годов XV в. (с. 195).	
Глава V. Русско-ливонские отношения в конце XV—начале XVI в.	201—260
Дипломатическая подготовка Ливонским орденом русско-ливонской войны 1501—1503 гг. (с. 201). — Русско-ливонская война 1501—1503 гг. (с. 221). — Перемирие 1503 г. (с. 234). — Русско-ливонские договоры 1509 г. (с. 242).	

Глава VI. Русско-ганзейские отношения в конце XV—начале XVI в. 261—337

Закрытие ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. (с. 261).— Русско-ганзейский конфликт и посольства ливонского магистра в Россию в 1494—1497 гг. (с. 273). Русско-ганзейские переговоры в Парве в 1498 г. (с. 283).— Разрыв торговых сношений между Россией и Ганзой в связи с русско-ливонской войной 1501—1503 гг. и вопрос об их восстановлении в 1503—1509 гг. (с. 293).— Русско-ганзейские переговоры 1510 г. (с. 310).— Новгородско-ганзейский договор 1514 г. (с. 315).

Заключение	338—343
Список сокращений	344
Именной указатель	345
Географический указатель	352

Наталья Александровна
К а з а к о в а
РУССКО-ЛИВОНСКИЕ И РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
КОНЕЦ XIV—НАЧАЛО XVI в.

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории
СССР Академии наук СССР*

Редактор издательства *Р. К. Пазгле*
Художник *И. П. Кошаровский*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Ф. Я. Петрова, В. И. Пузиков*
и *Л. Я. Комм*

Сдано в набор 8/IV 1975 г. Подписано к печати
22/VIII 1975 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бу-
мага № 2. Печ. л. 22¹/₂ = 22,5 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 26,57. Изд. № 5860. Тип. зак. № 258.
М-04378. Тираж 2300. Цена 1 р. 34 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука».
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1
1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
32	9 сверху	наддачи (urgift)	«наддачи» (urgift) —
60	16 снизу	1886	1887
93	2 »	Schiller W. u. Lübben A.	Schiller K. u. Lübben A.
101	18—19 сверху	минуя посредниче- ство	не только при посредничестве
183	8 снизу	so der	so de
183	5 »	butten	buten
218	3 »	uninascijusque	uniuscujusque
234	7 »	1888	1887
351	правый стлб., 1 снизу	Lübben A.	Lübben A.
352	левый стлб., 2 сверху	Nottebeck E.	Nottbeck E.
352	левый стлб., 3 снизу	Schiller W.	Schiller K.
358	12 сверху	1443—1449 гг.	1443—1448 гг.

ЗАПАДНЫЕ РУССКИЕ ЗЕМЛИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

в конце XV — начале XVI в.